ДЖЕЙН ОСТИН

Она устраивает счастье других, спасаясь от скуки, и только не чудо заставляет ее задуматься над собственной участью...

ЭММА

BLOCKBUSTER

Эмма
Джейн Остен

Аннотация
Джейн Остин. Эмма
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20

Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35
Глава 36
Глава 37
Глава 38
Глава 39
Глава 40
Глава 41
Глава 42
Глава 43
Глава 44
Глава 45
Глава 46

Глава 47
Глава 48
Глава 49
Глава 50
Глава 51
Глава 52
Глава 53
Глава 54
Глава 55
Очарование старомодной повседневности

Аннотация

Эмма Вудхаус, красивая, умная и самонадеянная особа, уверена, что замуж не выйдет никогда. Ей веселее и приятнее обустраивать личное счастье близких людей, и на это у нее, по ее собственному глубокому убеждению, есть особый дар. Свояк и добрый друг Вудхаусов мистер Найтли не одобряет пристрастий девушки, но Эмма все же берется устроить брак своей новой подруги Харриет Смит и викария мистера Элтона…

Джейн Остин
Эмма

Глава 1

Эмма Вудхаус, красавица, счастливейшая обладательница незаурядного ума и наследница порядочного состояния и уютного дома, казалось, объединяет в себе все лучшие дары земного существования. Почти двадцать один год прожила она на свете, не ведая ни тревог, ни серьезных огорчений.

Младшая из двух дочерей самого любящего и нежного отца, вследствие замужества старшей сестры она с весьма юного возраста стала в отчем доме хозяйкой. Мать ее умерла так давно, что о ней у Эммы сохранились лишь неясные теплые воспоминания. Место матери в ее жизни заняла гувернантка — такая добрая и преданная, что любовь ее лишь немногим уступала любви родной матери.

Шестнадцать лет провела мисс Тейлор в семействе мистера Вудхауса; она стала для его дочерей скорее не гувернанткой, а подругой и очень любила обеих, но особенно Эмму. Между нею и Эммой установились по-настоящему сестринские отношения. По мягкости характера мисс

Тейлор почти ни в чем не ограничивала свою любимицу; и, так как строгость проявлять было ни к чему, гувернантка с воспитанницей жили очень дружно, в атмосфере взаимного обожания; при этом Эмма поступала как ее душе было угодно. Она высоко ставила оценки и суждения мисс Тейлор, но руководствовалась в основном своими собственными.

Для Эммы, в ее положении, опасность таилась в чрезмерной самонадеянности и привычке считать себя выше других. Подобные черты характера грозили омрачить ей существование в будущем. Однако пока угроза была столь призрачна, что заблуждения девушки никто не счел бы недостатками.

И тут случилось несчастье — правда, несчастьем такое событие назвать трудно, однако оно нарушило весь ее прежний уклад. Мисс Тейлор вышла замуж. Эмму впервые кольнула тревога. Ей предстояло потерять любимого друга! В день свадьбы мисс Тейлор девушку терзали мрачные предчувствия. После венчания молодые уехали, и Эмме с отцом предстояло обедать вдвоем, безо всякой надежды на то, что кто-то третий скрасит собой длинный вечер. Батюшка, как обычно, прилег поспать после обеда, а Эмме заняться было

нечем — оставалось лишь сидеть и горевать о своей утрате.

Для ее друга сие важное событие не предвещало ничего, кроме счастья. Мистер Уэстон — превосходный человек, обладатель безупречных манер и к тому же легкого нрава; и возраст у него как раз подходящий. Эмма находила некоторое утешение в том, что она самозабвенно, можно сказать, упоенно желала этого брака и всячески способствовала ему; однако счастье подруги омрачило ее существование. Ей будет так недоставать мисс Тейлор — ежедневно и ежечасно! Все шестнадцать лет, которые мисс Тейлор провела в их доме, она была по отношению к воспитаннице просто ангелом доброты — доброты и преданности; она учила ее и была ее неизменной спутницей в играх, начиная с ее, Эммы, пятилетнего возраста; она не жалела сил ради укрепления здоровья и душевного равновесия своей подопечной, нянчилась с нею во время всех ее детских болезней. За это Эмма испытывала по отношению к мисс Тейлор огромную признательность; но еще трепетные, драгоценнее и нежнее были воспоминания о чудной дружбе последних семи лет, общении «на равной ноге», об отношениях, полных высшей откровенности, которые

украшали ее жизнь после замужества Изабеллы, когда они с мисс Тейлор остались вдвоем. Такой подругой и наперсницей, как мисс Тейлор, могут похвастаться немногие: умная, начитанная, покладистая, мягкая, знающая все обычаи семьи, она принимала близко к сердцу все семейные заботы, одновременно потворствуя Эмме во всех ее развлечениях, планах и замыслах. Ей Эмма, не задумываясь, с легкостью поверяла все свои мысли; мисс Тейлор горячо любила ее и не признавала за своей воспитанницей ни одного изъяна.

Как-то она перенесет перемену? Правда, ее подруга будет жить всего в полумиле от них; но Эмма прекрасно сознавала, сколь велико различие между миссис Уэстон «всего в полумиле» и мисс Тейлор в доме; несмотря на все преимущества, полученные по праву рождения и воспитания, Эмма рисковала остаться в интеллектуальном одиночестве. Отца своего она нежно любила, однако он ей не компания. Он не в состоянии стать ее собеседником и наперсником.

Так как мистер Вудхаус женился немолодым, их с дочерью разделяла большая разница в возрасте, подкрепляемая его сложением и привычками: будучи всю жизнь болезненным и мнительным, не упражняя ни ум, ни тело, он казался старше

своих лет. И хотя все любили его за добродушие и гостеприимство, он, что называется, не блистал никакими особыми талантами.

С сестрой, которая, выйдя замуж, жила относительно недалеко — Лондон находился всего в шестнадцати милях, — видеться ежедневно было все же затруднительно. Как много унылых, длинных осенних вечеров отделяло Хартфилд от Рождества и очередного визита Изабеллы с мужем и малыми детьми! Лишь с их приездом дом снова наполнится шумом и весельем.

В Хайбери, крупном и многолюдном селении (его с натяжкой даже можно назвать городком), к которому по праву принадлежало поместье Вудхаусов, Хартфилд, несмотря на то, что оно располагалось несколько в стороне, для Эммы не находилось никого равного. Семейство Вудхаус считалось здесь первым по положению. На них смотрели снизу вверх. У Эммы в родных краях было множество знакомых, ибо ее отец привечал всех без исключения; но никто не был в состоянии заменить для нее мисс Тейлор хотя бы на полдня. Да, невеселые ее ждут времена! Эмме оставалось лишь вздыхать и мечтать о несбыточном, пока не проснется отец и не придется снова притворяться веселой. Его дух нуждался в поддержке.

Он был человеком нервным и легко впадал в уныние; он любил всех, к кому привык, и тяжело переносил утраты; он вообще не выносил никаких перемен. А так как замужество мисс Тейлор явилось причиной перемен, оно было ему крайне не по душе. Даже с замужеством старшей дочери мистер Вудхаус до сих пор не смирился и говорил о ней не иначе как с сочувствием, хотя Изабелла вышла замуж исключительно по любви. А теперь его разлучили и с мисс Тейлор! Будучи по натуре эгоистом, он и мысли не допускал о том, что у других могут быть иные, отличные от его собственных, чувства и желания, и склонен был предположить, что мисс Тейлор не только их огорчила своим замужеством, но и сама горько раскаивается в содеянном и что она была бы не в пример счастливее, если бы до конца дней своих оставалась в Хартфилде. Эмма изо всех сил улыбалась и старалась веселой болтовней отвлекать отца от подобных мыслей; но, когда подали чай, он снова не удержался:

— Бедняжка мисс Тейлор! Жаль, что ее с нами нет. Ах, вот бы им с мистером Уэстоном вообще не встречаться!

— Папа, я не могу согласиться с вами; вы прекрасно это знаете. Мистер Уэстон — замечатель-

ный человек, милый, добрый; он, несомненно, заслуживает хорошей жены; кроме того, мисс Тейлор куда лучше быть хозяйкой в собственном доме, чем постоянно жить с нами и сносить все мои странности и капризы!

— Собственный дом! Что же в нем хорошего, в собственном-то доме? Наш дом втрое больше. А у тебя, милая, в жизни не было никаких странностей.

— Вы только представьте себе, как часто будем мы ездить к ним в гости и как часто они станут навещать нас! Мы словно и не будем разлучаться! Но начать следует нам. Мы в самом ближайшем времени должны нанести молодоженам первый визит.

— Дорогая моя, как же я пойду? Рэндаллс так далеко отсюда. Я и половины пути не одолею.

— Папа, но никто и не заставляет вас идти пешком! Разумеется, мы отправимся в карете.

— В карете? Джеймс будет против — гонять лошадей ради такой малости! И потом, куда он их поставит, пока мы будем в гостях?

— Папа, их отведут на конюшню к мистеру Уэстону. Ведь мы уже обо всем договорились! Вчера вечером мы подробно обсудили наш визит с мистером Уэстоном. А Джеймс… за него можете

не волноваться: в Рэндаллс он всегда поедет с радостью, ведь его дочь служит там горничной. Куда-куда, а в Рэндаллс… Кстати, папочка, это ваша заслуга. Это вы пристроили Ханну на такое хорошее место. Ник-то и не думал о ней, пока вы не вспомнили. Джеймс вам так благодарен!

— Я очень рад, что вовремя вспомнил о ней. Весьма кстати, так как мне не хотелось бы, чтобы бедный Джеймс решил, будто о нем забыли. Уверен, из нее выйдет отличная прислуга. Девушка она воспитанная, учтивая, услужливая. Я о ней весьма высокого мнения. Когда бы я ее ни повстречал, всегда сделает книксен и так вежливо поздоровается; а когда ты вызываешь ее сюда, чтобы повышивать вместе, то она, как я заметил, никогда не хлопает дверью, а тихонько прикрывает ее за собой. Я уверен: из нее выйдет отличная горничная. И мисс Тейлор какая радость — видеть рядом с собой лицо, знакомое по прежней жизни. Знаешь, всякий раз, как Джеймс придет навестить дочь, она будет узнавать о нас. Он сумеет рассказать ей о нашем житье-бытье.

Эмма, не жалея усилий, поддерживала его мысли в новом, счастливом направлении; она надеялась, что игра в триктрак окончательно успокоит батюшку и ей не придется волноваться

за его самочувствие. Уже внесли столик для игры, однако немедленно после этого в комнату вошел гость, и карты стали не нужны.

Мистер Найтли, рассудительный тридцатисеми– или тридцативосьмилетний мужчина, не только был старинным и добрым другом дома, но и состоял с Вудхаусами в свойстве, так как приходился мужу Изабеллы старшим братом. Он жил примерно в миле от Хайбери, часто навещал их и всегда был в Хартфилде желанным гостем; на сей раз визит его пришелся особенно кстати, так как он явился прямо из Лондона, от их общей родни. Он отсутствовал несколько дней, вернулся домой совсем недавно и, отобедав, сразу пошел в Хартфилд — порадовать их вестью, что на Бранзуик-сквер все в добром здравии. Он пришел как нельзя более вовремя и на некоторое время целиком занял внимание мистера Вудхауса, на которого благотворно действовали живость и деловитость мистера Найтли; на многочисленные расспросы о «бедняжке Изабелле» и детках гость отвечал самым похвальным образом. Когда с расспросами было покончено, мистер Вудхаус поспешил поблагодарить дорогого друга:

— Очень любезно с вашей стороны, мистер Найтли, прийти к нам с вестями в столь поздний

час. Боюсь, прогулка вас утомила?

— Вовсе нет, сэр! Стоит чудесная лунная ночь, и к тому же так тепло, что я вынужден держаться подальше от вашего камина — он слишком жарко натоплен.

— Но дорога, должно быть, очень сырая и грязная. Боюсь, как бы вы не простудились!

— Грязная, сэр? Взгляните на мои туфли. На них ни пятнышка!

— Ну, вот это поистине удивительно! Вспомните, дожди шли беспрерывно. Пока мы завтракали, лило как из ведра. Я даже хотел, чтобы венчание отложили.

— Кстати… я еще не поздравил вас с радостным событием! Хорошо сознавая, какого рода чувства испытываете вы оба, я не спешил; но, надеюсь, все сошло сносно. Как прошло бракосочетание? Кто больше всех плакал?

— Ах! Бедная мисс Тейлор! Как печально!

— Позвольте вас поправить: бедные мистер и мисс Вудхаус; мисс Тейлор же ни в коем случае нельзя назвать «бедной». Я очень высоко ценю и вас, и Эмму, однако независимость, поверьте, куда ценнее! Как бы там ни было, одному угождать гораздо проще, чем двоим.

— Особенно когда один или одна из этих двоих

такое капризное и беспокойное создание! — лукаво заметила Эмма. — Я понимаю, куда вы клоните; не будь здесь батюшки, вы бы выражались яснее.

— Наверное, дорогая моя, так оно и есть, — со вздохом вымолвил мистер Вудхаус. — Боюсь, иногда я бываю очень капризен и несносен.

— Милый папочка! Неужели вы вообразили, будто я или мистер Найтли имеем в виду вас? Ничего подобного! Разумеется, я имела в виду одну лишь себя. Мистеру Найтли нравится выискивать во мне недостатки, знаете ли, — в шутку, конечно! Мы с ним всегда говорим друг другу все, что думаем.

На самом деле мистер Найтли был одним из тех немногих, кто видел в Эмме Вудхаус недостатки, и единственным человеком, который говорил ей о них; и, несмотря на то, что Эмме его замечания были не слишком-то по душе, она понимала, что отцу ее такие замечания понравятся куда меньше. Мистер Вудхаус и помыслить не мог о том, что кто-то не считает его Эмму совершенством.

— Эмма знает, что я никогда ей не льщу, — сказал мистер Найтли, — но я не собирался никого порицать. Мисс Тейлор привыкла угождать двоим; теперь у нее будет одна забота. Скорее всего,

она останется в выигрыше.

Эмма поспешила переменить тему:

— Вы спрашивали, как прошло венчание, и я с радостью вам расскажу, потому что мы все вели себя просто безупречно. Все были пунктуальны, никто не опоздал, все такие нарядные. Никто не проронил ни слезинки, и не было видно ни одного вытянутого лица. О нет! Мы ни на секунду не забывали, что будем жить по соседству, всего за полмили друг от друга. Мы уверены, что будем видеться ежедневно.

— Милая Эмма так стойко переносит утрату, — добавил ее отец. — Но, мистер Найтли, поверьте, для нее замужество бедной мисс Тейлор — большой удар. Вот увидите, она будет скучать по ней больше, чем ей кажется сейчас.

Эмма отвернулась и улыбнулась сквозь слезы.

— По такому товарищу невозможно не скучать, — согласился мистер Найтли. — Мы бы не любили ее столь горячо, сэр, если бы можно было предположить, будто мы легко смиримся с утратой. Однако Эмма осознает все преимущества брака для мисс Тейлор; она понимает, сколь отрадно для мисс Тейлор в ее годы обзавестись собственным домом и сколь важно для нее быть уверенной в том, что семья ее надлежащим обра-

зом обеспечена. Следовательно, Эмма не может позволить себе сокрушаться о судьбе подруги. Всем друзьям мисс Тейлор стоит порадоваться, что она так удачно вышла замуж.

— Вы позабыли, что у меня есть еще один повод для радости, — сказала Эмма, — причем весьма существенный! Ведь я сама свела их, я, можно сказать, устроила эту свадьбу. Вспомните: я задумала сосватать их еще четыре года назад. И я добилась успеха и доказала всем, что я права, несмотря на то, что многие уверяли, будто мистер Уэстон ни за что не женится вторично. Такой успех способен утешить кого угодно и перевесить все потери.

В ответ на ее слова мистер Найтли лишь покачал головой. Мистер же Вудхаус добродушно заметил:

— Ах, дорогая моя, пожалуйста, не устраивай больше ничьих свадеб и не занимайся предсказаниями. Что бы ты ни сказала, все почему-то сбывается. Умоляю, не надо больше никаких свадеб!

— Папочка, обещаю, что не буду устраивать свадьбы для себя; но я чувствую, что устраивать судьбу других — мое призвание. Веселее и приятнее этого ничего нет на свете! И потом, после такого успеха… Все как один уверяли меня, что

мистер Уэстон ни за что не женится во второй раз. О, что вы! Никогда! Мистер Уэстон так долго жил вдовцом, что привык к своему положению; ему даже удобно жить без жены, ведь он постоянно занят: то дела в городе, то гостит здесь у друзей; он желанный гость в любом доме, он всегда весел и бодр… Буквально каждый день его ждет приглашение отобедать или отужинать в гостях. О нет! Конечно, мистер Уэстон больше не женится. Поговаривали даже об обещании не жениться вторично, которое он якобы дал жене, лежащей на смертном одре, а другие — о том, что жениться ему не позволят его сын и зять. Чего только не выдумывали по этому поводу, но я ничему не верила. Четыре года назад мы с мисс Тейлор случайно столкнулись с ним на Бродвей-Лейн. Тут начался дождь, и он стрелой умчался на ферму Митчеллов, чтобы раздобыть для нас два зонтика… и я отринула все сомнения. С того самого часа замыслила я поженить их; и раз мне в этом деле сопутствовал такой успех, то вам, милый папочка, придется смириться с тем, что я не оставлю мысли о сватовстве.

— Не понимаю, что вы имеете в виду, говоря об «успехе», — заметил мистер Найтли. — Успех предполагает определенные усилия. Вы же по-

тратили четыре года на то, чтобы потихоньку устроить их брак. Нечего сказать, стоящее занятие для ума молодой девицы! Но если, как я сильно подозреваю, ваше так называемое сватовство заключалось лишь в том, что вы в один прекрасный день, когда вам нечем было заняться, сказали себе: «Как было бы хорошо для мисс Тейлор, если бы мистер Уэстон на ней женился!» — и повторяли потом это себе время от времени, то к чему толковать об успехе? В чем ваша заслуга? Чем тут гордиться? Вы просто удачно предвидели будущее, и более говорить не о чем.

— А разве вам неведома радость оттого, что ваша догадка оказалась удачной? Если нет, мне жаль вас. Я считала вас мудрее, потому что, поверьте мне, чтобы удачно предвидеть будущее, одного везения мало. Для такого рода предчувствий и догадок всегда нужен некий талант. А что касается моего неудачного выражения, к которому вы прицепились, то не знаю, почему я не имею права говорить о своем успехе. Вы тут нарисовали две прелестные картинки, но мне кажется, здесь уместна и третья — нечто среднее между ничегонеделанием и приложением всех сил. Если бы я не поощряла мистера Уэстона чаще приходить к нам, если бы не побуждала его к дей-

ствию и не сглаживала мелких недоразумений, то, в конце концов, из моего замысла вполне могло ничего не получиться. Полагаю, вы достаточно знакомы с Хартфилдом, чтобы понять это.

— Такого прямого и откровенного человека, как Уэстон, и такую разумную и искреннюю женщину, как мисс Тейлор, вполне можно было предоставить самим себе: они бы и без вас прекрасно поладили. Вмешавшись в их дела, вы, скорее всего, больше напортили себе, чем помогли им.

— Эмма никогда не думает о себе, когда речь заходит о помощи ближним, — вмешался мистер Вудхаус, который понял смысл их разговора лишь отчасти. — Но, милая моя, пообещай, что не станешь больше устраивать ничьих свадеб! Свадьбы — глупое занятие, и вдобавок они разрушают семейный круг.

— Папочка, еще одну свадьбу я устрою — необходимо устроить судьбу мистера Элтона. Бедный мистер Элтон! Вам он нравится, папа, и я должна подыскать ему жену. В Хайбери нет никого, кто был бы достоин его, а он пробыл у нас уже целый год и так уютно обставил свой домик, что просто позор ему дальше оставаться холостяком. Когда сегодня он соединял руки новобрачных, у

него был такой вид, словно он сам хотел, чтобы кто-то совершил над ним этот добрый обряд! Я очень высоко ценю мистера Элтона; устроить же его судьбу — единственный способ оказать ему услугу.

— Мистер Элтон и правда очень славный молодой человек, весьма достойный; я очень его уважаю. Если ты, милая, хочешь выказать ему внимание, то пригласи его как-нибудь к нам отобедать. Так будет куда лучше. Осмелюсь предположить, что и мистеру Найтли приятно будет присоединиться к нам.

— С превеликим удовольствием, сэр, в любое время, — смеясь, подтвердил мистер Найтли. — Совершенно согласен с вами: так будет куда лучше. Пригласите его к обеду, Эмма, угостите его превосходной рыбой и цыпленком, но жену себе пусть он выбирает сам. Поверьте мне, мужчина в возрасте двадцати шести-двадцати семи лет вполне способен сам о себе позаботиться.

Глава 2

Мистер Уэстон был уроженцем Хайбери; он родился в почтенной семье, которая на протяжении последних двух или трех поколений возвысилась, разбогатела и вошла в круг местной знати. Он получил хорошее образование, но, рано унаследовав небольшое состояние, стал пренебрегать обыденными занятиями, в которых преуспели его братья; он нашел применение своему активному, живому уму и общественному нраву, вступив в созданную в ту пору милицию графства.

Капитан Уэстон стал всеобщим любимцем; и, когда, благодаря превратностям военной жизни, он познакомился с мисс Черчилль из знатной йоркширской семьи и мисс Черчилль влюбилась в него, никто не удивился, кроме ее брата и его жены, преисполненных гордыни и спеси. Они никогда не видели жениха и полагали, что подобный брак унизит и оскорбит их.

Однако поскольку мисс Черчилль, совершеннолетняя девица, которая могла сама распоряжаться своим состоянием, хоть и небольшим по сравнению с состоянием других членов семьи,

несмотря ни на какие уговоры, не собиралась отказываться от такой партии, то мистер Уэстон женился на ней, нанеся тем самым бесконечную обиду и унизив мистера и миссис Черчилль. Они прекратили с сестрой всякие отношения; внешние приличия, правда, соблюдались. Союз оказался неудачным и несчастливым. Должно быть, миссис Уэстон выиграла больше, ибо у нее был муж, чье мягкое сердце и добрый нрав побуждали его быть бесконечно благодарным жене за любовь; однако характер миссис Уэстон нельзя было назвать совершенным. У нее хватило решимости настоять на своем, невзирая на протесты брата, но не хватало духу не сокрушаться по поводу беспричинного гнева братца и не тосковать по роскоши родительского дома. Они жили на широкую ногу, однако куда им было до Энскума! Мужа она по-прежнему любила, но ей хотелось в одно и то же время быть женою капитана Уэстона и мисс Черчилль из поместья Энскум.

Со временем выяснилось, что капитану Уэстону, который, во многом благодаря стараниям Черчиллей, был убежден, что сделал блестящую партию, пришлось хуже всех. Когда после трех лет совместной жизни его жена скончалась, он оказался беднее, чем был до брака, да к тому же

остался с ребенком на руках. Однако от расходов, связанных с ребенком, он вскоре был избавлен. Мальчик стал своего рода искуплением греха матери, и так смягченного тяжестью ее продолжительной болезни; и поскольку у мистера и миссис Черчилль не было ни своих детей, ни иных юных родственников, о которых они могли бы заботиться, то вскоре после кончины миссис Уэстон они предложили принять на себя все заботы по воспитанию Фрэнка. Можно допустить, что овдовевший отец некоторое время колебался и испытывал угрызения совести; но их вскоре пересилили другие соображения. Ребенок вырос, окруженный заботой и богатством Черчиллей, и ему не о чем было беспокоиться, кроме как о собственном благополучии и процветании.

Вдовец понял, что ему пора в корне менять жизнь. Он вышел в отставку и занялся торговлей. Здесь для него были открыты все двери, так как братья его уже преуспели по торговой части в Лондоне. Заботы не слишком обременяли его. В Хайбери у него был домик, где он в основном и коротал часы досуга; следующие восемнадцать или двадцать лет жизни он провел беспечально, деля их между полезным занятием и приятным обществом. К тому времени он преумножил

свой капитал — теперь он стал достаточно богат для того, чтобы купить небольшое имение неподалеку от Хайбери, которое он давно мечтал приобрести, и даже для того, чтобы иметь возможность жениться на бесприданнице вроде мисс Тейлор, чтобы жить в полном соответствии с пожеланиями собственной дружелюбной и общительной натуры.

К этому моменту образ мисс Тейлор уже прочно поселился в его мыслях; так как он уже не был пылким юношей, нежные чувства не поколебали его решимости не обзаводиться семьею, покуда он не купит Рэндаллс (хотя четыре года назад о Рэндаллсе он мог лишь мечтать), но он непоколебимо шел своей дорогой, не упуская из виду ни одну из целей, пока ему не удалось осуществить все свои мечты. Он нажил состояние, купил дом и нашел жену; в его жизни начался новый, счастливейший период, какого он не знал доселе. Правда, он и прежде не был несчастлив — от этого его охранял его нрав даже в первом браке, — но второй брак должен был показать ему, как восхитительна может быть здравомыслящая и поистине добрая женщина; кроме того, второй брак, судя по всему, дал ему самое приятное доказательство того, что куда лучше выбирать, чем

быть избранным, вызывать благодарность, а не чувствовать ее.

Он мог выбирать себе жену, руководствуясь лишь собственным вкусом; состояние, которое он нажил, было его собственное; что же касается Фрэнка, то подразумевалось, что он воспитывается не просто как дядюшкин наследник: в семействе дяди его, можно сказать, усыновили, и решено было, что, достигнув совершеннолетия, он примет фамилию Черчилль. Посему казалось маловероятным, что Фрэнку когда-либо понадобится поддержка отца. Мистер Уэстон не волновался об участи сына. Тетка его была женщиной властной, своевольной и полностью подчинила своим прихотям мужа; однако в силу своего характера мистер Уэстон просто не в состоянии был себе представить, будто прихоть любого рода может быть настолько сильной, чтобы повлиять на дорогое ему существо — как он полагал, заслуженно дорогое. Он каждый год виделся с сыном в Лондоне и гордился им; и его добродушные отзывы о сыне как о весьма воспитанном молодом человеке заставляли жителей Хайбери также в некотором роде гордиться своим уроженцем. К нему относились особенно снисходительно именно из-за того, что считали своим,

и потому его достижения и достоинства ценили особенно высоко и широко обсуждали.

Мистер Фрэнк Черчилль стал для Хайбери своего рода достопримечательностью: всем не терпелось своими глазами посмотреть на него, хотя его самого, видимо, вовсе не тянуло на родину, ибо он ни разу в жизни — с детства — не был в Хайбери. Частенько поговаривали о том, что он собирается приехать к отцу, однако до сих пор ему все время что-то мешало.

Теперь, когда его отец женился, обитатели Хайбери не без оснований полагали, что сын обязан навестить отца и мачеху. И миссис Перри, попивая чай у миссис и мисс Бейтс, и миссис и мисс Бейтс в гостях у миссис Перри толковали об одном и том же. Настало время Фрэнку Черчиллю появиться в родных местах; надежда увидеть его окрепла, когда стало известно, что он написал мачехе поздравительное письмо по случаю ее бракосочетания с его отцом. Несколько дней кряду приезд Фрэнка становился главной темой для обсуждения во время всех утренних визитов.

— Полагаю, вы слышали о том, какое чудное письмо написал мистер Фрэнк Черчилль миссис Уэстон? Письмо просто восхитительное! Такое милое. Мне кое-что пересказал мистер Вудхаус.

Он читал письмо и говорит, что в жизни не видел такого чудесного послания.

Письмо и правда было в высшей степени ценным. Разумеется, у миссис Уэстон сложилось весьма лестное мнение о молодом человеке, написавшем его; и такое похвальное внимание — несомненное доказательство его добрейших намерений; письмо же от него стало тем самым драгоценным недостающим звеном, дополнившим собой и без того обильные и теплые поздравления и пожелания. Миссис Уэстон ощущала себя счастливейшей из женщин; благодаря своему жизненному опыту она еще больше ценила свое счастье. Лишь о разлуке с друзьями приходилось ей сожалеть. Она понимала, как горячо ее любят и как тяжело должны они переживать из-за того, что не могут видеться с ней ежечасно.

Она знала, что временами им очень ее недостает, и не могла без слез вспоминать о том, что с ее отъездом Эмма лишилась единственной отрады, что она часами тоскует, не зная, куда себя девать от скуки, и жаждет ее общества; но у ее милой Эммы сильный характер: она куда легче справляется с трудностями, чем большинство молодых девиц на ее месте. У нее достанет здравого смысла, энергии и силы духа, и можно надеяться, что

она с легкостью преодолеет неизбежные препятствия и горести. Кроме того, Рэндаллс отделяет от Хартфилда такое небольшое расстояние, что даже женщина легко может проделать весь путь пешком; весьма отрадно сознавать это. Благодаря же счастливому характеру и обстоятельствам жизни мистера Уэстона можно смело надеяться на то, что и зимой они смогут проводить почти каждый вечер вместе.

Миссис Уэстон, можно сказать, неустанно благодарила судьбу, сведшую ее с мистером Уэстоном, и лишь изредка — и очень недолго — она предавалась сожалениям. Но ее довольный, прямо-таки цветущий вид и бодрость духа так бросались в глаза и были столь уместны, что Эмма, как ни хорошо она знала своего отца, иногда приходила в замешательство: он по-прежнему продолжал жалеть «бедную мисс Тейлор», когда они оставляли ее в Рэндаллсе, в тепле и уюте домашнего очага, или смотрели ей вслед, когда преданный, любящий муж вел ее к собственной карете. Всякий раз после ее ухода мистер Вудхаус неизменно испускал легкий вздох и присовокуплял:

— Ах, бедняжка мисс Тейлор! Как ей, должно быть, хотелось остаться!

Однако мисс Тейлор ушла безвозвратно; сохранялся и повод сокрушаться о ней. Тем не менее спустя несколько недель мистер Вудхаус испытал некоторое облегчение. Соседи мало-помалу перестали изводить его поздравлениями по поводу столь горестного события; а свадебный пирог, ставший чуть не главной причиной его расстройства, был съеден без остатка. Желудок мистера Вудхауса не переносил ничего жирного и тяжелого, и он всерьез полагал, что так же обстоит дело и с другими. То, что вредно ему, не полезно и прочим; поэтому он искренне пытался убедить новобрачных вообще отказаться от свадебного пирога, а когда его увещевания пропали втуне, стал серьезно уговаривать гостей не есть его. Он даже взял на себя труд посоветоваться по сему поводу с аптекарем, мистером Перри. Мистер Перри слыл человеком умным и степенным; его частые визиты были отрадой для мистера Вудхауса. Будучи призван к ответу, он не мог не признать, хотя и нехотя, как могло показаться, что свадебный пирог, конечно, кое-кому не пойдет на пользу… от него, можно сказать, один вред, если поедать его неумеренно. Получив такую солидную поддержку, мистер Вудхаус с новыми силами принялся убеждать гостей не прика-

саться к пирогу; и, однако же, пирог поедали с удовольствием, и не было покоя великодушному сердцу мистера Вудхауса, пока пирог не доели до последней крошки.

В Хайбери прошел странный слух: будто бы видели, как все маленькие Перри объедались свадебным пирогом миссис Уэстон; но мистер Вудхаус наотрез отказывался верить подобной клевете.

Глава 3

Мистер Вудхаус был общителен — на свой лад. Ему очень нравилось, когда его навещали друзья; и, благодаря тому что он испокон веку жил в Хартфилде, имел добрый нрав, приличное состояние, дом и красавицу дочь, он даже стал своего рода главой собственного маленького кружка. Он не слишком интересовался жизнью семей, не входивших в «его» кружок; он испытывал ужас перед поздними возвращениями и многолюдными зваными обедами и ужинами и потому водил знакомство только с теми, кто соглашался приезжать к нему в гости на его условиях. К счастью для него, в Хайбери, включая Рэндаллс, относящийся к тому же приходу, и в обители мистера Найтли — Донуэлл-Эбби, или аббатстве Донуэлл в соседнем приходе, — все относились к нему с большим пониманием. Довольно часто, уступая настояниям Эммы, он приглашал некоторых лучших и избранных друзей отобедать; однако сам предпочитал видеть гостей за ужином, и, если только он не заявлял, что не в силах принимать никого, редко выдавался вечер, когда бы Эмма

не составляла для него партию за карточным столом.

Истинная и давнишняя привязанность приводила в дом к мистеру Вудхаусу Уэстонов и мистера Найтли; кроме того, здесь всегда были рады мистеру Элтону. Человек он был молодой, жил по соседству один; одиночество претило мистеру Вудхаусу, и потому мистер Элтон в любой день, когда решался сменить унылое одиночество на изысканное и приятное общество, мог рассчитывать на гостеприимство мистера Вудхауса и его очаровательной дочери.

Кроме этого, так сказать, первого круга гостей был и другой, более широкий, из которых самыми желанными гостьями были миссис и мисс Бейтс и миссис Годдард, три дамы, которых в Хартфилде почти всегда ждал теплый прием; за ними часто посылали карету, а после ужина отвозили их домой; при этом мистер Вудхаус не считал такую услугу в тягость ни Джеймсу, ни лошадям. Посылай он карету раз в год, он не уставал бы сокрушаться.

Миссис Бейтс, вдова бывшего приходского священника Хайбери, — почтенная старушка, для которой пребывание в гостях сводилось уже почти только к двум вещам: чаю и кадрили. Они

с дочерью жили очень скромно, но при этом были окружены всеобщей любовью и уважением, невзирая на стесненные обстоятельства. Как ни странно, дочь ее, несмотря на то, что она не могла похвастаться ни молодостью, ни красотой, ни богатством, ни мужем (она была не замужем), любили все соседи. Казалось бы, мисс Бейтс была приговорена во мнении света, так как не обладала ничем, что привлекало бы к ней людей; не блистала она и особым умом, благодаря которому ее предыдущие недостатки некоторым образом искуплялись бы или внушали невольное уважение тем, кто мог ее ненавидеть. Но и красотой, и умом мисс Бейтс природа тоже обделила. Юность ее пролетела незаметно, а зрелые годы проходили в хлопотах и заботах о стареющей матушке и стараниях хоть как-то свести концы с концами. И тем не менее она была счастлива; вдобавок окружающие отзывались о ней не иначе как с почтением. Вот какое чудо сотворили ее безграничное добродушие и покладистость характера. Она любила всех соседей, живо интересовалась их делами и преувеличивала их достоинства; себя почитала счастливейшим созданием, и, живя одним домом с обожающей ее матушкой, окруженная столь превосходными соседями и

друзьями, считала, что ей нечего больше желать. Ее простота и бодрость характера, покладистость и отзывчивость находили путь к сердцу всех ее знакомых и были источником счастья для нее самой. Она часами могла говорить о пустяках — эту черту особенно ценил в ней мистер Вудхаус; рассуждения и безобидные сплетни просто лились из нее потоком.

Миссис Годдард заведовала пансионом — не просто какой-то школой для девочек, не новомодным учебным заведением, которое, прикрываясь цветистыми фразами, применяло в воспитании юношества последние достижения вольнодумной мысли и новые методы образования (в них юные девицы за огромную плату лишались здоровья и приучались к тщеславию), нет, она руководила настоящим, честным, старомодным английским пансионом, в котором по сходной цене предлагался разумный набор занятий и куда родители без опаски сбывали дочерей, будучи уверенными в том, что девочки получат какие-никакие знания и, вернувшись домой, не станут презирать родителей за «отсталость». Пансион миссис Годдард пользовался — и вполне заслуженно — доброй славой; к тому же климат в Хайбери считался целебным для здоровья; под

пансион был отведен просторный дом с садом, кормили воспитанниц обильно, летом позволяли бегать и играть, сколько им заблагорассудится, а зимой хозяйка собственноручно лечила их от обморожения. Ничего нет удивительного в том, что теперь за нею в церковь следовали двадцать пар молодых девиц. Она была женщиной доброй, по-матерински заботливой; в юности ей пришлось напряженно работать, и теперь она считала, что иногда вполне вправе устроить себе выходной и отправиться в гости выпить чайку. Будучи многим обязанной в прошлом доброте мистера Вудхауса, она почитала за особую честь когда только возможно покидать свою уютную гостиную, увешанную образчиками рукоделия, и проводить вечер за карточной игрой у камина со стариком Вудхаусом, то выигрывая, то проигрывая несколько шестипенсовиков.

Вот каких гостей Эмма находила возможным собирать у себя в доме чаще всего; она радовалась их визитам главным образом из-за отца, ибо для нее ни одна из перечисленных дам не могла сравниться с миссис Уэстон. Ей приятно было видеть довольство батюшки и еще приятнее от сознания того, что она так ловко все устраивает; однако тихая скука, исходящая от трех почтенных женщин,

невольно наводила на мысли о том, сколько еще таких томительных длинных вечеров предстоит ей пережить…

Как-то утром, когда она сидела, привычно ожидая гостей и очередного тоскливого вечера, от миссис Годдард принесли записку, в которой та в самых почтительных выражениях осведомлялась, нельзя ли привести с собой мисс Смит; просьба пришлась как нельзя кстати. Мисс Смит, очень хорошенькая семнадцатилетняя девушка, была знакома Эмме лишь шапочно, и она давно хотела лично познакомиться с нею. Эмма ответила весьма изысканно составленным приглашением, и вечер больше не страшил очаровательную хозяйку Хартфилда.

Харриет Смит была чьей-то внебрачной дочерью. Несколько лет назад некто, оставшийся неизвестным, поместил ее в пансион миссис Годдард, а впоследствии она была переведена в разряд пансионерки, постоянно живущей в семье хозяйки пансиона. Вот и все, что было о ней известно. Близких друзей у нее не было, но в Хайбери ее принимали повсеместно; вот и теперь она только что вернулась из деревни, где гостила у своих однокашниц по пансиону.

Красота Харриет Смит относилась к тому типу,

который особенно привлекал Эмму. Блондинка невысокого роста, румяная, голубоглазая, с точеными чертами лица и ласковой улыбкой. Еще до конца вечера Эмма была очарована и манерами мисс Смит, и ее внешностью и преисполнилась решимости продолжать знакомство.

Судя по репликам мисс Смит, умом она не блистала, однако Эмма ее нашла весьма интересной особой — она напрочь была лишена неловкости и стеснительности, качеств, столь тягостных при первом знакомстве; она держалась просто и открыто, но в то же время ненавязчиво. И потом, она выказывала такую трогательную признательность за то, что ее пригласили в Хартфилд, и так безыскусно восторгалась великолепием обстановки, каждой вещью, настолько превосходящей то, к чему она привыкла, что Эмма нашла новую знакомую не лишенной здравого смысла и решила, что она заслуживает всяческого поощрения. Ее следует возвысить. Кроткие голубые глазки и вся природная прелесть мисс Смит не должны впустую растрачиваться на низшие слои общества Хайбери и его окрестностей. Знакомства, которые она уже успела завязать, не делают ей чести. Вот, например, те друзья, у которых она недавно гостила, — люди в своем роде порядоч-

ные; однако знакомство с ними, несомненно, ей вредит. Эмма наслышана была о семействе по фамилии Мартин, так как они арендовали большую ферму у мистера Найтли. Жили они в приходе Донуэлл, что делало им честь, как полагала Эмма, так как знала, что мистер Найтли о них весьма высокого мнения. Но они, скорее всего, люди грубые, неотесанные и совершенно не подходят в знакомые девушке, которой до совершенства недостает самой малости — учености и изысканности. Вот ей-то, Эмме, и следует обратить на это внимание, заняться воспитанием мисс Смит, она отдалит ее от прежних, неподходящих знакомых и введет ее в хорошее общество; она сформирует ее вкусы, суждения и манеры. Дело обещало быть интересным и, несомненно, добрым; такое занятие в высшей степени подходило Эмме, учитывая ее собственное положение, а также избыток свободного времени и сил.

Она столь самозабвенно восхищалась этими ласковыми голубыми глазками, говорила и слушала, строя между делом в голове различные планы, что вечер пролетел незаметно; и общий ужин, которым всегда завершались подобные вечера — обыкновенно она терпеливо просиживала за столом положенное время, молчала и кива-

ла, — был уже подан и накрыт, и, прежде чем она успела распорядиться, стол придвинули поближе к камину. С живостью, несколько даже превосходящей ее обычное гостеприимство, — хотя ее, как и любую хозяйку, радовало славословие друзей по поводу ее внимания и расторопности, — преисполненная новыми мыслями, распоряжалась она за столом, хлопотала и окружала всех лаской и заботой, настойчиво угощая гостей котлетами из цыплят и морских гребешков. Ей было известно, что такое внимание польстит самолюбию благовоспитанных соседей, которые привыкли рано уезжать домой и ложиться спать.

Чувства бедного мистера Вудхауса, как всегда в подобных случаях, подвергались суровому испытанию. Он, разумеется, был хлебосольным хозяином, потому что так было принято в годы его молодости; однако, будучи убежден во вредности ужина, он не без жалости взирал на каждое новое подаваемое кушанье; и, в то время как долг хозяина призывал его угощать гостей, забота об их здоровье заставляла его с сожалением смотреть на то, как они едят.

Он бы еще смирился, если бы гости ели овсяную кашу-размазню, мисочка которой стояла перед ним самим; однако при виде того, как гости упле-

тали всякие вкусности, он испытывал поистине адские мучения!

— Миссис Бейтс, — говорил он, — позвольте предложить вам яичко. Не бойтесь, одно яйцо всмятку не повредит организму. Сэрль варит яйца всмятку, как никто. Я бы не рискнул предлагать вам яйцо, сваренное другим, но вам бояться нет нужды — видите, яйца очень мелкие. Одно маленькое яичко вам не повредит. Мисс Бейтс, позвольте Эмма положит вам чуточку пирога — буквально крошечный кусочек. Мы всегда подаем пироги с яблоками, причем с сырыми. Можете не опасаться, что в пироге попадется какое-нибудь старое варенье. Заварной крем? Нет, не рекомендую. Миссис Годдард, позвольте я налью вам вина — всего полрюмки. Даже меньше половины, а потом долью водой. Думаю, вам это не повредит.

Эмма не возражала отцу, но потчевала гостей куда более сытными яствами; нынешним вечером ей было особенно приятно доставить им удовольствие. В ее намерения входило порадовать мисс Смит; она вполне преуспела в этом. Мисс Вудхаус считалась в Хайбери столь выдающейся личностью, что перспектива быть ей представленной внушала молодой девушке

столько же ужаса, сколько и радости, однако из гостей юная, скромная девушка уходила преисполненной величайшего удовольствия: мисс Вудхаус не только держалась с нею весь вечер чрезвычайно приветливо, но и на прощание — подумать только! — обменялась с нею рукопожатиями!

Глава 4

Вскоре Харриет Смит стала в Хартфилде своим человеком. Эмма не привыкла терять время даром и потому постоянно приглашала новую знакомую в гости, всячески поощряла и велела заходить почаще; и чем дальше, тем больше радовалась новой крепнущей дружбе. Эмма почти сразу поняла, насколько полезна может оказаться Харриет в качестве спутницы в ее пеших прогулках. Потеря миссис Уэстон в этом отношении прежде казалась ей невосполнимой. Отец ее никогда не выходил за пределы парка; тропинка, обсаженная с двух сторон кустарником, подходила ему и для долгой, и для короткой прогулки, в зависимости от времени года; поэтому, с тех пор как мисс Тейлор вышла замуж Эмма редко покидала Хартфилд. Однажды она рискнула одна пойти пешком в Рэндаллс, однако прогулка не доставила ей радости; а с Харриет Смит можно пойти куда угодно — еще один повод радоваться новой дружбе. Словом, чем ближе Эмма знакомилась с Харриет, тем больше одобряла ее и тем сильнее утверждалась в своих добрых

побуждениях.

Конечно, Харриет умом не блистала, но зато она обладала мягким, податливым и отзывчивым характером; кроме того, самонадеянность и тщеславие были ей чужды; ей недоставало лишь руководства со стороны более сильной натуры. Она сразу доверчиво выказала Эмме свою привязанность; а ее склонность к хорошему обществу и переимчивость доказывали, что она, пусть даже бессознательно, обладает хорошим вкусом. Словом, Эмма почти уверилась в том, что нашла в Харриет идеальную подругу. Разумеется, о такой дружбе, какая соединяла ее с миссис Уэстон, и речи не было — второй такой не найти. Но второй такой подруги, как миссис Уэстон, Эмма и не хотела. Нет, тут было нечто совершенно иное; новая дружба укрепляла ее независимость. Миссис Уэстон была объектом обожания и почитания; Эмма не могла не видеть всех ее достоинств и была ей бесконечно благодарна. Харриет же можно любить как человека, которому нужна ее помощь. Для миссис Уэстон она не могла сделать ничего; Харриет же была чистым листом.

Эмма начала с попытки выяснить, кто были родители Харриет; однако этого девушка сказать не могла. Она охотно говорила на любую тему, но

о своем происхождении ничего не знала. Эмма могла предполагать что ей вздумается, однако невольно подумала: окажись она на месте подруги, уж она бы постаралась выяснить правду. Харриет проницательностью не отличалась. Ей было довольно тех сведений, которые миссис Годдард угодно было ей дать, а дальше она не заглядывала.

Естественным образом их разговоры вертелись часто вокруг миссис Годдард, других преподавателей, соучениц по пансиону и школьных дел. Если бы не дружба с семейством Мартин с фермы Эбби-Милл, то школьными делами и ограничивался бы кругозор Харриет. Однако Мартины занимали значительную часть ее мыслей; она провела у них два счастливых месяца и теперь с удовольствием вспоминала о своей жизни на ферме и описывала все чудеса и удобства быта своих знакомых. Словоохотливость подруги забавляла Эмму — любопытно послушать, как живут за пределами твоего круга; кроме того, она восхищалась наивной восторженностью, с какой Харриет описывала жизнь на ферме. Подумать только, у миссис Мартин целых две гостиные! Две большие, просторные гостиные — одна почти такая же большая, как гостиная у миссис Годдард;

а их старшая горничная живет с ними уже двадцать пять лет; у них восемь коров, из них две олдернейской породы, и еще есть одна коровка уэльской породы, такая миленькая коровка, право! А миссис Мартин сказала: раз ей так нравится эта коровка, пусть она зовется ее, Харриет, коровкою; а в саду у них беседка, где они обыкновенно пили чай. Не беседка, а настоящий летний домик — такой славный, право! И просторный — пожалуй, там и дюжине человек не будет тесно.

Некоторое время Эмму забавляли эти истории, и она не вдумывалась в то, что за ними стоит; однако, получше разобравшись в составе семьи, она забеспокоилась. Вначале она была введена в заблуждение, решив, что семья состоит из матери, дочери, сына и его жены, которые живут одной семьей; однако позже выяснилось, что мистер Мартин — герой большинства рассказов, о котором Харриет всегда упоминала с одобрением, отмечая его готовность прийти на помощь, — холостяк. Никакой молодой миссис Мартин, его жены, нет и в помине; радушие и гостеприимство его показались Эмме подозрительными. Ее маленькому другу грозит опасность! Если она вовремя не позаботится о ней, Харриет может навеки пропасть.

Теперь, когда ее мысли получили новое направление, Эмма засыпала Харриет вопросами и особенно часто наводила ее на разговор о мистере Мартине. Харриет не выказывала неприязни к таким беседам. Она очень охотно говорила о совместных прогулках при луне и невинных домашних развлечениях; и снова Эмма наслушалась вволю о его добродушии и бескорыстии. Однажды он проскакал туда и обратно целых три мили, чтобы привезти Харриет грецких орехов, потому что она призналась, что обожает орехи, — впрочем, он всегда такой любезный и услужливый! Однажды вечером он пригласил к ним в гостиную сына пастуха, чтобы тот ей спел. Она обожает петь. Он немного поет и сам. Харриет считает его очень умным и понятливым. У него славное стадо овец; пока она жила у Мартинов, ему удалось выручить за шерсть больше, чем любому другому фермеру в округе. По ее мнению, все очень хорошо отзываются о мистере Мартине. Его мать и сестры его очень любят. Однажды миссис Мартин сказала ей (при этом личико Харриет зарделось), что лучшего сына и пожелать нельзя, и потому она уверена: женившись, ее сын будет прекрасным мужем. Не то чтобы его матушка хочет, чтобы он женился,

нет! Она вовсе не торопит его.

«Браво, миссис Мартин! — подумала Эмма. — Вы знаете, чего хотите».

— А когда я уезжала, миссис Мартин была настолько любезна, что послала миссис Годдард отличного гуся в подарок: миссис Годдард никогда не видела такого жирного. Миссис Годдард запекла гуся в следующее воскресенье и пригласила всех трех учительниц: мисс Нэш, мисс Принс и мисс Ричардсон — на ужин.

— Наверное, мистер Мартин не интересуется ничем, что не связано с его фермой? Он не читает?

— Ах нет… то есть да… не знаю… он, по-моему, много читает… но только совсем не то, что вы могли бы представить. Он читает «Сельскохозяйственные доклады» и некоторые другие книги… они лежат у него на подоконнике… да, и представьте, он их все читает про себя! Но иногда по вечерам, прежде чем мы садились играть в карты, он зачитывал нам вслух кое-что из «Изящных выдержек» — очень занимательно! Еще я знаю, что он читал роман «Векфильдский священник» господина Голдсмита. Правда, он не читал ни «Лесного романа» госпожи Радклифф, ни «Детей аббатства», даже не слыхал об этих книгах, пока

я не упомянула о них, но теперь, узнав о них, он полон решимости достать их и прочесть.

Эмма не замедлила со следующим вопросом:

— Каков из себя мистер Мартин?

— Ах! Он не красив… вовсе не красив. Вначале он показался мне очень простым и некрасивым, однако теперь я не считаю его таким. Знаете ли, когда знакомишься с ним получше, перестаешь замечать, что он некрасив. Вы ведь никогда его не видели? Он иногда приезжает в Хайбери и уж точно проезжает его каждую неделю по пути в Кингстон. Он очень часто проезжал мимо вас.

— Вполне возможно… может, я даже и видела его раз пятьдесят, но и понятия не имела, как его зовут. Молодой фермер, верхом на лошади или пешком — последний человек, способный возбудить мое любопытство. Насколько мне известно, у меня нет ничего общего с сословием йоменов, мелких землевладельцев. Человек, стоящий на одну-две ступени ниже меня по положению в обществе и к тому же обладающий выигрышной внешностью, еще может привлечь мое внимание; я могу чем-то помочь его семье. Но фермер… Мои помощь и содействие ему ни к чему; следовательно, в одном смысле он находится в превосходном положении, во всех же прочих

отношениях не стоит моего внимания.

— Разумеется. Ах да, конечно, вряд ли вы когда-либо замечали его… но он знает вас очень хорошо… я имею в виду — внешне.

— Не сомневаюсь, что он вполне достойный молодой человек. Я просто уверена в этом! Я желаю ему всяческих благ. Как по-вашему, сколько ему лет?

— Восьмого июня прошлого года ему исполнилось двадцать четыре года, а мой день рождения — двадцать третьего, представляете, как забавно? Всего через две недели и еще один день!

— Всего двадцать четыре года… Он еще слишком молод, чтобы обзаводиться семьей. Матушка его, безусловно, права, что не торопит сына с женитьбой. Кажется, им и так живется неплохо, и, если бы она взяла на себя труд женить его, в будущем она, возможно, раскаялась бы в этом. Шесть лет спустя он, вероятно, и сумеет подобрать себе хорошую молодую женщину из своего сословия, с небольшим приданым, что будет вполне желательно.

— Шесть лет спустя! Дорогая мисс Вудхаус, да ведь ему тогда будет тридцать лет!

— Что ж, большинство мужчин, у которых нет своего дохода, не могут себе позволить жениться

раньше. Как мне представляется, мистеру Мартину только предстоит нажить состояние — здесь он находится в том же положении, что и прочие. Все, что он мог получить после смерти своего отца, все, в чем состоит его доля в фамильной собственности, — смею предположить, все это в ходу, помещено в дело, и так далее; следовательно, при надлежащем усердии и везении со временем он может разбогатеть, однако почти невозможно, чтобы он скоро сумел осуществить хоть что-то из намеченного.

— Совершенно верно, так и есть. Но живут они с большим комфортом. У них нет лакея, но, кроме этого, они ни в чем не испытывают нужды. И миссис Мартин говорит, что на следующий год они наймут мальчика.

— Харриет, мне бы не хотелось, чтобы вы попали в неприятную ситуацию, когда он все-таки женится — я имею в виду знакомство с его женой. Хотя его сестрами, получившими прекрасное образование, пренебрегать нельзя, из этого еще не следует, что он не женится на такой особе, с которой вам совершенно не подобает водить дружбу. Из-за несчастных обстоятельств вашего рождения вам следует быть особенно осмотрительной в выборе знакомых. Не может быть никакого со-

мнения в том, что вы — дочь джентльмена, и вам надлежит всеми силами поддерживать свои притязания, иначе отыщется немало людей, которые найдут удовольствие в том, чтобы унизить вас.

— Да, вы правы… полагаю, так и есть. Но пока я желанная гостья в Хартфилде и вы, мисс Вудхаус, столь добры ко мне, я не боюсь ничьих поношений.

— Харриет, вы очень понятливы и чувствительны; но я собираюсь настолько прочно укоренить вас в хорошем обществе, чтобы вы стали независимы даже от Хартфилда и мисс Вудхаус. Мне хочется, чтобы вы постоянно вращались в высших кругах — и в связи с этим вам необходимо прекратить нежелательные знакомства; следовательно, если вам предстоит жить в наших краях до того времени, когда женится мистер Мартин, я бы не хотела, чтобы вы из-за дружбы с его сестрами были вынуждены поддерживать знакомство с его женой — скорее всего, ею окажется необразованная дочка какого-нибудь простого фермера.

— Разумеется… Да. Не то чтобы я считала, будто мистер Мартин способен жениться на ком угодно… без образования или на плохо воспитанной девушке. И тем не менее я не собираюсь противопоставлять свое мнение вашему — я уверена в

том, что не пожелаю водить дружбу с его женой. Я навсегда сохраню к сестрам Мартин чувство величайшего уважения, особенно к Элизабет, и мне будет очень жаль расстаться с ними, потому что они почти так же хорошо образованы, как и я. Но если он женится на какой-нибудь невежественной, вульгарной девице, конечно, я сделаю все возможное, чтобы не приезжать к ней.

Пока подруга изливала душу, Эмма внимательно следила за ней; она не заметила никаких тревожных признаков влюбленности. Молодой человек, несомненно, был ее первым обожателем, однако Эмма полагала, что с другой стороны такой же привязанности не возникло и Харриет легко удастся отвадить от неподходящего знакомства и неподобающих чувств.

На следующий же день, когда они гуляли по Донуэллской дороге, они встретили мистера Мартина. Он шел пешком. Бросив на Эмму весьма почтительный взгляд, он с явным удовольствием улыбнулся ее спутнице. Эмма не жалела, что ей представилась такая возможность увидеть мистера Роберта Мартина; отойдя на несколько ярдов вперед, она, не прекращая разговора, окинула предмет их вчерашней беседы быстрым взглядом. Одет он был чисто, опрятно и с виду

похож был на человека разумного, однако никаких иных достоинств она в нем не углядела. Поставь его рядом с джентльменом, подумала Эмма, и он мигом утратит в глазах Харриет все преимущества. Харриет невозможно упрекнуть в нечуткости к хорошим манерам — она неустанно с восхищением твердит об обходительности мистера Вудхауса. Мистер же Мартин выглядел так, словно понятия не имел о хороших манерах.

Харриет проговорила со своим знакомым всего несколько минут, так как мисс Вудхаус нельзя было заставлять ждать; затем она догнала Эмму, сияя улыбкой. Очевидно, подруга пребывала в приподнятом настроении, которое мисс Вудхаус надеялась быстро привести в норму.

— Подумать только, как интересно, что мы встретились! И как странно! По чистой случайности, как он сказал, он не поехал кругом, мимо Рэндаллса. Он даже и не подозревал, что мы ходим этой дорогой. Думал, что мы почти всегда ходим к Рэндаллсу. Он пока не сумел достать «Любви в лесу» — был так занят во время последней поездки в Кингстон, что совсем позабыл о книге, но завтра он едет туда опять. Не правда ли, как странно, что мы вот так случайно встретились? Скажите же, мисс Вудхаус, таков ли он, каким вы

ожидали его увидеть? Что вы о нем думаете? Вы тоже считаете, что он очень некрасив?

— С виду — несомненно. И однако, с лица воды не пить: его внешность ничто по сравнению с полным отсутствием у него тонкости. Впрочем, иного от него я не ждала; однако я и понятия не имела, что он окажется таким грубым, таким приземленным. Признаюсь, я рисовала его себе на одну или две ступени ближе к людям благородным.

— Конечно, — приниженно согласилась Харриет, — он не такой благовоспитанный, как настоящий джентльмен.

— Харриет, у меня есть все основания полагать, что благодаря знакомству с нами вы будете постоянно вращаться в обществе настоящих джентльменов; вы поймете: отличие от них мистера Мартина просто разительно. В Хартфилде вы имели возможность познакомиться с такими высокообразованными и прекрасно воспитанными молодыми людьми, что я была бы удивлена, если бы вы теперь снова могли бывать в обществе мистера Мартина, не воспринимая его как низшее существо по сравнению с вами. Я удивляюсь себе самой: как могла я считать его до сих пор подходящим знакомым для вас? Скажите,

разве сейчас у вас не возникло подобного чувства? Отличие бросается в глаза! Я уверена: его неуклюжий вид, неотесанные манеры и грубый голос неприятно поразили вас. Хотя я стояла в отдалении, однако расслышала, что голос у него совершенно немелодичный.

— Конечно, он не похож на мистера Найтли. Он не так изящен, и у него не такая походка, как у мистера Найтли. Разница между ними совершенно очевидна. Да, мистер Найтли такой приятный, милый!

— Мистер Найтли так изыскан, что просто несправедливо сравнивать мистера Мартина с ним. Да даже если взять сотню настоящих джентльменов, то и среди них вряд ли отыщется хоть один, похожий на мистера Найтли. Однако он не единственный джентльмен, с которым вы общаетесь последнее время. Что вы скажете о мистере Уэстоне или мистере Элтоне? Сравните-ка мистера Мартина с кем-нибудь из них. Сравните их манеру держаться, ходить, говорить, молчать. Различие будет явным.

— Ах да! Между ними большая разница. Но мистер Уэстон — почти старик. Должно быть, ему между сорока и пятьюдесятью годами?

— Возраст лишь делает его хорошие манеры

более ценными. Чем старше человек, Харриет, тем важнее, чтобы его манеры не были плохими, так как с годами и тембр голоса, и грубость, и неуклюжесть становятся все очевиднее и неприятнее. То, с чем в юноше еще можно смириться, в более пожилом человеке вызывает отвращение. Теперь мистер Мартин неотесан и груб, но что будет с ним, когда он достигнет возраста мистера Уэстона?

— И говорить нечего! — отвечала Харриет довольно уныло.

— Догадаться несложно. Он станет обыкновенным грубым, вульгарным фермером — полностью равнодушным к своему внешнему виду и не думающим ни о чем, кроме прибыли и убытка.

— Неужели? Как это будет печально!

— Вот вам пример того, насколько огрубляют человека его занятия: он забыл справиться о книге, которую вы ему советовали прочесть. Его голова была слишком занята наживой, чтобы вспомнить о чем-то другом. Но чего и ждать от человека, стремящегося разбогатеть? К чему такому книги? У меня нет сомнений, что он непременно преуспеет и в свое время сделается богачом. Но нас с вами его невежество и грубость задевать не должны.

— Странно, что он не вспомнил о книге, — вот все, что ответила Харриет.

Так как слова были сказаны с оттенком грустного неудовольствия, Эмма решила, что пора на этом и закончить. Поэтому она некоторое время молчала. Следующим ее высказыванием было:

— Возможно, в одном отношении манеры мистера Элтона даже превосходят манеры мистера Найтли или мистера Уэстона. В них больше изящества. Их можно спокойно принять за образец. Мистеру Уэстону свойственны излишняя открытость, живость и откровенная прямота, которые в нем не выглядят отталкивающе благодаря его неизменному добродушию. Однако такие манеры не подходят для копирования. Равно как и откровенность, решительность и степенность мистера Найтли — хотя ему самому такие качества соответствуют как нельзя лучше. Его внешность, лицо и положение словно обязывают его вести себя только так и не иначе. Но вздумай какой-нибудь молодой человек подражать ему, и подобное поведение будет казаться недопустимым. А вот взять за образец мистера Элтона спокойно можно посоветовать любому молодому человеку. Мистер Элтон добродушен, весел, любезен, услужлив и изящен. Мне кажется, в последнее время он сде-

лался особенно чувствителен. Не знаю, Харриет, не пытается ли он при помощи своей чрезмерной мягкости подольститься к кому-нибудь из нас, но от меня не укрылось, что его манеры сделались мягче, чем обыкновенно. Должно быть, он хочет понравиться вам. Не говорила ли я вам, что он сказал о вас позавчера?

И она с удовольствием передала Харриет какой-то теплый отзыв о ней, услышанный от мистера Элтона; Харриет зарделась и со смущенной улыбкой пролепетала, что всегда очень уважала мистера Элтона.

Именно мистеру Элтону, по замыслу Эммы, суждено было вытеснить из прелестной головки Харриет образ молодого фермера. Эмма решила, что мистер Элтон — превосходная партия для ее подруги. Дело настолько очевидно, что сосватать их вполне возможно, желательно и естественно. Таким благодеянием она потом вправе будет гордиться. Эмме казалось, что гармоничность этого союза ясна всем окружающим. С самого первого вечера появления Харриет в Хартфилде замыслила Эмма устроить ее счастье. Чем дольше Эмма размышляла над своим планом, тем очевиднее ей становилась его целесообразность. Положение мистера Элтона представлялось весьма подхо-

дящим: он был благородного происхождения и не имел низких родственников; в то же время он не был выходцем из такой знатной семьи, чтобы счесть Харриет плохой партией из-за сомнительных обстоятельств ее рождения. У него есть для жены уютный дом и, как представлялось Эмме, вполне достаточный доход, ибо, несмотря на то, что приход Хайбери считался небольшим, известно было, что у мистера Элтона имеются некоторые средства. Она отдавала должное его общительности, благонамеренности и респектабельности; кроме того, он не лишен был ума и умел вести себя в обществе.

Начало было положено: Эмма знала, что мистер Элтон восхищается красотой Харриет. Она надеялась, что, благодаря частым встречам в Хартфилде, он укрепится в своем мнении и это станет прочной основой для развития отношений с его стороны; а что касается Харриет — мысль о том, что он отдает ей предпочтение, несомненно, даст толчок ее нежным чувствам. Мистер Элтон и в самом деле очень приятный молодой человек: такой способен без труда понравиться любой не слишком привередливой женщине. Молодой викарий считался красавчиком; прихожанки были от него без ума. Правда, Эмма не относила себя

к числу его почитательниц: по ее мнению, ему недоставало светской тонкости, изящества, без которых она не могла бы обойтись; но девушку, которая была так благодарна Роберту Мартину за то, что тот съездил ей за орехами, вполне могут покорить восхищенные взоры мистера Элтона.

Глава 5

— Не знаю, миссис Уэстон, — говорил мистер Найтли, — какого вы мнения о дружбе Эммы с Харриет Смит. Мне кажется, это плохо.

— Плохо! Вы действительно так считаете? Но почему?

— Думаю, что такая дружба ни одной из них не идет на пользу.

— Вы удивляете меня! Эмма, несомненно, помогает Харриет — развивает ее, возвышает. Можно сказать, что и Харриет, став новым предметом интереса для Эммы, способна тоже помочь ей… в своем роде. Я наблюдаю за их растущей взаимной привязанностью с величайшим удовольствием. Насколько же по-разному мы с вами относимся к их отношениям! Но отчего вы считаете, что их дружба не идет им обеим на пользу? Знаете, мистер Найтли, тут мы с вами, пожалуй, в очередной раз поссоримся из-за Эммы.

— Может, вы считаете, что я намеренно приехал для того, чтобы искать с вами ссоры, зная, что Уэстона нет дома и что вам предстоит сражаться со мной в одиночку?

— Будь мистер Уэстон дома, он, несомненно, поддержал бы меня, ибо он придерживается по данному вопросу мнения, совершенно сходного с моим. Да мы только вчера говорили с ним об этом и сошлись на том, что это счастье для Эммы, что в Хайбери нашлась девушка, с которой она может общаться. Мистер Найтли, в данном вопросе я не могу считать вас беспристрастным судьей. Вы настолько привыкли жить один, что не понимаете ценности спутника; впрочем, ни один мужчина не может хорошо судить о том, какое удовольствие находит женщина в обществе представительницы своего пола, привыкнув к этому за всю предыдущую жизнь. Могу вообразить, какие возражения выдвинете вы против Харриет Смит. Она не та девушка из высшего общества, какую Эмме следует выбирать себе в подруги. Но с другой стороны, раз Эмма так жаждет развивать ее, для нее самой появится стимул больше читать. Они будут читать вместе. Я знаю, она хочет именно этого.

— Эмма любит читать с тех самых пор, как ей исполнилось двенадцать лет. В разное время мне доводилось видеть огромное количество составленных ею списков книг, которые она намеревалась регулярно читать от корки до

корки. Должен сказать, то были превосходные списки — прекрасный выбор, — и так аккуратно составлены! Иногда по алфавиту, а иногда по какому-то иному принципу. Помню список, составленный ею в возрасте четырнадцати лет — тогда я еще подумал, что такой выбор делает честь ее вкусу, и некоторое время даже хранил этот список у себя. Я могу сказать, что и теперь она, наверное, тоже составила очень хороший список. Однако ожидать от Эммы, что она станет следовать своему плану, не приходится — я давно утратил всякие надежды. Ее никогда не хватало на занятия, требующие усилий и терпения; она предпочитает не трудиться, а быть занятой. Там, где сама мисс Тейлор потерпела поражение, Харриет Смит ничем не поможет — я нисколько в том не сомневаюсь. Помнится, вам ни разу не удалось убедить ее прочесть хотя бы половину из того, что вы хотели. Вы знаете, что я прав.

— Пожалуй, — улыбаясь, заметила миссис Уэстон, — я соглашусь. Но с тех пор, как мы живем раздельно, я не припомню ни одного случая, чтобы Эмма не сделала чего-то из того, что я просила.

— Вряд ли вам по вкусу придется мое желание освежить вашу память, — с чувством произнес

мистер Найтли и мгновение-другое молчал. — Но я, — вскоре продолжил он, — к счастью, не подпал под ее очарование: я отчетливо вижу, слышу и помню все. Эмму испортило то, что она самая умная в семье. Уже в десятилетнем возрасте она имела способность без труда отвечать на вопросы, которые ставили в тупик ее семнадцатилетнюю сестру. Эмма всегда отличалась живостью и самоуверенностью; Изабелла же была медлительна и робка. А уж с тех пор, как ей стукнуло двенадцать, Эмма сделалась полноправной хозяйкой в доме и вертит всеми вами как хочет. Лишившись матери, она утратила единственного человека, способного обуздать ее. Она унаследовала одаренность своей матери, поэтому, думаю, мать имела бы на нее влияние.

— Вижу, мистер Найтли, случись мне покинуть дом мистера Вудхауса и искать себе другое место, вы стали бы последним человеком, у кого я просила бы рекомендаций. Не думаю, что вы хоть кому-то замолвили бы за меня словечко. Я уверена: вы всегда считали, что я не подхожу для той должности, какую занимала.

— Да, — подтвердил он с улыбкой, — гораздо лучше вам сейчас; вы очень подходите для роли жены, а вот роль гувернантки — не про вас. Од-

нако, живя в Хартфилде, вы все время подспудно готовились к тому, чтобы стать превосходной женой. Возможно, вы и не дали Эмме образцового образования, чего мы вправе были бы от вас ожидать. Но вы зато учились у нее — и были превосходной ученицей! Об этом свидетельствует нынешнее ваше положение. Вы научились смирять свои порывы и делать то, что должно; попроси меня Уэстон до вашей женитьбы подыскать ему жену, я бы, не колеблясь, назвал имя мисс Тейлор.

— Благодарю вас. Стать хорошей женой для такого человека, как мистер Уэстон, — невелика заслуга!

— Да, по правде говоря, боюсь, что вы растрачиваете силы впустую: приготовившись выносить все тяготы жизни, вы нашли, что переносить-то, собственно, нечего. Однако не следует впадать в отчаяние. Уэстон еще может рассердиться на вас… скажем, за то, что вы живете на широкую ногу; может статься, его сын станет ему досаждать.

— О, смилуйтесь, только не это! Да и вряд ли такое произойдет. Пожалуйста, мистер Найтли, не предсказывайте неприятностей с той стороны.

— На самом деле я ничего не предсказываю. Я просто перечисляю возможности. Я не претендую

на лавры Эммы в области предсказаний и догадок. Всем сердцем надеюсь, что молодой человек унаследует достоинства Уэстонов и состояние Черчиллей. Но вот Харриет Смит… она и вполовину не внушает мне таких надежд. Я считаю, что Эмма не могла найти себе подруги хуже. Она совершенно невежественна; на Эмму, которая, по ее мнению, знает все, она взирает снизу вверх. Она льстит Эмме всеми возможными способами; и лесть ее тем вреднее, что она неумышленна. Ее невежество — ежечасная лесть. Как может Эмма вообразить, что ей самой необходимо чему-то учиться, когда в присутствии Харриет она столь остро чувствует свое превосходство? Рискну предположить, что и Харриет тоже не выигрывает от их дружбы. Хартфилд только заставит ее разочароваться в своих прежних привязанностях. Она станет задирать нос перед людьми, равными ей по положению и жизненным обстоятельствам. Я сильно сомневаюсь в том, что уроки Эммы укрепляют в ней силу духа и способность разумно приспосабливаться к изменчивой жизни. Воззрения Эммы могут лишь слегка отлакировать ее.

— А вот я склонна более вас полагаться на здравый смысл Эммы и больше вашего пекусь о ее теперешнем благополучии; и все равно я не

вижу в их дружбе ничего плохого. Как дивно она выглядела вчера вечером!

— Ах! Вы скорее согласны говорить о ее внешности, чем о ее уме, да? Очень хорошо! Я даже не попытаюсь отрицать того, что Эмма хорошенькая.

— Хорошенькая! Да она настоящая красавица! Можете ли вы представить существо, ближе ее стоящее к идеалу красоты?

— Не знаю, что я мог бы представить, но, признаю, редко доводилось мне видеть лицо и фигурку более приятные, чем у нее. Но я пристрастен, так как я старый друг.

— Какие глаза — настоящие карие глаза! И такие лучистые! Правильные черты лица, спокойствие и открытость во взгляде… А уж стать — что за прелесть! Цветущий, здоровый вид, и как раз такие, как надо, рост и размер — такая крепкая и ладная фигура. Она так и пышет здоровьем — тому подтверждение не только цветущий вид, но и настроение, посадка головы, взгляд. Иногда слышишь, как про ребенка говорят: «Он воплощение здоровья»; и Эмма всегда наводит меня на мысль о том, что она — воплощение здоровья взрослого человека. Она просто прелесть. Мистер Найтли, разве вы со мной не согласны?

— Что касается ее внешности, я не нахожу в ней ни малейшего изъяна, — отвечал мистер Найтли. — Я совершенно согласен с вашим описанием. Мне нравится глядеть на нее; со своей стороны могу добавить, что при всей своей красоте она не тщеславна. Собственная внешность, кажется, мало занимает ее. Ее тщеславие в другом. Миссис Уэстон, вам не удастся переубедить меня. Мне не нравится ее дружба с Харриет Смит, и я опасаюсь, что она принесет им обеим лишь вред.

— А я, мистер Найтли, равным образом твердо убеждена, что никакого вреда не будет. При всех своих маленьких недостатках наша милая Эмма — чудесное создание. Где найдем мы лучшую дочь, добрейшую сестру, преданнейшего друга? Нет-нет! Она обладает такими качествами, на какие можно положиться. Она не способна никому причинить истинный вред; она не совершит по-настоящему серьезного промаха. На один промах Эмма сто раз оказывается права.

— Прекрасно! Не буду вас больше мучить. Ваша Эмма — сущий ангел, а я подожду брюзжать до Рождества, когда приедут Джон и Изабелла. Джон питает к Эмме разумную и, следовательно, не слепую привязанность, а Изабелла всегда придерживается того же мнения, что и ее муж, кроме тех

случаев, когда он не поддерживает ее опасений о здоровье детей. Я уверен, они оба будут на моей стороне.

— Знаю, все вы слишком любите ее для того, чтобы несправедливо или недобро судить о ней, но простите меня, мистер Найтли, если я позволю себе — видите ли, я считаю, что обладаю некоторым правом говорить как бы от лица матери Эммы, — так вот, позволю себе намекнуть: не думаю, что имеет смысл без конца твердить о вреде дружбы Эммы с Харриет. Прошу меня простить, но, даже если заподозрить, что их дружба не сулит обеим одних лишь радостей, невозможно ожидать от Эммы, ответственной только перед своим отцом, которому, кстати, Харриет очень нравится, чтобы она прекратила знаться со своей подругой — эта дружба является для нее источником удовольствия. Я так привыкла давать советы что вам, мистер Найтли, не следует удивляться, если я иногда вспоминаю о своей прежней должности.

— Да я вовсе и не удивляюсь! — воскликнул он. — Премного благодарен вам за наставление! Совет очень хорош, и у него будет более счастливая судьба, нежели у большинства даваемых вами советов, ибо я ему последую.

— Миссис Джон Найтли легковозбудима; разговоры о сестре могут ее расстроить.

— Будьте спокойны, — сказал ее собеседник, — я и голоса не подам. Приберегу свое дурное настроение про себя. Эмма вызывает у меня вполне искреннее участие. Даже Изабелла никогда не порождала во мне столь горячего сочувствия, хоть она и стала мне близким человеком. Трудно, наверное, испытывать к кому-либо больший интерес. Судьба Эммы мне небезразлична. Интересно, что с ней станет?

— Мне тоже интересно, — негромко проговорила миссис Уэстон, — очень интересно.

— Она уверяет всех и каждого, будто никогда не выйдет замуж, что, разумеется, совершенно ничего не значит. Просто она, по-моему, до сих пор не встречала мужчину, который стал бы ей небезразличен. Ей бы не помешало по уши влюбиться, найдя, разумеется, достойный объект любви. Хотелось бы мне взглянуть на влюбленную Эмму, которая к тому же не слишком уверена в ответном чувстве; такое испытание пойдет ей на пользу. Но в наших краях нет никого, кто привлек бы ее внимание; к тому же она так редко выезжает из дому.

— Да, действительно, сейчас она настроена

весьма решительно, — сказала миссис Уэстон, — и это вполне объяснимо. Пока она мирно и счастливо живет в Хартфилде, я — в том числе и из-за бедного мистера Вудхауса — даже боюсь пожелать ей влюбиться, ведь это состояние чревато столькими трудностями. Нет, сейчас я бы не советовала Эмме вступать в брак, хотя, уверяю вас, я не питаю никакого пренебрежения к этому институту.

Миссис Уэстон говорила много, однако кое-что намеренно утаила. Еще не пришло время открыть некоторые далеко идущие планы, которые она строила совместно с мистером Уэстоном по поводу судьбы своей любимицы. В Рэндаллсе питали кое-какие надежды относительно будущей жизни Эммы, однако раскрывать карты раньше времени было бы нежелательно. Тут и мистер Найтли уже спокойно осведомился: «Что Уэстон думает о погоде, ждать ли дождика?» И миссис Уэстон поняла, что ему больше нечего сказать и никаких подозрений у него не возникло.

Глава 6

Не испытывая ни малейших колебаний, Эмма направляла мысли Харриет в определенное русло; она неустанно хвалила подругу, возвышая ту в собственных глазах; она считала, что преследует благородную цель, кроме того, оказалось, что Харриет сама давно считает мистера Элтона замечательно красивым и любезным мужчиной; поэтому Эмма постоянно напоминала Харриет о том, как мистер Элтон ею восхищается: разумеется, он выражает свои эмоции не прямо, но намеками… Вскоре она вполне уверилась в том, что необходимо и в Харриет пробудить ответное чувство, как только к этому представится удобный случай. Ей казалось, что мистер Элтон почти готов влюбиться, если уже не влюблен в Харриет. С ним дело, можно сказать, было решенное. Он отзывался о Харриет с такой теплотой, так расхваливал ее, что большего пока нечего было и желать — остальное дополнит время. Он подметил разительную перемену в ее манере держаться с тех пор, как ее приняли в Хартфорде, и такая зоркость была не единственным доказа-

тельством его растущей привязанности.

— Вы дали мисс Смит все, что ей требовалось, — говорил он. — Вы сделали ее грациозной и непринужденной. Когда она впервые оказалась в вашем доме, это было просто очаровательное и красивое дитя природы, но, по моему мнению, те достоинства, которые вы ей сообщили, бесконечно ценнее тех, что свойственны ее натуре.

— Я рада, что вы думаете, будто я была ей полезна. Но Харриет нуждалась лишь в огранке и нескольких незначительных намеках. Она сама обладает от природы естественной грацией, милым характером и безыскусностью. Так что мои заслуги невелики.

— Если бы позволительно было спорить с дамой, — не уступал галантный мистер Элтон, — то…

— Возможно, я сообщила немного более решительности ее характеру, приучила ее задумываться над вещами, которые до сих пор не приходили ей в голову.

— Вот именно! Вот что особенно поражает меня. Решительность, именно решительность! Сколь же искусной оказалась учительница!

— Лично мне обучение доставило величайшее удовольствие. Никогда не встречала я столь бла-

годарной ученицы.

— В этом я и не сомневаюсь. — Произнося эти слова, он испустил легкий удовлетворенный вздох; Эмма сочла его настроение несомненным доказательством влюбленности.

Следующий день принес новые радости. Мистер Элтон с большим энтузиазмом поддержал Эмму в ее внезапном желании написать портрет Харриет.

— Харриет, кто-нибудь писал вас? — спросила она. — Вы когда-нибудь позировали для портрета?

Харриет как раз собиралась выйти из комнаты; остановившись на пороге, она с очаровательной наивностью произнесла:

— Ах, боже! Нет, никогда!

Дождавшись, покуда она скроется из виду, Эмма тотчас воскликнула:

— Ее портрет станет поистине бесценным сокровищем! Я бы не пожалела за него никаких денег. У меня просто руки чешутся самой испытать свои способности. Вы, наверное, не знаете, но два или три года назад мной овладела страсть писать портреты; я сделала наброски с нескольких друзей. Все сочли, что в целом мне удалось добиться сходства. Потом я постепенно охладела

к этому занятию. Но сейчас… да-да, я уверена, если Харриет станет позировать, я снова рискну испробовать свои силы. Какое, должно быть, удовольствие иметь у себя ее портрет!

— Ради всего святого, мисс Вудхаус! — вскричал мистер Элтон. — Напишите портрет! Он в самом деле станет сокровищем! Умоляю, мисс Вудхаус, примените свой восхитительный талант в пользу вашего друга! Разумеется, я видел ваши рисунки. Как могли вы подумать, что я невежествен в сем вопросе? Разве в этой комнате не достаточно образчиков ваших пейзажей и натюрмортов! И разве в гостиной у миссис Уэстон в Рэндаллсе нет нескольких несравненных ваших фигур?

«Да, — подумала Эмма, — добрый человек! Но что общего у фигур и пейзажей с настоящим портретом? Вы, милостивый государь, ничего не смыслите в рисовании. Незачем притворяться, будто мои творения вас восхищают. Приберегите свои восторги для личика Харриет».

— Что ж, мистер Элтон, раз вы столь великодушно одобряете мой замысел, полагаю, мне стоит попробовать. У Харриет изящные, точеные черты лица, что затрудняет достижение портретного сходства; и все же рисунок глаз и линии возле губ столь необычны, что так и тянет запечатлеть это

своеобразие на бумаге.

— Совершенно верно — рисунок глаз и линии возле губ! Я нимало не сомневаюсь в вашем успехе. Умоляю, просто умоляю вас попробовать свои силы. Когда вы напишете портрет, он станет, по вашим же собственным словам, бесценным сокровищем.

— Но, мистер Элтон, я боюсь, что Харриет не понравится позировать. Она так мало озабочена собственной внешностью… Вы заметили, как удивила ее моя просьба? Как мило она воскликнула: «Ах нет! Никогда!»

— О, уверяю вас, я все подметил. Ее слова от меня не ускользнули. И все же мне кажется, что ее удастся убедить позировать вам.

Вскоре вернулась Харриет; услышав предложение написать ее портрет, она, не колеблясь, дала свое согласие — к величайшему облегчению двух других участников сцены. Эмма пожелала немедленно приступить к делу и тут же извлекла портфель, в котором хранились наброски к ее прежним портретам (к слову сказать, ни один из них так и не был закончен), чтобы вместе с друзьями выбрать подходящие пропорции и размеры. Она разложила эскизы на столе. За миниатюрой следовал поясной портрет, за ним — портрет в

полный рост; рисунки были выполнены в карандаше, пастели, акварели… пересмотрели все по очереди. Эмма всю жизнь стремилась попробовать всё и добилась значительных успехов как в рисовании, так и в музыке — успехов гораздо больших, чем можно было предположить, судя по тому, как мало она затрачивала усилий и на то и на другое. Она играла и пела; рисовала почти в любой технике, однако ей всегда не хватало упорства. Ни в чем не добилась она такой степени совершенства, которой радовалась бы сама и которой, судя по ее задаткам, ей нетрудно было бы достичь. Сама Эмма не слишком обманывалась в отношении своих художественных и музыкальных талантов, однако была не против того, чтобы на сей счет обманывались другие, и не слишком раскаивалась, узнав, что ее репутация музыкантши и художницы зачастую превосходит ее истинные заслуги.

В каждом наброске было свое достоинство — в менее проработанных, пожалуй, больше всего. Писала Эмма бойко. Но, будь ее рисунки гораздо хуже или, скажем, вдесятеро лучше, удовольствие и восхищение двух ее собеседников были бы точно такими же. Оба пришли в полный восторг. Сходство всех поразило: и как это мисс

Вудхаус точно все передает!

— Боюсь, для вас здесь выбор небогатый, — вздохнула Эмма. — У меня моделями были лишь члены моей семьи. Вот отец… еще один батюшкин портрет… но он так разволновался от необходимости позировать, что пришлось рисовать его украдкой; поэтому ни один из этих двух портретов не отличается особым сходством. Вот, видите, миссис Уэстон, и снова она, и снова, и опять она. Милая миссис Уэстон! Мой всегдашний добрый друг; что бы я без нее делала? Вот она позировала всегда, когда бы я ее ни попросила. Вот моя сестра. Ее изящная фигурка мне тут удалась, да и лицо, по-моему, похоже. Позируй она дольше, я добилась бы еще большего сходства, но она так торопилась, так хотела, чтобы я нарисовала заодно всех ее детишек, что спокойно не сидела. А вот, полюбуйтесь, это трое из моих племянников! Вот они — Генри, Джон и Белла, по порядку, но, как видите, все портреты похожи, словно писались с одного ребенка. Сестрица так хотела, чтобы я нарисовала их, что я не могла ей отказать, но трех-четырехлетних детишек, знаете ли, не заставишь стоять смирно. Оттого добиться портретного сходства трудновато — все они румянощекие крепыши. Легко рисовать детей с

грубыми, резкими чертами лица, но у баловней матерей редко бывают такие черты. А вот и набросок четвертого, он тогда был еще младенцем. Я зарисовала его, пока он спал на софе, и, если заметите, добилась большого сходства. Видите хохолок у него на голове? Он так уютно спит, уткнувшись головой в подушку! Да, вышло очень похоже. Я считаю, что имею право гордиться маленьким Джорджем. И угол софы получился неплохо. А вот моя последняя работа, — она развернула рисунок джентльмена в миниатюре, портрет в полный рост, — последняя и лучшая. Это мой брат, мистер Джон Найтли. Тут до завершения осталось совсем немного, но я была так раздосадована, что отложила его и поклялась, что больше никогда не стану писать портретов. Да и как можно было не рассердиться? После всех моих мучений, когда я уже добилась настоящего сходства — мы с миссис Уэстон сошлись на том, что портрет вышел очень хорош, только он слишком красив, слишком льстит оригиналу и, пожалуй, вот тут, справа, небольшой огрех, — так вот, после всех трудов его жена, а моя дорогая сестра Изабелла холодно заметила: «Да, отдаленное сходство есть, но портрет вышел неудачным и не делает ему чести». А сколько пришлось пе-

ред тем уговаривать ее мужа попозировать! Он согласился в виде большого одолжения; словом, всех этих треволнений для меня было слишком. Поэтому я никогда не закончу его — да и зачем? Всякий гость, приходя на Бранзуик-сквер, упрекал бы меня в том, что портрет нехорош. И вот, как я уже говорила, я тогда зареклась писать портреты. Но ради Харриет, точнее, ради меня самой я нарушу свое намерение. Кроме того, в настоящее время вокруг нас не наблюдается, к счастью, ни мужей, ни жен.

Мистера Элтона новый поворот в разговоре необычайно позабавил и порадовал; он беспрестанно повторял:

— Пока, как вы выразились, вокруг нас действительно не наблюдается ни мужей, ни жен. Именно так! Ни мужей, ни жен!

Он повторял эти слова так многозначительно, что Эмма невольно задалась вопросом: а не уйти ли ей и не оставить ли его с Харриет наедине? Но так как она хотела рисовать, то решила, что он потерпит с выражением своих чувств.

Вскоре она определилась с размером портрета и материалом. Она заявила, что намерена писать акварельный портрет в полный рост, такой, как портрет мистера Джона Найтли. Если рисунок

выйдет удачным и понравится ей, то займет почетное место на стене над каминной полкой.

Начался сеанс позирования: Харриет краснела, бледнела, улыбалась, боялась шевельнуться — словом, являла собой, на опытный взгляд художницы, очаровательную картинку. Однако продвинуться в работе Эмме казалось почти невозможным, так как у нее за спиной суетился мистер Элтон, восхищаясь каждым сделанным ею маз ком. Она была бы рада, если бы он поместился где-то в отдалении, откуда мог бы любоваться очаровательной натурщицей, не мешая ей работать; в конце концов он так надоел Эмме, что она попросила его перейти куда-нибудь в другое место. Потом ей пришло в голову, что во время сеанса он может занимать их чтением. Если мистер Элтон будет так любезен и почитает им вслух, они будут так ему благодарны! За чтением и ей легче будет преодолевать муки творчества, и мисс Смит невольно позабудет о неудобствах.

Мистер Элтон охотно согласился. Харриет слушала, а Эмма спокойно рисовала. Надо пригласить его приходить почаще — так он сможет присутствовать на сеансах живописи. Какая отрада для влюбленного! Если Эмма хоть на миг откладывала карандаш в сторону, он тут же под-

скакивал к ней и шумно выражал восхищение скоростью и качеством ее работы. Его присутствие не раздражало Эмму; он уверял ее, будто сходство замечательное, хотя об истинном сходстве говорить было пока рано. Словом, критик из него был никудышный, однако восторженность влюбленного была выше всяческих похвал, да и услужливости ему было не занимать.

Словом, работа над портретом шла успешно; Эмма осталась настолько довольна наброском, сделанным в первый день, что испытывала желание продолжать. С самого начала ей удалось уловить характерные черты оригинала; а так как она намеревалась несколько приукрасить фигуру своей натурщицы — сделать ее повыше и поизящнее, — то она была совершенно уверена в том, что в конце концов у нее выйдет портрет, приятный во всех отношениях, и займет предназначенное ему место, делая честь им обеим, ибо воплотит красоту одной, искусность другой и дружбу обеих. Портрет должен вызвать у мистера Элтона самые приятные ассоциации и укрепить зарождающееся чувство.

Уговорились, что Харриет придет позировать и на следующий день; мистер Элтон, как и следовало ожидать, умолял о разрешении снова

присутствовать и читать им.

— Ну разумеется! Непременно! Мы с радостью примем вас в свой кружок.

Назавтра воспоследовал тот же обмен любезностями и учтивостями, тот же успех и удовлетворение, что и накануне. То же сопровождало и последующие сеансы; портрет создавался стремительно и успешно. Все, кто видел рисунок, хвалили его; мистер же Элтон буквально захлебывался от восторга и отрицал любую критику.

— Мисс Вудхаус лишь чуточку приукрасила подругу, — заметила как-то миссис Уэстон, ни на секунду не заподозрив, что обращается к влюбленному. — Выражение глаз передано вернее всего, но у мисс Смит не такие брови и ресницы. И это слегка портит портрет.

— Вы находите? — отвечал он. — Я не могу согласиться с вами. Мне кажется, что каждая черточка просто дышит сходством. Никогда в жизни не видел, чтобы портрет так походил на оригинал! Наверное, стоит принять во внимание игру света и тени.

— Эмма, вы нарисовали ее слишком высокой, — сказал мистер Найтли.

Эмма знала, что он прав, однако не призналась в этом, а мистер Элтон горячо воскликнул:

— О, что вы! Рост совершенно нормальный! Учтите, что она сидит, что, естественно, накладывает отпечаток… короче говоря, точно передает самую суть… а пропорции, знаете ли, надобно сохранить. Пропорции, рисунок в перспективе… да что там говорить! На портрете в точности передан рост мисс Смит. В точности!

— Очень славный портрет, — сказал мистер Вудхаус. — И так премило написано! Как и все твои рисунки, милая. Я не знаю никого, кто так же хорошо рисует, как ты. Но вот что мне не совсем нравится — она у тебя сидит, кажется, на улице, а на плечи у нее наброшена только легкая шаль. Невольно закрадывается мысль, что так и простудиться недолго.

— Дорогой папочка, но ведь предполагается, что на дворе лето, теплый летний день! Посмотрите на то дерево!

— Дорогая моя, сидеть на улице всегда небезопасно.

— Можете говорить что угодно, сэр, — вскричал мистер Элтон, — но я должен признать, что мысль нарисовать мисс Смит на улице я нахожу чрезвычайно удачной; а дерево выписано с такой неповторимой живостью! Любой другой фон значительно проигрывал бы в выразительности.

Наивность манер мисс Смит... и вообще... О, это просто восхитительно! Глаз не могу отвести! Никогда не видел подобного сходства.

Затем понадобилось заказать для портрета рамку; и тут возникли некоторые трудности. Обрамить рисунок следовало немедленно; это надо было сделать в Лондоне; заказ необходимо было передать посредством какого-либо умного, понимающего человека, на чей вкус можно положиться. А Изабелле, которая обычно выполняла подобные поручения, претила мысль выбираться из дому в такую туманную декабрьскую погоду. Но как только о неприятности сообщили мистеру Элтону, все тут же и разрешилось. Он галантно поспешил на выручку. Если бы дело поручили ему, с каким бесконечным удовольствием он бы его выполнил! Он в любой момент может выехать в Лондон. Невозможно выразить, как он будет признателен за то, что ему доверят выполнить такое поручение.

— О нет, вы слишком добры! У меня и в мыслях не было так обременять вас! Ни за что на свете не стану отнимать ваше драгоценное время!

Последовали неизбежные в подобных случаях мольбы и уверения, и через несколько минут дело было решено.

Мистеру Элтону предстояло отвезти портрет в Лондон, выбрать раму и дать указания. Эмма взялась так упаковать рисунок, чтобы он доехал до Лондона в целости и сохранности и при этом не слишком обременил мистера Элтона. Он же, напротив, казалось, стремился принять на себя как можно больше трудов.

— Какое бесценное сокровище! — сказал он с нежным вздохом, принимая сверток.

«Даже для влюбленного он слишком слащав, — думала Эмма. — То есть слащав на мой вкус, вполне допускаю, что другие лишь одобрят такое поведение. Он превосходный молодой человек, и именно такой, какой нужен Харриет. «Именно так», как говорит он сам. Но все же он слишком много вздыхает, напускает на себя томный вид и рассыпается в комплиментах. Будь я объектом его страсти, я бы не вынесла такого. Мне и так, хоть я и на второстепенных ролях, достается немало вздохов и комплиментов. Но таким способом он выражает мне признательность за свою Харриет».

Глава 7

В тот самый день, когда мистер Элтон уехал в Лондон, Эмме представился новый повод оказать благодеяние подруге. Харриет пришла в Хартфилд, как обычно, вскоре после завтрака; спустя какое-то время она ушла домой, с тем чтобы вернуться к обеду. Она вернулась раньше обычного, крайне взволнованная, с блуждающим взглядом — словом, ее вид предвещал нечто сверхъестественное, чем ей не терпелось поделиться. Ей понадобилось полминуты, чтобы рассказать все. Как только она вернулась в пансион к миссис Годдард, ей сообщили, что час назад заходил мистер Мартин и, не застав ее дома, да особенно на то и не рассчитывая, оставил ей небольшой пакет от одной из своих сестер и ушел; вскрыв пакет, она обнаружила, что в нем, кроме нот двух песенок, которые она давала Элизабет переписать, есть еще письмо, предназначенное для нее. Это письмо было от него — от мистера Мартина — и содержало формальное предложение руки и сердца! Кто бы мог подумать? Она была так удивлена, что не знала, что делать. Да, настоя-

щее предложение! Письмо составлено в весьма учтивых выражениях, по крайней мере, ей так показалось. А пишет он так, словно в самом деле очень ее любит… но она не знает… и вот она прибежала сюда как можно быстрее спросить совета мисс Вудхаус: что ей теперь делать?

Эмма невольно устыдилась за подругу: ее довольный и смущенный вид и ее сомнения требовали суровой отповеди.

— Ручаюсь, — воскликнула она, — этот молодчик пойдет на все, чтобы добиться своего! Намерен, видите ли, составить себе хорошую партию!

— Вы прочтете письмо? — взмолилась Харриет. — Пожалуйста, прочтите! Я так на вас надеюсь!

Долго уговаривать Эмму не пришлось. Прочитав послание, она задумалась. Стиль превзошел ее ожидания. Не только не было в письме грамматических ошибок, но и составлено оно было так, что не стыдно было бы и джентльмену; письмо было написано хотя и просто, но дышало искренним чувством; деликатность и искренность делали честь его автору. Письмо было кратким, но исполненным здравого смысла, теплоты, свободы, достоинства и даже некоторой утон-

ченности. Эмма некоторое время собиралась с мыслями; а Харриет в этот момент взволнованно ждала ее приговора. Наконец она не выдержала:

— Ну как, хорошее письмо? Не кажется ли вам, что оно слишком кратко?

— Письмо действительно неплохое, — начала Эмма. — Настолько ловко написано, что, принимая во внимание все обстоятельства, я полагаю, что ему, должно быть, помогала одна из его сестер. Я с трудом могу себе представить, чтобы тот молодой человек, который на моих глазах разговаривал с вами, на следующий день мог бы выразить свои мысли так изящно, полагаясь только на собственные силы. И все же стиль письма не женский. Нет, определенно написано слишком сильно и сжато — женщина написала бы многословнее. Несомненно, он человек здравомыслящий и, как я подозреваю, не лишен природного дара, ибо, когда он берет в руки перо, разум естественным образом подсказывает ему нужные слова. Бывают такие мужчины. Да, я понимаю людей такого склада. Энергичный, решительный, способен на чувство до известных пределов, негрубый. Гораздо лучшее письмо, чем я ожидала, возьмите его назад, Харриет.

— Да… — Харриет все еще ждала ответа. — Ну и

что же мне делать?

— В каком смысле — что вам делать? Вы имеете в виду с этим письмом?

— Ну да.

— Но в чем вы сомневаетесь? Разумеется, вы должны ответить на него, причем быстро!

— Я понимаю. Но что мне написать? Дорогая мисс Вудхаус, прошу вас, посоветуйте!

— О нет, нет! Будет куда лучше, если вы напишете ответ самостоятельно. Уверена, вы сумеете найти точные выражения. Вам нечего бояться, что вас не поймут, а это самое главное. Вы должны выражаться совершенно недвусмысленно; никаких сомнений или колебаний; уверена, вы сами найдете нужные слова, чтобы мягко, но с достоинством поблагодарить его за честь и посочувствовать невольно причиненной боли. Кто-кто, а вы сумеете намекнуть, как горько вам разочаровывать его.

— Значит, по-вашему, я должна ему отказать? — спросила Харриет, понурив голову.

— Должна отказать! Дорогая моя Харриет, что с вами? Неужели вы сомневаетесь по этому поводу? Я полагала… но прошу меня извинить, может быть, я стала жертвой ошибочного представления. Да, определенно я заблуждалась

относительно вас, если вы не уверены в содержании вашего ответа. Я вообразила, будто вы советуетесь со мной лишь по поводу того, как лучше выразиться.

Харриет молчала. Эмма продолжала немного осторожнее:

— Могу ли я истолковать ваши сомнения как признак того, что вы собираетесь принять его предложение?

— Нет-нет! Разумеется, я не собираюсь… Что мне делать? Что бы вы мне посоветовали? Умоляю, дорогая мисс Вудхаус, подскажите мне, что делать!

— Харриет, я не вправе давать вам никаких советов. Не желаю иметь с этим ничего общего. Вы должны заглянуть в свое сердце и определиться со своими чувствами.

— Я и понятия не имела, что так сильно нравлюсь ему, — задумчиво проговорила Харриет, не сводя взгляда с письма.

Какое-то время Эмме удавалось сдерживаться; однако, понимая, насколько подобное письмо может польстить уму ее подружки, она сочла за лучшее добавить:

— Харриет, я завела за правило следующее. Если женщина сомневается, принять ей пред-

ложение или отказать, значит, ей определенно следует отказать. Если нет уверенности в том, что нужно ответить «да», значит, нужно решительно сказать «нет». Это не тот случай, когда допустимы колебания и сомнения. Считая себя вашим другом, тем более старшим вас летами, я почитаю за долг сообщить вам свое мнение. Только не думайте, будто я пытаюсь повлиять на вас.

— О нет! Я знаю, вы слишком, слишком добры ко мне… но если бы вы только намекнули, как мне лучше поступить… Нет-нет, я не то имела в виду… Как вы и сказали, для такого необходимо решиться… Колебания тут неуместны… Это очень серьезная вещь… Наверное, безопаснее будет ответить «нет». Как по-вашему, мне стоит отказать ему?

— Ни за что на свете, — сказала Эмма с ласковой улыбкой, — не стала бы я давать вам советы в таком деле. Кто, как не вы сами, лучше других знаете, в чем ваше счастье? Если вы предпочитаете мистера Мартина любому другому, если вы считаете его самым достойным вас человеком, тогда к чему сомнения? Вы краснеете? Вам в голову пришел еще кто-то, подходящий под это определение? Харриет, Харриет! Не обманывайтесь; не позволяйте благодарности и сочувствию

сбить вас с пути истинного. Признайтесь, о ком вы сейчас думаете?

Симптомы были благоприятными: вместо ответа, Харриет, стоявшая у камина, смущенно отвернулась. И хотя письмо по-прежнему было у нее, она механически вертела его в руках, почти забыв о нем. Эмма с нетерпением ждала результата, однако не питая больших надежд. Наконец Харриет дрожащим голосом произнесла:

— Мисс Вудхаус, так как вы не поделились со мной своим мнением, я должна поступать так, как считаю нужным. И теперь я определенно решилась… словом, я почти уверена в том, что откажу мистеру Мартину. Вы считаете, я права?

— Совершенно, совершенно правы, дражайшая моя Харриет! Вы поступаете правильно. Пока вы сомневались, я придерживала свое мнение при себе, но теперь, когда вы полностью решились, я, не колеблясь, заявляю, что одобряю вас! Дорогая Харриет, вы чрезвычайно порадовали меня своим решением! Меня чрезвычайно огорчило бы, если бы пришлось разорвать с вами знакомство, что неизбежно случилось бы, выйди вы за мистера Мартина. Покуда у вас сохранялась хоть капля сомнений, я ничего не говорила об этом, потому что не хотела влиять на вас. Но ваше замужество

стоило бы мне потери друга. Я не могла бы ездить с визитами к миссис Роберт Мартин на ферму Эбби-Милл. Теперь же я спокойна за вас навсегда.

О подобных последствиях Харриет и не помышляла, и слова Эммы чрезвычайно поразили ее.

— Вы не могли бы приезжать ко мне? — воскликнула она с ошеломленным видом. — Да-да, верно, не могли бы… но мне и в голову не приходило… Это было бы так ужасно! О, теперь я спасена! Дорогая мисс Вудхаус, ни на что на свете я не променяла бы счастье и честь близкой дружбы с вами.

— Действительно, Харриет, я очень страдала бы, лишившись вашей дружбы, однако такова суровая правда. Своим поступком вы перечеркнули бы себе дорогу в хорошее общество. Я должна была бы забыть вас.

— Боже мой! Я бы не вынесла… Да я бы умерла, если бы знала, что никогда больше не переступлю порога Хартфилда!

— Милое дитя! Чтобы такая девушка, как вы, оказалась сосланной на ферму Эбби-Милл! Вы были бы на всю жизнь обречены общаться с необразованными и вульгарными людьми! Меня лишь поражает, как у молодого человека хватило наглости просить вашей руки. Должно быть, он о

себе чрезвычайно высокого мнения.

— Я не думаю, что он настолько самодоволен, — робко возразила Харриет, которой совесть не позволяла смириться с такой оценкой. — По крайней мере, он очень добродушен, и я всегда буду испытывать к нему чувство признательности и уважать его… но ведь это совершенно другое… И потом, хотя я ему, может быть, нравлюсь, отсюда вовсе не следует, что я должна… Кроме того, с тех пор, как я начала ходить к вам, я повстречала немало людей… и если вспомнить их внешность и манеры, тут вовсе не может быть никакого сравнения… Один из них так красив и мил! Однако я все же считаю мистера Мартина очень любезным молодым человеком и высоко ценю его. Он так предан мне и написал такое письмо… но расстаться с вами — нет, на это я не могла бы пойти ни при каких обстоятельствах!

— Спасибо, спасибо, мой дружочек! Мы с вами не расстанемся. Женщина не обязана выходить замуж только потому, что мужчина просит ее об этом, или потому, что он ей предан и может написать такое — надо признаться, довольно милое — письмо.

— Ах да! И к тому же письмо довольно короткое.

Эмма понимала, что вкус подруги оставляет желать лучшего, но вслух заметила, что слова Харриет совершенно справедливы и для нее слабым утешением было бы сознавать, что ее муж, чьи неотесанные манеры ежечасно оскорбляли бы ее, способен написать порядочное письмо.

— О да, вот именно! Какое значение имеют письма? Самое главное — быть счастливым в приятной компании. Я твердо решила отказать ему. Но как мне это сделать? В каких выражениях?

Эмма заверила подругу, что трудностей с ответом не возникнет, и посоветовала написать прямо, на что было получено согласие в надежде на ее помощь; и хотя Эмма продолжала упорно уверять, что никакая помощь не потребуется, на деле она буквально продиктовала Харриет ответ. Пока Харриет перечитывала письмо Роберта Мартина, пока обдумывала ответ, сердечко ее снова растаяло, а решимость пропала; и настолько расстроила ее мысль о том, что он будет несчастен, и она так переживала о том, что его сестры и матушка сочтут ее неблагодарной, что Эмме подумалось: явись сейчас сюда молодой человек, и она в конце концов примет его предложение.

Однако ответ был наконец написан, запечатан и отправлен. Дело было закончено, Харриет спа-

сена. Весь вечер она пребывала в унынии, однако Эмма прекрасно понимала состояние подруги и по мере сил старалась развеселить и отвлечь ее, то уверяя в своей преданности, то напоминая ей о мистере Элтоне.

— Меня больше никогда не пригласят на ферму Эбби-Милл, — вздыхала Харриет.

— Если бы и пригласили, Харриет, голубушка, я бы вас ни за что не отпустила! Вы слишком нужны здесь, в Хартфилде, чтобы понапрасну терять время в Эбби-Милл.

Некоторое время спустя Харриет воскликнула:

— Вот удивилась бы миссис Годдард, узнай она, что случилось! Я уверена, что мисс Нэш удивится… ведь мисс Нэш полагает, что ее сестра очень удачно вышла замуж, а ее зять всего-навсего торговец сукном.

— Харриет, ну какого достоинства или утонченности можно требовать от школьной учительницы? Рискну предположить, что мисс Нэш станет завидовать вам только потому, что вам сделали предложение. Даже такой поклонник в ее глазах выглядит ценным приобретением. Однако она и не догадывается о том, что вам суждено иное. Внимание известной вам особы вряд ли стало уже предметом всеобщего обсуждения в

Хайбери. Поэтому я полагаю, что мы с вами единственные, кто понимает значение его взглядов и поведения.

Харриет зарделась, улыбнулась и пролепетала: ей странно, что некоторые так хорошо к ней относятся. Мысль о мистере Элтоне, несомненно, подбодрила ее; но все же спустя некоторое время в ее нежном сердечке вновь загорелась жалость к отвергнутому мистеру Мартину.

— Теперь он получил мое письмо, — тихо сказала она. — Интересно, что они все сейчас делают? Знают ли его сестры? Если он несчастен, они тоже будут несчастны. Я надеюсь, он не очень расстроится.

— Давайте подумаем о тех наших отсутствующих друзьях, кто занят более приятными делами! — воскликнула Эмма. — Может быть, именно сейчас, сию минуту, мистер Элтон показывает картину своей матери и сестрам, рассказывает, насколько оригинал красивее портрета, и после того, как его пять или шесть раз попросят, согласится назвать им ваше имя, столь дорогое его сердцу.

— Мой портрет? Но он ведь оставил его на Бонд-стрит.

— Если бы так! Тогда я ничего не понимаю в

характере мистера Элтона. Нет, моя милая скромница, уверяю вас, что рисунок не окажется на Бонд-стрит до завтрашнего утра, когда он оседлает свою лошадь. На сегодняшний вечер ваш портрет — его утешение, его единственная отрада. Портрет поможет мистеру Элтону раскрыть свои намерения перед родней; посредством этого рисунка он как бы вводит вас в их круг, возбуждая в каждом из своих родственников приятнейшие чувства, свойственные человеческой природе: живое любопытство и теплое предрасположение. Как им сейчас весело, как живо они обсуждают предстоящие события, сколько радужных надежд и новых, радостных мыслей зарождается в их головах!

Харриет снова улыбнулась и перестала грустить.

Глава 8

На ночь Харриет осталась в Хартфилде. В последние недели она проводила здесь большую половину своего времени; ей даже отвели собственную спальню; Эмма сочла, что во всех отношениях спокойнее и приятнее будет, сколько возможно, держать ее при себе. На следующее утро Харриет обязана была час или два провести у миссис Годдард, однако потом Эмма ждала ее обратно; в Хартфилде ей предстояло провести, как обычно, несколько дней.

Пока ее не было, зашел мистер Найтли и некоторое время посидел с мистером Вудхаусом и Эммой, пока мистер Вудхаус, который еще раньше вознамерился выйти прогуляться, не уступил настоянию дочери и гостя — оба уговорили его не жертвовать своим намерением во имя гостеприимства — и скрепя сердце, расточая пространные извинения, не покинул их. Мистер Найтли, которого в Хартфилде считали совершенно за своего, в сжатых и резких выражениях преодолел нерешительность хозяина дома.

— Что ж, мистер Найтли, надеюсь, вы меня

простите и не сочтете грубияном, если я воспользуюсь советом Эммы и выйду прогуляться на четверть часика. Так как солнце зашло, я полагаю, что в состоянии буду совершить три круга. Я с вами без церемоний, мистер Найтли. Нам, инвалидам, всегда кажется, будто мы обладаем некими привилегиями.

— Дорогой мой сэр, не делайте из меня чужака.

— Оставляю вам свою дочь — прекрасная замена! Эмма с удовольствием займет вас. Засим вынужден просить у вас прощения и отправляюсь на прогулку: три круга — вот мой зимний обычай.

— Вы не могли бы придумать ничего лучшего, сэр.

— Я бы попросил вас об удовольствии сопровождать меня, мистер Найтли, но я очень медленно хожу и боюсь утомить вас, кроме того, вам ведь еще предстоит долгий обратный путь домой, в Донуэлл.

— Спасибо, сэр, спасибо! Я и сам сию минуту собирался уходить. По-моему, чем скорее вы отправитесь на прогулку, тем лучше. Я подам вам пальто и открою садовую калитку.

Наконец мистер Вудхаус ушел; но мистер Найтли, вместо того чтобы немедленно последовать

его примеру, снова сел и, казалось, был расположен еще поболтать. Он завел речь о Харриет, причем отзывался о ней самым благоприятным образом — Эмме еще не доводилось слышать от него похвал в адрес своей подружки.

— Я не в состоянии так, как вы, восхищаться ее красотой, — сказал он, — но она премиленькое создание, да и нрава самого похвального. Ее характер всецело зависит от общества, в котором она вращается; однако не сомневаюсь, что в хороших руках из нее выйдет достойная женщина.

— Я рада, что вы так думаете. Надеюсь, тут и хорошие руки не понадобятся.

— Полно, — возразил он. — Вы напрашиваетесь на комплимент, и потому вот вам: вы улучшили ее. Вы излечили ее от манеры глупо хихикать в ответ на любое замечание; она действительно делает вам честь.

— Благодарю вас. Я бы очень огорчилась, если бы узнала, что оказалась для нее бесполезна; однако мои заслуги в основном остаются незамеченными. Вот вы, например, нечасто жалуете меня похвалой.

— Значит, вы ждете ее снова сегодня утром?

— Она должна явиться с минуты на минуту. Странно, что ее до сих пор нет.

— Кое-что задержало ее. Возможно, к ней кто-то пришел.

— Как у нас в Хайбери любят почесать языки! Житья нет от этих сплетниц!

— Возможно, Харриет куда благосклоннее вас относится к некоторым особам.

Признавая его правоту, Эмма не стала возражать и промолчала. Он же с улыбкой добавил:

— Я не вправе распространяться о подробностях, однако должен сообщить, что у меня есть все основания полагать: скоро вашей маленькой подружке будет сделано весьма лестное предложение.

— В самом деле? Как так? Какого рода?

— Уверяю вас, весьма серьезного, — заверил он улыбаясь.

— Весьма серьезного! Это не может быть ничто другое, кроме… Кто влюблен в нее? Кто поверяет вам свои тайны?

Эмма была более чем наполовину уверена, что намек обронил мистер Элтон. Мистер Найтли считался в Хайбери кем-то вроде всеобщего друга и советчика; кроме того, она знала, как уважает его мистер Элтон и как считается с его мнением.

— У меня есть все основания полагать, — продолжал он, — что скоро Харриет Смит получит

предложение руки и сердца, притом с совершенно неожиданной стороны: от Роберта Мартина. После того как она летом гостила у него на ферме, он совершенно потерял голову. Он отчаянно влюблен и собирается жениться на ней.

— Он очень любезен. — Эмма поджала губы. — Однако уверен ли он в том, что Харриет согласится выйти за него?

— Да будет вам! Ладно, открою вам секрет: он намерен сделать ей предложение. Теперь вы довольны? Пару дней назад, вечером, он заглянул ко мне с целью испросить моего совета по этому поводу. Он знает, что я очень расположен к нему и ко всей его семье, и, полагаю, считает меня одним из своих лучших друзей. Он пришел спросить меня, не слишком ли, по-моему, неблагоразумно ему жениться так рано; не считаю ли я его слишком молодым; короче говоря, одобряю ли я в целом его выбор; возможно, он стал сомневаться с тех пор, как ее, не без вашего участия, начали относить к высшему обществу, точнее, ставить несколько выше его по положению. Я был весьма удовлетворен его словами. Редко встретишь такого здравомыслящего молодого человека, как Роберт Мартин. Он всегда говорит по существу: прямо, открыто и очень взвешенно.

Он поведал мне обо всем: о своих теперешних обстоятельствах и о дальнейших планах, а также о том, что они все собираются делать в случае его женитьбы. Он превосходный молодой человек, образцовый сын и брат. Я, не колеблясь, одобрил его намерения. Он доказал мне, что может позволить себе жениться; по-моему, он сделал прекрасный выбор. Я, не жалея слов, расхваливал его избранницу; словом, он ушел от меня совершенно счастливый. Даже если бы прежде он невысоко ценил мое мнение, теперь он, по всей вероятности, преисполнился ко мне уважения и, рискну предположить, покинул мой дом, считая меня своим самым лучшим другом и советником. Он был у меня позавчера вечером. Думаю, что ему не понадобится много времени, чтобы поговорить с дамой своего сердца, а так как вчера он, кажется, в городе не объявлялся, вполне вероятно, что он отправится к миссис Годдард сегодня. Потому-то я и сказал вам, что к ней сегодня, возможно, кое-кто придет — кое-кто, кого она вовсе не сочтет докучным и утомительным.

— Прошу вас, мистер Найтли, скажите, — лукаво попросила Эмма, которая на протяжении почти всей его речи улыбалась про себя, — откуда вам известно, что мистер Мартин не объяснился

вчера?

Он удивился:

— Ну конечно, ручаться я не могу, однако же такой вывод сделать нетрудно. Разве не провела она весь вчерашний день с вами?

— Полно, — улыбнулась Эмма, — в ответ на то, что вы мне поведали, я вам тоже кое-что расскажу. Он действительно говорил с нею вчера — точнее, прислал ей письмо — и получил отказ.

Ей пришлось повторить свои слова еще раз, так как мистер Найтли отказывался верить. Получив заверения в том, что так все и было, он вспыхнул и вскочил с места. Пылая негодованием, он заявил:

— Значит, она куда глупее, чем я предполагал! Почему же эта пустышка ему отказала?

— Ах! Разумеется, — возразила Эмма, — мужчине не понять, как девица может отказаться от предложения руки и сердца! Вы, верно, воображаете, будто женщины рады выскочить замуж за кого угодно — хоть за первого встречного!

— Чушь! Ни одному мужчине такое и в голову не придет. Подумать только! Харриет Смит отказала Роберту Мартину! Если она это сделала, она полная дура! Впрочем, по-моему, вы ошибаетесь.

— Я видела ее ответ; яснее и быть не может.

— Вы видели ее ответ! Я понял. Вы его и написали. Эмма, это ваших рук дело! Вы убедили ее отказать ему.

— Если и убедила (а я далека от утверждения, будто это так), то я отнюдь не считаю, что поступила дурно. Допускаю, что ваш мистер Мартин — порядочный молодой человек, однако я не могу признать его ровней для Харриет; я порядком удивилась, что он вообще осмелился обратиться к ней с подобным предложением. Судя по вашему рассказу, он, кажется, испытывал какие-то сомнения. Жаль, что он не посчитался с ними.

— Он — не ровня для Харриет! — громко и с чувством повторил мистер Найтли и несколько секунд спустя прибавил, посуровев: — Да, он и верно не ровня ей: он настолько же выше ее по разуму, насколько и по положению. Эмма, вас ослепляет ваше увлечение этой девушкой. Да как может Харриет Смит — при ее-то происхождении, характере, воспитании — рассчитывать на более выгодную партию, чем Роберт Мартин? Она — внебрачная дочь неизвестно кого! Скорее всего, бесприданница; знатной родней она тоже похвастаться не может. Про нее известно только, что она постоянно живет при пансионе. Нельзя ее назвать ни умной, ни образованной. Ее не

научили ничему полезному; для того же, чтобы развиваться в нужном направлении самостоятельно, она слишком молода и бесхитростна. В силу возраста у нее не было времени приобрести ценный жизненный опыт; кроме того, маловероятно, чтобы она, со своими куриными мозгами, способна была научиться чему-либо полезному. Она хорошенькая, добродушная девушка, но это все ее достоинства! Мои сомнения насчет этого союза касались исключительно Мартина, так как для него женитьба на Харриет Смит — явный мезальянс. По-моему, он вправе рассчитывать для себя на более выгодную партию; а если он собирался приобрести разумную спутницу жизни и дельную помощницу, он явно просчитался. Однако все мои доводы бесполезны для влюбленного; я склонен был положиться на то, что и вреда от нее не будет, так как он вполне способен облагородить Харриет и вылепить из нее впоследствии хорошую жену. Одобряя его решение, я полагал, что она только выиграет, выйдя за него замуж; и нисколько не сомневался (как не сомневаюсь и сейчас): не найдется человека, не согласного с тем, что ей невероятно повезло. Я уверен был даже в том, что вы будете довольны. Я сразу подумал о вас: вам не придется сожалеть

о том, что ваша приятельница покидает Хайбери, ибо вы будете радоваться, что она так хорошо устроена. Помню, я еще сказал себе: «Даже Эмма, при всей ее склонности к Харриет, сочтет, что это хорошая партия».

— Не перестаю вам удивляться. Вы столь мало знаете Эмму, чтобы предположить, что она обрадуется… Как! Счесть фермера (а при всех своих несомненных достоинствах мистер Мартин всего лишь фермер) хорошей партией для моей ближайшей подруги! Не жалеть, что она покидает Хайбери, так как она выходит за человека, с которым я никогда не смогу водить знакомство! Удивляюсь, как такое могло прийти вам в голову! Уверяю вас, я мыслю совершенно по-иному. И ни в коем случае не считаю ваше мнение правильным. Вы предвзято относитесь к Харриет. Однако не сомневаюсь, что найдутся люди, которые, подобно мне, оценят ее по достоинству. Мистер Мартин, возможно, и богаче ее, однако по положению в обществе он находится неизмеримо ниже. Она вращается в ином кругу. Выйдя за него, она скатится вниз.

— Скатится вниз? Незаконнорожденная дурочка скатится вниз, выйдя за уважаемого, умного и благородного фермера!

— Что касается обстоятельств ее рождения, их не следует рассматривать с общепринятой точки зрения, хотя в юридическом смысле она — никто. Она не обязана расплачиваться за грехи своих родителей, опускаясь на уровень ниже тех, с кем она воспитывалась. Вряд ли можно сомневаться и в том, что ее отец джентльмен, притом джентльмен состоятельный. Ей положено весьма щедрое содержание; на ее воспитание и удобства денег не жалеют. Для меня очевидно, что она — дочь джентльмена; насколько мне известно, никто не станет отрицать, что она общается с дочерьми джентльменов. Она неизмеримо выше Роберта Мартина.

— Кем бы ни были ее родители, — не сдавался мистер Найтли, — кто бы ни заботился о ней, отсюда совершенно не следует, что ее попечители собираются ввести ее в то общество, которое вы называете «хорошим». Получив весьма посредственное образование, она осталась на попечении миссис Годдард жить, как умеет, — короче говоря, передана миссис Годдард, обречена знаться с миссис Годдард. Очевидно, ее друзья решили, что этого с нее довольно. И действительно, этого было довольно. Сама она ничего лучшего для себя и не желала. До тех

пор, пока вы не избрали ее себе в наперсницы, ей даже и в голову не приходило считать себя выше своего окружения; она не питала никаких тщеславных надежд. Летом она была счастлива на ферме у Мартинов. Тогда у нее не было мыслей о собственном превосходстве. Если же теперь подобные мысли закрались к ней в голову, то винить за это следует вас. Плохую службу вы, Эмма, сослужили Харриет Смит. Роберт Мартин ни за что не осмелился бы зайти так далеко, если бы не был убежден, что он ей не неприятен. Я хорошо его знаю. Если бы речь шла просто об эгоистичном влечении с его стороны, он ни за что не решился бы докучать ей. К тому же он напрочь лишен самонадеянности, уж вы мне поверьте. Так что у него были основания предлагать ей руку и сердце. Его к этому поощряли.

Эмма решила, что для нее безопаснее будет не отвечать; она предпочла вернуть разговор в прежнее русло:

— Вы верный друг для мистера Мартина, однако при этом, как я уже говорила, вы крайне несправедливы к Харриет. Почему вы решили, будто она недостойна хорошей партии? Да, умом она не блещет, но здравого смысла у нее больше, чем вам кажется, и она не заслуживает

презрения с вашей стороны. Позвольте напомнить вам ваши собственные слова. Допустим, ваше описание справедливо и она всего лишь хорошенькая и добронравная девушка. Однако она не просто хорошенькая! Она настоящая красавица — девяносто девять человек из ста, без сомнения, признают мою правоту. А мужчины, несмотря на все уверения, почему-то предпочитают красавиц умницам; покамест хорошенькое личико обладает для них большей притягательностью, нежели ум, такая прелестная девушка, как Харриет, может быть уверена во всеобщем восхищении! Следовательно, она имеет право выбирать. Да и ее добросердечие не стоит сбрасывать со счетов. Добавьте к этому ее мягкий, покладистый характер, изящные манеры, очень скромное самомнение и умение довольствоваться малым. Я очень удивлюсь, если большинство представителей вашего пола не оценят такую красоту в сочетании с таким характером и не сочтут их высшей добродетелью, какой может обладать женщина.

— Честное слово, Эмма, когда я слышу, как вы поносите свойственный вам разум, я чуть ли не готов сам согласиться с вами. Лучше быть вовсе без ума, чем так неправильно применять свой

разум, как вы.

— Разумеется! — весело воскликнула она. — Я знаю, что именно так вы все и думаете. Я знаю, что такая девушка, как Харриет, составит счастье любого мужчины — ее внешность завораживает, а ум будет льстить его самомнению. Ах! Харриет стоит только пальчиком поманить… Даже для вас она стала бы желанной партией — если бы вы вздумали вдруг жениться. И стоит ли удивляться и осуждать ее — семнадцатилетнюю, только вступающую в жизнь, только начинающую пользоваться известностью, только за то, что она не приняла первое же полученное ею предложение? Нет! Ради бога, дайте ей время оглядеться.

— Я и прежде считал вашу тесную дружбу глупостью, — отвечал на то мистер Найтли, — хотя мысли свои держал при себе. Но теперь я вижу, что дружба эта принесет Харриет несчастье. Вы так напичкаете ее мыслями о ее красоте и о том, на что она имеет право претендовать, что спустя короткое время ей все женихи будут казаться плохими. Тщеславие, не подкрепленное умом, выходит для его обладательницы боком. Юной девице ничего не стоит возомнить себя выше всех; но может статься, воздыхатели не выстроятся в очередь, дабы просить руки мисс Харриет Смит,

хотя она и очень хорошенькая девушка. Людям здравомыслящим, что бы вы там ни говорили, жена-дурочка ни к чему. Людям знатным не по душе родниться с девушкой, чье происхождение туманно. А самые щепетильные и осторожные воздыхатели испугаются неудобного и постыдного положения, в каком могут оказаться, если приподнимется завеса над тайной ее рождения. Выйдя же за Роберта Мартина, она обретет покой, уважение и вечное счастье; но, если вы станете поощрять ее выйти замуж за человека, стоящего выше ее, поучать, чтобы она довольствовалась не меньше чем влиятельным и очень состоятельным человеком, она, возможно, так и проведет всю жизнь в пансионе миссис Годдард, впрочем, нет: такая девушка, как Харриет Смит, рано или поздно выскочит замуж, да только она уже рада будет, если удастся подцепить сына старого учителя чистописания.

— Мы с вами, мистер Найтли, по данному вопросу думаем совершенно по-разному, поэтому дальнейшие разговоры абсолютно неуместны. Мы только будем все сильнее злить друг друга. Но поскольку вы заговорили о том, будто я запретила ей выходить за Роберта Мартина, я должна ответить вам: я ни к чему ее не принуждала. Она

сама отказала ему, притом в таких выражениях, что, полагаю, больше он к ней не подступится. И ее решения ничто не изменит, какие бы горести за ним ни последовали; не стану притворяться, будто я вовсе не оказала на нее никакого влияния, но уверяю вас, мне почти ничего не надо было делать. Его внешность и дурные манеры настолько не в его пользу, что даже если когда-либо она и питала к нему симпатию, то теперь с этим покончено. Дерзну предположить: до тех пор, пока она не знала никого другого, она еще выносила его. Он — брат ее подруг и из кожи вон лез, чтобы угодить ей. Бывая в гостях у него на ферме, она просто не видела и не знала никого лучше, потому-то и относилась к нему снисходительно. Поэтому он и решился сделать ей предложение. Но теперь все изменилось. Она познакомилась с настоящими джентльменами, и теперь у неотесанного, грубого фермера нет ни малейшей возможности получить руку Харриет.

— Чушь, самая несусветная чушь из всех, какие мне доводилось слышать! — в сердцах воскликнул мистер Найтли. — Роберт Мартин буквально олицетворение здравого смысла, а его манеры излучают искренность и добродушие — все это говорит в его пользу. В нем куда больше истинно-

го благородства, чем способна понять и оценить Харриет Смит.

Эмма напустила на себя беззаботный вид и промолчала, но на самом деле ей было не по себе: ей очень хотелось, чтобы он ушел. Она не раскаивалась в содеянном. Она считала, что имеет больше прав, чем он, судить о правах женщин и об истинном благородстве, однако она привыкла доверять его суждениям и уважать их, поэтому ее задело то, что он так открыто выступает против нее; его гнев также был очень неприятен. Несколько минут прошли в неловком молчании. Эмма сделала всего одну попытку заговорить о погоде, однако ответа не получила. Он напряженно размышлял о чем-то и в конце концов заявил:

— Для Роберта Мартина потеря невелика — правда, вряд ли он сейчас в состоянии это понять. Надеюсь, вскоре он утешится. Мне неясно какие планы строите вы в отношении Харриет, но, поскольку вы не скрываете своего пристрастия к сватовству, рискну предположить, что и ее вы намерены с кем-то свести, строите планы и плетете сети. Позвольте же на правах друга намекнуть: если вашей целью является Элтон, не трудитесь — ничего не выйдет.

Эмма засмеялась и отрицательно покачала

головой. Он продолжал:

— Положитесь на мое слово, с Элтоном ничего не получится. Он в своем роде очень хороший малый, в нашем приходе его все уважают, но он ни в коем случае не женится очертя голову. Ему, впрочем, как и всем остальным, ясны все выгоды солидного дохода. Элтон способен на сентиментальные речи, но действовать будет, повинуясь разуму, а не зову сердца. Ему так же хорошо известно, чего он добивается от жизни, как вам, наверное, известны притязания Харриет. Он знает, что он весьма привлекательный молодой человек; в любом доме он желанный гость и всеобщий любимец; однако в обществе мужчин сдерживаться и притворяться ему ни к чему, и из его слов, произносимых в кругу близких друзей, я понял, что он не намерен продешевить. Как-то я слышал, как он с воодушевлением описывал знакомых своих сестер — некое семейство, в котором есть несколько юных леди; каждая из них является наследницей двадцати тысяч годового дохода.

— Я весьма вам признательна, — заявила Эмма, снова рассмеявшись. — Если бы я действительно замышляла женить мистера Элтона на Харриет, очень мило с вашей стороны было бы открыть мне глаза. Однако в настоящее время я хочу лишь

удержать Харриет при себе. Со сватовством покончено раз навсегда! Повторить такой успех, как в Рэндаллсе, мне не удастся. Лучше отстраниться, пока все хорошо.

— Что ж, засим прощайте, — заявил он, вставая, и немедленно ушел.

Он был очень раздосадован. Он понимал, как огорчен и унижен сейчас молодой фермер, и сам испытывал унижение, так как своим одобрением невольно поспособствовал его выбору; а уж роль Эммы во всей этой истории раздражала его чрезвычайно.

Эмма также ощущала досаду, однако, в отличие от мистера Найтли, не вполне понимала ее причины. В отличие от мистера Найтли, она не могла совершенно положиться на себя и не была столь же непоколебимо убеждена в справедливости собственных суждений и в ложности суждений и оценок своего оппонента. Он ушел с сознанием своей правоты, ее же оставил в сомнениях. Пусть все не так плохо, однако исцелить ее от хандры способны были лишь время и Харриет. Почему Харриет так долго не возвращается? Эмме стало не по себе. Что, если молодой человек сегодня самолично явился к миссис Годдард, увиделся с Харриет и склонил ее выйти за него замуж? Эмма

разволновалась не на шутку, и, когда наконец появилась Харриет, веселая, беззаботная — ее задержали всякие мелкие дела, — Эмма вздохнула с облегчением и перестала мучиться. Пусть мистер Найтли думает и говорит что хочет, а она не сделала ничего, что не могло бы быть оправданным женской дружбой и женским чувством.

Его слова о мистере Элтоне слегка встревожили Эмму, но потом она успокоила себя: мистер Найтли не в состоянии понять его так же хорошо, как она; кроме того, у мистера Найтли, как бы пренебрежительно ни отзывался он о ее склонности к сватовству, нет ее остроты восприятия; вдобавок он был раздосадован; следовательно, он скорее выдавал желаемое за действительное, чем знал что-то доподлинно. Разумеется, в мужском кругу мистер Элтон держится более непринужденно, чем в ее присутствии; и уж конечно, мистер Элтон не может быть совершенно неосмотрительным и равнодушным к деньгам, наоборот, вполне естественно предположить, что ему не чужд особый интерес к такого рода делам, но мистер Найтли забывает о том, что любовь способна превозмочь любые меркантильные соображения. Самому мистеру Найтли подобные чувства неведомы, а вот ей довелось наблюдать немало подобных

примеров, и посему она не сомневается: пылкая страсть способна преодолеть всякие сомнения, вызванные к жизни разумной предосторожностью; а осторожность, превосходящая степенью обычную, была, по ее убеждению, несвойственна мистеру Элтону.

При виде радостной, беззаботной Харриет Эмма тоже повеселела: Харриет явно начинает забывать мистера Мартина и жаждет поговорить о мистере Элтоне. Она с величайшим удовольствием передала то, что сообщила ей мисс Нэш. К миссис Годдард пришел мистер Перри, чтобы осмотреть больного ребенка, и мисс Нэш его видела, и он сказал мисс Нэш, что вчера, возвращаясь из Клейтон-парка, он встретил мистера Элтона и, к своему великому удивлению, узнал, что мистер Элтон едет в Лондон и не собирается возвращаться до завтра, хотя вечером они должны были играть в вист, а ведь известно, что прежде он не пропускал ни одного вечера; мистер Перри пытался пристыдить его: мистеру Элтону, как лучшему игроку, совестно не появляться; он всячески убеждал его отложить поездку всего на день, однако толку от этого не было. Мистер Элтон был исполнен решимости ехать, он сказал очень решительным тоном, что едет по делу,

которое ни за что не отложил бы — ни за какие блага мира! И еще что-то о каком-то очень завидном поручении и о том, что он хранит у себя нечто чрезвычайно ценное. Мистер Перри не вполне его понял, но совершенно убежден, что тут не обошлось без дамы, — он так ему и сказал, а мистер Элтон только улыбался и выглядел очень многозначительно. Он ускакал в превосходном настроении. Мисс Нэш передала ей всю историю и еще много чего наговорила про мистера Элтона; и прибавила, глядя на нее со значением, что она не притворяется, будто понимает, какое у него может быть дело, она только знает: кого бы ни предпочел мистер Элтон, ее можно почитать величайшею счастливицею на свете, ибо, вне всякого сомнения, трудно найти второго такого красавца с такими изящными манерами, как мистер Элтон.

Глава 9

Поссорившись с мистером Найтли, Эмма места себе не находила. Он так рассердился на нее, что не показывался в Хартфилде дольше обычного; когда же наконец пришел, его суровый взгляд свидетельствовал о том, что она не прощена. Эмме стало грустно, но она не чувствовала за собой никакой вины. Наоборот, все ее планы и предположения все более и более подтверждались, а события последующих нескольких дней окончательно уверили ее в своей правоте.

Вскоре по возвращении мистер Элтон торжественно вручил ей пресловутый портрет в изящной рамочке. Его повесили над каминной полкой, мистер Элтон встал, чтобы полюбоваться портретом, и от восхищения словно лишился дара речи — он лишь томно вздыхал. Что же касается Харриет, то ее склонность к нему росла день ото дня. Вскоре Эмма вполне успокоилась: о мистере Мартине подруга если и поминала, то только сравнивая его с мистером Элтоном — разумеется, последний превосходил молодого фермера во всех отношениях.

Эмма намеревалась развить своего маленького друга при помощи полезного чтения и бесед, однако им так и не удалось продвинуться дальше нескольких первых глав и обещаний «продолжить завтра». Куда легче было болтать, чем заниматься, куда приятнее дать волю фантазии и обсуждать будущее Харриет, чем трудиться над пополнением ее образования или внушать ей сухие, скучные факты; единственным же литературным занятием, которое в настоящее время увлекало Харриет, единственной духовной пищей, которую она словно копила впрок, на старость, было собирание всевозможных загадок и шарад, какие ей попадались, и переписывание их в подготовленные Эммой тетрадки в четверть листа, сшитые из глянцевой бумаги, украшенной завитушками и виньетками.

В наш просвещенный век подобные душеспасительные занятия не являются редкостью. Мисс Нэш, старшая учительница в школе миссис Годдард, записала по меньшей мере три сотни загадок; она же подвигла Харриет собирать все загадки; Харриет надеялась с помощью мисс Вудхаус перещеголять свою наставницу. Эмма призвала на помощь вдохновение, память и вкус, и, так как почерк у Харриет был премилый, ее

собрание обещало стать лучшим в своем роде — как по содержанию, так и по форме.

Мистера Вудхауса новое начинание заинтересовало почти так же сильно, как и девушек, и он очень часто пытался вспомнить что-нибудь подходящее к случаю. Во дни его молодости было столько хитроумных загадок — странно, однако, что сейчас он не в состоянии припомнить ни одной! Но он надеется, что постепенно вспомнит. Его попытки всегда заканчивались старой загадкой «Холодная Китти огонь разожгла».

Его большой друг Перри, которому он рассказал о занятии девушек, тоже пока не мог припомнить ни одной загадки, но мистеру Вудхаусу хотелось, чтобы Перри держал уши открытыми: раз он всюду бывает, может, и услышит где что-нибудь подходящее.

Его дочь ни в коей мере не желала, чтобы в собирании загадок участвовали все лучшие умы Хайбери. Она просила помощи у одного мистера Элтона. Его приглашали внести вклад в эту коллекцию шарад и разных головоломок всем, что он только может припомнить; она с удовольствием наблюдала за его усилиями. В то же время от Эммы не ускользнуло, насколько он осторожен — словно опасается, что с его уст сорвется какое-

нибудь неизящное выражение, не несущее в себе комплимента прекрасному полу. Очевидно, он очень боялся оскорбить слух присутствующих в гостиной дам. Благодаря ему коллекция пополнилась парой-тройкой загадок самого изысканного свойства; а радость и воодушевление, с какими он наконец вспомнил и довольно слащаво продекламировал одну хорошо известную шараду, чуть не заставили ее пожалеть о том, что они уже записали ее несколько страниц назад. Вот эта шарада:

Мой первый слог – в кипящем чайнике;
Второй – с китами связан неслучайно.
А вместе – океан, свобода,
Стихия, красота, природа!

— Мистер Элтон, а почему бы вам самому не сочинить для нас шараду? — предложила Эмма. — Для вас ничего не может быть легче, а мы пополним коллекцию безусловно новым экземпляром.

Мистер Элтон стал отнекиваться. Он никогда не писал, вообще никогда в жизни не сочинял ничего подобного. О, в вопросах сочинительства шарад он сущий глупец! Он боится, что даже мисс Вудхаус… (тут он помедлил) или мисс Смит не

вдохновят его на такой подвиг.

Однако на следующий же день он принес им плоды своего вдохновения. Он заскочил всего на несколько минут — принес им шараду, которую, по его словам, сочинил один его приятель. Этот приятель посвятил свое произведение некоей молодой даме, предмету его восхищения. Выслушав его сбивчивые объяснения, Эмма тут же поняла, что шараду придумал он сам.

— Я не предлагаю ее в коллекцию мисс Смит, — заявил он. — Поскольку она принадлежит моему другу, я не имею права представлять ее на суд общественности, но, возможно, вам не будет неприятно взглянуть на нее.

Речь его была предназначена более Эмме, нежели Харриет, что Эмма вполне понимала. Он очень стеснялся, и ему легче было встретиться глазами с ней, чем с ее подругой. Вскоре он ушел — впрочем, еще немного помедлил на пороге.

— Возьмите, — сказала Эмма, улыбаясь и подталкивая листок к Харриет. — Это ваше. Возьмите то, что вам принадлежит.

Но Харриет так дрожала, что не смела прикоснуться к листку; и Эмма, никогда не страдавшая от излишней застенчивости, вынуждена была первой изучить его содержимое.

Мисс...

ШАРАДА

Сначала – буквы три, исходят от движенья,
От обода, от колеса, от достижений.
Затем глагол твердит о чувстве вечном и высоком,
О самом сладостном, бесценном и глубоком.
А в целом – высоко предназначенье,
Не каждому дается отношенье
К другим, равно к себе – без сожаленья,
В восторге, радости и в упоенье.
Умом глубоким угадаешь —
В глазах лучистых прочитаю!

Эмма перечла шараду, подумала немного, отгадала, какое слово имеется в виду, снова пробежала глазами шараду, чтобы удостовериться наверняка, а затем передала листок Харриет. Она уселась, радостно улыбаясь, и сказала себе, пока Харриет ломала голову над загадкой, преисполненная надежд и томления: «Недурно, мистер

Элтон, очень и очень недурно. Я читывала и худшие шарады. «Возлюбить» — вполне ясный намек. Он делает вам честь. Куда уж яснее? Он вполне недвусмысленно взывает: «Умоляю, мисс Смит, позвольте открыть вам свое сердце. Отнеситесь к моей шараде и к моим намерениям одинаково снисходительно».

«В глазах лучистых прочитаю!»

Вылитая Харриет. Для ее ясных глазок невозможно подобрать лучшего эпитета!

«Умом глубоким отгадаешь…» Хм. Это у Харриет-то — глубокий ум? Что ж, тем лучше. Мужчина должен влюбиться поистине без памяти, чтобы так описывать предмет своих воздыханий. Ах, мистер Найтли! Хотелось бы мне, чтобы вы сейчас присутствовали в нашей гостиной; последние события развеяли бы ваше недоверие. Один раз в жизни вы вынуждены будете признать себя неправым. Честное слово, превосходная шарада! Совершенно исключает всякие двусмысленные толкования. Значит, и объяснение в любви не заставит себя ждать».

Она с неохотой вынуждена была отвлечься от своих в высшей степени приятных размышлений, которые в противном случае грозили вылиться в продолжительные разговоры, поскольку

Харриет трепетала от волнения и измучила ее вопросами:

— Какое же тут спрятано слово, мисс Вудхаус? Что это может быть? Совершенно, совершенно не представляю… ни малейшей зацепки… Ах, как трудно! Я понятия не имею… Прошу вас, мисс Вудхаус, попробуйте отгадать! Пожалуйста, помогите мне! Никогда не встречала такой трудной загадки. Что же это такое? Движение? Интересно, кто таков его приятель… и кто эта молодая дама! Как вы думаете, это хорошая шарада? Смысл приличный? Может, он загадал слово «колесо»? «От обода, от колеса, от достижений»! Или, может, это «чувство»? «Затем глагол твердит о чувстве вечном и высоком»… Что же? Вечность? Высота? О нет! В «высоте» целых три слога! Разгадка должна быть очень хитроумной, иначе он не принес бы шараду. Ах, мисс Вудхаус, как вы думаете, доберемся ли мы когда-нибудь до ее сути?

— Вечность и высота? Чушь! Моя милая Харриет, о чем вы? Какой смысл приносить нам шараду, якобы сочиненную другом, если отгадка — «колесо» или «высота»? Дайте сюда листок и слушайте внимательно. «Мисс…» — читайте: «Мисс Смит». «Сначала — буквы три, исходят от движенья, / От обода, от колеса, от достижений».

Это — «воз». «Затем глагол твердит о чувстве вечном и высоком, / О самом сладостном, бесценном и глубоком». Это — «любить». Только и всего! Ну а теперь — самое главное: «А в целом («возлюбить», понимаете!) — высоко предназначенье, / Не каждому дается отношенье / К другим, равно к себе — без сожаленья (возлюбить ближнего, как самого себя!) / В восторге, радости и упоенье». Какой изысканный комплимент! Но за ним еще следует предложение; думаю, милая Харриет, вам не составит большого труда разъяснить себе его смысл. Прочтите еще раз и успокойтесь. Нет никаких сомнений в том, что шарада написана о вас и для вас.

Харриет не пришлось долго убеждать в столь приятном для нее открытии. Она перечла заключительные строчки, вспыхнула и счастливо потупилась. Говорить она не могла — от избытка чувств. Однако ей говорить и не требовалось. За нее говорила Эмма.

— Значение этой шарады настолько ясно и недвусмысленно, — увлеченно продолжала она, — что у меня нет ни малейших сомнений относительно намерений мистера Элтона. Предмет его воздыханий — вы! Надеюсь, вскоре вы получите полнейшее доказательство его чувств.

Да, вероятнее всего, так и будет. Мне казалось, что говорить о чем-то определенном несколько преждевременно; однако теперь у меня исчезли последние сомнения. Состояние его настолько же ясно и определенно, как и мое желание благополучного завершения этой истории, которое я питаю с тех самых пор, как узнала вас. Да, Харриет, с самых первых дней нашего знакомства я желаю, чтобы произошло то, что, несомненно, вскоре случится. Не скажу, какой мнится мне ваша взаимная склонность с мистером Элтоном — более желаемой или более естественной. Вероятность и законность такого взаимного влечения превосходно дополняют друг друга! Я очень счастлива. Поздравляю, милая Харриет, поздравляю от всего сердца. Такой привязанностью может гордиться любая женщина. От такого союза не приходится ждать ничего, кроме блага. Подобный брак даст вам все, что вам нужно, — уважение, независимость, достойный дом; благодаря новому положению вы окажетесь в центре кружка всех ваших истинных друзей, будете жить вблизи от Хартфилда и недалеко от меня… Наша дружба сохранится навсегда. Такой союз, милая Харриет, никогда не заставит ни одну из нас покраснеть от стыда.

Вначале от Харриет невозможно было добиться никаких иных слов, кроме бессвязных восклицаний: «Мисс Вудхаус!» да «Дорогая мисс Вудхаус!», которые она сопровождала пылкими объятиями. Но когда наконец к обеим девушкам вернулась способность снова вести беседу, Эмма с удовлетворением признала, что ее подруга относится к своему положению, предчувствует будущее и вспоминает прошлое именно так, как ей и надлежит. Достоинствам мистера Элтона она воздавала щедрую хвалу.

— Все, что вы говорите, всегда правильно, — вскричала Харриет, — и посему я полагаю, и верю, и надеюсь, что, скорее всего, так оно и будет; иначе я бы и помыслить о таком не смела! Это настолько превосходит то, что я заслуживаю! Мистер Элтон, подумать только! Ведь он может взять в жены кого угодно! Относительно его двух мнений быть не может. Он настолько превосходит меня во всем… Подумать только, какие славные стишки: «К мисс…» Боже мой, какой он умный! Неужели они действительно посвящены мне?

— Для меня это вопрос решенный. Никаких сомнений быть не может! Положитесь на меня. Стихи — нечто вроде пролога к пьесе, эпиграфа к главе романа; и вскоре за ними последует проза

совершенно определенного рода.

— Вот уж совершенно неожиданный поворот! Какой-нибудь месяц назад я и мечтать не смела… Просто чудо какое-то…

— Когда такие вот мисс Смит и мистер Элтон встречаются — а они действительно встретились, — тогда и происходит настоящее чудо; но еще чудеснее то, что это очевидное и такое желаемое, просто осязаемо желаемое событие настолько отвечает заветным мечтам ваших друзей. Не всегда знакомство немедленно выливается в столь совершенную форму. Вы с мистером Элтоном самой судьбой предназначены друг другу; вы принадлежите друг другу всеми помыслами и чувствами. Ваша свадьба будет такой же пышной, как и свадьба в Рэндалл-се. Кажется, в самом воздухе Хартфилда витает некий ветерок, который разносит аромат любви в нужном направлении, и именно в ту сторону, в какую любви и надлежит лететь. Помните слова Шекспира? «Гладким не бывает путь истинной любви…»[1] Если бы в Хартфилде задумали издать «Сон в летнюю ночь», то одна эта строчка заслужила бы долгих примечаний.

---

[1] Примечания: 1

У. Шекспир «Сон в летнюю ночь», акт 1, сцена 1.

— Подумать только, что мистер Элтон полюбил меня, не кого-нибудь, а именно меня, а ведь до Михайлова дня[2] я даже не знала его и ни разу не говорила с ним! Он такой красивый, видный мужчина — красивее всех! Все почитают его, совсем как мистера Найтли. Все и всегда рады ему… и знаете, что говорят? Стоит ему только захотеть, и он мог бы вообще не обедать и не ужинать один у себя дома — у него больше приглашений в гости, чем дней в неделе. А как он замечательно читает проповеди! С тех самых пор, как его назначили в наш приход, мисс Нэш все за ним записывает. Боже мой! Как вспомню, когда я в первый раз увидела его! Могла ли я тогда подумать… Когда мы с сестрами Эббот услышали, что он идет мимо, прибежали в прихожую, где окна на улицу, и стали смотреть сквозь щелку в шторе, а потом пришла мисс Нэш, отругала нас и отправила прочь, а сама осталась наблюдать, но потом она сжалилась надо мной и позволила мне тоже взглянуть на него — у нее доброе сердце. И каким же красавцем он нам показался! Он шел об руку с мистером Коулом.

---

[2] Примечания: 2

Михайлов день — 29 сентября; в Англии и Уэльсе один из квартальных дней, то есть день квартальных платежей: срок внесения аренды, уплаты процентов и т. д.

— Вот союз, которому, несомненно, обрадуются все ваши друзья, что бы они там себе ни воображали, но против такого союза никто возражать не станет, если только у него есть хоть толика здравого смысла, а нам с вами ни к чему считать своих знакомых глупцами. Если друзья всей душой желают вам счастья, то вот человек, чей дружелюбный характер дает все основания надеяться на счастливый брак с ним; если им хочется, чтобы вы обосновались в том же кругу и в той же местности, в каких они сами рады были бы видеть вас, то эти планы осуществляются; если же их единственною целью является удачно — во всех смыслах этого слова — выдать вас замуж, то вот вам и подходящее состояние, и почет, и новое положение в обществе, которое должно удовлетворить всех.

— Правда, истинная правда! Как вы хорошо говорите! Я люблю вас слушать. Вы все-все понимаете. Вы с мистером Элтоном оба такие умные! Как быстро вы уловили смысл его шарады! Да если бы я целый год гадала, то и тогда не поняла бы!

— Судя по тому, как он вчера отказывался сочинить шараду, я решила, что ему очень хотелось поупражняться в своем умении.

— Мне кажется, это, вне всякого сомнения, самая лучшая шарада из всех, какие я знаю!

— Я определенно не знаю шарады, у которой был бы более ясный смысл.

— А длинная какая! Прежде нам с вами таких почти и не попадалось!

— Длина как раз не является доказательством ее ценности. Но в то же время шараде не следует и быть слишком короткой.

Однако Харриет была так поглощена своим счастьем — она без конца перечитывала сладкие ее сердцу строки, — что не слушала Эмму. В ее головке роились самые лестные предположения.

— Одно дело, — лепетала она, зардевшись, — когда у человека просто есть здравый смысл, такой, как у всех прочих… Если понадобилось выразить свои чувства, такой человек садится и пишет письмо и коротко выражает то, что хочет сказать. И совсем другое дело — сочинять стихи и шарады, такие, как эта.

Более пылкого неприятия прозы мистера Мартина Эмме трудно было и желать.

— Какие славные стишки! — продолжала Харриет. — Особенно две последние строчки! Но как я посмею вернуть ему листок со стихами или сказать, что я разгадала их смысл? Ах, мисс Вудхаус,

как же нам тут поступить?

— Предоставьте дело мне. Вам ничего делать и не придется. Отчего-то я уверена в том, что сегодня вечером он сюда придет, и вот тогда я отдам ему его шараду, заведу шутливый разговор, и вы не будете скомпрометированы. Пусть ваши томные глазки посылают ему нежные взгляды. Доверьтесь мне.

— Ах, мисс Вудхаус, какая жалость, что эти прелестные стишки нельзя переписать ко мне в альбом; у меня нет ни одной шарады, которая была бы хоть вполовину так же хороша.

— Выкиньте две последние строчки и можете смело переписывать стихи в ваш альбом.

— Да, но эти две строчки…

— Согласна, они самые ценные, но не для всех. Наслаждайтесь ими в одиночестве. Они нисколько не пострадают от того, что их отделили от остальных стихов. Ни само двустишие не пострадает, ни смысл шарады не изменится. Если отбросить две последние строчки, исчезнет скрытый, тайный смысл, останется только изящная, галантная шарада, способная украсить собой любой альбом. Поверьте мне, ему не понравится пренебрежение его творением, точно так же, как пренебрежение его чувством. Влюбленного

поэта следует либо поощрять и как поэта, и как влюбленного, либо отвергать в обоих качествах. Дайте мне альбом, я сама перепишу стихи, и тогда никто не заподозрит, будто шарада имеет какое-то отношение к вам.

Харриет подчинилась, хотя ее рассудок упорно отказывался делить шараду на две части; ей мнилось, будто подруга переписывает в ее альбом признание в любви. Слишком драгоценным казалось ей это признание, чтобы можно было показать его хоть кому-то.

— Никогда не выпущу своего альбома из рук, — заявила она.

— Прекрасно! — одобрила Эмма. — Вполне естественное чувство. И чем дольше оно будет длиться, тем более я буду довольна. Но вот идет мой батюшка: вы не станете возражать, если я прочту шараду ему? Она должна ему чрезвычайно понравиться! Он обожает всякие загадки, особенно такие, которые таят в себе комплимент даме. Ведь батюшка относится ко всем нам с нежнейшим трепетом! Ну же, позвольте мне прочесть ему шараду!

Харриет посерьезнела.

— Моя милая Харриет, не стоит придавать этой шараде такое большое значение. Вы выдадите

себя, если будете слишком задумчивы или слишком поспешно признаетесь в ответном чувстве, и выйдет, что вы приписываете шараде больше, чем содержится в ней на самом деле, — или вообще придаете ей смысл, каким она не обладает. Пусть не введет вас в заблуждение эта маленькая дань восхищения. Если бы он волновался о том, чтобы его чувства сохранялись в тайне, он не оставил бы листка со стихами в моем присутствии. Но вспомните: он подтолкнул листок скорее ко мне, нежели к вам. Давайте же не будем относиться к этому изъявлению его чувств слишком торжественно. Его поощрили достаточно; он спокойно может продолжать в том же духе, и незачем томиться и вздыхать над его шарадой.

— Ах! Нет… Надеюсь, я не выгляжу смешной? Делайте как вам угодно.

Вошел мистер Вудхаус и очень скоро сам навел разговор на нужный предмет, осведомившись, как часто бывало:

— Ну, милочки, как поживает ваш альбом? Записали что-нибудь новенькое?

— Да, папа. Кстати, мы кое-что хотим вам прочесть — кое-что совсем новенькое. Сегодня утром на столе мы обнаружили лист бумаги (полагаем, его оставила фея), а на нем была премилая шара-

да. Мы только что переписали ее в альбом.

Она прочла ему шараду именно так, как он любил — медленно и четко, повторяя каждую строку два или три раза кряду, объясняя по ходу чтения каждое слово. Мистер Вудхаус пришел в восторг; как и предвидела Эмма, особенно ему понравилась разгадка.

— Ах, верно, это очень точно, прекрасно сказано! Весьма справедливо. «В восторге, радости и упоенье»! Шарада такая прелестная, дорогая моя, что я с легкостью могу догадаться, какая фея принесла ее. Никто, кроме тебя, Эмма, не написал бы так складно.

Эмма лишь кивнула и улыбнулась в ответ. Отец же ее призадумался, а потом с легким вздохом продолжал:

— Ах! Нетрудно догадаться, в кого ты пошла. Твоя дорогая матушка была такой же мастерицей сочинять подобные мудреные стихи! Вот бы мне ее память! Но я ничего не могу припомнить, даже ту загадку, которую ты неоднократно от меня слышала. Я отчетливо помню только первую строфу, а там их было несколько.

Холодная Китти огонь разожгла.
Парнишке, что встретился на пути,

Так жарко что близко не подойти,
Да надо – иначе пепел и мгла…

Вот и все, что сохранилось у меня в памяти, — а ведь продолжение было так ловко составлено… Но по-моему, голубушка, ты говорила, что она у вас уже есть.

— Да, папа. Она есть в нашем альбоме на второй странице. Мы переписали ее из книги «Извлечения из изящной словесности», изданной, как тебе известно, господином Гарриком.

— Да, да, верно… Хотелось бы мне припомнить ее целиком.

Холодная Китти огонь разожгла…

Это имя напоминает мне о бедняжке Изабелле; ведь мы чуть было не окрестили ее Кэтрин, в честь бабушки. Надеюсь, она приедет к нам на следующей неделе. Милая, ты подумала, куда поместишь ее? И какую комнату отведешь детям?

— Конечно, папа! Она, разумеется, будет спать в своей комнате, в той, которая была всегда ее комнатой. А дети будут в детской — как всегда. Зачем что-то менять?

— Не знаю, дорогая моя. Как давно она не была у нас! С прошлой Пасхи, да и тогда пробыла всего несколько дней… Ужасно хлопотная профессия

у мистера Джона Найтли — адвокат! Бедняжка Изабелла! Как печально, что ее увезли от нас! И как грустно ей будет, приехав, не застать здесь мисс Тейлор…

— Папа, она нисколько не удивится!

— Не знаю, милочка. Помню, как удивился я, узнав, что мисс Тейлор выходит замуж.

— Когда Изабелла приедет, нам следует пригласить мистера и миссис Уэстон на обед.

— Да, дорогая, если времени хватит. — Мистер Вудхаус снова приуныл. — Но ведь Изабелла приезжает всего на неделю. Вряд ли мы успеем…

— Жаль, что они не смогут погостить подольше; однако им, скорее всего, придется уехать. Мистер Джон Найтли должен вернуться в город двадцать восьмого; и нам, папа, еще радоваться надо, что все время они проведут у нас, что Донуэлл не украдет у нашего счастья два или три дня. На это Рождество мистер Найтли обещал не заявлять о своих правах на них, хотя, как вам известно, у него они не гостили даже дольше, чем у нас.

— Да, моя милая, как было бы тяжело, если бы бедняжке Изабелле пришлось остановиться не в Хартфилде, а где-нибудь еще.

Мистер Вудхаус никогда не считался с братскими правами мистера Найтли или с чьими-нибудь

правами на Изабеллу, кроме своих собственных. Некоторое время он сидел, погруженный в раздумья.

— Но я не понимаю, зачем бедняжке Изабелле возвращаться так скоро? — воскликнул он наконец. — Ведь вернуться нужно ему, а не ей! Знаешь, Эмма, думаю, мне удастся уговорить Изабеллу побыть у нас подольше. Она с детьми может остаться и погостить в свое удовольствие.

— Ах, папенька! Вы так и не привыкли к замужеству Изабеллы и, боюсь, никогда не привыкнете. Изабелла не может остаться, если ее муж уезжает.

Признавая справедливость ее слов, мистер Вудхаус не спорил. Как бы это ни было неприятно, ему оставалось лишь покорно вздыхать; Эмма поняла, что батюшка сейчас опечален раздумьями о необходимости для его старшей дочери повсюду следовать за мужем, и поспешила направить его мысли в другую сторону, пытаясь поднять ему настроение.

— Пока мои сестра и брат будут здесь, Харриет должна бывать у нас как можно чаще. Вот увидите, она будет в восторге от детей. Ведь мы очень ими гордимся, верно, папенька? Интересно, кто покажется ей более хорошеньким, Генри или

Джон?

— Да, интересно! Бедняжечки, как им тут будет хорошо! Знаете ли, Харриет, им очень нравится в Хартфилде.

— Нисколько не сомневаюсь, сэр. Как может кому-то здесь не понравиться?

— Генри очень хорошенький мальчик, а Джон очень похож на свою маму. Генри старший, и назвали его в мою честь, а не в честь его отца! Джона, второго, назвали в честь отца. Возможно, кое-кто удивится, почему в честь отца не назвали первенца, но Изабелла пожелала, чтобы его назвали Генри, — ах, какая она заботливая! И притом Генри такой умненький мальчик! Впрочем, оба малыша на удивление умны, но такие озорники! Встанут, бывало, возле моего кресла и просят: «Дедушка, не дадите ли веревочки?» А один раз Генри попросил у меня ножик, но я сказал ему, что ножики делают только для дедушек. Мне кажется, их отец частенько бывает с ними строг.

— Он только кажется вам строгим, — возразила Эмма, — потому что вы сами так мягки. Но если бы вы сравнили его с другими отцами, вы бы не считали его суровым. Он хочет, чтобы мальчики были крепкими и здоровыми; если они не

слушаются, балуются, он иногда позволяет себе резко одернуть их. Но он любит их всем сердцем! Определенно мистер Джон Найтли — любящий отец. Дети его обожают.

— А потом является их дядюшка и подбрасывает их до потолка! Это так страшно!

— Но им, папа, это нравится: они буквально визжат от восторга. Для них это такое наслаждение, такая радость, что, если бы их дядюшка не установил среди них очередь, малыш, которого он подбрасывает первым, ни за что не уступил бы своего удовольствия другим.

— Ну, вот этого я понять никак не могу.

— У всех так, папенька. Одна половина человечества никак не поймет радостей другой половины.

Позже, в тот момент, когда девушки уже прощались, чтобы снова встретиться в четыре часа за обедом, как обычно, в гостиную вошел автор несравненной шарады. Харриет отвернулась, но Эмма сумела принять его со своей обычной приветливостью. По его виду Эмма, со свойственной ей проницательностью, тотчас поняла: жребий брошен, ставки сделаны. Она вообразила, что он пришел посмотреть, как продвигается дело. Он, однако, явился под удобным предлогом —

спросить, сможет ли мистер Вудхаус вечером обойтись без него, или же на него в Хартфилде рассчитывают. Если на его присутствие рассчитывают хоть в малейшей степени, он, безусловно, придет, если же нет… его друг Коул так давно зазывает его к себе на обед и придает этому такое значение, что он условно пообещал ему прийти.

Эмма поблагодарила мистера Элтона за доверие, однако не могла согласиться с тем, чтобы он разочаровывал своего друга: разумеется, ее батюшка способен составить партию и без мистера Элтона. В ответ мистер Элтон еще раз выразил готовность отказаться ради них от обеда у друга — Эмма вновь отклонила его жертву; и только когда он уже собрался откланяться, она взяла со стола листок бумаги и подала ему:

— А! Вот, кстати, та шарада, которую вы столь любезно нам оставили. Спасибо за то, что разрешили ее прочесть. Мы в таком восторге, что я позволила себе смелость записать ее в альбом мисс Смит. Надеюсь, ваш друг не обидится? Разумеется, я записала лишь первые восемь строчек.

Очевидно, мистер Элтон не нашелся что ответить. Вид у него был довольно смущенный, даже сконфуженный; он пробормотал что-то о «чести», бросил взгляд на Эмму, потом на Харриет и затем,

увидев, что раскрытый альбом лежит на столе, взял его и принялся очень внимательно читать. Чтобы замять неловкость, Эмма, улыбаясь, заметила:

— Вы должны передать своему приятелю мои извинения. Но такую хорошую шараду нельзя ограничивать лишь одним или двумя читателями. Ваш друг может быть уверен: раз он пишет с таким изяществом, ему нечего бояться отказа.

— Без колебаний признаю, — медленно, дрожащим голосом отвечал мистер Элтон, — без колебаний признаю… по крайней мере, если мой приятель чувствует то же, что и я… у меня нет ни малейших сомнений в том, что, доведись ему узнать, какой высокой чести удостоились его скромные стихи, — он снова бросил взгляд на альбом и положил его на стол, — мой друг счел бы, что этой минутой может гордиться так, как ничем в жизни.

Произнеся эту речь, он немедленно удалился. Эмма сочла, что он ушел вовремя, ибо, несмотря на все его добрые и похвальные качества, речам его свойственна была некая напыщенность, от которой ее разбирал смех. Она убежала, чтобы не расхохотаться прилюдно, оставив Харриет наслаждаться нежными и более возвышенными

радостями.

Глава 10

Хотя на дворе стояла середина декабря, погода пока еще позволяла нашим подругам относительно регулярно прогуливаться; и наутро Эмме предстояло нанести благотворительный визит одной бедной семье, в которой были больные. Жили они неподалеку от Хайбери.

Путь к уединенному домику пролегал по так называемой Пастырской дороге, которая отходила под прямым углом от широкой, хотя и беспорядочно застроенной главной улицы. На этой дороге, как следовало из названия, находилось благословенное жилище мистера Элтона. Вначале надо было миновать несколько жалких лачуг, а потом пройти по дорожке примерно с четверть мили до домика приходского священника: домик был старый и не слишком крепкий и стоял почти вплотную к дороге. Дом священника не мог похвастаться выгодным местоположением, однако стараниями настоящего хозяина он изрядно похорошел. Учитывая все обстоятельства, нашим дамам невозможно было миновать домик, не замедлив шага и не окинув жилище священника

любопытными взорами. Эмма заметила:

— Вот и он. Сюда однажды вы и переселитесь вместе со своим альбомом загадок.

Харриет почти одновременно воскликнула:

— Ах, какой миленький домик! Какой хорошенький! А вон и желтые занавесочки, которыми так восхищается мисс Нэш.

— Сейчас, — сказала Эмма, когда они миновали дом мистера Элтона, особо выделив слово «сейчас», — я нечасто хожу этой дорогой. Но потом у меня будет стимул, и я постепенно изучу до мелочей все живые изгороди, ворота, пруды и подстриженные деревья в этой части Хайбери.

Как выяснилось, Харриет прежде ни разу не бывала у домика священника, и ее любопытство было настолько острым, что, принимая во внимание все внешние и внутренние обстоятельства, Эмме ничего не оставалось, как приписать любопытство подруги ее любви. Ведь заметил же мистер Элтон в ней живой и острый ум!

— Что бы нам такое сочинить, чтобы зайти? — сказала она. — Не могу придумать ни одного благовидного предлога: ни служанки, о которой я хотела бы навести справки у его экономки, ни записки от моего отца.

Она поразмыслила, но так ничего и не при-

думала. После того как обе несколько минут помолчали, Харриет заметила:

— А интересно, мисс Вудхаус, почему бы вам самой не выйти замуж, не собраться под венец? Ведь вы такая очаровательная!

Эмма засмеялась в ответ:

— Харриет, мое очарование еще недостаточный повод для того, чтобы выйти замуж. Я должна найти очаровательными других людей — по крайней мере одного человека. И я не только не собираюсь замуж в настоящее время, но и вообще не имею особых намерений пойти под венец.

— Ах! Вы только так говорите, но я не могу вам поверить.

— Для того чтобы поколебать мою решимость, я должна найти человека, на голову превосходящего всех моих теперешних знакомых. Мистер Элтон, как вы понимаете, — опомнившись, добавила она, — не в счет… да я, по правде говоря, и не желаю встретить такого человека. Лучше не подвергаться соблазну. К чему мне что-то менять в своей жизни? Случись мне выйти замуж, я, должно быть, вскоре раскаялась бы в своем поступке.

— Помилуйте! Так странно слышать подобные речи из уст женщины!

— У меня нет никаких мотивов, которые обыч-

но побуждают женщин вступать в брак. Если бы, положим, я влюбилась, это было бы совершенно другое дело! Но мне еще не случалось влюбляться… это мне не свойственно, не свойственно моей натуре. Вряд ли я когда-нибудь полюблю. А без любви… уверена, я буду дурой, если променяю мое теперешнее положение на положение замужней дамы. Богатства мне не надо, трудов я не ищу, положения в обществе тоже. По-моему, мало кто из замужних дам пользуется в доме мужа хоть половиной того влияния, какое имею я в Хартфилде. И никогда, ни за что не могла бы я ожидать, что стану так же любима и важна… настолько на первом месте и настолько всегда права в глазах другого мужчины, как в глазах моего отца.

— Не хотите же вы остаться старой девой, как мисс Бейтс!

— Вам, Харриет, трудно вообразить для себя более ужасное будущее. И если бы я хоть на минуту представила, что сделаюсь похожей на мисс Бейтс! Такой же глупой, такой же самодовольной, всегда веселой и бодрой, такой нудной, такой неразборчивой и невзыскательной и так же склонной рассказывать обо всех, кто каким-то образом связан со мной, — да я бы завтра же

выскочила замуж! Но, между нами говоря, я убеждена, что всякое сходство между нами исключается, если не считать того, что обе мы не замужем.

— Но все же вы собираетесь остаться старой девой? Это так ужасно!

— Ничего страшного, Харриет, я ведь не буду бедной старой девой — только бедность вызывает презрение у общества по отношению к старым девам! Одинокая старая дева с мизерным доходом неизбежно обречена быть смешной и нелепой! Над ней потешаются все детишки. Но незамужняя дама, обладающая приличным состоянием, пользуется всеобщим уважением и может быть столь же разумна и приятна в общении, как и все прочие. Мое мнение не столь грешит против беспристрастия и здравого смысла света, как кажется на первый взгляд, ибо очень малый доход имеет обыкновение связывать ум и портить характер. Те, кто едва сводит концы с концами, вынуждены волей-неволей вращаться в очень узком и, как правило, очень жалком кругу и, вполне естественно, становятся скупыми и злобными. Впрочем, сказанное совершенно не подходит к мисс Бейтс. Она раздражает меня своим чрезмерным добродушием и глупостью,

но в целом она вполне сносна, несмотря на свое одиночество и бедность. Определенно можно сказать, что бедность не ограничила ее разум. Я искренне полагаю, что, будь у нее всего лишь шиллинг, она половину — шесть пенсов — скорее всего, раздала бы другим; и никто ее не боится — этим она и привлекает.

— Но помилуйте! Что вы будете делать? Чем займете себя, когда состаритесь?

— Харриет, льщу себя надеждой, что я обладаю активным и деятельным умом. У меня богатый внутренний мир, так почему же в сорок или пятьдесят лет я не смогу занять себя лучше, чем сейчас, в возрасте двадцати одного года? Обычные женские занятия, требующие остроты зрения, ловкости рук и ясности ума, будут так же или же с незначительными вариациями открыты для меня, как и сейчас. Если я буду меньше рисовать, то стану больше читать; если придется оставить музыку, стану ткать ковры. А что касается объектов интереса, объектов приложения чувств — по правде говоря, именно здесь таится опасность признания собственной неполноценности, и я считаю это великим злом, которого незамужним следует избегать, — то и здесь мне повезло: мне есть о ком заботиться. У моей сестры

много детишек, которых я очень люблю! Что бы ни случилось, забота о племянниках способна скрасить зрелые годы, время, когда моя жизнь начнет клониться к закату. Мне с лихвой достанет надежд и страхов; и хотя моя любовь к ним несравнима с родительской, она больше подходит моим представлениям об удобстве, так как родительская любовь слишком горяча и слепа. Племянники и племянницы! Предвкушаю, как часто буду я оставлять своих милых племянниц у себя в гостях!

— Кстати, знакомы ли вы с племянницей мисс Бейтс? То есть я знаю, вы, должно быть, видели ее сто раз… но знакомы ли вы с ней?

— О да! Когда бы она ни приехала в Хайбери, нас с нею всегда заставляют встречаться. Пожалуй, одного этого почти достаточно, чтобы заставить меня разочароваться в племянницах. Боже сохрани! По крайней мере, я полагаю, что не способна так же докучать людям со всеми маленькими Найтли, вместе взятыми, чем она со своей Джейн Ферфакс. Меня тошнит при одном упоминании о Джейн Ферфакс! Каждое письмо от нее перечитывается раз по сорок кряду, снова и снова передаются ее приветы всем друзьям, а если она всего лишь посылает тетке фасон корсажа

или вяжет бабушке подвязки, то разговоров об этом хватает на целый месяц! Я ничего плохого не желаю Джейн Ферфакс, но она надоела мне до смерти.

Они как раз подошли к цели своего путешествия, и все посторонние разговоры волей-неволей прекратились. Эмма очень жалела своих подопечных; и страдания бедняков столь же высвобождали ее лучшие качества — такие, как сострадание, доброта, отзывчивость и терпение, — сколь облегчали они ее кошелек. Эмма относилась к ним снисходительно, делая скидку на их невежество и многочисленные соблазны, каким подвергалась их добродетель, и не испытывала романтических иллюзий касательно их благости; она сочувствовала их горестям всей душой и всегда предлагала помощь столь же тонко, сколь и добросердечно. Среди ее теперешних бедных подопечных были больные; пробыв в жалкой лачужке столько, сколько потребовалось, чтобы помочь и по мере сил утешить страдальцев, она покидала их под сильным впечатлением от увиденного. На обратном пути она сказала своей подруге:

— Харриет, бывают зрелища, на которые кое-кому полезно посмотреть. Какими ничтожными

по сравнению с этим видятся наши мелкие хлопоты! Сейчас мне кажется, что весь день я не смогу думать ни о чем, кроме этих несчастных созданий… но… кто знает, как скоро воспоминания о них выветрятся из моей головы?

— Верно, верно, — вздохнула Харриет. — Бедняжки! Невозможно думать ни о чем другом.

— И я, по правде говоря, не думаю, что впечатления наши скоро изгладятся, — сказала Эмма, выходя за низкую живую изгородь и шагнув на шаткую ступеньку, которая замыкала узкую скользкую тропку, ведущую через сад от домика бедняков, и выводила на дорогу. — Не думаю, — повторила она, останавливаясь и окидывая взглядом общее запустение этого места, вспоминая еще большую нищету внутри.

— Разумеется, нет! — отозвалась ее спутница.

Они продолжали путь. Далее дорога делала некрутой поворот, и, повернув за угол, они заметили мистера Элтона. Он был так близко от них, что Эмма успела лишь сказать через плечо:

— Ах, Харриет, вот неожиданная встреча, призванная испытать наши благие намерения! — Она развеселилась. — Однако если допустить, что наше сочувствие, потребовавшее от нас немалого терпения, хоть немного скрасило жизнь

этим несчастным, значит, мы не зря потратили время. Раз по отношению к сирым и убогим мы испытываем жалость, то ее вполне хватает для того, чтобы помочь им чем можно. А остальное пустое сочувствие, только огорчительное для нас самих.

Харриет лишь смогла пискнуть в ответ:

— О, конечно да…

И тут мистер Элтон поравнялся с ними.

Разговор начался со страданий и чаяний бедной семьи, которую навещали девушки. Мистер Элтон как раз направлялся к ним, но теперь, разумеется, ему пришлось на некоторое время отложить свой визит. Однако они очень живо обсудили, что можно и нужно сделать для несчастных. Потом мистер Элтон повернул назад, дабы проводить их.

«Такое совпадение добрых намерений, — подумала Эмма, — такое обоюдное желание принести как можно больше пользы несчастным! Наша встреча, несомненно, должна поспособствовать всплеску чувств с обеих сторон. Я бы не удивилась, если бы результатом таких благих намерений стало объяснение в любви. Да, должно быть, он бы объяснился, не будь здесь меня. Жаль, что я здесь, а не где-то в другом месте».

Горячо желая оказаться как можно дальше от влюбленных, она вскоре намеренно повернула и пошла по узенькой тропинке, которая поднималась вверх, а парочку оставила на главной дороге. Но не прошло и двух минут, как Эмма обнаружила, что Харриет, по укоренившейся привычке к зависимости и подражанию, тоже свернула вбок и поднимается за нею следом. Короче говоря, скоро парочка нагонит ее! Так не годится; Эмма немедленно остановилась под предлогом того, что ей якобы нужно заново зашнуровать ботинок, и согнулась на дорожке в три погибели, всецело поглощенная своим занятием. Своих спутников она уговорила не ждать ее, а идти вперед, обещая нагнать их через полминуты. Они повиновались ее воле; к тому времени, когда она сочла разумным покончить со своим ботинком — она постаралась медлить сколь можно дольше, — к ее радости, ее догнала девочка из бедняцкой лачуги. Согласно распоряжениям мисс Вудхаус, девочка с кувшином направлялась в Хартфилд за крепким бульоном для больных. Вполне естественно, Эмма пошла рядом с девочкой, расспрашивая ее и беседуя с ней; вернее, поведение мисс Вудхаус было бы естественным, действуй она неумышленно; однако, благодаря ее разговору с девочкой,

двое ее спутников по-прежнему шли впереди и не обязаны были ждать ее. Правда, она, сама того не желая, скоро догнала их — девочка бежала быстро, а они шли медленно — и тем более огорчилась Эмма, увидев, что они, очевидно, поглощены разговором, увлекательным для обоих. Мистер Элтон что-то живо рассказывал, Харриет слушала; внимательное выражение так шло ее личику! Услав девочку вперед, Эмма принялась ломать голову, что бы ей еще придумать, чтобы замедлить свое продвижение вперед, как вдруг оба обернулись, и ей ничего не оставалось, как присоединиться к своим друзьям.

Мистер Элтон все еще говорил, увлеченно расписывая какие-то интересные подробности; Эмма испытала некоторое разочарование, обнаружив, что он всего лишь давал своей белокурой спутнице подробный отчет о вчерашнем ужине у своего приятеля Коула. Когда она их догнала, описание как раз дошло до стилтонского сыра, уилтширской баранины, масла, сельдерея, свеклы и десерта.

«Несомненно, это была лишь прелюдия: не будь меня, вскоре они бы перешли к более интересным темам, — задумчиво размышляла она, — влюбленным приятно слышать все о предмете своего

чувства, и любое начало служит вступлением к тому, что лежит у них на сердце. Жаль, что мне не удалось провозиться дольше!»

Теперь все трое мирно шли рядом. Наконец впереди показался домик священника. Тут внезапная решимость по крайней мере завести Харриет в этот дом снова заставила Эмму притвориться, будто с ее шнурками что-то не в порядке и наклониться, чтобы перевязать их. Она ловко и незаметно оборвала шнурок и поспешно выкинула его в канаву. Теперь уже она была вынуждена остановить их и сообщить о том, что она не в состоянии благополучно добраться до дому.

— У меня оторвался шнурок, — объяснила она, — и я не знаю, как дойду. Понимаю, что причиняю вам обоим массу неудобств, но, кажется, со мной такое нечасто случается. Мистер Элтон, я вынуждена просить у вас позволения зайти к вам домой и взять у вашей экономки что-нибудь — кусок ленты или веревку, — чтобы можно было зашнуровать ботинок.

Мистер Элтон так и просиял; и ничто не могло умерить его прыти и внимания, пока он препровождал их к себе и заботился об удобстве своих спутниц. Судя по всему, в комнате, куда их провели — окнами на дорогу, — он главным образом

и обитал. В задней стене была дверь, ведущая в другую, смежную комнату; дверь была открыта, и Эмма прошла в заднее помещение с экономкой, чтобы там без помех принять ее помощь. Согласно правилам приличия, она не имела права затворять за собой дверь, однако она буквально настояла на том, чтобы мистер Элтон закрыл ее, что и было сделано — правда, не до конца. Непрерывно развлекая экономку разговорами, Эмма надеялась, что хозяин дома в смежной комнате улучит момент и перейдет наконец к занимающей его теме. Целых десять минут она не слышала никого, кроме себя. Дольше тянуть было неприлично. Волей-неволей пришлось завершить свои дела и выйти в гостиную.

Харриет и мистер Элтон стояли рядом у одного из окон. Вид у них был самый что ни на есть благоприятный, и целых полминуты Эмма наслаждалась своей проницательностью и умением свести влюбленных. Однако оказалось, что все ее усилия пропали даром: он так и не перешел к делу. Он был само очарование, сама любезность, уверял Харриет, что, заметив, как они проходят мимо его дома, он нарочно пошел за ними следом; осыпал ее изысканными комплиментами, расхваливал, но так и не сказал ничего серьезного.

«Он не привык действовать сгоряча, — утешала себя Эмма, — он продвигается не спеша, шаг за шагом, и не станет рисковать, пока не убедится в полном успехе».

И все же, несмотря на то, что ее хитроумный замысел пока не привел к цели, она не могла не гордиться собой: ведь благодаря ей влюбленные получили чудесную возможность побыть наедине и таким образом приблизить желанную развязку.

Глава 11

Оставим пока мистера Элтона. Руководить его счастьем или ускорять предпринимаемые им меры было больше не во власти Эммы. Радостные ожидания и хлопоты заняли все ее время и помыслы: сестра с семейством должна была вот-вот приехать. И в продолжение тех десяти дней, что Найтли гостили в Хартфилде, невозможно было ожидать — да Эмма и сама это осознавала, — чтобы влюбленным потребовалось от нее что-то сверх обычной, случайной помощи. Тем не менее они могли бы, если бы пожелали, двинуть дело вперед очень быстро — так или иначе, бессмысленно топтаться на одном месте. Эмма решила на время предоставить их самим себе. Бывают люди, для которых чем больше делаешь, тем меньше они делают сами.

Мистер и миссис Джон Найтли стали в Суррее объектами повышенного внимания, так как давно уже здесь не были. Прежде, в первый год как они поженились, они все праздники проводили либо в Хартфилде, либо в аббатстве Донуэлл, однако нынешней осенью они вывози-

ли детей на море. Из-за этого они много месяцев не показывались в Суррее у родственников, а мистер Вудхаус и вовсе не виделся с ними, ведь его нельзя было подвигнуть на выезд в Лондон даже ради возможности повидаться с бедняжкой Изабеллой. Поэтому теперь мистер Вудхаус очень волновался и был преисполнен самых черных предчувствий, которые омрачали его радость от чрезмерно краткого визита.

Он постоянно беспокоился о том, каким опасным для нее может стать путешествие, а еще — хотя и не так сильно — волновался о судьбе своих лошадей и кучера, которым предстояло везти часть семьи дочери последнюю половину пути; однако его опасения оказались беспочвенны. Шестнадцать миль были преодолены счастливо: мистер и миссис Джон Найтли, их пятеро детей и солидное число нянек в безопасности добрались до Хартфилда. Шумная радость от их прибытия, суета оттого, что надобно было всех приветить, расспросить, разместить по комнатам и позаботиться обо всех, стала причиной суматохи и замешательства, каких его нервы при иных обстоятельствах ни за что не вынесли бы. Да и теперь, по правде говоря, продлись эта суета дольше, он бы не выдержал. Однако миссис Джон Найтли

настолько уважала чувства своего батюшки и настолько привыкла к порядкам, заведенным в Хартфилде, что, невзирая на материнское беспокойство за малышей — их надлежало немедленно утихомирить, накормить, напоить, уложить спать, развлечь, дать возможность привыкнуть к новому дому и поиграть вволю, — она, как всегда, не позволила детям долго докучать дедушке ни самим, ни опосредованно, через взрослых, которые слишком пристально бы их опекали.

Миссис Джон Найтли была хорошенькой, элегантной молодой женщиной с мягким и спокойным характером. Она отличалась приветливостью и ласковостью и была всецело поглощена своей семьей. Оставаясь преданной женой и любящей матерью, она была столь нежно привязана к отцу и сестре, что, если бы не тесные узы брака, более пылкая любовь могла бы показаться невозможной. Она ни в ком из своих близких не видела недостатков. Она не отличалась ни живостью ума, ни быстротой соображения, этим она походила на своего отца. Во многом унаследовала она и его характер: будучи сама хрупкого здоровья, она чрезмерно опекала своих детей, постоянно дрожала за них и так же безоглядно верила своему мистеру Уингфилду,

лондонскому врачу, как верил ее отец мистеру Перри. Отец и дочь были также очень схожи общей благожелательностью натур и привычкой поддерживать отношения со всеми старыми знакомыми.

Мистер Джон Найтли был человек высокого роста, очень благообразный и очень умный; он делал блестящую адвокатскую карьеру, был образцовым семьянином — словом, человеком, достойным всяческих похвал. Однако его сдержанность и необщительность мешали ему стать душой общества. Кроме того, иногда ему недоставало чувства юмора. Нрава он был доброго и редко взрывался, так что его вряд ли можно было упрекнуть во вспыльчивости, однако и чрезмерным добродушием похвастать он не мог. Его недостатки питались тем, что жена его просто боготворила. Крайняя мягкость ее нрава, несомненно, служила его характеру плохую службу. Он обладал всею ясностью и живостью ума, которых так недоставало ей, и иногда мог вести себя нелюбезно и даже сказать резкость. Прелестная свояченица не слишком жаловала его. От нее не ускользал ни один его изъян. Она слишком близко к сердцу принимала все мелкие уколы в адрес Изабеллы, которые саму

Изабеллу нисколько не смущали. Возможно, она относилась бы к зятю терпимее, если бы он льстил ей, но он держался с Эммой как спокойный любящий брат и друг, не перехваливал ее и не был ослеплен ею; однако, даже превозноси он ее до небес, едва ли она могла бы простить ему величайшее, по ее мнению, прегрешение, в которое он частенько впадал, а именно: недостаток снисходительности по отношению к ее отцу. Мистер Джон Найтли не всегда выказывал по отношению к тестю должную терпимость. Маленькие странности и капризы мистера Вудхауса иногда вызывали у него разумную отповедь или же резкий ответ — и то и другое было в равной степени бессмысленно. Случалось такое нечасто, ибо мистер Джон Найтли в действительности тестя почитал и обыкновенно вел себя как полагается примерному зятю, то есть воздавал ему должное; однако, на милосердный взгляд Эммы, взрывы негодования случались слишком часто, и мучительнее всего было сидеть и гадать, когда же он потеряет терпение, хотя часто никакого взрыва не следовало. Правда, в начале каждого визита мистер Найтли бывал исполнен самых добрых намерений, и Эмма питала надежду, что теперешний визит, будучи в силу необходимости

столь кратким, пройдет благополучно, в обстановке совершенной взаимной сердечности. Не успели гости устроиться и рассесться, как мистер Вудхаус, меланхолично качая головой и вздыхая, привлек внимание старшей дочери к грустной перемене, произошедшей в Хартфилде с тех пор, как она была тут в последний раз.

— Ах, моя милая! — начал он. — Бедная мисс Тейлор… как печально!

— О да, сэр! — вскричала Изабелла, с готовностью выражая сочувствие. — Как, должно быть, вы по ней скучаете! И дорогая Эмма тоже! Какая печальная потеря для вас обоих! Я не перестаю жалеть вас. Даже не представляю, как вы без нее обходитесь… Действительно, печальная перемена… Надеюсь, сэр, ей живется неплохо?

— Неплохо, милая моя, надеюсь, неплохо. Не знаю, конечно, но, по-моему, на новом месте она чувствует себя вполне сносно.

Тут мистер Джон Найтли тихонько спросил у Эммы, не кажется ли мисс Тейлор слишком нездоровой атмосфера в Рэндаллсе.

— О нет, что вы! Ни в малейшей степени. В жизни не видела миссис Уэстон более счастливой… Она никогда не выглядела так хорошо. Папа просто высказывает собственные сожаления.

— Что ж, это делает честь обоим, — последовал вежливый ответ.

— Но вы, сэр, видитесь с ней достаточно часто? — горестно спросила Изабелла, разделяя печаль и уныние отца.

Мистер Вудхаус ответил не сразу:

— Не так часто, милочка, как мне бы хотелось.

— Папа, помилуйте! С тех пор как она вышла замуж, мы не видели ее в целом всего один день. Каждый день, утром или вечером, за исключением одного дня, видимся мы либо с мистером Уэстоном, либо с миссис Уэстон, а чаще всего с ними обоими, в Рэндаллсе или у нас. Как ты, Изабелла, наверное, догадываешься, чаще они приходят к нам. Они очень, очень часто дарят нас своими визитами. Мистер Уэстон и в самом деле не уступает ей в доброте. Папенька, если вы будете продолжать в том же духе, вы дадите Изабелле неверное представление о нас всех. Надобно смириться с тем, что мисс Тейлор уже не вернешь, но невозможно не заметить, что мистер и миссис Уэстон изо всех сил стараются смягчить для нас боль утраты, и эта боль не так сильна, как мы опасались, — вот в чем суть.

— Совершенно справедливо, — заметил мистер Джон Найтли, — и все так, как я и представлял,

судя по вашим письмам. Ее желание заботиться о вас несомненно, дело упрощает то, что он — человек свободных взглядов и общительный. Я не уставал повторять тебе, любовь моя, что перемена не так сильно скажется на Хартфилде, как ты боялась! Теперь, услышав отчет Эммы, надеюсь, ты довольна?

— Ну, чтобы быть точным, — сказал мистер Вудхаус, — конечно, я не могу отрицать того, что миссис Уэстон — бедная миссис Уэстон! — действительно частенько приходит к нам в гости. Но ведь… ей непременно нужно бывает всякий раз уходить!

— Папа, мистеру Уэстону было бы очень тяжко, если бы она не уходила домой! Вы, кажется, забываете о бедном мистере Уэстоне?

— Да, верно, — весело подхватил Джон Найтли. — У мистера Уэстона тоже есть на нее некоторые права! Мы с вами, Эмма, рискнем отстаивать права бедного мужа. Хотя я тоже муж, а вы пока не жена, мы с вами оба вполне в состоянии признать, что у супруга есть некоторые права. Что же касается Изабеллы, то она замужем уже достаточно давно и, вероятно, почитает за благо как можно меньше считаться со всеми мистерами Уэстонами и им подобными.

— Я, любовь моя? — воскликнула его жена, расслышав и поняв смысл его речи лишь отчасти. — Вы говорили обо мне? Уверена, никто не является большей, чем я, защитницей института брака. И если бы не жалость к ней из-за того, что она вынуждена была покинуть Хартфилд, я ни за что не думала бы о мисс Тейлор иначе как о счастливейшей женщине на свете, а что касается пренебрежения к мистеру Уэстону, то, по-моему, нашего превосходного мистера Уэстона трудно переоценить. Я считаю, что он обладает самым счастливым нравом. За исключением вас и вашего брата, я не знаю другого мужчины, обладающего столь завидным характером. Никогда не забуду, как он запускал с Генри змея на прошлую Пасху — помните, какой тогда был ветреный день? А в прошлом году, в сентябре, он проявил истинное милосердие — подумать только, написал мне письмо в двенадцать часов ночи, и только ради того, чтобы заверить меня, что в Кобэме нет скарлатины! С тех пор я убеждена, что ни более чуткого сердца, ни более отзывчивого человека не существует в природе. Если кто-то и заслужил такого превосходного мужа, то только мисс Тейлор.

— А как же его сын? — осведомился Джон Найт-

ли. — Приезжал он сюда по такому случаю или нет?

— Пока не приезжал, — ответила Эмма. — Мы все без оснований надеялись на его приезд вскоре после бракосочетания, однако нас постигло разочарование. И я не слышала, чтобы о нем упоминали в последнее время.

— Не забудь, милочка, рассказать им о письме, — напомнил ее отец. — Он написал бедной миссис Уэстон поздравительное письмо — такое учтивое, такое любезное! Она показывала его мне. По-моему, это характеризует его с самой лучшей стороны. Трудно сказать, самому ли ему пришла в голову такая мысль, знаете ли. Он так молод… Возможно, его надоумил дядюшка…

— Милый папочка, да ведь ему двадцать три года! Вы забываете, как быстро летит время.

— Двадцать три года! Неужели? Ни за что бы не подумал… ведь ему было всего два годика от роду, когда он лишился своей бедной матушки! Да, время действительно летит! А у меня плохо с памятью. Как бы там ни было, письмо было просто превосходное, чудесное и доставило мистеру и миссис Уэстон много радости. Писано, насколько я помню, из Уэймута и датировано двадцать восьмым сентября. Оно начиналось

обращением: «Любезная сударыня!» — дальше я забыл, а подписано было: «Ф.Ч. Уэстон Черчилль» — это я помню точно.

— Как это мило и благородно с его стороны! — пылко воскликнула миссис Джон Найтли. — Я совершенно не сомневаюсь в том, что он очень славный молодой человек. Но как печально, что он живет не дома с отцом! Какой ужас, когда ребенка увозят от его родителей из отчего дома! Я никогда не пойму, как мистер Уэстон согласился с ним разлучиться. Отдать собственное дитя! Правда, я никак не могу хорошо отнестись и к человеку, способному предложить родителю нечто подобное.

— Подозреваю, к Черчиллям никто никогда хорошо и не относился, — холодно заметил Джон Найтли. — Но не воображайте, пожалуйста, будто мистер Уэстон, расставаясь с сыном, чувствовал то же самое, что испытывали бы вы, отдавая в чужие руки Генри или Джона. Мистера Уэстона нельзя назвать человеком, принимающим все близко к сердцу. Он человек легкого и веселого нрава, он принимает жизнь такой, какая она есть, и, так или иначе, видит светлую сторону любого события в зависимости, как я подозреваю, от того, насколько так называемое «общество» способно

его развлечь. Ему интереснее участвовать в званых обедах и ужинах, играть с соседями в вист пять дней в неделю, нежели скучать со своими близкими или предаваться домашним утехам.

Эмме не понравился такой отзыв о мистере Уэстоне, бросающий на него тень, и она хотела было возразить, но затем пожала плечами и пропустила колкость в адрес своего друга. Необходимо сохранять мир, пока возможно; привычка зятя превыше всего ценить домашний очаг стоит всяческих похвал, за одно это Джон Найтли заслуживает снисхождения. Нелюбовь же его к гостям и визитам выливается в стремление порицать общепринятую тягу людей к общению и чрезмерную важность, придаваемую отношениям вне семейного круга.

Глава 12

К обеду пригласили мистера Найтли — к тайному неудовольствию мистера Вудхауса, которому не хотелось ни с кем делить радость общения с Изабеллой в первый же день ее приезда. Однако дело решило свойственное Эмме чувство справедливости. Помимо рассуждений о том, что оба брата также имеют право рассчитывать на встречу, ее побудило послать приглашение мистеру Найтли воспоминание об их недавней размолвке.

Она надеялась, что теперь они смогут помириться. В самом деле пора положить конец ссоре. Впрочем, они ведь и не ссорились! Она, как ей казалось, обыкновенно бывала права, он же ни за что не соглашался признать свою неправоту. Ни один из них не хотел уступить другому, однако настало время притвориться, будто они никогда и не ссорились; она надеялась, что возобновлению былой дружбы поспособствует то, что, войдя в комнату, он увидит ее с племянницей — самой младшей, прехорошенькой малышкой восьми месяцев от роду. Это был ее первый визит в Харт-

филд, и малышка радостно смеялась, когда тетка кружила ее по комнате. Уловка действительно помогла, и, хотя вошел мистер Найтли с видом весьма суровым и первые его вопросы грешили краткостью и отрывистостью, скоро он забылся и заговорил со всеми в своей обычной манере и с обычной для их прежней прекрасной дружбы бесцеремонностью взял девчушку из ее рук. Эмма поняла, что они снова друзья; она почувствовала огромное облегчение, а затем, в приливе веселья, видя, как он восхищается малышкой, заметила:

— До чего отрадно, что мы одинаково относимся к нашим общим племянникам и племянницам! Что касается взрослых мужчин и женщин, тут наши мнения иногда очень расходятся, но что касается этих детей, полагаю, мы никогда не повздорим.

— Если бы в оценке взрослых людей вы так же руководствовались зовом природы, как в общении с племянниками, и меньше находились бы под властью настроения и минутных прихотей в своих симпатиях и антипатиях, то мы с вами всегда придерживались бы сходного мнения.

— Значит, по-вашему, все наши разногласия происходят от того, что я не права?

— Да, — с улыбкой отвечал он, — и повод у меня

весьма веский. Когда вы родились, мне было уже шестнадцать лет.

— Существенная разница в возрасте, — парировала она. — Несомненно, в ранний период моей жизни вы значительно превосходили меня во всем; но разве по прошествии двадцати одного года не стала я несколько ближе к вам по способности мыслить и выражать свои суждения?

— Да… существенно ближе!

— Но все же недостаточно близко для того, чтобы допустить возможность, что я бываю права, даже если мы расходимся в суждениях?

— Не забывайте, я все так же старше вас на шестнадцать лет — у меня больше жизненного опыта! А кроме того, я не являюсь хорошенькой молодой женщиной и испорченным ребенком. Полно, дорогая Эмма, давайте помиримся и больше не будем об этом говорить. Передай своей тетушке, маленькая Эмма, что ей следует подавать тебе лучший пример вместо того, чтобы вспоминать былые огорчения и обиды. Если даже она и не была не права прежде, то она не права сейчас.

— Вот уж верно, — воскликнула она, — совершенно верно! Малышка Эмма, становись лучше тетки! Будь бесконечно умнее и вполовину не

так самонадеянна! Потерпите, мистер Найтли, мне осталось сказать всего несколько слов. Если принимать во внимание добрые намерения, то мы с вами оба — понимаете, оба — были правы! Кроме того, позвольте вам заметить, что до сих пор ни одно мое наблюдение или замечание не оказывалось ложным. Мне лишь хочется узнать, не слишком ли огорчен, не слишком ли опечален мистер Мартин?

— Хуже не бывает, — последовал его краткий и вполне недвусмысленный ответ.

— Ах! Я действительно очень сожалею… Ну же, пожмите мне руку!

Они пожали друг другу руки с большой сердечностью, после чего вошел Джон Найтли. Братья поздоровались сдержанно, как истинные англичане:

— Здравствуй, Джордж!

— Как поживаешь, Джон?

Однако их внешнее хладнокровие, почти граничащее с безразличием, скрывало истинную привязанность, ибо ради блага другого оба готовы были на все.

Вечер прошел в мирных разговорах; мистер Вудхаус отказался от карт, дабы без помех всласть наговориться со своей обожаемой Изабеллой,

и маленькое общество вскоре естественным образом разделилось надвое: с одной стороны — мистер Вудхаус с дочерью, с другой — оба мистера Найтли. У членов двух кружков были настолько разные интересы, что они редко находили общую тему, а Эмме оставалось лишь сновать между ними, участвуя время от времени в их разговорах.

Братья беседовали о своих делах и заботах, но главным образом о делах и заботах старшего из них, более общительного по характеру. Он всегда и говорил больше. Будучи мировым судьей, он не упускал случая посоветоваться с Джоном по какому-либо пункту законодательства; на худой конец, он всегда мог припомнить какой-нибудь курьезный случай из своей практики. Так как он являлся хозяином фамильного поместья Донуэлл, при котором имелись обширные земельные владения, ему приходилось отчитываться о том, какой ожидается урожай на каждом поле, а также пересказывать все местные новости, которые не могли не представлять интереса для его брата, потому что в поместье прошла большая часть его жизни и он сохранил к отчему дому сильную привязанность. Необходимость сооружения водосточной канавы, починка изгороди, упавшее дерево, а также судьба каждого акра пшени-

цы, брюквы или яровых хлебов были Джону одинаково интересны, несмотря на внешнюю невозмутимость. Если же его словоохотливый брат изредка давал ему возможность вставить слово, в его расспросах слышалось живое участие.

Пока братья были так заняты беседой, мистер Вудхаус буквально купался в потоке счастливых сожалений и сладких опасений в разговоре с дочерью.

— Моя милая бедняжка Изабелла, — вздыхал он, нежно беря ее за руку и на некоторое время прерывая усердное шитье для кого-то из пятерых детей, — как долго, как невозможно долго тебя не было с нами! И как, должно быть, утомила тебя дорога! Дорогая моя, тебе необходимо рано лечь спать. Перед сном я рекомендовал бы тебе немного овсянки. Давай вместе съедим по мисочке каши. Эмма, милочка, полагаю, нам всем овсянка не повредит.

Эмма не разделяла батюшкиной уверенности, зная, что обоих Найтли, как и ее саму, ни за что не заставишь есть овсянку. Поэтому были поданы всего две порции каши. Еще немного пораспространявшись о пользе овсянки и поудивлявшись, почему все не едят ее каждый вечер, мистер

Вудхаус продолжил с серьезным и задумчивым видом:

— Как некстати, дорогая моя, что осень ты провела в Саут-Энде, а не приехала к нам. Я никогда не разделял всеобщих восторгов по поводу целебности морского воздуха.

— Папенька, мистер Уингфилд настоятельно рекомендовал нам отправиться на море, иначе мы бы не поехали. Он рекомендовал морские купанья для всех детей, но особенно малышке Белле, из-за ее слабого горлышка. И морской воздух, и купанья.

— Ах, милая, но вот Перри очень сомневается, что море пойдет ей на пользу. Я же давно уже твердо убежден, хотя раньше и не говорил тебе об этом, что море вообще вряд ли идет на пользу кому бы то ни было. Однажды, помню, пребывание на море чуть меня не прикончило.

— Полно, полно! — вскричала Эмма, чувствуя, что разговор становится небезопасным. — Вынуждена просить вас не упоминать о море! Иначе во мне невольно просыпаются зависть и жалость к себе — ведь я никогда не видела моря! Так что, если позволите, тема Саут-Энда у нас под запретом. Милая Изабелла, кажется, ты до сих пор не спросила ничего о мистере Перри, а он никогда

не забывает тебя.

— О, добрый мистер Перри! Как он поживает, сэр?

— Вполне пристойно, вполне пристойно… но не совсем. Бедняга страдает от разлития желчи, а времени позаботиться о себе у него нет… он говорит мне, что совершенно не успевает позаботиться о себе… как это ни печально… но его помощь требуется всей округе. Полагаю, нигде больше не отыщется аптекаря с такой обширной практикой. Да и такого умницу поискать!

— А как поживает миссис Перри? А его милые детки — растут? Я просто обожаю мистера Перри! Надеюсь, он скоро зайдет к нам повидаться. Как он будет рад увидеть моих малюток!

— Надеюсь, он будет у нас завтра, потому что мне самому надо задать ему пару вопросов… Меня волнует мое здоровье. Знаешь что, милая, когда он придет, пожалуйста, попроси его посмотреть горлышко малышки Беллы.

— О, мой дорогой сэр, ее горлышко настолько окрепло, что я почти и не вспоминаю о нем! Не знаю, что послужило причиной улучшения — морские ли купанья или превосходные припарки мистера Уингфилда, которые мы ставим ей с августа.

— Маловероятно, дорогая моя, чтобы это купанья так благотворно на нее подействовали… И если бы я знал, что тебе нужны припарки, я бы непременно поговорил с…

— Мне кажется, ты совсем забыла о миссис и мисс Бейтс, — вмешалась Эмма. — Ты ни словом о них не осведомилась!

— Ах, милые мои друзья! Как мне не стыдно! Но ты упоминаешь о них почти во всех своих письмах. Надеюсь, у них все хорошо? Добрая старушка миссис Бейтс — завтра непременно навещу ее и возьму с собой детей… Они всегда так радуются моим детям! А наша добрая мисс Бейтс! Поистине они достойнейшие люди! Как они поживают, сэр?

— Что ж, моя дорогая, неплохо, в общем неплохо. Около месяца назад бедняжка мисс Бейтс сильно простудилась.

— Какая жалость! Нынешней осенью простуды свирепствуют, как никогда. Мистер Уингфилд говорил мне, что давно не встречался с более тяжелыми и трудными случаями — с тех самых пор, как у нас была эпидемия инфлюэнцы.

— Да, дорогая, мы тоже настрадались изрядно, но не до такой степени, как вы, судя по твоим рассказам. Перри говорит, простуды всегда

случаются частенько, однако в эту пору они обыкновенно протекают не так тяжело, как, к примеру, в ноябре. Теперешнее же время года Перри вовсе не считает болезнетворным.

— Да, я не слыхала от мистера Уингфилда, чтобы он называл это время года таким уж опасным, но…

— Ах! Бедное мое, дорогое дитя, правда в том, что лондонский воздух всегда тлетворен и пагубен для здоровья. В Лондоне все нездоровы, да там и невозможно быть здоровым. Какой ужас, что ты вынуждена там жить! Так далеко отсюда! И в таком нездоровом климате!

— Но, батюшка… там, где живем мы, климат нисколько не тлетворен. Та часть Лондона, в которой мы живем, сильно отличается от большинства прочих городских кварталов! Дорогой сэр, прошу вас, не смешивайте наш квартал с остальным Лондоном. В окрестностях Бранзуик-сквер все совершенно иначе, чем в других частях го рода. У нас столько воздуха! По-моему, я бы не смогла и не захотела жить ни в каком другом районе Лондона. Вряд ли другое место подошло бы для проживания моих детей. Но у нас, смею вас уверить, дышится легко! Мистер Уингфилд уверен, что Бранзуик-сквер и прилегающие квар-

талы — самый благоприятный район в городе в смысле климата.

— Ах, дорогая моя, все равно в Лондоне не то, что в Хартфилде. Согласен, ваша семья живет не в самом плохом месте, но, пробыв в Хартфилде всего неделю, вы все буквально преображаетесь! К вам возвращаются силы. А сейчас… с прискорбием вынужден отметить, что вы все выглядите не лучшим образом.

— Папенька, мне грустно слышать от вас подобные речи. Уверяю вас, лично я чувствую себя вполне сносно, если не считать легких приступов мигрени и сердцебиений, от которых я не в состоянии освободиться нигде. А если дети показались вам бледненькими перед тем, как их увели спать, то только из-за того, что они устали немного больше обычного — их утомил долгий путь, и, кроме того, они очень рады приезду к вам. Надеюсь, завтра вы найдете их более здоровыми и крепкими. Вот мистер Уингфилд был в крайнем удивлении. По его словам, он даже не предполагал, что отпускает нас из города в таком прекрасном состоянии. Ну а каково ваше мнение о том, как выглядит мой супруг? Надеюсь, про него нельзя сказать, будто у него больной вид. — С этими словами Изабелла послала мужу

нежный взгляд.

— Выглядит он неважно, дорогая, мне не с чем тебя поздравить. По-моему, вид у мистера Джона Найтли далек от здорового.

— В чем дело, сэр? Вы обо мне? — воскликнул мистер Джон Найтли, заслышав собственное имя.

— Мне грустно признавать, любовь моя, но батюшке кажется, будто вы неважно выглядите… впрочем, виной вашего не совсем здорового вида, скорее всего, является усталость. Однако, как вам известно, я была бы куда спокойнее, если бы вы перед отъездом из Лондона навестили мистера Уингфилда.

— Милая моя Изабелла, — пылко вскричал ее супруг, — умоляю, пусть мой внешний вид вас не тревожит! Хватит и того, что вы без конца советуетесь с докторами по любому поводу и кутаете и нежите детей. Мне позвольте выглядеть так, как я считаю нужным.

— Простите, — поспешно вмешалась Эмма, — я не слишком поняла, что вы говорили вашему брату. Кажется, ваш друг мистер Грэм собирается пригласить управляющего в свое новое имение из Шотландии? Но справится ли он? Боюсь, в нас слишком сильно укоренились давние предубеж-

дения против шотландцев…

И она так ловко перевела разговор на новую тему, что к тому времени, как вновь повернулась к отцу и сестре, Изабелла уже успокоилась и принялась задавать вопросы о Джейн Ферфакс. Несмотря на то, что Джейн Ферфакс в общем не была у Эммы в большом фаворе, в тот момент она была рада присоединить свой голос к хвалам в ее адрес.

— Какая она милочка, эта Джейн Ферфакс! — воскликнула миссис Джон Найтли. — Я так давно ее не видела, только изредка встречалась с нею в Лондоне, и то ненадолго. Как, должно быть, обрадуются ее добрая старушка бабушка и славная тетушка, когда она приедет к ним погостить! Я всегда очень жалела милую Эмму, потому что Джейн Ферфакс нечастая гостья в Хайбери, но теперь, когда дочь полковника Кэмпбелла вышла замуж, у полковника и его жены, как я подозреваю, и вовсе не достанет сил расстаться с ней. Какой чудесной подругой она была бы для Эммы!

Мистер Вудхаус был совершенно согласен с дочерью, но присовокупил:

— Наш маленький друг, мисс Харриет Смит, также прелестная в своем роде молодая особа. *Ты*,

дорогая, непременно полюбишь Харриет. Эмме трудно было бы найти себе более подходящую подругу.

— Отрадно это слышать, но, насколько мне известно, лишь Джейн Ферфакс получила отменное образование и обладает превосходными душевными качествами. К тому же они с Эммой как раз одного возраста!

Живо обсудив Джейн Ферфакс, перешли на другие, столь же мирные темы. Вечер продолжался в обстановке такой же гармонии, однако не обошлось и без нового, хотя на сей раз незначительного, повода для волнения. Подали овсянку; разговор перешел на это целебное блюдо: овсянку расхваливали на все лады и воспевали ее полезность. Пришли к выводу о безусловной необходимости овсянки для всех и каждого. Затем последовало несколько гневных филиппик в адрес некоторых домов, где не умеют правильно сварить овсянку. К большому огорчению мистера Вудхауса, его старшая дочь на собственном опыте испытала следствие недостаточного уважения к овсянке: ее личная кухарка в Саут-Энде, молодая женщина, нанятая на время, никак не могла взять в толк, что от нее требуется, когда ее просили сварить добрую миску овсянки. Она

так и не научилась варить кашу негустую, без комочков, но и не слишком жидкую. Сколько бы раз Изабелла ни изъявила желание поесть каши и ни заказала овсянку, блюдо ни разу не было сварено должным образом. Разговор все больше сползал в нежелательную сторону.

— Ах! — воскликнул мистер Вудхаус, качая головой и устремляя на Изабеллу взгляд, исполненный нежной заботы и тревоги. Эмма перевела для себя его восклицание так: «Ах! Конца не видно печальным последствиям твоей необдуманной поездки в Саут-Энд. Я просто не нахожу слов». Некоторое время она лелеяла надежду, что отец, не найдя слов, не будет продолжать и, погрустив втихомолку, снова вернется к наслаждению собственной безупречно сваренной овсянкой. Однако, поразмыслив несколько минут, мистер Вудхаус завел старую песню: — Я всегда буду жалеть о том, что ты осенью вместо приезда к нам отправилась на море.

— Но о чем тут жалеть, сэр? Уверяю вас, детям пребывание на море принесло много пользы.

— И более того, если уж тебе взбрело в голову непременно поехать на море, то надо было ехать куда угодно, только не в Саут-Энд. Саут-Энд — нездоровое место. Перри очень удивился, узнав,

что вы все же остановились на Саут-Энде.

— Знаю, папенька, многие так считают, но на самом деле это заблуждение. Наше здоровье там не оставляло желать ничего лучшего, грязи не доставили нам ни малейшего неудобства. Кстати, мистер Уингфилд тоже полагает, что мнение о нездоровом климате этого места ошибочно. А я твердо знаю, что его суждениям можно доверять, ибо он хорошо разбирается в тамошнем климате. Чего далеко ходить, его собственный брат с семьей неоднократно бывал там.

— Дорогая, если уж вы собрались на море, вам следовало отправиться в Кромер. Однажды Перри провел там неделю и считает, что Кромер — лучший из морских курортов. Море там чудесное, уверяет он, а воздух чистейший. Из его рассказов я уяснил, что там без труда можно снять дом не на самом берегу, а примерно в четверти мили от моря — это очень удобно. Тебе надо было посоветоваться с Перри.

— Но, дорогой батюшка, ехать туда значительно дальше! Вы только представьте: путешествие длиною около ста миль вместо сорока.

— Ах, душенька, как говорит Перри, когда на кону здоровье, ничто другое не должно приниматься в расчет: и если уж собрался путешествовать,

то какая разница, сколько проехать — сорок миль или сто. Конечно, лучше вообще не двигаться с места, лучше оставаться в Лондоне, чем ехать за сорок миль в место с еще худшим климатом. Вот точные слова Перри. Ему ваша поездка показалась весьма необдуманной.

Эмма напрасно пыталась остановить отца — мистер Вудхаус сел на своего любимого конька. Она ничуть не удивилась, когда в разговор вступил мистер Джон Найтли.

— Мистер Перри, — вмешался он раздраженным тоном, — лучше бы держал свое мнение при себе, пока его не спрашивают. Чего ради он лезет поучать меня? К чему мне его советы? Мне лучше знать, на какой курорт выезжать с семьей. Неужели он считает, будто я не в состоянии позаботиться о своих близких? У меня своя голова на плечах есть. Я не нуждаюсь ни в его указаниях, ни в его лекарствах! — Он обиженно замолчал, а чуть позже, несколько остыв, ехидно продолжил: — Если мистер Перри может указать мне, как с удобством отвезти жену и пятерых детей за сто тридцать миль при тех же расходах, что и в поездке на сорок миль, я охотно предпочту, подобно ему, Кромер Саут-Энду.

— Верно, верно! — с готовностью поддержал

брата мистер Найтли. — Ты, Джон, как всегда, зришь в корень. Но вернемся к моим планам. Как тебе известно, я собираюсь продлить дорогу до Лангэма, сдвинув ее вправо, чтобы она не проходила через наши пастбища. Я не предвижу здесь никаких затруднений. Если бы мои планы угрожали удобству жителей Хайбери, я бы и не брался за дело, но вспомни, как дорога проходит сейчас… Однако ты лучше все себе представишь, если мы посмотрим на карту. Надеюсь завтра утром видеть тебя в аббатстве, тогда мы вместе изучим карты и ты сможешь высказать свое мнение.

Мистера Вудхауса изрядно взволновал такой резкий отзыв о его друге Перри, которому он хоть и бессознательно, но определенно приписывал многие собственные чувства и мысли. Однако нежное внимание и забота дочерей постепенно загладили неловкость, а готовность одного брата немедленно затушить тлеющий пожар и стремление второго брата держать себя в руках предотвратили новые вспышки.

Глава 13

Трудно было найти женщину счастливее миссис Джон Найтли во время ее краткого пребывания в Хартфилде. Каждое утро она, взяв всех пятерых детей, обходила старых знакомых и каждый вечер подробно обсуждала все увиденное и услышанное с отцом и сестрой. Единственным ее желанием было замедлить бег времени. Она испытывала совершенное блаженство, только слишком уж кратким было ее пребывание под кровом отчего дома.

Обычно друзьям в Хартфилде посвящали утренние, а не вечерние часы; однако приглашения на один званый, а именно рождественский, ужин избежать было невозможно. Мистер Уэстон не принял бы никаких возражений; они все непременно должны приехать к нему в Рэндаллс. Даже мистеру Вудхаусу пришлось примириться с неизбежным и отправиться в гости вместе со всеми, иначе ему предстояло бы разлучиться с любимыми дочерьми, зятем и внуками.

Будь на то его воля, он всемерно усложнил бы всем поездку, однако поскольку карета и лошади

зятя и дочери находились в Хартфилде, то он ограничился легким беспокойством по поводу того, как они все разместятся и покойно ли доедут; Эмме не составило большого труда убедить батюшку в том, что в одной из карет места, скорее всего, хватит и для Харриет.

Кроме них, на ужин пригласили лишь Харриет, мистера Элтона и мистера Найтли — ведь Рождество встречают в самом тесном, можно сказать, семейном кругу. Вудхаусы собирались заехать за остальными гостями по пути. Число приглашенных было небольшим еще и потому, что хотели потрафить привычкам и вкусам мистера Вудхауса.

Вечер накануне славного события (ибо то, что мистер Вудхаус собирался 24 декабря ужинать вне дома, было поистине великим событием) Харриет провела в Хартфилде и домой ушла такая простуженная, что, если бы не ее пламенные уверения, что миссис Годдард позаботится о ней наилучшим образом, Эмма ни за что не позволила бы ей покинуть свой дом. На следующий день Эмма навестила подругу: оказалось, что о визите Харриет в Рэндаллс не может быть и речи. Бедняжку лихорадило, и у нее сильно болело горло. Миссис Годдард суетилась и хлопотала

вокруг нее и уже готова была позвать мистера Перри, а самой Харриет была так тяжко, что она скрепя сердце вынуждена была отказаться от долгожданного званого ужина, хотя при воспоминании о том, чего она из-за болезни лишается, слезы так и брызнули у нее из глаз.

Эмма просидела у постели больной как можно дольше, дабы заменить отсутствующую миссис Годдард — той волей-неволей время от времени необходимо было отлучаться. Она пыталась развеселить Харриет, строя догадки, как будет огорчен мистер Элтон, когда узнает о ее состоянии; когда Эмма уходила, настроение Харриет несколько улучшилось от мыслей о том, как неприятно будет мистеру Элтону в гостях без нее и как все будут без нее скучать. Не успела Эмма отойти нескольких шагов от порога миссис Годдард, как столкнулась с самим мистером Элтоном, который, очевидно, направлялся туда. Они медленно пошли рядом, занятые разговором о судьбе несчастной больной, о ком он, услышав печальные вести, спешил осведомиться, дабы передать новости о ее состоянии в Хартфилд. По пути их догнал мистер Джон Найтли, он возвращался из ежедневной поездки в Донуэлл вместе с двумя старшими сыновьями, чьи здоровые, ру-

мяные, сияющие личики доказывали всю пользу беготни на свежем деревенском воздухе. Эмма не сомневалась: мальчики быстро расправятся и с жареным барашком, и с рисовым пудингом, к которым они поспешали домой. Дальше вся компания шла вместе. Эмма во всех подробностях живописала бедственное состояние своей подруги: красное, воспаленное горло, сильный жар, пульс частый и слабый и так далее, и она с прискорбием узнала от миссис Годдард, что у Харриет, оказывается, вообще слабое горло и она неоднократно пугала добрую женщину частыми простудами. Внезапно мистер Элтон встревожился и воскликнул:

— Слабое горло! Уж не ангина ли у нее? Ангина заразна! Нет ли у нее в горле гнойных пробок? Перри уже осмотрел ее? Вам нужно серьезнее заботиться о себе — так же, как вы заботитесь о вашем друге. Я вынужден умолять вас не подвергать себя опасности. Почему Перри не осмотрел ее?

Эмма, которая в действительности нисколько за себя не боялась, принялась его успокаивать и уверять, что миссис Годдард чрезвычайно опытная и заботливая сиделка. Но поскольку ей больше хотелось не развеивать его тревогу, а ско-

рее подкармливать ее, то вскоре она прибавила, словно бы невзначай:

— Ах, как холодно — холод просто ужасный! Похоже, скоро пойдет снег. Если бы нас пригласили в другое место, я приложила бы все усилия, чтобы остаться дома, и отговорила бы батюшку рисковать. Конечно, раз уж он решился и, кажется, у него самого нет признаков простуды, я не желаю вмешиваться, дабы не огорчать мистера и миссис Уэстон. А вот будь я на вашем месте, мистер Элтон, я бы точно отказалась от приглашения. Мне кажется, вы уже немного охрипли, вдобавок именно завтра вам потребуется ваш голос и все ваши силы… словом, если вы сегодня останетесь дома и как следует позаботитесь о себе, все расценят ваше поведение как верх благоразумия и осмотрительности.

Мистер Элтон, казалось, не знал, что и ответить на такое неожиданное предложение; так оно в действительности и было. Несмотря на то, что он был польщен доброй заботой прекрасной дамы и не склонен был отвергать ни один из данных ею советов, он совершенно не собирался отказываться от званого ужина. Однако Эмма, всецело поглощенная собственными представлениями и взглядами, не могла смотреть на него и слушать

его непредвзято; ее вполне удовлетворило его невнятное бормотание: «сейчас очень холодно, в самом деле очень холодно», и она продолжала путь, радуясь, что вывела его из затруднительного положения — подсказала, как избавиться от визита в Рэндаллс, и уверила в том, что он может каждый час осведомляться о здоровье Харриет.

— Вы поступаете правильно, — сказала она, — мы передадим ваши извинения мистеру и миссис Уэстон.

Но не успела она выговорить эти слова, как обнаружила, что ее брат уже вежливо предлагает мистеру Элтону место в своей карете: «если погода является единственным препятствием его участия в ужине», а мистер Элтон с большим облегчением и учтивой благодарностью принимает его предложение. Дело было решено: мистер Элтон отправлялся в гости. Никогда еще его полное, красивое лицо не лучилось таким довольством, как в тот миг, никогда не улыбался он шире и глаза его так не сияли, как в следующее мгновение, когда он взглянул на нее.

«Однако, — сказала она себе, — это странно! После того как я так хитро подсказала ему, как можно отказаться от визита, он все же выбрал званый ужин и бросит больную Харриет одну!

Действительно, более чем странно! Но вероятно, таково большинство мужчин, особенно неженатых. Их пристрастие к званым обедам и ужинам общеизвестно: нет для них большего удовольствия, нежели пойти в гости. Званый ужин они почитают почти что своей обязанностью и ради возможности побывать в обществе готовы пожертвовать всем — или почти всем. Именно так и обстоит дело с мистером Элтоном. Несомненно, он самый достойный, самый милый и любезный молодой человек и страстно влюблен в Харриет, но все же он не может противиться приглашению и всякий раз, как его зовут в гости, охотно обедает и ужинает вне дома. Какая странная вещь любовь! Он разглядел в Харриет живой ум, но не готов ради нее обедать в одиночестве».

Вскоре после этого мистер Элтон их покинул, и Эмма не могла не воздать ему должное, так как ей показалось, что, прощаясь, он с большим чувством упомянул имя Харриет; о его чувствах свидетельствовал и тон: он взволнованно уверил ее, что будет справляться у миссис Годдард о здоровье ее прелестной подруги и прежде, чем будет иметь счастье увидеться с нею вновь, надеется принести ей утешительные вести; под конец он вздохнул и улыбнулся, и чаша весов вновь

склонилась в его пользу.

Следующие несколько секунд они прошли в молчании, потом Джон Найтли заметил:

— Никогда в жизни не встречал я человека, который так стремится понравиться, как мистер Элтон. Он из сил выбивается, когда разговаривает с дамами. С мужчинами он может держаться просто и искренне, но, когда ему приходится занимать дам, он просто из кожи вон лезет.

— Манеры мистера Элтона нельзя назвать совершенными, — отвечала Эмма, — но желание угодить вполне простительно, и за это многое прощается. Когда человек, обладающий всего лишь скромными достоинствами, изо всех сил старается быть приятным для окружающих, он получает преимущество перед человеком совершенным, но равнодушным. Невозможно не ценить превосходный характер и доброжелательность Элтона.

— Да, — согласился мистер Джон Найтли, на сей раз не без лукавства, — кажется, по отношению к вам он действительно чрезвычайно доброжелательно настроен!

— Ко мне? — Эмма искренне удивилась. — Неужели вы воображаете, будто мистер Элтон питает ко мне нежные чувства?

— Признаю, Эмма, эта мысль действительно закралась ко мне в голову. И если вам такое предположение в голову не приходило, можете с успехом поразмыслить об этом сейчас.

— Мистер Элтон влюблен в меня! Что за ерунда!

— Я не говорю, что он влюблен, однако вам пойдет на пользу поразмыслить на досуге, так это или нет, и соответственно изменить свое поведение. Я считаю, что своими манерами вы поощряете его. Я говорю как друг, Эмма. Подумайте хорошенько, и ваши действия и дальнейшие планы прояснятся.

— Спасибо за совет, но уверяю вас, вы заблуждаетесь. Мы с мистером Элтоном всего лишь добрые друзья, и ничего более! — И она продолжала идти, посмеиваясь про себя. Вот как глубоко можно заблуждаться, если не знать всех обстоятельств дела, и вот какие ошибки совершают люди, полагающие, будто имеют право судить обо всем на свете; она была раздосадована поведением зятя, который счел ее слепой и невежественной и, кроме того, решил, будто она нуждается в чьих-либо советах. Однако остаток пути он прошел молча.

Мистер Вудхаус совершенно решился ехать в гости. Несмотря на то, что мороз крепчал, ему,

казалось, и в голову не приходило отступиться от своего замысла. Он выехал в путь, когда и собирался, минута в минуту; отправился в собственной карете вместе со старшей дочерью, причем погода волновала его даже меньше, чем остальных; слишком преисполнен он был волнения по поводу того, что раз в кои-то веки едет в гости. Предвкушение радостной встречи с друзьями в Рэндаллсе затмило для него все невзгоды, и он не замечал, как похолодало на улице; поскольку закутан он был сверх меры, он не ощущал холода. А тем временем мороз крепчал; когда со двора выехала вторая карета, пошел снег, небо нахмурилось так, что в случае небольшого потепления снег грозил моментально завалить всю округу.

Вскоре Эмма поняла, что ее спутник пребывает не в лучшем настроении. Приготовления и поездка в гости в такую погоду, вынужденная необходимость пожертвовать послеобеденными играми с детьми были в его глазах злом, с которым он ни в малейшей степени не желал мириться. Мистеру Джону Найтли поездка была не по душе, как ни гляди: он не понимал, ради чего вообще стоит ездить в гости, и не предвидел там ничего хорошего. В продолжение всего пути

к дому викария он без устали высказывал ей свое неудовольствие.

— Надобно быть о себе крайне высокого мнения, — ворчал он, — чтобы просить ближних своих покинуть родной очаг и выехать на мороз в такой день, как этот, ради удовольствия навестить его. Должно быть, Уэстон считает себя душой общества, я на такое не способен. Это величайшая нелепица — посмотрите, уже пошел снег! Что за эгоизм не позволять людям с удобством сидеть дома и что за безумие соглашаться покинуть тепло и уют родного очага! Если бы дело или долг призвали нас в такой день выехать из дому, мы сочли бы это тяжкой повинностью; но вот мы едем, одетые легче обычного, и зачем? Никакого достаточного повода у нас нет! Мы поступаем против зова природы, которая велит человеку разумному и трезвомыслящему и самому сидеть дома, и не выпускать из-под теплого крова родных и близких. Зачем мы едем? Только ради того, чтобы проскучать в чужом доме пять часов кряду. Не узнаем и не услышим ничего, о чем не знали и не слышали бы раньше и снова не узнаем и не услышим завтра. Выехали мы в плохую погоду, а когда станем возвращаться, наверное, она станет вовсе прескверной! Четыре

лошади и четверо слуг вырваны из дому только ради того, чтобы доставить в гости пять праздных, дрожащих от холода созданий — привезти их в холодное помещение и худшую компанию, чем могла быть у них дома.

Эмма была не в настроении поддакивать, к чему ее собеседник, вне сомнения, привык; у нее не было ни малейшего желания восторженно лепетать: «Как вы правы, любовь моя!» — как обычно говорила ему в таких случаях его нежная супруга, однако ей достало мудрости вовсе удерживаться от ответа. Согласиться с ним она не могла, а ссориться ей не хотелось — ее героизма хватило лишь на молчание. Она позволила ему разглагольствовать, а сама, не открывая рта, поправила лорнет и плотнее завернулась в плед.

Карета повернула к дому викария. Остановилась, спустили подножку, и мистер Элтон, щеголеватый, весь в черном, улыбающийся, немедленно присоединился к ним. Эмма не без удовольствия подумала о том, что больше ей не придется слушать брюзжания зятя. Мистер Элтон был сверх обычного любезен и оживлен, он настолько радовался предстоящему визиту, что Эмма решила: должно быть, он получил обнадеживающие сведения о Харриет, отличающиеся

от тех, которые узнала она. Пока Эмма одевалась, она посылала справиться о здоровье подруги и получила ответ: «Состояние то же, ей не лучше».

— Мне миссис Годдард передала, — она выделила слово «мне», — что положение больной не настолько благоприятно, как я надеялась: мне ответили, что ей не лучше.

Его лицо немедленно вытянулось, и, когда он заговорил, голос его дрожал от волнения:

— Ах, не может быть! Я ужасно огорчен… я как раз собирался рассказать вам… когда я позвонил у двери миссис Годдард (я заходил к ней перед тем, как пошел домой переодеваться), мне сообщили, что мисс Смит не лучше, совсем не лучше, а скорее хуже. Я очень опечален и расстроен, я утешал себя надеждой, что после такой сердечной заботы, которую она получила утром, ей неминуемо станет лучше. Эмма улыбнулась:

— Мое посещение, как я думаю, принесло пользу ее нервам, но даже и мне не под силу прогнать ангину — это очень суровое заболевание. Вы, наверное, слышали, что к ней приглашали мистера Перри?

— Д-да… кажется… то есть… нет, не слышал…

— Он не первый раз лечит ее горло, и я надеюсь, завтра утром мы оба получим более обнадежива-

ющие сведения. Но невозможно не чувствовать за нее беспокойства. Какая печальная потеря для нашего сегодняшнего общества!

— Ужасная! Именно так, ужасная. Нам будет каждый миг недоставать ее.

Весьма уместное замечание; вздох, сопровождавший его слова, был поистине замечателен. Однако, по мнению Эммы, он мог бы предаваться грусти и подольше. Она чуть не испугалась, когда всего полминуты спустя он заговорил о другом, причем в голосе его зазвенели радостные нотки.

— Какое чудесное средство — овечья полость в карете! — заметил он. — Как благодаря ей удобно путешествовать. С подобными предосторожностями замерзнуть невозможно. Право, благодаря современным достижениям джентльмен может путешествовать в карете со всеми удобствами. Вас настолько ограждают и охраняют от превратностей погоды, что ни единое дуновение ветерка не проникает внутрь, если пассажир того не желает. Погода становится совершенно незначительным фактором. Сегодня, например, после полудня очень холодно, но в этой карете нам и дела нет до погоды. Ха! Вижу, пошел снежок…

— Да, — сказал Джон Найтли, — и думается мне, снегу нам сегодня достанется изрядно.

— Так ведь на дворе Рождество, — бодро возразил мистер Элтон. — Вот и снег идет, наше счастье, что снегопад не начался вчера, иначе мы не смогли бы поехать в гости сегодня, а это вполне вероятная вещь, ведь, если бы дорогу занесло, вряд ли мистер Вудхаус отважился бы отправиться в путь. Однако теперь нам никакой снег не страшен. Рождество — прекрасная пора для дружеских встреч. На Рождество все приглашают к себе друзей, и никому нет дела до капризов погоды. Однажды из-за сильного снегопада я задержался в доме у друга на целую неделю. Ничто не могло быть приятней! Я поехал к нему всего на одну ночь, но не мог уехать обратно ровно семь дней!

Вид мистера Джона Найтли явственно свидетельствовал о том, что такого рода удовольствия ему чужды. Вслух же он сухо заметил:

— Не хотел бы я из-за снегопада на неделю застрять в Рэндаллсе.

В другое время Эмму позабавил бы разговор, но теперь она была слишком изумлена способностью мистера Элтона испытывать радость. Казалось, предвкушение приятного вечера в гостях начисто вытеснило бедняжку Харриет из его памяти.

— Несомненно, нас ждет пылающий камин, — продолжал он, — и всевозможные радости и развлечения. Мистер и миссис Уэстон — очаровательные люди. Миссис Уэстон, безусловно, заслуживает всяческих похвал, а он вполне ее достоин — такой гостеприимный, такой общительный! Гостей будет мало, но, когда приглашают избранных, близких друзей, оно и к лучшему. В гостиной мистера Уэстона с удобством разместятся не больше десяти человек; а что касается меня, то я при данных обстоятельствах склонен предпочесть, чтобы из этого количества двух человек недоставало, чем было бы на два человека больше. Думаю, вы согласитесь со мной, — заявил он, сладко улыбаясь Эмме, — я надеюсь, вы одобряете мои слова. Хотя мистер Найтли, живя в Лондоне, наверное, привык к более многолюдным собраниям и не разделяет наших чувств.

— Я и понятия не имею о лондонских многолюдных собраниях, сэр, — я никогда не обедаю вне дома.

— Неужели! — В голосе мистера Элтона зазвучали удивление и жалость. — Я и не представлял себе, что занятия юриспруденцией настолько затягивают, что становятся непосильным бременем. Что ж, сэр, поверьте мне: время, когда

вам воздастся за все ваши страдания, уже не за горами — вас ждет меньше трудов и больше удовольствий.

— Я почту за главное удовольствие, — ответил Джон Найтли, когда они уже въезжали в ворота, — снова в целости и сохранности оказаться в Хартфилде.

Глава 14

Каждому из джентльменов при входе в гостиную миссис Уэстон было необходимо несколько изменить выражение лица: мистеру Элтону следовало немного умерить радость, а мистеру Джону Найтли — смягчить брюзгливое выражение. Дабы соответствовать обстановке, мистеру Элтону следовало улыбаться меньше, а мистеру Джону Найтли — больше. Одна лишь Эмма могла оставаться такою, как была, как ей подсказывала ее природа, ибо она и так испытывала большую радость от встречи с друзьями. Для нее визит к Уэстонам был истинным наслаждением. Ей очень нравился мистер Уэстон, а что касается его жены, то не было на свете другого человека, с кем она могла бы беседовать столь открыто, кому могла бы поверять все свои мысли. Она была уверена: ни с кем из своих знакомых нельзя ей говорить с полным убеждением, что ее выслушают и поймут. Кто, как не миссис Уэстон, лучше других поймет ее слова, поступки, планы, затруднения и маленькие радости? Все происходящее в Хартфилде вызывало живейший интерес у миссис

Уэстон; и обе бывали по-настоящему счастливы, если им удавалось полчаса кряду потолковать обо всех этих незначительных предметах, составляющих ежедневную радость частной жизни.

Это было удовольствие, которое они чаще всего не могли себе позволить во время обычных, ежедневных визитов, и уж конечно, вряд ли они успели бы обменяться новостями в сегодняшние полчаса; однако один вид миссис Уэстон, ее улыбка, прикосновение, голос настолько благотворно повлияли на Эмму, что она решила на время забыть о странном поведении мистера Элтона и о других малоприятных вещах и наслаждаться всем, что только может порадовать ее.

Несчастье Харриет, которая ухитрилась простудиться, уже успели обсудить во всех подробностях еще до приезда Эммы. Мистер Вудхаус, которого покойно усадили в кресло, успел поведать печальную историю во всех подробностях, а кроме того, не упуская ни одной мелочи, он рассказал о том, как они с Изабеллой перенесли дорогу, и о том, что Эмма едет следом и что он преисполнен удовольствия оттого, что Джеймс также может, благодаря их визиту, повидаться с дочерью. В это время появились остальные гости, и миссис Уэстон, которая была почти всецело занята заботой

о мистере Вудхаусе, смогла наконец приветить свою милую Эмму.

Так как Эмма планировала на некоторое время выбросить из головы мистера Элтона, она несколько огорчилась, обнаружив, что за столом он оказался ее соседом. Переносить его странную бесчувственность по отношению к Харриет было тем тяжелее, что он не только сидел рядом с ней, но и постоянно раздражал ее своим счастливым видом и без конца обращался к ней по любому поводу. Таким образом, Эмме не только невозможно было забыть о нем, но невольно думалось: «Неужели мой брат прав? Может ли это быть? Неужели возможно, чтобы этот человек переключил свое внимание с Харриет на меня? Бессмысленно и невыносимо!» И тем не менее он так назойливо справлялся, не холодно ли ей, с таким вниманием выслушивал ее отца и так восхищался миссис Уэстон! Наконец он начал так горячо и бездумно превозносить ее рисунки, что стал ужасно походить на пылкого влюбленного, и Эмме стоило большого труда сдержаться и не нагрубить ему. Ради нее самой грубить ему нельзя, а ради Харриет, в надежде, что все еще может обернуться хорошо, она старалась даже быть с ним вежливой. Однако для нее ужин стал

испытанием, особенно потому, что болтовня мистера Элтона мешала ей участвовать в общем разговоре, который представлял для нее интерес. Из-за ерунды, которую нес мистер Элтон, ей удалось расслышать лишь обрывки фраз, однако она поняла, что мистер Уэстон получил какие-то сведения о своем сыне: до нее то и дело доносилось: «Мой сын» и «Фрэнк». Из того, что она расслышала, она сделала вывод, что мистер Уэстон извещает гостей о скором приезде сына, но прежде, чем ей удалось призвать мистера Элтона к молчанию, тема была уже обсуждена во всех подробностях, так что задавать наводящие вопросы было уже неудобно.

Так случилось, что, несмотря на решимость Эммы никогда не выходить замуж, было что-то в самом имени, в самой мысли о Фрэнке Черчилле, что неизменно вызывало ее интерес. Она часто думала — особенно с тех пор, как его отец женился на мисс Тейлор, — что уж если ей придется выйти замуж, то Фрэнк Черчилль как раз подходит ей и по возрасту, и по характеру, и по положению. Благодаря же новой связи между их семьями этот союз становился все более желанным. Эмма не могла не предположить, что все, кто их знает, должны считать Фрэнка самой

подходящей для нее партией. То, что мистер и миссис Уэстон так считали, было несомненно; и хотя она вовсе не собиралась позволить ни ему, ни кому-либо другому изменить свою жизнь, и без того наполненную и насыщенную всем, чем только можно желать, ей было чрезвычайно любопытно познакомиться с ним, она заранее готова была признать его человеком славным, ей хотелось бы понравиться ему — до определенной степени, — и она находила своего рода удовольствие в самой мысли о том, что друзья в своем воображении уже поженили их.

Любезности, неустанно расточаемые мистером Элтоном, ужасно мешали ей предаваться сладким мечтам, однако она, к счастью, умела притворяться вежливой, хотя на самом деле была очень раздосадована. Она надеялась, что в ходе вечера простодушный мистер Уэстон не сумеет удержаться хотя бы от еще одного упоминания о приезде сына. Так оно и получилось; наконец ей удалось под каким-то предлогом отделаться от мистера Элтона. За ужином она оказалась, к счастью, соседкой мистера Уэстона. Он воспользовался первым же перерывом в своих обязанностях гостеприимного хозяина дома. Закончив распределять между гостями седло

барашка, он заявил:

— Нам не хватает всего двоих до нужного числа. Мне бы хотелось видеть здесь еще двух человек: вашу прелестную маленькую подругу, мисс Смит, и моего сына. Тогда я мог бы с чистой совестью заявить, что все в сборе. Кажется, вы не слышали, когда в гостиной я рассказывал остальным, что мы ожидаем приезда Фрэнка? Сегодня утром я получил от него письмо — через две недели он будет у нас.

Эмма постаралась умерить свою радость и подтвердила: да, за столом действительно недостает мистера Фрэнка Черчилля и мисс Смит.

— Он стремится приехать, — продолжал мистер Уэстон, — с самого сентября: все его письма полны уверений в том, как хочет он вырваться к нам. Однако он не властен над собственным временем. Он вынужден угождать своим благодетелям, которые (между нами) бывают довольны лишь в том случае, если ради них идут на жертвы. Но сейчас у меня почти нет сомнений в том, что примерно на второй неделе января мы увидим его здесь.

— Какую огромную радость доставит вам встреча с сыном! И миссис Уэстон так не терпится познакомиться с ним. Она, наверное, счастлива

не меньше вашего?

— Совершенно верно, однако она полагает, что его снова задержат. Она не так, как я, верит в то, что ему позволят приехать, но она незнакома, подобно мне, со всеми действующими лицами. Видите ли, дело в том, что… но это строго между нами… в гостиной я ни словом об этом не заикнулся. Вы же знаете, в каждой семье есть свои тайны… Так вот, дело в том, что в январе в Энскуме ждут гостей, и Фрэнк сумеет выбраться к нам, только если гости отложат свой визит. Если гости приедут, его к нам не отпустят. Но я знаю, что они не приедут, потому что это семья, к которой известная дама, пользующаяся определенным влиянием в Энскуме, питает особенное нерасположение. И хотя долг вежливости повелевает приглашать их один раз в два или три года, всякий раз, когда доходит до дела, визит отменяют. Я нимало не сомневаюсь в том, что так произойдет и в этом случае. Я также убежден в том, что увижу Фрэнка здесь еще до середины января, как и в том, что сам здесь нахожусь. Однако ваша старая приятельница (кивок в сторону противоположного конца стола) настолько сама не капризна и настолько не привыкла к причудам, капризам и выходкам в Хартфилде, что и не знает, сколь при-

чудливы могут быть прихоти известной особы, как знаю я исходя из долгого опыта.

— Жаль, что в данном случае не обошлось без сомнений, — отвечала Эмма. — Однако я склонна принять вашу сторону, мистер Уэстон: если вы полагаете, что он приедет, я тоже склонна так считать. Ибо вы знаете Энскум и его обитателей.

— Да, и у меня для такого предположения достаточно оснований, хотя я ни разу в жизни там не был. Ну и странная же она женщина, доложу я вам! Но я никогда не позволяю себе осуждать ее — из-за ее заботы о Фрэнке. Видите ли, я твердо верю в то, что она очень его любит. Раньше я думал, что она вообще неспособна кого-либо любить, кроме себя, однако она всегда была добра к нему (на свой лад — с причудами и вывертами; она требует, чтобы все поступали только так, как угодно ей). И по моему мнению, то, что Фрэнку удалось вызвать в ней такую любовь к себе, говорит в его пользу; ибо, хотя я бы никому другому не признался в том, обыкновенно люди говорят, будто сердце у нее каменное, а характер дьявольский.

Эмме настолько по душе пришелся предмет разговора, что вскоре после того, как дамы после ужина вернулись в гостиную, она сама заговори-

ла о приезде Фрэнка Черчилля с миссис Уэстон, поздравив ее с радостным событием, однако отметив, что первая встреча не может не волновать. Миссис Уэстон согласилась, но добавила, что радость ее была бы больше, если бы она могла быть твердо уверена, что волнующая первая встреча состоится в заявленное время.

— Судите сами: я пока не рассчитываю на то, что ему удастся приехать. Я не так уверена в его визите, как мистер Уэстон. Очень боюсь, что дело кончится ничем. Вероятно, мистер Уэстон уже поведал вам, как обстоят дела.

— Да… кажется, его приезд зависит только от дурного характера и своенравия миссис Черчилль, в котором, как мне представляется, она проявляет редкостное упорство.

— Милая Эмма! — отвечала миссис Уэстон с улыбкой. — Ну как можно упорствовать в своенравии? — И, повернувшись к Изабелле, которая не принимала участия в их разговоре, добавила: — Моя дорогая миссис Найтли, да будет вам известно, что я ни в коем случае не уверена в приезде мистера Фрэнка Черчилля, в отличие от его отца. Приезд мистера Черчилля всецело зависит от капризов и перепадов настроения его тетки, попросту говоря, от того, с какой ноги она вста-

нет. Вам, моим двум дочерям, я могу рискнуть сказать всю правду. Миссис Черчилль правит Энскумом и отличается редкостным своеволием. Если она пожелает отпустить его, он приедет, если же нет…

— Ох эта миссис Черчилль! Кто же ее не знает! — отвечала Изабелла. — Уверяю вас, я не могу и думать о бедном юноше без сострадания. Как, должно быть, ужасно жить с такой своенравной особой! Такая незавидная участь нам, к счастью, неведома, но он, вне всякого сомнения, достоин жалости. Еще хорошо, что у нее нет своих детей! Какими бы несчастными она сделала маленьких бедняжек!

Эмме хотелось поговорить с миссис Уэстон наедине. Тогда она узнала бы больше: с ней миссис Уэстон говорила совершенно не таясь, открыто, не так даже, как в присутствии Изабеллы, и Эмма искренне верила, что от нее миссис Уэстон не утаила бы ни одной мелочи, имеющей отношение к Черчиллям, за исключением собственных представлений о молодом человеке, подсказанных ей чутьем и воображением. Но в настоящий момент говорить больше было не о чем. Очень скоро в гостиную вслед за ними вышел мистер Вудхаус. Долго сидеть после обеда было для него

невыносимой пыткой. Ни вино, ни беседы в мужской компании не имели в его глазах никакой цены, и он с облегчением присоединился к тем, с кем ему всегда было удобно и покойно.

Однако, пока он говорил с Изабеллой, Эмма улучила минутку и сказала:

— Значит, приезд вашего сына представляется вам маловероятным? Мне очень жаль. При первой встрече всегда испытываешь неловкость, поэтому чем скорее это произойдет, тем лучше.

— Да, и всякая задержка заставляет предвидеть и бояться других задержек. Даже если их гости, Брейтуотеры, не приедут, я все равно боюсь, что найдется другой предлог разочаровать нас. Я и помыслить не могу о том, что он сам не испытывает желания приехать, но убеждена, что Черчиллям очень хочется держать его при себе. В них говорит ревность. Они ревнуют его даже к родному отцу. Короче говоря, я не испытываю ни малейшей уверенности в его приезде и хотела бы, чтобы мистер Уэстон не был настроен столь лучезарно.

— Он обязан приехать, — сказала Эмма. — Пусть хотя бы на два дня, но обязан! Трудно предполагать, чтобы у молодого человека не было возможности настоять хотя бы на такой малости.

Вот молодую женщину, попади она в плохие руки, еще можно третировать и не пускать к тем, с кем ей хочется быть вместе, однако от молодого человека невозможно ожидать, чтобы он был настолько скован, что не смел и недели провести с отцом, если он того желает.

— Прежде чем судить о том, что ему можно, надо побывать в Энскуме и своими глазами увидеть, какие порядки там царят, — отвечала миссис Уэстон. — Возможно, так же осмотрительно следует подходить и к оценке характера любого человека из любой другой семьи. Но, как мне кажется, Энскум вообще невозможно мерить общей меркой, так как эта дама очень непредсказуема и вертит там всеми как хочет.

— Но она обожает племянника: он ведь ее любимчик! Если миссис Черчилль такова, как я о ней думаю, то вполне естественно следующее: она ничем не склонна жертвовать ради мужа, которому она обязана всем, она на каждом шагу изводит его своими капризами, однако племянник, которому она абсолютно ничем не обязана, скорее всего, сам вертит ею как хочет.

— Дражайшая моя Эмма, даже не пытайтесь с вашим-то мягким характером понять чей-то скверный нрав или установить правила, по ко-

торым живет эта женщина — пусть ее живет по своим законам! Не сомневаюсь, что иногда, временами, он действительно имеет на нее некоторое влияние, однако ему невозможно предугадать, когда в точности у нее случится такое настроение, что ей взбредет в голову потакать ему.

Эмма замолчала, а затем сухо заметила:

— Если он не приедет, я буду очень разочарована.

— В некоторых вещах он, может быть, и имеет на нее влияние, — продолжала миссис Уэстон, — а в других случаях — очень малое, и среди тех вещей, в которых он не властен над теткой, думается мне, как раз и находится вопрос о его приезде к нам.

Глава 15

Скоро мистер Вудхаус созрел для чая; выпив чашку, он сразу засобирался домой. Трем его собеседницам ничего не оставалось, как убеждать его, что час еще ранний, но тут явились джентльмены. Мистер Уэстон был словоохотлив и общителен, мысль о раннем отъезде гостей не доставила ему радости. Наконец из столовой вышли остальные. Одним из первых в гостиной появился мистер Элтон, он пребывал в отличном настроении. Миссис Уэстон и Эмма сидели рядом на софе. Он немедленно подошел к ним и, не дожидаясь приглашения, уселся между ними.

Эмма, также приведенная в хорошее расположении духа разговорами о Фрэнке Черчилле, склонна была простить ему недавнюю несообразность его поведения и думать о нем так же благосклонно, как и прежде. Поскольку он немедленно заговорил о Харриет, она приготовилась с самым дружеским участием выслушать его.

Он выказал необычайную тревогу о ее прелестной подруге — милой, хорошенькой, верной подруге. Имеет ли мисс Вудхаус какие-либо из-

вестия о ней? Не прислали ли во время ужина новых сводок о ее здоровье? Ему так неспокойно… он вынужден признать, что его чрезвычайно встревожили симптомы ее болезни. В таком духе он и говорил некоторое время, не особенно прислушиваясь к ответам своей собеседницы, но ужасаясь возможным опасностям ангины; Эмма снисходительно выслушивала его взволнованную болтовню.

Но потом разговор принял неприятный оборот: вдруг ей показалось, что он более всего боится не за Харриет, а за Эмму — как бы она не заразилась, — его больше тревожило то, как бы она не подхватила инфекцию, чем излечение Харриет. С величайшей серьезностью он принялся убеждать ее удержаться от желания снова посетить больную подругу — пытался взять с нее обещание не рисковать до тех пор, пока он не повидается с мистером Перри и не узнает его мнения. И хотя она высмеяла его и постаралась повернуть разговор в нужное русло, он не переставал выражать беспокойство о ней. Его суета и причитания раздосадовали Эмму. Действительно — теперь уже нет сомнений — все выглядело так, словно он влюблен в нее, а не в Харриет. Какое презренное и отвратительное непостоянство! Она с трудом

сдерживалась, чтобы не наговорить ему колкостей. Он же повернулся к миссис Уэстон, словно ища у нее помощи: ведь она поддерживает его? Не присоединит ли она свои увещевания к его мольбам, дабы убедить мисс Вудхаус не ходить к миссис Годдард, пока не станет ясно, что болезнь мисс Смит не заразна? Пока она не даст ему обещания не ходить, он не успокоится; не употребит ли миссис Уэстон свое влияние, чтобы уберечь Эмму от заражения?

— Мисс Вудхаус так заботлива по отношению к другим, — продолжал он, — но столь беспечна по отношению к себе самой! Сегодня она просила, чтобы я лечил простуду и остался дома, но сама не хочет обещать избегать опасности заражения гнойной ангиной! Прав ли я, миссис Уэстон? Рассудите нас. Неужели у меня нет некоторых оснований жаловаться? Я уверен в вашей доброй поддержке и помощи.

Эмма увидела удивление на лице миссис Уэстон и поняла, насколько сильно та поражена его обращением к ней, манерами и словами, из которых явствовало, что он присвоил себе право первостепенной заботы о ней; сама же Эмма была слишком раздражена и оскорблена, чтобы достойно ответить ему. Она лишь наградила

болтуна весьма красноречивым взглядом — по ее мнению, такой взгляд способен был привести его в чувство. Затем она поднялась с софы и, пересев, углубилась в разговор с сестрой.

У нее не было времени узнать, как отнесся мистер Элтон к ее порицанию, настолько стремительно стали развиваться события, ибо в комнату вошел мистер Джон Найтли — он выходил на двор посмотреть, какая погода, и сообщил всем, что земля покрыта снегом и снегопад продолжается, причем довольно сильный: можно сказать, что на дворе метель. В заключение он обратился к мистеру Вудхаусу:

— Смело начинаете вы зимние развлечения, сэр! То-то порадуются ваш кучер и лошади, когда придется им прокладывать путь через буран.

Бедный мистер Вудхаус от ужаса лишился дара речи, но тут все наперебой кинулись его утешать. Одни удивлялись, другие заявляли, что так и думали, третьи успокаивали тех, кто был напуган. Миссис Уэстон и Эмма со всей серьезностью пытались подбодрить мистера Вудхауса и отвлечь его внимание от зятя, который, проявляя поразительное бесчувствие, наслаждался триумфом.

— Я чрезвычайно восхищен вашей решимостью, сэр, — продолжал он, — в такую погоду

отважиться выбраться из дому — вы ведь, несомненно, видели, что скоро пойдет снег. Всем должно было быть ясно, что надвигается метель. Я восхищен вашей отвагой и не сомневаюсь в том, что домой мы вернемся без хлопот. Если снегопад продлится еще час-другой, вряд ли дороги станут непроходимыми, к тому же у нас две кареты. Если даже одну из них занесет снегом в чистом поле, у нас под рукой будет вторая. Рискну предположить, что еще до полуночи мы целыми и невредимыми доберемся до Хартфилда.

Мистер Уэстон, тоже радуясь, но по другому поводу, признал, что уже некоторое время назад заметил, что идет снег, но не сказал ни слова, дабы не обеспокоить мистера Вудхауса и не подсказать ему предлога заторопиться домой. Что же касается того, что некоторое количество снега уже выпало и продолжает падать, то предположение, будто это количество способно воспрепятствовать им вернуться домой, не более чем шутка; он уверен, что никаких затруднений на обратном пути они не встретят. Хотел бы он, чтобы дорога стала непроходимой и у него появился повод задержать друзей в Рэндаллсе. С крайним добродушием он призвал жену подтвердить, что, случись такая оказия, места хватило бы для всех

гостей и всех устроили бы с удобствами. Миссис Уэстон не могла согласиться с мужем: она хорошо понимала, что ей вряд ли удастся с удобствами разместить всех, поскольку в их доме всего две свободные комнаты.

— Что делать, дорогая Эмма? Что нам делать? — воскликнул мистер Вудхаус; ничего другого он некоторое время и не был в состоянии произнести. К ней он обращался за утешением; ей пришлось заверить отца в том, что они находятся в полнейшей безопасности, напомнить о том, какие у них превосходные лошади и Джеймс, привлечь его внимание к тому, что они окружены друзьями; ее слова несколько взбодрили его.

Старшая дочь тревожилась наравне с отцом. Ужас при мысли о возможности оказаться отрезанной от мира в Рэндаллсе, в то время как ее дети находятся в Хартфилде, парализовал все ее мысли; она заявила, что, может быть, если рискнуть, сейчас удастся преодолеть дорогу до Хартфилда, но медлить нельзя! Изабелла горела желанием, оставив Эмму с отцом в Рэндаллсе, немедленно отправиться домой с мужем, невзирая на снежные заносы.

— Прикажите кучеру немедленно запрягать лошадей, любовь моя, — обратилась она к му-

жу. — Мы наверняка сумеем преодолеть путь, если выедем тотчас; а если не сможем ехать, то я выйду из кареты и пойду пешком. Наверное, половину пути я сумею пройти пешком. Уверяю вас, как только я попаду домой, я тут же надену сухую обувь… от такой прогулки я не простужусь.

— Как же! — возразил он. — Тогда, дорогая Изабелла, это будет самым необычайным происшествием на свете, ибо обыкновенно вы простужаетесь от любого дуновения ветерка. Придет же такое в голову — идти домой пешком! Да и, осмелюсь заметить, обуты вы как раз подходяще для пешей прогулки. Сейчас даже лошадям придется нелегко.

Изабелла повернулась к миссис Уэстон в ожидании того, что та одобрит ее план. Миссис Уэстон ничего другого и не оставалось. Затем Изабелла обратилась к Эмме, но Эмма была не из тех, кто так легко сдается, она надеялась, что все они благополучно доберутся до дому. Они горячо обсуждали все возможности, когда вернулся мистер Найтли, который, как только услышал сообщение брата о метели, немедленно вышел на улицу и заявил, что он некоторое время простоял на дворе, наблюдая за погодой, и совершенно убежден в полнейшей безопасности обратного

путешествия, когда бы они ни пожелали ехать, сейчас или через час. Он немного прошелся по дороге в сторону Хайбери, и оказалось, что снегу нигде не намело выше чем на полдюйма, а во многих местах земля была едва прикрыта снежком. Правда, редкие снежинки падают, но небо проясняется, есть все признаки того, что скоро снегопад совсем прекратится. Он переговорил с кучерами, и оба они согласились с ним в том, что бояться совершенно нечего.

У Изабеллы после таких вестей отлегло от сердца; Эмма также испытала сильное облегчение — из-за отца, который сразу же успокоился, насколько позволяла ему его нервная организация, однако он был настолько возбужден, что не мог долее оставаться в Рэндаллсе. Он был рад, что их возвращению домой ничто не помешает, но ничто не могло заставить его и далее наслаждаться пребыванием в гостях. Пока остальные пытались утешить его или уговорить остаться подольше, мистер Найтли обменялся с Эммой несколькими краткими фразами, и вопрос был решен.

— Ваш батюшка беспокоится, отчего вы не едете.

— Я готова, если готовы другие.

— Так я позвоню?

— Да, пожалуйста.

Он позвонил в колокольчик и велел подавать кареты. Еще немного, и Эмма надеялась высадить одного назойливого спутника у его дома, чтобы он посерьезнел и остыл, а другому спутнику вернуть радость и спокойствие, положив конец утомительному визиту.

Прибыли кареты. Как всегда, мистера Вудхауса первого окружили заботой: мистер Найтли и мистер Уэстон с удобствами усадили его в собственную карету, но их обоюдные хлопоты и уверения не сумели избавить его от новой вспышки тревоги. Он убедился в том, что снег действительно падает, и сделал неприятное открытие: ночь оказалась темнее, чем он полагал. Он опасался, что поездка будет крайне неудачной. Он боялся, что бедняжка Изабелла не перенесет всех тягот путешествия. А бедной Эмме придется ехать в карете позади! Как же лучше поступить? Им следует по мере сил держаться как можно ближе друг к другу. И Джеймсу было велено двигаться как можно медленнее и поджидать вторую карету.

Изабелла села в карету к отцу; Джон Найтли забыв, что он ехал сюда с другой компанией, вполне естественно забрался в карету вслед за женой,

таким образом, когда мистер Элтон сопроводил и подсадил Эмму во вторую карету и дверцу, как и положено, за ними захлопнули, оказалось, что ей предстоит ехать обратно наедине с ним. Если бы не возникшие у нее сегодня подозрения, такая поездка вряд ли вызвала бы у нее чувство неловкости, скорее, ей было бы приятно: она могла бы поговорить с ним о Харриет, и три четверти мили пролетели бы во мгновение ока. Но сейчас она склонна была пожалеть, что произошел такой поворот событий. Ей показалось, что мистер Элтон слегка перебрал превосходного вина мистера Уэстона, она была уверена, что он станет болтать ерунду.

Дабы по возможности обуздать его, она немедленно приготовилась со всей важностью и серьезностью говорить с ним о сегодняшней погоде, но не успела она начать, не успела их карета выехать за ворота и догнать первую карету, как оказалось, что ее прервали, взяли за руку, потребовали ее внимания, и мистер Элтон уже — ни много ни мало — пылко объясняется ей в страстной любви, радуясь счастливому случаю. Он говорил о чувствах, которые ей уже, несомненно, должны быть ясны, надеясь, боясь, обожая и готовясь умереть, если она ему откажет; но он

льстит себя надеждой, что его искренняя привязанность, неизъяснимая любовь и беспримерная страсть не могут не оказать на нее некоторого влияния, короче говоря, он надеется на то, что его предложение в самом ближайшем будущем будет принято. Да-да! Без колебаний, без каких-либо мучений, без чувства вины мистер Элтон, возлюбленный Харриет, объявлял себя влюбленным в Эмму! Она пыталась остановить его, но тщетно — ему необходимо было выговориться до конца. Как ни была она сердита, но, когда ей все же удалось вставить слово, она заставила себя сдержаться, полагая, что речь его несерьезна. Ей показалось, что он расхрабрился от выпитого вина и действует под влиянием момента. Полагая, что к его не совсем трезвому состоянию более всего подойдет смесь серьезности и шутливости, она отвечала:

— Я необычайно поражена, мистер Элтон! Говорить такое — и кому — мне! Вы, очевидно, перепутали меня с моей подругой. Я буду счастлива передать любые ваши слова мисс Смит, но, прошу вас, не стоит адресовать подобные признания мне!

— Мисс Смит? Чтобы я адресовался к мисс Смит? Как прикажете понимать ваши слова? — И

он вновь повторил свое признание, исполненное таких пылких уверений в любви, такой хвастливой убежденности в своей победе и такого самодовольства, что Эмма не могла не поспешить с ответом:

— Мистер Элтон, вы ведете себя совершенно недопустимо! Я могу расценить ваше поведение лишь в одном смысле: вы не в себе. Иначе вы не позволили бы себе в таком тоне говорить ни обо мне, ни о Харриет. Постарайтесь держать себя в руках! Ни слова больше, и я обещаю забыть все.

Однако мистер Элтон выпил как раз достаточно для храбрости, но вино нисколько не повредило его рассудку. Он прекрасно понимает, о чем он говорит; ее подозрения он находит в высшей степени обидными. Разумеется, он уважает мисс Смит как ее подругу, однако он не понимает, при чем здесь мисс Смит! Он обращается к предмету своих чувств и очень надеется на благоприятный ответ.

Чем больше он трезвел, тем более непостоянным и самонадеянным он ей казался. Ей стоило больших трудов ответить ему сдержанно и вежливо:

— Для меня исчезли все сомнения. Вы выразились вполне ясно. Мистер Элтон, мое изумление

переходит все границы. Наблюдая последний месяц за вашим отношением к мисс Смит — а я ежедневно была свидетелем, — я могу сказать вам только одно: ваше сегодняшнее обращение ко мне кажется неслыханным непостоянством и верхом легкомыслия! Поверьте мне, сэр, я вовсе не обрадовалась, узнав о том, что стала предметом ваших воздыханий.

— Боже мой! — воскликнул мистер Элтон. — Что это значит? Мисс Смит?! Да я и думать не думал о мисс Смит… я даже не посмотрел бы в ее сторону, не будь она вашей подругой! Меня вообще не волновало бы ее присутствие на этом свете, не будь она вашей подругой! Если она вообразила себе невесть что, если обманулась в своих чувствах — что ж, мне ее искренне жаль. Подумать только, мисс Смит! О, мисс Вудхаус! Кто заметит какую-то мисс Смит, когда сама мисс Вудхаус рядом! Нет, клянусь честью, ветреность мне несвойственна! Я всегда думал только о вас. Отрицаю, будто я уделял хоть малейшее внимание кому-нибудь еще. Все мои слова и помыслы в последние недели имели единственную цель: выразить вам мое обожание. Вы не могли не заметить моего отношения. Нет! — И многозначительно добавил: — Я уверен, что вы все видели

и понимали.

У Эммы перехватило дыхание. Какое чувство испытала она, услышав его речи? Вернее будет спросить, какое из недобрых чувств в ней возобладало. Она была слишком поражена, чтобы немедленно ответить. Двух секунд молчания было для мистера Элтона достаточно, чтобы вернуть прежнее радужное состояние; он вновь попытался завладеть ее рукой и жизнерадостно воскликнул:

— Очаровательная мисс Вудхаус! Позвольте мне истолковать ваше молчание в свою пользу — как знак того, что вы давно понимаете меня!

— Нет, сэр! — вскричала Эмма. — Ничего подобного! Мало того, что я совершенно не понимаю вас, до настоящего момента я совершенно превратно истолковывала ваше поведение! Со своей стороны могу сказать: мне очень жаль, что вы решили открыться в своих чувствах мне… я не желала ничего подобного… ваша привязанность к моей подруге Харриет доставляла мне огромную радость, и я самым серьезным образом желала вам успеха! Вы ее преследовали, да-да, искали ее общества, но, предположи я хоть на миг, что ваши частые визиты в Хартфилд не связаны с нею, я бы, конечно, положила им конец. Должна

ли я понимать вас так, что вы никогда не искали особого расположения мисс Смит, никогда серьезно о ней не думали?

— Никогда, сударыня! — воскликнул он, в свою очередь задетый. — Уверяю вас, никогда! Чтобы я мог серьезно думать о мисс Смит! Мисс Смит — в своем роде девушка хорошая, и я всячески желаю ей удачно выйти замуж. Я желаю ей только добра! Несомненно, отыщутся мужчины, которые не станут возражать против… Как говорится, всяк сверчок знай свой шесток, однако, смею заметить, я еще не пал так низко. Я еще не настолько разочаровался в стремлении заключить союз с равной себе, чтобы искать расположения мисс Смит! Нет, сударыня, я приходил в Хартфилд только ради вас. И вследствие полученного мной поощрения…

— Поощрения? Я поощряла вас?! Сэр, вы впали в величайшее заблуждение. Я принимала вас только как преданного поклонника моей подруги. Ни в каком другом свете не отличались вы в моих глазах от обычного знакомого. Мне очень жаль вас, но хорошо, что недоразумение наконец разъяснилось. Продолжай вы в том же духе, у мисс Смит могли бы возникнуть заблуждения относительно ваших намерений. Возможно, ей,

как и мне, невдомек, что вы настолько чувствительны к вопросу о разнице в положении. Но тем меньше будет ее разочарование; искренне верю, горе ее будет непродолжительным. У меня же в настоящее время нет намерений выходить замуж.

Он был так зол, что ничего не ответил: ее решительный вид исключал всякую возможность молить о снисхождении. И в таком состоянии взаимного негодования, оскорбленно молча, они вынуждены были еще несколько минут ехать в обществе друг друга, так как из-за опасений мистера Вудхауса кареты двигались черепашьим шагом. Если бы оба не были так раздосадованы, молчание было бы неловким, но их прямые и откровенные чувства не оставляли места для смущения. Они не обратили внимания, как карета свернула на Пастырскую дорогу, затем остановилась. Просто вдруг оба заметили, что оказались у дверей его домика. Он выпрыгнул из кареты, оскорбленно сжав губы. Эмма сочла необходимым все же пожелать ему спокойной ночи. Он процедил в ответ: «Спокойной ночи» — холодно и высокомерно; и затем она, в состоянии неописуемого раздражения, проследовала домой, в Хартфилд.

Дома ее бурно приветствовал отец, радуясь, что она благополучно добралась — его очень страшила мысль о том, что от Пастырской дороги дочь ехала совершенно одна. Там такой крутой поворот, о котором ему и помыслить страшно! Притом кучер недостаточно опытен — не то что Джеймс. Кроме того, Эмма обнаружила, что только ее возвращения и не хватало для всеобщего полного счастья, ибо мистер Джон Найтли, пытаясь оправдаться за то, что в гостях дал волю дурному настроению, буквально излучал доброту и внимание, он настолько старался угодить мистеру Вудхаусу, что, хоть и не был готов составить ему компанию в поедании овсянки, охотно поддакивал тестю, подтверждая ее чрезвычайную полезность. Словом, день для всех, кроме нее самой, завершился мирно и покойно. Никогда еще не пребывала она в таком смятении, и ей стоило большого труда притворяться спокойной и веселой, пока не настала пора идти спать. В своей комнате, вдали от посторонних глаз, она могла не скрывать истинных чувств.

Глава 16

Волосы были завиты, горничная отпущена, и Эмма получила наконец возможность поразмыслить обо всем случившемся и пожалеть себя. Ну что за незадача! Все, чего она так страстно желала, рухнуло. Просто катастрофа… Какой удар для Харриет! Вот что было хуже всего. Собственно говоря, Эмма не в состоянии была вспоминать события прошедших дней без боли и унижения, но в сравнении со злом, причиненным Харриет, все это ничто! Эмма с радостью бы согласилась заблуждаться еще больше, ошибиться еще серьезнее и страдать еще сильнее, чем сейчас, — она виновата и заслужила наказание. Если бы только последствия ее заблуждений ударили по ней одной!

— Ведь я сама убедила Харриет влюбиться в него! Боже, если бы не это, я бы вынесла все, что угодно! Стерпела бы от него удвоенную наглость и самонадеянность, но бедная Харриет!

Как могла она так обманываться! Он заявил, что никогда не имел серьезных намерений по отношению к Харриет — никогда! Эмма наново

припомнила события последних недель и пришла в замешательство. Она сама все выдумала, предположила невероятное и истолковывала любые его поступки в благоприятном для себя свете. Но и его поведение было небезупречным! Он колебался, сомневался, вел себя двусмысленно, иначе она не впала бы в такое заблуждение.

Портрет! Как страстно стремился он заполучить его! А шарада? А сотни других мелочей? Казалось, все указывает на Харриет. Ну, положим, «острый ум» смутил ее еще тогда… но вот упомянутые им «ясные глазки»… Если уж на то пошло, шарада не подходила ни к одной из них… он все смешал в одну кучу! Все безвкусица и неправда. Да и кто бы мог разобраться в такой тупоумной ерунде?

Конечно, Эмму часто, особенно в последнее время, коробила его манера лебезить перед ней, однако она относила его манеры на счет недостатка у него проницательности, образования, вкуса: его поведение служило лишним доказательством того, что он не всегда вращался в лучшем обществе. При всей его мягкости и обходительности ему недоставало некоторой элегантности и тонкости. Однако до сего дня ей и в страшном сне не могло присниться, что его поведение по отношению к ней знаменует собой нечто иное,

кроме обычной благодарной почтительности и внимания как к подруге Харриет.

Первые подозрения на сей счет закрались в ее голову благодаря мистеру Джону Найтли. Безусловно, он, как и его брат, не лишен прозорливости. Эмма припомнила предостережение, которое однажды сделал мистер Найтли относительно мистера Элтона: он уже тогда был убежден в том, что мистер Элтон ни за что не женится сгоряча. Она невольно покраснела: мистер Найтли сразу раскусил его, а она? Как ужасно, как унизительно! Оказалось, что мистер Элтон во многих отношениях полная противоположность тому, что она думала о нем и каким представляла его: надменный, самонадеянный, самодовольный, он полон непомерных претензий и мало заботится о чувствах других людей.

В противоположность тому, что обычно происходит в подобных случаях, стремление мистера Элтона ухаживать за ней лишь принизило его в ее глазах. Признание в любви и предложение сослужили ему плохую службу. Эмма не имела иллюзий относительно его влюбленности, но то, что он смел питать некие надежды на ее счет, стало очень неприятным открытием. Он подыскивал себе выгодную партию и имел наглость

обратить свой взор на нее, притворившись, будто влюблен. Эмма, однако, не верила в то, что сердце его разбито. Ни пламенные речи, ни вид, ни поведение — ничто не указывало на пылкую влюбленность. Да, верно, он часто вздыхал и говорил красивые слова, однако истинного чувства не было — одно притворство и обман. Такой не стоит ее жалости! Мистер Элтон всего лишь возмечтал возвыситься и обогатиться; не удалось заполучить в жены наследницу тридцати тысяч фунтов — мисс Вудхаус из Хартфилда — не беда! Наверняка он вскоре сделает предложение какой-нибудь еще мисс, располагающей двадцатью или десятью тысячами.

Самое ужасное — его слова о том, что она якобы его поощряла! Он имел наглость вообразить, будто она разделяет его взгляды, принимает благосклонно его ухаживания, короче говоря, намерена выйти за него замуж! Он считал ее равной себе по рождению и уму! А с каким презрением говорил он о ее подруге! Как высокомерно третировал тех, кто имел несчастье быть ниже его по положению! Насколько он не разбирается в чувствах людей, превосходящих его во всем… ему хватило наглости думать, что он имеет право ухаживать за нею! Вот что угнетало Эмму больше

всего.

Возможно, ожидать от него душевной тонкости и чуткости не совсем справедливо, ведь он неизмеримо ниже ее по талантам и уму. Вероятно, именно недостаток этих качеств и не давал ему почувствовать разницы. Но ведь должен же он осознавать, насколько она превосходит его по богатству и положению! Он не может не знать, что семья Вудхаус — младшая ветвь старинного, древнего рода — живет в Хартфилде на протяжении нескольких поколений. А кто такие Элтоны? Земельные владения Хартфилда, разумеется, несравнимо меньше, чем у аббатства Донуэлл. Собственно говоря, Хайбери стоит на землях аббатства, владения Хартфилда лишь краешком заходили на земли Донуэлла, но доходы, получаемые Хартфилдом из других источников, столь значительны, что позволяют им во всем остальном считать себя на втором месте после самого аббатства Донуэлл. Вудхаусы давно уже завоевали почет и уважение в приходе, куда мистер Элтон впервые явился два года назад с целью зарабатывать себе на хлеб насущный. Каким же родством мог гордиться он сам? Кто был в его роду, кроме купцов и торговцев? Такой, как он, в жизни может рассчитывать только

на самого себя, на свое положение приходского священника и свою обходительность. Но как он посмел вообразить, будто она влюблена в него! Очевидно, в этом и крылся его расчет… Однако какое несоответствие! Такая мягкость, такая обходительность — и такие тщеславные замыслы! Когда же первое возмущение улеглось, Эмма вынуждена была признать, что она сама была с ним столь приветлива и мила, принимала его с такой радостью, оказывала ему такое внимание, что мистеру Элтону, как человеку самодовольному и ограниченному, ничего и не оставалось, как вообразить себя предметом ее любви. Раз она сама настолько превратно истолковала его чувства и замыслы, какое у нее право удивляться ему, ослепленному себялюбием? Его заблуждение вполне естественно…

Она совершила ошибку с самого начала. Зачем, зачем так горячо стремилась она соединить двух людей! Она проявила неслыханные легкомыслие и самонадеянность! Она не принимала во внимание то, к чему следовало относиться серьезно, и всемерно усложняла простое. Эмме стало очень стыдно; в своей печали она поклялась больше никогда не делать подобного.

«Ведь я собственными руками, — говорила она

себе, — втянула бедную Харриет в эту историю. Если бы не я, она бы не влюбилась в него! Ей бы и в голову не пришло лелеять некие надежды на его счет, если бы я не убедила ее в его склонности к ней; она так скромна и робка, а я-то приписывала эти качества ему. Ах! Надо было мне остановиться, когда я уговорила ее отказать молодому Мартину… В том деле я была совершенно права. Мне не в чем себя упрекнуть! Но там мне и надо было остановиться и предоставить остальное времени и случаю. Я ввела ее в хорошее общество, предоставив возможность найти человека достойного, но к чему мне было помышлять о большем? А теперь для бедняжки все перевернулось… Плохим я оказалась ей другом. Если бы только удалось как можно скорее подыскать замену, чтобы она не чувствовала такого сильного разочарования… но я и понятия не имею о том, кого еще она может предпочесть. Может, Уильяма Кокса… О нет, его я не выношу — этот молодой стряпчий слишком нахальный и дерзкий щенок».

Тут она остановилась, покраснела и рассмеялась, ибо обнаружила, что снова наступает на те же грабли, потом посерьезнела и вновь принялась размышлять о том, что было, что могло

бы случиться и что теперь будет. Ей придется открыть Харриет глаза; некоторое время Эмму занимали тяжкие, нерадостные мысли: неизбежные страдания бедняжки Харриет, неловкость, которую все трое, конечно, будут испытывать при встречах. Придется прекратить с ним знакомство, а может быть, придется продолжать знаться… однако, как бы там ни было, необходимо скрывать истинные чувства… Ей трудно будет скрыть свое презрение. А что, если вся история выплывет наружу? Эмма легла спать, так ничего и не решив. Она лишь убедилась в том, что совершила ужасную ошибку.

Для молодых и жизнерадостных натур, подобных Эмме, начало нового дня неизбежно сулит возврат хорошего настроения, пусть ночью они и были подвержены мрачным мыслям. Юность и бодрость утра находятся в счастливой гармонии и настоятельно призывают к действиям; и, если уж огорчение не лишило юное существо сна, оно поутру открывает глаза и обнаруживает, что боль смягчилась и душа возрождается к новым надеждам.

Утром Эмма встала освеженная, на душе у нее было легче, чем накануне, перед тем как она заснула. События виделись ей уже не в таком чер-

ном свете, и она надеялась найти из создавшейся ситуации выход, который устроил бы всех.

Большое утешение сознавать, что мистер Элтон на самом деле нисколько не влюблен в нее. Кроме того, он не настолько хорош, чтобы жалеть его и порицать себя за это. Еще отрадно сознавать, что Харриет, скорее всего, не принадлежит к тому возвышенному типу людей, чьи чувства отличаются крайней остротой, а способность к переживаниям сохраняется надолго; главное же — вовсе нет необходимости рассказывать кому-либо о произошедшем между тремя главными героями и огорчать батюшку. Скорее всего, он так ничего и не узнает, а следовательно, и волноваться не будет.

Эти мысли очень подбодрили ее, а выглянув в окно и увидев, что за ночь все занесло снегом, она обрадовалась еще больше. Казалось, сама природа способствует тому, чтобы им троим какое-то время не встречаться.

Погода благоприятствовала ей и далее: несмотря на первый день Рождества, можно было не ходить в церковь. Мистер Вудхаус очень расстроился бы, услышав подобное предложение от нее, но теперь Эмма не волновалась: ей ни к чему просить батюшку остаться дома и выслушивать

его укоризненные замечания. Снежные сугробы, ненастье — то мороз, то оттепель — самое неподходящее для прогулок время; утром то дождь, то снег, а по вечерам подмораживает. Таким образом, Эмма много дней находилась словно под почетным домашним арестом. Никакого общения с Харриет, кроме переписки; никакой церкви по воскресеньям, так же как в день Рождества; никакой необходимости выдумывать, почему мистер Элтон перестал к ним ходить.

В такую погоду всяк покойно сидит дома; хотя Эмма полагала и надеялась, что мистер Элтон, скорее всего, не сидит в одиночестве, а утешается в обществе друзей, ей приятно было живописать мистеру Вудхаусу, как он совершенно один сидит в своем домике и благоразумно не выходит на улицу. Она не без удовольствия слушала, как батюшка говорит мистеру Найтли, которого никакие капризы погоды не могли удержать надолго от посещения Хартфилда:

— Ах, мистер Найтли, почему вы не остаетесь дома, подобно бедному мистеру Элтону?

Вообще, если бы ее не тяготили неприятные мысли, она с удовольствием провела бы эти дни вынужденного заточения, так как уединение прекрасно соответствовало характеру ее зятя, чье

настроение оказывало большое влияние на его родственников. Кроме того, на ужине в Рэндаллсе он уже спустил пар и потому в оставшиеся дни пребывания в Хартфилде буквально лучился добродушием и дружелюбием. Он ни разу ни с кем не повздорил, был любезен и снисходителен и благосклонно отзывался обо всех знакомых. Однако, невзирая на все надежды на лучшее будущее, невзирая на настоящую, пришедшуюся очень кстати отсрочку, над головою Эммы все еще висел дамоклов меч — близился час объяснения с Харриет, и поэтому она не могла полностью чувствовать себя покойной и веселой.

Глава 17

Мистер и миссис Джон Найтли не задержались в Хартфилде надолго. Вскоре погода наладилась настолько, что те, кому нужно было ехать, могли ехать; попытавшись, как обычно, уговорить дочь с детьми остаться, мистер Вудхаус вынужден был смириться с отъездом своих гостей. Стоило им уехать, и он снова начал сокрушаться над судьбой бедняжки Изабеллы; в это время страдалица Изабелла, проводя жизнь с обожаемыми существами, уверенная в их достоинствах, слепая к их недостаткам и всегда поглощенная невинными домашними делами, могла являть собой образец подлинного женского счастья.

Вечером того самого дня, как они уехали, мистеру Вудхаусу принесли записку от мистера Элтона; если быть точным, викарий прислал длинное, вежливое и церемонное письмо, в котором мистер Элтон, засвидетельствовав свое нижайшее почтение, сообщал, что он собирается на следующее утро уехать из Хайбери в Бат, где он, уступив настояниям своих друзей, намеревается провести несколько недель. Он очень сожалеет, что

вследствие неудачного стечения обстоятельств — обилие дел перед отъездом и неблагоприятные погодные условия — он лишен возможности лично попрощаться с мистером Вудхаусом, чье дружеское расположение он навсегда сохранит в своем сердце. К мистеру Вудхаусу он питает чувство величайшей признательности, и, если у мистера Вудхауса найдутся к нему какие-либо распоряжения или поручения, он будет счастлив исполнить их.

Эмма была приятно удивлена: она сама именно сейчас не могла бы придумать для мистера Элтона ничего лучше. Она порадовалась, что он сам нашел наилучший выход из создавшейся ситуации, хотя способ сообщать о своих намерениях не делал ему чести. Трудно более открыто выразить свое презрение к ней, чем выказав подчеркнутую любезность по отношению к ее отцу, а о ней самой не упомянуть ни единым словом. Он даже не написал ее имени в обращении! Имя мисс Вудхаус не встречалось в его письме ни разу — словом, во всем его поведении ощущалась разительная перемена. Прощальное же письмо было написано в таких возвышенных выражениях, так напыщенно, что Эмма испугалась. Вдруг батюшка что-то заподозрит?

Однако мистер Вудхаус ничего не заподозрил. Он был настолько ошеломлен внезапным отъездом викария и так опасался, что мистер Элтон не доберется в безопасности до цели своего путешествия, что не заметил в письме ничего странного и необычного. Послание мистера Элтона, напротив, сослужило хорошую службу, ибо дало пищу для нескончаемых бесед и предположений на весь долгий вечер, который им предстояло провести одним. Мистер Вудхаус, по обыкновению, высказывал опасения, а Эмма прилагала все свои силы, дабы решительно отмести их прочь.

Она решилась не держать более Харриет в неведении. Скорее всего, ее подруга успела выздороветь; теперь желательно, чтобы она проводила с Эммой как можно больше времени, дабы до возвращения мистера Элтона излечить ее от сердечных ран. Поэтому на следующее же утро она явилась в пансион миссис Годдард, чтобы понести заслуженную кару; надо признаться, она со страхом ждала этой минуты. Ей предстояло разрушить все надежды, которые она прежде так щедро внушала своей подруге, раскрыть ей глаза на неприглядное поведение ее избранника и признаться в собственных ошибках, ибо она неверно судила о предмете воздыханий мисс Смит. Все

ее наблюдения, все убеждения, все пророчества последних шести недель оказались никуда не годными.

Признание стоило Эмме многих сил; при виде слез на глазах Харриет ей снова стало стыдно, и на решила, что уже никогда не сможет жить в ладу с самой собой.

Харриет перенесла удар на удивление стойко: она никого не винила и при этом была настолько бесхитростна и невзыскательна, что с той минуты стала еще дороже своей подруге.

Эмма была настроена превыше всего ценить простоту и скромность, она склонна была приписывать Харриет все мыслимые и немыслимые добродетели. Харриет, а не она должна была стать объектом всеобщего восхищения. Харриет не считала себя вправе жаловаться. Привязанность такого человека, как мистер Элтон, была бы для нее слишком высокой честью. Она никогда не заслуживала этого, и никто, кроме такого искреннего и доброго друга, как мисс Вудхаус, не считал их союз возможным.

Слезы ручьями текли у нее из глаз, и горе ее было настолько безыскусно, что никакое достоинство не могло бы увеличить его ценность в глазах Эммы; она терпеливо выслушивала изли-

яния подруги и как могла утешала ее. Сердце у нее разрывалось. К тому времени она была уже искренне убеждена в том, что из них двоих Харриет является высшим существом и что для нее самой было бы куда полезней и лучше походить на свою подругу, чем полагаться на собственный ум и таланты.

Конечно, стать простодушной и невежественной было ей, пожалуй, уже не под силу; но она покинула подругу с крепнущим убеждением, что ей самой надо быть скромнее и проще и весь остаток жизни бороться с избытком воображения. Теперь, после долга по отношению к отцу, ее главная цель в жизни — обеспечить Харриет покой и удобство и убедить ее в своей любви каким-нибудь иным, лучшим способом, нежели сватовство. Она забрала подругу с собой в Хартфилд и окружила заботой, стараясь занять и позабавить ее и с помощью книг и разговоров вытеснить из ее головы образ мистера Элтона.

Эмма понимала, что лишь время способно исцелить Харриет от горя; не считая себя в подобных вопросах беспристрастным судьей, она особенно не склонна была сочувствовать влечению подруги к мистеру Элтону, она надеялась на то, что юный возраст поможет Харриет преодолеть

разочарование и обиду и восстановить душевное равновесие ко времени возвращения мистера Элтона, так что они трое впоследствии сумеют видеться и общаться как обычные знакомые, не опасаясь, что новые встречи подбросят хворосту в костер угасших было чувств.

Харриет считала мистера Элтона самим совершенством и утверждала, что равного ему — и по душевным свойствам, и по доброте — не сыскать; по правде сказать, оказалось, что она влюблена куда сильнее, чем предполагала Эмма; и все же Эмма сочла необходимым со всей решительностью восстать против увлечения такого рода, оставшегося к тому же безответным. Ей трудно было допустить, чтобы страсть пылала долгое время с такою же силой.

Конечно же мистер Элтон, вернувшись, поступит именно так, как она и ожидала, а именно: совершенно явственно и недвусмысленно поспешит продемонстрировать свое равнодушие. Эмма не могла понять упорства Харриет. Чего ради жертвовать своим счастьем ради воспоминаний о нем?

То, что они, все трое, настолько тесно привязаны к Хайбери, несомненно, ухудшает положение. Ни один из них не имеет возможности уехать или

решительно порвать с прежними знакомыми. Им суждено вращаться в одном кругу и постоянно видеться, поэтому необходимо делать хорошую мину при плохой игре.

Пребывание в пансионе миссис Годдард причинит Харриет еще больше страданий, ибо мистер Элтон является предметом обожания всех учительниц и старших пансионерок; видимо, лишь в Хартфилде есть у нее возможность услышать правду о своем идеале, лишь в Хартфилде о нем отзываются с холодноватой сдержанностью или беспощадно вскрывают его недостатки. Именно в том месте, где была нанесена рана, — и ни в каком другом! — лечение окажется самым действенным; кроме того, Эмма понимала: до тех пор, пока она не убедится, что Харриет встала на путь исцеления, не будет ей покоя.

Глава 18

Мистер Фрэнк Черчилль так и не приехал. Когда подошел названный им срок, опасения миссис Уэстон подтвердились: от него пришло письмо с извинениями. В настоящее время, писал он, к его величайшему разочарованию и сожалению, он не может уехать из дому; но все же он не теряет надежды вскоре посетить Рэндаллс.

Миссис Уэстон была несказанно огорчена — на самом деле куда сильнее, чем ее муж, хотя она и не питала особо радужных надежд на скорую встречу с пасынком; а жизнерадостная натура мистера Уэстона, несмотря на то, что он склонен был во всех случаях ожидать от жизни больше хорошего, чем выходило на деле, помогла ему преодолеть разочарование и справиться с унынием. Такие натуры довольно скоро отвлекаются от переживаемых проблем, и в сердце их вновь пробуждаются надежды. В течение получаса мистер Уэстон был удивлен и огорчен, но затем ему начало казаться, что более поздний — через два или три месяца — приезд Фрэнка будет куда более кстати: и время года более подходящее, и

погода лучше. Кроме того, тогда Фрэнк, вне всякого сомнения, сумеет пробыть у них дольше, чем если бы приехал сейчас.

Такие мысли мгновенно успокоили его, в то время как миссис Уэстон, более мужа подверженная тревогам и страхам, не предвидела в будущем ничего, кроме новых предлогов для отсрочек. Если учесть, что она переживала также и за мужа, полагая, что он сильно огорчен, сама она страдала куда больше.

В то время Эмма довольно равнодушно отнеслась к неприезду мистера Фрэнка Черчилля, она лишь сочувствовала своим друзьям в Рэндаллсе. Знакомство с молодым человеком уже не так прельщало ее. С другой стороны, она стремилась выглядеть спокойной и не подверженной никаким искушениям. Но поскольку подразумевалось, что ей надлежит — все ожидали этого — переживать за своих друзей, она старалась выразить на словах свою крайнюю заинтересованность в их судьбе; она все делала, чтобы сострадание ее казалось естественным.

Она первой объявила новость мистеру Найтли, после этого она вполне естественно (впрочем, принимая во внимание то, что она всего-навсего играла роль, чуточку наигранно) высказала ему

все, что она думает о Черчиллях, которые не пускают сына к родному отцу. Затем она пустилась в долгие, хотя и не совсем искренние рассуждения о преимуществах такого дополнения к их тесному обществу в Суррее, об удовольствии видеть новое лицо, о празднике для всего Хайбери, каким мог бы стать его приезд, и завершила свою речь новым порицанием в адрес Черчиллей, причем выяснилось, что мистер Найтли придерживается противоположной точки зрения. К своему крайнему изумлению, Эмма обнаружила, что в споре с мистером Найтли она невольно встала на позицию миссис Уэстон и приводит те же аргументы, что и ее друг.

— Вполне вероятно, что Черчилли тут виноваты, — холодно заметил мистер Найтли. — Однако я не сомневаюсь, что, ежели бы он хотел, ничто не помешало бы ему приехать.

— Не знаю, откуда у вас такая уверенность. Он рвется сюда всем сердцем, но тетка и дядя не отпускают его.

— Не могу поверить, что, сильно пожелав приехать, он не смог бы осуществить свои планы. Мне это кажется маловероятным. Поверить без доказательств я не могу.

— Какой вы странный! Что плохого вам сделал

мистер Фрэнк Черчилль, что вы считаете его таким неискренним созданием?

— Я вовсе не считаю его неискренним созданием, просто подозреваю, что он, возможно, привык заноситься и считает себя выше своих родственников. По-моему, он не привык заботиться ни о чем, кроме собственного удовольствия, ведь те, с кем он живет, предлагают ему столь живой пример. К сожалению, молодой человек, воспитанный надменными, эгоистичными людьми, привыкшими к роскоши, скорее всего, и сам становится надменным, эгоистичным и привычным к роскоши. Пожелай Фрэнк Черчилль увидеть отца, уж он сумел бы выбраться к нему между сентябрем и январем. Мужчина в его возрасте — сколько ему? Двадцать три или двадцать четыре… — вполне способен придумать, как настоять на своем. Иначе и быть не может!

— Легко сказать и легко испытывать такие чувства вам: ведь вы привыкли быть себе хозяином. Вы, мистер Найтли, меньше, чем кто-либо другой на свете, можете судить о трудностях, связанных с зависимым положением. Вы не знаете, что такое постоянно сдерживаться.

— Невозможно поверить, будто двадцати-трех– или четырехлетнему мужчине до такой

степени недостает смелости или гибкости. Он не нуждается в деньгах, да и временем свободным располагает. Напротив, нам известно, что ему настолько хватает и денег, и досуга, что он с радостью транжирит и то и другое, не уступая самым отъявленным шалопаям во всем королевстве. Он переезжает с одного модного курорта на другой. Вот, например, совсем недавно он был в Уэймуте. Следовательно, он может покидать Черчиллей.

— Да, иногда.

— Не иногда, а всякий раз, как он сочтет нужным: всякий раз, когда ему придет охота развлечься.

— Как несправедливо судить о других, не будучи знакомым с их жизненными обстоятельствами! Никто, кроме самых близких друзей семьи, не может сказать, каково на деле живется тому или другому члену этой семьи. Прежде чем судить о том, что в силах и что не в силах мистера Фрэнка Черчилля, надобно познакомиться с условиями жизни в Энскуме и с характером миссис Черчилль. Возможно, иногда ему позволяется большее, чем в другие времена.

— Эмма, если настоящий мужчина желает исполнить свой долг, он его исполняет при любых обстоятельствах. При этом он не хитрит и не

виляет, но действует энергично и решительно. Оказать внимание отцу — прямой долг Фрэнка Черчилля. Судя по его запискам и обещаниям, он и сам это понимает, но, если он желает исполнить свой долг, отчего же медлит? Будь он настоящим мужчиной, он сказал бы миссис Черчилль прямо и решительно, раз и навсегда: «Ради вашего удобства я с радостью пожертвую любыми развлечениями, однако мой долг призывает меня немедленно повидаться с отцом. Я уверен, отказ мой оказать ему такое уважение причинит ему боль. Поэтому завтра же я выезжаю». Если бы он заявил ей о своих намерениях недвусмысленно, решительным тоном, как и подобает мужчине, никаких препятствий к его отъезду она бы не чинила.

— Верно, — сказала Эмма, смеясь, — но, думаю, возникли бы препятствия к его возвращению назад! Невозможно представить, чтобы молодой человек, полностью зависимый, изъяснялся подобным образом! Никому, кроме вас, мистер Найтли, такое и в голову бы не пришло! Нет, вы и понятия не имеете, как тяжело живется человеку в положении, прямо противоположном вашему. Мистер Фрэнк Черчилль, говорящий такие речи дяде и тетке, которые его вырастили и вынужде-

ны содержать! Полагаю, при этом он еще должен выйти на середину комнаты и кричать что есть мочи! Как вы думаете, к чему приведут подобные речи и подобное поведение?

— Поверьте мне, Эмма, для человека разумного здесь не возникло бы никаких препятствий. Он чувствовал бы себя правым! Подобное заявление, сделанное, разумеется, с толком, в надлежащей манере, сослужило бы ему хорошую службу, возвысило бы его, укрепило бы его положение в обществе людей, от которых он зависит, больше, чем все увертки и хитрости на свете. Помимо их любви, он заслужил бы их уважение. Они поняли бы, что могут на него положиться, что их племянник, верный сыновнему долгу, будет верен и своему долгу перед ними, ибо им, как и ему, да как и всем на свете, прекрасно известно, что он обязан нанести визит отцу. Они же, подло используя свою власть, намеренно оттягивают его визит, в душе презирая его за то, что он подчиняется их прихотям. Всякий чувствует уважение к человеку, который поступает соответственно своему долгу. Начни он действовать так, как я говорю: принципиально, последовательно, постоянно, — и их скудные умишки поневоле подчинятся ему.

— Позвольте с вами не согласиться. Вам очень нравится приспосабливать к себе скудные умишки, но, когда скудными умишками обладают люди богатые и властные, мне кажется, они обладают умением раздуваться до такого состояния, что становятся просто неуправляемыми. Как и великие умы. Вполне допускаю, мистер Найтли: если бы вы оказались на месте мистера Фрэнка Черчилля, вы, возможно, и сумели бы говорить и действовать в точности так, как советуете ему; и, наверное, ваши слова и поступки возымели бы нужный эффект. Возможно, Черчиллям не нашлось бы что вам возразить; но ведь у вас нет привычки с малых лет повиноваться или противиться давно заведенным порядкам. Ему же, привыкшему подчиняться, думаю, не так просто в одночасье добиться полной независимости и свести на нет все их надежды на благодарность и почитание с его стороны. Возможно, он не меньше вашего сознает, что поехать к отцу — его долг, однако он не ровня вам в способности действовать столь же решительно при данных обстоятельствах.

— Значит, он не сознает, что поехать к отцу — его долг. Если он не может действовать решительно, значит, убежденность его в правоте своих

поступков не столь велика.

— Ох! Сказывается различие в положении и привычках! Как жаль, что вы не способны понять, что может чувствовать мягкий и деликатный молодой человек, открыто противостоящий тем, к кому с раннего детства привык относиться с почтением!

— Ваш мягкий и чувствительный молодой человек — просто слабак, если для него это первый случай испытать свою решимость исполнять свой долг. Хотя бы и против воли других. К этому возрасту у него уже должна была сформироваться привычка следовать своему долгу, а не подсчитывать выгоду. Я еще мог бы сделать для него скидку, будь он трусливым ребенком, но, так как он считает себя мужчиной, я нахожу его поведение непростительным. Коли он человек разумный, то должен был встряхнуться и отмести все недостойные методы их влияния. Ему следовало противостоять первой же их попытке настроить его против отца. Начни он давно действовать так, как подобает, сейчас он не встретил бы ни малейших затруднений.

— Мы с вами никогда не придем к согласию относительно его, — вскричала Эмма, — но в этом нет ничего необыкновенного! Мне он совер-

шенно не кажется слабым молодым человеком, я просто уверена в том, что он не слабак. Мистер Уэстон не может так слепо, до безумия, заблуждаться, хотя бы и в родном своем сыне! Вернее всего, мистер Фрэнк Черчилль — обладатель покладистого, уступчивого и мягкого характера, что не соответствует вашим представлениям об идеале мужчины. Я не сомневаюсь, что он таков! Несмотря на то, что такой характер лишает юношу многих выгодных преимуществ, он дает ему другие.

— Как же! Например, преимущество сидеть тихо, когда он должен двигаться, вести праздную жизнь, тешась сочинением для себя различных оправданий. Он часами придумывает цветистые, напыщенные послания, уверяя отца в своей любви, и постоянно лжет всем — даже себе, — убеждая себя, будто он изобрел лучший в мире способ сохранить мир в доме и в то же время предотвратить любые жалобы со стороны отца. Его письмо внушает мне отвращение.

— Тогда вы находитесь в одиночестве. Всем остальным его письмо чрезвычайно понравилось.

— Подозреваю, что миссис Уэстон оно не удовлетворило. Такое письмо вряд ли способно

понравиться женщине, обладающей здравым умом и живым воображением. По своему положению она годится ему в матери, однако ее не ослепляет горячая материнская любовь. Именно из-за нее Рэндаллсу следует оказывать вдвое больше внимания; и вдвойне должна она ощущать его нехватку. Будь она сама женщиной с положением, рискну предположить, он тотчас явился бы засвидетельствовать ей свое почтение; ей же было бы все равно, приедет он или нет. Как по-вашему, не закрадываются ли подобные мысли в голову вашей подруги? Как вы полагаете, не говорит ли она часто это себе самой? Нет, Эмма, мягкого и чувствительного молодого человека можно назвать чувствительным лишь по-французски, но не по-английски. Возможно, он, что называется, «aimable»,[3] у него прекрасные манеры, и он вполне покладист, однако ему недостает нашей английской чуткости по отношению к чувствам и переживаниям других людей — на деле ничуть он не мягок и не чувствителен.

— Кажется, вы решительно настроены думать о нем одно только плохое.

— Кто, я? Ничуть! — возразил мистер Найтли,

---

[3] Примечания: 3
Приветливый, ласковый, приятный (*фр.*).

слегка задетый за живое. — Я не хочу думать о нем плохо. С готовностью оценю его достоинства, так же как и у любого другого. Однако я не слышал ни об одном его достоинстве, кроме сугубо пристрастных оценок — охотно верю, что он хорошо воспитанный и смазливый молодой человек со вкрадчивыми манерами, умеющий внушить к себе доверие.

— Ну что ж, даже если это все его достоинства, для Хайбери он станет просто сокровищем. Нам нечасто доводится видеть светских молодых людей, хорошо воспитанных и покладистых. Нам не приходится быть слишком привередливыми и искать в нем в придачу всех добродетелей. Разве трудно вам представить, мистер Найтли, какой переполох поднимется после его приезда? В обоих приходах, Донуэлл и Хайбери, начнут судачить только о нем; он станет единственной темой всех разговоров, единственным объектом любопытства, и все он — мистер Фрэнк Черчилль! Мы не сможем ни говорить, ни думать ни о ком другом.

— Вы извините меня за то, что я стану исключением. Если я найду его интересным собеседником, то буду рад познакомиться с ним, но если он окажется всего лишь пустоголовым болтуном, то он не займет ни моего времени, ни мыслей.

— Насколько я поняла, он может с каждым поддержать приятную беседу, он способен понравиться любому! Кажется, его такое положение радует. С вами он будет говорить о сельском хозяйстве, со мной — о живописи и музыке, и так со всеми, так как он располагает общей эрудицией, позволяющей ему участвовать в разговоре или вести его на любую тему, как того требуют приличия. Причем по каждому предмету изъясняется он блестяще — вот каким он мне видится.

— А по-моему, — разгорячился мистер Найтли, — коли он окажется таким, как вы его описали, он будет самым невыносимым существом на свете! Как! В двадцать три года царствовать в своем кружке, считаться великим человеком, опытным политиком, для которого характер каждого — открытая книга, а достоинства других — не более чем фон для выражения собственного превосходства! Расточать всем свою лесть, дабы иметь возможность считать всех дураками в сравнении с собой! Моя милая Эмма, ваш собственный здравый смысл откажется терпеть такого самодовольного фата, когда вам доведется встретиться с ним.

— Я больше ни словом о нем не заикнусь! — вскричала Эмма. — Вы каждое слово оборачи-

ваете ему во вред. Мы с вами оба пристрастны: вы против, а я в его пользу; и до тех пор, пока он не явится сюда лично, у нас нет возможности прийти к согласию.

— Пристрастны? Я к нему вовсе не пристрастен.

— А я — очень, и вовсе этого не стыжусь! Любовь к мистеру и миссис Уэстон позволяет мне быть решительно пристрастной в его пользу.

— Я никогда особенно много о нем не думал, — сказал мистер Найтли с некоторой досадой, и Эмма тут же перевела разговор на другую тему, хотя и не понимала, почему он так злится.

Выражать неприязнь к молодому человеку только потому, что у того, видимо, другой склад характера, было недостойно подлинно широкой натуры, каковою она привыкла считать своего давнего знакомого. При всем своем высоком мнении о нем, при том, что она привыкла воздавать ему должное, она прежде и на миг не предполагала, что он может быть несправедливым по отношению к достоинствам других.

Глава 19

Однажды утром Эмма и Харриет вышли прогуляться. Эмма уже вдосталь насытилась разговорами о мистере Элтоне. Она считала, что для утешения Харриет или для искупления собственных грехов уже вполне достаточно и больше не требуется, поэтому на обратном пути она очень искусно перевела разговор на другое, однако, когда ей уже мнилось, будто отвлечь подругу вполне удалось, страдание Харриет прорвалось вновь. Когда Эмма заметила, что зимой беднякам, должно быть, приходится туго, ее подруга в ответ лишь жалобно вздохнула: «Мистер Элтон всегда так добр к беднякам!» Эмма поняла, что необходимо другое средство.

Они как раз подошли к дому, в котором жили миссис и мисс Бейтс. Эмма решила зайти и поискать успокоения среди множества друзей. Повода для визита придумывать не пришлось, так как миссис и мисс Бейтс гостей любили; кроме того, Эмма знала, что те немногие, кто отваживался указывать ей самой на ее недостатки, неоднократно замечали, что она пренебрегает дружеским

долгом в отношении миссис и мисс Бейтс, а ведь у бедняжек в жизни так мало радостей!

О том, что она — не предел совершенства, Эмма догадывалась и прежде: помимо намеков мистера Найтли, на это ей указывала и собственная совесть; однако ничто не могло поколебать ее убеждения в том, что посещение Бейтсов — пустая трата времени. Самих хозяек она находила скучными и утомительными особами; ее ужасала мысль о том, что придется волей-неволей знаться со второсортными и третьесортными членами хайберийского общества, завсегдатаями гостиной мисс Бейтс. Поэтому заходила она к ним редко. Но теперь Эмма преисполнилась решимости не пройти мимо домика Бейтсов, тем более что, как она заметила Харриет, «насколько можно судить, именно сейчас им не грозит выслушать очередное послание от Джейн Ферфакс».

Сам домик принадлежал одному купцу; миссис и мисс Бейтс занимали гостиный этаж. И там-то, в очень скромной по размерам квартирке, кроме которой, у них ничего не было, гостей встречали в высшей степени сердечно и даже с благодарностью; тихая опрятная старушка, сидящая с вязаньем в самом теплом уголке, все время порывалась уступить место мисс Вудхаус, а ее более

деятельная и разговорчивая дочь окружила их почти невыносимой заботой и вниманием. Как хорошо, что они зашли! Она проявляла беспокойство об их туфельках, настойчиво интересовалась состоянием здоровья мистера Вудхауса, попутно не преминув сообщить, что матушка ее пребывает в добром здравии. Затем мисс Бейтс достала из буфета сладкий пирог: только что у них была миссис Коул… просто зашла на десять минут и была так добра, что просидела с ними целый час; и, представьте себе, она — сама миссис Коул! — отведала пирога и, по доброте душевной, сказала, что ей очень понравилось; поэтому она выражает надежду, что мисс Вудхаус и мисс Смит также окажут им честь и попробуют по кусочку.

При упоминании о Коулах Эмма насторожилась: того и гляди, хозяйка заведет речь о мистере Элтоне, близком их друге. Так оно и вышло. Мистер Коул получил от друга весточку. Эмма догадывалась о том, что сейчас воспоследует: им с Харриет придется прослушать содержание его письма от начала до конца, сокрушаться тому, как давно уже отсутствует мистер Элтон — должно быть, там его закружило в вихре светских удовольствий. Впрочем, немудрено: он везде, где ни появлялся, сразу становился всеобщим

любимцем. Послушайте, какой пышный бал был у церемонийместера! Эмма перетерпела пытку вполне достойно, выказав весь необходимый интерес и все необходимые похвалы, не забывая заботиться о том, чтобы Харриет не заставили высказаться.

К этому она приготовилась с того момента, как вошла в дом Бейтсов, но полагала, что, досыта наговорившись о мистере Элтоне, более уже не будет вовлечена ни в какую беседу на утомительную тему, а поболтает в общем, обо всех молодых и старых обитательницах Хайбери и их карточных вечерах. Она не была готова к тому, что вслед за мистером Элтоном в разговоре всплывет имя Джейн Ферфакс; однако мисс Бейтс, торопливо закончив повествование о нем, снова перескочила на Коулов — и все, как оказалось, для того, чтобы поскорее перевести беседу на письмо от своей племянницы.

— Ах да… мистер Элтон, насколько я поняла… конечно, когда дело доходит до танцев… миссис Коул рассказывала мне о танцах в том пансионе в Бате… миссис Коул была так добра, что посидела у нас и поговорила о Джейн. Она сразу, как вошла, поторопилась спросить о ней… Джейн все у нас просто обожают. Когда бы она ни зашла,

миссис Коул не знает, как выказать свою доброту к ней, но должна признаться, Джейн заслуживает такого отношения. Ну так вот, она сразу начала расспрашивать о Джейн, сказав: «Я знаю, что в последнее время у вас не было от Джейн известий, потому что еще не настало время для письма». И тут я ее удивила! Я немедленно ответила: «Да нет же, вообразите, мы получили письмо буквально сегодня утром!» Вот она обрадовалась! Я не видела, чтобы кто-то так удивлялся. «Да что вы говорите! — воскликнула она. — Вот это неожиданная радость! Прошу, расскажите же, что она пишет».

Эмма постаралась собрать в кулак всю свою волю и вежливо поинтересовалась:

— Неужели у вас есть совсем свежие новости от мисс Джейн Ферфакс? Какое счастье! Надеюсь, она здорова?

— Благодарю вас. Вы так добры! — отвечала счастливая тетка, нетерпеливо роясь в своих бумагах в поисках письма. — А! Вот оно! Я была уверена, что оно не может лежать где-то далеко, но я, видите, поставила на него рабочую корзинку и даже не заметила, и оно оказалось спрятанным, но я так недавно держала его в руках, что была совершенно уверена: оно где-то на столе. Я как

раз читала его миссис Коул, а после того, как она ушла, я перечитывала его матушке, ведь для нее письма Джейн — такое удовольствие, она наслушаться не может. Поэтому я и знала, что письмо не может быть где-то далеко, и вот вам пожалуйста — вот оно, только спрятано под моей корзинкой… И раз уж вы так добры и желаете послушать, что она пишет, то вот вам… Но прежде всего я должна извиниться за Джейн за то, что письмо вышло таким коротким — видите, всего две странички, да и того не наберется. Обычно она исписывает целый лист, да половину вычеркнет. Матушка часто удивляется, как это мне удается все разобрать. Она частенько говаривает, когда мы вскрываем письмо: «Ну, Хетти, придется тебе теперь потрудиться — решить задачку!» Правда, сударыня? А я на это отвечаю: я уверена, что и она тоже сумела бы все разобрать, кабы никого рядом не было, — каждое словечко! — уверена, она до тех пор корпела бы над письмом, покуда не прочитала бы все до последней буковки. Правду сказать, хоть зрение у матушки теперь не такое острое, как прежде, она все еще видит на удивление хорошо, хвала Господу, не носит очков. Благослови Боже того, кто их изобрел! Матушкины очки действительно очень хороши. Джейн

частенько говорит, когда она здесь: «Бабушка, от вас ничего не укроется; судя по тому, как вы все подмечаете, у вас, должно быть, очень хорошее зрение — и это после того, что вы всю жизнь занимались рукоделием! Хотелось бы мне, чтобы в вашем возрасте у меня были такие же глаза!»

Поскольку все это выпаливалось единым потоком, мисс Бейтс необходимо было сделать паузу и набрать в грудь воздуху; Эмма воспользовалась случаем и вежливо заметила, что у мисс Джейн Ферфакс прекрасный почерк.

— Ах, как вы добры! — воскликнула чрезвычайно польщенная мисс Бейтс. — Ваше мнение дорогого стоит — ведь вы и сами так чудесно пишете! Уверена, ничья похвала не доставила бы нам больше радости, чем похвала мисс Вудхаус. Матушка не слышит, она, знаете ли, глуховата. Сударыня! — крикнула она, поворачиваясь к матери. — Вы слышите, как хвалит мисс Вудхаус почерк Джейн?

И Эмма получила возможность услышать, как ее глупый комплимент повторяют дважды, прежде чем добрая старушка сумела его расслышать. Во время разговора она раздумывала о том, как бы, не нарушая приличий, избежать пытки письмом Джейн Ферфакс, и почти уже

решилась спастись бегством, воспользовавшись первым пришедшим в голову предлогом, когда мисс Бейтс снова повернулась к ней и завладела ее вниманием:

— Матушкина глухота очень забавная, видите ли, почти и не глухота вовсе. Стоит мне немного повысить голос да повторить все, что надо, два или три раза, и она определенно расслышит. Но с другой стороны, она привыкла к моему голосу. Однако весьма примечательно вот что: Джейн она всегда слышит куда лучше, чем меня. Джейн так отчетливо говорит! Как бы там ни было, она найдет, что слух бабушки не стал хуже за прошедшие два года, хотя два года большой срок в таком возрасте, как у матушки, — а действительно прошло целых два года с тех пор, как она — вы помните? — была у нас последний раз. Прежде мы никогда не разлучались на такой долгий срок, и, как я говорила миссис Коул, мы в этот раз не нарадуемся на нашу Джейн.

— Так вы скоро ожидаете к себе мисс Ферфакс?

— О да! На следующей неделе.

— Неужели! Какая радость!

— Благодарю вас. Вы очень добры. Да, на следующей неделе. Все просто поражены! И все друзья так же, как и вы, рады за нас. Уверена, она будет

так же рада повидаться со старыми друзьями в Хайбери, как и они с ней. Да, Джейн приедет в пятницу или в субботу — она не может пока сказать, когда именно, потому что в один из этих дней полковнику Кемпбеллу самому понадобится карета. Так мило с их стороны дать ей карету, что называется, отвезти от двери до двери! Но они всегда такие, знаете ли. Да-да, в следующую пятницу или субботу. Об этом она и пишет. Потому-то она и написала письмо во внеурочное время, как мы это называем: если бы все шло как обычно, мы не получили бы от нее весточки раньше следующего вторника или среды.

— Да, я так и думала. Боялась, что сегодня вряд ли услышу новости от мисс Ферфакс.

— Ах, как мило с вашей стороны! Да и мы бы ничего не узнали, если бы не такое чрезвычайное обстоятельство, как ее скорый приезд. Матушка просто счастлива! Ведь Джейн пробудет с нами по меньшей мере три месяца. Три месяца, она вполне уверена в этом, и я с удовольствием зачитаю вам ее письмо. Дело в том, видите ли, что Кемпбеллы собираются в Ирландию. Миссис Диксон убедила отца и мать приехать и погостить у нее. Они не собирались ехать раньше лета, но ей так не терпится повидать родителей — ведь

до тех пор, как она в октябре вышла замуж, она никогда не уезжала от родителей дольше, чем на неделю. И как же ей должно быть странно жить в чужой… я собиралась сказать, в чужой стране, но я оговорилась — просто на чужбине, в чужом краю; словом, она написала матери — или отцу, признаюсь, я не помню, кому именно, но мы скоро узнаем точно из письма Джейн — и просила их от своего собственного имени, а также от имени мистера Диксона приехать как можно скорее. Они встретят их в Дублине и отвезут в свое поместье Бейликрейг, чудесное место, наверное. Джейн столько наслышана о его красотах… я хочу сказать, она много слышала о поместье от мистера Диксона… думаю, больше никто ей о нем рассказать не мог, но, знаете, вполне естественно ему было живописать красоту своих родных мест, пока он ухаживал за мисс Кемпбелл… а так как Джейн очень часто прогуливалась вместе с ними — ведь полковник и миссис Кемпбелл особенно настаивали на том, чтобы их дочь не слишком часто гуляла наедине с мистером Диксоном, за что я их вовсе не виню… Так вот, разумеется, Джейн слышала все, что он, вероятно, рассказывал мисс Кемпбелл о своем фамильном гнезде в Ирландии, и, кажется, она как-то упоминала и о

том, что он показывал им какие-то эскизы своего замка, виды, которые он сам нарисовал. Полагаю, он очень приятный, обаятельный молодой человек. Наслушавшись его рассказов, Джейн самой захотелось поехать в Ирландию.

В этот момент в мозгу Эммы зародилось остроумное и занимательное предположение относительно Джейн Ферфакс, обаятельного мистера Диксона и того, что мисс Ферфакс не едет в Ирландию, и она сказала, коварно намереваясь выяснить побольше:

— Должно быть, вы несказанно рады своей удаче? Вам крупно повезло, что мисс Ферфакс в такое время отпустили к вам. Принимая во внимание тесную дружбу, которая связывала ее и миссис Диксон, не приходится сомневаться, что полковник Кемпбелл с супругой непременно захотят, чтобы она сопровождала их.

— Правда, истинная правда! Именно этого мы всегда и боялись: нам не хотелось, чтобы она была от нас так далеко на протяжении нескольких месяцев и не сумела бы приехать, если вдруг что-то случится. Но как видите, все, что ни делается, все к лучшему. Они оба (мистер и миссис Диксон) очень хотят, чтобы она приехала к ним вместе с полковником Кемпбеллом и его супругой. Очень

рассчитывают на нее; вот вы скоро узнаете, как высоко ценит Джейн их доброту: она пишет, что по учтивости с их общим приглашением — понимаете, оно исходит от них обоих — ничто не сравнится. Мистер Диксон, кажется, нисколько не уступает своей жене в желании увидеть Джейн. Он такой очаровательный молодой человек! С тех самых пор, как он в Уэймуте спас ей жизнь… как-то они вышли в море на яхте, и вдруг налетел ветер и закрутил парус… Джейн чуть не свалилась в море… и на самом деле упала бы, если бы он, исполненный величайшего присутствия духа, не схватил и не поддержал бы ее… я и подумать о таком не могу без дрожи!.. Словом, с тех самых пор, как мы узнали подробности ее спасения, я чрезвычайно расположена к мистеру Диксону!

— Но, несмотря на все увещевания друзей и собственное желание повидать Ирландию, мисс Ферфакс предпочла посвятить свое время вам и миссис Бейтс?

— Да… это всецело ее собственное решение, полностью ее выбор! Полковник и миссис Кемпбелл полагают, что она поступает правильно, именно так, как и они бы ей посоветовали. По правде говоря, это они настоятельно посоветовали ей съездить на родину, ведь она в последнее

время неважно себя чувствует!

— Я очень тронута вашим рассказом. Полагаю, Кемпбеллы рассудили мудро. Представляю, как должна быть разочарована миссис Диксон! Насколько я поняла, миссис Диксон особенной красотой не блещет? Ее, вероятно, никак нельзя сравнивать с мисс Ферфакс…

— О! Что вы! Вы нам чрезвычайно льстите… однако, уверяю вас, все совсем не так. Между ними не может быть никакого сравнения. Хоть мисс Кемпбелл всегда была совершенной дурнушкой… но при этом отличается элегантностью и любезностью.

— Да уж, это несомненно.

— Джейн, бедняжка, сильно простудилась… не далее как седьмого ноября (погодите, сейчас я найду это место в ее письме) и с того времени уже не чувствует себя полностью здоровой. Не правда ли, долгий срок? Уж и привязалась к ней эта простуда! Прежде она ни разу не писала нам о своей простуде, потому что не хотела тревожить нас. Так на нее похоже! Она такая заботливая! Словом, состояние ее далеко не блестящее, и Кемпбеллы, ее добрые друзья, решили, что ей лучше съездить домой, ведь дома, как известно, и стены помогают. Они не сомневаются в том, что три или

четыре месяца, проведенные в Хайбери, совершенно исцелят ее… и уж, конечно, ей куда лучше приехать сюда, чем отправиться в Ирландию, раз ей нездоровится. Никто не сумеет так ухаживать за нею, как мы.

— Мне кажется, вы совершенно правы. Для нее приезд сюда станет наилучшим выходом.

— Итак, она прибудет в следующую пятницу или субботу, а в следующий понедельник Кемпбеллы уезжают из города и отправляются в Холихед — сейчас я прочту, как пишет об этом сама Джейн. Так неожиданно! Можете догадаться, мисс Вудхаус, в какое смятение повергло меня письмо Джейн! Если бы не отрицательная сторона — ее болезнь… Но я боюсь, что она похудела и побледнела и вообще плохо выглядит. Должна поведать вам, какое несчастье со мной случилось, раз уж об этом зашла речь. Я всегда, видите ли, вначале читаю письма Джейн про себя, прежде чем вслух прочитать их матушке. Дело в том, что я боюсь прочитать нечто такое, что способно расстроить ее. Джейн хочет, чтобы я вначале прочитывала ее письма сама, и я так и делаю всегда: вот и сегодня я была осторожна, как обычно! Не успела я дочитать о том, что ей нездоровится, как от страха нечаянно выпалила

вслух: «Господи! Бедняжка Джейн заболела!» — а матушка была начеку, все ясно расслышала и ужасно опечалилась. Однако, когда я продолжила чтение, я обнаружила, что дело совершенно не так опасно, как я вообразила вначале, и я поспешила утешить матушку, так что теперь она почти совершенно успокоилась и не волнуется за Джейн. Но я и представить не могу, как могла так забыться! Если Джейн скоро не поправится, мы позовем к ней мистера Перри. О расходах беспокоиться не будем… И хотя он такой свободомыслящий и так любит Джейн, что, предполагаю, не захочет принимать вознаграждения за свой визит, мы не намерены этого допускать! У него есть жена и дети, которых он обязан содержать, и он не может себе позволить тратить свое время даром. Ну вот, я в общих словах описала вам содержание письма Джейн, а теперь обратимся к ее письму. Уверена, ее собственные слова окажутся куда лучше, чем мое изложение.

— Боюсь, нам надо бежать, — прервала ее Эмма, многозначительно взглядывая на Харриет и поднимаясь с места. — Батюшка нас ждет. Я вовсе не собиралась… то есть я хотела сказать, когда я шла к вам, то планировала пробыть не долее пяти минут. Я заглянула к вам просто потому, что не

могла пройти мимо, не справившись о здоровье миссис Бейтс. Но повод оказался столь приятным, что я задержалась, — а теперь позвольте попрощаться с вами и с миссис Бейтс.

Все попытки удержать ее не возымели успеха. Эмма счастливо вздохнула, оказавшись снова на улице. Хоть ей и пришлось выслушать много пустого и никчемного вздора, хотя она против воли во всех подробностях узнала содержание письма Джейн Ферфакс, ей все же удалось избежать чтения самого письма.

Глава 20

Джейн Ферфакс была сиротой, единственным ребенком младшей дочери миссис Бейтс.

Брак Ферфакса, лейтенанта Н-ского пехотного полка, и мисс Джейн Бейтс в свое время стал славным и радостным событием. Его герои были полны надежд на лучшее будущее, однако теперь от этих надежд ничего не осталось, кроме грустных воспоминаний… Лейтенант Ферфакс скончался во время заграничного похода, дни его вдовы вскоре после смерти мужа сократили горе и чахотка; маленькая дочь их осталась сиротой.

По праву рождения она принадлежала Хайбери, и, когда в возрасте трех лет, потеряв мать, она стала собственностью, объектом заботы, утешением и предметом обожания своих бабушки и тетки, казалось, ей самой судьбой назначено остаться здесь на всю жизнь, получить какое-никакое образование, доступное при очень скромных средствах, и вырасти в отсутствие всяких преимуществ, какие давали бы знатное происхождение и связи. Джейн Ферфакс приходилось довольствоваться дарами, полученными ею

от природы: приятной внешностью, живым умом и преданными, любящими, даже обожающими ее родственницами.

Однако сочувствие к сироте со стороны одного друга ее покойного отца внесло перемены в ее судьбу. Полковник Кемпбелл в свое время очень высоко ценил Ферфакса, считая его блестящим офицером и в высшей степени достойным молодым человеком; более того, полковник считал себя в долгу перед ним после того, как Ферфакс ухаживал за ним, когда у того был тяжелый тиф, — тем самым, вероятнее всего, лейтенант спас ему жизнь. Таковы были заслуги лейтенанта, которые полковник не смог позабыть. Несмотря на то, что бедный Ферфакс умер уже несколько лет назад, по выходе в отставку и возвращении на родину полковник сделал все, что в его силах. Вернувшись в Англию, он разыскал сиротку и принял в ней участие. Человеком он был женатым, но в живых у него остался всего один ребенок, девочка, примерно одних лет с Джейн. Джейн стала подолгу гостить у них, став в семье полковника всеобщей любимицей. Не исполнилось ей и девяти лет, как безмерная любовь к ней его собственной дочери и его желание быть истинным другом вместе стали причиной

того, что полковник Кемпбелл предложил взять на себя все расходы по образованию Джейн. Предложение было принято, и с того времени Джейн вошла в семью полковника Кемпбелла и жила у них постоянно, навещая бабушку и тетку лишь время от времени.

Предполагалось, что Джейн получит образование, а впоследствии станет домашней учительницей и будет учить детей в богатых семьях. Скромный капитал в несколько сотен фунтов, унаследованный ею от отца, исключал всякую возможность независимого существования. Позаботиться о ней иным способом было не в силах полковника Кемпбелла — несмотря на то, что он получал неплохое жалованье, капиталы его были весьма скромны и все до последнего пенни предназначались в приданое дочери. Однако, дав Джейн хорошее образование, он надеялся обеспечить ей безбедное существование в будущем.

Такова история Джейн Ферфакс. Ей повезло: от Кемпбеллов она не видела ничего, кроме добра, и получила блестящее образование. От постоянного общения с людьми высокоразвитыми и благонамеренными душа ее и разум приобрели все преимущества, какие дают дисциплина и культура; поскольку проживала семья полков-

ника Кемпбелла в Лондоне, все склонности и таланты Джейн, даже самые малые, получили полное развитие благодаря первоклассным наставникам. Внешность ее и способности находились в полном соответствии с усилиями друзей; в восемнадцать — девятнадцать лет она была полностью сведуща в искусстве наставлять других, насколько возможно в столь юном возрасте. Однако к ней слишком привязались и не хотели с нею расставаться. Ни полковник, ни его жена не могли даже и помыслить о том, чтобы отпустить от себя свою любимицу, а для их дочери сама мысль расстаться с Джейн была невыносима. Несчастный день все откладывался. Было решено, что Джейн еще слишком молода, и она осталась, разделяя с ними на правах второй дочери все скромные удовольствия изящного общества и разумно сочетая развлечения с делами домашними. Лишь иногда, при мыслях о будущем, чело ее омрачалось — ведь трезвым своим умом она не могла не понимать, что рано или поздно всем этим милым удовольствиям придет конец.

Привязанность к ней всей семьи, и особенно нежная дружба с мисс Кемпбелл, еще более служили к чести обеих сторон, учитывая то обсто-

ятельство, что Джейн решительно превосходила свою подругу как в красоте, так и в приобретенных знаниях. Молодой женщине невозможно не заметить, что подруга щедрее одарена природой; точно так же, как и ее родители прекрасно понимали, что Джейн превосходит их дочь по способностям. И тем не менее дружбу их ничто не могло омрачить до самой свадьбы мисс Кемпбелл, которая, по странной прихоти судьбы (о, судьба часто шутит в матримониальных делах и награждает любовью скромных, а не самых достойных), завоевала любовь мистера Диксона, богатого и славного молодого человека, чуть ли не с первого дня знакомства. Девушка законным образом счастливо обрела собственный дом, в то время как Джейн Ферфакс в будущем предстояло зарабатывать себе на хлеб насущный.

Событие это произошло очень недавно — слишком недавно, чтобы менее счастливая подруга мисс Кемпбелл, то есть миссис Диксон, успела вступить на самостоятельную дорогу, хотя она уже достигла совершеннолетия и имела право сама решать, когда ей начинать трудиться. Она давно уже положила для себя начать искать работу, когда ей исполнится двадцать один год. Словно послушница, намеренная постричься в

монахини, решила она принести себя в жертву и бежать от всех удовольствий света; она сознательно отказывалась от общения с людьми возвышенными, равными себе, отказывалась от покоя и надежд на лучшее будущее и смиренно готовилась наложить на себя епитимью на остаток жизни.

Здравый смысл полковника Кемпбелла и его жены заставлял их не восставать против такого решения, хотя их чувства протестовали. Покуда они живы, ей нет нужды подвергать себя лишениям, их дом навсегда останется ее домом; и ради собственного удобства они удержали бы ее при себе, однако это было бы с их стороны проявлением себялюбия. Если уж расставание неизбежно, чем скорее оно произойдет, тем лучше. Возможно, теперь им иногда казалось, что они в свое время поступили бы благоразумнее и добрее по отношению к девушке, если бы, вопреки своей склонности, не удерживали бы ее при себе и не воспитали бы в ней вкуса к довольству и праздной жизни, с которыми ей теперь предстоит распроститься. И все же, любя Джейн, они рады были воспользоваться любым разумным предлогом для того, чтобы не торопить ужасную минуту. Со времени свадьбы их дочери Джейн

еще ни дня не чувствовала себя по-настоящему хорошо; несмотря на то, что силы ее полностью восстановились, полковник с женой считали своим долгом запретить ей искать себе место, принимая во внимание ее ослабленное здоровье и неустойчивое душевное состояние, ведь для выполнения ее будущих обязанностей, даже при самом благоприятном стечении обстоятельств, от нее потребуется нечто большее, чем просто крепкое здоровье и здравомыслие.

Так как она не ехала вместе с ними в Ирландию, ее письмо тетке не содержало в себе ничего, кроме правды, хотя, возможно, кое-что она утаила. Она сама решила посвятить время своего так называемого досуга Хайбери, провести, возможно, последние месяцы полнейшей свободы со своими добрыми родственницами, которым она столь бесконечно дорога. Кемпбеллы, какими бы чувствами при этом они ни руководствовались — были или нет у них скрытые мотивы, — всецело согласились с ее планом и заявили, что, по их мнению, за те несколько месяцев, что Джейн проведет на родине, здоровье ее поправится куда быстрее, чем если она останется в Лондоне или поедет в Ирландию. Словом, ее приезд был делом решенным; и жителям Хайбери, настроив-

шимся поглазеть на такую диковину, как давно обещанный Фрэнк Черчилль, предстояло довольствоваться Джейн Ферфакс, которая всего два года не была в родных местах.

Эмма расстроилась — целых три месяца придется терпеть эту задаваку! Проявлять по отношению к ней внимание, чего совсем не хочется, и все равно делать для Джейн меньше, чем от нее ждут! Почему Джейн Ферфакс ей не нравится? Эмме трудно было ответить на этот вопрос. Однажды мистер Найтли заметил ей: все потому, что Эмма признает в Джейн по-настоящему умную и образованную девицу, такую, какой ей хочется, чтобы считали ее самое. Несмотря на то, что в то время Эмма с негодованием отвергла такое предположение, случались у нее минуты самокопания, во время которых она признавалась себе самой, что совесть у нее нечиста. Но… Эмма оправдывала себя тем, что ей никогда не удавалось По-настоящему подружиться с нею — она не знает, как это получилось. Джейн всегда была такой холодной, такой сдержанной — проявляла такое очевидное равнодушие к тому, нравится она или нет… и потом, ее тетка такая болтушка! Кроме того, с Джейн все так носятся! И почему-то все вообразили, что они с Джейн непременно должны

сделаться близкими подругами только потому, что они сверстницы! Ну почему всем кажется, что они должны обожать друг друга? Таковы были доводы Эммы — за неимением лучших.

Эмма сознавала, что на деле Джейн Ферфакс совершенно не заслужила с ее стороны подобного неприязненного отношения; она так старательно раздувала все подлинные и мнимые недостатки Джейн, что всякий раз, впервые увидев мисс Ферфакс после долгого перерыва, Эмма не могла не чувствовать, что была к ней несправедлива. И теперь, нанеся спустя два дня после прибытия Джейн визит вежливости, Эмма находилась под впечатлением тех самых внешности и манер, которые она поносила все два года. Джейн Ферфакс была очень изящна, поразительно изящна! Эмма почитала изящество высшей добродетелью. Рост у нее был очаровательный, как раз такой, о котором все говорят: «высокая», но никто не скажет: «каланча»; фигурка отличалась особенной грацией; она не была полна и не казалась чрезмерно худой, хотя вследствие болезни скорее приближалась ко второй из двух крайностей. Эмма не могла не оценить ее красоты: да, верно, ее личико прелесть — черты просто точеные! Со времени прошлого приезда она еще больше похо-

рошела. Черты лица Джейн трудно было назвать правильными, однако красота ее ласкала взор. Глазам ее, темно-серым, с темными ресницами и бровями, Эмма никогда и прежде не отказывала в похвале, но кожа, к которой Эмма привыкла придираться, называя ее слишком бледной (ей недостает румянца), была такой чистой и нежной, что румянец был тут, пожалуй, и ни к чему. Джейн обладала тем типом красоты, в котором правило бал изящество. Однако, согласившись вслух с тем, что мисс Ферфакс красива (а про себя она давно признавала Джейн красавицей), Эмма должна была бы, по чести и в соответствии со своими правилами, прилюдно восхищаться ею: изящество — все равно, внешности ли, ума ли, — редко встречалось среди обитателей Хайбери. Никакого намека на вульгарность, сплошные достоинства и заслуги.

Короче говоря, во время первого визита Эмма сидела и дивилась на Джейн Ферфакс, вдвойне довольная собой: она с удовольствием любовалась мисс Ферфакс и отныне решила воздавать ей должное. Она более не будет выказывать своей нелюбви к ней. Напомнив себе ее историю, ее теперешнее положение, приняв во внимание ее красоту, Эмма не могла не пожалеть бедняжку:

когда она думала, какая судьба уготована этому изяществу, откуда суждено ей упасть в бездну, как ей придется жить, она ощущала невозможность чувствовать по отношению к Джейн что-либо, кроме жалости и уважения. Особенно если к хорошо известным частностям ее жизни, и без того вызывающим сочувствие, добавить в высшей степени возможную вероятность ее влюбленности в мистера Диксона, которую Эмма так легко домыслила сама. В таком случае ничто не могло быть более достойно жалости и более почетно, чем жертвы, которые Джейн готовилась принести. Эмма испытывала большое желание оправдать Джейн за попытку соблазнить мистера Диксона и увести его от жены или за иные неблаговидные поступки, которые поспешило приписать мисс Ферфакс ее воображение. Если и присутствует в ее истории чувство, это, скорее всего, безответная и несчастная любовь лишь с ее стороны. Джейн, вероятно, бессознательно вдыхала сладкий яд, когда вместе с подругой участвовала в беседах с ним; и теперь, наверное, она отказалась от поездки в Ирландию из самых лучших, самых чистых побуждений, преисполнившись решимости отдалиться от него и его родственников, как можно скорее вступив на стезю тяжкого труда.

В результате Эмма покинула домик Бейтсов с таким умягченным сердцем и преисполненная такими добрыми чувствами, что на обратном пути уже мысленно производила смотр местных кавалеров и сокрушалась, что в Хайбери не отыскать достойного Джейн молодого человека, способного обеспечить ей независимое существование; не найдется ни одного, кого она могла бы спокойно рекомендовать ей в мужья.

Отрадное это было чувство, но продолжалось оно недолго. Прежде чем Эмма успела публично связать себя заявлением о вечной дружбе с Джейн Ферфакс или пошла бы еще дальше, отрекшись от былого предубеждения и заблуждений, она ограничилась тем, что заявила мистеру Найтли:

— Она определенно хорошенькая. Она даже больше чем хорошенькая!

Вскоре после этого Джейн с бабушкой и теткой провели вечер в Хартфилде, и все вернулось на круги своя. Эмма вновь ощутила привычную досаду. Тетка, как всегда, болтала без умолку, даже больше, чем обычно, ибо теперь к восхищению достоинствами племянницы прибавлялось беспокойство о состоянии ее здоровья; всем пришлось подробно выслушать, как мало хлеба с маслом съела Джейн на завтрак и какой

крошечный кусочек баранины на обед, а также любоваться новыми шляпками и мешочками для рукоделия, которые она привезла ее матушке и ей самой. Раздражение против Джейн снова выросло в душе Эммы. Они принесли ноты, Эмму заставили играть, благодарности и хвалы, которые неизбежно сопровождали ее исполнение, показались ей неискренними, фальшивыми. За снисходительными похвалами, несомненно, крылось желание лишний раз продемонстрировать превосходство Джейн. И что хуже всего, Джейн была так холодна, так осторожна! Невозможно было вытянуть из нее, что она думает на самом деле по тому или иному поводу. Укутавшись в плащ вежливости, она, казалось, полна решимости скрывать любое живое чувство. Ее скрытность была неприятна и подозрительна.

Мисс Ферфакс не выказывала откровенности ни по одному вопросу, но наибольшую скрытность проявляла в рассказах об Уэймуте и Диксонах. Казалось, она во что бы то ни стало решила скрывать от окружающих, что за человек мистер Диксон, молчать о том, приятно ли находиться в его обществе и, наконец, хорошая ли пара мистер Диксон и ее подруга. Она отзывалась обо всем со сдержанной благожелательностью и весьма

поверхностно: ничего не выделяла и не подчеркивала особо. Какая бы ни была у нее причина скрывать свои истинные чувства, ее манеры сослужили ей плохую службу. Осторожность не спасла ее. Эмма поняла, что Джейн неискренна, и к ней вернулись все ее первоначальные предположения и подозрения. Наверное, все-таки ей есть, есть что скрывать кроме собственных предпочтений — возможно, мистер Диксон был очень близок к тому, чтобы бросить одну подругу ради другой. Вернее же всего, он выбрал мисс Кемпбелл в расчете на приданое в двенадцать тысяч фунтов.

Подобная сдержанность господствовала и во время обсуждения других тем. Они с мистером Фрэнком Черчиллем были в Уэймуте в одно и то же время. Известно было, что они шапочно знакомы, но, как Эмма ни старалась, ей так и не удалось узнать от Джейн, что собой представляет этот молодой человек. «Красив ли он?» — «Да, я полагаю, что его можно назвать очень приятным молодым человеком». — «Приятен ли он в общении?» — «Все находят его очень милым». — «Производит ли он впечатление юноши разумного и сведущего?» — «На водах и в лондонском обществе трудно сказать, каков человек

на самом деле. Наверняка можно судить лишь о манерах, притом при более коротком знакомстве, чем было у нас с мистером Черчиллем. Кажется, все находят его манеры подкупающими». Ну как после такого могла Эмма быть снисходительной к Джейн Ферфакс?

Глава 21

Эмма не могла простить Джейн Ферфакс подобной холодности; но, так как мистер Найтли, который также был приглашен в тот вечер, не углядел в поведении обеих девиц ни раздражения, ни обиды, а лишь надлежащее внимание и любезность, на следующее утро, вновь зайдя в Хартфилд — у него были дела с мистером Вудхаусом, — он весьма одобрительно отозвался о вчерашнем вечере. Если бы мистер Вудхаус в то время вышел из комнаты, он высказался бы более открыто, однако отзыв был достаточно недвусмыслен, чтобы Эмма все поняла. Мистер Найтли привык считать, будто она несправедлива к Джейн, и теперь с большим удовольствием отмечал, что она встала на путь исправления.

— Очень приятный вечер, — начал он, разъяснив мистеру Вудхаусу все необходимое, когда тот наконец заявил, что все понял, и бумаги были убраны. — Я прекрасно провел время. Вы с мисс Ферфакс доставили нам такое удовольствие своим музицированием! Не ведаю большей роскоши, сэр, чем целый вечер наслаждаться обществом

двух молодых красавиц, которые услаждают слух то своей игрой, то приятной беседой. Уверен, Эмма, мисс Ферфакс в восторге от вчерашнего вечера. Вы все предусмотрели. Я очень рад, что она, по вашему настоянию, так много играла, поскольку у ее бабушки инструмента нет, для нее отрадна всякая возможность помузицировать.

— Ваше одобрение греет мне душу, — ответила Эмма улыбаясь, — но полагаю, ни один гость Хартфилда не может пожаловаться на недостаток внимания.

— Да уж, милая, — отец поспешил поддержать ее, — что-что, а принимать гостей ты умеешь! Ни одна хозяйка не сравнится с тобой во внимательности и любезности. Могу даже попенять тебе: ты слишком внимательна. Вот вчера, например, гостей несколько раз обносили булочками, тогда как и одного раза было бы вполне достаточно.

— Да, — сказал почти в тот же миг мистер Найтли, — гости в вашем доме окружены заботой. И вы нечасто грешите отсутствием хороших манер и проницательности. Поэтому я думаю, вы поймете меня.

Эмма бросила на него лукавый взгляд, означающий: «Я прекрасно вас поняла»; однако вслух сказала только:

— Мисс Ферфакс очень сдержанна.

— Я всегда указывал вам на эту ее черту: она действительно немного сдержанна. Однако, по-моему, ее сдержанность проистекает от застенчивости, которую, при надлежащем стремлении с вашей стороны, вполне можно преодолеть. Ту же сдержанность, что имеет в своей основе благоразумие и осторожность, следует уважать.

— Вы находите ее застенчивой? Я — нет.

— Дорогая моя Эмма, — он придвинул свой стул поближе к ней, — надеюсь, вы не собираетесь утверждать, будто провели неприятный вечер?

— О нет, что вы! Я поражалась собственному упорству в попытке узнать побольше и потому задавала много вопросов, однако в результате на удивление мало узнала.

— Я разочарован, — только и ответил он.

— Надеюсь, — примирительно заявил мистер Вудхаус, — вечер всем понравился. Лично я получил большое удовольствие. В какой-то момент мне показалось, будто камин слишком жарко натоплен, но потом я отодвинул кресло — чуточку, самую малость — и больше уж не беспокоился оттого, что мне жарко. Мисс Бейтс была очень разговорчива и добродушна, как и всегда, хотя она, пожалуй, слишком уж тараторит. Одна-

ко она очень мила, и миссис Бейтс тоже — на свой лад. Я люблю старых друзей. Мисс Джейн Ферфакс мне тоже очень нравится: она очень хорошенькая и хорошо воспитана. Настоящая леди! Думаю, мистер Найтли, у нее нет оснований быть недовольной вчерашним вечером, ведь ее собеседницей была сама Эмма!

— Верно, сэр. А Эмме вечер должен был понравиться, так как ее собеседницей была мисс Ферфакс.

Видя, как он расстроен, Эмма захотела хотя бы немного смягчить его огорчение и с искренностью, к которой никто не сумел бы придраться, заметила:

— Она на редкость изящна, от нее просто глаз невозможно оторвать. Я всегда с восхищением наблюдаю за ней и от всего сердца жалею ее.

Мистер Найтли, казалось, был не слишком доволен ее словами. Но прежде чем он ответил, в разговор вмешался мистер Вудхаус, который был не в состоянии так скоро отвлечься от визита Бейтсов:

— Ужасно жаль, что они вынуждены жить в столь стесненных обстоятельствах! Очень, очень жаль! И я частенько думал, какой бы подарок — недорогой, но ценный — могли бы мы им

преподнести. Сегодня у нас закололи молодую откормленную свинью, и Эмма собирается послать им ногу или филейную часть — там самое постное и нежное мясо. Как вам известно, хартфилдские свиньи славятся на всю округу. Да, это настоящая свинина. Ты, милочка, скажи, чтобы они непременно разделали ее на куски и слегка обжарили, как принято у нас, без единой капли жира, только упаси их бог делать жаркое! Свиное жаркое не в состоянии переварить даже самый крепкий желудок. Наверное, лучше послать им ногу. Ты не согласна со мной, дорогая?

— Милый папочка, я послала им половину задней части целиком. Я знала, что вы так и захотите. Ножку они, как вы догадываетесь, засолят, и вкус у нее будет отменный, а филей их кухарка приготовит так, как они сами пожелают.

— Совершенно верно, милочка! Какая ты умница! Мне такое решение и в голову не приходило, но ты рассудила верно. Только бы они не пересолили окорок. Если окорок не пересолен да как следует отварен — так, как обычно делает наша Сэрль, — да подан с вареной репой, морковкой и пастернаком… да если не переедать, то такое блюдо я вовсе не сочту вредным для здоровья.

— Эмма, — сказал тут мистер Найтли, — у меня

для вас новость. Вы любите новости, а я по дороге к вам узнал нечто такое, что, по моему мнению, непременно вас заинтересует.

— Новости? О да, я обожаю узнавать что-то новое. Что же случилось? Почему так улыбаетесь? Где вы услышали новость? В Рэндаллсе?

Мистер Найтли сумел лишь ответить:

— Нет, не в Рэндаллсе. Я и близко не был в Рэндаллсе.

Тут дверь распахнулась, и в комнату вошли мисс Бейтс и мисс Ферфакс. Рассыпаясь в извинениях, спеша с новостями, мисс Бейтс сама не знала, с чего начать. Вскоре мистер Найтли понял, что упустил момент и не сумеет сейчас и словечка вставить.

— Ах, дорогой мой сэр, как поживаете, хорошо ли почивали? Милая мисс Вудхаус! У меня просто нет слов! Такое чудное мясо! Вы, право, слишком добры к нам. Скажите, вы уже слышали новость? Мистер Элтон женится!

Новость была настолько неожиданной — Эмма даже и не вспоминала последнее время о мистере Элтоне, — что она даже слегка вздрогнула, услышав его имя, а щеки ее покрылись легким румянцем.

— Именно эту новость я и собирался вам сооб-

щить: думал, вам будет интересно, — прошептал мистер Найтли с несколько заговорщической улыбкой, словно намекая на их прошлые размолвки.

— Но вы-то, вы-то откуда узнали? — вскричала мисс Бейтс. — Где вы могли услышать новость, мистер Найтли? И пяти минут еще не прошло, как я получила записку от миссис Коул… да, верно, и пяти минут не прошло, ну, может, десять минут… и я тут же надела капор и жакет и приготовилась выйти из дому… пришлось только спуститься в кухню и еще раз напомнить Патти насчет окорока… Джейн ждала меня в коридоре. Помнишь, Джейн? Потому что матушка испугалась, что у нас в хозяйстве нет достаточно большого горшка для засолки. Так что я обещала ей спуститься в кухню и спросить, а Джейн сказала: «Может, мне пойти вместо вас? Мне кажется, вы слегка простыли, а Патти как раз вымыла кухню». — «О, моя милая», — сказала я… да, и тут как раз принесли записку. Невеста мистера Элтона — некая мисс Хокинс. Вот все, что я знаю. Какая-то мисс Хокинс из Бата. Но, мистер Найтли, пожалуйста, не скрывайте от нас, где вам удалось узнать эту новость. Ведь сразу после того, как мистер Коул рассказал об этом миссис Коул, она тут же села и

написала мне. Кстати, родители мисс Хокинс…

— Полтора часа назад я заходил к мистеру Коулу по делу. Когда я вошел, он как раз читал письмо от Элтона. Разумеется, он немедленно передал мне его содержание.

— Да… теперь понятно… надо же… давненько нам не приходилось слышать ничего более интересного. Мой дорогой сэр, ваша доброта по отношению к нам поистине не знает границ. Матушка шлет вам привет и наилучшие пожелания. Она не устает благодарить вас и говорит, что вы буквально подавляете ее своей щедростью.

— Мы считаем нашу хартфилдскую свинину, — ответствовал мистер Вудхаус, — и, надо сказать, справедливо считаем, лучшей, ибо она превосходит всякую другую свинину, так что для нас с Эммой нет большего удовольствия, чем…

— Ах, дорогой мой сэр, как говорит матушка, наши друзья слишком добры к нам. Если только бывают на свете люди, у которых, несмотря на то, что сами они небогаты, есть все, что они ни пожелают, так это, я уверена, мы. Нам можно по праву сказать: «Межи наши прошли по прекрасным местам, и наследие мое приятно для меня».[4] Зна-

---

[4] Примечания: 4
Псалтырь, 15: 6.

чит, мистер Найтли, вы своими глазами видели письмо… что же…

— Письмо было кратким. В основном он объявляет о своей помолвке, но, разумеется, его послание отличается живостью, ибо повествует о радостном событии. — Он бросил лукавый взгляд на Эмму. — Он пишет, что несказанно счастлив… Забыл точные слова… впрочем, всем и так известно, что пишут в подобных случаях. Словом, он сообщает, что, как вы и сказали, он намерен жениться на некоей мисс Хокинс. Судя по стилю его письма, я сделал вывод, что дело уже решенное.

— Мистер Элтон собирается жениться! — воскликнула Эмма, обретая дар речи. — Все, безусловно, будут рады его счастью.

— Он еще слишком молод для того, чтобы обзаводиться семьей, — заметил мистер Вудхаус. — Лучше бы ему не торопиться. Мне казалось, ему и так живется неплохо. Мы всегда рады были привечать его в Хартфилде.

— Мисс Вудхаус, у нас появится новая соседка! — оживленно продолжала мисс Бейтс. — Матушка так довольна! Она говорит, что для нее невыносимо было видеть, как старый домик викария стоит без хозяйки. Вот уж правда, новость так новость! Джейн, ты еще никогда не видела

мистера Элтона! Ничего удивительного, что тебе не терпится познакомиться с ним.

По виду Джейн никак нельзя было предположить, что она сгорает от любопытства познакомиться с мистером Элтоном.

— Да, верно, я никогда не видела мистера Элтона, — ответила она, несколько задетая словами тетушки. — Что же, он… высокого роста?

— Кто же ответит на такой вопрос? — воскликнула Эмма. — Мой батюшка скажет «да», мистер Найтли — «нет», ну а мы с мисс Бейтс ответим, что росту он скорее среднего. Когда вы проживете с нами немного дольше, мисс Ферфакс, вы поймете, что в Хайбери мистер Элтон считается эталоном совершенства и в смысле внешности, и в смысле ума.

— Совершенно верно, мисс Вудхаус, так и будет. Он превосходный молодой человек… Кстати, Джейн, милочка, если ты помнишь, я вчера говорила тебе, что он точно одного роста с мистером Перри. А мисс Хокинс… рискну предположить, что она достойная девица. Он всегда так подчеркнуто внимателен к моей матушке… В церкви он всегда усаживает ее на скамью, отведенную для семьи викария, чтобы ей было лучше слышно, ведь матушка глуховата, как вам известно… Она

все слышит, но ей часто надо повторять несколько раз. Джейн говорит, что полковник Кемпбелл тоже глуховат. Он надеялся, что ему помогут ванны — теплые ванны, но, по словам Джейн, они не принесли заметного улучшения. Знаете, полковник Кемпбелл — наш настоящий ангел-хранитель. И мистер Диксон, кажется, очаровательный молодой человек, вполне достойный своего тестя. Такое счастье, когда встречаются хорошие люди — а они всегда встречаются. Вот теперь поженятся мистер Элтон и мисс Хокинс. Или взять Коулов — прекрасная пара! Да и Перри, признаться, не встречала еще более достойной и счастливой четы, чем мистер и миссис Перри. Я говорю, сэр, — продолжала она, поворачиваясь к мистеру Вудхаусу, — по-моему, на свете мало отыщется мест с таким прекрасным обществом, как в Хайбери. Я всегда говорю, что нам очень повезло с соседями… Знаете, мой дорогой сэр, если и есть что-то, чему матушка отдает предпочтение, так это свинине — жаркому из филейной части или запеченному окороку…

— Полагаю, — поспешно вмешалась Эмма, — он не пишет о том, кто такая мисс Хокинс, кто ее родители и давно ли они знакомы? Но по всему видно, что их знакомство не может быть очень

долгим. Он уехал всего четыре недели назад.

По этому поводу никто ничего сообщить не мог, и, задав еще несколько вопросов, Эмма сказала:

— Вы молчите, мисс Ферфакс, но я надеюсь, что и вам наши новости небезынтересны. Ведь вы в последнее время успели так много услышать и узнать на сходную тему! Несомненно, мисс Кемпбелл сделала вас поверенной в своих сердечных делах, поэтому мы ни за что не поверим, что новости о мистере Элтоне и мисс Хокинс вам безразличны.

— Когда я познакомлюсь с мистером Элтоном, — отвечала Джейн, — тогда мне, несомненно, будет интересно. Но для этого, полагаю, прежде всего необходимо с ним познакомиться. А поскольку мисс Кемпбелл вышла замуж несколько месяцев назад, то, боюсь, мои впечатления несколько поблекли.

— Да, он уехал всего месяц назад, вы верно заметили, мисс Вудхаус, — вмешалась мисс Бейтс, — вчера было ровно четыре недели… Что же касается мисс Хокинс… Я всегда полагала, что и здесь, у нас, отыщется молодая леди… Не то чтобы я… Однажды миссис Коул пыталась мне намекнуть… но я немедленно сказала: «Нет, ну что вы! Мистер Элтон, конечно, достойнейший

молодой человек, но не до такой же степени…» Короче говоря, в такого рода вопросах я недогадлива. Однако я и не стремлюсь приписывать себе качества, которыми я не обладаю. Вижу только то, что у меня под носом. В то же время никто бы не удивился, если бы мистер Элтон попросил руки… Ах, я все говорю, а мисс Вудхаус, по своей доброте, терпит мою болтовню. Как здоровье мисс Смит? Кажется, она уже совсем поправилась. Есть ли свежие новости о миссис Джон Найтли? Ах! Маленькие детки… Джейн, ты знаешь, мне всегда казалось, что мистер Диксон чем-то похож на мистера Джона Найтли. Я имею в виду, внешне — высокий, и что-то этакое во взгляде… и не очень разговорчивый.

— Вы в корне не правы, милая тетушка! Они совсем не похожи друг на друга.

— Как странно! А мне казалось… Но ведь за глаза судить трудно, а часто и невозможно. Воображаешь себе невесть что… По твоим словам, мистера Диксона нельзя назвать красивым в строгом смысле слова.

— Красивым? Что вы! Вовсе нет… он определенно некрасив. Я же говорила вам, что он некрасив.

— Милочка, ты говорила, что мисс Кемпбелл

вовсе не считает его некрасивым и что ты сама…

— А что я? Мое мнение тут ничего не значит. Когда я хорошо отношусь к человеку, то он всегда вызывает у меня симпатию. Назвав его некрасивым, я как бы судила о нем со стороны… выразила то, что называется общим мнением.

— Что ж, Джейн, голубушка, по-моему, нам пора. Небо что-то хмурится, и бабушка будет волноваться. Вы так любезны, дорогая мисс Вудхаус, но нам и правда пора уходить. Поистине приятные новости! Вот только мне еще надо забежать к миссис Коул, но там я не задержусь и на три минуты, а ты, Джейн, лучше иди прямо домой — не хочу, чтобы ты попала под ливень. Нам кажется, что в Хайбери она уже немного окрепла… Спасибо, мы и правда так думаем. К миссис Годдард я заходить не рискну… ведь она предпочитает — подумать только — вареную свинину! Вот когда мы запечем окорок, тогда дело другое. До свидания, милый мистер Вудхаус. А! Мистер Найтли, вы тоже уходите? Ну что вы, право! Прошу *вас* если Джейн устанет, будьте так добры, подайте ей руку… Мистер Элтон и мисс Хокинс… Кто бы мог подумать! До свидания!

Оставшись наедине с отцом, Эмма только вполуха слушала его сокрушенные речи о том, что

молодые люди слишком торопятся с женитьбой — притом с женитьбой на девицах из чужих краев. Другой половиной сознания она размышляла об услышанном. Ее новость позабавила; известие пришлось весьма кстати. Как она и предполагала, мистер Элтон поспешил утешиться. Но ей жаль было Харриет: как будет она страдать, узнав о его предстоящей женитьбе! Единственное, на что оставалось уповать Эмме, — что ей удастся самой осторожно сообщить подруге новость и уберечь от того, что ее огорошат другие. Как раз в это время Харриет обычно приходила к ним. Что, если по дороге она будет иметь несчастье столкнуться с мисс Бейтс! Поскольку начинался дождь, Эмме оставалось лишь надеяться, что плохая погода задержит подругу в пансионе. А вдруг там тоже уже знают? Там бедную Харриет, несомненно, огорошат новостью без подготовки.

Дождь оказался сильным, но кратковременным: не прошло и пяти минут, как он закончился. Тут в комнату буквально влетела Харриет — такая взволнованная, разгоряченная, что Эмма сразу поняла: вероятнее всего, подруга что-то узнала, и ей не терпится поделиться. Так оно и произошло. Харриет, задыхаясь, выпалила:

— О, мисс Вудхаус, угадайте, что сейчас со мной

было?

И вид, и слова ее неопровержимо свидетельствовали о ее полнейшем смятении. Поскольку удар уже был нанесен, Эмма поняла, что поступит мудро, если просто выслушает подругу; и Харриет, которую никто не прерывал, немедленно и взахлеб принялась рассказывать: она вышла от миссис Годдард с полчаса назад, хоть собирался дождь, и она боялась, что непогода застигнет ее в пути, но все же понадеялась добраться до Хартфилда до ливня, она бежала со всех ног, а так как по дороге она проходила мимо дома портнихи, которая шьет ей платье, она заодно решила зайти и посмотреть, как продвигается дело. Там она не собиралась задерживаться больше чем на полминуты, но вскоре после того, как она вышла от портнихи, хлынул ливень! Что было делать? Словом, она побежала что есть духу прямо к лавке Форда — укрыться от дождя. (В лавке Форда торговали сукном, полотном и одновременно галантерейным товаром; она считалась в Хайбери и самой большой, и самой модной лавкой.)

— Так вот, сижу я у Форда и знать не знаю, что на свете делается… Сижу добрых десять минут, и тут открывается дверь… Как вы думаете, кто туда зашел? Вот уж действительно совпадение! Но они

всегда делают покупки у Форда… Словом, зашли Элизабет Мартин и ее брат! Милая мисс Вудхаус! Вы только подумайте… Мне показалось, я сейчас упаду в обморок. Куда было бежать? Я сидела у самой двери, и Элизабет сразу заметила меня, а он — нет! Он возился с зонтиком. Уверена, она меня увидела, но тут же отвернулась и не подала виду. И они оба направились в дальний конец лавки, а я так и осталась сидеть у двери! Ох! Подумать только, в каком жалком положении я оказалась! Наверное, я стала белой, как мое платье. Понимаете, уйти из-за дождя я не смела… но мне было так плохо… хотелось сквозь землю провалиться. Ах! Дорогая мисс Вудхаус! В конце концов он повернул голову и заметил меня. Вместо того чтобы выбирать товар, они с сестрой начали шептаться. Уверена, они говорили обо мне! И мне показалось, что он упрашивает ее заговорить со мной — а вы как думаете, мисс Вудхаус? Потом она тут же подошла ко мне, прямо ко мне, и спросила, как я себя чувствую, и, если бы я протянула ей руку, она, кажется мне, пожала бы ее. Она говорила со мной вовсе не так дружелюбно, как раньше — бывало, мы с нею болтали часами! Понятно, что она ко мне переменилась… но все же она старалась быть со мной очень приветливой, и мы пожали

друг другу руки и немного поговорили… Но я, кажется, отвечала невпопад — я вся дрожала, с ног до головы! Помню, она сказала: дескать, ей жаль, что мы больше не видимся… Видите, до чего дошло? Дорогая мисс Вудхаус, как же мне было плохо! К тому времени небо начало проясняться, и я решилась уйти во что бы то ни стало, а потом — нет, вы только представьте! — смотрю, он тоже подошел ко мне, медленно, знаете ли, и так нерешительно, словно тоже не знал, что ему делать… В общем, он подошел и спросил о каком-то пустяке, а я ответила — и стояла там еще с минуту… чувствовала себя так ужасно, знаете ли, просто не передать словами! Потом я набралась храбрости и сказала, что дождь кончился и мне пора идти. Вот я и вышла, но не отошла и трех ярдов, как он нагнал меня — только затем, чтобы предупредить: если я иду в Хартфилд, то мне бы сделать крюк и пойти мимо конюшни мистера Коула, потому что, по его мнению, ближнюю дорогу размыло дождем. Ах! Мне показалось, тут и смерть моя пришла! В общем, я сказала, что он очень любезен… вы знаете, не могла же я не поблагодарить его за любезность… а потом он вернулся к Элизабет, а я пошла мимо конюшен — просто потому, что тогда я понятия не имела,

на каком я свете и где иду. Ох, мисс Вудхаус, по мне, лучше бы со мной случилось все, что угодно, чем такое! Должна признаться, мне было приятно оттого, что он повел себя со мной так мило и порядочно. И Элизабет тоже. Ах! Мисс Вудхаус, пожалуйста, поговорите со мной, верните мне душевный покой!

Эмма вполне искренне была исполнена такого желания, однако немедленно вернуть подруге душевный покой было не в ее власти. Тут надо было помолчать и подумать. У самой Эммы на душе кошки скребли. Поведение молодого человека и его сестры было настолько благородным, что им трудно было не симпатизировать. Судя по рассказу Харриет, в их манере держаться оскорбленная любовь смешивалась с неподдельным сочувствием. Эмма и так склонна была считать Мартинов людьми достойными и порядочными, однако не родниться же с ними из-за этого? Глупо смущаться из-за таких мелочей. Конечно, такому, как он, должно быть жаль упустить Харриет — и его семье тоже. Вероятно, ранена не только любовь, задето и честолюбие. Наверное, Мартины надеялись возвыситься, породнившись с Харриет. Да и кроме того, как можно доверять описанию Харриет? Она так легко поддается вли-

янию! Такая невзыскательная — какое значение имеет ее похвала?

Эмма взяла себя в руки и попыталась успокоить подругу, уверяя ее, будто все произошедшее — такой пустяк, что не стоит внимания.

— Да, на какой-то миг такая встреча может смутить, — заявила она. — Но вы, судя по вашему рассказу, вышли из щекотливого положения достойнейшим образом. Теперь все позади, и, скорее всего — да, вероятнее всего, — вы никогда больше с ними не встретитесь, а следовательно, вам нечего и думать о них.

Харриет кивнула: «Совершенно верно»; заявила, что она и не станет вспоминать об этой встрече; но все же продолжала говорить о Мартинах, так как ни о чем другом говорить была не в состоянии. Эмма, чтобы изгнать Мартинов из головы подруги, вынуждена была поторопиться с новостью, которую прежде намеревалась изложить постепенно, с нежной предупредительностью; она сама не понимала, что делать ей — радоваться или сердиться, стыдиться или только удивляться такому состоянию ума бедной Харриет, — и это после всего, что значил для нее мистер Элтон!

Впрочем, постепенно мистер Элтон был вос-

становлен в правах. Несмотря на то, что вначале известие о нем не произвело на Харриет того впечатления, какое произвело бы день, да даже и час назад, интерес к нему вскоре возрос. Не успели они обсудить новость и нескольких минут, как Харриет настолько распалила в душе любопытство, изумление, жалость к себе, сладкую боль и зависть к счастливице мисс Хокинс, что Мартины заняли в ее сознании надлежащее скромное место.

Эмма даже радовалась тому, что Харриет по пути к ней встретилась с Мартинами. Они сослужили свою службу, смягчив первое потрясение, но не оказали на чувства подруги сколько-нибудь существенного влияния, отчего можно было бы тревожиться. При том образе жизни, какой теперь вела Харриет, всякое общение с Мартинами для нее исключалось, если только сами они не искали с ней встречи, для чего им не хватало либо смелости, либо снисходительности. С тех пор как Харриет отказала их брату, сестры ни разу не заглянули к миссис Годдард; может, пройдет целый год, прежде чем они увидятся вновь и им волей-неволей придется разговаривать.

Глава 22

Человек по своей природе настолько расположен к собратьям своим, находящимся в необычном положении, что молодое существо, которое собирается жениться или умирает, неизбежно становится предметом сочувственных разговоров.

Не прошло еще и недели с тех пор, как в Хайбери впервые упомянули имя мисс Хокинс, а о ней уже заговорили как об особе в высшей степени достойной — как внешне, так и касательно духовных качеств. Ее поспешили объявить красивой, изысканной, высокообразованной и прекрасно воспитанной молодой леди с чудесным характером. Когда мистер Элтон прибыл самолично, дабы насладиться триумфом своего счастливого будущего и поведать всем и каждому о достоинствах своей невесты, ему почти ничего не удалось добавить к уже известному, разве что сообщить, как зовут его избранницу, или уточнить, музыку каких композиторов она предпочитает исполнять.

Вернулся мистер Элтон очень счастливым. Он

покидал Хайбери отвергнутый и униженный, разочарованный в самой радости жизни, причем после того, как его ухаживания, как ему казалось, всячески поощряли; он ведь не только утратил ту даму, руки которой искал, но и обнаружил, что его низвели на уровень весьма ничтожный, приписав ему намерение жениться на другой. Одним словом, он покидал Хайбери, оскорбленный до глубины души, а вернулся счастливым женихом; вдобавок его невеста оказалась даже лучше, чем прежняя возлюбленная. А ведь при данных обстоятельствах то, что приобретаешь, невольно сравниваешь с тем, что ты потерял. Он вернулся веселым и довольным собой, деятельным и полным жизненных сил. Былое чувство к мисс Вудхаус испарилось бесследно; мисс Смит он попросту игнорировал.

Мисс Августа Хокинс пленила мистера Элтона не только обычным для девицы сочетанием совершенной красоты и прекрасных душевных качеств. Она являлась обладательницей солидного состояния в несколько тысяч фунтов — в разговорах обычно упоминалась цифра «десять». Хорошее приданое невесты послужило мистеру Элтону лишним поводом для того, чтобы гордиться собой. Кроме того, деньги означали несомнен-

ное удобство в будущем. Он ловко разыграл свою карту: он не упустил случая и в награду получил невесту с приданым в десять тысяч или около того. К тому же он добился взаимности с поистине стремительной скоростью — она заметила и отличила его при первом же знакомстве. Он охотно поведал миссис Коул о том, как развивались их отношения. Роман его с мисс Хокинс был столь упоителен, он так скоротечно развивался от случайной встречи до обеда у мистера Грина и ужина у миссис Браун — улыбки, румянец, который становился все гуще; стыдливость, волнение, щедро расточаемые поощрения… Он произвел на мисс Хокинс неизгладимое впечатление, и она была столь благосклонна… короче говоря и проще выражаясь, выразила такую готовность выйти за него замуж, что удовлетворила в равной степени и тщеславие его, и расчетливость.

Он получил в награду и материальную, и духовную ценности — и состояние приобрел, и любовь, и был теперь счастливейшим из смертных, кем жениху, собственно, и надлежало быть. Говорил он только о себе самом и своих видах на будущее, ожидал поздравлений, с готовностью смеялся в ответ на обычные в таких случаях шутки и бесстрашно расточал сердечные улыбки

всем местным юным девицам, с которыми еще несколько недель назад он был исключительно любезен, но осторожен.

Свадьба была не за горами, так как стороны уже сговорились, и дело было только за необходимыми приготовлениями; и когда мистер Элтон снова выехал в Бат, в Хайбери стали открыто поговаривать — этому не противоречило и особое мнение миссис Коул, — что в следующий свой приезд он привезет с собой свою невесту.

Во время первого короткого приезда мистера Элтона Эмма почти не виделась с ним. Однако и короткой встречи было довольно: судя по его поведению, в котором задетое самолюбие сочеталось с раздутым сверх всякой меры самомнением, он нисколько не стал лучше. Эмма подчас дивилась себе самой — как могла она когда-либо находить его милым и приятным? Самый вид мистера Элтона пробуждал в ней столь неприятные воспоминания, что она при встрече с ним не то что не ощущала раскаяния, не считала, что прошлое послужит ей хорошим уроком, научит не заноситься и не витать в облаках, — она рада была бы, если бы ей никогда больше не пришлось с ним видеться. Эмма не желала ему ничего плохого; однако он причинил ей боль, и она была

бы довольна и счастлива, благоденствуй он за двадцать миль от Хайбери.

Женитьба, считала Эмма, заставит поблекнуть неприятные воспоминания. Женившись, он во многом избавится от тщеславных забот и избежит многих неловкостей. Миссис Элтон станет поводом для разговоров — ей можно передавать привет, можно справляться о ее здоровье; разумеется, о прежней дружбе речи нет, однако после его женитьбы, по мнению Эммы, почти возможно возобновить вежливое знакомство.

О самой будущей миссис Элтон Эмма думала очень мало. Несомненно, она прекрасная пара для мистера Элтона, достаточно образованна для Хайбери, наверное, недурна собой, но рядом с Харриет она будет казаться невзрачной простушкой. Что же касается ее родни, то тут Эмма была совершенно спокойна: после всех его тщеславных притязаний и пренебрежения, выказанного Харриет, он ничего не выиграл. Здесь узнать правду было вполне ей по силам. Пока неясно, что собой представляет будущая миссис Элтон, однако выяснить, кто ее родные, вполне возможно: если не учитывать десять тысяч приданого, оказывается, что она не так уж превосходит Харриет. Она не может похвастать ни громким именем, ни

знатностью рода, ни влиятельной родней. Мисс Хокинс была младшей из двух дочерей одного бристольского… разумеется, она называла своего отца не иначе как коммерсантом! Но так как доходы от его так называемой коммерции оказались очень скромными, вполне можно было предположить, что и дела его шли также весьма скромно. Часть каждого зимнего сезона девица привыкла проводить в Бате, однако дом ее был в Бристоле, в самом сердце Бристоля, ибо, хотя отец ее и матушка скончались несколько лет назад, у нее оставался дядя — о нем не удалось добыть никаких вразумительных сведений, кроме того, что он, кажется, из судейских. У дядюшки и жила мисс Хокинс. Эмма решила, что дядюшка ее — клерк при каком-нибудь стряпчем, так как глупость не позволяет ему возвыситься. Девица могла задирать нос лишь благодаря старшей сестре, которая, что называется, очень удачно вышла замуж, за настоящего джентльмена из Бристоля; он принадлежал к тамошнему «высшему обществу» и держал — подумать только! — целых две кареты. Вот и вся история — вот и вся слава мисс Хокинс.

Если бы только могла Эмма поделиться своими мыслями с Харриет! Она сумела заставить

подругу влюбиться, но увы! — не так легко было уговорить ее разлюбить. В хорошенькой, но пустенькой головке Харриет предмет ее чувства занимал столько места, что ей пока не удавалось забыть его. Самым лучшим выходом было бы заменить его другим; дело представлялось Эмме вполне, даже наверняка, возможным. Ничто не могло быть проще. Тут даже и Роберт Мартин сгодился бы, тем более никакое другое средство, как боялась Эмма, подругу ее не излечит. Харриет принадлежала к числу тех, кто, однажды полюбив, продолжает хранить верность предмету своего поклонения. Бедняжка! После повторного явления мистера Элтона ей пришлось по-настоящему туго. Она постоянно наталкивалась на него то здесь, то там. Эмма видела его лишь однажды; однако Харриет непременно дважды или трижды в день нечаянно сталкивалась с ним, или оказывалось, что она с ним только что разминулась, только что слышала его голос или видела его спину. С ней постоянно происходили вещи, дававшие ей повод вспомнить его и подогревавшие ее чувство. Более того, вокруг Харриет все только и говорили, что о мистере Элтоне, ибо, кроме того времени, что она проводила в Хартфилде, она постоянно была в обществе людей, которые

не видели в мистере Элтоне недостатков и для которых обсуждение его дел представляло немалый интерес. Вокруг нее все только и делали, что постоянно обсуждали новости о нем и строили догадки обо всем, что уже произошло, что есть и что может случиться в его делах и планах, включая доход, слуг и мебель. В заслугу Харриет можно поставить то, что она поддерживала силы, постоянно вознося ему хвалы, свою печаль она таила от окружающих, которые подливали масла в огонь, беспрестанно повторяя, какая счастливица мисс Хокинс, и отпуская замечания о том, как сильно — ах, как сильно! — он влюблен. Об этом свидетельствует даже его походка, даже то, как сидит у него на голове шляпа, — словом, все является неопровержимым доказательством того, насколько сильно он влюблен!

Эмма очень веселилась бы, наблюдая за сменой настроений Харриет, не принимай она страданий подруги так близко к сердцу, однако все происходящее напоминало ей о том, как больно сейчас Харриет, и о том, что ей самой есть в чем себя упрекнуть. Харриет могла часами говорить либо о мистере Элтоне, либо о Мартинах — очевидно, смена предмета помогала ей преодолевать мучения. Помолвка мистера Эл-

тона стала лекарством от волнения от встречи с мистером Мартином. Несчастье, источником которого стало известие о его помолвке, немного смягчилось благодаря тому, что несколько дней спустя Элизабет Мартин навестила ее в пансионе миссис Годдард. Харриет тогда дома не было, однако Элизабет оставила ей записку, написанную в очень трогательных выражениях; мисс Мартин вела себя безупречно, растворив лишь ложечку упрека в бочке всеобъемлющей доброты. До тех пор, пока в Хайбери снова не объявился мистер Элтон, головка Харриет была больше занята этой запиской; она постоянно размышляла, какой ответный шаг допустимо ей сделать. Очевидно, ей хотелось сделать больше, чем она осмеливалась признаться. Однако с появлением мистера Элтона все прочее отошло на задний план. Пока он оставался в Хайбери, Мартины были забыты, но утром того дня, когда он возвращался в Бат, Эмма сочла, что Харриет, дабы излечиться от тоски, порожденной отъездом предмета ее чувств, стоит нанести Элизабет Мартин ответный визит.

Начались сомнения: как лучше ответить на визит школьной подруги, как себя вести — вернее, какую линию поведения избрать по отношению к матери и сестрам. Проявить к ним высоко-

мерие было бы черной неблагодарностью. Ее пригласили в дом, следовательно, она не может их презирать. Однако вести себя надлежало так, чтобы у них и мысли не возникло о возобновлении знакомства!

После долгих размышлений Эмма не придумала ничего лучшего, как то, что Харриет следует вернуть визит, но держаться при этом надо так, чтобы по возможности показать им: знакомство их отныне будет только формальным. Решено было, что Эмма отвезет Харриет к Мартинам в своей карете, высадит ее у Эбби-Милл, а сама немного покатается и вскоре вернется за подругой. Таким образом, у Мартинов и Харриет не останется времени для неуместных воспоминаний или опасных ссылок на прошлое. Им необходимо понять, что отныне между ними разверзлась пропасть.

Эмма осталась довольна своим планом, хотя где-то в глубине души ее точил червячок сомнения. Несмотря на то, что все внешние приличия соблюдались, Харриет могли — и надо сказать, по праву — счесть неблагодарной. И все же через это необходимо пройти, иначе что станется с Харриет?

Глава 23

У Харриет сердце не лежало к поездке к Мартинам. Всего за полчаса до того, как Эмма заехала за ней к миссис Годдард, злая судьба привела ее именно к тому месту, где в тот момент в тележку мясника грузили дорожный сундук, адресованный «преподобному Филипу Элтону, Уайт-Харт, Бат», — сундук предстояло довезти до почтовой кареты. С той самой минуты для нее на свете не существовало более ничего, кроме этого сундука и таблички с адресом.

Однако на ферму она поехала; Эмма оставила ее в конце широкой, ухоженной, посыпанной гравием подъездной дорожки, ведшей к парадной двери, обсаженной по краям шпалерами яблонь. Прошлой осенью Харриет так нравилось здесь, на ферме Эбби-Милл! В ней начали оживать былые воспоминания и былое волнение, и, когда они расставались, Эмма заметила, что ее подруга оглядывается кругом с неким боязливым любопытством. Состояние подруги укрепило решимость Эммы не позволять визиту затягиваться долее предполагаемой четверти часа.

Карета покатила по дороге; предстоящее время Эмма собиралась посвятить своей прежней горничной, которая вышла замуж и обосновалась в Донуэлле.

Она была пунктуальна: ровно через четверть часа ее карета снова стояла у белых ворот; словно заслышав безмолвный зов, мисс Смит вышла к ней без промедления, причем никакой встревоженный молодой человек за нею не следовал. Одна из мисс Мартин, выйдя за гостьей на порог, попрощалась с нею с церемонной вежливостью, и Харриет побрела по дорожке в полном одиночестве.

От Харриет нескоро удалось добиться внятного отчета о визите. Она была слишком взволнована, но наконец Эмме удалось привести ее в чувство настолько, чтобы понять, как прошла встреча и какие переживания она возбудила. Виделась Харриет только с миссис Мартин и двумя ее дочерьми. Прием ей был оказал сомнительный, если не сказать — холодный; и почти все время разговор велся исключительно на общие темы — вплоть до самого конца, когда миссис Мартин вдруг совершенно неожиданно заметила, что Харриет, по ее мнению, выросла. После этого беседа потекла живее. В этой самой комнате в сентябре

она мерилась ростом со своими двумя подругами. На деревянной стенной панели у окна сохранились зарубки и пометки карандашом. Сделал их он. Оказалось, что все прекрасно запомнили тот день и час — как тогда было весело! Хозяйки и гостья оттаяли; казалось, еще чуть-чуть — и они вернутся к прежним добрым отношениям. И они больше стали похожи на самих себя — прежних. Как подозревала Эмма, Харриет так же, как и они, стремилась к возобновлению прежних сердечных и радостных отношений… Но тут вернулась карета, и все было кончено. Стиль визита и его краткость приобрели решающее значение. Посвятить всего четырнадцать минут тем, с кем она не далее как полгода назад провела шесть счастливых недель! Эмма не могла не нарисовать себе эту картину и не понять, насколько справедлива обида хозяек и как должна страдать от этого Харриет. Эмме стало нехорошо. Чего бы только она ни отдала, чего бы ни вынесла, только бы Мартины стояли выше на социальной лестнице! Они такие достойные люди, что, пожалуй, тут хватило бы и небольшого возвышения, но поскольку они всего-навсего фермеры, иного выхода, к сожалению, нет. Ей не в чем себя упрекнуть. Они — неподходящее общество для ее подруги, однако

разлука переживалась Харриет, да и ею самой, настолько болезненно, что Эмма поняла: нужно срочно чем-то утешиться. В поисках утешения решено было по пути домой заехать в Рэндаллс. Эмма была уже сыта по горло и мистером Элтоном, и семейством Мартин. В Рэндаллсе свежий воздух и здоровая атмосфера, там она взбодрится и воспрянет духом, сейчас ей это совершенно необходимо.

Замысел был хорош, однако, подъехав к дому, они узнали, что ни хозяина, ни хозяйки дома нет: оба некоторое время назад ушли, причем, по мнению слуги, направились они в Хартфилд.

— Какая жалость! — воскликнула Эмма, когда они повернули прочь. — А теперь мы с ними разминемся. Какая досада! Не знаю, когда еще я была так разочарована. — И она забилась в уголок кареты, чтобы всласть поворчать про себя, а может, развеять свое мрачное настроение, но, скорее всего, сделать понемногу и того и другого — ведь так обыкновенно поступают все люди, которые не считают себя брюзгами. Внезапно карета остановилась; она выглянула в окно — оказалось, их остановили мистер и миссис Уэстон, которые шли навстречу. Эмма испытала огромную радость от их вида, и еще большую радость испытала она,

когда мистер Уэстон немедленно обратился к ней с такими словами:

— Здравствуйте, здравствуйте! А мы навещали вашего батюшку — рад видеть его в добром здравии. У нас новость! Завтра приезжает Фрэнк. Сегодня утром я получил от него письмо: завтра к обеду мы увидим его — сегодня он уже в Оксфорде. Он пробудет с нами целых две недели! Это уж наверняка. Если бы он приехал тогда, на Рождество, то не пробыл бы у нас и трех дней. Не зря я не огорчался, когда он не приехал на Рождество, а теперь вдобавок словно специально для него погода установилась чудесная, теплая и сухая. Мы насладимся его обществом в полной мере! Таким образом, все обернулось к лучшему, как мы и мечтать не смели.

Невозможно было не обрадоваться, услышав такие вести, невозможно было не просиять при виде счастливого лица мистера Уэстона! Миссис Уэстон стояла рядом, поддерживая супруга и словами, и выражением лица. Хотя говорила она меньше и выглядела спокойнее, однако тоже явственно радовалась. Увидев, что она тоже считает приезд Фрэнка делом решенным, Эмма немедленно успокоилась и сама поверила в это. Она искренне порадовалась за своих друзей.

Вот истинное утешение для измученной души! Как плохо начинался день, и подумать — какая перемена! Будущее сулило одни лишь радости. В голове у Эммы молнией мелькнула мысль: вот бы вообще забыть о существовании мистера Элтона!

Мистер Уэстон поведал ей обо всем, происходящем в Энскуме: в результате сложных переговоров его сын получил в свое распоряжение целых две недели жизни, а также мог выбрать по своему вкусу маршрут и способ путешествия. Эмма слушала и улыбалась, потом поздравляла их.

— Скоро я приведу его с собой в Хартфилд, — заявил счастливый отец в завершение.

Эмме показалось, что при этих словах жена чуть заметно сжала ему руку.

— Лучше пойдемте, мистер Уэстон, — сказала она, — мы задерживаем девочек.

— Да-да, я готов, — ответил он и добавил, поворачиваясь к Эмме: — Только не рассчитывайте увидеть очень утонченного молодого человека, ведь вы могли пока судить о нем лишь по моим словам, но я не могу ручаться за то, что он окажется чем-то незаурядным, сверхъестественным… — Однако при этих словах глаза мистера Уэстона сверкнули, что свидетельствовало о пол-

ной его убежденности в обратном.

Эмма напустила на себя вид беззаботный и невинный и ответила ничего не значащей фразой.

— Думайте обо мне завтра, дорогая моя Эмма, около четырех часов, — попросила ее на прощание миссис Уэстон несколько взволнованно; слова ее предназначались одной Эмме.

— Около четырех! Да он уже в три часа будет здесь, — поспешил добавить мистер Уэстон; на том и завершилась эта встреча, приятнейшая для всех ее участников.

Эмма совершенно воспряла духом — теперь все виделось ей в ином свете. Джеймс и его лошади, казалось, уже не тащились как черепахи, как прежде. При виде живой изгороди она подумала, что скоро бузина распустит листочки, а когда она повернулась к Харриет, то заметила и на ее личике какое-то дыхание весны, даже намек на слабую улыбку.

Однако заданный ею вопрос не предвещал ничего хорошего:

— Будет ли мистер Фрэнк Черчилль проезжать и через Бат или только через Оксфорд?

Невозможно в одночасье успокоиться и вспомнить географию; Эмме оставалось лишь надеяться

на то, что рано или поздно подруга опомнится.

Настало утро решающего дня, и верная ученица миссис Уэстон ни в десять, ни в одиннадцать, ни в двенадцать часов не забывала, что ей надлежит вспомнить свою учительницу в четыре.

— Моя милая, милая беспокойная подруга, — говорила она сама с собой, выходя из своей комнаты и спускаясь по лестнице, — вы всегда так заботитесь об удобствах для всех, кроме себя! Так и вижу, как вы сейчас переживаете, то и дело входите в его комнату, в который раз проверяете, все ли там в порядке. — Когда Эмма спустилась в холл, часы пробили полдень. — Сейчас полдень. Я не забуду думать о вас все следующие четыре часа. А завтра в это время или даже раньше можно надеяться на вероятность того, что они придут к нам. Уверена, что они скоро приведут его.

Она открыла дверь в гостиную и увидела, что с ее отцом сидят двое джентльменов — мистер Уэстон и его сын. Они прибыли всего несколько минут назад, и мистер Уэстон еще не закончил объяснять, что сын его приехал на день раньше обещанного, а отец ее еще не закончил вежливых приветствий и поздравлений. Войдя, Эмма также получила свою долю изумленных возгласов, предшествующих знакомству.

Тот самый Фрэнк Черчилль, о котором так долго говорили, который возбуждал такой интерес, был на самом деле перед нею — его представили, и она подумала, что его не перехвалили. Он и в самом деле оказался очень милым молодым человеком: рост, внешность, манеры его были безукоризненны, а черты лица своей живостью и приятностью очень напоминали черты отца. Он показался ей юношей сообразительным и умным. Почему-то Эмма была уверена, что должна понравиться ему; и по изысканной непринужденности его манер, и по отсутствию скованности в разговоре она поняла, что он пришел в Хартфилд, заранее настроившись на приятное знакомство с нею, и что скоро они станут добрыми приятелями.

Накануне вечером он приехал в Рэндаллс. Ей понравилось его рвение, которое заставило его изменить свои планы и выехать раньше, провести в пути больше времени и ехать быстрее и таким образом сэкономить полдня.

— Я говорил вам вчера, — улыбаясь, воскликнул мистер Уэстон, — я говорил вам, что он будет здесь раньше, чем обещал! Помню, как, бывало, сам в его годы… Во время путешествия невозможно тащиться еле-еле: сердце рвется к цели путешествия! А удовольствие приехать раньше,

чем тебя ожидают друзья, стоит того, чтобы ради этого немного потерпеть.

— Большая радость, когда можешь позволить себе такое удовольствие, — откликнулся молодой человек, — хотя немного отыщется мест, ради которых я был бы готов на все. Но когда едешь не куда-нибудь, а домой, тут, я думаю, можно отбросить все остальное.

Услышав слово «домой», его отец бросил на сына взгляд, исполненный истинной нежности. Эмма поняла, что сын мистера Уэстона, несомненно, умеет понравиться; убежденность ее подкрепило все последующее. Фрэнк Черчилль пришел от Рэндаллса в восторг, обстановку объявил достойной восхищения, даже отрицал, что домик слишком мал, восхищался его расположением, прогулкой в Хайбери, самим Хайбери, еще больше — Хартфилдом и заявил, что всегда проявлял любопытство и интерес к родному краю, всегда испытывал горячее желание побывать на родине. В мозгу Эммы мелькнул вопрос: раз он так жаждал побывать на родине, то отчего не приезжал раньше? Но даже если он немного и лукавил, лукавство было невинным и к тому же очаровательно разыгранным. В его голосе не слышалось ни одной фальшивой нотки, ничего

искусственного. Фрэнк Черчилль выглядел и говорил как человек, которому очень хорошо.

Вначале разговор не выходил за рамки общих тем, принятых при первом знакомстве. С его стороны последовали вопросы: любит ли она ездить верхом? Есть ли здесь приятные маршруты для конных прогулок? А пеших? Много ли у них соседей? Наверное, у нее много подруг в самом Хайбери? По пути он заметил несколько вполне приличных с виду домов. А балы — дают ли здесь балы? Устраивают ли музыкальные вечера?

Получив удовлетворительные ответы на все свои вопросы и, таким образом, получше узнав свою собеседницу, он улучил момент, когда их отцы увлеклись беседой, и заговорил о своей мачехе, причем в словах его содержалось столько милых похвал, столько теплого восхищения столько неподдельной благодарности за счастье, которым она одарила его отца, и за теплый прием, оказанный ему самому! Слова его послужили дальнейшим доказательством того, что понравиться он умеет, а также и того, что он стремится произвести на нее самое благоприятное впечатление. Он искренне восхищался миссис Уэстон и хвалил ее, но не переусердствовал: миссис Уэстон действительно достойна всяческих похвал, одна-

ко он, к сожалению, пока еще очень мало знает ее. Мистер Фрэнк Черчилль прекрасно понимал, что слова его проложат путь к сердцу Эммы; не приходилось сомневаться в том, что он может себе позволить слегка перехвалить мачеху.

— Брак отца, — сказал он, — стал мудрейшим его поступком! Все друзья должны радоваться за него, а семейство, которое одарило его таким счастьем, может отныне считать меня вечным своим должником.

Он, казалось, готов был уже благодарить Эмму за добродетели мисс Тейлор, однако потом спохватился, сообразив, что это мисс Тейлор сформировала характер мисс Вудхаус, а не наоборот. И наконец, словно решившись высказаться до конца, осветив все добродетели миссис Уэстон, он разразился тирадой, воспевающей юность и красоту своей мачехи.

— К изысканным и приятным манерам я был готов, — заявил он, — но признаюсь: обдумав все до мелочей, я ожидал увидеть вполне симпатичную женщину определенного возраста. Я и не подозревал, что в миссис Уэстон встречу хорошенькую молодую даму.

— Что касается меня, тут вы миссис Уэстон не перехвалите, — ответила Эмма, — предположи

вы, что ей даже восемнадцать лет, я выслушала бы вас с удовольствием, а вот она, пожалуй, обидится на вас за такие слова. Как бы она не услышала, что вы называете ее хорошенькой молодой женщиной!

— Не волнуйтесь, я постараюсь ничем не задеть ее, — отвечал он. — Поверьте, — добавил он, изящно поклонившись ей, — я вполне в состоянии разобраться, с кем могу безбоязненно хвалить миссис Уэстон, не опасаясь, что меня сочтут развязным болтуном.

Интересно, подумала Эмма, осознает ли ее собеседник, что могут подумать окружающие о цели их знакомства? Сама она частенько представляла себе эту встречу. Кроме того, как расценивать его комплименты — как знак согласия с этими подозрениями или доказательство полного пренебрежения к ним? Для того чтобы разобраться в его словах и поведении, необходимо ближе узнать его. Пока же о нем можно сказать лишь одно: держится он вполне непринужденно.

У нее не было сомнений относительно замыслов на их счет мистера Уэстона. Снова и снова она перехватывала его мимолетные взгляды: он смотрел на них со счастливым выражением. Даже тогда, когда он, казалось, твердо решился

не смотреть в их сторону, Эмма понимала, что он пытается услышать, о чем они говорят.

Наиудобнейшим обстоятельством виделось ей полнейшее отсутствие всякого интереса, всяких подозрений со стороны ее отца к такого рода делам. К счастью, он не только не одобрял браки вообще, но и не умел их предвидеть. Несмотря на то, что он был противником брака в принципе, он не страдал заранее от предчувствия скорого свершения такого дела, словно он не мог так дурно думать о намерениях двух людей, чтобы предполагать, что они собираются пожениться, до тех пор, пока ему не предоставят самых убедительных доказательств планов жениха и невесты. Эмма благословляла блаженную батюшкину слепоту. В неведении своем мистер Вудхаус, не испытывая по отношению к своему гостю ни малейшего неприятного предубеждения, не предвидя с его стороны никакого вероломства в будущем, заботливо, добросердечно, то есть в полном соответствии со своей природой, расспрашивал мистера Фрэнка Черчилля о том, где останавливался он на ночь в пути, сокрушался о печальной необходимости провести в дороге две ночи и выражал вполне подлинное, беспримесное беспокойство по поводу того, как же

молодому человеку удалось, в самом деле, не подхватить простуду — впрочем, об этой опасности нельзя вполне забывать до завтрашнего утра.

Сочтя, что положенное приличием время для визита истекло, мистер Уэстон собрался уходить. Ему пора — у него еще дело в «Короне» насчет сена и масса поручений от миссис Уэстон. Необходимо зайти в лавку к Форду и купить все необходимое. Однако он никого не собирается торопить. Сын его, будучи хорошо воспитанным, понял намек с полуслова и немедленно встал со словами:

— Сэр, так как вы собираетесь идти по делам, воспользуюсь возможностью и нанесу визит вежливости, который, так или иначе, необходимо отдать рано или поздно — так почему же не нанести его сейчас? Я имею честь быть знакомым с одной вашей соседкой, — пояснил он, повернувшись к Эмме, — с дамой, которая проживает в Хайбери или в его окрестностях. Речь идет о мисс Ферфакс. Полагаю, я отыщу их дом без труда, хотя, кажется, фамилия ее родственников вовсе не Ферфакс… скорее вроде бы Варне или Бейтс. Вы с ними знакомы?

— Разумеется! — воскликнул его отец. — Мы проходили их дом по дороге сюда. Я видел мисс Бейтс у окна. Верно, верно, ты знаком с мисс Фер-

факс! Помню, ты писал, что познакомился с ней в Уэймуте? Она славная девушка. Непременно зайди к ней!

— Нет никакой необходимости заходить именно сегодня, — продолжал молодой человек, — можно было бы зайти в любой другой день… просто в Уэймуте мы были добрыми знакомыми, и…

— О! Ступай сегодня, непременно ступай сегодня! Не откладывай визит. Раз все равно необходимо зайти, лучше сделать это скорее. Да, Фрэнк, я должен тебе намекнуть: здесь у нас надлежит проявлять к ней особое внимание. Ты видел ее в обществе Кемпбеллов… В Уэймуте она была в равном положении со всеми, с кем она общалась… но здесь она живет с бедной старой бабушкой, которая едва сводит концы с концами. Если ты не зайдешь к ней тотчас же, это будет проявлением невнимания.

Казалось, сын счел доводы отца вполне убедительными.

— Я слышала, она упоминала, что знакома с вами, — сказала Эмма. — Она очень изысканная и утонченная девица. же должны быть в высшем обществе требования к изысканности, если Джейн Ферфакс считают лишь заурядно одарен-

ной в этой части?

— Если прежде ее манеры не производили на вас сильного впечатления, — продолжала Эмма, — сегодня, уверена, она вас поразит. У вас будет прекрасная возможность разглядеть ее как следует — разглядеть и послушать! Нет, боюсь, вы сегодня вряд ли услышите ее, ведь у нее есть тетка, которая говорит не умолкая.

— Вы знакомы с мисс Джейн Ферфакс, сэр, не так ли? — осведомился мистер Вудхаус, до которого всегда смысл разговора доходил с опозданием. — Позвольте уверить вас в том, что вы найдете ее вполне очаровательной барышней. Она живет здесь с бабушкой и теткой, дамами очень достойными… Они мои старинные знакомые. Не сомневаюсь, они будут чрезвычайно вам рады. Один из моих слуг пойдет с вами и укажет вам дорогу.

— Дорогой мой сэр, ни в коем случае! Батюшка покажет мне, куда идти.

— Однако вашему батюшке их дом вовсе не по пути — он идет в «Корону», которая находится в противоположном конце улицы, а на улице столько домов! Как бы вам не сбиться с пути, а дорога очень грязная, если только вы не идете по тротуару. Лучше мой кучер подскажет вам, где

удобнее всего переходить улицу.

Мистер Фрэнк Черчилль продолжал вежливо и с самым серьезным видом отказываться от предлагаемой услуги, и его отец от всей души поддержал его, заявив:

— Добрый друг мой, вам нет нужды волноваться! Фрэнк сумеет обойти лужу, когда заметит ее… К тому же от «Короны» до дома миссис Бейтс рукой подать.

Им было позволено идти самим; и двое джентльменов удалились, причем один сердечно кивнул всем на прощание, другой же грациозно поклонился. Эмма осталась очень довольна таким началом знакомства и теперь любой час могла посвятить мыслям об обитателях Рэндалл-са, уверенная в том, что у них все благополучно.

Глава 24

На следующее утро мистер Фрэнк Черчилль зашел снова. Он пришел вместе с миссис Уэстон, к которой, как и к Хайбери в целом, он, казалось, питает самые добрые чувства. Как выяснилось, они вполне дружески проводили время дома, пока не настал час для ее обычной прогулки. Будучи спрошенным, куда ему хотелось бы прогуляться, он немедленно остановил свой выбор на Хайбери. Он не сомневается, что здесь в любом направлении можно гулять приятнейшим образом, но, раз право выбора предоставлено ему, он предпочел бы выбрать уже известный маршрут. Его неизменно тянет в Хайбери — там такой простор, такое приволье! Все буквально дышит счастьем и покоем. Для миссис Уэстон, уж конечно, прогулка в сторону Хайбери означала прогулку в Хартфилд. Она надеялась на то, что у ее пасынка не возникнет возражений против такого маршрута. В Хартфилд они немедленно и направились.

Эмма почти не ожидала их увидеть, ведь мистер Уэстон, заглянувший к ним прежде — всего

на пол минуты — и услышавший, что сын его просто молодец, ничего не знал об их планах. Тем не менее их появление на дорожке возле дома стало для Эммы приятным сюрпризом. Они шли рядышком, рука об руку. Ей не терпелось снова увидеть мистера Черчилля, и особенно вместе с миссис Уэстон, посмотреть, как он к ней относится, и соответственно с этим самой определиться в своем отношении к молодому человеку. Если окажется, что он уделяет мачехе мало внимания, это будет неисправимый недостаток. Однако, увидев их вместе, она совершенно успокоилась. Не одними красивыми словами или преувеличенными хвалами в ее адрес исполнял он свой долг; ничто не могло быть более отрадным и приятным, чем его обращение с мачехой, ничто яснее не доказывало его желания считать ее своим другом и завоевать ее привязанность. И у Эммы было достаточно времени, чтобы прийти к определенным выводам на сей счет, потому что визит их затянулся на весь остаток утра. Они втроем обошли за час или два все окрестности — сначала гуляли вдоль живых изгородей Хартфилда, а затем отправились в Хайбери. Он радовался всему, что видел: громко, чтобы слышал мистер Вудхаус, выражал свое восхищение Хартфилдом; и, когда

было решено продолжать прогулку, признался в своем желании познакомиться со всеми жителями городка и, к полному удовольствию Эммы, не скупился на похвалы и расспросы.

Некоторые предметы, вызывающие его любопытство, делали честь его чувствам. Он упросил показать ему дом, в котором его батюшка провел долгие годы и который прежде был домом его деда — батюшкиного отца, а вспомнив о том, что еще жива его старая няня, в поисках ее домика прошел всю улицу из конца в конец, и, хотя в иных его замечаниях или устремлениях не было очевидных достоинств, взятые вместе, они показывали его добрые намерения по отношению к Хайбери в целом, что было несомненной заслугой в глазах его спутниц.

Понаблюдав за ним, Эмма пришла к выводу, что при чувствах, выказанных им сейчас, невозможно предположить, чтобы он когда-либо мог нарочно выдумывать предлоги для неприезда сюда! Очевидно, он не притворяется и говорит и действует вполне искренне; кроме того, мистер Найтли определенно относился к нему несправедливо.

Первая их остановка была в трактире «Корона», не слишком высокоразрядном заведении, однако

первом в Хайбери, где держали пару почтовых лошадей более для удобства окрестных жителей, чем из необходимости совершать долгий путь; спутницы Фрэнка Черчилля никак не ожидали, что трактир вызовет его интерес, но, проходя мимо, они сообщили ему, что большую комнату, видную с улицы, пристроили к трактиру много лет назад как бальную залу — тогда в Хайбери было гораздо больше жителей, в том числе и молодежи, и здесь время от времени устраивали балы. Но дни процветания давно миновали, и чаще всего залу используют для встреч вист-клуба, основанного среди местных благородных и полублагородных джентльменов. Фрэнк Черчилль выказал к этому обстоятельству живой интерес. Он сразу заметил, что это бальная зала, и вместо того, чтобы пройти мимо, он на несколько минут остановился у двух больших открытых застекленных окон, заглянул внутрь и принялся вслух рассуждать о возможностях помещения, сокрушаясь о том, что зала больше не используется по своему прямому назначению. Он не нашел в комнате ни единого изъяна и не соглашался с контрдоводами, приводимыми его спутницами. Зала достаточно длинна, широка и просторна. В ней поместится как раз достаточ-

ное число танцующих. Им непременно надобно зимою устраивать здесь балы по крайней мере раз в две недели. Почему бы мисс Вудхаус не оживить прежние добрые старые дни, которые знавало это помещение? Ведь ей в Хайбери все под силу! Эмма возразила: в Хайбери ощущается недостаток благородных семейств. Она выразила убеждение, что никто из жителей городка и его окрестностей не рискнет появиться на балу; однако он не удовлетворился предъявленными возражениями. Нет-нет, и не говорите ему, будто при наличии стольких милых домиков, сколько он видел окрест, в них не отыщется достаточного количества людей для подобного рода собраний. Даже когда ему растолковали в подробностях, кто где живет, и описали все более или менее приличные семьи, он не хотел признать, что смешивать подобное общество будет неудобно, так как на следующее утро все ощутят неловкость, вернувшись к прежнему своему положению. Судя по его горячности, молодой человек был страстным сторонником танцев; тут Эмма была изрядно удивлена, увидев, насколько решительно уэстонские наклонности берут в нем верх над привычками Черчиллей. На первый взгляд он так же полон жизни и бодрости духа и так же общи-

телен и доброжелателен к людям, как и его отец; чванство и сдержанность, присущее обитателям Энскума, на нем не сказались. Да, о чванстве применительно к нему говорить не приходилось: его полнейшее безразличие к общественному положению граничило с безвкусием. Да и мог ли он в полной мере судить о достоинствах, которые сам ценил столь дешево? В нем всего лишь сказывался избыток жизненных сил.

Наконец его убедили отойти от подъезда «Короны»; оказавшись почти напротив домика, в котором обитали Бейтсы, Эмма вспомнила, что вчера он намеревался нанести им визит, и спросила, заходил ли он к ним.

— Да, о да! — отвечал он. — Я как раз собирался вам рассказать. Визит прошел очень успешно. Я повидал всех трех дам и чувствую огромную признательность к вам за ваши предварительные замечания о них. Если бы болтливая тетка застала меня врасплох, я, должно быть, умер бы на месте. Но, зная о ней заранее, я всего-навсего задержался у них долее приличного. Для визита вежливости и десяти минут хватило бы с лихвой, больше не требовалось! Я обещал отцу, что вернусь домой прежде него — однако уйти я не мог, так как не было паузы, во время которой

можно было бы вежливо откланяться, и, к моему крайнему изумлению, когда он, не застав меня нигде, наконец сам пришел к Бейтсам и нашел меня там, выяснилось, что я просидел у них чуть ли не три четверти часа. Добрая хозяйка не давала мне никакой возможности уйти прежде того времени.

— И как вы нашли мисс Ферфакс?

— Она выглядит неважно, очень неважно, если уместно подобное замечание применительно к молодой девице. Но такое выражение едва ли допустимо, правда, миссис Уэстон? Дамы никогда не могут выглядеть неважно или плохо. Но, серьезно говоря, мисс Ферфакс обычно так бледна, что невольно можно приписать цвет ее лица слабому здоровью… Да, ее вид оставляет желать много лучшего.

С таким утверждением Эмма согласиться не могла и принялась мягко защищать мисс Ферфакс:

— Разумеется, вид у нее далек от цветущего, однако нельзя согласиться с тем, что вид у мисс Ферфакс болезненный. Нежность и прозрачность ее кожи придают ее лицу особую изысканность.

Он выслушал ее со всею почтительностью, заявил, что от многих людей слышал схожее мне-

ние — но все же вынужден признать, что для него ничто не скрасит недостаток цветущего здоровья. Даже если лицо не блещет красотой, здоровый румянец заменяет точеные черты. Если к тому же и черты лица отличаются особой красой… к счастью, ему нет нужды пытаться описать, какое действие производит подобное сочетание.

— Что ж, — сказала Эмма, — о вкусах не спорят… По крайней мере, за исключением цвета лица, все в ней достойно восхищения.

Он покачал головой и рассмеялся:

— Я не могу отделить мисс Ферфакс в целом от цвета ее лица.

— Вы с нею часто виделись в Уэймуте? Наверное, вращались в одном и том же обществе?

В этот момент они подошли к лавке Форда, и он торопливо воскликнул:

— Ха! Вот, должно быть, та самая лавка, в которую, как сообщил мне батюшка, все местные жители заходят каждый божий день. Он говорит, что и сам шесть дней в неделю ездит в Хайбери, и у него всегда находится дело к Форду. Если это не нарушит ваших планов, пожалуйста, давайте зайдем, чтобы я тоже мог почувствовать себя в полной мере местным жителем! Я должен что-нибудь купить у Форда. Позволю себе

такую вольность… Наверное, у них продаются перчатки?

— О да! И перчатки, и все остальное. Искренне восхищаюсь вашим патриотизмом. В Хайбери вас будут обожать. Еще до вашего приезда вы были очень популярны, так как вы — сын мистера Уэстона, но потратьте полгинеи у Форда, и ваша популярность будет покоиться на ваших собственных заслугах.

Они вошли; покуда лоснящиеся, плотно перевязанные стопки «Мужских бобровых» и «Йоркширских светлокоричневых» снимали с полок и раскладывали на прилавке, он сказал:

— Однако, мисс Вудхаус, прошу прощения, вы обратились ко мне и говорили о чем-то в тот самый миг, как во мне взыграли патриотические чувства. Не позволяйте мне терять нить разговора. Уверяю вас, никакое публичное признание, никакая слава не искупают отсутствия внимательности и вежливости в частной жизни.

— Я только спрашивала, часто ли вы виделись с мисс Ферфакс и ее спутниками в Уэймуте.

— Теперь, когда смысл вашего вопроса дошел до меня, позвольте заметить: я склонен считать его весьма некорректным. Судить о степени знакомства — всегда привилегия дамы… Должно

быть, мисс Ферфакс уже делилась с вами своим мнением на сей счет… Я не желаю брать на себя несвойственную мне смелость, претендуя на большее, чем может признать она.

— Помилуйте! По скрытности вы не уступите ей самой. Ее рассказы о чем бы то ни было оставляют после себя столько недосказанного, она настолько скрытна, так неохотно делится сведениями о ком бы то ни было, что вы, уверяю вас, вправе рассказывать о знакомстве с нею все, что вам угодно.

— Неужели? Тогда я скажу правду, и ничто не нравится мне более этого. В Уэймуте мы с нею часто виделись. Я был немного знаком с Кемпбеллами еще по Лондону, а в Уэймуте мы очень часто оказывались в одной компании. Полковник Кемпбелл — очень приятный человек, а миссис Кемпбелл — дружелюбная и добродушная женщина. Они все мне нравятся.

— Прихожу к выводу, что вы знакомы также с положением мисс Ферфакс в их семье. Наверняка вам известно и о том, какая участь ее ждет.

— Д-да… — несколько неуверенно подтвердил он. — Полагаю, что известно.

— Эмма, осторожнее! — с улыбкой предупредила ее миссис Уэстон. — Вы рассуждаете на очень

щекотливую тему. Не забывайте о моем присутствии! Когда я рядом, мистер Фрэнк Черчилль едва ли может говорить о мисс Ферфакс откровенно. Лучше я отойду подальше.

— О ней я действительно позабыла, — сказала Эмма, когда миссис Уэстон отошла от них, — впрочем, она — мой друг, причем ближайший, любимейший мой друг.

Судя по его виду, он полностью понимал и разделял ее чувства.

Когда перчатки были куплены и они покинули лавку, Фрэнк Черчилль спросил:

— Вы когда-нибудь слышали, как играет та дама, о которой мы говорили?

— Как же не слышать! — ответила Эмма. — Вы забываете о том, насколько она принадлежит Хайбери. Я слышу ее игру все годы жизни с тех пор, как мы обе начали учиться музыке. Она играет прелестно.

— Вы так считаете? Мне хотелось услышать мнение человека, который может судить о таких вещах.

Мне показалось, что она хорошо играет, то есть с большим вкусом, но сам я совершенно не разбираюсь в этом вопросе… Я чрезвычайно люблю музыку, однако у меня самого нет никаких навы-

ков в данной области и никаких прав судить об игре других… Я часто слышал, как окружающие восхищаются ее игрой… Помню одно доказательство того, что ее искусство очень высоко ценится: один человек, очень музыкальный и влюбленный в другую женщину… помолвленный с нею… собирающийся жениться… никогда не просил свою невесту сесть к инструменту… если вместо нее могла играть обсуждаемая нами дама… Казалось, ему не нравится слушать свою любимую в присутствии другой. Принимая во внимание его собственные музыкальные таланты, я счел его поведение некоторым доказательством.

— И верно, это доказательство, — согласилась в высшей степени заинтригованная Эмма. — Ведь мистер Диксон очень музыкален, правда? Мы больше узнаем о них всех за полчаса от вас, чем соизволила бы сообщить нам мисс Ферфакс за полгода.

— Да, я говорил о мистере Диксоне и мисс Кемпбелл! Я счел его поведение весьма ярким доказательством.

— Конечно… это очень весомое доказательство… настолько весомое, что, будь я на месте мисс Кемпбелл, мне бы вовсе не пришлось по душе поведение жениха. Я бы не простила ему

большую любовь к музыке, чем ко мне — большее доверие уху, чем глазу, более острое восприятие нежных звуков, чем моих чувств. Как, на ваш взгляд, отнеслась к его поведению мисс Кемпбелл?

— Видите ли, мисс Ферфакс ее лучшая подруга.

— Слабое утешение! — заметила Эмма смеясь. — Легче снести предпочтение, оказанное незнакомке, чем лучшей подруге, ведь с незнакомкой, скорее всего, больше никогда не увидишься… но унижение оттого, что лучшая подруга всегда рядом и всегда все делает лучше вас, просто невыносимо! Бедная миссис Диксон! Словом, я рада, что она переехала в Ирландию.

— Вы правы. Ситуация складывалась не в пользу мисс Кемпбелл… но она, уверяю вас, кажется, ничего не имела против.

— Тем лучше… или тем хуже: не знаю, что выбрать. Но, чем бы ни объяснялась близорукость мисс Кемпбелл, кротостью характера или же глупостью, пылкостью дружбы или притупившейся бдительностью, полагаю, одна особа не могла остаться нечувствительной к тому, что происходило: сама мисс Ферфакс. Вот она-то непременно должна была почувствовать, что уделяемое ей внимание граничит с неприличием

и очень опасно.

— Да… конечно… но…

— Ах, не воображайте, будто я ожидаю от вас или от кого-либо другого отчета о чувствах мисс Ферфакс! Полагаю, ни один смертный, кроме нее самой, не знает, о чем она думает и что чувствует. Но, раз она продолжала играть всякий раз, как ее об этом просил мистер Диксон, невольно возникают всякие предположения…

— Казалось, между ними тремя царит такое полнейшее согласие… — начал он довольно поспешно, но потом, одернув себя, добавил: — Однако я не смею судить о том, в каких отношениях они были на самом деле… как могли развиваться их отношения с глазу на глаз, так сказать, за сценой. Могу лишь сказать, что внешне между ними царила тишь да гладь. Но вы, зная мисс Ферфакс с детства, несомненно, можете лучше меня судить о ее характере и о том, как она склонна вести себя в критической ситуации.

— Да, я знаю ее с детства, это верно! Мы вместе росли и взрослели… И естественно было бы предположить, что нам следует быть закадычными подругами, что нам должно тянуться друг к другу всякий раз, как она приезжает навестить родных. Однако ничего подобного меж нами не

было и нет. Я едва ли могу сказать, почему такое случилось… Возможно, отчасти тут виновата и я сама. Всю жизнь я не склонна была испытывать особую приязнь к девушке, которую всегда так обожествляли и с которой так носились и бабушка, и тетка, да и все кругом. А потом, ее скрытность… Я никогда не могла заставить себя привязаться к такой скрытной особе.

— Действительно, скрытность — очень отталкивающее качество, — согласился он. — Зачастую скрытность удобна, но никогда не доставляет удовольствия. В скрытности заключен залог безопасности, но нет притягательности. Невозможно любить скрытного человека.

— Да, до тех пор, пока он не прекратит ее проявлять по отношению к вам… И тогда притягательность такой особы может возрасти стократ. Но для того чтобы подружиться с нею, мне необходимо было бы испытывать большую нужду в подруге или приятной собеседнице, чем я испытываю теперь. Иначе я смело взяла бы на себя труд преодолевать ее скрытность ради того, чтобы завоевать ее любовь. О привязанности между мной и мисс Ферфакс не может быть и речи. У меня нет оснований думать о ней дурно — ни малейших оснований… кроме ее крайней и

постоянной осмотрительности в речах и поведении, ее боязни сообщить что-либо определенное о ком бы то ни было. Такое поведение невольно наводит на мысль о том, что ей есть что скрывать.

Он полностью согласился с ней; проведя с ним так много времени на прогулке и обнаружив сходство мыслей и суждений, Эмма почувствовала, словно они с ним знакомы всю жизнь: с трудом верилось, что они видятся всего лишь второй раз. Фрэнк Черчилль оказался не совсем таким, каким она его себе представляла. Судя по его высказываниям, он не настолько светский человек и не настолько испорченный, избалованный богатый ребенок — словом, он оказался лучше, чем она ожидала. Его взгляды отличались большей умеренностью, чувства — большей теплотой. Особенно поразили Эмму его замечания относительно дома мистера Элтона — он упросил их пойти осмотреть и церковь, и домик викария и, не соглашаясь с ними, не усмотрел в нем никаких изъянов. Нет, он считает, что домик неплох, человека, живущего в таком доме, не стоит жалеть. Должно быть, в нем вполне хватает места для благополучного существования. Только люди недалекие требовали бы большего.

Миссис Уэстон рассмеялась и заметила пасын-

ку, что он не знает, о чем говорит. Привыкнув жить в большом доме, он даже не понимает, сколько преимуществ и удобств заключено именно в его размерах, и не может судить, сколь во многом неизбежно приходится ограничивать себя, живя в маленьком домике. Однако Эмма про себя решила, что он, наоборот, прекрасно понимает, о чем говорит, и таким образом очень изящно намекает на собственные планы рано жениться и обзавестись домом. Возможно, он не отдает себе отчета в том, сколь губительны для мира в семье отсутствие комнаты для экономки или плохая буфетная, однако он, несомненно, прекрасно осознает, что Энскум не в состоянии обеспечить его счастье и что, когда бы он ни полюбил, он с охотой откажется от значительной части богатства ради ранней самостоятельности.

Глава 25

После второй встречи у Эммы сложилось самое лучшее мнение о Фрэнке Черчилле. Но на следующий день она была слегка обескуражена, узнав, что он уехал в Лондон просто для того, чтобы там подстричься. Внезапный каприз, кажется, пришел ему в голову за завтраком; он уехал почтовой каретой, намереваясь вернуться к обеду, однако не имея никакой очевидной более важной цели, чем подстричь волосы. Разумеется, трудно усмотреть какой-либо вред в шестнадцатимильной прогулке в столицу и обратно, но был в его поступке какой-то налет фатовства, беспечности, который она не могла одобрить. Его прихоть никак не согласовывалась с разумностью его суждений, с умеренностью в расходах или даже с тем бескорыстием и сердечной теплотой, которые она, как ей показалось, открыла в нем вчера. Тщеславие, экстравагантность, переменчивость, неугомонность натуры, которая постоянно должна была быть при деле, хорошем или дурном, не важно, невнимание, граничащее с безразличием, к тому, какое огорчение доста-

вит его выходка его отцу и миссис Уэстон, — вот те обвинения, которые, как ей теперь казалось, можно ему предъявить.[5] Мистер Уэстон называл сына франтом и от души веселился, однако было совершенно ясно, что миссис Уэстон вся эта история совсем не понравилась, потому что она поведала об отъезде пасынка быстро, почти вскользь, и только заметила, что «у всех молодых людей свои причуды».

За исключением этого пятнышка, Эмма сочла, что в целом у ее подруги сложилось весьма лестное представление о молодом человеке. Миссис Уэстон не уставала повторять, каким внимательным и приятным собеседником он оказался и сколько она углядела в нем хороших черт. Он человек открытой души, притом очень живой и веселый. Она не могла придраться ни к единому его замечанию, в большинстве случаев он решительно оказывался прав; о дядюшке он отзывался с теплотой и охотно говорил о нем: заявил, что дядюшка был бы счастливейшим из людей, имей он возможность поступать по своему разумению, и, хотя он не выказывал открытой привязанности к тетке, он с благодарностью упоминал о ее

[5] Примечания: 5

В первом издании было: «Вот те перемены, которым подвергся он в ее мнении».

доброте и, казалось, раз и навсегда решил отзываться о ней не иначе как с уважением. Все это было очень обнадеживающе; если бы не каприз, внезапное желание подстричься, в нем не было ничего, что развенчивало бы тот образ, который сложился в ее воображении. Если даже он и не влюблен в нее, он, несомненно, очень близок к тому; и спасением для Эммы являлось ее собственное равнодушие к нему, ибо она до сих пор придерживалась того убеждения, что никогда не выйдет замуж. Короче говоря, он достоин чести быть избранным для нее в число друзей.

Мистер Уэстон, со своей стороны, невольно еще больше склонил чашу весов в его пользу. Он дал ей понять, что Фрэнк чрезвычайно восхищается ею — находит ее очень красивой и обаятельной; принимая во внимание все вышесказанное, она уже не могла судить его строго. Эмма была согласна с замечанием миссис Уэстон о том, что «у всех молодых людей свои причуды».

Среди новых суррейских знакомых мистера Черчилля нашелся один, который не разделял всеобщей снисходительности. В целом в приходах Донуэлл и Хайбери к поступку молодого человека отнеслись с величайшей терпимостью, выходку молодого человека оценили крайне

благодушно — ведь он такой улыбчивый и любезный! Однако нашелся человек, чью суровость невозможно было смягчить ни поклонами, ни улыбками, и этот человек был мистер Найтли. Он узнал об отъезде Фрэнка Черчилля, когда находился в Хартфилде; какое-то мгновение он собирался с мыслями, но почти сразу же Эмма услышала, как он бурчит себе под нос, склонившись над газетой, которую держал в руках:

— Хм! Именно такой пустой и глупый малый, как я и представлял.

Она уже хотела было возразить, однако тут же сообразила, что замечание было высказано лишь для того, чтобы выпустить пар, и не предназначено для того, чтобы сердить ее. Поэтому она сделала вид, что ничего не слышала.

Хотя, с одной стороны, мистер и миссис Уэстон принесли не слишком хорошие вести, в другом отношении их визит оказался особенно кстати. Во время их пребывания в Хартфилде произошло кое-что, в чем Эмме нужен был их совет. К ее радости, их совет совпал с ее собственным мнением.

Вот в чем было дело: Коулы уже несколько лет как обосновались в Хайбери и слыли очень уважаемым семейством — они считались людьми общительными, свободомыслящими и без осо-

бых претензий, но, с другой стороны, они были низкого происхождения, из купцов, и с годами приобрели лишь внешний лоск. Обосновавшись в этих краях, они жили соответственно своим доходам, скромно, мало кого принимали, а если и устраивали приемы, то также без особой пышности; однако в последние год-два они значительно увеличили свой капитал; в целом можно сказать, что счастье им улыбнулось. Разбогатев, они захотели жить на широкую ногу: пожелали переехать в больший по размеру дом, проявили склонность к гостеприимству. Они сделали пристройку к дому, наняли больше прислуги и увеличили расходы на все свои нужды. К теперешнему времени, если судить по богатству и стилю жизни, они уступали только Хартфилду. Их общительность, а также новая гостиная подготовили общество к тому, что они будут устраивать званые обеды — несколько таких званых обедов уже состоялось. Приглашали преимущественно холостяков. Эмма, разумеется, не ожидала, что они осмелятся звать к себе лучшие, стариннейшие семьи — представителей Хартфилда, Донуэлла или Рэндаллса. Что касается ее лично, она ни за что не пошла бы к ним, если бы они ее пригласили, и она сожалела, что общеизвестные привычки ее

батюшки сделают ее отказ менее значительным, чем она могла бы пожелать. Коулы на свой лад были людьми вполне достойными, однако им надобно преподать урок: не им определять, на каких условиях приглашать семейство, превосходящее их по положению. Как она подозревала, такой урок придется преподать не кому другому, а именно ей; на мистера Найтли надежда была слабой, да и на мистера Уэстона тоже.

Эмма давно уже положила ответить решительным отказом на подобное посягательство, а приглашения от них все не было и не было; когда оно наконец пришло, когда выпад был сделан, она испытала очень противоречивые чувства. И в Донуэлл, и в Рэндаллс приглашение давно послали, ее же с отцом никто пока не звал; заверения миссис Уэстон, что, «по ее предположениям, они просто не осмелятся допустить по отношению к вам подобную вольность; они знают, что вы не обедаете вне дома», не вполне удовлетворили Эмму. Ей казалось, что она должна получить предлог для отказа; да и, в конце концов, раз под их крышей соберутся все самые близкие ее друзья, может быть, приглашение стоит принять? Эмма колебалась. На вечере у Коулов ожидали и Харриет, и Бейтсов. Они говорили об этом нака-

нуне, когда гуляли по Хайбери, и Фрэнк Черчилль очень серьезно сокрушался по поводу ее отказа. А вдруг вечер завершится танцами? — спросил он. Простое упоминание о танцах еще более раздразнило и раздосадовало ее; слабым утешением было то, что она осталась в гордом одиночестве, которое следует воспринимать как комплимент, как знак отличия.

Именно прибытие этого самого приглашения в то время, как в Хартфилде были Уэстоны, и сделало их присутствие столь желанным; хотя первым ее побуждением, разумеется, было отказаться от визита. Однако Эмма так поспешно принялась спрашивать Уэстонов, как, по их мнению, ей следует поступить, что их совет принять приглашение был воспринят с облегчением и благодарностью.

Она решила, что, принимая во внимание все обстоятельства, пойти все-таки стоит. Коулы выразили свое желание видеть ее вполне достойно — письмо дышало предупредительностью и вниманием по отношению к ее отцу. «Они позволили бы себе просить оказать им такую честь ранее, но ждали лишь прибытия ширмы из Лондона, которая, как они надеются, сумеет оградить мистера Вудхауса от всех сквозняков и таким образом

побудит его с большей охотой оказать им честь своим присутствием». Словом, убедить Эмму пойти не составило большого труда; быстро посовещались, как лучше поступить, чтобы мистеру Вудхаусу не было неудобно: вполне можно рассчитывать, что миссис Годдард, если не миссис Бейтс, составит ему компанию. Мистера Вудхауса еще надо было убедить отпустить дочь на званый обед в один из ближайших дней и позволить ей провести целый вечер вдали от него. Что же касается вопроса об участии в званом обеде его самого, Эмма вовсе не хотела, чтобы батюшка рассматривал такую возможность — слишком поздний час был назначен для обеда, слишком многолюдное общество ожидалось у Коулов. Довольно скоро мистера Вудхауса удалось уговорить не ходить.

— Не любитель я званых обедов, — сказал он, — никогда им не был. И Эмма тоже. Мы ранние пташки. Жаль, что мистер и миссис Коул все это затеяли. По-моему, было бы куда лучше, если бы они как-нибудь зашли к нам следующим летом, после обеда, и выпили бы с нами чайку. Да взяли бы нас на прогулку… Дневная прогулка — что может быть лучше? Ведь мы рано ложимся спать и пошли бы домой, не рискуя простудиться от

вечерней сырости. Летними вечерами выпадает роса, я бы рекомендовал всем остерегаться. Но раз они так хотят видеть у себя на обеде милую Эмму, и так как вы оба там будете, и мистер Найтли тоже, будет кому приглядеть за ней, и я не имею намерения препятствовать при условии, если погода будет подобающей, ни сырой, ни холодной, ни ветреной. — Затем, оборотясь к миссис Уэстон, он добавил с легким упреком: — Ах! Мисс Тейлор, если бы вы не вышли замуж, вы остались бы дома со мной.

— Что ж, сэр, — вскричал мистер Уэстон, — так как я увез мисс Тейлор, значит, именно мне надлежит поискать замену! Я сейчас же зайду к миссис Годдард, если вы не против.

Но мысль о необходимости немедленных действий лишь усилила, а не ослабила возбуждение мистера Вудхауса. Дамы лучше знали, как справиться с его состоянием. Пусть мистер Уэстон успокоится, все устроится своим чередом.

От такого обращения мистер Вудхаус достаточно быстро перестал волноваться и заговорил как обычно: он рад будет повидать миссис Годдард. Он относится к миссис Годдард с величайшим уважением… Эмме следует черкнуть ей записочку и пригласить ее. Записку может доставить

Джеймс. Но прежде всего следует направить письменный ответ миссис Коул.

— Передай, дорогая, мои извинения, да повежливее. Ты скажешь, что я, в силу слабого здоровья, никуда не езжу и поэтому вынужден отклонить их любезное приглашение. Разумеется, начни письмо с благодарности за приглашение. Но ты все сделаешь как надо. Нет нужды учить тебя, как писать подобные записки. Надо не забыть напомнить Джеймсу, что карета понадобится во вторник. С ним ты будешь в безопасности. Правда, с тех пор, как они разбили новую подъездную аллею, мы были там всего однажды, но все же я не сомневаюсь в том, что Джеймс доставит тебя в целости и сохранности, а когда ты доберешься, не забудь сказать, когда Джеймсу заехать за тобой. Лучше отправляйся домой пораньше. Тебе не придется по душе засиживаться в гостях допоздна. После чая ты почувствуешь сильную усталость.

— Папа, но не хотите же вы, чтобы я уехала до того, как устану?

— О нет, милая! Однако уверяю тебя, ты устанешь быстро. Когда одновременно говорят много людей… Шум тебе не понравится.

— Но, дорогой мой сэр, — воскликнул мистер Уэстон, — если Эмма уедет рано, вечер будет

испорчен!

— И ничего страшного, — возразил мистер Вудхаус. — Чем раньше заканчивается вечер, тем лучше.

— Но вы не учитываете реакцию Коулов на ее ранний отъезд. Они могут обидеться, если Эмма уедет сразу после чая. Они люди добродушные, без претензий… Но все же, если кто-то уедет от них рано, им может показаться, будто их общество невысоко ценят, особенно если так поступит не кто-нибудь, а мисс Вудхаус. Уверен, сэр, вы не хотели бы ни огорчить, ни обидеть Коулов. Они славные люди, хорошие и вот уже десять лет являются вашими соседями.

— Что вы! Ни за что на свете не хотел бы я обидеть их. Спасибо, мистер Уэстон, за то, что напомнили мне. Мне было бы очень неприятно как-нибудь огорчить или задеть их. Я знаю, какие они достойные люди. Перри говорит, что мистер Коул даже пива в рот не берет. Вы бы не сказали такого, увидев его, но он страдает от разлития желчи — недуг доставляет мистеру Коулу много страданий. Нет-нет, я никоим образом не хотел задеть их. Милая Эмма, мы должны все продумать как следует. По-моему, не стоит обижать мистера и миссис Коул. Лучше задержись немножко

дольше, чем тебе, возможно, захочется. Ты потерпишь, если устанешь. Среди друзей, знаешь ли, тебе будет покойно.

— О да, папа! За себя я совершенно не боюсь… И если бы не вы, я бы, не задумываясь, пробыла в гостях столько же, сколько и миссис Уэстон. Вот только тревожусь, как бы вы не решили сидеть допоздна, дожидаясь меня… Вы не вовремя ляжете спать. Раз с вами будет миссис Годдард, то я не боюсь, что вам будет неуютно. Она, как вы знаете, любит пикет, но после того, как она уйдет домой, боюсь, что вы будете сидеть один, вместо того чтобы пойти спать в привычное время, и мысль об этом совершенно лишает меня покоя. Вы должны обещать мне не сидеть и не ждать меня.

Мистер Вудхаус обещал лечь спать вовремя при условии, если и Эмма, в свою очередь, тоже пообещает ему кое-что: например, если она вернется домой замерзшей, она должна непременно как следует согреться! Если она будет голодна, она должна взять что-нибудь поесть — пусть ее горничная дождется ее. И пусть Сэрль и дворецкий, как всегда, присмотрят за тем, чтобы в доме все шло своим чередом.

Глава 26

Фрэнк Черчилль вернулся, однако обитатели Хартфилда не узнали, пришлось ли его отцу и мачехе из-за него задержаться с обедом, ибо миссис Уэстон так хотелось, чтобы мистер Вудхаус полюбил ее пасынка, что она не стала бы выдавать ничего из его несовершенств, если это можно было утаить.

Он вернулся подстриженный и очень добродушно подшучивал над собой, но, казалось, совершенно не стыдился своего поступка. У него не было резона жалеть, что волосы его слишком коротки, чтобы скрыть смущение на лице; не было резона жалеть о потраченных деньгах, дабы улучшить настроение. Он был так же неустрашим и весел, как всегда; при виде его Эмма потом наставительно заметила про себя: «Не знаю, так ли это должно быть, но, конечно, глупости перестают быть глупостями, если совершаются людьми благоразумными и притом безо всякого стыда. Злая выходка всегда остается злой выходкой, но безрассудство — не всегда безрассудство… Все зависит от того, как трактовать тот или

иной поступок. Мистер Найтли не прав: Фрэнка Черчилля никак не назовешь пустым и глупым молодым человеком. Будь он таким, он бы вел себя по-другому. Он или гордился бы своим достижением, или стыдился его. Он бы либо выставлял свой поступок напоказ, либо выворачивался, придумывал всевозможные недостойные отговорки, дабы оправдать собственное тщеславие… Нет, его никоим образом нельзя считать ни пустым, ни глупым».

Во вторник Эмма снова получила возможность увидеться с ним, притом дольше, чем прежде; она смогла судить о его поведении в целом и делать выводы о том, что значит его поведение применительно к ней самой, гадать, скоро ли ей прилично отбросить холодность, и воображать, что могут подумать соседи и знакомые, в первый раз увидев их вместе.

Она с нетерпением ждала званого вечера, несмотря на то, что обед давали Коулы. Кроме того, она никак не могла забыть, что даже в те дни, когда мистер Элтон пользовался ее расположением, ничто не раздражало ее больше, чем его пристрастие к обедам у мистера Коула.

Удобству и благополучию ее батюшки ничто не угрожало: с ним вызвались посидеть и миссис

Бейтс, и миссис Годдард; прежде чем отправиться в гости, Эмма воспользовалась удобным случаем и засвидетельствовала обеим дамам свое почтение. Все трое, отобедав, сидели рядом, и, пока отец с доброй улыбкой любовался ее нарядом, она приложила все усилия, дабы скрасить гостьям остаток вечера, предложив им по большому куску пирога и налив по полному бокалу вина, потому что, несмотря на то, что батюшка ее руководствовался самоотверженной заботой об их здоровье, за едой им волей-неволей приходилось воздерживаться… Разумеется, перед приходом миссис Бейтс и миссис Годдард Эмма заказала для них кухарке обильный обед, но не была уверена, вполне ли они насытились.

Она подъехала к дверям дома мистера Коула вслед за еще одной каретой. Она рада была увидеть, что ее опередил мистер Найтли; поскольку мистер Найтли не держал лошадей, имел мало свободных денег, но в избытке — здоровья, энергии и независимого характера, он, по мнению Эммы, был слишком склонен поступать по своему усмотрению и не пользовался каретой так часто, как это приличествовало владельцу аббатства Донуэлл. Так как он подождал ее и помог ей выйти из кареты, у нее появилась возможность

искренне, от всего сердца, выразить ему свое одобрение.

— Вот теперь вы ведете себя как вам подобает, — заявила она, — как подобает джентльмену… Я очень рада вас видеть.

Он поблагодарил ее, заметив:

— Какая удача, что мы с вами прибыли одновременно! Если бы мы столкнулись в гостиной, сомневаюсь, что вы распознали бы, что нынче я более джентльмен, чем обычно… Вы вряд ли заметили бы по моему виду и поведению, что я приехал в карете, а не пришел пешком.

— Нет, заметила бы, уверяю вас, заметила бы! Людей, которые добираются в гости не подобающим им способом, всегда выдает излишняя суетливость или виноватый вид. Вам кажется, что по вашему виду ничего не заметно, однако не сомневаюсь, что вы несколько бравируете своим поведением, делая вид, будто вам безразлично мнение окружающих. Когда бы я ни встретила вас при подобных обстоятельствах, я всегда примечаю за вами некую рисовку. А вот теперь вам нечего скрывать. Вы не боитесь быть заподозренным в том, что вам неловко. Вы не стремитесь казаться выше всех. Вот теперь, позвольте признаться, мне и правда будет очень приятно войти

в гостиную об руку с вами.

— Глупышка! — проворчал он, впрочем совершенно беззлобно.

У Эммы было столько же оснований быть довольной вечером в целом, как и мистером Найтли. Ее встретили, выказав сердечное уважение, которое не могло не польстить ей, и окружили ее вниманием, приличествующим ее положению. Когда прибыли Уэстоны, все самые нежные и благосклонные взгляды были обращены именно к ней, Эмме; оба — и мистер Уэстон, и его супруга — выразили ей свое искреннейшее восхищение; Фрэнк Черчилль подошел к ней с радостным нетерпением, что отмечало ее как предмет его особой привязанности. За столом Эмма обнаружила, что он оказался ее соседом — как она сильно подозревала, не обошлось без некоторой ловкости с его стороны.

Общество было довольно многолюдным, так как приглашено было еще одно семейство, знакомством с которым Коулы в полной мере могли гордиться: безупречное и родовитое семейство из сельской знати. На обеде были также мужчины из семейства мистера Кокса, хайберийского адвоката. Менее значительные особы женского пола, включая мисс Бейтс, мисс Ферфакс и мисс Смит,

ожидались к вечеру; однако уже за обедом общество было слишком многолюдным для того, чтобы у всех мог быть один общий предмет разговора. Пока за столом говорили о политике и о мистере Элтоне, Эмма могла со спокойной совестью всецело посвятить свое внимание приятному соседу. Однако, когда до ее ушей донеслось отдаленное упоминание имени Джейн Ферфакс, она сочла необходимым прислушаться. Кажется, миссис Коул рассказывала о ней нечто интересное. Эмма навострила ушки: новость действительно оказалась стоящей. Воображение ее разыгралось. Миссис Коул говорила, что заходила недавно к мисс Бейтс, и не успела она войти в комнату, как тут же заметила фортепиано — очень изящный с виду инструмент, не рояль, но все же настоящее, большое фортепиано. Примечательнее же всего стал последовавший за изумлением диалог с хозяйками, включавший и удивление, и расспросы, и поздравления с ее стороны. Мисс Бейтс разъяснила, что фортепиано прибыло накануне из магазина Бродвуда — к величайшему изумлению и тетки, и племянницы. Это стало для них полнейшей неожиданностью: вначале, тараторила мисс Бейтс, сама Джейн совершенно растерялась и никак не могла понять, кто мог прислать ей

инструмент, — но теперь обе дамы совершенно уверились в том, что пианино мог подарить только один человек… Скорее всего и даже наверняка безвестный даритель — полковник Кемпбелл.

— Никакого иного объяснения нет, — добавила миссис Коул, — я и то удивилась, что по этому поводу возможны какие-то сомнения. Но кажется, Джейн совсем недавно получила от Кемпбеллов письмо, в котором о фортепиано не говорилось ни слова. Конечно, кому, как не ей, знать их привычки, однако я не склонна расценивать их молчание как нежелание делать ей подарок. Скорее всего, им захотелось сделать ей сюрприз.

Многие из гостей согласились с миссис Коул; все присутствующие были равно убеждены в том, что пианино, должно быть, прибыло от полковника Кемпбелла, и все радовались, что он сделал мисс Ферфакс такой подарок; за столом нашлось столько желающих высказать свое мнение, что Эмме можно было и помолчать, и подумать, и продолжать слушать миссис Коул.

— Откровенно говоря, не знаю, когда еще какая-либо весть доставляла мне столько удовольствия! Мне всегда было немного обидно за Джейн Ферфакс — она так чудесно играет, но у нее нет своего инструмента. Это просто казалось мне каким-то

позором, особенно как подумаю, во скольких домах прекрасные инструменты пылятся без дела. Честное слово, это как пощечина нам всем! И как раз вчера я говорила мистеру Коулу, как мне ужасно стыдно, что у нас в гостиной стоит новенькое пианино, а я не могу отличить до от ми! А наши девочки, которые только начинают учиться музыке, может, никогда так и не заиграют по-настоящему… А вот у бедняжки Джейн Ферфакс, превосходной музыкантши, и в помине нет никакого инструмента, даже самых плохоньких клавикордов, чтобы позабавиться на досуге… Только вчера я говорила это мистеру Коулу, и он совершенно согласился со мной! Видите ли, он так обожает музыку, что не мог отказаться от покупки пианино: он надеялся, что время от времени кто-нибудь из наших добрых соседей окажет нам честь и сыграет на нем — в отличие от нас найдет инструменту лучшее применение. Именно потому мы и купили пианино… В противном случае, уверяю вас, нам надлежало бы стыдиться своей покупки… Мы очень надеемся, что мисс Вудхаус удастся уговорить сегодня вечером опробовать новый инструмент.

Мисс Вудхаус, как полагается, выразила свое согласие, и, найдя, что из разговора с миссис Коул

более ничего почерпнуть не удастся, она повернулась к Фрэнку Черчиллю.

— Почему вы улыбаетесь? — спросила Эмма.

— А вы почему?

— Я? Наверное, от радости… я рада, что полковник Кемпбелл оказался столь богат, столь щедр и великодушен… Прекрасный подарок!

— Ода.

— Остается только удивляться, почему он не подарил ей пианино раньше.

— Может быть, мисс Ферфакс никогда не оставалась здесь на более долгий срок.

— А еще странно, что он не предоставил в ее пользование их собственный инструмент, должно быть, теперь, когда играть на нем некому, он стоит в Лондоне без дела.

— У Кемпбеллов рояль… Возможно, полковник решил, что рояль слишком велик для домика миссис Бейтс.

— Говорить вы можете все, что вам угодно, однако не лукавьте: по вашему лицу видно, что ваши мысли по данному поводу вполне совпадают с моими!

— Не знаю. Скорее всего, вы считаете меня более сообразительным, чем я того заслуживаю. Я улыбаюсь, потому что улыбаетесь вы, и охотно

готов разделить все ваши подозрения. Но в данный момент я не ощущаю никаких сомнений. Кто, кроме полковника Кемпбелла, мог прислать фортепиано?

— А что вы скажете, если подарок сделала миссис Диксон?

— Миссис Диксон? А знаете, очень может быть! О ней я как-то не подумал. Ей, так же как и ее мужу, должно быть известно, как обрадуется мисс Ферфакс такому подарку, и, может быть, способ, каким сделан подарок — тайна, сюрприз — более в духе молодой женщины, чем в духе пожилого мужчины. Да, скорее всего, неизвестный даритель — миссис Диксон. Я же предупреждал вас: я охотно разделю все ваши подозрения и догадки.

— Если так, вы должны разделить мои подозрения и далее… распространить их также и на мистера Диксона!

— Мистера Диксона?! Что ж… хорошо. Да, я немедленно принимаю на веру то, что пианино могло стать общим подарком от четы Диксон. Помните, позавчера мы как раз говорили о том, какой он горячий поклонник ее игры.

— Да, и ваш рассказ подтверждает одну мысль, которая зародилась у меня еще раньше… Я не собираюсь подвергать сомнению благонамерен-

ность мистера Диксона и мисс Ферфакс, однако трудно не заподозрить, что либо он, сделав предложение ее подруге, имел несчастье влюбиться в нее, либо заметил, что она сама к нему немного неравнодушна. Тут можно строить различные предположения и все равно не угадаешь… Однако позвольте заметить: должна была быть некая особая причина для того, чтобы она приехала в Хайбери вместо того, чтобы вместе с Кемпбеллами отправиться в Ирландию. Здесь ей приходится влачить жалкое существование, жить уединенно, словно она наложила на себя некую епитимью… в то время как там она могла бы купаться в удовольствиях. Что касается стремления якобы подышать родным воздухом, я расцениваю его как предлог… Летом — еще куда ни шло. Но какая польза от воздуха родных мест в январе, феврале и марте? Жарко натопленный камин и поездки в карете в ее случае — а я не подвергаю сомнению хрупкость ее здоровья — были бы куда более пользительны. Я не требую, чтобы вы приняли все мои подозрения на веру, хотя вы так благородно предложили мне это, однако я искренне поверяю вам свои мысли.

— А я, вы уж поверьте мне, склонен считать ваши предположения вполне вероятными. Со

своей стороны могу подтвердить, что мистер Диксон решительно предпочитал ее игру игре своей невесты.

— И потом, он спас ей жизнь. Вы знаете об этом? На морской прогулке: кажется, она уже падала за борт, а ему удалось каким-то образом подхватить ее.

— Да, я тоже был там — принимал участие в той прогулке.

— Неужели? Надо же! Однако вы, разумеется, ничего не заметили, потому что такая мысль, кажется, не приходила вам в голову… вот если бы я была на той яхте, его поведение почти несомненно навело бы меня на определенные догадки.

— Не сомневаюсь… Но я, простак, не усмотрел в том случае ничего, кроме того факта, что мисс Ферфакс едва не выпала за борт, а мистер Диксон подхватил ее… Все совершилось в одно мгновение. И хотя потрясение сразу после происшествия и тревога были очень велики и продолжались гораздо дольше самого события — наверное, добрых полчаса, прежде чем все мы снова успокоились… все же все были слишком взволнованы для того, чтобы заметить чье-то особое рвение. Однако простите, я вовсе не собираюсь утверждать, что вы не пришли бы к неким определенным выводам.

Тут их разговор прервали. Вследствие довольно длительного и неловкого перерыва между двумя переменами блюд они вынуждены были сидеть столь же чопорно и благонравно, как и остальные, однако, когда стол был снова благополучно накрыт, когда все соусники и приборы со специями были поставлены на свои места, гости снова занялись кушаньями и за столом воцарилась прежняя непринужденность. Эмма сказала:

— Присылка фортепиано стала для меня решающим событием. Мне хотелось узнать немного больше, но теперь я продвинулась в своих заключениях. Поверьте мне, скоро мы узнаем, что подарок прибыл от мистера и миссис Диксон.

— А если Диксоны станут абсолютно все отрицать и заявят, что знать не знают ни о каком фортепиано, значит, остается заключить, что его прислали Кемпбеллы?

— Нет. Уверена, подарок не от Кемпбеллов. Мисс Ферфакс знает, что пианино прислали не Кемпбеллы, иначе она сразу догадалась бы. Если бы она считала, что подарок прибыл от полковника с супругой, она не мучилась бы догадками. Возможно, мне и не удалось убедить вас, однако сама я совершенно убеждена в том, что инициатива в данном случае исходила от мистера

Диксона.

— Вы плохо обо мне думаете, ежели полагаете, будто не убедили меня. Ваши доводы совершенно пересилили мои соображения. Вначале, когда я, вслед за вами, решил, будто даритель — полковник Кемпбелл, я усмотрел в его поступке лишь отеческую заботу и счел его дар самой естественной вещью на свете. Но стоило вам упомянуть миссис Диксон, и я сразу понял, насколько более вероятно то, что подарок стал свидетельством нежной женской дружбы. Теперь же я представляю все происходящее не чем иным, как проявлением любви.

Случая развить тему далее не представилось. Его убежденность казалась искренней, по крайней мере, выглядел он именно так. Эмма не стала продолжать, переведя разговор на другое; остаток обеда прошел незаметно: подали сладкое, вошли дети, которыми немедленно стали восхищаться и с которыми стали болтать, как обычно бывает в таких случаях; общий разговор также не отличался от остальных разговоров на званых обедах. Кое-кто умничал, иные выказывали свою глупость, однако ни те ни другие за столом не превалировали — Эмма слышала привычные замечания, скучные повторы давно известного,

старые сплетни и тяжеловесные шутки.

Не успели дамы заскучать, ожидая после обеда в гостиной джентльменов, как прибыли другие приглашенные гостьи; кое-кто вместе, кто-то порознь. Эмма наблюдала, как вошла ее закадычная маленькая подруга: даже если ее достоинство и грация пока оставляли желать лучшего, если ее цветущая юная свежесть и безыскусные манеры были просто приятны для глаз, но и только, то Эмма искренне возрадовалась ее легкому, веселому, лишенному уныния нраву, благодаря которому Харриет могла находить столько удовольствия даже в разгаре мук неразделенной любви. Она весело улыбалась и щебетала — кто мог бы предположить, сколько совсем недавно пролито было слез? Званый обед, нарядное платье, множество знакомых… Харриет улыбалась, говорила мало и выглядела просто прелестно: казалось, трудно найти в этот час девушку счастливее ее. Правда, Джейн Ферфакс и выглядела, и двигалась куда величественнее, но Эмма подозревала, что мисс Ферфакс охотно поменялась бы с Харриет местами, была бы рада даже разочарованию от несчастной любви, даже неразделенной влюбленности пусть и в такого, как мистер Элтон; да, она предпочла бы даже неразделенную любовь

сомнительному удовольствию сознавать, что она любима мужем подруги.

При таком большом стечении гостей Эмме было необязательно подходить к Джейн Ферфакс. О фортепиано говорить ей не хотелось; она полагала, что слишком много знает, чтобы выражать притворное любопытство или заинтересованность, и потому намеренно держалась на расстоянии, однако все прочие немедленно принялись обсуждать новость, и Эмма заметила, что мисс Ферфакс принимала поздравления, зардевшись от смущения. При упоминании имени «моего прекрасного друга полковника Кемпбелла» щеки ее запылали. Несомненно, она чувствует за собой вину.

Миссис Уэстон, женщина добросердечная и к тому же музыкально одаренная, особенно заинтересовалась странным подарком. То, с каким упорством миссис Уэстон расспрашивала Джейн, немало позабавило Эмму: вопросам ее бывшей наставницы не было конца. Каков тон у инструмента? Хорош ли у него звук? Тугие ли педали? Доброй миссис Уэстон было невдомек, насколько неловко чувствует себя прекрасная героиня происшествия от ее расспросов. Нежелание обсуждать эту тему явственно читалось

в ее чертах.

Скоро некоторые из джентльменов вышли из столовой и присоединились к дамам, и самым первым из ранних пташек был Фрэнк Черчилль. Он вошел в гостиную, опередив остальных. Эмма невольно залюбовалась его статностью. Поклонившись мимоходом мисс Бейтс и ее племяннице, он направился в противоположный угол, туда, где сидела мисс Вудхаус. До тех пор, пока рядом с нею не освободилось место, он не садился вовсе. Эмма догадывалась, что должны сейчас думать все, кто находится в гостиной. Она является предметом его чувства — это совершенно очевидно. Она представила его своей подруге, мисс Смит, и, улучив минутку вскоре после этого, постаралась узнать, что каждый из них думает о новом знакомстве. Ему никогда не доводилось видеть такого прелестного личика, а ее наивность просто очаровательна. Харриет же сказала, что, разумеется, для него это слишком большой комплимент, но ей серьезно кажется, что он немного — совсем чуточку — похож на мистера Элтона. Эмма молча отвернулась от подруги, сдерживая раздражение. Они с мистером Черчиллем обменялись понимающими улыбками, бросив взгляд на мисс Ферфакс; однако благора-

зумнее всего было сдержаться и промолчать. Он сообщил, что ему не терпится поскорее выйти из гостиной, так как он терпеть не может сидеть на одном месте и всегда, когда есть возможность, предпочитает подвигаться; он оставил своего отца, мистера Найтли, мистера Кокса и мистера Коула, увлеченных серьезным разговором о приходских делах; нет, пока он оставался с ними, разговор вовсе не был скучен, так как в общем он счел их людьми благородными и умными; а как замечательно они говорили о Хайбери в целом! Сколько назвали живущих здесь благородных семейств! Эмма решила, что она слишком привыкла презирать родные края. Она расспросила его о йоркширском обществе — много ли у них возле Энскума соседей и каковы они? Из его ответов она могла заключить: там редко что-нибудь происходит. Обитатели Энскума почти не ездят в гости, а к себе приглашают лишь представителей самых знатных семейств, из которых никто не живет особенно близко; и даже если день визита оговорен заранее и приглашение принято, всегда сохраняется вероятность того, что миссис Черчилль в назначенный день окажется нездорова или не в настроении ехать. Они намеренно не ездят в гости к малознакомым людям, лишь

недавно обосновавшимся в тех краях; и, хотя у него есть свои знакомые, ему стоит изрядного труда получить разрешение поехать куда-нибудь в гости или оставить кого-нибудь из знакомых на ночь, да и то лишь время от времени.

Она решила, что Энскум не в силах, а Хайбери, в лучших своих проявлениях, вполне способен удовлетворить разумные запросы молодого человека, который дома вынужден вести жизнь более уединенную, чем он того хочет. Не оставалось сомнений и относительно того влияния, какое имел он на тетку. Он не хвастал, однако выходило само собой, что, когда дядюшка ничего не мог поделать, тетку убеждал именно он; когда Эмма, засмеявшись, заметила ему это, он признал, что, по его убеждению, он способен со временем убедить миссис Черчилль в чем угодно — кроме пары вещей. Одну из тех вещей, где его влияние оказалось бессильно, он вскоре упомянул. Он очень хотел поехать за границу — однако тетушка даже слышать ничего не хотела. Это было год назад. Теперь же, добавил он, такое желание начинает у него пропадать.

Другой вещью, с которой ему не удавалось примирить тетку, как догадалась Эмма, было его хорошее отношение к отцу.

— Я сделал ужаснейшее открытие, — заявил он, помолчав немного. — Я пробыл здесь уже неделю — половину отведенного мне срока. Никогда не подозревал, что дни способны лететь так быстро. Завтра уже неделя! А я только-только начал получать удовольствие. Только что познакомился с миссис Уэстон и остальными! Лучше бы не вспоминать.

— Возможно, теперь вы начнете жалеть о том, что уезжали отсюда на целый день — один из немногих дней, отпущенных вам, — для того, чтобы подстричься.

— Нет, — с улыбкой ответил он, — здесь вовсе не о чем жалеть. Я не вижу удовольствия от общения с друзьями, если сам выгляжу неподобающим образом.

Поскольку теперь в комнате находились и остальные джентльмены, Эмма сочла необходимым на несколько минут отвернуться от своего собеседника и уделить внимание хозяину дома. Когда мистер Коул отошел и она снова получила возможность повернуться к Фрэнку Черчиллю, она заметила, что ее сосед напряженно вглядывается в противоположный конец комнаты. Проследив за его взглядом, Эмма поняла, что он смотрит на мисс Ферфакс, которая сидела прямо

напротив него.

— В чем дело? — спросила она. Он вздрогнул.

— Спасибо за то, что отвлекли меня, — отвечал он. — Наверное, я вел себя более чем невежливо… Однако у мисс Ферфакс настолько странная прическа — очень странная! Я не мог отвести от нее глаз. Никогда не видел ничего более эксцентричного! А кудряшки! Должно быть, она сама укладывала себе волосы. Никогда не видел ничего подобного! Сейчас подойду и спрошу: неужели такова ирландская мода? Как вы думаете, спросить? Да-да, сейчас пойду и спрошу… уверяю вас… А вы посмотрите, как она это воспримет — интересно, покраснеет она или нет?

Он немедленно направился в противоположный угол комнаты и заговорил с мисс Ферфакс. Однако понять, какое действие оказали на Джейн его слова, Эмма оказалась не в состоянии, так как он непроизвольно загородил собой мисс Ферфакс, встав точно между ними.

Прежде чем он вернулся, место его заняла миссис Уэстон.

— Роскошь большого званого вечера состоит в том, — сказала она, — что можно подойти к кому хочешь и сказать все, что хочешь. Милая Эмма, я так скучаю без разговоров с вами. Я делаю

наблюдения и строю планы, совсем как вы, и должна поделиться с вами своими открытиями, пока они не утратили своей свежести. Знаете ли вы, каким образом попали сюда мисс Бейтс и ее племянница?

— Как! Ведь их же пригласили, не так ли?

— О да! Но каким способом прибыли они сюда? Как добрались?

— Полагаю, пешком. А как еще?

— Совершенно верно… Так вот, некоторое время назад я подумала о том, как будет грустно, если Джейн Ферфакс придется возвращаться домой пешком, поздно ночью, да еще в такой холод — ночи сейчас холодные. Я посмотрела на нее и удивилась: хотя я никогда не замечала румянца на ее щеках, меня поразило, что она разгорячена. Я подумала, что от этого еще больше риска простудиться. Бедняжка! Мысль об этом была для меня невыносима! И как только мистер Уэстон вошел в комнату, я воспользовалась первым же удобным случаем и спросила, можно ли предоставить мисс Ферфакс нашу карету. Можете себе представить, с какой готовностью он согласился выполнить мое желание! Получив его одобрение, я направилась прямиком к мисс Бейтс, дабы заверить ее в том, что карета будет в их распоряжении, прежде чем

нам надо будет отправляться домой; я подумала, что она очень обрадуется. Добрая душа! Она была мне признательна, как всегда, вы же знаете ее. «Нет никого на свете счастливее меня!» Однако, рассыпавшись в благодарностях, она заявила, что нет никакой необходимости тревожить нас, так как они прибыли сюда и собираются отправиться домой в карете мистера Найтли! Ну и удивилась же я! Разумеется, я обрадовалась, однако еще больше удивилась. Как он добр к ним — и как заботлив! Подавляющее большинство мужчин обычно и не думают о подобных мелочах. Короче говоря, зная его привычки, я склонна думать, что он вообще воспользовался сегодня каретой только ради их удобства. Сильно подозреваю, что он не стал бы гонять пару лошадей для себя одного. Скорее всего, он воспользовался каретой как предлогом для того, чтобы помочь им.

— Очень возможно, — сказала Эмма, — вполне вероятно, так и есть. Не знаю другого мужчины, кроме мистера Найтли, способного на такой поступок… на поступок поистине добрый, приносящий пользу, разумный и благосклонный. Он не галантный кавалер, но очень добр… Принимая во внимание слабое здоровье Джейн Ферфакс, его поступок — подлинное проявление челове-

колюбия с его стороны, а уж что касается умения проявить подлинную доброту, не напоказ, то тут мистеру Найтли равных нет. Я знаю, что сегодня он нанял лошадей, так как мы с ним прибыли одновременно. Я еще подшутила над ним, однако он ни словом себя не выдал.

— Что ж, — сказала миссис Уэстон улыбаясь, — значит, вы склонны приписывать ему большее бескорыстие, чем я, ибо, пока мисс Бейтс говорила, в голове моей мелькнуло одно подозрение и с тех пор так и засело там. Чем больше я об этом думаю, тем более вероятной мне кажется моя догадка. Короче говоря, я предположила, что из мистера Найтли и Джейн Ферфакс выйдет отличная пара. Видите, что значит дружить с вами! Что вы на это скажете?

— Мистер Найтли и Джейн Ферфакс! — воскликнула Эмма. — Милая миссис Уэстон, как могли вы подумать о таком? Чтобы мистер Найтли… Да мистеру Найтли вовсе ни к чему жениться! Ведь не хотите же вы, чтобы маленький Генри лишился Донуэлла? Нет-нет, Донуэлл должен достаться Генри. Я совершенно не согласна с тем, чтобы мистер Найтли женился! Уверена, у него и в мыслях нет этого. Однако странно, что вы могли предположить подобное.

— Милая моя Эмма, я уже говорила вам, что навело меня на такие мысли. Я не хочу никого сватать, я не хочу причинять вред маленькому Генри, но мысль закралась мне в голову небезосновательно. Если мистер Найтли в самом деле соберется жениться, ведь не стали бы вы его удерживать из-за Генри, шестилетнего мальчика, который понятия не имеет об ожидающем его наследстве?

— Нет, стала бы! Я бы не вынесла, если бы Генри ущемили в правах… Подумать только, мистер Найтли женится! Нет, подобная мысль никогда не приходила мне в голову, я и сейчас не могу с ней примириться. Да еще на ком — на Джейн Ферфакс!

— Ну и что? Как вам прекрасно известно, он всегда особо отличал ее.

— Но подумайте о неблагоразумии подобного брака!

— Я не говорю о его благоразумии, только о возможности.

— Я не считаю ваши предположения основательными, если только вы не представите мне более веского доказательства, чем только что привели. Его добросердечия, его человечности, как я вам говорила, с лихвой хватило бы для того,

чтобы нанять лошадей. Вы же знаете, он всегда с большим почтением относился к Бейтсам, независимо от Джейн Ферфакс, и всегда рад случаю выказать им свое внимание. Милая моя миссис Уэстон, прошу вас, не занимайтесь сватовством. У вас плохо получается. Джейн Ферфакс — хозяйка аббатства! О нет, ни за что на свете! Все мои чувства восстают против такой картины. Ради его же блага я бы не позволила ему совершить такое безумство.

— Неблагоразумие, если вам угодно, — да, но не безумство. Если не считать неравенства в положении и, возможно, небольшой разницы в возрасте, я не вижу никаких препятствий для этого брака.

— Но мистер Найтли вовсе не хочет жениться. Уверена, что у него и в мыслях этого нет! И не наводите его на такую мысль. Зачем ему жениться? Ему и так хорошо… У него есть ферма, овцы, библиотека. Он, можно сказать, управляет всем приходом, кроме того, он просто обожает детей своего брата. Ему незачем жениться — ему есть чем заполнить и время свое, и сердце.

— Голубушка Эмма, пока он сам так считает — да, но если он в самом деле любит Джейн Ферфакс…

— Чушь! Ему нет дела до Джейн Ферфакс. То есть я уверена, что о любви тут речь не идет. Он готов всячески помогать ей и ее родственникам… но…

— Знаете, — смеясь, возразила миссис Уэстон, — если он сделает Джейн хозяйкой такого почтенного дома, он тем самым окажет ей и ее родственникам самую большую помощь, на какую способен.

— Если для нее это будет благом, то для него, я уверена, обернется злом — очень постыдное и унизительное родство. Как он смирится с тем, что мисс Бейтс станет его родственницей? Чтобы она день-деньской торчала в аббатстве и без конца благодарила его за его великую доброту, за то, что он женился на Джейн? «Ах, как вы добры и щедры! Но ведь вы и всегда были для нас самым добрым соседом!» И, не окончив фразы, заявит, что ей надо бежать к старой юбке своей маменьки. «Не такая уж она и старая, кстати, ее еще долго можно проносить… Да, я должна признать, что у нас все юбки крепкие».

— Эмма, как вам не стыдно! Не передразнивайте ее. Вы даже меня рассмешили — против воли! Кстати, по-моему, вряд ли мисс Бейтс будет слишком досаждать мистеру Найтли. Он не

раздражается по мелочам. Она может болтать и болтать, а если ему понадобится сказать что-то самому, ему стоит просто немного возвысить голос и перекричать ее. Однако дело вовсе не в том, подходящая ли она для него пара, и не в том, хочет ли он жениться. Мне-то кажется, что хочет. Мне приходилось слышать от него, да и вам, наверное, тоже, как высоко он ценит Джейн Ферфакс. Какое участие он проявляет к ней, как печется о ее здоровье, как печалится, что ее не ждет в жизни ничего хорошего! Я слышала, он говорил о ней с большим чувством. Кроме того, он горячий поклонник ее игры на фортепиано и ее голоса! Я слышала, как он говорил, что готов вечно слушать, как она поет. Да! Вот еще что пришло мне в голову — чуть не забыла… Фортепиано, которое прислал неизвестно кто! Все мы решили, будто это подарок Кемпбеллов, и успокоились, однако с таким же успехом инструмент мог прислать мистер Найтли! Не могу отделаться от мысли, что фортепиано — его подарок. По-моему, такой поступок как раз в его духе, даже если он и не влюблен.

— Тогда это вовсе не является доказательством его любви. К тому же такой поступок совершенно не в его духе. Мистер Найтли не любит тайн.

— Я неоднократно слышала, как он сокрушался, что у нее нет инструмента; возможно, мысль о пианино приходила ему в голову чаще, чем он говорил об этом.

— Очень хорошо! Но если бы он вознамерился подарить ей фортепиано, он бы так ей и сказал.

— Милая Эмма, возможно, он излишне щепетилен. Признаюсь вам, у меня очень сильные подозрения, что подарок сделал именно он. Я смотрела на него за обедом, когда миссис Коул заговорила об этом, и заметила его странную задумчивость.

— Вы, миссис Уэстон, вбили эту мысль себе в голову и носитесь с ней. Сами же неоднократно упрекали меня в пристрастии к фантазиям. Я не вижу здесь следов любви — не верю в то, что фортепиано прислал он. И для того чтобы поверить в намерение мистера Найтли жениться на Джейн Ферфакс, мне нужны веские доказательства.

Они продолжали спорить в том же духе еще некоторое время, и Эмма постепенно одерживала верх над своей подругой, ибо из них двоих миссис Уэстон больше привыкла уступать. Наконец шум и усилившееся гудение голосов в гостиной возвестили о том, что чай окончен и рояль готовят для концерта. В тот же миг мистер Коул подошел

просить мисс Вудхаус оказать им честь и опробовать инструмент. Следом за мистером Коулом шел Фрэнк Черчилль, которого Эмма в пылу спора с миссис Уэстон совсем потеряла из виду, она заметила только, что он нашел себе место рядом с мисс Ферфакс. Фрэнк Черчилль присоединил свой голос к просьбе мистера Коула и настойчиво уговаривал ее сыграть. Решив, что для нее во всех отношениях выгоднее начать первой, Эмма любезно согласилась.

Она слишком хорошо была осведомлена о пределе своих возможностей, чтобы исполнять сложные вещи. Эмма умела ловко, но без особого вдохновения исполнить несколько популярных вещиц и неплохо могла себе аккомпанировать. Во время исполнения одной из песенок она была приятно удивлена — Фрэнк Черчилль начал негромко, но верно подпевать ей вторым голосом. По окончании песенки он, как водится, умолял ее о прощении. Последовал обычный в таких случаях обмен любезностями. Его обвиняли в том, что он до сих пор скрывал от всех свой талант — у него, оказывается, прекрасный голос, он настоящий певец. Комплименты должным образом отвергались: он совершенно не разбирается в нотах и напрочь лишен голоса. Они спели дуэтом

еще раз, затем Эмма почла за лучшее уступить место мисс Ферфакс. Эмма не скрывала даже от себя самой, что ей никогда не сравниться с Джейн Ферфакс ни в технике исполнения, ни в вокальных данных. Мисс Ферфакс превосходит ее и в том и в другом.

Со смешанными чувствами уселась она в некотором отдалении и стала слушать. Фрэнк Черчилль снова пел. Оказалось, что им с мисс Ферфакс уже случалось пару раз петь дуэтом — в Уэймуте. Однако взгляд Эммы был прикован к мистеру Найтли, который слушал пение мисс Ферфакс с напряженным вниманием. Эмма невольно припомнила подозрения миссис Уэстон и потому слушала сладкозвучное пение вполуха. Ее возмущение возможной женитьбой мистера Найтли росло. Эмма не видела в ней ничего хорошего. Женитьба эта чрезвычайно расстроит мистера Джона Найтли, а следовательно, и Изабеллу. Настоящий вред причинит их брак и детям, знаменуя собой унизительную перемену в привычках и значительный материальный урон, огромный ущерб в ежедневном распорядке и привычках ее отца… Что же касается ее самой, то ей невыносима была мысль о том, что Джейн Ферфакс станет хозяйкой аббатства Донуэлл.

Подумать только, миссис Найтли, перед которой все должны расступаться! Нет, мистеру Найтли вообще не следует жениться. Пусть наследником Донуэлла остается маленький Генри.

Тут мистер Найтли обернулся, подошел к ней и сел рядом. Вначале они говорили только о концерте. Он недвусмысленно выразил восхищение игрой мисс Ферфакс, и Эмма подумала, что, если бы не подозрения миссис Уэстон, его слова вовсе не задели бы ее. Она, однако, запустила пробный шар, заговорив о его доброте по отношению к тетке и племяннице, и, хотя, судя по его односложным ответам, ему хотелось поскорее закончить разговор, ей показалось, что он просто не испытывает желания распространяться о своем благодеянии.

— Я нередко огорчаюсь из-за того, — сказала она, — что не осмеливаюсь чаще использовать нашу карету по таким вот случаям. Не то чтобы я была против… но вы ведь знаете: батюшка и слышать не захочет о том, чтобы ради такой цели утруждать Джеймса.

— Разумеется, и речи быть не может, — отвечал он, — однако я уверен, вы, должно быть, часто лелеете в душе такое желание. — И он улыбнулся, выказав такое удовольствие от своей убежден-

ности в ее добрых намерениях, что она рискнула сделать следующий шаг.

— Этот подарок от Кемпбеллов, — начала она, — это фортепиано… Какой щедрый дар!

— Да, — ответил он без малейших признаков смущения. — Но они поступили бы благоразумнее, если бы сообщили ей о подарке заранее. Сюрпризы вообще — страшная глупость. Радости от них мало, а неудобства они подчас причиняют значительные. Не ожидал от полковника Кемпбелла такого легкомыслия.

Услышав его ответ, Эмма могла бы поклясться, что мистер Найтли не имеет никакого отношения к присылке инструмента. Но вот не испытывает ли он некоей особенной склонности, не выделяет ли ту особу, о которой они говорили? Сомнениям ее не суждено было развеяться так скоро. Когда Джейн допела вторую песенку, голос ее немного охрип.

— Ну и достаточно, — серьезно сказал он, когда мисс Ферфакс закончила петь, — для одного вечера хватит. Поберегите лучше голос.

Однако гости запросили еще. Еще только одну песенку… они ни в коем случае не хотят утомлять мисс Ферфакс и просят всего об одной песенке. Слышно было, как Фрэнк Черчилль произнес:

— Думаю, вы без труда справитесь с нею. Здесь первому голосу делать нечего. Вся нагрузка падает на второй голос.

Мистер Найтли вспылил:

— Этому молодчику на все наплевать, лишь бы покрасоваться самому. Так не пойдет! — И, прикоснувшись к плечу мисс Бейтс, которая в этот миг проходила мимо, добавил: — Мисс Бейтс, вы что, хотите, чтобы ваша племянница охрипла? Ступайте и вмешайтесь. Они ее не щадят.

Мисс Бейтс, серьезно взволновавшись за Джейн, почти не остановилась, чтобы выразить свою признательность, но поспешила к роялю и положила конец пению. На том и завершилось концертное отделение вечера, ибо мисс Вудхаус и мисс Ферфакс были единственными музыкантшами; но вскоре (не прошло и пяти минут), неизвестно кем предложенная, возникла мысль о танцах; мистер и миссис Коул с таким жаром поддержали ее, что мебель живо раздвинули по стенам, освободив достаточное пространство. Не успели оглянуться, как уже усадили к роялю миссис Уэстон, которую никто не мог превзойти в контрдансах, и она заиграла неотразимый вальс. Фрэнк Черчилль с милой галантностью подлетел к Эмме и, предложив ей руку, повел ее

в первой паре.

Пока остальные молодые гости разбивались на пары, Эмма улучила момент и, не слушая комплиментов своему голосу и исполнительскому мастерству, расточаемых галантным кавалером, поспешила оглянуться кругом и посмотреть, что делает мистер Найтли. Сейчас она все узнает точно. Обычно мистер Найтли не танцевал. Кинься он сейчас приглашать Джейн Ферфакс, он выдал бы себя с головой. Она не сразу заметила его: ах, вот он где — беседует с миссис Коул! И вид у него самый беззаботный; Джейн уже давно пригласил кто-то другой, а он все стоял и беседовал с миссис Коул.

Больше Эмма не тревожилась за будущее маленького Генри — пока его интересам никто не угрожает. Она открыла бал с подлинным воодушевлением и живостью. Удалось составить всего пар пять, но малочисленность танцующих и неожиданность затем лишь увеличивали удовольствие, тем более что кавалер ей достался превосходный. Они были прекрасной парой, на которую можно было только любоваться.

К несчастью, им удалось протанцевать всего два танца. Становилось поздно, и мисс Бейтс заторопилась домой, беспокоясь о матушке. После

нескольких безуспешных попыток снова наладить танцы они вынуждены были поблагодарить миссис Уэстон и с удрученным видом начать собираться домой.

— Может быть, все и к лучшему, — заявил Фрэнк Черчилль, провожая Эмму до кареты. — Ведь иначе мне пришлось бы приглашать мисс Ферфакс, но танец с нею не доставил бы мне удовольствия после вашей живой манеры — слишком уж она вялая и безжизненная.

Глава 27

Эмма нисколько не раскаивалась, что снизошла до обеда у Коулов. На следующий день она охотно предавалась приятным воспоминаниям, и все то, чего она, может быть, и лишилась, отказавшись от величавого уединения, она с лихвой возместила радостью всеобщей признательности. Она, верно, осчастливила своим посещением Коулов — кстати, они вполне достойные люди, которые заслуживают всяческих благ! Да и на прочих гостей она, по всей видимости, произвела неизгладимое впечатление.

Состояние совершенного счастья, пусть даже в воспоминаниях, — редкая птица; вот и Эмма испытывала некоторое смущение по двум поводам. Она сомневалась, не нарушила ли женскую солидарность, выдав Фрэнку Черчиллю свои подозрения о чувствах, испытываемых Джейн Ферфакс. Вряд ли она поступила правильно, однако ее подозрения были настолько сильны и настолько занимали ее ум, что слова сами сорвались у нее с губ. Кроме того, он так охотно соглашался со всем, что она говорила! Его пове-

дение льстило ее проницательности, и ей в связи с этим трудновато было заставить себя держать язык за зубами.

Другой повод сокрушаться также имел отношение к Джейн Ферфакс, но здесь сомневаться не приходилось. Эмме было определенно, недвусмысленно жаль, что она играет и поет несравненно хуже мисс Ферфакс. Она всем сердцем горевала о том, что в детстве частенько ленилась, и, присев к роялю, усердно поупражнялась полтора часа. Затем ее занятия были прерваны появлением Харриет, и, если бы похвалы Харриет могли удовлетворить ее, она бы, вероятно, вскоре совершенно успокоилась.

— Ах! Вот бы мне играть так же хорошо, как вы и мисс Ферфакс!

— Харриет, не ставьте нас на одну доску. Моя игра столь же напоминает ее, как лампа — солнечный свет.

— Ой! А по-моему, из вас двоих лучше играете вы. По крайней мере, вы играете так же хорошо, как и она. Лично мне больше нравится слушать вашу игру. Вчера вечером все только и говорили о том, как чудесно вы музицировали.

— Люди, которые разбираются в музыке, несомненно, почувствовали разницу. Правда в том,

Харриет, что моя игра всего лишь достойна похвалы, а вот игра Джейн Ферфакс выше всяческих похвал.

— Ну и что! Я всегда буду думать, что вы играете так же хорошо, как и она, а если и есть какая-то разница, то никто ее никогда не обнаружит. Мистер Коул очень хвалил вас за то, с каким чувством вы музицировали, и мистер Фрэнк Черчилль много говорил о выразительности вашей игры. Он сказал, что выразительность в его глазах гораздо более ценное качество, чем техника исполнения.

— Ах, Харриет! Ведь у Джейн Ферфакс есть и то и другое.

— Неужели? Я, конечно, понимаю, что техника у нее безупречная, однако не поняла, выразительно она играет или нет. Об этом никто не говорил. Кстати, я терпеть не могу, когда поют по-итальянски. Ни слова не разберешь! И потом, если она так хорошо играет, знаете ли, она всего лишь выполняет свои обязанности, ведь ей вскоре предстоит заниматься с учениками. Вчера сестры Кокс интересовались, удастся ли ей найти место в какой-нибудь знатной семье. А вы заметили, как они вчера выглядели?

— Как и всегда — очень вульгарно.

— Они кое-что мне сообщили, — нерешительно продолжала Харриет, — только это не имеет никакого значения.

Тут уж Эмма почувствовала себя обязанной спросить, что же сообщили Харриет, хоть и боялась, что сейчас снова всплывет имя мистера Элтона.

— Они сказали, что в прошлую субботу у них обедал мистер Мартин.

— Вот как!

— Он пришел к их отцу по какому-то делу, а отец их пригласил его отобедать с ними.

— Ничего себе!

— Они много говорили о нем, особенно Энн Кокс. Не знаю, на что она намекала, но она спросила меня, собираюсь ли я снова пожить у них следующим летом.

— Она любопытна до неприличия — вот что! Впрочем, чего и ждать от такой девицы, как Энн Кокс!

— Она говорила, что в тот день, когда он обедал у них, он был очень мил. За столом сидел рядом с ней. Мисс Нэш считает, что любая из сестер Кокс будет очень рада выйти за него замуж.

— Вполне возможно… По-моему, все они, без исключения, самые вульгарные девицы во всем

Хайбери.

Харриет нужно было зачем-то зайти к Форду, Эмма сочла наиболее благоразумным пойти с нею. У Форда она могла еще раз случайно встретиться с Мартинами, а, учитывая теперешнее состояние Харриет, такая встреча могла представлять определенную угрозу.

Так как Харриет подолгу стояла у каждой полки с товарами и с полуслова, с полунамека меняла решение, она всегда совершала покупки очень медленно, и, пока она перебирала куски муслина, не решаясь выбрать, Эмма отошла к дверям в поисках развлечения. Возлагать надежды на оживленное движение даже здесь, в самом центре Хайбери, не приходилось: вот торопливо прошел куда-то мистер Перри, а мистер Уильям Кокс вошел в дверь своей конторы, вот повели с разминки лошадей мистера Коула, да протрясся на упрямом ослике случайный рассыльный с почты. Большего развлечения нечего было и ждать. Даже если глазам ее представал всего лишь мясник со своим лотком, опрятная старушка, которая спешила из лавки домой с полной корзинкой, две собаки, грызущиеся из-за грязной кости, и стайка слоняющихся без дела ребятишек, столпившихся вокруг витрины булочника, освещенной фона-

рем, и пожирающих глазами пряники, Эмма понимала, что жаловаться ей грех, и развлекалась как могла — стоять у двери ей не надоедало. Человек живой и непринужденный всегда найдет себе занятие, даже если заняться нечем.

Она посмотрела на дорогу, ведущую к Рэндаллсу. Сцена увеличилась, появились двое действующих лиц: миссис Уэстон и ее пасынок, они, очевидно, направлялись в Хайбери, то есть, разумеется, в Хартфилд. Однако первую остановку вынужденно совершили у дома миссис Бейтс, так как он находился чуть ближе к Рэндаллсу, чем лавка Форда. Едва они успели постучать в дверь, как заметили Эмму. Они тут же перешли улицу и направились прямиком к ней — удовольствие от вчерашнего вечера, казалось, добавило радости сегодняшней их встрече. Миссис Уэстон сообщила, что собирается заглянуть к Бейтсам, дабы послушать, как звучит новый инструмент.

— Ибо мой спутник уверяет, — объяснила она, — что вчера я определенно пообещала мисс Бейтс зайти к ней сегодня. Сама я не помню, чтобы обещала… То есть я забыла, что обещала зайти именно сегодня, а не вообще когда-нибудь… Но раз он говорит, что обещала, значит, я иду.

— А пока миссис Уэстон наносит визит, — вме-

шался Фрэнк Черчилль, — мне, надеюсь, будет позволено присоединиться к вашей компании и подождать ее в Хартфилде, если вы идете домой.

Миссис Уэстон была разочарована:

— Мне-то казалось, что вы собираетесь пойти со мной. Им будет так приятно!

— Кто, я? Да я там буду просто болтаться под ногами. Но может статься… Может, я и здесь нежеланный гость? Судя по виду мисс Вудхаус, ей не хочется принимать меня в компанию. Тетушка всегда отсылает меня прочь, когда идет за покупками. Говорит, я только мешаю ей своей суетой. Кажется, сейчас мисс Вудхаус скажет то же самое. Что же мне делать?

— Я здесь нахожусь не по своим делам, — сказала Эмма, — а просто ожидаю подругу. Наверное, она скоро освободится, и мы пойдем домой. Но вам все же лучше пойти с миссис Уэстон и послушать инструмент.

— Что ж… если вы советуете… Но, — с лукавой улыбкой заметил он, — что, если полковник Кемпбелл поручил выбор инструмента беспечному другу и окажется, что звук у него плохой? Что я скажу? Плохой поддержкой буду я для миссис Уэстон. Она прекрасно справится и сама. Уж она сумеет смягчить неприятную правду. Я же

— последнее существо на свете, способное лгать во спасение.

— Позвольте вам не поверить, — с такой же лукавой улыбкой отвечала Эмма. — Я убеждена, что вы можете быть столь же неискренни, сколь и ваши соседи, когда это необходимо, однако нет никаких оснований предполагать, что инструмент плохо звучит. Как раз наоборот, если я верно поняла высказанное вчера мнение мисс Ферфакс.

— Пойдемте же, пойдемте со мной, — просила миссис Уэстон, — если это не слишком вам противно. Долго мы у них не задержимся. А в Хартфилд сходим после. Мы догоним девушек. Мне так хочется, чтобы и вы пошли со мной! Они будут так тронуты вашим вниманием! И потом, насколько я поняла, ведь вы собирались пойти туда?

Возразить ему было более нечего; и, выразив надежду, что Хартфилд вознаградит его за все страдания, Фрэнк Черчилль вместе с миссис Уэстон вернулся к домику Бейтсов. Эмма видела, как они вошли, затем вернулась к прилавку, у которого все еще стояла Харриет, и попыталась, использовав все свое хитроумие, убедить ее, что если ей нужен гладкий муслин, то ни к чему

перебирать набивной, и что голубая лента, как бы красива она ни была сама по себе, совершенно не подходит к желтой материи. Наконец все благополучно решилось, даже вопрос с доставкой материи.

— Мне прислать сверток к миссис Годдард, сударыня? — осведомилась миссис Форд.

— Да… нет… да, к миссис Годдард. Но… выкройка-то у меня в Хартфилде! Знаете что, если вам не трудно, пришлите материю в Хартфилд. Да, но миссис Годдард тоже захочет взглянуть… А выкройку можно в любой день забрать домой… Но лента понадобится мне сразу — так что лучше послать все в Хартфилд… по крайней мере ленту… Миссис Форд, а не могли бы вы сделать два пакета?

— Харриет, не стоит утруждать миссис Форд двумя пакетами.

— Да, верно… не стоит.

— Помилуйте, сударыня, нисколько вы меня не утруждаете, — сказала услужливая миссис Форд.

— Ах! И верно, лучше упаковать все вместе. Тогда, если позволите, отправьте все к миссис Годдард… ну, не знаю… Нет, мисс Вудхаус, думаю, лучше все же, если все пришлют в Хартфилд, а вечером я сама отнесу все домой. Что вы мне

посоветуете?

— Не думайте больше ни секунды. Миссис Форд, пришлите все, пожалуйста, в Хартфилд.

— Ну вот, так будет лучше всего. — Харриет вздохнула с облегчением. — Действительно, зачем посылать сверток к миссис Годдард?

Тут до них донеслись голоса, а вскоре, у дверей, они встретили миссис Уэстон и мисс Бейтс.

— Моя дорогая мисс Вудхаус! — воскликнула последняя. — Я поспешила сюда, чтобы умолять вас зайти и немножко посидеть с нами и высказать свое мнение о нашем новом инструменте. И мисс Смит мы тоже будем рады. Как поживаете, мисс Смит? Я хорошо, благодарю вас. И вот я упросила миссис Уэстон пойти со мной, чтобы быть уверенной в успехе.

— Надеюсь, миссис Бейтс и мисс Ферфакс…

— Спасибо большое, они чувствуют себя очень хорошо. Матушка — та просто замечательно, и Джейн вчера вечером не простыла. А как здоровье мистера Вудхауса? Ну, до чего же я рада слышать, что все хорошо! Миссис Уэстон сказала мне, что вы здесь… Ах! Тогда, сказала я, я должна забежать в лавку… И уверена, что мисс Вудхаус не сочтет за труд зайти к нам. А уж как матушка будет счастлива ее видеть! А теперь, когда у нас

собирается такая славная компания, она не сможет отказать. «Да, пожалуйста, сходите, — сказал мистер Фрэнк Черчилль. — Стоит послушать мнение мисс Вудхаус об инструменте». Но я сказала, что буду больше уверена в успехе, если кто-нибудь из вас пойдет со мной. «Ах! — ответил он. — Подождите полминутки, пока я закончу работу». Поверите ли, мисс Вудхаус, он сам, самым вежливым образом, вызвался починить заклепку на матушкиных очках… понимаете, сегодня утром заклепка выпала… Он такой предупредительный! А то матушка не может надеть очки и не пользуется ими… Кстати говоря, каждому необходимо иметь по две пары очков. В самом деле без этого не обойтись. Джейн так и сказала. Я собиралась первым делом отнести их в починку к Джону Сондерсу, да все дела, знаете ли, сначала одно, потом другое, всего даже и не упомнишь. То Патти зашла и говорит, мол, кухонную трубу нужно прочистить. А я говорю: Патти, нечего являться ко мне с плохими вестями, когда у вашей хозяйки из очков выскочила заклепка. Потом принесли печеные яблоки, их прислала миссис Уоллис со своим сынком. Они, эти Уоллисы, такие внимательные к нам и такие услужливые всегда… Слыхала я, некоторые говорят, будто миссис

Уоллис бывает очень невежлива и может грубо ответить, но мы от них никогда и слова грубого не слышали… Напротив, с нами они всегда очень любезны. И вовсе не из-за того, что они дорожат своими покупателями, потому что много ли мы сейчас хлеба покупаем? Нас ведь всего трое — вдобавок сейчас, когда с нами милая Джейн, а она ест как птичка — на завтрак почти ничего не съела, вы бы испугались, если бы увидели. Я не осмеливаюсь признаться матушке, как мало она ест, поэтому всегда перевожу разговор, говорю то одно, то другое, она и не замечает. Но примерно в середине дня она чувствует голод, а ничего не любит так сильно, как печеные яблоки… они, кстати, очень полезные, я позавчера узнала у мистера Перри, когда встретилась с ним на улице. Не то чтобы я прежде сомневалась в их пользе — я частенько слышала от мистера Вудхауса, как пользительно съесть печеное яблочко. Полагаю, мистер Вудхаус считает, что только в печеном виде яблоки самые полезные. А мы довольно часто запекаем яблоки в тесте. Патти яблоки в тесте удаются чрезвычайно… Ну, миссис Уэстон, кажется, вам удалось убедить ваших друзей, и они окажут нам честь.

Эмма заявила, что будет «очень рада повидать

миссис Бейтс», и сказала все, что подобает в таких случаях. Наконец они вышли из лавки, более не задерживаемые мисс Бейтс, которая бросила на прощание:

— Здравствуйте, миссис Форд! Прошу прощения. Я вас не заметила. Слышала, у вас появились очаровательные новые ленты из Лондона? Джейн вчера вернулась просто в полном восторге. Спасибо, перчатки прекрасно подошли, только чуточку велики в запястье, но Джейн их ушьет.

Выйдя на улицу, мисс Бейтс присоединилась к остальным и начала:

— О чем бишь это я?

Интересно, подумала Эмма, на каком из многочисленных предметов она наконец остановится?

— Положительно не могу припомнить, о чем я говорила! Ах да! О матушкиных очках. Так любезно со стороны мистера Фрэнка Черчилля! «Ах, — сказал он, — мне серьезно кажется, будто я сумею починить заклепку. В такого рода работах я мастер». Знаете, это так хорошо говорит о нем… Да уж, судя по тому, что я слышала о нем прежде и что ожидала увидеть… Он превзошел все ожидания! Примите, миссис Уэстон, мои искренние поздравления. Кажется, он отвечает всем чаяниям заботливого родителя… Так вот, он сказал: «О!

Я сумею починить заклепку. Мне чрезвычайно нравится такого рода работа». Никогда не забуду его поведения. А когда я принесла из буфета печеные яблоки и выразила надежду, что наши друзья не побрезгуют и отведают по яблочку, он немедленно воскликнул: «Ах! Ничто не сравнится по вкусу с печеными яблоками, не отыщется фрукта и вполовину настолько вкусного, а эти яблоки на вид самые соблазнительные домашние печеные яблоки из всех, какие мне доводилось видеть». Это, знаете ли, было так мило сказано… И я уверена, судя по его поведению, это был не просто комплимент. Яблоки и правда восхитительные, и миссис Уоллис отдает им должное… Только мы ставили их в печь всего лишь раза два, а мистер Вудхаус взял с нас слово, что мы пропечем их трижды, но надеюсь, мисс Вудхаус будет так любезна и не выдаст нас. Сами яблоки того сорта, который лучше всего подходит для запекания… в этом нет никакого сомнения! Все они из Донуэлла — щедрый дар мистера Найтли. Он каждый год присылает нам мешок. И нигде яблоки не держатся так долго, как на одной яблоне из его сада — кажется, всего их у него две. Матушка говорит, что сад его славился еще во времена ее молодости. Но послушайте, какое потрясение

испытала я на днях… Заходит к нам как-то мистер Найтли, а Джейн как раз ела эти яблоки, и мы говорили о них. О том, как они ей нравятся, а он спросил, не подходят ли к концу наши запасы. «По-моему, у вас осталось мало, — сказал он, — и я пришлю вам еще мешок, у меня их намного больше, чем мне нужно. Уильям Ларкинс в этом году оставил гораздо больше яблок, чем обычно. Я пришлю вам еще яблок, пока они не испортились». Я умоляла его не присылать — хотя у нас и правда запас кончается, я не знаю, много ли еще осталось, может, всего с полдюжины, но их все следует сохранить для Джейн. Я совершенно не вынесу, если он пришлет нам еще, несмотря на всю свою щедрость… и Джейн сказала то же самое. А когда он ушел, она почти поссорилась со мной… Нет, я неточно выразилась, ведь мы никогда в жизни не ссоримся… Но она так огорчилась, что я призналась в том, что яблоки почти закончились. Ей-то хотелось, чтобы я убедила его в том, что у нас еще много осталось. «Ах, — сказала я, — милая моя, я ведь и пыталась его убедить как могла!» Так вот, и в тот же вечер приходит к нам Уильям Ларкинс и приносит огромную корзину яблок, того самого сорта — бушель, кажется, и я была так тронута, спустилась вниз и поговорила

с Уильямом Ларкинсом и поблагодарила его как следует, как вы понимаете. Уильям Ларкинс — наш старый знакомый! Я всегда рада его видеть. И представьте, после я узнаю от Патти, что, по словам Уильяма, это были все яблоки того самого сорта, что оставались у его хозяина! Он все их прислал нам — а теперь у его хозяина не осталось ни одного яблочка, чтобы испечь или сварить варенье. Кажется, сам Уильям ничего не имел против, он так радовался, что его хозяин продал много яблок, — потому что Уильям, знаете ли, больше думает о доходах своего хозяина, чем обо всем остальном. Он сказал, что миссис Ходжес была очень недовольна тем, что все яблоки распродали и раздарили. Она и мысли не может допустить о том, что ее хозяин следующей весной останется без яблочного пирога. Он все передал Патти, но просил ее не волноваться и не говорить нам ни слова, потому что миссис Ходжес иногда бывает… ну, словом, бывает грубовата, а так как столько мешков яблок продали на сторону, какое имеет значение, кто доест остатки? В общем, Патти рассказала мне, и представьте себе мое потрясение! Ни за что на свете не хотелось бы мне, чтобы об этом узнал мистер Найтли! Он такой… Я хотела, чтобы Джейн ничего не узнала,

но, к несчастью, я все выложила ей прежде, чем поняла, о чем говорю.

Мисс Бейтс как раз закончила тираду, когда Патти отворила дверь. Гости стали подниматься по лестнице. На некоторое время они были избавлены от постоянного назойливого жужжания, мисс Бейтс лишь неустанно напутствовала их:

— Пожалуйста, миссис Уэстон, будьте осторожны, там на повороте ступенька. Умоляю, не споткнитесь, мисс Вудхаус, у нас на лестнице довольно темно — гораздо темнее и уже, чем можно ожидать. Умоляю, мисс Смит, осторожнее! Мисс Вудхаус, я очень беспокоюсь, как бы вы не ушибли ногу. Мисс Смит, на повороте ступенька!

Глава 28

Войдя в маленькую гостиную, они обнаружили, что там царят мир и благополучие. Лишенная своего обычного рукоделия, миссис Бейтс подремывала, сидя у камина, Фрэнк Черчилль, сидя за столиком рядом с нею, усердно чинил ее очки, а Джейн Ферфакс, которая стояла, повернувшись спиной к вошедшим, была поглощена своим фортепиано.

Как ни был занят молодой человек, он все же оказался способен выразить на лице величайшую радость при виде Эммы.

— Какое удовольствие, — сказал он, понизив голос, — что вы пришли на десять минут раньше, чем я рассчитал! Вот видите, я стараюсь быть полезным. Скажите, как по-вашему, удастся мне починить очки?

— Как? — воскликнула миссис Уэстон. — Вы еще не закончили? В таком случае вам не удастся зарабатывать себе на хлеб починкою очков!

— Я же не работал непрерывно, — оправдывался он, — я еще помогал мисс Ферфакс ровно установить пианино — оно стояло как-то неустой-

чиво. Полагаю, из-за неровности пола. Вот, видите ли, мы подсунули под одну ножку кусок бумаги. Очень мило, что вы согласились прийти! Я почти боялся, что вы заспешите домой.

Он настоял, чтобы Эмму усадили рядом с ним. Долго выбирал и наконец выбрал для нее самое, на его взгляд, аппетитное печеное яблочко и пытался задействовать ее себе в помощь — беспрестанно спрашивал ее совета, пока Джейн Ферфакс не приготовилась снова сесть к инструменту. То, что она не была немедленно готова сесть к пианино, Эмма приписала ее расстроенным нервам — она еще не настолько привыкла к инструменту, не настолько привыкла считать его своим, чтобы прикасаться к клавишам спокойно. Ей надобно было пока убеждать себя сыграть. Ее чувства не могли не тронуть Эмму, и она немедленно решила никогда больше не говорить своему соседу о своей жалости к мисс Ферфакс.

Наконец Джейн заиграла, и, хотя первые ноты были взяты едва слышно, постепенно возможности инструмента раскрылись в полную силу. Миссис Уэстон еще прежде была очарована, и теперь снова получила удовольствие. Эмма присоединила свой голос к ее похвалам. Разобрав все тонкости инструмента, все в один голос заявили,

что фортепиано великолепное.

— Кому бы полковник Кемпбелл ни поручил выбрать его, — сказал Фрэнк Черчилль, улыбаясь Эмме, — этот человек разбирается в инструментах. Я еще по Уэймуту наслышан о превосходном вкусе полковника Кемпбелла. Мягкость верхних нот, уверен, именно то, что особенно оценят и он, и все остальные. Не сомневаюсь, мисс Ферфакс, что он либо дал своему другу подробнейшие инструкции, либо сам написал Бродвуду. Вы так не считаете?

Джейн не оглянулась. Впрочем, вероятно, она не расслышала его слов, так как в тот же миг к ней обратилась миссис Уэстон.

— Это нечестно, — прошептала Эмма, — я ведь только так сказала, наугад. Не огорчайте ее.

Он с улыбкой покачал головой, выглядел он так, словно у него сомнений почти не было, а жалости не было вовсе. Вскоре он начал снова:

— Как, должно быть, порадовались бы за вас ваши друзья в Ирландии, мисс Ферфакс! Они, несомненно, часто вспоминают вас и гадают, когда, в какой именно день попадет к вам инструмент. Как по-вашему, знает полковник Кемпбелл, когда точно его должны были привезти? Вы думаете, он дал им четкие распоряжения от-

носительно дня доставки или же ограничился общими указаниями, не оговорив дня, когда его привезут, указав лишь, чтобы его доставили со всеми удобствами?

Теперь Джейн Ферфакс уже не могла притвориться, будто не расслышала его слов. Теперь ей не удастся отмолчаться…

— До тех пор, пока я не получу письма от полковника Кемпбелла, — сказала она нарочито спокойно, — я ничего не могу предполагать наверняка. До той поры можно только гадать.

— Да… Иногда можно угадать верно, а иногда попадешь пальцем в небо. Хотелось бы мне угадать, скоро ли мне удастся вставить на место заклепку Какая ерунда, мисс Вудхаус, приходит в голову во время напряженной работы. Я болтаю невесть что… Впрочем, полагаю, настоящие ремесленники за работой держат язык за зубами, но мы, джентльмены-рабочие, молчать не можем… Кстати, мисс Ферфакс обмолвилась насчет гадания. Ну вот, готово… — И, повернувшись к миссис Бейтс, он присовокупил: — Имею удовольствие, сударыня, вернуть вам временно починенные очки.

Его столь горячо благодарили и мать, и дочь, что, дабы хоть ненадолго избавиться от словоиз-

вержений последней, он подошел к фортепиано и попросил мисс Ферфакс, которая все еще сидела за инструментом, исполнить для них что-нибудь еще.

— Если будете так любезны, — попросил он, — сыграйте, пожалуйста, один из тех вальсов, что мы танцевали вчера. Помогите мне снова пережить счастливые минуты. Вы не наслаждались ими так, как я… весь вчерашний вечер вы казались мне усталой. Полагаю, вы обрадовались, что мы больше не танцевали, но я отдал бы целый свет… целый мир, будь он в моем распоряжении, еще за полчаса танцев.

Она заиграла.

— Какое счастье снова слышать мелодию, которая по-настоящему осчастливила! Если я не ошибаюсь, под этот вальс танцевали и в Уэймуте?

На какой-то миг она подняла на него взгляд, густо покраснела и заиграла другую мелодию. Взяв стопку нот со стула подле фортепиано, он сказал, обращаясь к Эмме:

— Вот это для меня нечто совершенно новое. Вам эти ноты знакомы? Крамер… А вот новый сборник ирландских песенок. Если вспомнить, кто их прислал, удивляться не приходится… Все

ноты были присланы вместе с инструментом. Какая заботливость со стороны полковника Кемпбелла, не так ли? Он ведь знал, что здесь у мисс Ферфакс нот нет. Я особенно ценю в нем такую предусмотрительность. Она доказывает, насколько от души сделан подарок. Не наспех, не второпях. Полковник продумал все до мелочей. Только подлинная любовь могла руководить дарителем.

По мнению Эммы, он слишком намекал на то, что знает правду, однако его откровенность не могла не позабавить ее. Бросив беглый взгляд на Джейн Ферфакс, она заметила, что та только что улыбалась — за краскою смущения, залившей ее щеки, таилась тихая радостная улыбка, и Эмма тут же перестала корить себя за бесчувственность и больше не испытывала по отношению к Джейн Ферфакс никаких угрызений совести. Подумать только! Эта вежливая, чинная, совершенная Джейн Ферфакс так очевидно лелеет в душе вполне предосудительное чувство!

Он принес Эмме все ноты, и они вместе просмотрели их. Улучив минуту, Эмма прошептала:

— Вы слишком откровенны. Она, наверное, поняла вас.

— Надеюсь на это. Я и хотел, чтобы она поняла

меня. Мне нисколько не стыдно за то, что я намеревался сказать.

— А мне, уверяю вас, все-таки стыдно! И хотелось бы, чтобы подобная мысль никогда не приходила ко мне в голову!

— Я очень рад, что эта мысль пришла вам в голову, а вы сообщили ее мне. Теперь у меня есть ключик ко всем ее странным взглядам и привычкам. Пусть ей будет стыдно! Если она поступает дурно, пусть прочувствует свою неправоту.

— Думаю, она и так мучается…

— По ней не особенно заметно. Вот, слышите — она играет ирландскую песню — «Робин Адер». Это его любимая песня!

Вскоре после того мисс Бейтс, взглянув мимоходом в окно, заметила, что неподалеку проезжает верхом мистер Найтли.

— Представьте себе, мистер Найтли! Я непременно, непременно должна поговорить с ним — просто поблагодарить. Здесь я окно не открою, иначе вы все простудитесь. Я вот что сделаю — пойду в матушкину комнату. Не сомневаюсь, что он зайдет к нам, когда узнает, какие у нас гости! Как приятно видеть вас всех здесь! Какая честь для нашей маленькой гостиной!

Не переставая говорить, она вошла в смеж-

ную комнату и, отворив окно, живо окликнула мистера Найтли. Их разговор был слышен присутствующим во всех подробностях, словно бы мисс Бейтс и не уходила из комнаты.

— Здравствуйте, здравствуйте! Как поживаете? Я — прекрасно, благодарю вас. Мы так признательны вам за вчерашнюю карету. Мы прибыли как раз вовремя, матушка уже ждала нас. Пожалуйста, заходите, прошу вас! Вы застанете у нас кое-каких друзей.

Так начала свою речь мисс Бейтс; мистер Найтли, в свой черед, казалось, хотел быть услышанным, настолько решительно и повелительным тоном отвечал он:

— Как здоровье вашей племянницы, мисс Бейтс? Я намереваюсь справиться обо всех вас, но прежде всего о вашей племяннице. Как здоровье мисс Ферфакс? Надеюсь, вчера она не простудилась? Не хуже ли ей сегодня? Расскажите, прошу вас.

И мисс Бейтс принуждена была отвечать, так как он лишил ее возможности распространяться на отвлеченные темы. Слушатели получили огромное удовольствие. А миссис Уэстон со значением посмотрела на Эмму. Но Эмма покачала головой, упорно отказываясь верить.

— Мы так вам признательны! Не знаем, как и благодарить вас за карету! — заключила мисс Бейтс.

Он прервал ее излияния, заявив:

— Я еду в Кингстон. Привезти вам оттуда что-нибудь?

— Ах, батюшки! Неужели в Кингстон? На днях миссис Коул говорила, что ей что-то нужно в Кингстоне.

— У миссис Коул есть слуги, которых можно послать с поручением. Я спрашиваю, вам что-нибудь привезти?

— Нет, спасибо. Но зайдите, пожалуйста. Как вы думаете, кто сейчас сидит у нас в гостях? Мисс Вудхаус и мисс Смит! Они были так добры, что согласились зайти послушать, как звучит новое фортепиано. Прошу вас, оставьте лошадь у «Короны» и заходите.

— Что ж, — отвечал он как бы нехотя, — если только на пять минут.

— И миссис Уэстон тоже здесь, и мистер Фрэнк Черчилль! Какая радость — столько друзей!

— Впрочем, нет, спасибо… сегодня у меня и двух минут нет. Мне надобно торопиться в Кингстон.

— Ах, зайдите, пожалуйста! Они будут так рады видеть вас.

— Нет-нет, у вас и без меня полно гостей. Я зайду как-нибудь в другой раз и послушаю фортепиано.

— Ах, какая жалость! Да, мистер Найтли, а какой вчера был чудный вечер, просто необыкновенный! Вы когда-нибудь видели такие танцы? Ну не прелесть ли? Мисс Вудхаус и мистер Фрэнк Черчилль — никогда не видела лучшей пары.

— О да! Великолепно! Меньшего я не скажу, ибо полагаю, что мисс Вудхаус и мистеру Фрэнку Черчиллю слышно каждое слово. Кстати, — добавил он, слегка повышая голос, — не понимаю, почему бы не упомянуть и мисс Ферфакс? По-моему, мисс Ферфакс прекрасно танцует. А миссис Уэстон без преувеличения можно назвать лучшей исполнительницей контрдансов во всей Англии. А теперь, если ваши друзья испытывают к нам признательность, они в ответ громко скажут что-нибудь любезное о нас с вами. Однако у меня уже нет времени их слушать.

— Ах! Мистер Найтли, еще всего секунду… Я хочу вам сказать что-то важное… Я так потрясена! Мы с Джейн обе потрясены… Ваши яблоки!

— Что такое с яблоками?

— Подумать только, вы прислали нам все свои яблоки! Вы сказали, у вас их очень много, и вот

теперь у вас ни одного не осталось. Мы буквально ошарашены! И как, наверное, сердится миссис Ходжес. Уильям Ларкинс намекнул на это. Не стоило посылать нам яблоки, право, не стоило. Ах! Он уже уехал. Не выносит, когда его благодарят. Но он, по-моему, уже готов был зайти, и было бы жаль не заговорить… — С этими словами мисс Бейтс вернулась в гостиную. — Мне не удалось уговорить его зайти. Мистер Найтли не может задерживаться. Он спешит в Кингстон. Спрашивал меня, не нужно ли нам чего-нибудь привезти…

— Да, — кивнула Джейн, — мы слышали его любезное предложение, мы все слышали.

— Ах! Как же я не поняла, что вам все было слышно, милочка! Видите ли, дверь была открыта, и окно было распахнуто, а мистер Найтли говорил громко. Право слово, вы, наверное, слышали весь разговор. «Не нужно ли вам привезти чего-нибудь из Кингстона?» — спросил он. Так что я просто вспомнила… О, мисс Вудхаус, неужели вы уже уходите? Кажется, вы только пришли… Так мило с вашей стороны!

Эмма решила, что ей и правда пора домой — визит изрядно затянулся. Посмотрев на часы, она обнаружила, что утро уже почти на исходе. Миссис Уэстон со своим спутником тоже собрались

уходить. Теперь им хватало времени лишь на то, чтобы проводить Эмму и Харриет до ворот Хартфилда, а потом возвращаться к себе в Рэндаллс.

Глава 29

Бывает, что люди вообще обходятся без танцев. Известны отдельные случаи, когда молодежь достаточно успешно многие месяцы обходится без единого бала, достойного упоминания, причем без существенного ущерба для тела и души; однако, едва начав, только испытав радость стремительного движения, даже на короткое время, редкое общество не захочет потанцевать еще раз.

Фрэнк Черчилль уже танцевал в Хайбери однажды, и ему не терпелось повторить; в тот вечер, когда мистера Вудхауса уговорили вместе с дочерью посетить Рэндаллс, двое молодых людей добрых полчаса строили планы относительно танцев. Первая мысль о бале принадлежала Фрэнку, и он с необычайным рвением развивал ее, ибо женщина лучше мужчины может судить о грядущих трудностях и более его взволнована местом проведения бала и своим внешним видом. Но все же Эмме снова захотелось показать всем, как чудесно танцуют мистер Фрэнк Черчилль и мисс Вудхаус, захотелось продемонстрировать

то, в чем она, не краснея, могла сравниться с Джейн Ферфакс. Кроме того, ей даже просто хотелось потанцевать ради самих танцев, без всяких тщеславных ухищрений. Она вызвалась помочь ему измерить шагами комнату, в которой они находились, дабы определить, сколько человек способна она вместить, а затем так же измерить другую гостиную, и убедить мистера Уэстона, уверявшего всех, что две комнаты совершенно одинаковы, в том, что вторая гостиная чуточку больше.

Первое предложение Фрэнка Черчилля устроить бал и просьба собрать то же общество и пригласить ту же музыкантшу, что и у мистера Коула, были встречены с безоговорочным одобрением. Мистеру Уэстону мысль о бале пришлась очень по сердцу, а миссис Уэстон выказала добродушное согласие играть до тех пор, пока молодежи не надоест танцевать; все пустились в интересные и волнующие вычисления: сколько человек придет на бал и хватит ли места для всех танцующих пар.

— Вы, да мисс Смит, да мисс Ферфакс — это трое, да двое сестер Кокс — пять, — было повторено много раз кряду. — А потом, Гилбертов будет двое, затем молодой Кокс, мой отец и я, а кроме того,

мистер Найтли. Да, нас будет вполне достаточно для того, чтобы бал удался. Вы, да мисс Смит, да мисс Ферфакс — это трое, да двое девиц Кокс — это пять, а для пяти пар места будет вполне достаточно.

Однако вскоре пришел черед сомнениям. С одной стороны, родился вопрос:

— Но достанет ли места для пяти пар? Как-то сомнительно…

А с другой стороны:

— Что такое, собственно говоря, пять пар? Пяти пар недостаточно, чтобы ради этого устраивать бал. Это совершенно несерьезно. Ради пяти пар даже затеваться не стоит! С такого количества можно только начинать считать приглашенных.

Кто-то сказал, что, кажется, приезжает мисс Гилберт, и ее тоже необходимо пригласить вместе с братом. Кто-то еще добавил, что сама миссис Гилберт протанцевала бы весь прошлый вечер, если бы ее кто-нибудь пригласил. Кто-то замолвил словечко за второго молодого Кокса, и, наконец, мистер Уэстон вспомнил об одном семействе кузенов, которых тоже надлежит включить в список приглашенных, и еще об одних старинных приятелях, которых ни в коем случае нельзя обойти; тут стало очевидным, что

вместо пяти пар приглашены будут по меньшей мере десять, и настал черед весьма волнующих размышлений на тему, как их всех разместить.

Двери двух гостиных находились точно напротив друг друга. «Может быть, можно объединить две комнаты, а танцевать в коридоре?» Вначале этот план показался наилучшим, однако большинству присутствующих показалось, что можно придумать кое-что поинтереснее. Эмма заявила, что танцевать в коридоре неудобно, миссис Уэстон расстраивалась из-за ужина, а мистер Вудхаус серьезно восстал против танцев в коридоре из-за угрозы здоровью. План этот поверг его в такое расстройство, что стало ясно: этому не бывать.

— Ах нет! — сказал он. — Танцевать в коридоре — верх неблагоразумия. Для Эммы такое просто недопустимо! У Эммы слабое здоровье. Она схватит серьезную простуду. И бедняжка Харриет тоже. Да и все мы. Миссис Уэстон, ведь вы не станете их слушать? Не позволяйте им затевать подобное безумство. Умоляю, не позволяйте! Этот молодой человек, — добавил он, понизив голос, — весьма безрассуден. Не говорите его отцу, но не очень-то он мне по душе. Сегодня вечером он без конца открывает двери и забывает их закрывать — о чем он думает? Совершенно забывает

о сквозняках. Я не собираюсь настраивать вас против него, однако он решительно не внушает мне доверия!

Миссис Уэстон очень огорчилась подобным приговором. Она-то прекрасно понимала важность закрытых дверей и пообещала использовать все свое влияние для того, чтобы исключить сквозняки. Все двери были теперь закрыты, план с коридором решительно забракован, и все снова принялись обсуждать отвергнутую было возможность танцевать в той комнате, где они сейчас находились; покладистый Фрэнк Черчилль, который четверть часа назад утверждал, будто места едва хватит для пяти пар, уже горячо уверял всех, что в комнате свободно разместятся десять пар.

— Мы слишком размахнулись, — говорил он. — К чему нам столько лишнего места? Десять пар прекрасно смогут здесь танцевать.

Эмма не соглашалась:

— Будет толпа — все будут толкаться! А что может быть хуже, чем танцевать и не иметь возможности повернуться, чтобы не задеть другую пару?

— Совершенно верно, — соглашался он, — это никуда не годится. — Но все же он продолжал подсчеты и наконец заявил: — Мне кажется, здесь

вполне хватит места для десяти пар.

— Нет-нет, — отвечала она, — рассудите здраво! Ужасно будет танцевать вплотную друг к другу. Ничто так не портит удовольствия, как толкотня в бальной зале — причем в маленькой зале!

— Невозможно отрицать это, — был ответ. — Я полностью согласен с вами. Толпа в маленькой комнате… Мисс Вудхаус, у вас дар несколькими словами нарисовать точную картину. Просто поразительно! Но все же, раз мы уже так далеко зашли, не хотелось бы отказываться от мысли о бале. Как огорчится батюшка — и вообще… я просто не знаю… Я все же остаюсь при своем мнении о том, что здесь могут разместиться десять пар.

Эмма догадывалась, что молодой человек соглашается с ней не вполне бескорыстно: он скорее готов противоречить всем, чем отказаться от возможности потанцевать с ней. Однако она благосклонно приняла его комплимент и простила ему остальное. Намеревайся она выйти за него замуж, может быть, стоило бы в таком случае помолчать и подумать и попытаться понять причину его пристрастности, а также уяснить некоторые особенности его характера, но в качестве просто знакомого Фрэнк Черчилль казался ей очень милым.

Еще до полудня следующего дня он уже был в Хартфилде, и вошел он в гостиную с такой довольной улыбкой, что Эмма сразу поняла: его надежды небезосновательны. Так оно и оказалось. Он пришел, чтобы объявить им о том, что все складывается наилучшим образом.

— Ну, мисс Вудхаус, — заявил он почти сразу же, как вошел, — надеюсь, у вас не пропало желание потанцевать из опасения, что в батюшкином доме комнаты слишком малы. Я принес новое предложение по данному вопросу. Собственно говоря, идея принадлежит моему отцу, который ждет лишь вашего одобрения, чтобы немедленно приступить к делу. Могу я надеяться на честь протанцевать с вами два первых танца на нашем маленьком балу, если мы дадим его не в Рэндалл-се, а в трактире «Корона»?

— В «Короне»?

— Да! Если у вас и у мистера Вудхауса, паче чаяния, нет возражений, то батюшка выражает надежду, что его друзья не откажут ему в любезности и примут его приглашение. В «Короне» они могут рассчитывать на больший простор, однако и гостеприимство не уступит рэндаллскому. Вот его собственные слова. Миссис Уэстон не видит препятствий при условии, если вы не будете

против. Это наше общее пожелание. О! Вы были совершенно правы! Десять пар в любой из двух рэндаллских гостиных не разместились бы ни в коем случае! Просто ужас! Теперь я понимаю, насколько вы все время были правы, но я был слишком нетерпелив и готов был согласиться на что угодно ради желания устроить бал. Не правда ли, неплохая замена? Ну соглашайтесь же… скорее соглашайтесь!

— Кажется, против такого плана никто возражать не станет, если мистер и миссис Уэстон не против. По-моему, план просто превосходный, что касается меня лично, то я почту за счастье… Кажется, ничего лучше и придумать невозможно. Папа, как по-вашему, правда, лучше не придумаешь?

Ей пришлось растолковать батюшке все сначала, и не один раз, прежде чем он понял все до конца; поскольку идея была совершенно новой для него, необходимы были подробнейшие разъяснения, чтобы он мог с нею согласиться. Нет, он не считает, что план хорош. Напротив, он куда хуже, чем тот, прежний. В трактире всегда сыро и опасно, там никогда не проветривают как следует… Вообще, в трактирах невозможно находиться без вреда для здоровья. Если уж им так необхо-

димо танцевать, пусть танцуют в Рэндаллсе. Он никогда в жизни не был в зале «Короны» и совершенно не знаком с хозяевами трактира… Ах нет, план очень плох, хуже некуда. Они простудятся в «Короне», они все там заболеют!

— Я как раз собирался заметить, сэр, — сказал Фрэнк Черчилль, — что мы решили остановиться на «Короне» именно из-за того, что там вероятность подхватить простуду ничтожно мала — скорее простудиться можно в Рэндаллсе, чем в «Короне»! У мистера Перри, возможно, еще были бы основания быть недовольным переменой, но больше ни у кого.

— Сэр, — сказал мистер Вудхаус довольно запальчиво, — вы глубоко заблуждаетесь, ежели подозреваете в мистере Перри подобные чувства. Мистер Перри всегда огорчается до глубины души, если кто-либо из нас заболевает. Но я не возьму в толк, отчего зала в «Короне» безопаснее, нежели дом вашего батюшки?

— Оттого, сэр, что она больше. Нам и окон-то открывать не придется — ни разу за целый вечер… А именно ужасная привычка открывать окна и впускать холодный воздух, который, как вам прекрасно известно, оказывает такое дурное действие на разгоряченные тела, и является при-

чиной простуд и болезней.

— Открытые окна! Но, мистер Черчилль, никто же всерьез не собирается открывать окна в Рэндаллсе! Никто не проявит подобного неблагоразумия. Неслыханно! Танцевать с открытыми окнами! Уверен, ни ваш батюшка, ни миссис Уэстон (то есть в прошлом бедная мисс Тейлор) не вынесут этого.

— Ах, сэр! Но бывает, что какой-нибудь легкомысленный юнец возьмет да и зайдет за штору и распахнет окно настежь! Я сам сколько раз бывал свидетелем подобных случаев.

— Неужели? Господи помилуй! Я и помыслить не мог… Но я живу вдали от света и часто изумляюсь тому, что приходится узнавать. Однако это в корне меняет дело. Может, потом, когда мы все хорошенько обдумаем… дела такого рода требуют серьезного размышления. Тут нельзя решать наспех. Если мистер и миссис Уэстон будут так любезны заглянуть к нам как-нибудь утром, мы можем все обсудить и посмотреть, что можно тут предпринять.

— Но, сэр, к несчастью, время моего пребывания здесь настолько ограничено…

— Позвольте, — вмешалась Эмма, — у нас хватит времени все подробно обсудить. Никакой

спешки нет. Папа, если вы согласитесь с тем, что бал состоится в «Короне», то это будет очень удобно для лошадей. Они окажутся совсем рядом с собственной конюшней.

— Верно, верно, голубушка. Это важное соображение. Не то чтобы Джеймс когда-либо проявлял недовольство, однако подобает беречь лошадей, когда только можно. Если бы я мог быть совершенно уверенным в том, что комнаты там как следует проветрят… но можно ли доверять миссис Стоукс? Сомневаюсь. Я ее не знаю, даже шапочно не знаком с нею.

— Я могу поручиться за все детали, сэр, потому что миссис Уэстон позаботится обо всем. Миссис Уэстон вызвалась присмотреть за тем, чтобы все было как должно.

— Вот видите, папенька! Теперь можете быть покойны, наша милая миссис Уэстон — воплощение заботы. Разве не помните вы, что сказал мистер Перри много лет назад, когда у меня была корь? «Ну, раз укрывать мисс Эмму взялась сама мисс Тейлор, вам, сэр, совершенно нечего бояться». Сколько раз я слышала, как вы признавали эти его слова лучшим комплиментом ей!

— Верно, верно, мистер Перри действительно так говорил. Я никогда не забуду… Бедная ма-

лышка Эмма! Ты очень тяжело переносила корь… То есть тебе было бы очень плохо, если бы не забота Перри. Целую неделю он заходил к нам по четыре раза на дню. С самого начала он заявил, что у тебя легкая форма болезни, чему мы очень порадовались… Но вообще корь — заболевание тяжкое. Надеюсь, когда малыши милой Изабеллы подхватят корь, она пошлет за Перри.

— Сейчас мой отец и миссис Уэстон находятся в «Короне», — продолжал Фрэнк Черчилль. — Они изучают вместимость тамошней залы. Я оставил их там, а сам поспешил в Хартфилд, так как мне не терпелось услышать ваше мнение. Я надеялся, что, может быть, вас удастся уговорить присоединиться к ним и поделиться своими соображениями на месте. Оба они хотели, чтобы я передал вам их пожелания. Для них не будет больше радости, чем ваше согласие пойти со мной туда. Без вас они не справятся.

Эмма испытала величайшую радость оттого, что ее зовут для такого рода совета, и, оставив мистера Вудхауса поразмышлять обо всем на досуге, пока ее не будет дома, двое молодых людей без промедления отправились в «Корону». Там ждали их мистер и миссис Уэстон, они рады были видеть Эмму и получить ее одобрение. Каждый был

очень занят и очень счастлив по-своему, миссис Уэстон пребывала в некотором замешательстве, а ее супруг находил все просто превосходным.

— Эмма, — сказала миссис Уэстон, — обои хуже, чем я предполагала. Посмотрите! Видите, местами они ужасно засаленные, а деревянные панели пожелтели и в невообразимо жалком состоянии.

— Дорогая, вы слишком дотошны, — возразил ее муж. — Какое все это имеет значение? Уверяю вас, никто ничего не заметит. При свечах здесь будет казаться так же чисто, как в Рэндаллсе. Когда мы собираемся здесь играть в карты, никто и не смотрит ни на обои, ни на панели.

Тут дамы вздохнули и обменялись многозначительными взглядами, которые как бы говорили: «Мужчины никогда не отличат чистое от грязного», а джентльмены, возможно, подумали — каждый про себя: «Женщины вечно беспокоятся о мелочах, которые и внимания-то не стоят».

Однако возникло одно осложнение, которого не могли не заметить даже мужчины. Касалось оно столовой. В те времена, когда соорудили бальную залу, ужинать после танцев было не принято; единственным дополнением к зале была маленькая смежная комнатка для игры в карты. Что же делать? Эта игорная комнатка и теперь

понадобится именно для игры — если четверо присутствующих и готовы были отказаться от карт, все равно, не слишком ли мало помещение для того, чтобы в нем с удобством поужинать? Для ужина можно было бы воспользоваться другой комнатой, куда более подходящей по размерам, но она находилась в противоположном конце дома, а добираться туда нужно было длинным неудобным коридором. В этом и состояла главная трудность. Миссис Уэстон опасалась, что в коридоре молодым людям угрожают сквозняки, а Эмме и джентльменам невыносима была мысль о тесноте во время ужина.

Миссис Уэстон предложила не устраивать ужина в обычном смысле слова: ограничиться бутербродами и тому подобными закусками, накрытыми в маленькой комнате. Однако предложение было с негодованием отвергнуто. Вечер с танцами, после которых нельзя посидеть и поужинать, провозгласили не балом, а подделкой, бесславным издевательством над правами мужчин и женщин. Нет-нет, пусть миссис Уэстон даже не заикается об этом! Тогда миссис Уэстон избрала другой путь: заглянув в комнату, вызывавшую столько нареканий, она заметила:

— А мне она не кажется такой уж маленькой.

Ведь нас, знаете ли, будет немного.

В это же время мистер Уэстон, большими шагами измерявший длину коридора, громко крикнул с противоположного его конца:

— Дорогая, ты преувеличиваешь длину этого коридора. В конце концов, он вовсе не длинный. И никакого сквозняка с лестницы.

— Вот бы знать, — вздохнула миссис Уэстон, — что больше понравится нашим гостям! Мы должны стремиться к тому, чтобы угодить по возможности всем — если бы только знать, на что решиться!

— Да-да, — воскликнул Фрэнк, — совершенно верно! Вам необходимо знать мнение соседей. Я нисколько не удивляюсь вашему решению. Если бы знать, что предпочтут главные из приглашенных — например, Коулы. Они, кстати, живут совсем недалеко отсюда. Может, мне сходить за ними? А как насчет мисс Бейтс? Она живет еще ближе… Кому, как не мисс Бейтс, легче представить чаяния и склонности остальных гостей? Мне кажется, нам нужно созвать более обширный совет. Давайте я схожу за мисс Бейтс и приглашу ее присоединиться к нам!

— Да… если вам угодно, — ответила миссис Уэстон несколько нерешительно. — Если вам

кажется, что ее советы нам пригодятся…

— От мисс Бейтс вы толку не добьетесь, — вмешалась Эмма. — Она будет лучиться от радости и признательности, однако ничего путного не скажет. Она даже не дослушает ваших вопросов. Нет, я не вижу смысла звать мисс Бейтс.

— Но она такая забавная, просто потеха! Обожаю слушать ее болтовню. Наверное, нет нужды приводить сюда все ее семейство?

Тут к ним подошел мистер Уэстон и, услышав, что предлагает его сын, решительно одобрил его идею:

— Да, Фрэнк, позови ее. Ступай и немедленно приведи мисс Бейтс. Уверен, наш план ей понравится. Не знаю другой особы, которая с большей готовностью убедит нас, что наши опасения гроша ломаного не стоят. Приведи мисс Бейтс. Мы становимся слишком привередливыми. Она — ходячий пример того, как можно быть счастливым. Только приведи обеих. Слышишь? Я обеих приглашаю.

— Обеих, сэр?! Неужели и старушку…

— Старушку?! Да нет же, молодую! Фрэнк, я сочту тебя величайшим болваном, если ты приведешь тетку без ее племянницы.

— О! Прошу прощения, сэр. До меня не сразу до-

шло. Ну разумеется, если вы хотите, я постараюсь уговорить прийти их обеих. — И он опрометью выбежал из комнаты.

Задолго до того, как он вернулся в сопровождении низенькой опрятной тетушки, семенящей торопливыми шажками, и ее элегантной племянницы, миссис Уэстон, как женщина покладистая и хорошая жена, снова измерила шагами коридор и нашла, что она несколько преувеличивала его недостатки — все их опасения оборачивались сущими пустяками. На том трудности с принятием решения и закончились. Все остальные, по крайней мере на словах, выразили совершеннейшее свое согласие. Все мелкие затруднения, как то: стол, стулья, освещение, музыка, чай и ужин — разрешились тут же, на месте, или были оставлены для обсуждения совместно с миссис Стоукс… Все приглашенные заявили, что наверняка придут. Фрэнк заранее написал в Энскум с просьбой разрешить ему остаться еще на несколько дней сверх оговоренных двух недель, и не было никаких оснований полагать, что ему откажут. Бал обещал выйти на славу.

Мисс Бейтс по прибытии немедленно согласилась с тем, что бал должен получиться. В советах ее более не испытывали нужды, однако одобре-

ние ее (куда более безопасная роль) искренне порадовало всех. Да и как могли не прийтись по душе ее теплые и искренние похвалы всему и всем? В следующие полчаса все бродили по комнатам: кое-кто вносил предложения, остальные просто сопровождали друзей, но все испытывали чувство радостного предвкушения. Все разошлись только после того, как Эмма положительно обещала герою вечера два первых танца и услышала, как мистер Уэстон шепчет жене:

— Он ангажировал ее, дорогая. Вот и правильно! Я так и знал.

Глава 30

Для того чтобы Эмма осталась совершенно довольна, недоставало лишь одного: чтобы бал состоялся в срок, отведенный Фрэнку Черчиллю для пребывания в Суррее. Несмотря на заверения мистера Уэстона, она вовсе не считала невозможным отказ со стороны Черчиллей позволить племяннику на день продлить свое пребывание сверх оговоренных двух недель. Однако в две недели уложиться было совершенно невозможно. Довольно много времени должны были занять необходимые приготовления; ранее третьей недели все нельзя было сделать надлежащим образом. И в продолжение следующих нескольких дней они вынуждены были строить планы, готовиться и терзаться в неизвестности, рискуя — по мнению Эммы, сильно рискуя — тем, что все их надежды окажутся тщетными.

Однако хозяева Энскума проявили милосердие — если не на деле, то хотя бы на словах. Очевидно, желание племянника задержаться в Суррее им не понравилось, но ему не перечили. Все было спокойно и сулило счастье; правда, как только

одна забота благополучно разрешилась, она тут же уступила место другой. Не беспокоясь отныне о судьбе бала, Эмма начала волноваться по поводу вызывающего безразличия к предстоящему событию мистера Найтли. Потому ли, что сам он не танцевал, или же потому, что бал устраивали, не спросив его мнения, он, казалось, решительно не интересовался предстоящим событием, отказался выказывать по поводу бала какое-либо любопытство и не предвкушал никакого удовольствия, говоря о нем. В ответ на свои настойчивые расспросы Эмма не услышала от него ничего обнадеживающего. «Что ж… Раз Уэстоны считают, что ради нескольких часов шумных забав стоит взваливать на себя столько забот и хлопот, я не имею ничего против… Хотя для меня развлечений там не предусмотрено… О да! Я обязан там быть! Отказать я не мог… Постараюсь не заснуть там. Однако я бы предпочел оставаться дома и просмотреть недельный отчет Уильяма Ларкинса. Признаю, я бы с радостью никуда не ходил… Сомнительное удовольствие — наблюдать за танцующими! Нет, это не для меня: я никогда не смотрю на танцы… и не знаю никого, кто бы не был со мной согласен… По-моему, хорошему танцору наградою служит его собственное

мастерство. А те, кто глазеет на танцующих, обыкновенно думают о чем-то совершенно постороннем».

Эмма поняла, что он хочет уязвить ее, его намеки чрезвычайно злили ее. Однако вовсе не Джейн Ферфакс причиною тому, что он так равнодушен и так высокомерен: он руководствуется не ее взглядами, когда порицает бал, ибо она-то как раз с величайшим воодушевлением восприняла мысль о танцах. Она не только показала свою крайнюю заинтересованность, но, отбросив обычную сдержанность, впервые выразила какое-то живое чувство, воскликнув:

— Ах, мисс Вудхаус! Надеюсь, не случится ничего такого, что помешает балу! Какое это было бы разочарование! Мне так не терпится побывать на нем… Признаюсь, я предвкушаю огромное удовольствие!

Значит, вовсе не из-за Джейн Ферфакс мистер Найтли предпочел бы балу общество Уильяма Ларкинса. Нет! Эмма все больше и больше убеждалась в том, что на его счет миссис Уэстон сильно заблуждалась. По отношению к Джейн Ферфакс с его стороны явственно угадывались дружеское участие и сочувствие, но никак не любовь.

Увы! Вскоре ссоры и размолвки с мистером

Найтли показались Эмме детской забавой. За двумя днями спокойного и радостного ожидания немедленно последовало крушение всех надежд. Мистер Черчилль прислал письмо с требованием к племяннику немедленно возвращаться. Миссис Черчилль нездорова — ей так плохо, что она не может обойтись без него. Два дня назад, когда она писала племяннику, ее, по словам мистера Черчилля, мучили сильные боли, хотя благодаря своему всегдашнему нежеланию кого-либо огорчать и постоянной привычке не думать о себе она ни словом не упомянула о своих страданиях. Однако теперь ей так плохо, что она уже не в силах скрывать свое состояние и вынуждена просить его без промедления отправляться в Энскум.

Содержание письма было немедленно передано Эмме в записке от миссис Уэстон. Отъезд его был неизбежен. Ему необходимо выехать в течение ближайших часов, хотя он и не чувствует, что тетушке угрожает серьезная опасность. Это могло бы уменьшить его нерасположение к отъезду. Он отлично изучил природу ее приступов: они всегда случались в те моменты, когда ей это было выгодно.

От себя миссис Уэстон добавила: «У него осталось так мало времени, что сразу после завтрака

он бегом отправился в Хайбери — попрощаться с некоторыми друзьями, которые могли пожалеть о его отъезде. Его можно ожидать в Хартфилде с минуты на минуту».

Злополучную записку принесли во время завтрака, и у Эммы мгновенно пропал аппетит. Что остается делать, прочитав такую записку? Только сокрушаться и сожалеть. Отмена бала, отъезд молодого человека, кстати, как этот молодой человек должен сейчас переживать! Ах, как некстати! У них мог бы быть такой чудесный вечер! Все были бы так довольны — а она со своим кавалером довольнее всех…

— Я так и знала! — только и оставалось ей воскликнуть.

Чувства ее отца были вполне предсказуемы. Главным образом его заботило состояние здоровья миссис Черчилль, и он хотел узнать, как ее лечат. Что же касается всего остального, мистер Вудхаус с огорчением заметил, что отмена бала очень расстроила милую Эмму, но дома им всем будет покойнее.

Эмма приготовилась к приходу гостя задолго до его появления, однако, если его неспешность бросала тень на его чувства, она искупалась его скорбным видом и полным упадком духа, когда

он наконец появился. Он слишком переживал необходимость отъезда, чтобы говорить о нем. Его подавленность была совершенно очевидна. Первые несколько минут он просидел с совершенно потерянным видом, когда же очнулся от своих раздумий, то произнес только:

— Из всех несчастий расставание — самое худшее.

— Но вы же приедете снова, — сказала Эмма. — Не последний же раз вы приезжаете в Рэндаллс.

— Ах! — воскликнул он, качая головой. — Я и понятия не имею, когда смогу вернуться! Буду стремиться сюда всей душой… всеми помыслами и чаяниями… И если дядюшка с тетушкой весною поедут в Лондон… Но боюсь… прошлой весной они не выезжали из дому… боюсь, с обычаем ездить в Лондон покончено раз и навсегда.

— О нашем скромном бале тоже можно забыть навеки.

— Ах! Этот бал! Ну почему мы так долго тянули? Почему сразу не воспользовались случаем? Сколь часто счастье бывает разрушено долгими приготовлениями, глупыми приготовлениями! Помните, вы ведь говорили, что так и будет? О, мисс Вудхаус, зачем вы всегда оказываетесь правы?

— Мне правда очень жаль, что в данном случае я оказалась права. Куда лучше веселиться, чем прослыть мудрой.

— Если я все же вернусь, мы непременно устроим наш бал! Батюшка очень на это рассчитывает. Не забывайте же наш уговор!

Эмма одарила молодого человека благосклонным взглядом.

— Какие чудесные были эти две недели! — продолжал он. — Каждый новый день более драгоценный и более радостный, чем предыдущий… И с каждым днем меня все меньше тянуло куда-то в другое место… Счастливцы те, кто могут остаться в Хайбери!

— Поскольку вы столь щедро воздаете нам хвалу, — смеясь, отвечала Эмма, — я осмелюсь задать вопрос: не испытывали ли вы сомнений, когда ехали сюда? Мы превзошли ваши ожидания? Уверена, что да. Я уверена, что вы сомневались, понравится ли вам здешнее общество. Вы бы не медлили так долго с приездом, если бы с приятностью думали о Хайбери с самого начала.

Он рассмеялся довольно пристыженно, и, невзирая на то, что он отрицал предъявленное ему обвинение, Эмма была убеждена, что он испытывал именно те чувства, которые она ему

приписывала.

— И вам необходимо уехать именно сегодня? Сейчас?

— Да, отец должен скоро прийти сюда. Мы вместе вернемся в Рэндаллс, откуда я немедленно поеду обратно. Я почти боюсь, что он будет с минуты на минуту.

— И у вас недостанет и пяти минут для ваших друзей — мисс Ферфакс и мисс Бейтс? Как им не повезло! Властный и логичный ум мисс Бейтс не сумел вас подчинить?

— А я уже побывал у них! Проходя мимо их дома, я почел за лучшее зайти и попрощаться. Я собирался пробыть у них минуты три, но задержался, потому что мисс Бейтс была в отлучке. Она вышла, и я не мог не подождать, пока она вернется. Над такой женщиной невозможно, нельзя не смеяться, однако ею нельзя пренебречь. Следовательно, я счел необходимым соблюсти вежливость… Он замолчал, встал, подошел к окну.

— Короче говоря, — продолжал он, — возможно, мисс Вудхаус… думаю, вы вряд ли заподозрите меня в том…

Он посмотрел на нее так, словно хотел прочитать ее мысли. Эмма не знала, что сказать.

Его слова казались предвестниками какого-то серьезного объявления, объяснения, которого она совсем не желала. Однако, дабы он не счел ее молчание поощрением, она спокойно сказала:

— Вы поступили совершенно правильно! Самым естественным было нанести прощальный визит…

Он молчал. Ей показалось, что он смотрит на нее — возможно, размышляя над ее словами и пытаясь угадать их значение. Она услышала, как он вздохнул. Естественно для него было полагать, что у него есть повод вздыхать. Пусть не думает, будто она его поощряет. Прошли несколько неловких секунд, и он снова сел и более решительно сказал:

— Почему-то мне показалось, что оставшееся здесь время я обязан провести в Хартфилде. Мое почтение к Хартфилду столь велико…

Он снова замолчал и выглядел очень смущенным… Эмма поняла, что он куда больше влюблен в нее, чем ей представлялось. И кто знает, чем бы все это закончилось, не появись в это время его отец? Мистер Вудхаус не замедлил с прибытием, он был подавлен, однако старался не показывать виду.

Спустя несколько минут испытанию пришел

конец. Мистер Уэстон, всегда такой собранный, когда речь шла о неотложных делах, и столь же неспособный отодвигать неизбежное зло, сколь и неспособный предвидеть будущее, сказал: «Пора!» И молодой человек, как бы ни был он опечален (все это время он просидел вздыхая), не мог не согласиться с отцом. Он встал и собрался уходить.

— Буду с нетерпением ждать вестей от вас, — заявил он, — это мое единственное утешение.

Я буду знать обо всем, что у вас происходит. Миссис Уэстон была столь добра, что согласилась писать мне. Она обещала! Ах! Какая удача — иметь возможность переписываться с дамой, когда столь интересуешься вестями! Она напишет мне обо всем. Благодаря ее письмам я будто снова окажусь в милом Хайбери.

Он тепло, по-дружески пожал ей руку, многозначительно произнес: «До свидания», и вскоре дверь за Фрэнком Черчиллем закрылась. Сборы были недолги, прощание было коротким, и вот он уехал. А Эмме так жаль было расставаться с ним, такую потерю предвидела она в его лице для их маленького общества, она начала уже бояться, что будет слишком жалеть о его отъезде и слишком глубоко будут затронуты ее чувства.

Печальные перемены. Со дня его приезда они виделись почти каждый день. Конечно, его присутствие в Рэндаллсе очень оживило местную жизнь — неописуемо оживило и изменило к лучшему; приятна была мысль о нем, ежеутренняя надежда видеть его, уверенность в его внимании, его живость, его веселость и безукоризненные манеры! Да, прошли очень радостные две недели, и как тягостно погружаться снова в обычную скуку хайберийской жизни. В довершение всего, он почти — почти! — признался ей в любви. Другое дело, насколько сильным, насколько постоянным было его чувство к ней; однако теперь Эмма не сомневалась, что в отношении ее он испытывает теплую привязанность и восхищение и определенно отдает ей предпочтение перед остальными. Эта уверенность, присоединенная ко всему остальному, позволяла ей считать, что и она, несомненно, чуточку — самую малость! — влюблена в него, несмотря на всю свою прежнюю предубежденность против такого рода чувств.

«Да, наверное, — сказала она себе, — это безразличие ко всему, усталость, апатия, нежелание чем-то занять себя о чем-то говорят! Все мне постыло, все кажется скучным и пресным! Да, должно быть, я влюбилась… Я была бы страннейй-

шим созданием на свете, если бы не влюбилась… по меньшей мере на несколько недель. Что ж, то, что дурно для одних, всегда благо для других. Если даже и не из-за Фрэнка Черчилля, я все равно очень расстраивалась бы из-за несостоявшегося бала. А вот мистер Найтли будет счастлив. Теперь он, если хочет, может провести вечер со своим милым Уильямом Ларкинсом».

Однако мистер Найтли вовсе не выказал своего триумфа. Правда, он не говорил о том, что он лично сожалеет о случившемся: даже если бы он так сказал, ему противоречил бы его вполне бодрый вид, но он заметил, притом вполне искренне, что очень сочувствует разочарованию остальных, и с особенной теплотой добавил:

— Вам, Эмма, у которой и так столь мало возможностей потанцевать, и в самом деле не везет. Да, вам очень, очень не повезло!

Прошло несколько дней, прежде чем она увиделась с Джейн Ферфакс и смогла проверить, насколько сильно та горюет о прискорбной перемене. Когда же они наконец увиделись, ее сдержанность показалась Эмме просто отвратительной. Однако Джейн было все эти дни очень плохо, так как она страдала от жесточайшей мигрени, из-за чего ее тетка объявила, что, даже

если бы бал состоялся в назначенный день, она не думает, что Джейн была бы в состоянии пойти; словом, Эмма проявила милосердие и приписала часть неприятного равнодушия мисс Ферфакс утомлению, вызванному нездоровьем.

Глава 31

Эмма продолжала тешить себя мыслью о том, что она влюблена. Да, влюблена! Но насколько сильно это чувство? Вначале она решила, что сильно, потом же — что не слишком. Она с огромным удовольствием участвовала во всех разговорах, в которых упоминалось имя Фрэнка Черчилля, и вследствие этого всегда была особенно рада видеть мистера и миссис Уэстон. Она очень часто думала о нем и с особым нетерпением ждала письма, чтобы иметь возможность узнать, как он поживает, какое у него настроение, как здоровье его тетки и возможен ли его приезд в Рэндаллс этой весной. Но с другой стороны, она не могла не признаться самой себе, что не особенно горюет и что, если не считать того, первого утра, по-прежнему расположена к своим обычным занятиям. Она была по-прежнему деятельна и весела; и хотя находила его милым, но все же не могла не видеть его недостатков. Фрэнк Черчилль часто присутствовал в ее мыслях: сидя за рисованием или рукоделием, Эмма строила тысячу занимательных планов о развитии их

привязанности, придумывала интересные диалоги и изобретала изящные письма, однако в конце каждого воображаемого объяснения в любви с его стороны она неизменно отказывала ему! В ее воображении их взаимной привязанности неизбежно суждено было перерасти в дружбу. Восхитительные, нежные свидания всегда были предвестниками разлуки — словом, расставание было неизбежно. Позже, обдумывая свои фантазии более трезво, Эмма поразилась. Оказывается, она почти и не влюблена! Конечно, она уже давно и твердо решила никогда не покидать отца, никогда не выходить замуж, однако сильная любовь, по ее разумению, должна была стать причиной более неукротимой душевной борьбы, чем она испытывала.

«Почему-то во время моих размышлений мне ни разу не пришло в голову слово «жертва», — думала она. — Ни в одном моем остроумном ответе, ни в моих изящных отказах и намека нет на то, что я приношу любовь в жертву долгу. Я подозреваю, что на самом деле он не столь нужен мне для счастья. Впрочем, все к лучшему. Уж конечно, мне не удастся искусственно вызвать у себя более сильное чувство, чем есть на самом деле. Влюблена ли я? Немного, пожалуй. А большего мне и

не надо, иначе пришлось бы об этом пожалеть».

Как ей казалось, его чувства ей так же понятны и открыты — это не было неприятно.

«Вот он, несомненно, сильно влюблен, тому есть доказательства — да, он действительно влюблен в меня по уши! И когда он вернется, если его любовь продлится, мне следует быть начеку, дабы не поощрять его… Да, поступать иначе совершенно непростительно, раз я уже все для себя решила окончательно. Лишь бы он не вообразил, будто до сих пор я его поощряла. Нет, если бы он полагал, что я разделяю его чувства, он не выглядел бы таким несчастным. Считай он, что его ухаживания поощряют, при расставании он и смотрел, и разговаривал бы по-другому… Однако… мне все равно следует соблюдать осторожность — если предположить, что чувство его ко мне останется неизменным. Но такое кажется мне маловероятным… Не такой он человек, или я ничего в нем не понимаю. Я совершенно не считаю его способным на уравновешенность и постоянство… Да, он пылок, однако его можно скорее считать довольно переменчивым молодым человеком… Словом, с любой точки зрения мне следует благодарить судьбу за то, что счастье мое заключено не в нем… Пройдет совсем немно-

го времени, и я окончательно оправлюсь, тогда от него останутся лишь приятные воспоминания… говорят, все хоть раз в жизни да влюбляются. А мне к тому же удастся легко отделаться».

Когда пришло его письмо к миссис Уэстон, Эмме дали с ним ознакомиться, и она прочла письмо так жадно и с таким удовольствием, что вначале даже покачала головой, вспоминая собственные ощущения, и подумала, что она все же недооценила силу своего чувства. Письмо было длинное, написанное со вкусом. Он во всех подробностях рассказывал о своем путешествии и о своих чувствах, выражал любовь, признательность и почтение, что было естественно и делало ему честь. Описания его отличались живостью и занимательностью. Никаких подозрительных по цветистости извинений, никакой особой озабоченности — письмо было пронизано искренним чувством к миссис Уэстон. Переезд из Хайбери в Энскум, отличия между двумя этими местами в некоторых основных проявлениях общественной жизни были очерчены несколькими яркими мазками. Не составляло труда понять, насколько остро он чувствует разницу и сколь подробно он мог бы выразить ее, если бы не сдерживали приличия… Недостатка в упоминании ее имени

также не было. Словами «мисс Вудхаус» было пронизано все письмо, и всякий раз с каким-нибудь радующим глаз дополнением — комплиментом ее вкусу или воспоминанием о том, что она сказала. Когда глаза ее натолкнулись на упоминание своего имени в самый последний раз — оно не было украшено никаким пышным комплиментом, — она все же сумела углядеть в нем силу своего влияния и обнаружить, возможно, самый галантный комплимент из всех, встреченных в письме. В самом нижнем свободном уголке он нашел немного места, чтобы приписать: «Как вы знаете, во вторник у меня не нашлось свободной минутки, чтобы попрощаться с хорошенькой подругой мисс Вудхаус. Пожалуйста, передайте ей мои извинения и прощальный привет». Эмма не сомневалась, что приписка сделана ради нее. Харриет вспомнили только потому, что она — ее подруга. Как она и предвидела, он не видел ничего обнадеживающего в своем настоящем и будущем существовании в Энскуме: миссис Черчилль поправлялась медленно, и он пока даже в своем воображении не осмеливался предположить, когда снова сумеет выбраться в Рэндаллс.

Однако, как ни было письмо его лестно для нее, как ни свидетельствовало оно о его любви,

сложив его и вернув миссис Уэстон, Эмма все же не могла не признать, что письмо не задело ее чувств, что она все так же сумеет обойтись без его автора. Следовательно, и ему придется смириться с тем, что он должен обходиться без нее. Ее намерения остались неизменными. Ее решимость отказать ему лишь росла, подкрепляясь возникшим в ее голове планом, как впоследствии утешить его и составить его счастье. То, что он вспомнил о Харриет, и слова, завершающие письмо, о ее «хорошенькой подруге», натолкнули ее на интересное предположение. Вот было бы славно, если бы он перенес всю силу своей привязанности с нее на Харриет. Разве такое не возможно? Вполне. Разумеется, Харриет сильно уступает ему в интеллекте, но ведь прелесть ее личика и теплая простота ее манер произвели на него такое сильное впечатление! К тому же ее знатное происхождение, в котором Эмма была почти уверена, также говорило в ее пользу… Для самой же Харриет этот брак станет, несомненно, и выгодным, и приятным.

«На успех нового сватовства не стоит даже рассчитывать, — убеждала себя Эмма. — Нельзя об этом думать! Мне ли не знать, куда могут завести подобные измышления. Однако на свете случают-

ся и более странные вещи. И когда мы перестанем испытывать друг к другу такую привязанность, какую испытываем сейчас, это станет лишним подтверждением того, что нас свяжет искренняя, ничем не омраченная дружба, которую я уже с нетерпением предвкушаю».

Приятно было утешаться мыслями о Харриет; хотя, возможно, Эмма поступила бы умнее, если бы не давала воли своему воображению, ибо ее ждало новое испытание. Подобно тому как приезд Фрэнка Черчилля, будучи последней и самой свежей новостью, начисто вытеснил из разговоров жителей Хайбери тему помолвки мистера Элтона, так и теперь, после отъезда Фрэнка Черчилля, самыми насущными снова стали дела мистера Элтона… Назначен был день его свадьбы. Скоро он снова будет среди них, да еще со своей новобрачной. Едва успели обсудить первое письмо из Энскума, как уже «мистер Элтон и его молодая жена» были у всех на устах, а о Фрэнке Черчилле забыли. Эмме делалось плохо при одном упоминании имени мистера Элтона. На целых три недели она, если можно так выразиться, получила отпуск от мистера Элтона! Она усиленно убеждала себя, что душа Харриет постепенно возрождается к жизни. По крайней мере,

во время подготовки к балу у мистера Уэстона думать о чем-либо другом было положительно невозможно. Но теперь стало очевидно, что Харриет еще не восстановилась полностью. Новая карета, звон свадебных колоколов и прочее подкосили ее.

Бедная Харриет была в таком смятении, что Эмме приходилось беспрестанно увещевать, утешать подругу и проявлять к ней внимание во всех мелочах. Эмма выбивалась из сил, но понимала, что Харриет вправе рассчитывать на ее изобретательность и терпение, однако то был тяжкий труд — убеждать без конца безо всякого результата, без конца соглашаться с подругой и понимать, что по данному поводу их взгляды никогда не совпадут. Харриет покорно слушала и говорила, что все верно, истинная правда, все так, как говорит мисс Вудхаус, — думать о них вовсе не стоит… И больше она не будет думать о них… больше никогда не будет… Но никакая перемена темы не помогала, и через полчаса любой разговор неизбежно сворачивал на Элтонов. Наконец Эмма решила испробовать другой способ.

— Харриет, ваша склонность столько думать о женитьбе мистера Элтона и так сокрушаться по этому поводу — самый большой упрек, какой вы

можете сделать мне. Трудно сильнее корить меня за ошибку, которую я совершила. Я знаю, все произошедшее — моих рук дело. Уверяю вас, я ничего не забыла… Заблуждаясь сама, я самым позорным образом обманывала вас! И мое заблуждение навсегда останется для меня тягостным укором. Не думайте, будто я все позабыла.

Харриет была так поражена, что лишь испуганно пискнула что-то в ответ. Эмма продолжала:

— Я не призываю вас, Харриет, ради меня собраться с духом и ради меня меньше говорить и думать о мистере Элтоне, ибо я хотела бы, чтобы вы забыли о нем скорее ради вас самой, ради вещи куда более важной, чем мое спокойствие, — ради того, чтобы научиться владеть собой! Осознайте, в чем ваш долг, вспомните о приличиях, стремитесь избежать подозрений посторонних ради спасения вашего здоровья и веры в людей и восстановления вашей безмятежности. Вот к чему я пытаюсь вас склонить. Мне очень жаль, что вы не в состоянии прочувствовать все эти вещи в достаточной степени, чтобы действовать соответственно. Перестану ли страдать я — не суть важно. Я хочу, чтобы вы спаслись от гораздо больших мук. Признаюсь, иногда у меня и мелькало соображение, что Харриет не забудет, чем

обязана… нет, вернее, как утешить меня своей добротой…

Призыв к милосердию сделал больше, чем все остальное. Мысль о том, что в благодарности и утешении нуждается сама мисс Вудхаус, которую Харриет искренне, всем сердцем любила, на короткое время повергла Харриет в отчаяние. Но когда первые угрызения совести прошли, у нее достало сил действовать так, как надлежало, и очень деликатно поддержать свою подругу:

— Вы, которая всегда были и есть моя самая лучшая подруга на свете… А я оказалась так неблагодарна! Никто не сравнится с вами! Да я никого не люблю так, как вас! О, мисс Вудхаус, какая же я была неблагодарная!

Подобные излияния, сопровождаемые покаянным видом, заламыванием рук и прочими свидетельствами, убедили Эмму в том, что никогда не любила она Харриет так сильно и никогда столь высоко не ценила ее привязанность.

«Никакая добродетель не сравнится с нежностью сердца, — говорила она потом себе. — Нет, с этим ничто не сравнится. Теплота и сердечность, вдобавок пленительная простота нрава победят самый ясный ум на свете и завоюют любовь. Уверена, так и будет. Именно за нежное сердце

все так любят батюшку… и обожают Изабеллу… Теперь я это поняла… Я знаю, как вознаградить и заставить ценить это качество… Харриет превосходит меня в обаянии и простодушии, какое дает нежное сердце. Милая Харриет! Я не променяю тебя на самую трезвомыслящую, дальновидную и справедливейшую из подруг. Ах! Эта холодность Джейн Ферфакс! Харриет стоит сотни таких, как она… А как жена — для разумного человека… она просто неоценима. Не будем называть имен, но счастлив будет тот, кто променяет Эмму на Харриет!»

Глава 32

Мистер Элтон вернулся, и прихожане толпой хлынули в церковь — не столько из-за возросшей набожности, сколько для того, чтобы поглазеть на его молодую жену, которая, как и подобает супруге священника, сидела на особой скамье, однако разглядеть, какова она собой — красавица, просто хорошенькая или вовсе дурнушка, — не представилось возможным. Жители Хайбери надеялись узнать ее получше позже, во время формальных визитов — они не замедлили вскоре последовать.

Эмма, руководствуясь не любопытством, но гордостью, решила, что приличия требуют, чтобы она засвидетельствовала молодоженам свое почтение не в числе последних. Она настояла на том, чтобы и Харриет пошла с ней, дабы как можно скорее избавиться от тягостного и неприятного дела.

Когда они вошли в тот самый дом, в ту самую комнату, куда она три месяца назад удалилась, дабы зашнуровать ботинок, — увы, ее ловкость оказалась напрасной! — воспоминания нахлы-

нули вновь. Вспоминая комплименты, шарады, ужасные ошибки, Эмма понимала, что бедная Харриет переживает стократ сильнее. Однако держалась она на удивление хорошо, только была довольно бледна и молчалива. Визит был, разумеется, краток — всем было неловко. Эмма так тщилась придумать предлог, чтобы поскорее уйти, что не смогла как следует рассмотреть новобрачную, и уж ни при каких обстоятельствах не высказывала своего мнения о ней, ограничиваясь ничего не значащей фразой: «Она изысканно одевается и очень мила».

Новобрачная не слишком понравилась ей. Эмма не спешила выискивать в ней изъяны, однако сделала вывод, что той недостает изящества: держалась новоиспеченная миссис Элтон развязно, но не изящно… Эмму неприятно удивила эта развязность молодой женщины, чужачки, новобрачной. Внешне она была вполне мила: личико ее можно было назвать смазливым, но ни черты ее, ни осанка, ни голос, ни манеры изысканностью не блистали. Во всяком случае, в данном вопросе Эмма полагалась на первое мнение.

Что же касается мистера Элтона, его поведению недоставало… Но нет, она не позволит себе скоропалительных выводов или ехидных слов о

его манерах. Принимать визиты по случаю бракосочетания — и без того неловкая церемония, и мужчине приходится призывать на помощь все свое обаяние, чтобы с честью пройти испытание. Женщинам легче — они могут прибегнуть к помощи нарядов и воспользоваться законной привилегией застенчивости, мужчине же остается полагаться только на собственный здравый смысл. Внезапно Эмма поняла, насколько не повезло мистеру Элтону — он в одно и то же время оказался в комнате с женщиной, на которой только что женился, женщиной, на которой он хотел жениться, и женщиной, на которой его собирались женить. Она должна простить ему то, что он выглядел не слишком умно, держал чрезмерно жеманно и натянуто.

— Ну, мисс Вудхаус, — сказала Харриет, когда они вышли из дома и она напрасно прождала, что подруга начнет первой, — ну, мисс Вудхаус, — она тихонько вздохнула, — что вы о ней думаете? Разве она не прелесть?

Эмма немного помедлила с ответом.

— О да… вполне… очень милая молодая женщина.

— По-моему, она красавица, настоящая красавица!

— Одета очень неплохо… пожалуй. Замечательно изысканное платье.

— Я совсем не удивлена, что он влюбился в нее.

— О нет… Здесь вовсе нет ничего удивительного… Приличное наследство… К тому же она вовремя подвернулась ему под руку.

— Не сомневаюсь, — продолжала Харриет, снова вздыхая, — что и она полюбила его всем сердцем.

— Может, и полюбила, однако не всем мужчинам уготована судьба жениться на той женщине, которая любит его без памяти. Может быть, мисс Хокинс хотела стать самой себе хозяйкой и сочла, что лучшего предложения руки и сердца ей не дождаться.

— Да, — серьезно ответила Харриет, — действительно, предложение прекрасное! Лучшего мужа не найти. Что ж, я от всего сердца желаю им обоим счастья. Знаете, мисс Вудхаус, я не думаю, что мне стоит избегать их. Он для меня ничуть не стал хуже… Но теперь, когда он женат, знаете ли, это совсем другое дело. Нет, правда, мисс Вудхаус, теперь вам нет нужды бояться. Я могу сидеть и восхищаться им без особых терзаний. Так утешительно знать, что он не женился неизвестно

на ком! Она как будто очаровательная молодая женщина, как раз ему под стать. Счастливица! Он зовет ее Августа. Как мило!

Когда новобрачные явились с ответным визитом, Эмма поняла, что ее первое впечатление было самым верным. У себя дома она могла и заметить больше, и судить лучше. Поскольку случилось так, что Харриет в тот день в Хартфилде не было, а отец ее был занят поздравлениями мистера Элтона, ей пришлось четверть часа самой занимать гостью, у нее появилась возможность попристальнее изучить ее, и этой четверти часа вполне хватило на то, чтобы она укрепилась в том мнении, что миссис Элтон — женщина тщеславная, до крайности самодовольная и много о себе возомнившая. Она явно намерена блистать в здешнем обществе, однако манеры ее оставляют желать лучшего — она развязна и фамильярна! Все ее суждения и привычки берут начало из одного источника: дурочкой ее, конечно, не назовешь, но и умом она не блещет. Она невежественна и не делает чести своему супругу.

Харриет была бы мистеру Элтону куда лучшей парой. Пусть она сама и не отмечена печатью мудрости или утонченности, но она связала бы его с теми, кто обладает этими качествами.

Миссис же Элтон, судя по ее самомнению, сама царила в некоем собственном кружке. Она привыкла чваниться богатым зятем, живущим возле Бристоля, а тот, в свою очередь, чванился своим поместьем и своими каретами.

Едва усевшись, гостья тут же принялась трещать о «Кленовой роще»: «Поместье моего брата, мистера Саклинга, знаете ли…» Затем она начала сравнивать Хартфилд с «Кленовой рощей». В Хартфилде парк хоть и невелик, но опрятен и чист, а дом современный и хорошей постройки. Казалось, миссис Элтон была в восторге от всего, что представало ее глазам, и даже от того, чего она не могла видеть в данный момент. Ее восхищали и прихожая, и просторная гостиная. Как похоже на «Кленовую рощу»! Сходство просто поразительное! Та комната совершенно такой же формы и размера, что и маленькая гостиная в «Кленовой роще», любимая комната ее сестры! Тут миссис Элтон воззвала к супругу: не правда ли, какое удивительное сходство? Ей совсем нетрудно вообразить, будто она в «Кленовой роще»!

— А лестница! Знаете, когда я вошла, сразу заметила, до чего похожа лестница и находится в той же самой части дома. Я чуть не вскрикнула от удивления! Уверяю вас, мисс Вудхаус, мне

чрезвычайно приятно, что здесь все напоминает о месте, частью которого я являюсь. О любимой «Кленовой роще». Я, — тут она возвела глаза к потолку и вздохнула, — провела там столько счастливых месяцев! Несомненно, очаровательное поместье. Все гости бывают просто поражены его красотой, ну а для меня «Кленовая роща» буквально дом родной. Когда вас, как меня, мисс Вудхаус, подобно растению, вырвут из родной почвы и пересадят в другое место, вы поймете, насколько невыразимо приятно встретить нечто, похожее на то, что ты оставил… Я всегда говорю, что именно в этом заключается одно из зол супружества…

Эмма постаралась отделаться односложным ответом, однако для миссис Элтон и кивка хватило бы — говорить она намеревалась сама.

— Так поразительно похоже на «Кленовую рощу»! И не только дом — уверяю вас! Насколько я успела заметить, и парк изумительно похож! У вас, как и в «Кленовой роще», в избытке лавровых деревьев, и посажены они так же — вдоль газона! А еще я успела мельком заметить чудесное большое дерево, обнесенное скамейкой, у нас точно такое! Брат и сестра будут очарованы вашим поместьем. Владельцы обширных поместий

всегда рады, если встретят нечто в том же стиле. В справедливости последнего замечания Эмма сомневалась. Сама она сильно подозревала, что обладателям обширных поместий нет дела до чьих-то еще обширных поместий, но не стоило возражать против столь безапелляционно высказанного суждения, поэтому она ограничилась лишь ответом:

— Когда вы будете иметь возможность лучше познакомиться с нашей округой, боюсь, вы поймете, что переоценили Хартфилд. Суррей вообще богат красотами.

— О да, наслышана! Вы знаете, что Суррей называют садом Англии? Поистине — цветущий сад!

— Да, однако мы не считаем, будто нам есть чем гордиться, — сказала Эмма. — Полагаю, на звание сада Англии могут претендовать многие графства.

— Ну а я так не думаю, — возразила ее собеседница, торжествующе улыбаясь. — Никогда не слышала, чтобы какое-то другое графство, кроме Суррея, называли так.

Что тут ответишь?

— Весною обещали приехать братец с сестрицей… весной или самое позднее летом, — продолжала миссис Элтон. — Вот тогда-то мы и

отправимся разведывать здешние красоты. Пока они будут у нас, мы наверняка успеем объехать большую часть графства. Они, конечно, захватят свое ландо. В нем с удобством могут поместиться четыре человека, принимая во внимание еще и нашу карету, я полагаю, мы сумеем посмотреть все местные красоты в приятной компании. Думаю, в это время года они вряд ли приедут в своем фаэтоне. Правда, ближе к их приезду я решительно посоветую им в письме взять ландо — это будет намного предпочтительнее. Знаете ли, мисс Вудхаус, когда люди приезжают в такой красивый край, естественно, хочется, чтобы они увидели как можно больше. А мистер Саклинг обожает смотреть виды. Прошлым летом, сразу после того, как они купили себе ландо, мы успели дважды съездить в Кингз-Уэстон! Незабываемая поездка! Полагаю, мисс Вудхаус, у вас здесь каждое лето устраивается много подобных прогулок?

— Нет, не совсем. Мы предпочитаем держаться на расстоянии от тех признанных мест, куда стекаются любители красивых видов со всей страны. Мы ведем жизнь тихую, уединенную и более расположены сидеть дома, чем изобретать увеселительные прогулки.

— Ах! Что может быть удобнее родного дома?

Вы не найдете другой такой домоседки, как я. В «Кленовой роще» я была просто притчей во языцех. Сколько раз Селина, собираясь в Бристоль, говаривала: «Эту девчонку никакими силами не вытащить из дома! Придется ехать одной, хотя я ненавижу трястись в ландо без спутников… Но Августа, по-моему, и шагу не ступила бы за ворота парка, будь на то ее воля». Словом, меня считали чуть не затворницей! Но все же я не сторонница полного уединения. Я, напротив, считаю, очень плохо, когда люди полностью отгораживаются от мира… Куда полезнее до разумной степени вращаться в обществе — не слишком часто, но и не редко. Однако ваше положение, мисс Вудхаус, я прекрасно понимаю, — заверила она, бросая взгляд на мистера Вудхауса. — Как, должно быть, сдерживает вас состояние здоровья вашего батюшки! Почему бы ему не попробовать съездить в Бат? Нет, правда, правда! Позвольте мне рекомендовать вам Бат. Ручаюсь, там мистеру Вудхаусу несомненно станет лучше.

— В прошлом отец неоднократно бывал там, однако без какого-либо заметного улучшения. И мистер Перри, чье имя, не сомневаюсь, вам знакомо, не считает, что Бат сейчас ему будет хоть сколько-нибудь полезен.

— Ах! Какая жалость! Уверяю вас, мисс Вудхаус, тем, кому воды помогают, они приносят существенное облегчение. В бытность мою в Бате я сталкивалась поистине с поразительными примерами исцеления! Кроме того, там так весело, что жизнь тамошняя, несомненно, скажется положительно на настроении мистера Вудхауса, который, как я понимаю, бывает иногда очень угнетен и подавлен. Что же касается вас, думаю, что мне не составит большого труда убедить вас в благотворности подобной поездки. Преимущества Бата для молодежи, по-моему, общеизвестны. Вам, живущей в таком уединении, можно было бы устроить там очаровательный дебют. В моих силах немедленно ввести вас в тамошнее высшее общество. Одна строчка, написанная моей рукой, — и перед вами будут открыты двери лучших домов! А самая моя близкая подруга, миссис Партридж, дама, у которой я всегда останавливалась, приезжая в Бат, будет просто счастлива оказать вам свое покровительство. Она лично введет вас в тамошнее общество.

Эмма поняла, что еще миг, и она не выдержит. Как ни боялась она прослыть невежливой, ей претила сама мысль о том, чтобы быть обязанной миссис Элтон за то, что та называла «дебютом», —

за вхождение в общество под покровительством миссис Элтон и ее подруги, скорее всего, какой-нибудь вульгарной, деятельной вдовы, которая зарабатывает на жизнь тем, что держит пансион! Мисс Вудхаус из поместья Хартфилд чувствовала, что ее достоинство попрано.

Однако она удержалась от каких-либо замечаний, которые могли быть превратно истолкованы, и лишь холодно поблагодарила миссис Элтон. Но об их поездке в Бат и речи быть не может… Что же касается ее самой, она вовсе не убеждена в том, что ей это место подойдет, так же как и ее отцу. После этой отповеди, дабы избежать дальнейших излияний и негодования, она резко переменила тему:

— Не спрашиваю вас, играете ли вы, миссис Элтон. При подобных обстоятельствах сведения о характере дамы опережают ее самое: в Хайбери давно идет слава о вас как о выдающейся музыкантше.

— Ах нет, что вы! Я должна решительно возразить… Что за мысль, право! Выдающаяся музыкантша, подумать только! Уверяю вас, ничего подобного. Все зависит от того, насколько пристрастны те, кто сообщили вам… Надо признаться, я безумно люблю музыку — это, можно

сказать, моя страсть. Мои друзья находят, что я вовсе не лишена вкуса, но что касается всего остального, даю вам честное слово, что игра моя заурядна, до крайности заурядна! Вот вы, мисс Вудхаус, как мне прекрасно известно, играете восхитительно. Уверяю вас, для меня было величайшим утешением, благом и удовольствием узнать, в какое музыкальное общество я попала. Я абсолютно не могу жить без музыки. Музыка для меня — жизненная необходимость! Привыкнув находиться среди любителей музыки и в «Кленовой роще», и в Бате, я склонна была считать мой отъезд из тех мест величайшей жертвой с моей стороны. Я так честно и призналась мистеру Элтону, когда он говорил со мной о моем будущем доме и выражал опасение, что уединенность его мне придется не по душе. Ведь его домик совсем неказист — зная, к каким условиям я привыкла, — конечно, он не мог не испытывать дурных предчувствий. Когда он продолжал говорить в том же духе, я честно сказала, что ради него согласна и вообще покинуть свет — вообразите! — вечера, балы, танцы… потому что уединения я не страшусь. Так как у меня, к счастью, богатый внутренний мир, внутренние ресурсы, знаете ли, то я спокойно могу прожить

и вне света. Я прекрасно обойдусь и без него. Для тех, чей внутренний мир беден, дело другое! Но мое богатство делает меня относительно независимой. А что касается более тесных комнат, чем те, к которым я привыкла, то это вообще пустяки. Я надеялась, что окажусь способной и на жертвы такого рода. Конечно, живя в «Кленовой роще», я привыкла к роскоши, однако я уверила его, что моему счастью не помеха ни отсутствие двух карет, ни просторных комнат. «Но, — сказала я, — если уж говорить откровенно, я не думаю, что смогу прожить без какого-либо музыкального общества. Больше никаких условий у меня нет, но без музыки жизнь для меня пуста».

— Мы не сомневаемся, — сказала Эмма улыбаясь, — что мистер Элтон поспешил заверить вас в наличии в Хайбери чрезвычайно музыкального общества, и я надеюсь, вы найдете, что он не слишком перехвалил нас, только в допустимой степени, учитывая его побудительный мотив.

— Ну что вы, я совершенно не подвергаю сомнению это его утверждение. Я рада, что оказалась в таком приятном кругу. Надеюсь, мы с вами сумеем устроить много чудесных маленьких концертов. Мне кажется, мисс Вудхаус, вы и я должны основать здесь своего рода музыкальный

салон и собираться регулярно, каждую неделю, у вас или у меня. Ну разве не хорошо я придумала? Если мы, я имею в виду — мы с вами, возьмемся за это дело, то уж союзников нам достанет с лихвой. Что-то в таком роде будет особенно желательно для меня, так как побудит меня постоянно быть в форме, упражняться… Знаете ли, замужние дамы… в общем и целом судьба настроена против них. Они слишком заняты по дому и часто вынуждены забросить занятия музыкой.

— Но уж вам, которая так любит играть, вам, я уверена, такая опасность не грозит.

— Остается надеяться, что нет, но на деле стоит взглянуть на знакомых, как меня буквально бросает в дрожь. Селина совершенно забросила музыку — даже не прикасается к инструменту! Хотя играет она премило. То же можно сказать и о миссис Джеффрис, в девичестве Кларе Партридж, и о сестрах Милман, теперь миссис Берд и миссис Джеймс Купер… Подобных случаев больше, чем я могу перечислить. Право слово, просто оторопь берет. Раньше я имела обыкновение сердиться на Селину, но только теперь начинаю понимать, насколько больше обязанностей у замужних дам. Вот, например, сегодня утром я битых полчаса давала указания экономке.

— Но все подобные заботы, — возразила Эмма, — скоро входят в привычную колею…

— Что ж, — сказала миссис Элтон смеясь, — посмотрим!

Услышав в словах собеседницы горячую убежденность в том, что она скоро непременно забросит музыку, Эмма сочла, что говорить больше не о чем; после минутного замешательства миссис Элтон переменила тему.

— Мы были с визитом в Рэндаллсе, — заявила она, — и застали хозяев дома. Они произвели на меня самое благоприятное впечатление. Оба мне чрезвычайно понравились. Мистер Уэстон, кажется, славный малый — уверяю вас, скоро он сделается моим любимцем. А она… она кажется такой неподдельно доброй — есть в ней что-то материнское, добросердечное! Поневоле сразу проникаешься к ней всей душой. По-моему, она была вашей гувернанткой?

Эмма чуть не потеряла дар речи от такой бесцеремонности и ответила не сразу, однако миссис Элтон в подтверждении не нуждалась:

— Зная о ее прошлом, я была просто поражена — как она держится! Как настоящая леди! И знаете, она действительно очень похожа на благородную даму.

— Миссис Уэстон, — отвечала Эмма, — всегда отличалась благородством манер. Она может служить самым лучшим образцом для подражания для любой молодой женщины.

— Кстати, как вы думаете, кто еще зашел к ним, пока мы были там?

Эмма не нашлась что ответить. Вопрос подразумевал, что зашел какой-то старый знакомый — но как тут возможно угадать?

— Найтли! — радостно воскликнула миссис Элтон. — Найтли собственной персоной! Ну разве мне не повезло? Видите ли, его не было дома, когда мы на днях заезжали к нему, а я никогда его прежде не видела… Разумеется, закадычный приятель мистера Элтона возбуждал во мне величайшее любопытство. Столь часто упоминался «мой друг Найтли», что я буквально сгорала от нетерпения познакомиться с ним. Должна отдать должное моему caro sposo[6] и заявить, что ему нечего стыдиться подобной дружбы. Найтли — настоящий джентльмен. Он очень мне нравится. Решительно заявляю: он производит впечатление благороднейшей натуры.

К счастью, гостям настала пора уходить. Они

---

[6] Примечания: 6
Дражайшему супругу *(ит.).*

раскланялись, Эмма перевела дух.

— Невыносимая женщина! — вырвалось у нее сразу по уходе гостей. — Хуже, чем я предполагала! Совершенно невыносима! «Найтли»! Я ушам своим не поверила… Надо же — «Найтли»! Видит его первый раз в жизни и тут же зовет «Найтли»! Да еще обнаруживает, что он, оказывается, джентльмен! Маленькая выскочка, вульгарная особа со своим мистером Э., скверным итальянским и ее — подумать только! — «богатым внутренним миром». Какая наглость, какая безвкусица! Надо же — нашла, что мистер Найтли настоящий джентльмен! Сомневаюсь, что он вернет ей комплимент и сочтет ее настоящей леди. Просто невероятно! И она еще смеет предлагать, чтобы мы с нею сообща устроили музыкальный клуб! Можно подумать, мы с нею закадычные подружки! А миссис Уэстон! Изумилась, что женщина, которая воспитала меня, оказалась настоящей леди. Чем дальше, тем хуже. Никогда не встречала никого подобного. Она много ниже моих ожиданий. Харриет опозорена, с какой стороны ни посмотри. О! Что сказал бы о ней Фрэнк Черчилль, будь он здесь? Как бы он рассердился и как потешался бы над нею! Ах, ну вот — снова думаю о нем. Он всегда первый приходит мне в

голову! Я просто выдаю себя… Фрэнк Черчилль всегда тут как тут…

Все эти мысли вихрем пронеслись у нее в голове. Когда мистер Вудхаус наконец оправился от суматохи, вызванной визитом четы Элтон, и был в состоянии говорить, Эмма оказалась способна воспринимать слова батюшки вполне терпимо.

— Ну, милочка, — начал он не спеша, — если не считать того, что мы видим ее первый раз в жизни, она кажется весьма хорошенькой молодой особой. Не сомневаюсь, что ты ей чрезвычайно понравилась. Она немного слишком быстро говорит. Знаешь ли, режет ухо. Но по-моему, я привередничаю… просто мне не по душе незнакомые голоса! А так славно, как ты и мисс Тейлор, не говорит никто. Как бы там ни было, она производит впечатление вполне услужливой и хорошо воспитанной молодой леди и, несомненно, станет ему хорошей женой. Хотя, по-моему, лучше бы ему вовсе не жениться. Я извинился перед ним, что не зашел поздравить его и миссис Элтон по случаю их бракосочетания. Я сказал, что надеюсь зайти к ним летом. А ведь следовало зайти теперь же, а не проявлять невнимания к новобрачной. Ах! Вот доказательство того, насколько я плох! Но мне не нравится тот поворот на Пастырскую

дорогу.

— Не сомневаюсь, сэр, что ваши извинения были приняты. Мистер Элтон вас знает.

— Да, но молодая леди, его жена… Мне следовало во что бы то ни стало засвидетельствовать ей мое почтение. А так я проявил недостаточную любезность…

— Но, милый папочка, вы же вообще противник брака! Зачем же вам так беспокоиться, так спешить засвидетельствовать свое почтение именно новобрачной? Это на вас не похоже. Раз вы столь высоко цените новобрачных, значит, поощряете людей вступать в брак.

— Нет, моя дорогая, я никогда и никого не поощрял вступать в брак, однако никогда не отказываюсь засвидетельствовать свое почтение даме… А уж новобрачной тем более пренебрегать не следует. Ей по праву надлежит уделять больше внимания, чем остальным. Знаешь ли, дорогая, статус новобрачной в обществе всегда особый, она стоит выше прочих, невзирая ни на чье положение.

— Ну, папа, если уж это не одобрение брака, то я не знаю, что такое одобрение. Вот уж никогда не ожидала от вас, что вы так настроены льстить тщеславию бедняжек.

— Дорогая моя, ты меня не поняла. Это вопрос общей вежливости и хорошего воспитания. У моих намерений ничего общего с поощрением людей вступать в брак.

Эмма замолчала. Батюшка начинал нервничать и не способен был понять ее. Она снова вспомнила обо всех огрехах, допущенных миссис Элтон, и долго, очень долго занимали они ее мысли.

Глава 33

Дальнейшее знакомство не изменило к лучшему мнения Эммы о миссис Элтон. Ее первые впечатления оказались самыми верными. Миссис Элтон нисколько не стала лучше со времени их второй встречи. Когда они увиделись вновь, она оставалась такой же — самодовольной, самонадеянной, фамильярной, невежественной и плохо воспитанной. Она была недурна собой, нахваталась всего, что полагалось знать девице ее круга, однако была столь недалекой, что мнила себя непревзойденным знатоком высшего света и твердо вознамерилась встряхнуть закоснелых и отсталых деревенских соседей. По ее мнению, превзойти мисс Хокинс по значимости в обществе способна была лишь миссис Элтон.

Казалось, мистер Элтон во всем согласен со своею супругой. Рядом с нею он не просто лучился счастьем, но и пыжился от гордости. Он склонен был поздравить самого себя с удачной женитьбой, с его избранницей не сравнится никто — даже мисс Вудхаус! И большая часть новых знакомых, расположенных, подобно мисс

Бейтс, все хвалить или не имеющих привычки порицать, просто принимали как данность то, что новобрачная должна быть такою умною и милою, какой представляется. Они были вполне ею довольны, и потому хвалы в адрес миссис Элтон сыпались со всех сторон. Мисс Вудхаус, разумеется, на людях не высказывала искреннего мнения о новой знакомой и с готовностью повторяла свой первый отзыв о ней:

— Она очень мила и одевается вполне изысканно.

В одном отношении миссис Элтон оказалась даже хуже, чем вначале. Ее чувства по отношению к Эмме претерпели изменения. Возможно, обиженная холодностью, с какой было встречено ее предложение дружбы, она, в свою очередь, также охладела и постепенно все более отдалялась, и, хотя Эмма вовсе не мечтала подружиться с миссис Элтон, недоброжелательство новой знакомой невольно увеличивало ее неприязнь. Кстати, оба — и мистер, и миссис Элтон — вели себя по отношению к Харриет совершенно недопустимо. Они относились к ней пренебрежительно и с презрением. Эмма надеялась, что такая перемена поспособствует стремительному исцелению Харриет, однако догадки относительно природы

подобного поведения сильно огорчали обеих. Не приходилось сомневаться в том, что мистер Элтон не пожелал хранить в тайне любовь бедной Харриет, и история его сватовства к Эмме, в которой она, разумеется, представала в самом черном свете, а он — в самом выгодном, также, вероятнее всего, стала предметом обсуждения… Ничего удивительного, если, бедняжка стала объектом их общей неприязни. Когда у супругов иссякали другие темы для разговоров, они, видимо, начинали поносить мисс Вудхаус, и враждебность, которую они не смели выражать в виде открытого неуважения к ней, находила выход в пренебрежительном отношении к Харриет.

А вот Джейн Ферфакс миссис Элтон чрезвычайно полюбила, причем с самых первых дней. Миссис Элтон выбрала в подруги Джейн не просто потому, что находилась в состоянии войны с Эммой, она взяла мисс Ферфакс под свое покровительство с самой первой встречи. Ей мало было просто выражать естественное и разумное восхищение новой подругой, безо всяких побуждений или просьб с ее стороны миссис Элтон положила непременно помогать ей и опекать ее. Во время примерно третьей их встречи — тогда Эмма еще не стала объектом вражды — она узна-

ла все рыцарственные помыслы миссис Элтон в отношении Джейн Ферфакс.

— Джейн Ферфакс просто очаровательна, мисс Вудхаус! Я буквально очарована Джейн Ферфакс… Какое милое, интересное создание! Такая мягкая, выглядит такой благородной… А сколько у нее талантов! Уверяю вас, одарена она сверхъестественно. Не побоюсь этого слова, играет она просто бесподобно! Я достаточно разбираюсь в музыке, чтобы решительно судить об этом. Ах! Она — просто прелесть! Вы будете смеяться над моей пылкостью — но поверьте мне, я не могу говорить ни о ком, кроме Джейн Ферфакс… Да и положение ее кого хочешь заденет за живое! Мисс Вудхаус, мы должны напрячь все наши силы и постараться сделать что-нибудь для нее. Она не должна прозябать в безвестности! Такой талант, как у нее, непременно должен стать общим достоянием… Не сомневаюсь, вам знакомы эти очаровательные строки… Помните, как сказал поэт?

Как часто редкий перл, волнами сокровенный,

В бездонной пропасти сияет красотой;

Как часто лилия цветет уединенно,

В пустынном воздухе теряя запах свой.[7]

Мы не должны позволять, чтобы эти строки оправдались в отношении Джейн Ферфакс.

— Не могу думать, будто ей угрожает подобная опасность, — спокойно отвечала Эмма, — и, когда вы лучше познакомитесь с положением мисс Ферфакс и поймете, какова была ее жизнь у полковника и миссис Кемпбелл, вы вряд ли будете опасаться того, что ее талантам суждено прозябать в безвестности.

— Ах! Но, дорогая мисс Вудхаус, теперь она живет так уединенно, столь уныло, в таком неподобающем месте… Какими бы преимуществами ни отличалось для нее житье у Кемпбеллов, теперь, очевидно, прежней жизни настал конец! И мне кажется, она это понимает. Уверена, что понимает. Она очень застенчива и молчалива. Ее необходимо подбодрить — это же очевидно! Но за скромность я люблю ее еще больше. Должна признаться, для меня это качество говорит в ее пользу. Я большая сторонница застенчивости, думаю, вы согласитесь: с настоящей застенчи-

[7] Примечания: 7

Строки из «Элегии, написанной на сельском кладбище» английского поэта Томаса Грея (1716–1771), перевод В.А. Жуковского.

востью встречаешься нечасто… Но в тех, кто находится в униженном положении, такое качество необычайно располагает. Ох! Уверяю вас, Джейн Ферфакс — очаровательное создание, судьба ее занимает меня больше, чем я могу выразить словами.

— Вот как? Вы, значит, очень сочувствуете ей? Однако я не вижу, как вы или другие здешние знакомые мисс Ферфакс, которые знают ее дольше вашего, могут выказать ей свое участие…

— Моя дорогая мисс Вудхаус, натуры деятельные могут сделать очень много! Нам с вами бояться нечего. Если уж мы покажем пример остальным, у нас не будет недостатка в последователях! Многие сделают все, что в их силах… хотя не все находятся в равном с нами положении. У нас с вами есть кареты, в которых мы могли бы привозить ее в гости и потом отвозить домой… И при нашем стиле жизни можно принимать Джейн Ферфакс как угодно часто без малейшего неудобства для нас… Я была бы крайне недовольна миссис Райт, ежели бы она подала нам такой обед, на который нельзя пригласить не только Джейн Ферфакс, но и других гостей. Я, знаете ли, не такая! Едва ли я смогла бы приспособиться к такой жизни, если учесть, в какой роскоши я

купалась прежде. В ведении хозяйства я опасаюсь совершенно другого — боюсь жить слишком на широкую ногу и слишком беспечно тратить деньги. Возможно, я вспоминаю «Кленовую рощу» чаще, чем следует… ибо наши доходы ни в коем случае не могут равняться с доходами моего брата, мистера Саклинга… Словом, как бы там ни было, я твердо намерена помочь Джейн Ферфакс… Разумеется, я очень часто буду приглашать ее к себе, представлю ее как можно большему числу знакомых, буду устраивать музыкальные вечера, чтобы показать всем ее талант и постоянно буду начеку, чтобы не пропустить для нее выгодного предложения. У меня такие обширные связи! Я почти не сомневаюсь, что вскоре мне удастся подобрать для нее что-нибудь стоящее… Конечно, я обращу на нее особое внимание братца и сестрицы, когда они приедут к нам. Уверена, они придут от нее в восторг! И когда она получше познакомится с ними, ей совершенно нечего будет бояться, потому что и братец, и сестрица выкажут ей лишь самое доброе расположение… Когда они приедут, я стану звать ее особенно часто, а иногда мы будем брать ее в ландо на прогулки по окрестностям.

«Бедняжка Джейн Ферфакс! — подумала Эм-

ма. — Ты такого не заслужила. Возможно, ты дурно поступила по отношению к мистеру Диксону, но такого сурового наказания не заслуживает никто! Доброта и покровительство миссис Элтон! «Джейн Ферфакс» да «Джейн Ферфакс»! Святые угодники! Остается надеяться, что меня она не посмеет звать Эмма Вудхаус! Но честное слово, кажется, у этой особы язык без костей!»

Впрочем, скоро Эмма была избавлена от необходимости выслушивать эти разглагольствования, по крайней мере обращенные исключительно к ней, да еще так обильно приправленные тошнотворным обращением «дорогая мисс Вудхаус». Вскоре после той встречи в отношении миссис Элтон к Эмме произошла перемена, и ее оставили в покое — не заставляли быть самой близкой подружкой миссис Элтон, не призывали принять, под руководством миссис Элтон, активнейшее участие в судьбе Джейн Ферфакс, а только осведомляли ее, наравне с прочими, о своих чувствах, размышлениях и поступках.

Эмма наблюдала за происходящим не без некоторого интереса. Бесхитростная мисс Бейтс не знала как благодарить миссис Элтон за покровительство, выказанное по отношению к Джейн. Она превозносила миссис Элтон до небес, объяви-

ла ее самой дружелюбной, самой приветливой, словом, самой очаровательной из женщин — благородной, тонкой, образованной и участливой, — какой и подобает быть жене такого человека, как мистер Элтон. Единственное, чему удивлялась Эмма, — тому, что Джейн Ферфакс, кажется, довольно спокойно сносит внимание и покровительство миссис Элтон. Она слышала о ее совместных прогулках с Элтонами, о том, что она сидит с Элтонами, проводит с Элтонами целые дни! Просто невероятно! Неужели мисс Ферфакс настолько отказали вкус и гордость, что она выносит общество и дружбу викария с женой?

«Она загадка, настоящая загадка, — думала Эмма. — По собственной воле месяц за месяцем остается здесь, терпя всевозможные лишения! А теперь еще предпочла назойливое внимание со стороны миссис Элтон и убогие разговоры с нею возвращению к тем людям, которые всегда относились к ней с неподдельной любовью».

Вначале предполагалось, что Джейн пробудет в Хайбери три месяца, ибо на такой срок Кемпбеллы уезжали в Ирландию, но потом миссис Диксон упросила родителей погостить у нее по крайней мере до середины лета; Джейн снова прислали приглашение присоединиться к ним.

По словам мисс Бейтс — все новости в Хартфилде узнавали от нее, — миссис Диксон буквально умоляла Джейн приехать. Решись Джейн поехать, ей выслали бы денег на дорогу, слуг, оповестили друзей, у которых она смогла бы останавливаться по пути, словом, устранили бы возможные дорожные тяготы; и все же она отклонила приглашение!

— У нее должна быть какая-то более веская причина для отказа поехать к друзьям, — заключила Эмма. — Должно быть, она наложила на себя своего рода епитимью. Она сильно боится чего-то, сильно осторожничает и на что-то вполне решилась: к Диксонам ей путь закрыт! Но кто вынес ей такой приговор? За что вынуждена она постоянно находиться в обществе Элтонов? Вот еще загадка.

После того как она поделилась своими мыслями с теми немногими, кому известно было ее мнение о миссис Элтон, миссис Уэстон рискнула встать на защиту Джейн:

— Милая Эмма, невозможно предполагать, будто ей по душе сомнительное удовольствие постоянно бывать в доме викария, однако это все же лучше, чем постоянно сидеть дома. Тетка ее — доброе создание, но в качестве постоянной

собеседницы может утомить. Не следует забывать условий жизни мисс Ферфакс, и потому не торопитесь осуждать ее за дурной вкус в выборе друзей.

— Вы правы, миссис Уэстон, — с жаром подтвердил мистер Найтли. — Мисс Ферфакс не хуже нас с вами способна понять, что за человек миссис Элтон. Будь ее воля выбирать, с кем общаться, она бы не выбрала ее в подруги! — Он укоризненно улыбнулся Эмме. — Она получает от миссис Элтон внимание, которым больше никто ее не дарит!

Эмма почувствовала на себе быстрый взгляд миссис Уэстон и сама поразилась его теплоте. Слегка вспыхнув, она ответила не сразу:

— Внимание такой особы, как миссис Элтон, по моему мнению, способно скорее вызвать отвращение, чем благодарность мисс Ферфакс. На мой взгляд, приглашения миссис Элтон должны скорее огорчать…

— Я бы не удивлялась, — заметила миссис Уэстон, — если бы мисс Ферфакс пришлось подружиться с миссис Элтон поневоле, из-за той готовности, с какой тетушка ее принимает славословие миссис Элтон по адресу племянницы. Бедная мисс Бейтс! Вполне вероятно, она вынудила племянницу связать себя более тесными

узами, чем подсказывал мисс Ферфакс ее здравый смысл, несмотря на вполне понятное желание хоть небольших, но перемен.

Обе дамы с нетерпением ждали, когда мистер Найтли выскажет свое мнение. Помолчав несколько минут, он заговорил:

— Следует учитывать и другое — с мисс Ферфакс миссис Элтон не говорит так, как она говорит о ней за глаза. Мы все понимаем разницу между местоимениями «он», «она» — и «ты», самым прямым обращением! При непосредственном общении друг с другом все мы поневоле руководствуемся еще чем-то, помимо обычной вежливости, чем-то, внедренным в наше сознание с детства. Мы не способны даже намекнуть своему собеседнику, что знаем о нем нечто неприятное, хотя совершенно свободно говорили об этом всего час назад. Нет, при непосредственном общении мы ведем себя совершенно иначе. Кроме того, помимо этого общепринятого правила, можете быть уверены, что миссис Элтон невольно чувствует благоговение перед мисс Ферфакс как перед существом, превосходящим ее как внешне, так и духовно. Уверяю вас, лицом к лицу с нею миссис Элтон обращается с Джейн со всем должным уважением. Такая женщина, как

мисс Ферфакс, возможно, прежде никогда не попадалась на жизненном пути миссис Элтон. Как бы тщеславна ни была сия дама, она не может не ощущать своей ничтожности в сравнении с мисс Ферфакс — пусть даже бессознательно, помимо собственной воли.

— Я знаю, сколь высоко цените вы Джейн Ферфакс, — сказала Эмма и снова вспомнила опасность, грозящую маленькому Генри. Она запнулась, не зная, как продолжить.

— Да, — отвечал он, — я и не скрываю, как высоко ценю ее.

Эмма бросила на него лукавый взгляд, но тут же опомнилась и решила узнать все самое плохое, не откладывая. Потому она не преминула добавить:

— Возможно, вы и сами до конца не отдаете себе отчета в том, сколь высоко ее цените. Смотрите, как бы в один прекрасный день степень вашего преклонения не удивила вас самого!

Мистер Найтли в этот момент усердно пытался застегнуть расстегнувшиеся нижние пуговицы толстой кожаной краги; либо от усилия, либо от иной причины краска бросилась ему в лицо, и он ответил:

— Ах вот что вы имеете в виду! Позвольте вам заметить: вы опоздали. Мистер Коул уже делал

мне определенные намеки шесть недель назад.

Он замолчал. Эмма почувствовала, как миссис Уэстон наступает ей на ногу; она не знала, что и подумать. Через миг мистер Найтли заговорил снова:

— Однако не бойтесь… Уверяю вас, такого никогда не случится. Не сомневаюсь, попроси я руки мисс Джейн Ферфакс, она отказала бы мне, но я вполне уверен в том, что никогда не попрошу ее выйти за меня замуж.

Эмма, заинтригованная, в свою очередь, наступила на ногу миссис Уэстон. От радости у нее невольно вырвалось:

— Вы, мистер Найтли, не страдаете от излишнего тщеславия. За это я ручаюсь.

Он промолчал, словно не слышал ее слов, он задумался, но вскоре после этого заметил, причем, судя по виду, был явно недоволен:

— Значит, вы решили, будто я должен жениться на Джейн Ферфакс?

— Нет-нет, что вы! Вы столько упрекали меня за пристрастие к сватовству, что я не смею позволить себе такую вольность в отношении вас. Мои слова совершенно ничего не значат. Конечно, бывает, люди выдвигают подобные предположения, однако не придают им никакого значения.

Ах! Честное слово, я не испытываю ни малейшего желания женить вас ни на Джейн Ферфакс, ни на какой-либо другой Джейн. Как бы вы могли приходить в гости и так уютно беседовать с нами, будь вы женаты?

Мистер Найтли снова задумался. Результатом его раздумий были слова:

— Нет, Эмма, не думаю, что в один прекрасный день меня самого застанет врасплох степень моего восхищения ею… Уверяю вас, я никогда не думал о ней в таком ключе. — И еще немного погодя сказал: — Джейн Ферфакс — очень милая молодая девица… но даже Джейн Ферфакс не является совершенством. У нее есть один недостаток. Она не обладает той открытостью натуры, какую мужчине желательно видеть в своей жене.

Эмма не могла не возрадоваться тому, что и у несравненной Джейн Ферфакс есть недостаток.

— Значит, — улыбнулась она, — вы скоро заставили мистера Коула замолчать?

— Да, почти сразу. Он сделал тонкий намек, а я сказал, что он ошибается. Он попросил прощения и больше ничего не говорил. Коул не стремится быть мудрее или хитрее своих соседей.

— Как не похож он в этом отношении на нашу

дорогую миссис Элтон, которая тщится быть умнее и проницательнее всех на свете! Интересно, как она отзывается о Коулах — как зовет их? Не сомневаюсь, она придумала нечто такое же вульгарное и развязное, как и для вас. Вас она зовет Найтли — а что припасла она для мистера Коула? Словом, я не склонна удивляться тому, что Джейн Ферфакс принимает ее любезности и охотно и часто бывает у нее. Миссис Уэстон, ваш довод подействовал на меня сильнее всего. Я могу с гораздо большей готовностью согласиться с тем, что ей не терпится сбежать от мисс Бейтс, чем поверить в торжество натуры мисс Ферфакс над миссис Элтон. Не похоже, чтобы миссис Элтон достало мозгов счесть себя ниже кого-либо по уму, манерам или поступкам. Не думаю, что ее сдерживают иные рамки, кроме собственных, неверно понятых, убогих правил того, что прилично, а что нет. Невозможно вообразить, чтобы она не оскорбляла постоянно свою гостью неумеренной хвалой, поощрением и предложением своих услуг. Если она постоянно не расписывает в подробностях свои величественные намерения, то предлагает подыскать ей постоянное место или собирается включить ее в число гостей на одну из чудесных увеселительных поездок в ландо.

— Джейн Ферфакс все понимает, — сказал мистер Найтли. — В недостатке сообразительности ее не упрекнешь. Подозреваю, что ей свойственны сильные чувства. Нрав ее отличают такие завидные черты, как выдержка, терпение и самообладание, однако ей недостает открытости. Она скрытна, причем сейчас даже больше, думаю, чем обыкновенно… А мне по душе открытые натуры. Нет, до тех пор, пока Коул не намекнул на мою воображаемую привязанность к мисс Ферфакс, мысль о ней ни разу не закрадывалась ко мне в голову. Я всегда испытывал удовольствие при виде Джейн Ферфакс и всегда охотно беседовал с нею, но без всякой задней мысли.

— Ну, миссис Уэстон, что вы теперь скажете о женитьбе мистера Найтли на Джейн Ферфакс? — торжествующе спросила Эмма после ухода мистера Найтли.

— Милая Эмма, мне есть что сказать, отчего же… Он настолько занят мыслью о том, что он ее не любит, что не удивлюсь, ежели в конце концов он все же влюбится в нее. Вот вам — только не бейте меня!

Глава 34

Все обитатели Хайбери и его окрестностей, кто хоть шапочно был знаком с мистером Элтоном, обязаны были зайти к нему и поздравить с женитьбой. В честь него и его молодой жены давались многочисленные званые обеды и ужины, приглашения следовали одно за другим, сплошным потоком. Вскоре миссис Элтон не без удовольствия поведала всем, что «у них нет ни одного незанятого дня».

— Теперь я понимаю, — говорила она, — какую жизнь суждено мне с вами вести! Честное слово, скоро мы промотаемся в пух и прах! В самом деле, мы, кажется, основали новую моду. Если это называется «жизнью в глуши», то ничего ужасного в этом нет. Начиная с понедельника и до следующей субботы у нас нет ни одного свободного дня! Даже не будь у меня такого богатого внутреннего мира, я бы тут не заскучала.

Ни одно приглашение она не отклоняла. Благодаря привычке, усвоенной в Бате, званые ужины были для нее вполне естественны, а «Кленовая роща» привила ей любовь к званым обедам. Ее

немного смущало отсутствие второй гостиной, то, что гостей мало обносят пирогом, а также то, что во время карточных вечеров не подают мороженого. Миссис Бейтс, миссис Перри, миссис Годдард и остальные, разумеется, в смысле знания света изрядно отстали; но погодите, вот она скоро покажет всем, как следует задавать вечера такого сорта. Весною она непременно отплатит всем местным жителям за их доброту и устроит один званый вечер — но какой! На каждом карточном столике будет стоять отдельный подсвечник и лежать нераспечатанная колода карт. Поскольку у них мало прислуги, придется нанять на вечер еще слуг, которые будут обносить гостей закусками точно тогда, когда нужно, и в соответствии с этикетом.

Эмма, в свою очередь, не могла не дать в Хартфилде званый обед в честь Элтонов. Нельзя, невозможно не оказать внимания молодоженам, иначе ее, чего доброго, заподозрят в пристрастности и решат, что она способна на такое достойное жалости чувство, как презрение. Следовательно, званый обед неизбежен. После того как Эмма проговорила об этом минут десять, мистер Вудхаус охотно согласился на проведение званого обеда. Он лишь, как всегда, наотрез отказался садиться

во главе стола и, как обычно, принялся гадать, кто способен заменить его на почетном месте.

Вопрос, кого пригласить, не занял много времени. Кроме Элтонов, нужно позвать, разумеется, Уэстонов и мистера Найтли. Пока все шло своим чередом, как должно, однако обычно восьмой за столом оказывалась Харриет, но мысль о том, что надо позвать и ее, в этот раз почему-то не доставила Эмме удовольствия. Она очень обрадовалась, когда Харриет попросила избавить ее от необходимости приходить. Она предпочитает по возможности не находиться в его обществе… Пока ей довольно тяжело видеть его вместе с очаровательной счастливицей женой. В их присутствии она чувствует себя неловко. Если мисс Вудхаус не рассердится, она лучше останется дома. Лучшего ответа трудно было и желать, сочти Эмма себя вправе чего-то желать в данной ситуации. Стойкость подруги ее порадовала, ибо она знала, сколько сил требуется Харриет, чтобы отказаться от приглашения в гости и остаться сидеть дома, кроме того, теперь Эмма имела полное право пригласить восьмой именно ту гостью, какую и хотела, — Джейн Ферфакс. После разговора с миссис Уэстон и мистером Найтли она, как никогда, испытывала в отношении Джейн Фер-

факс угрызения совести… Слова мистера Найтли задели ее за живое. Он тогда заявил, что Джейн Ферфакс получает от миссис Элтон знаки внимания, которыми никто другой ее не удостаивает.

«Это совершенно справедливо, — сказала себе Эмма, — по крайней мере в отношении меня, а именно меня он и имел в виду — и мне должно быть очень стыдно. Ведь мы с ней одногодки и знаем друг друга всю жизнь… Надо было мне подружиться с нею… Теперь она никогда меня не полюбит. Я слишком долго пренебрегала ею. Но я окружу ее заботой и выкажу большее внимание, чем до сих пор».

Никто от приглашения не отказался. Все оказались не заняты, и все были рады. Однако трудности с обедом на этом еще не закончились. Добавилось очень некстати еще одно обстоятельство. Условлено было, что двое старших маленьких Найтли весною пробудут у дедушки и тетки несколько недель, и вот теперь их отец объявил о том, что привезет их и сам на целый день останется в Хартфилде — и именно в день званого обеда. Дела не позволяли ему перенести визит. И отца, и дочь такое совпадение очень расстроило. Мистер Вудхаус и так полагал, что восемь гостей — это слишком, а тут появляется

девятый, Эмма же волновалась, зная, что их девятый гость будет очень недоволен: раз в кои-то веки выбрался он в Хартфилд, и всего на двое суток, и надо же! — угодил на званый обед.

Батюшку Эмме удалось успокоить быстро: хотя гостей и будет девять, но мистер Джон Найтли всегда так мало говорит, что с его появлением шумнее не станет. Сама же она несказанно огорчилась, ибо предчувствовала, что мистер Джон Найтли (вместо своего брата) окажется ее соседом напротив, так что придется терпеть его взгляды исподлобья и односложные реплики.

События более благоприятствовали мистеру Вудхаусу, нежели Эмме. Джон Найтли прибыл, однако мистера Уэстона неожиданно вызвали в Лондон: ему предстояло провести там весь день. Возможно, заявил он, ему удастся присоединиться к остальным вечером, но определенно не за обедом. Мистер Вудхаус совершенно успокоился; и, радуясь безмятежности батюшки, а также приезду племянников и философскому отношению зятя к званому обеду, Эмма почти перестала беспокоиться сама.

Настал великий день. Гости собрались точно в срок, а мистер Джон Найтли, казалось, заранее настроился на то, чтобы быть милым. Вместо того

чтобы в ожидании обеда увлечь брата к окну, он беседовал с мисс Ферфакс. Миссис Элтон, разряженную в пух и прах, он оглядел молча, говорить с нею не было нужды, однако Изабелла просила описать, как она выглядит. А вот мисс Ферфакс была старой знакомой, к тому же спокойной девушкой, и с нею можно было и поговорить. Он встретился с ней еще утром, перед завтраком, когда прогуливался с мальчиками, как раз начинался дождь. Было вполне естественно сделать ряд вежливых замечаний по этому поводу, и он сказал:

— Надеюсь, мисс Ферфакс, сегодня утром вы не рискнули пойти далеко, в противном случае, я уверен, вы наверняка промокли насквозь… Вообразите, даже мы едва-едва успели домой. Надеюсь, вы сразу повернули обратно?

— Я шла всего лишь на почту, — ответила она, — и успела домой до того, как дождь пошел сильнее. Это моя ежедневная обязанность. Когда я здесь, я всегда забираю письма. Таким образом я избавляю других от необходимости ходить на почту, кроме того, для меня это повод прогуляться. Прогулки перед завтраком действуют на меня благотворно.

— Только не прогулки под дождем!

— Но когда я выходила из дому, дождя и в помине не было.

Мистер Джон Найтли с улыбкой возразил:

— Да нет же, вы предпочли прогулку под дождем, так как не отошли и шести ярдов от двери дома, когда я имел удовольствие вас встретить, а Генри с Джоном давно устали считать капли дождя. В определенный период жизни почта является для нас весьма притягательным местом. Вот когда вы доживете до моих лет, вы начнете понимать, что ни одно письмо не стоит того, чтобы ради него выходить под дождь.

Его собеседница пришла в легкое замешательство, а затем ответила:

— Вряд ли я когда-нибудь окажусь в вашем положении, то есть окруженной со всех сторон любящими родственниками… следовательно, не могу я и предположить, будто с возрастом охладею к письмам.

— Охладеете! О нет! Я… у меня и в мыслях не было, что вы охладеете… К письмам охладеть невозможно: обычно они — форменное несчастье!

— Вы говорите о письмах деловых, мне же приходят письма от друзей.

— Всегда считал их еще худшим бедствием, —

холодно возразил мистер Джон Найтли. — Видите ли, дела могут приносить доход, чего едва ли можно ждать от дружбы.

— Ах! Вы, конечно, шутите! Я слишком хорошо знаю мистера Джона Найтли… Я вполне уверена в том, что он понимает ценность дружбы так же, как и все прочие. Я легко могу поверить, что для вас письма значат очень мало, куда меньше, чем для меня, однако дело не в том, что вы старше меня на десять лет… Дело не в разнице в возрасте, но в разнице в положении. Все те, кого вы любите больше всего, всегда рядом с вами, а я, вероятно, больше никогда не буду рядом с теми, кого люблю, следовательно, пока я не пережила все свои привязанности, думаю, почта будет всегда обладать для меня притягательной силой — в погоду даже худшую, чем сегодня.

— Когда я говорил, что вы изменитесь со временем, с течением лет, — сказал Джон Найтли, — я имел в виду перемену в положении, которая неизменно происходит с годами. Подразумеваю, что одно является составной частью другого. Время обыкновенно уменьшает интерес ко всем привязанностям, не входящим в ваш повседневный круг общения, однако не такого рода перемену имел я в виду в вашем случае. Позвольте мне, на

правах старого друга, выразить надежду, мисс Ферфакс, что спустя десять лет и вокруг вас будет столько же любящих существ, сколько и вокруг меня.

Сказано было это очень тепло и совершенно лишено было всякого обидного смысла. Казалось, что ласковым «спасибо» ей удастся отшутиться, однако краска на щеках, дрожащие губы, слезинка, навернувшаяся на глаза, показывали, что ей не до веселья. Теперь ее вниманием завладел мистер Вудхаус, который, как водится по таким случаям, сидел в центре кружка гостей и говорил дамам комплименты. Ее он приберег под конец. С самым любезным видом он произнес:

— Весьма прискорбно слышать, мисс Ферфакс, что вы сегодня утром гуляли под дождем. Молодым девицам следует больше беречься… Молодые девицы — создания хрупкие. Им надлежит заботиться о своем здоровье и цвете лица. Милочка, вы переменили чулки?

— Да, сэр, разумеется! Я очень тронута вашей искренней заботой обо мне.

— Моя дорогая мисс Ферфакс, о вас, молодых особах, всегда надлежит заботиться особо… Надеюсь, ваши бабушка и тетка в добром здравии? Они — одни из самых добрых моих друзей. Хо-

телось бы мне, чтобы здоровье позволяло мне быть лучшим соседом. Сегодня вы оказываете нам величайшую честь. Мы с дочерью оба самым чувствительнейшим образом благодарим вас за доброту. Мы испытываем величайшее удовольствие, видя вас в Хартфилде.

После этого добродушный мистер Вудхаус вздохнул с облегчением, с чувством выполненного долга — ни одна из приглашенных дам не была обойдена его вниманием, и все чувствовали себя как дома.

К этому времени слух о прогулке под дождем достиг ушей миссис Элтон, которая не преминула сделать Джейн выговор:

— Моя милая Джейн, что я слышу? Ходить на почту под дождем? Уверяю вас, этого больше не повторится… Ах вы негодница, да как вы могли сделать такую глупость? Вот что значит — меня не было рядом и я не могла позаботиться о вас!

Джейн очень терпеливо заверила ее, что она совершенно не простудилась.

— О! Мне вы можете не рассказывать. Какая вы, право, негодница и совершенно не можете сами позаботиться о себе… Подумать только, идти на почту! Миссис Уэстон, вы когда-нибудь слыхали такое? Нам с вами определенно надо употребить

свое влияние.

— Мой совет вам, мисс Ферфакс, — мягко, но убедительно проговорила миссис Уэстон, — не стоит подвергать себя такому риску… Так как вы особенно предрасположены к простудам, вам следует проявлять особую осторожность, тем более в это время года. Я всегда считала, что весной требуется большее, чем просто осторожность. Выждать часок-другой, а лучше повременить полдня с вашими письмами… подвергаться риску снова подхватить ваш кашель. Разве вы не согласны со мной? Уверена, что согласны! Вы ведь такая умница. По вашему виду я заключаю, что больше вы так не будете поступать.

— О, она точно больше не будет, — с жаром вступила миссис Элтон. — Мы ей не позволим! — И, со значением подмигивая, она добавила: — Тут нужно кое-что предпринять… просто необходимо. Я поговорю с мужем. Слуга, который забирает нашу почту (один из наших слуг, знаете ли, позабыла, как его зовут), заберет и ваши письма тоже и принесет их вам! Это мигом устранит все затруднения, знаете ли… Милая Джейн, не сомневаюсь, что вы без всякого стеснения примете такую услугу от нас.

— Вы чрезвычайно добры, — отвечала Джейн, —

однако я не могу отказаться от своих ранних прогулок. Мне советовали как можно чаще бывать на свежем воздухе. Мне необходимо где-то гулять, а почта служит для меня целью прогулок… Даю вам слово, что до сих пор погода по утрам была превосходной.

— Милая Джейн, ни слова более! Дело решено, то есть, — поправилась она смеясь, — насколько я смею решать какое-либо дело без совета с моим господином и повелителем. Знаете, миссис Уэстон, нам с вами надлежит выражаться осторожнее. Но я, милая Джейн, тешу себя надеждой, что мое влияние не совсем тщетно. Следовательно, если не возникнут какие-либо непреодолимые препятствия, считайте дело решенным.

— Извините, — серьезно возразила Джейн, — я никоим образом не могу согласиться с вашим планом и не намерена без нужны утруждать вашего лакея. Если бы моя обязанность не была для меня удовольствием, письма могла бы забирать — как всегда, когда меня здесь нет, — бабушкина горничная…

— Ах, моя милая! У Патти и так полно дел! А для нашей прислуги благо чем-нибудь заняться.

Джейн, судя по ее виду, сдаваться не собиралась, но, вместо ответа, она снова обратилась к

мистеру Джону Найтли.

— Прекрасное учреждение почта! — сказала она. — Как точно доставляют они письма, на них можно положиться. Подумать только, так много обязанностей у почтовых работников, однако все их они выполняют неукоснительно! Это просто поражает воображение!

— Да, их работа очень хорошо налажена.

— Так редки случаи утери или ошибки! Во всем королевстве ежедневно отправляются тысячи писем, и среди них едва ли одно на тысячу доставляется не по адресу — а уж теряется, полагаю, едва ли одно на миллион! А если представить, сколько разных почерков, и не всегда разборчивых, приходится разбирать почтовым служащим, мое изумление и восхищение ими только растут.

— Почтовые служащие приучены разбирать разные почерки… Для начала необходимы некоторая наблюдательность и аккуратность, а навык приходит с опытом. А если хотите еще разъяснений, — продолжал он улыбаясь, — то им ведь за это платят. Вот в чем в большой степени разгадка их способностей. Им платят, следовательно, в обмен они обязаны хорошо работать.

Затем заговорили о том, какие бывают почерки, и посыпались обычные в таких случаях

замечания.

— Я слышал, некоторые считают, — начал Джон Найтли, — что в семье часто преобладает один тип почерка. Что ж, для тех, кто обучался у одного учителя, утверждение достаточно справедливо. Но исходя из этого я склонен полагать, что сходство распространено главным образом среди женщин, так как мальчиков, вышедших из нежного возраста, почти не обучают каллиграфии, а каждый царапает как курица лапой. Вот у Изабеллы и Эммы почерк действительно очень похож. Я даже не всегда могу различить, кто из них написал письмо.

— Да, — нерешительно подтвердил его брат, — некоторое сходство наблюдается. Я понимаю, что ты имеешь в виду… Однако у Эммы почерк тверже.

— И Изабелла, и Эмма пишут красиво, — вмешался мистер Вудхаус, — и всегда писали. И бедная миссис Уэстон тоже, — добавил он, улыбаясь ей, но не в силах удержаться от легкого вздоха.

— А вот я… — начала Эмма и тоже повернулась к миссис Уэстон, но замолчала, заметив, что миссис Уэстон говорит с другими; во время вынужденной паузы у нее появилось время поразмыслить.

«Посмотрим, как я теперь произнесу его имя. Неужели не сумею вслух выговорить его перед всеми? А может, использовать иносказание? «Ваш йоркширский друг… ваш корреспондент из Йоркшира…» Да, полагаю, это был бы выход, будь я в более печальном положении. Но я могу произнести его имя без малейшего стеснения. Определенно мне все лучше и лучше. Ну же, смелее!»

Миссис Уэстон освободилась, и Эмма начала снова:

— А вот я считаю, что среди знакомых мне мужских почерков едва ли не самый лучший — у мистера Фрэнка Черчилля.

— Я не в восторге от его почерка, — заявил мистер Найтли. — Буквы слишком мелкие, и руке недостает твердости. Его почерк больше похож на женский.

Обе дамы с ним не согласились. Они принялись защищать почерк Фрэнка Черчилля от злостной клеветы: «Нет, нет, ему вполне достает твердости. Кстати, нет ли у миссис Уэстон с собой какого-нибудь письма, которое она могла бы показать?» К сожалению, нет! Она получила письмо совсем недавно, но, написав ответ, убрала его.

— Будь мы в другой комнате, — сказала Эмма, —

будь рядом моя конторка, уверена, что сумела бы достать образчик. У меня есть его записка… Помните, миссис Уэстон, однажды вы попросили его написать мне?

— Это он предпочел сказать, что я попросила…

— Хорошо, хорошо! Словом, у меня есть его записка. После обеда я могу продемонстрировать ее, дабы доказать мистеру Найтли, что он не прав.

— О! Когда галантный молодой человек вроде Фрэнка Черчилля пишет записку прекрасной даме, такой, как мисс Вудхаус, — сухо возразил мистер Найтли, — он, без сомнения, расстарается.

Обед был накрыт; миссис Элтон была готова еще прежде, чем с нею заговорили, и, прежде чем мистер Вудхаус подошел к ней с просьбой позволить сопровождать ее в столовую, она уже щебетала:

— Я должна идти первой? Ах, право, мне так стыдно, что приходится всегда возглавлять процессию!

Упорство Джейн в намерении самой забирать свои письма не ускользнуло от внимания Эммы. Она все видела и слышала и не без любопытства гадала, удачным ли оказался ее поход на почту сегодняшним дождливым утром. Она подозре-

вала, что поход увенчался успехом — вряд ли отправляются из дому в дождь, если не надеются получить весточку от кого-то очень близкого и дорогого. Наверное, усилия ее были не напрасными. Ей показалось, что вид у Джейн чуть более живой и радостный, чем обычно: и лицо, и глаза ее излучают какое-то сияние.

Она уже готова была задать пару вопросов об успехе экспедиции или о том, дорого ли стоит посылать письма из Ирландии, вопросы буквально вертелись у нее на кончике языка, но она удержалась. Она вспомнила о своей решимости ни словом не задевать чувства Джейн Ферфакс, и они рука об руку последовали за другими дамами, словно самые добрые подруги, что необычайно шло к красоте и грации обеих.

Глава 35

Когда дамы после обеда возвратились в гостиную, Эмма обнаружила, что гости поневоле разбились на два кружка; какое злонамеренное упорство и плохое воспитание выказала миссис Элтон, уделяя исключительное внимание Джейн и пренебрегая хозяйкою дома. Эмма и миссис Уэстон вынуждены были или почти все время разговаривать друг с другом, или же вместе хранить молчание. Миссис Элтон не оставила им выбора. Если Джейн на короткое время останавливала поток ее красноречия, вскоре он возобновлялся; и хотя говорили они в основном полушепотом, особенно миссис Элтон, не составляло особого труда услышать, о чем шла речь: достаточно долго обсуждали почту, опасность подхватить простуду, письма и дружбу. За этим последовала тема, которая должна была быть неприятна Джейн: миссис Элтон принялась расспрашивать, нашла ли она уже себе подходящее место, и щебетать о своих планах в этом направлении.

— Вот и апрель на дворе, — заметила она. — Знаете, я изрядно волнуюсь за вас. Ведь скоро

июнь.

— Но я никогда не ставила себе сроком ни июнь, ни любой другой месяц — просто ждала наступления лета.

— И у вас пока нет никаких известий?

— Я еще не наводила справок… и пока не хочу ни о чем хлопотать.

— О, дорогая моя, но нельзя же так долго тянуть! Вы и понятия не имеете, как трудно получить именно такое место, какое вам бы хотелось.

— О, я-то как раз имею понятие! — возразила Джейн, качая головой. — Дорогая миссис Элтон, кому же и знать об этом, как не мне?

— Но у вас нет моего знания света. Вы не знаете, как много кандидаток подыскивают себе первое место! Я перевидала множество гувернанток у соседей, живущих рядом с «Кленовой рощей». Вот у миссис Брэгг, кузины мистера Саклинга, отбою не было от желающих. Все стремились попасть в ее семью, потому что она вращается в высшем обществе. Вообразите, у нее в классной комнате восковые свечи! Можете себе представить, сколь заманчивым было бы служить у нее! Лично мне больше всего на свете хотелось бы видеть вас именно в доме миссис Брэгг.

— Полковник и миссис Кемпбелл должны

вернуться в Лондон в середине лета, — сказала Джейн. — Я собираюсь провести с ними некоторое время… Уверена, они захотят этого. А после я, возможно, и начну искать себе место. Однако мне не хотелось бы, чтобы вы утруждали себя сейчас наведением каких-либо справок.

— Утруждала! Да, ваша стеснительность мне знакома. Вы боитесь обременить меня. Но, дорогая Джейн, уверяю вас, даже Кемпбеллов едва ли больше меня заботит ваша судьба. Сегодня или завтра напишу миссис Партридж и дам ей строгий наказ не упускать из виду, если подвернется для вас что-нибудь стоящее.

— Спасибо, но мне бы не хотелось, чтобы вы упоминали сей предмет в письме к ней. Я не хочу никого утруждать раньше времени.

— Но, милое мое дитя, ведь время уже приспело! Сейчас апрель, не за горами июнь и даже июль, а мы еще ничего не сделали! Ваша неопытность меня просто удручает! Место, которого вы заслуживаете и которого желали бы для вас ваши друзья, предлагается не каждый день! На такое место не поступишь вдруг, нет-нет, вы уж как хотите, но немедленно начнем наводить справки.

— Извините, сударыня, однако к этому я никоим образом не стремлюсь. Я и сама не навожу

справок и была бы очень огорчена, если бы начал хлопотать кто-либо из моих друзей. Когда я окончательно определюсь со сроками, то сама без труда найду себе работу. В Лондоне есть специальные места, конторы, куда можно направить запрос и быстро получить ответ… конторы, в которых торгуют… не то чтобы человеческой плотью, но… человеческим духом.

— Что вы говорите, дорогая, — торгуют человеческой плотью! Вы меня буквально потрясли… Если вы намекаете на работорговлю, уверяю вас, мистер Саклинг всегда был противником рабства.

— У меня и в мыслях не было сравнивать их деятельность с работорговлей, — отвечала Джейн. — Уверяю вас, я думала только о торговле гувернантками! Конечно, все зависит от того, кто ею занимается… Впрочем, взгляды хозяев мало отражаются на положении несчастных жертв. Однако хотела я сказать только то, что существуют конторы, куда можно принести объявление. Я почти не сомневаюсь, что скоро подберу для себя сносное место.

— Сносное! — повторила миссис Элтон. — Возможно, слово «сносное» отвечает вашим скромным запросам… Я знаю, как вы застенчивы

и стеснительны, однако «сносное» место совершенно не устроит ваших друзей — вам нельзя соглашаться на первое же попавшееся предложение. Иначе окажетесь в какой-нибудь низкой, заурядной семье, в семье, не вращающейся в определенных кругах или не способной ценить изящество жизни.

— Вы очень любезны! Но ко всем подобным вещам я равнодушна, я не задаюсь целью непременно попасть в богатый дом. Мне кажется, что в богатом доме я буду сильнее осознавать собственное униженное положение… Я буду больше страдать от неравенства. Моим единственным условием является работа в благородном семействе.

— Я знаю вас, я знаю вас! Вы смиритесь с чем угодно, но позвольте мне поприветствовать за вас. Я уверена, добрые Кемпбеллы встанут на мою сторону… При всех ваших несравненных талантах у вас есть полное право рассчитывать попасть в высшие круги. Да одного вашего музыкального образования хватит, чтобы дать вам право самой назначать условия, требовать для себя столько комнат, сколько вы пожелаете, и принимать участие в жизни семьи, насколько сочтете нужным, то есть… не знаю… Вот если бы

вы к тому же играли на арфе, уверена, что вы могли бы требовать все это, но, с другой стороны, вы ведь поете так же прекрасно, как и играете… Да, я твердо уверена в том, что вы можете требовать все, что я перечислила, даже без арфы. Ставить любые условия — и ни я, ни Кемпбеллы не успокоимся, покуда не найдем для вас во всех отношениях подобающего места, соответствующего вашим достоинствам.

— Пожалуй, вы можете ставить на одну доску и удовольствие, и почет, и удобство, так как вы уверены в том, что они в равной степени возможны, — возразила Джейн. — Но, как бы там ни было, я вполне серьезно прошу вас ничего для меня пока не предпринимать. Я бесконечно признательна вам, миссис Элтон, я признательна всем, кто мне сочувствует, однако я упорствую в своем решении ничего не предпринимать до лета. Еще два-три месяца побуду здесь и в том же качестве.

— А я, уверяю вас, также вполне серьезна, — весело парировала миссис Элтон, — что порешила быть начеку и друзей своих ангажировать с этой же целью, чтобы не пропустить для вас какого-нибудь совершенно превосходного места.

Продолжала она в том же духе, не задерживаясь

долго ни на одном предмете, пока в комнату не вошел мистер Вудхаус. Тут ее тщеславие переменило объект, и Эмма услышала, как она так же, полушепотом, обращается к Джейн:

— Поглядите-ка на моего милого старенького кавалера! Подумать только, какая галантность — пришел, не дожидаясь остальных мужчин! Он просто душка! Уверяю вас, он мне чрезвычайно нравится. Меня восхищает его причудливая старомодная учтивость. Она мне гораздо более по душе, чем современная развязность. Назойливость и развязность всегда вызывают у меня отвращение. Но милый наш добрый мистер Вудхаус! Жаль, что вы не слыхали его учтивых речей, обращенных ко мне за обедом. Ах! Уверяю вас, я начала думать, что мой дражайший супруг — caro sposo — начнет безумно меня ревновать! Подозреваю, что я стала его любимицей… Он отметил красоту моего наряда. Как вам нравится мое платье? Его выбирала Селина — по-моему, красивое, только не кажется ли вам, что оно слишком вычурно? Больше всего мне не хотелось бы выглядеть вычурной… Когда рюшечек и бантиков слишком много, это просто ужас! Сейчас, разумеется, я должна выглядеть нарядной, поскольку иного от меня не ждут. Новобрачная, знаете ли,

должна и выглядеть новобрачной, однако мой естественный вкус отдает предпочтение простоте. Платье простого покроя куда элегантнее, нежели пышно отделанный наряд. Однако полагаю, я нахожусь в меньшинстве. Немногие люди ценят в платье простоту — показная пышность и вычурность для них все. Интересно, пойдет ли такая же отделка к моему поплиновому платью — белому с серебром? Как по-вашему, хорошо будет смотреться?

Не успели все гости снова собраться в гостиной, как появился и мистер Уэстон. Он вернулся домой к окончанию обеда и сразу после обеда пешком отправился в Хартфилд. Люди, привычные к нему, встретили его не удивившись, но сильно обрадовавшись. Мистер Вудхаус теперь был почти так же рад видеть его, как прежде был бы огорчен. Только Джона Найтли его появление сильно изумило. Его до глубины души поразило то обстоятельство, что человек, который мог спокойно просидеть весь вечер дома после хлопотливого дня, проведенного в Лондоне, снова выходит из дому и проходит полмили к дому другого человека ради сомнительного удовольствия находиться в смешанной компании, пока не настанет время идти спать, ради того, чтобы в

конце дня расточать любезности и терпеть шум многих голосов. Человек, который с восьми утра был на ногах, теперь заслужил покой и отдых! Человек, который весь день провел в переговорах, имеет право помолчать, человек, пообщавшийся с целой толпой людей, теперь заслужил право побыть в одиночестве! И этот человек пренебрегает покоем, тишиной и независимостью, которыми мог наслаждаться у своего камина, и выходит на улицу в холодный и слякотный апрельский вечер, дабы снова видеться с людьми! Приди он лишь для того, чтобы пальцем поманить жену домой, — это было бы еще понятно… Однако с его появлением гости оживились и, вместо того чтобы расходиться по домам, намерены, кажется, затянуть здесь свое пребывание! Джон Найтли смотрел на него с изумлением, потом пожал плечами и заявил:

— Не ожидал я такого — даже от него!

Тем временем мистер Уэстон, в блаженном неведении относительно того, причиной какого негодования он стал, веселый и оживленный, как всегда, и с полным правом полагающий, что все непременно захотят его послушать, так как он целый день провел вдали от дома, наслаждался общением с остальными гостями. Ответив на

расспросы супруги относительно того, пообедал ли он, убедил ее в том, что слуги не позабыли ни одно из ее заботливых наставлений. Рассказав все последние новости внешнего мира, он перешел к новостям семейным; хотя обращался он преимущественно к миссис Уэстон, он нисколько не сомневался в том, что новости его будут в высшей степени интересны для всех присутствующих. Он подал жене письмо от Фрэнка, предназначенное ей, — он встретился с почтальоном по пути и позволил себе вскрыть письмо.

— Прочтите, читайте же, — торопил он, — письмо вас порадует — это не письмо даже, а записка, всего несколько строчек… Оно не отнимет у вас много времени, прочтите его Эмме.

Обе дамы вместе склонились над письмом. Все время, пока они читали, он улыбался и, слегка понизив голос, однако так, чтобы слышно было всем, не переставая, говорил:

— Ну вот, видите, он приезжает! По-моему, хорошая новость. Что скажете? Говорил же я, что он скоро вернется! Анна, дорогая, не правда ли, я всегда именно так и говорил вам, а вы мне не верили? Знаете, на следующей неделе он будет в Лондоне… Не сомневаюсь, не позднее следующей недели… Понимаете, когда ей что-нибудь взбре-

дет в голову, она бывает нетерпелива, как сам лукавый! Вероятнее всего, они будут там завтра или в субботу. Что же касается ее болезни, то, конечно, все пустое. Но как прекрасно знать, что Фрэнк скоро будет с нами — так близко от нас! Раз уж они приедут, то, конечно, останутся надолго, и половину времени он проведет с нами. Это именно то, чего я хотел. Ну что, хорошая новость, правда? Вы дочитали? А Эмма прочла все письмо, до конца? Тогда уберите его, спрячьте! В другой раз как следует поговорим о нем, а сейчас не годится. Я просто передам остальным его содержание — в общих чертах.

Миссис Уэстон была приятно удивлена таким совпадением. Ни на словах, ни во взглядах не скрывала она своей радости. Она была счастлива, она излучала довольство и гордилась им. Она демонстрировала радость всем своим видом. Чувства Эммы не были столь же просты и понятны даже ей самой. Она была занята тем, что оценивала силу своего чувства. Обрадовала ли ее новость? Подумав, Эмма пришла к выводу, что новость взволновала ее довольно умеренно.

Мистер же Уэстон от нетерпения утратил свою наблюдательность, он был слишком словоохотлив, чтобы желать слышать речи других, был

слишком доволен тем, что он говорил, и вскоре перешел к другой группе гостей, дабы и их порадовать. Впрочем, находясь в одной комнате, они и так должны были частично услышать, о чем шла речь.

Хорошо, что он не подвергал сомнению безоговорочную радость всех присутствующих, иначе он вполне мог бы заподозрить, что мистер Вудхаус и мистер Найтли не слишком довольны его вестями. После миссис Уэстон и Эммы они первые получили право узнать новость; только после них сообщил он о приезде Фрэнка мисс Ферфакс, однако та была так глубоко погружена в разговор с Джоном Найтли, что прерывать их было бы открытой невежливостью. Так что, оказавшись рядом с миссис Элтон, внимание которой не было занято другими, он неизбежно заговорил на эту тему с ней.

Глава 36

— Надеюсь, скоро я буду иметь удовольствие представить вам моего сына, — начал мистер Уэстон.

Миссис Элтон, склонная истолковать подобное намерение как комплимент себе, наградила собеседника самой благосклонной улыбкой.

— Полагаю, вы слышали о некоем Фрэнке Черчилле, — продолжал он, — и знаете, что он — мой сын, хоть и не носит моей фамилии.

— О да! Буду очень рада с ним познакомиться. Как только он приедет, мистер Элтон, не теряя времени, нанесет ему визит. В свою очередь, мы оба с чрезвычайно рады будем видеть его у себя.

— Вы очень любезны. Уверен, Фрэнк будет бесконечно счастлив… На следующей неделе, если не раньше, он должен быть в Лондоне. Он сообщил нам об этом письмом, которое мы получили сегодня. Утром я встретился с почтальоном и, увидев на конверте почерк сына, поспешил вскрыть письмо — хоть адресовано оно было и не мне. Оно было предназначено миссис Уэстон. Уверяю вас, они состоят в оживленной перепис-

ке! А мне редко перепадает хоть строчка от сына.

— Значит, вы взяли да и вскрыли письмо, предназначенное ей! Ай-ай-ай, мистер Уэстон! — ласково смеясь, корила она. — Я должна решительно восстать против такого вашего поведения! Чрезвычайно опасный инцидент, право! Умоляю, не позволяйте соседям следовать вашему примеру… Честное слово, если меня ждет такая же печальная участь, то нам, замужним женщинам, впору начать защищаться! Ах, мистер Уэстон! Такого я от вас не ожидала!

— Да уж, мы, мужчины, такие негодники! Берегитесь, миссис Элтон! Так вот, в этом письме — оно коротенькое и написано в спешке, просто чтобы известить нас, — так вот, в письме говорится, что все они переезжают в Лондон из-за миссис Черчилль, всю зиму ей нездоровилось. Она считает, что в Энскуме ей слишком холодно, поэтому все они, не теряя времени, должны переехать к югу.

— Неужели! Они переедут из Йоркшира? Ведь Энскум в Йоркшире, если я не ошибаюсь?

— Да, поместье примерно в ста девяноста милях от Лондона. Путь неблизкий!

— Еще бы, очень и очень неблизкий. На шестьдесят пять миль дальше от Лондона, чем «Кле-

новая роща»! Но, мистер Уэстон, что значит расстояние для очень богатых людей? Вы бы очень удивились, узнав, с какой легкостью мой братец, мистер Саклинг, иногда срывается с места. Вы едва ли поверите мне — они с мистером Брэггом дважды в неделю ездили в Лондон и обратно на четверке лошадей.

— Опасность переезда из Энскума, — сказал мистер Уэстон, — заключается в том, что миссис Черчилль, насколько нам известно, не способна была по целой неделе вставать с дивана. В последнем письме Фрэнк писал, что она жалуется на такую слабость, что не может дойти до оранжереи, чтобы он и его дядюшка не поддерживали ее под руки с обеих сторон! Так что, как видите, это в большой степени свидетельствует о ее слабости, однако сейчас ей так не терпится попасть в Лондон, что она согласна даже на то, чтобы по дороге останавливаться на ночлег не более двух раз… Фрэнк так и пишет. Конечно, миссис Элтон, здоровье хрупких дам бывает подчас удивительным. Можете мне поверить.

— Нет-нет, и не надейтесь, не поверю! Я всегда встаю на сторону представительниц слабого пола. Я защищаю женщин! Предупреждаю — по этому вопросу вы найдете во мне ужасную

противницу. Я всегда заступаюсь за женщин и уверяю вас, если бы вы знали, как относится Селина к ночлегам в придорожных трактирах, вы бы не удивлялись, что миссис Черчилль любой ценой стремится их избегать. Селина говорит, что для нее ночлег в трактире — форменный кошмар! По-моему, тут она нисколько не привередничает. Она всегда путешествует с собственными простынями — прекрасная предосторожность. А миссис Черчилль поступает так же?

— Помяните мое слово, миссис Черчилль делает все, что положено делать в таких случаях знатной даме. Миссис Черчилль не уступит ни одной важной даме в королевстве…

Миссис Элтон поспешно вставила:

— Ах, мистер Уэстон, вы неправильно меня поняли! Уверяю вас, Селина вовсе не важная дама. Думать так о ней было бы неправильно…

— Нет? Тогда она не указ для миссис Черчилль, знатной дамы до мозга костей.

Миссис Элтон поняла, что совершила ошибку, горячо заявив, будто сестра ее — вовсе не важная дама. Ее целью никоим образом не являлось убедить собеседника в том, что Селина не является знатной дамой, возможно, она переборщила в своем притворстве, и она обдумывала, как будет

выгоднее всего отступить, в то время как мистер Уэстон продолжал:

— Как вы, возможно, подозреваете, миссис Черчилль не пользуется у меня большим почтением, но это только между нами! Она очень любит Фрэнка, потому я не стану отзываться о ней дурно. Кроме того, сейчас она нездорова, но, разумеется, если судить по ее собственным словам, так было всегда. Я бы не стал говорить так всем и каждому, миссис Элтон, но я не слишком верю в хрупкое здоровье миссис Черчилль.

— Мистер Уэстон, но если она на самом деле больна, почему не поехать в Бат? Или, скажем, в Клифтон?

— Она вбила себе в голову, что в Энскуме для нее слишком холодно. Однако я полагаю, дело в том, что Энскум ей просто надоел. Она находится там уже долгое время, дольше, чем обычно, и ей захотелось переменить обстановку. Энскум — место отдаленное. Прекрасное, но отдаленное.

— О да… наверное, как «Кленовая роща». Поместье братца стоит очень, очень далеко от дороги. И окружено нескончаемыми плантациями! Кажется, что вы вдали от всего — в самом полнейшем уединении… А у миссис Черчилль нет, возможно, ни силы духа, ни здоровья, подобных

Селининым, чтобы радоваться уединению такого рода. А может, для жизни в глуши ей недостает внутренних ресурсов? Я всегда говорю, что женщине необходимы душевные ресурсы, — и я испытываю огромную радость оттого, что сама я обладаю большим их запасом для того, чтобы хорошо чувствовать себя вдали от общества.

— Фрэнк был у нас две недели в феврале.

— Как же, как же, наслышана. Когда он вернется, то обнаружит в Хайбери некоторое пополнение, то есть если мне позволено будет именовать пополнением себя. Но скорее всего, он и понятия не имеет о моем существовании.

Миссис Элтон слишком напрашивалась на комплимент, чтобы можно было пропустить ее призыв мимо ушей, и мистер Уэстон немедленно воскликнул с воодушевлением:

— Дорогая сударыня! Кто, кроме вас, сочтет подобное возможным? Не подозревать о вашем существовании! Во всех последних письмах миссис Уэстон только и писала, что о миссис Элтон! — Выполнив свой долг, он вернулся к сыну. — Когда Фрэнк нас покинул, — продолжал он, — мы были не уверены, увидим ли его снова. Поэтому сегодняшние вести для нас вдвойне приятны. Все произошло совершенно неожиданно.

То есть я лично всегда был убежден в том, что скоро он вернется — я рассчитывал на какой-нибудь счастливый случай. Но мне никто не верил. Оба — и он, и миссис Уэстон — сильно пали духом. «Ну как ему удастся вырваться? И как можно полагать, будто его дядя и тетка снова отпустят его?» И так далее, и тому подобное; а я всегда чувствовал, что произойдет нечто благоприятное, как видите, так и случилось. За свою жизнь, миссис Элтон, я имел возможность убедиться, что если один месяц дела идут неважно, то в следующем месяце все изменяется к лучшему.

— Правда, мистер Уэстон, истинная правда! Именно так я обыкновенно говорила одному известному джентльмену в те дни, когда он ухаживал за мной: из-за того, что дело не продвигалось так быстро, как того требовала пылкость его чувств, он склонен был впадать в отчаяние и восклицать, что при таком развитии событий нас облачат в шафранные одеяния Гименея не раньше мая! Ах! Вспомнить только, сколько мук я приняла, чтобы развеять его мрачные мысли и внушить ему более радостные чувства! А карета — сколько было у нас разочарований по поводу кареты! Однажды утром, помню, он пришел ко мне в совершенно безнадежном состоянии…

Она закашлялась и вынуждена была прерваться; мистер Уэстон не преминул воспользоваться случаем и продолжить свое:

— Вот вы упомянули май. Именно в мае миссис Черчилль предписано — или, скорее всего, она сама себе предписала — проводить время в местах, где теплее, чем в Энскуме, короче говоря, в Лондоне. Так что у нас вполне благоприятные перспективы видеть Фрэнка всю весну — именно то время года, какое всякий выбрал бы для этого: дни почти такие же длинные, как летом, погода мягчайшая, ласковая, так и хочется погулять. Но для прогулок в то же время не слишком жарко. В его предыдущий приезд мы пользовались любой возможностью для прогулок, однако в феврале случается много дождливых, сырых, безрадостных дней. Мы не сумели осуществить и половины задуманного. А теперь как раз самое время. Мы получим полное удовольствие! Не знаю, миссис Элтон, возможно ли, чтобы неопределенность в наших встречах, своего рода постоянная тревога, которая владеет нами, — мы не будем знать, приедет ли он сегодня, завтра и в какой час, — не омрачила радость, даже счастье ожидания видеть его у себя дома. Думаю, возможно. По-моему, такое состояние души даже обостряет вооду-

шевление и радость. Надеюсь, вы останетесь довольны моим сыном, однако не следует ожидать чуда. Все считают его приятным молодым человеком, но ничего сверхъестественного он из себя не представляет. Пристрастие к нему миссис Уэстон очень велико и, как вы можете догадаться, чрезвычайно радует меня. Она считает, что с ним никто не сравнится.

— Уверяю вас, мистер Уэстон, я почти не сомневаюсь в том, что мое мнение сложится решительно в его пользу. Я столько хвалебного слышала о мистере Фрэнке Черчилле! В то же время справедливо будет отметить, что я — одна из тех, кто всегда судит по себе, и на мое мнение никоим образом не влияет мнение других. Объявляю вам: каким найду я вашего сына, таким и будет мое суждение о нем… Я не склонна к лести! Мистер Уэстон погрузился в раздумья.

— Надеюсь, — сказал он вскоре, — что я не слишком суров по отношению к бедной миссис Черчилль. Если она больна, мне следует пожалеть о своей несправедливости, однако некоторые черты ее характера затрудняют для меня возможность говорить о ней с тою снисходительностью, которую я должен проявить. Вряд ли вы, миссис Элтон, пребываете в неведении относительно

отношений, в каких нахожусь я с ее семьей, а также относительно обращения, которому меня там подвергли; и, между нами, всю вину за это следует возложить на нее. Она была подстрекательницей. Никогда к матери Фрэнка не отнеслись бы с пренебрежением, если бы не она. Мистер Черчилль горд, однако его гордость ничто в сравнении с гордыней его жены: он более всего ценит спокойствие, праздность, его благородство никому не вредит и лишь его самого делает слегка беспомощным и скучным. А вот она заносчива и нетерпима! И что еще невыносимее, сама она не блещет ни знатностью, ни богатством. Когда он женился на ней, она была никем, только что из благородной семьи, но, стоило ей взять фамилию Черчилль, она перещеголяла, или, если можно так выразиться, перечерчиллила, их всех в своих претензиях на знатность и могущество! Но сама по себе, уверяю вас, она просто выскочка.

— Подумать только! Да, это должно бесконечно раздражать. Я испытываю нечто вроде ужаса по отношению к выскочкам. Живя в «Кленовой роще», я привыкла испытывать искреннее отвращение к людям подобного сорта; знаете ли, среди соседей там есть одно семейство, которое безумно раздражает брата и сестру из-за чрезмерной

важности, которую они на себя напускают! Ваше описание миссис Черчилль живо напомнило мне о них. Это семейство по фамилии Тапмэн, которое обосновалось там очень недавно, они обременены многими родственниками низкого происхождения, но мнят себя важными персонами и думают, что могут стоять наравне с семьями, которые уже давно обосновались там. Они и полутора лет не прожили в Уэст-Холл, и никто не знает, каким путем нажито их состояние. Они приехали из Бирмингема, а этот город, знаете ли, мистер Уэстон, не лучшая рекомендация. Нет, положительно от Бирмингема ничего хорошего ожидать нельзя. Мне всегда казалось, что в самом названии города слышится нечто зловещее. Однако о Тапмэнах никто ничего наверняка не знает, хотя, уверяю вас, подозревают многое. Судя по их поведению, они считают себя равными даже моему брату, мистеру Саклингу, которому не посчастливилось быть одним из их ближайших соседей. Мне бесконечно жаль, что так вышло. Мистер Саклинг живет в «Кленовой роще» вот уже одиннадцать лет, а прежде поместьем владел его отец — думаю, что именно отец, — я почти уверена, что старый мистер Саклинг совершил покупку поместья задолго до своей кончины.

Их прервали. Гостей обносили чаем, и мистер Уэстон, сказав все, что он хотел, поспешно воспользовался случаем и ретировался.

После чая мистер и миссис Уэстон и мистер Элтон составили мистеру Вудхаусу компанию за карточным столом. Оставшиеся пять человек были предоставлены сами себе, и Эмма сомневалась, что они хорошо поладят, ибо мистер Найтли, казалось, не расположен к беседе, миссис Элтон недоставало внимания, которое никто не испытывал желания ей оказывать, а сама она находилась в полном смятении чувств, вследствие чего предпочитала молчать.

Мистер Джон Найтли оказался разговорчивее брата. На следующий день ему предстояло рано их покинуть, и он заговорил с родными:

— Что ж, Эмма, полагаю, о мальчиках я все сказал, но у вас есть письмо сестры, в котором, конечно, содержатся подробнейшие разъяснения. Мои советы будут гораздо короче ее и, наверное, в несколько ином духе… В двух словах все мои просьбы сводятся к следующему: не балуйте их и не пичкайте лекарствами.

— Я все же надеюсь, что удовлетворю вас обоих, — сказала Эмма, — ибо сделаю все, что в моих силах, чтобы они были счастливы, и для Изабел-

лы этого будет достаточно. А счастье, должно быть, предотвратит излишнюю опеку и пичканье лекарствами.

— А если они вам надоедят, отправляйте их домой!

— Скорее всего, я так и сделаю… Неужели вы серьезно?

— Я понимаю, что для вашего батюшки они могут оказаться слишком шумными… Они могут стать тяжким бременем даже для вас, если ваши приемы и походы в гости участятся, как в последнее время.

— Участятся?!

— Конечно! Вы не можете не сознавать, что в последние полгода жизнь ваша значительно переменилась.

— О нет, уверяю вас, моя жизнь нисколько не переменилась.

— Не может быть никаких сомнений в том, что вы вращаетесь в обществе интенсивнее обычного. Доказательством служит сегодняшний вечер. Я приехал всего на один день, и что же — оказывается, у вас званый обед! Когда такое случалось прежде? Число ваших соседей растет, и вы больше видитесь с ними. Чуть ли не в каждом вашем письме к Изабелле содержался отчет о

новых увеселениях: обеды у мистера Коула, балы в «Короне». Даже события в Рэндаллсе, одном только Рэндаллсе, очень переменились.

— Да, — быстро сказал его брат, — все дело именно в Рэндаллсе.

— Вот именно! И так как, насколько я могу судить, влияние Рэндаллса на вас не ослабло, то мне и кажется вполне возможным, что Генри и Джон иногда могут быть вам в тягость. И если они хоть в малейшей степени станут вам в тягость, очень прошу вас немедленно отослать их домой.

— Нет! — вскричал мистер Найтли. — Зачем же так? Пусть их пришлют в Донуэлл. У меня всегда найдется для них минутка.

— Честное слово, — возмутилась Эмма, — вы меня удивляете! Интересно, какие из моих бесчисленных увеселений происходили без вашего участия? И разве давала я повод подозревать меня в отсутствии внимания к двум маленьким мальчикам? К тому же, позвольте вас заверить, я вовсе не развлекаюсь каждый день. Какие у меня развлечения? Один раз обедала у Коулов, о бале было много разговоров, но он так и не состоялся… Вас я еще могу понять, — кивнула она в сторону мистера Джона Найтли, — возможность увидеться у нас разом со всеми добрыми

приятелями столь радует вас, что это не может остаться незамеченным. Но вы! — Она повернулась к мистеру Найтли. — Вам известно, как редко, как ужасно редко я провожу хотя бы два часа вдали от Хартфилда! Просто не могу понять, почему вы предвидите, что мое внимание будет таким рассеянным! А про моих дорогих малышей должна сказать, что если уж у тети Эммы для них не найдется времени, то не думаю, что с дядей Найтли им повезет больше! В то время как она не бывает дома час, его не бывает по пяти часов, а когда он дома, то куда охотнее читает или проверяет счета.

Казалось, мистер Найтли еле сдерживается, чтобы не улыбнуться, — это ему удалось не без труда. Тут с ним заговорила миссис Элтон.

Глава 37

Недолгих раздумий вполне хватило Эмме, чтобы понять природу своего волнения при известии о Фрэнке Черчилле. Скоро она убедилась в том, что опасается и волнуется не за себя, но за него. Собственное ее чувство усохло и превратилось просто в ничто, по крайней мере в нечто, не стоящее внимания; но что, если он, который, несомненно, казался из них двоих более влюбленным, вернется с тем же пылким чувством, с каким уезжал? Это будет очень огорчительно. Если двухмесячная разлука не охладила его страсти, ее подстерегают коварные опасности: ему и ей необходимо будет соблюдать осторожность. Она не собиралась возрождать угасшее чувство, но придется постоянно следить за собой, дабы не поощрять его.

Желательно, конечно, удержать его от решительного объяснения в любви. Какое это было бы болезненное завершение их милого знакомства! И все же Эмма понимала, что объяснение неминуемо. Она предчувствовала, что весна принесет с собой некий кризис в их отношениях: произой-

дет какое-то событие или что-то будет сказано и изменит ее теперешнее собранное и безмятежное состояние.

Прошло не очень много времени, хотя и больше, чем ожидал мистер Уэстон, прежде чем у нее появилась возможность судить по-настоящему о чувствах Фрэнка Черчилля. Обитатели Энскума переехали в Лондон не так скоро, как предсказывали. Но сразу после того, как они переехали, он явился в Хайбери. Фрэнк пробыл у них лишь на пару часов, большего позволить себе он пока не мог, но, так как из Рэндаллса он пришел прямиком в Хартфилд, у Эммы, при ее живой наблюдательности, появилась возможность оценить, как повлияла на него разлука, и решить, как себя вести. Они встретились как старые друзья. Не могло быть никакого сомнения в том, что он чрезвычайно рад ее видеть. Но она почти тотчас же усомнилась в том, что его чувство сохранило прежнюю силу, усомнилась, что он по-прежнему любит ее и относится к ней с прежней нежностью. Она внимательно наблюдала за ним. Сомнений нет: он влюблен меньше, чем раньше. Разлука, соединенная, возможно, с убежденностью в ее безразличии к нему, возымела на него вполне естественное и очень желанное действие.

Он пребывал в превосходном настроении, так же как всегда, с готовностью смеялся и поддерживал разговор и, казалось, рад поговорить о прошлом своем приезде и вспомнить все их шутки, он был не прочь посмеяться. Однако Эмма угадала в нем перемену не из-за какой-то его отстраненности, холодности или спокойствия. Он не был спокоен, напротив, несмотря на очевидно приподнятое настроение, в нем чувствовалась какая-то тревога. Как ни был он оживлен, казалось, что эта суета его самого не радует. Однако сомнения ее разрешились окончательно, когда он, пробыв в Хартфилде только четверть часа, заторопился навестить остальных хайберийских знакомых. По пути сюда он встретил на улице группу старых знакомых — он не остановился тогда, он не мог задержаться более чем для того, чтобы перекинуться парой слов… Но он в тщеславии своем полагает, что они будут разочарованы, если он не зайдет к ним, и, как ни хочется ему подольше остаться в Хартфилде, он должен бежать.

Она нисколько не сомневалась в том, что он любит ее меньше. И это его возбуждение, и эта спешка выдавали ей стремление избавиться от любви; она склонна была полагать, что спешит он из опасения, что она снова возымеет над ним

власть, и от тактичного желания не оставаться с нею долго, чтобы снова не подпасть под ее чары.

Это был единственный визит Фрэнка Черчилля в продолжение десяти дней. Он часто выражал готовность и намерение прийти, но ему всегда что-то мешало. Тетушка не выносит, когда он надолго оставляет ее. Именно так он объяснял свое поведение в Рэндаллсе. Будь он достаточно откровенен и попытайся настоять на поездке в Хайбери, можно предположить, что пребывание в Лондоне не принесло бы существенного улучшения ни состоянию нервов, ни здоровью миссис Черчилль. В ее тяжелой болезни сомневаться не приходилось; в Рэндаллсе он объявил, что совершенно уверен в ее плохом самочувствии. Многое можно было приписать ее воображению, но, говоря объективно, он не сомневается, что здоровье ее находится в более опасном состоянии, нежели полгода назад. Он не верит, что тетку невозможно вылечить надлежащим уходом и лекарствами, по крайней мере, в таком состоянии она может прожить еще долгие годы, однако он не может согласиться с недоверием отца, утверждающего, будто все ее боли по большей части вымышлены и что она здорова как бык.

Вскоре выяснилось, что Лондон для миссис Чер-

чилль не подходит. Она не выносит столичного шума. Нервы ее постоянно напряжены, и она страдает; на десятый день их пребывания в столице ее племянник в письме в Рэндаллс сообщил об очередном изменении в планах. Они немедленно собираются переехать в Ричмонд. Миссис Черчилль рекомендовали там воспользоваться опытом одного известнейшего врача, а кроме того, ей нравится сам город. Был снят дом со всей обстановкой в ее излюбленном месте, словом, на Ричмонд возлагались большие надежды.

Эмма узнала, что Фрэнк писал письмо в наилучшем настроении и, кажется, радуется больше всех счастливому случаю, определившему его на два месяца жить в непосредственной близости от многих милых друзей — ибо дом был снят на май и июнь. Ей сообщили, что теперь он совершенно уверен в своих частых приездах — он сможет бывать у них почти так часто, как пожелает.

Эмма понимала, как истолковывает мистер Уэстон сии радужные планы. С ней одной связывал он все радостные надежды сына. Она полагала, что дело обстоит совсем не так. За два месяца все выяснится окончательно.

Радость самого мистера Уэстона не подлежала сомнению. Он был просто счастлив. Частые

приезды сына были именно тем, чего он желал. Теперь Фрэнк взаправду будет жить совсем рядом. Что значат девять миль для молодого человека? Час езды верхом. Он будет приезжать постоянно. Разница в этом отношении между Ричмондом и Лондоном была очевидной, как между возможностями видеть его постоянно или не видеть никогда. Шестнадцать миль — нет, постойте, восемнадцать, от Манчестер-стрит, должно быть, верных восемнадцать миль — это серьезное препятствие. Даже если бы его и отпускали, он весь день проводил бы в дороге. Нет, пребывание его в Лондоне утешения не приносило. С таким же успехом он мог бы оставаться в Энскуме; но расстояние от Ричмонда как раз позволяет постоянно общаться. Он будет не просто ближе — он будет буквально под боком!

Одна хорошая новость немедленно определилась с его переездом в Ричмонд: бал в «Короне». О нем не забывали и прежде, но всем казалось, что незачем заранее устанавливать день его проведения. Однако теперь, по крайней мере, можно было быть уверенными в том, что бал состоится! Приготовления возобновились и шли полным ходом, и очень скоро после того, как Черчилли перебрались в Ричмонд, пришло коротенькое

письмо от Фрэнка — несколько строк, — в котором он уведомлял, что переезд очень благотворно подействовал на его тетку и у него нет сомнений в том, что он сумеет приезжать к ним на сутки в любое время, когда пожелает. Он просил их как можно скорее назначить день бала.

Бал мистера Уэстона наконец становился явью. Очень мало дней отделяло молодежь Хайбери от счастья.

Мистер Вудхаус сдался. Время года смягчало для него эту неприятность. Май куда лучше подходил для бала, чем февраль. Миссис Бейтс проведет этот вечер в Хартфилде и составит ему компанию. Джеймс получил заблаговременное уведомление о бале, кроме того, мистер Вудхаус выражал надежду, что с милым маленьким Генри и с милым маленьким Джоном не случится ничего опасного, пока дорогой Эммы не будет.

Глава 38

К счастью, балу ничто не помешало. Назначенный день приближался, назначенный день настал! Утром все немного понервничали, однако еще до обеда в Рэндаллс прибыл Фрэнк Черчилль собственной персоной — все устраивалось наилучшим образом.

Эмма не видела Фрэнка со дня его краткого приезда. Зал в «Короне» должен был стать местом их встречи, но им пришлось встретиться раньше, чем всем прочим, — в толпе. Мистер Уэстон очень настойчиво и серьезно уговаривал Эмму приехать пораньше, почти сразу же после них и прежде, чем прибудут остальные приглашенные, дабы высказать свое мнение о приличии и удобстве нанятых комнат. Разумеется, она не могла отказать хозяину бала; таким образом, ей с молодым человеком предстояло провести вместе некоторое время, свободное от суеты и многолюдья. Она заехала за Харриет, и они успели к «Короне» как раз вовремя, сразу после того, как высадились из кареты обитатели Рэндаллса.

Фрэнк Черчилль тут же подскочил к девушкам,

и, хотя говорил он немного, по сияющим глазам его заметно было, что он предвкушает приятный вечер. Они все вместе прошлись по комнатам и убедились, что все в порядке. Через несколько минут к трактиру подъехала еще одна карета; вначале Эмма не могла не выразить удивления, заслышав голоса. Она уже готова была воскликнуть: «Как! Ведь еще слишком рано!» — однако вскоре выяснилось, что прибыло семейство старинных друзей, которых, как и ее, мистер Уэстон призвал на помощь. Им тоже предстояло решить, все ли сделано как надо, и за ними почти сразу же подъехала еще одна карета — семейство кузенов, которых так же убедительно просили приехать пораньше с тою же целью; так что вскоре в «Короне» собралась уже добрая половина приглашенных с целью предварительного осмотра.

Эмма поняла, что не единственно на ее вкус полагался мистер Уэстон, ей подумалось, что невелика честь зваться любимицей и лучшим другом человека, у которого столько других любимцев и лучших друзей. Ей нравились его общительность и открытость, однако некоторая сдержанность ему бы не помешала… Настоящий мужчина, думала она, должен чувствовать дружеское расположение ко всем, однако не может

быть всеобщим закадычным другом… Такого мужчину она смогла бы полюбить.

Все собравшиеся прошлись по комнатам, подвергли осмотру приготовления и снова похвалили, затем, так как делать больше было нечего, расположились своего рода полукругом у камина, тут все наперебой принялись обсуждать погоду, каждый успел заметить: несмотря на то, что на дворе май месяц, по вечерам все так же приятно посидеть у камина.

Эмма узнала, что, будь на то воля мистера Уэстона, количество членов тайного совета могло быть и больше. Уэстоны заехали за мисс Бейтс и ее племянницей и предложили довезти их в своей карете, но оказалось, что их привезут Элтоны.

Фрэнк не отходил от Эммы, однако был неспокоен: чувствовалось в нем какое-то волнение; ему явно было не по себе. Он озирался по сторонам, то и дело подходил к двери, прислушивался к стуку колес подъезжающих карет — то ли не мог дождаться начала бала, то ли боялся постоянно находиться с нею рядом.

Заговорили о миссис Элтон.

— По-моему, она должна подъехать с минуты на минуту, — сказал он. — Мне ужасно любопытно взглянуть на миссис Элтон, ведь я столько слы-

шал о ней. Думаю, она не заставит себя ждать.

Загрохотали колеса кареты. Он тут же подбежал к окну, но, воротясь назад, сказал:

— Я все забываю, что незнаком с нею. Никогда не видел ни мистера, ни миссис Элтон. Мне не пристало первым подходить к ним.

Появились мистер и миссис Элтон, последовали улыбки и обмен любезностями.

— А где же мисс Бейтс и мисс Ферфакс? — спросил мистер Уэстон, оглядываясь. — Мы думали, что вы привезете их.

Он не слишком ошибался. Оказалось, что за ними уже послали карету. Эмме не терпелось узнать, каковы первые впечатления Фрэнка от миссис Элтон: как ему понравились ее вызывающе роскошное платье и снисходительно-милостивые улыбки? Он немедленно принялся формировать свое мнение о ней, так как после знакомства стал уделять ей самое пристальное внимание.

Через несколько минут карета вернулась. Кто-то сказал, что на улице дождь.

— Я позабочусь о зонтиках, сэр, — сказал Фрэнк Черчилль отцу. — Нельзя допустить, чтобы мисс Бейтс простудилась. — С этими словами он выбежал из комнаты.

Мистер Уэстон порывался было пойти вслед за

сыном, но его задержала миссис Элтон — ей не терпелось сообщить ему свое мнение о его сыне; она приступила к делу немедленно, не дожидаясь, пока молодой человек уйдет. Едва ли Фрэнк Черчилль не слышал того, что она говорила:

— Очень, очень славный молодой человек, мистер Уэстон. Помните, я откровенно сказала вам, что у меня сложится собственное мнение? Рада заявить, что мне он необычайно понравился… Мне вы можете верить. Я никому не льщу. Мне он кажется очень красивым молодым человеком, а манеры у него как раз такие, которые мне нравятся и которые я одобряю, — он истинный джентльмен, без намека на заносчивость и фатовство. Вам должно быть известно, что я не выношу фатов — просто терпеть не могу. В «Кленовой роще» их не переносили. Ни мистер Саклинг, ни я — фаты нам отвратительны! Подчас приходилось их просто обрывать! Вот у Селины характер куда более мягкий: она склонна терпеть такого рода личностей.

Пока она говорила о его сыне, внимание мистера Уэстона было приковано к ней, но стоило ей съехать на «Кленовую рощу», он тут же вспомнил, что пора оказать внимание новоприбывшим гостьям, и с радостными улыбками поспешил

прочь.

Миссис Элтон обратилась к миссис Уэстон:

— Не сомневаюсь, это вернулась наша карета с мисс Бейтс и Джейн. Наш кучер очень проворен, а лошади — необычайно резвы. Полагаю, мы ездим быстрее всех… Какое удовольствие — иметь возможность послать свою карету за другом! Я ценю вашу доброту, однако впредь прошу вас не предлагать им свою карету. Можете быть спокойны: уж о них-то я позабочусь.

В комнату вошли мисс Бейтс и мисс Ферфакс в сопровождении двух джентльменов; миссис Элтон возомнила, что вправе приветствовать их наравне с миссис Уэстон, хозяйкою бала, по крайней мере, именно так могли бы истолковать ее жесты и движения те, кто, подобно Эмме, пристально наблюдал за нею. Однако слова ее, как и речи остальных, вскоре потонули в нескончаемом потоке благодарности мисс Бейтс, которая уже вошла говоря и продолжала тараторить после того, как обосновалась в кружке стоящих вокруг камина гостей. Еще дверь не распахнулась, как до Эммы донеслось:

— Так любезно с вашей стороны! Нет-нет, помилуйте, какой дождь? Никакого дождя, так, чуть-чуть накрапывает… За себя я не волну-

юсь. Мои туфли достаточно прочны. А Джейн заявляет… О! — воскликнула она, едва ступив в комнату. — Какая прелесть! Просто восхитительно! Честное слово, прекрасно задумано! Продумано все до мелочей… Я даже не ожидала! Такое прекрасное освещение! Джейн, Джейн, смотри — ты когда-нибудь видела что-либо подобное? Ах! Мистер Уэстон, должно быть, вы стали обладателем волшебной лампы Аладдина. Добрая миссис Стоукс и не узнает своей залы! Я видела ее, когда вошла… Она стояла у входа. «О, миссис Стоукс», — сказала я, но на большее у меня времени не было. — Тут она была тепло встречена миссис Уэстон и обратилась к ней: — Прекрасно, благодарю вас, сударыня. Надеюсь, вы в добром здравии? Очень рада это слышать. Я так боялась, что у вас может заболеть голова… Я видела, как часто вы проходили мимо, и понимала, столько трудов вы должны были принять на себя. Очень, очень рада слышать, что вы хорошо себя чувствуете. Ах! Милая миссис Элтон, я так признательна вам за карету! Мы прекрасно доехали. Мы с Джейн были совершенно готовы… не задержали лошадей ни на миг. Чрезвычайно удобная карета. Ах! Миссис Уэстон, ведь и вас я должна поблагодарить за заботу. Миссис Элтон

была так любезна и заранее послала Джейн записку, иначе мы бы непременно воспользовались вашим приглашением… Подумать только, два приглашения в один день! Таких добрых соседей ни у кого нет. Я так и сказала матушке: «Помяните мое слово, сударыня…» Благодарю вас, матушка чувствует себя отлично. Она отправилась к мистеру Вудхаусу. Я настояла, чтобы она захватила с собой шаль… ведь по вечерам вовсе не тепло… ее большую новую шаль — подарок миссис Диксон по случаю ее свадьбы… Так мило с ее стороны позаботиться о моей матушке! Она купила ее в Уэймуте, знаете ли… а выбирал ее мистер Диксон. Джейн говорит, в магазине было три другие шали и они некоторое время сомневались, не зная, на какой остановиться. Полковник Кемпбелл склонен был предпочесть оливковую. Джейн, голубушка, ты уверена, что не промочила ноги? Дождик небольшой, но я очень боюсь за тебя… Мистер Фрэнк Черчилль подоспел так кстати… и даже бросил нам под ноги циновку, чтобы нам не пришлось от кареты идти по лужам… Такая предупредительность! Ах! Мистер Фрэнк Черчилль, должна сказать, что матушкины очки с тех пор, как вы их починили, работают исправно! Заклепка больше не выпадала. Матушка часто

поминает вашу доброту. Правда, Джейн? Разве не говорим мы часто о мистере Фрэнке Черчилле? Ах! Вот и мисс Вудхаус… Милая мисс Вудхаус, как поживаете? Я — прекрасно, благодарю вас, лучше не бывает. Вот настоящая встреча в сказочной стране! Необычайное превращение! Знаю, что не должна говорить комплиментов, но, — добавила она, самым благодушным образом оглядывая Эмму, — это было бы грубо… но, мисс Вудхаус, даю слово, вы действительно выглядите… Кстати, нравится вам прическа Джейн? Вы можете судить… Она укладывала волосы сама. Просто чудо, как она причесалась! Думаю, ни один лондонский парикмахер не сумел бы… Ах! Доктор Хьюз! Вот как, и миссис Хьюз тоже здесь! Я должна подойти к мистеру и миссис Хьюз и минуточку поговорить с ними… Здравствуйте! Как поживаете? Хорошо, благодарю вас. Не правда ли, восхитительно? Где же милый мистер Ричард? Вижу! Вон он. Не беспокойте его. У него более приятное занятие: он беседует с юными дамами. Как поживаете, мистер Ричард? На днях видела, как вы проезжали верхом по городу… Миссис Отуэй, кого я вижу! И добрый мистер Отуэй, и мисс Отуэй, и мисс Кэролайн… Столько друзей! И мистер Джордж, и мистер Артур! Здравствуйте! Как вы все пожива-

ете? Спасибо, я хорошо! Очень вам признательна. Лучше не бывает… Что это, подъехала еще одна карета? Кто бы это мог быть? Вполне вероятно, достойные Коулы… Честное слово, приятно находиться среди стольких друзей! И какой славный огонь в камине! Я просто изжарилась. Нет-нет, спасибо, кофе не надо… я никогда не пью кофе. Если вам не трудно, сэр, чаю, только не затрудняйтесь — с этим можно подождать… О! Вот и чай. Все просто замечательно!

Фрэнк Черчилль снова вернулся к Эмме; как только мисс Бейтс умолкла, Эмма невольно услышала разговор миссис Элтон и мисс Ферфакс, которые стояли чуть поодаль от нее. Фрэнк Черчилль задумался. Слышал ли он их беседу? Эмма не могла решить. Осыпав комплиментами платье и прическу Джейн, миссис Элтон, очевидно, ожидала с ее стороны ответных комплиментов в свой адрес, поэтому спросила:

— Нравится ли вам мое платье? А отделка? Как по-вашему, хорошо Райт уложила мне волосы? — Последовало множество других наводящих вопросов, на которые Джейн отвечала с терпеливой учтивостью; затем миссис Элтон заявила:
— Никто меньше меня не заботится о нарядах — но по таким случаям, как этот, когда глаза всех

присутствующих прикованы ко мне и в благодарность к Уэстонам — не сомневаюсь, они дают этот бал главным образом в мою честь, — я бы не хотела быть одетой хуже остальных. Кстати, в этом зале, кроме меня, почти ни у кого нет жемчуга… Значит, насколько я поняла, Фрэнк Черчилль превосходный танцор? Посмотрим, хорошая ли из нас с ним выйдет пара. Определенно Фрэнк Черчилль приятнейший молодой человек. Он мне очень нравится.

В этот момент Фрэнк разразился такой пламенной речью, что Эмме оставалось только предположить, что он подслушал хвалы в собственный адрес и не желает слушать далее. На некоторое время он всецело завладел вниманием Эммы, но, когда он на секунду остановился перевести дух, голос миссис Элтон снова перекрыл весь шум в зале и отчетливо донесся до них. К ним как раз подошел мистер Элтон, и его жена восклицала:

— Ах! Вы наконец нас отыскали в нашем уединении? А я как раз говорила Джейн, что вы можете начать терять терпение в надежде узнать о нас.

— «Джейн»! — проворчал Фрэнк Черчилль с удивленным и недовольным видом. — Какая развязность! Однако полагаю, мисс Ферфакс не

против такого обращения.

— Нравится вам миссис Элтон? — шепотом спросила Эмма.

— Нисколько не нравится.

— Вы немилосердны.

— Немилосерден? Что вы имеете в виду? — И, сменив хмурое выражение на улыбку, он сказал: — Нет-нет, не говорите мне… Я не желаю знать, что вы имеете в виду… Да где же отец? Когда же начнутся танцы?

Эмма почти не понимала его; он пребывал в каком-то странном возбуждении. Отошел от нее, чтобы отыскать отца, но вскоре вернулся, ведя с собой и мистера, и миссис Уэстон. Оказалось, что у них небольшое затруднение, которым следует поделиться с Эммой. Миссис Уэстон только что пришло в голову, что миссис Элтон следует попросить открыть бал — вероятно, она этого ждет. Это соображение не согласовывалось с их намерениями предоставить честь открытия бала Эмме… Эмма стойко приняла горькую пилюлю.

— И как быть с подходящим кавалером для нее? — спросил мистер Уэстон. — Она решит, что ангажировать ее обязан Фрэнк.

Фрэнк немедленно повернулся к Эмме, дабы напомнить ей о данном ему прежде обещании.

Объявив, что он уже ангажирован, он немало порадовал отца. Затем оказалось, что миссис Уэстон придумала выход: мистер Уэстон сам должен пригласить миссис Элтон! Она принялась убеждать супруга открыть бал и довольно быстро преуспела. Мистер Уэстон и миссис Элтон вышли первыми, мистер Фрэнк Черчилль и мисс Вудхаус шли во второй паре. Пришлось Эмме покориться неизбежному — она уступила первенство миссис Элтон, хотя была уверена, что бал дается в ее честь. Этого почти хватило для того, чтобы поколебать ее убежденность никогда не выходить замуж.

Несомненно, тщеславие миссис Элтон в этот раз было полностью удовлетворено: хотя она намеревалась открыть бал в паре с Фрэнком Черчиллем, она ничуть не проиграла от замены кавалера. Мистер Уэстон в танцах вполне мог превзойти сына… Несмотря на это маленькое затруднение, Эмма лучилась удовольствием, она радовалась при виде того, какой длинный ряд образовывали пары, и предвкушала много приятного впереди. Более всего ее беспокоило, что не танцует мистер Найтли. Он стоял среди тех, кто наблюдал за танцующими, хотя его место вовсе не там: ему следует танцевать, а не мешаться с

мужьями, отцами семейств и игроками в вист, которые только делают вид, будто их интересуют танцы, а сами ждут не дождутся, когда же накроют ломберные столики… Ведь мистер Найтли так молодо выглядит! Пожалуй, нигде не удалось бы ему предстать в столь выгодном свете, чем там, где он предпочел оставаться. Насколько лучше, думала Эмма, смотрится его высокая, статная, крепкая фигура среди отяжелевших форм и сутулых плеч пожилых мужчин! Кроме того, исключая ее собственного кавалера, среди прочих выстроившихся в ряд молодых людей нет другого танцора, равного ему. Он подошел на несколько шагов ближе, и этих нескольких футов было достаточно, чтобы доказать, насколько благородны его манеры, с какой естественной грацией он, должно быть, танцует, когда решается взять на себя такой труд. Когда бы ни встречались их глаза, он улыбался ей, однако в остальное время выглядел серьезно. Эмма невольно пожалела, что мистер Найтли равнодушен к танцам. И потом, было бы куда лучше, если бы ему больше нравился Фрэнк Черчилль… Ей показалось, что он часто поглядывает в ее сторону. Разумеется, нельзя льстить себе мыслью, будто он думает пригласить ее на танец, однако можно не бояться,

что он осуждает ее манеру держаться. Между нею и ее кавалером не было и намека на флирт. Они больше были похожи на веселых, беззаботных друзей, чем на влюбленных. То, что Фрэнк Черчилль меньше думает о ней, чем раньше, было неоспоримым фактом.

Бал продолжался так же приятно. Неустанные заботы и постоянное внимание миссис Уэстон не пропали даром. Все выглядели довольными, и хвалы чудесному балу, которые обычно редко доводится слышать до тех пор, пока бал не закончится, раздавались с самого его начала. На этом балу не случилось больше каких-либо важных и достопамятных событий, чем обычно происходит на мероприятиях подобного рода, но одно происшествие запомнилось Эмме надолго. Объявили два последних танца перед ужином, а у Харриет не оказалось кавалера. Она была единственной молодой девицей, которая осталась сидеть. Так как до этого количество кавалеров равнялось числу дам, одна неангажированная леди вызывала удивление. Однако вскоре удивление Эммы поуменьшилось, когда она заметила, что мистер Элтон неспешно прогуливается по залу. Он не пригласит Харриет на танец, если только этого возможно избежать! Эмма уверена была, что он

не пригласит ее, — и в любую минуту ожидала, что он скроется в игорной комнате.

Однако оказалось, что скрываться мистер Элтон не собирается. Подойдя к той части зала, где собрались нетанцующие, он поговорил кое с кем и встал в первом ряду, нарочито демонстрируя, что он свободен. Эмма видела, что он не боится стоять напротив мисс Смит или говорить с сидящими рядом с нею. Дожидаясь, пока заиграет музыка, Эмма пробивалась с противоположного конца зала, и, следовательно, у нее было время оглядеться по сторонам. Ей стоило только немного повернуть голову, и она видела всех. Когда она была уже на полпути к танцующим, вся группа оказалась как раз у нее за спиной, и она больше не могла себе позволить наблюдать за ними, но мистер Элтон стоял так близко от нее, что она слышала каждое слово из разговора его с миссис Уэстон. Эмма поняла, что его жена, стоящая непосредственно перед миссис Уэстон, не только все слышит, но и поощряет мужа многозначительными взглядами… Добросердечная, мягкая миссис Уэстон покинула свое место ради того, чтобы подойти к нему и спросить: «Мистер Элтон, а вы разве не танцуете?» — на что он поспешно отвечал:

— Я охотно потанцую, миссис Уэстон, если вы согласитесь быть моею дамой!

— Я? О, что вы, я не танцую… у меня припасена для вас куда лучшая партнерша, чем я.

— Если миссис Гилберт желает потанцевать, — продолжал он, — я с огромным удовольствием стану ее кавалером, ибо, несмотря на то, что я начинаю ощущать себя старым женатым мужчиной, для которого время танцев миновало, я получу огромное удовольствие, потанцевав с таким старым другом, как миссис Гилберт.

— Миссис Гилберт танцевать не собирается, однако среди нас есть молодая девица, у которой нет кавалера… Я очень рада буду видеть, как она танцует, — это мисс Смит.

— Мисс Смит… а, да! Я ее не заметил… Вы чрезвычайно любезны… Не будь я женатым мужчиной… Однако, миссис Уэстон, для меня танцы закончились. Вы меня простите. Буду счастлив выполнить любую другую вашу просьбу, но… для меня танцы в прошлом…

Миссис Уэстон не произнесла более ни слова; Эмма могла только вообразить, с каким удивлением и разочарованием вернулась она на свое место. Неужели это мистер Элтон! Дружелюбный, любезный, благородный мистер Элтон! Она

быстро оглянулась: викарий отошел и, казалось, углубился в серьезный разговор с мистером Найтли, однако он успел обменяться с женой торжествующим взглядом.

Больше Эмма оглядываться не будет! Сердце ее колотилось, и она боялась, что лицо пылает таким же негодованием.

В следующий миг взгляду ее предстала более отрадная картина: мистер Найтли вел Харриет в ряд танцующих! Никогда не радовалась она более, редко бывала довольнее, чем в ту минуту. Эмма лучилась от удовольствия и признательности — как за Харриет, так и за себя; ей не терпелось выразить мистеру Найтли свою благодарность, хотя он находился слишком далеко, и она не имела возможности ничего ему сказать, сверкающие глаза ее без слов выразили всю гамму чувств в тот момент, когда она смогла снова встретиться с ним взглядом.

Мистер Найтли оказался именно таким превосходным танцором, каким она себе его и представляла, — он был необычайно хорош! Она могла бы только порадоваться за Харриет, когда бы не воспоминание об унижении, которому только что подвергли ее подругу. На счастливом личике Харриет сияло выражение самого пол-

ного наслаждения и гордости за то, что ее так отличили. Она искренне радовалась возможности потанцевать с таким отменным кавалером: подскакивала выше всех и дальше всех отлетала на середину залы, и с личика ее не сходила счастливая улыбка.

Мистер Элтон ретировался в игорную комнату, и вид у него, на взгляд Эммы, был самый глупый. Она решила, что он еще не настолько очерствел, как его жена, однако все более становился на нее похож; миссис же Элтон выразила обуревавшие ее чувства, громко заметив своему кавалеру:

— Найтли пожалел несчастную малышку мисс Смит! Какое великодушие!

Объявили, что ужин накрыт. В зале началось движение; с этого момента непрестанно слышался голос мисс Бейтс — до той самой минуты, пока она не села за стол и не взяла ложку.

— Джейн, Джейн, голубушка, ты где? Вот твой палантин! Миссис Уэстон умоляет тебя надеть палантин. Она говорит, что боится сквозняков в коридоре, хотя обо всем и позаботились… Одну дверь заколотили… под остальные подсунули циновки — множество циновок… Джейн, милочка, не упрямься же, надень! Мистер Черчилль, ах! Вы так любезны! Как ловко вы его накинули! Я

так вам благодарна! Превосходные танцы, право слово! Да, моя дорогая, я сбегала домой, ведь я обещала матушке, что помогу ей лечь в постель, и обернулась очень быстро… никто и не заметил… Я вышла, не говоря никому ни слова, как и обещала тебе. Бабушка очень довольна, она провела чудный вечер с мистером Вудхаусом за приятными разговорами и игрою в триктрак. Перед уходом ее угостили чаем, печеньем, печеными яблоками и вином; и в игре ей везло! Она много расспрашивала о тебе — хорошо ли ты развлекаешься и кто твои кавалеры. «Ах! — сказала я. — Пусть Джейн сама вам все расскажет. Не стану портить ей удовольствия. Когда я уходила, она танцевала с мистером Джорджем Отуэем, а первым ее кавалером был мистер Элтон, кто следующий пригласил ее — не знаю… возможно, мистер Уильям Кокс». Сударь, вы очень любезны… Есть ли на свете что-нибудь, чего бы вы не предусмотрели? Уверяю вас, я вовсе не беспомощна. Благодарю вас! Честное слово, по одну руку от вас Джейн, по другую — я… Погодите, погодите, давайте немного подвинемся и пропустим миссис Элтон. Дорогая миссис Элтон, как изысканно она выглядит! Бесподобные кружева! Ну вот, теперь мы все движемся следом за нею…

Она, право, настоящая королева вечера! Ну вот, мы и в коридоре. Осторожно, Джейн, помни: тут две ступеньки! Ах нет — только одна! А я-то была уверена, что их две… Поразительное дело! Я была убеждена, что ступенек две, а оказалось — всего одна. Никогда не видела такого удобства и роскоши — повсюду свечи! Джейн, я говорила тебе о бабушке? Она немного огорчилась… Видишь ли, печеные яблоки и печенье в своем роде превосходны, однако вначале подали нежное фрикасе из сладкого мяса и спаржу, а добрый мистер Вудхаус, сочтя, что спаржа недостаточно проварена, отослал все назад. А ведь бабушка больше всего на свете любит сладкое мясо и спаржу — так что она была несколько разочарована, но мы решили никому об этом не говорить, чтобы, не дай бог, не узнала мисс Вудхаус… Она так огорчится… Ах, как чудесно! У меня просто нет слов! Ничего подобного не ожидала! Какая изысканность, какая щедрость! Я не видела ничего подобного с тех пор, как… Так, где мы сядем? Куда же нам сесть? Надобно сесть так, чтобы Джейн не продуло… А где сяду я — не имеет значения… О! Вы советуете сюда? Мистер Черчилль… что ж, надо полагать… но, право, это слишком… Ну что ж, раз вы настаиваете… Ваш совет в этом доме не

может быть плох. Милая Джейн, как мы сможем описать бабушке хотя бы половину всех блюд? Как, еще и суп?! Господи помилуй! Не следует так спешить, но запах такой восхитительный, просто не терпится скорее приняться за еду.

До окончания ужина у Эммы не было возможности переговорить с мистером Найтли, однако, как только они вернулись в бальную залу, она немедленно взглядом подозвала его, чтобы поблагодарить. Он горячо осудил поведение мистера Элтона, расценил его как непростительную грубость, взгляды миссис Элтон также подверглись справедливой критике.

— Оскорбляя Харриет, они метили дальше, — заметил он хмуро и внимательно посмотрел на нее. — Эмма, признайтесь, как вышло, что они стали вашими врагами? — Не получив ответа, мистер Найтли продолжал: — Подозреваю, у нее меньше оснований злиться на вас, чем у него! Разумеется, вы никак не подтвердите мою догадку, но я прекрасно помню, как усиленно вы пытались сосватать за него Харриет.

— Да, — кивнула Эмма, — и они не могут мне этого простить.

Он покачал головою, снисходительно улыбнулся и заметил:

— Не стану вас бранить. Пусть судьей вам станет ваша совесть.

— Можете ли вы доверять такой льстивой даме, как моя совесть? Неужели вы верите, будто мой тщеславный дух способен убедить меня в моей неправоте?

— Дух не тщеславный, но серьезный… Если первый толкает вас на неправедные поступки, уверен, что второй тут же сообщает вам об этом.

— Признаю, что совершенно ошибалась в оценке мистера Элтона. Я не желала замечать его мелочности и ничтожности, хотя вы давно указывали мне на такие его качества. Я была совершенно убеждена в том, что он влюблен в Харриет. Я пришла к такому выводу после целого ряда страннейших заблуждений!

— А я, в ответ на такую откровенность, отдам вам должное и скажу, что ваш выбор для него был бы лучше, чем тот, что сделал он сам… Харриет Смит по сравнению с миссис Элтон обладает рядом неоценимых достоинств. Она бесхитростная, простодушная и скромная девушка — насколько ценнее эти качества в глазах любого здравомыслящего мужчины, не лишенного вкуса. Я нашел, что Харриет куда более интересная собеседница, чем миссис Элтон.

Эмма была бесконечно благодарна ему… Их разговор прервал мистер Уэстон, громко объявивший продолжение танцев.

— Пойдемте же, мисс Вудхаус, мисс Отуэй, мисс Ферфакс! Да что вы, в самом деле! Ну же, Эмма, покажите своим спутникам пример. Все разленились! Заснули!

— Я готова, — улыбнулась Эмма, — только позовите.

— С кем вы собираетесь танцевать? — спросил мистер Найтли.

Мгновение она пребывала в нерешительности, а потом ответила:

— С вами, если вы меня пригласите.

— Вы позволите? — Он предложил ей руку.

— Разумеется! Вы показали, что умеете танцевать, и понимаете, что мы на самом деле не настолько брат и сестра, чтобы нам не подобало танцевать вместе.

— Брат и сестра! Да ничего подобного!

Глава 39

Маленькое объяснение с мистером Найтли доставило Эмме неизъяснимое удовольствие. Это было одно из самых приятных воспоминаний о бале, которое она лелеяла, выйдя на следующее утро погулять на лужайку. Она особенно радовалась тому, что их мнения относительно Элтонов совпали и они сошлись во взглядах и на мужа, и на жену. Еще больше ее порадовали его похвалы в адрес Харриет. Наглая выходка Элтонов, грозившая испортить для нее остаток вечера, стала поводом испытать огромнейшее удовольствие. И Эмма с нетерпением ожидала другого последствия этого события — исцеления Харриет… Эмма вспомнила, как Харриет рассказывала ей о произошедшем в момент, когда они покидали бальную залу. Казалось, она внезапно прозрела и обрела способность понимать, что мистер Элтон — вовсе не то совершенное создание, каким она себе его вообразила. Лихорадка прошла, и Эмма не видела больше причин опасаться, что сердечко ее подруги забьется чаще, если прежний предмет ее чувств проявит назойливую учти-

вость. Она полагалась на то, что злоба четы Элтон еще проявится в дальнейшем в пренебрежении к Харриет… Итак, Харриет образумилась, Фрэнк Черчилль влюблен, но не слишком, а мистер Найтли с нею не спорит! Какое счастливое лето ожидает ее!

Этим утром Фрэнк Черчилль зайти не обещал. Он сказал, что не может позволить себе удовольствие посетить Хартфилд, поскольку к обеду обязан быть дома. Она не жалела.

Разрешив для себя все трудности, еще раз все обдумав и разложив по полочкам, она как раз поворачивала к дому, освежив свою голову мыслью о двух малышах племянниках, а также об их дедушке, когда кованые металлические ворота распахнулись и впустили двух людей, которых она никак не предполагала увидеть вместе, — Фрэнка Черчилля и Харриет, которая шла, опираясь на его руку… Неужели это Харриет? Эмме хватило одного взгляда на нее, чтобы понять: случилось нечто из ряда вон выходящее. Харриет выглядела бледной и испуганной, а он пытался ее подбодрить… От кованых ворот до крыльца было не далее двадцати ярдов; скоро все трое оказались в прихожей, и Харриет, усаженная на стул, немедленно лишилась чувств.

Молодую девицу, которая упала в обморок, необходимо привести в чувство, и только потом настает черед расспросам, ахам и охам. Такие события очень интересны, однако к чему долго гадать? Спустя несколько минут Эмма знала все.

Мисс Смит вместе с мисс Бикертон, еще одной пансионеркой миссис Годдард, которая также присутствовала вчера на балу, вместе вышли прогуляться на дорогу. Несмотря на то, что дорога на Ричмонд довольно оживленная, они попали в беду. Дорога выводила путников за пределы Хайбери, примерно через полмили делала крутой поворот и на довольно обширном отрезке становилась весьма пустынной: росшие по обеим сторонам вязы сильно затеняли ее. Внезапно девицы обнаружили на придорожной полянке — совсем недалеко от себя — цыганский табор. Мальчишка, стоявший на страже, бросился к ним, клянча подаяние, и мисс Бикертон, крайне испуганная, громко вскрикнула и, призывая за собой Харриет, взбежала вверх по крутому склону, перелезла через невысокую живую изгородь на его вершине и пустилась наутек, срезая дорогу до Хайбери. Однако бедная Харриет не могла последовать за нею. После танцев ноги ее сводило судорогой: стоило ей попытаться взобраться

на склон, как ногу ее свело так болезненно, что она буквально лишилась чувств. И в таком состоянии, к тому же изрядно напуганная, она вынуждена была остаться на месте.

Можно только гадать, как вели бы себя бродяги, окажись юные девицы храбрее. Но такому явному призыву к нападению трудно противиться — вскоре Харриет окружили с полдюжины ребятишек, возглавляемых мальчишкой постарше и толстухой. Все они были шумные, крикливые, нахальные, хотя оскорблять ее и не посмели. Все более и более пугаясь, она тут же пообещала дать им денег и, вытащив кошелек, дала им шиллинг, умоляя не просить больше и не причинять ей вреда. Постепенно к ней вернулась способность ходить: она заковыляла прочь, однако ее ужас и ее кошелек слишком подстрекали цыган к дальнейшим действиям, и вся шайка шла за нею по пятам. Вскоре они снова окружили ее и принялись клянчить деньги.

В таком состоянии обнаружил ее Фрэнк Черчилль: она дрожала и умоляла отпустить ее, они галдели и были неумолимы. Благодаря счастливому совпадению, он задержался в Хайбери и успел прийти ей на помощь в сей критический момент. Ласковое утро побудило его пойти

пешком, уговорившись с кучером встретиться на полпути, в паре миль от Хайбери; к тому же накануне вечером он позаимствовал у мисс Бейтс ножницы, но позабыл возвратить их. Вспомнив об этом утром, он зашел к Бейтсам на несколько минут. Поэтому он отправился в путь позже, чем собирался. Так как шел он пешком, цыгане не замечали его, покуда он не приблизился к ним вплотную. Тут ужас, который нагнали на Харриет цыганка и мальчишка, охватил их самих. Он оставил их в совершенно запуганном состоянии; у Харриет же, которая отчаянно цеплялась за него, почти лишенная дара речи, сил хватило лишь на то, чтобы кое-как добраться до Хартфилда. И тут силы окончательно оставили ее. Мысль привести ее в Хартфилд принадлежала ему: он не видел другого места, куда можно было ее доставить.

Такова была история в изложении Фрэнка и Харриет — как только она очнулась и вновь пришла в себя, обретя дар речи. Он удостоверился лишь, что с ней все в порядке, и должен был бежать. Эти неожиданные события не оставляли ему ни одной свободной минуты. Эмма вызвалась сообщить миссис Годдард о том, что ее воспитанница в безопасности, а также сказать мистеру

Найтли, что в окрестностях объявились цыгане, после этого Фрэнк отбыл, осыпаемый ее благодарностями и за подругу, и за себя самое.

Такое приключение — отважный молодой человек спасает из лап разбойников хорошенькую девицу — не может не навести на определенные мысли даже самое холодное сердце и самый трезвый ум. Так, по крайней мере, решила Эмма. Мог ли лингвист, грамматик или даже математик, видя то, что пришлось видеть ей, явившись свидетелем их совместного появления, выслушав от них о происшествии, не заподозрить, что волею случая они особенно заинтересовались друг другом? Насколько же больше мог представить себе и предчувствовать человек, не лишенный воображения — подобный Эмме! Особенно на фоне той предварительной работы, которую она уже проделала в голове.

Произошла самая невероятная вещь! Насколько она себя помнила, ни с одной молодой девицей в их местах ничего подобного никогда не случалось; мирная их жизнь никем и ничем не нарушалась. И надо же, чтобы такое случилось именно с Харриет и именно в тот час, когда Фрэнк Черчилль случайно проходил мимо! Совершенно необычайное совпадение! Эмма поразилась

еще более, вспомнив о том, что и состояние у обоих как нельзя лучше подходит для зарождения нового чувства. Он стремился избавиться от влюбленности в нее, Эмму, Харриет только-только излечивается от своей страсти к мистеру Элтону. Все сходится одно к одному, предвещая самые интересные последствия. Просто невозможно, чтобы такое совпадение не подтолкнуло их друг к другу.

Во время пятиминутного разговора, который состоялся у нее с Фрэнком, пока Харриет пребывала без чувств, он удивленно и обрадованно, с жаром говорил об испуге девушки, ее наивности, о том, как пылко схватила она его за руку и прижалась к нему, и под конец, когда сама Харриет дополнила его рассказ о случившемся, он пылко выразил свое негодование по поводу ужасающей глупости мисс Бикертон. Казалось, все идет самым естественным образом, тут уж ни принуждения, ни помощи с ее стороны не требовалось. Она не сделает первого шага, ни единым словом не намекнет. Нет-нет, она достаточно вмешивалась! Строить же планы, самые безобидные планы, никому не запрещено. Она только желает, чтобы… А желать, как известно, не вредно.

Первым побуждением Эммы было не сообщать

отцу о случившемся — она прекрасно понимала, какое волнение и тревогу возбудит ее рассказ, однако вскоре она поняла, что скрыть правду невозможно. В течение получаса история облетела весь Хайбери. Именно о таком событии тосковали завзятые сплетники и болтуны, благородные и низшие сословия. И скоро вся молодежь и вся прислуга со сладким ужасом пересказывала друг другу страшную новость. Казалось, из-за цыган позабыт и вчерашний бал. Бедный мистер Вудхаус задрожал как осиновый лист и, как и предвидела Эмма, не успокоился, пока девушки не пообещали ему не выходить за пределы парка. Ему доставило некоторое успокоение то, что многие соседи в течение дня справлялись о его самочувствии (ибо соседи знали, что он любит, когда о нем тревожатся), о самочувствии мисс Вудхаус, а также о состоянии мисс Смит. Он имел удовольствие сообщать всем в ответ, что все они чувствуют себя неважно, хотя в отношении Эммы его слова вряд ли можно было назвать правдой, так как лично она чувствовала себя превосходно, и Харриет не намного хуже, однако Эмма предпочитала не вмешиваться. Можно сказать, в батюшкиных глазах ей не повезло со здоровьем, потому что она просто не ведала, что

значит «плохо себя чувствовать», и, если бы он не изобретал для нее вымышленных болезней, о чем бы он жаловался соседям?

Цыгане не стали дожидаться, пока за них примется правосудие, и поспешно бежали. Молодые девицы могли снова безбоязненно гулять в окрестностях Хайбери прежде, чем они успели испугаться, и вскоре вся история утратила мало-мальскую значимость для всех, кроме Эммы и ее племянников: в ее воображении происшествие сохраняло свою важность, а Генри и Джон каждый день требовали заново рассказывать им историю о Харриет и цыганах и возмущенно поправляли Эмму, если она хоть в малости отступала от первоначального варианта изложения.

Глава 40

После происшествия миновало всего несколько дней, когда однажды утром Харриет явилась к Эмме с маленьким свертком в руках и, посидев немного в нерешительности, начала так:

— Мисс Вудхаус… если у вас найдется свободная минутка… я кое-что хотела бы вам рассказать… сделать своего рода признание… и тогда уж… все будет кончено.

Эмма сильно удивилась, однако просила подругу продолжать. Харриет была как-то уж очень серьезна. Судя по виду ее и по словам, Эмме предстояло услышать нечто не совсем обычное.

— Мой долг и мое желание, — продолжала та, — не оставлять ничего втайне от вас по этому поводу. Поскольку я, к счастью, в известном отношении стала другим человеком, вы имеете право знать все. Распространяться далее нет смысла — мне стыдно, что я была такой глупой! Надеюсь, вы меня понимаете?

— Да, — отвечала Эмма, — надеюсь, что понимаю.

— Как могла я так долго обманываться… — Хар-

риет раскраснелась. — Это было как наваждение какое-то! Теперь я не нахожу в нем ничего сверхъестественного… Мне все равно, увижусь я с ним или нет… но уж если выбирать, я предпочла бы с ним не встречаться… В самом деле, я охотно сделала бы крюк, лишь бы держаться от него подальше… но его жене я не завидую ни на столечко! Я не восхищаюсь ею и не завидую ей, как прежде: она, конечно, очаровательна и все такое, однако при этом у нее очень скверный и сварливый характер. Никогда не забуду, как она на меня смотрела… Но, несмотря ни на что, уверяю вас, мисс Вудхаус, зла ей я не желаю… Пусть их будут счастливы вместе! Мне теперь все равно. И для того чтобы убедить вас, что я говорю правду, я собираюсь уничтожить то… что мне следовало уничтожить уже давно… что мне никогда не следовало хранить… Я очень хорошо знаю… — При этих словах она вспыхнула. — Ну вот, а теперь я все уничтожу… И особенно мне хочется проделать это в вашем присутствии, чтобы вы убедились, насколько я поумнела. Как по-вашему, что в этом пакете? — спросила она, потупив взор.

— Понятия не имею… Разве он когда-нибудь что-нибудь вам дарил?

— Н-нет… Подарками это назвать нельзя, однако эти вещи я очень ценила.

Она выложила на стол пакет, и Эмма прочла на упаковке слова: «Самые драгоценные сокровища». Ее любопытство росло. Харриет развернула сверток, и Эмма нетерпеливо заглянула внутрь. Завернутая в несколько слоев тонкой папиросной бумаги, там лежала хорошенькая танбриджская шкатулочка маркетри. Харриет открыла шкатулку: она вся была устлана тончайшим батистом, однако, кроме батиста, Эмма заметила лишь маленький кусочек липкого пластыря.

— Ну теперь-то, — сказала Харриет, — вы непременно должны вспомнить!

— Нет, я и правда ничего не помню.

— Неужели? Неужели вы забыли, что произошло в этой самой комнате в один из последних его визитов, когда мы встречались втроем! Всего за несколько дней до того, как я заболела ангиной… как раз перед приездом мистера и миссис Джон Найтли… По-моему, они приехали тем же вечером. Разве вы не помните, как он порезал палец вашим новым перочинным ножиком и вы посоветовали ему заклеить палец пластырем? Но поскольку у вас пластыря не оказалось и вы знали, что у меня он есть, вы попросили

меня отрезать ему кусочек. Я тогда достала свой пластырь и отрезала ему кусок. Но он оказался слишком велик, и мистер Элтон отрезал кусочек поменьше и некоторое время вертел в руках то, что осталось, а потом отдал остаток мне. И вот, я в порыве сумасбродства решила сохранить его на память… и не пользовалась им, только время от времени любовалась своим сокровищем.

— Милая моя Харриет! — воскликнула Эмма, вскакивая с места и закрывая лицо руками. — Вы заставили меня более стыдиться своего поведения, чем я могу вынести! Помню ли я? Да, теперь я все вспоминаю! Я лишь не знала, что вы сохранили пластырь, — я и понятия не имела об этом до сего момента… Но то, что он порезал палец и я порекомендовала ему заклеить ранку пластырем, заявив, что у меня пластыря нет! Ах! Мой грех, мой грех! Ведь у меня в кармане лежал изрядный кусок пластыря! Еще одна моя безрассудная выходка! Я заслуживаю того, чтобы остаток жизни краснеть за этот поступок! — Успокоившись, она снова села. — Продолжайте, милая Харриет… Что там у вас еще?

— У вас действительно у самой был под рукой пластырь? Я и не подозревала об этом, вы вели себя так естественно!

— Значит, вы действительно отложили этот кусочек пластыря — ради него! — изумленно воскликнула Эмма; сочувствие к подруге не могло затмить ее невольного веселья. Про себя она прибавила: «Господи! Мне самой никогда не пришло бы в голову сохранить кусочек пластыря, который вертел в руках Фрэнк Черчилль! Такого мне ни за что не понять».

Харриет снова склонилась над шкатулкой:

— Здесь у меня нечто куда более ценное, то есть то, что было куда более ценным, потому что эта вещь, в отличие от пластыря, действительно некогда принадлежала ему.

Эмма сгорала от любопытства. Что же это за бесценное сокровище? Им оказался огрызок старого карандаша — остаток без грифеля.

— Это был его карандаш, — сказала Харриет. — Разве вы не помните? Нет, вижу, что не помните. Однажды утром — день я позабыла — возможно, во вторник или в среду перед тем вечером, он захотел записать что-то у себя в блокноте… что-то о еловом пиве. Мистер Найтли, кажется, рассказывал ему, как варить еловое пиво, и он захотел записать рецепт, но, когда он достал карандаш, там был такой маленький грифель, что вскоре он выпал, и карандаш перестал писать, и вы дали

ему другой, а этот за ненадобностью он бросил на стол. Но я не сводила с него глаз, и, как только все отвернулись, схватила его и до этой секунды постоянно держала при себе.

— Как же, припоминаю, — вскричала Эмма, — помню отлично! Мы говорили о хвойном пиве… Да! Мы оба с мистером Найтли заявили, что любим его, а мистер Элтон во что бы то ни стало загорелся попробовать. Я отлично все помню. Мистер Найтли стоял вот тут, правда? По-моему, он стоял именно здесь.

— Ах! Не знаю. Не могу припомнить… Очень странно, но я не могу припомнить… Мистер Элтон сидел вон там, помнится, ближе к тому месту, где я сейчас.

— Продолжайте!

— Ах, но это все… Больше мне нечего ни показать вам, ни сказать, кроме того, что сейчас я собираюсь бросить обе эти вещицы в огонь, и мне хотелось бы сделать это на ваших глазах.

— Бедная милая Харриет! Вы действительно были рады хранить и лелеять эти вещицы?

— Да! Вот какая я была дурочка! Но теперь мне стыдно за себя и хочется забыть обо всем так же легко, как я их сжигаю. Видите ли, я поступила очень дурно, сохранив воспоминания о нем после

его женитьбы… но мне недоставало решимости расстаться с ними.

— Харриет, но разве необходимо сжигать пластырь? Я ни слова не скажу об огрызке старого карандаша, однако липкий пластырь еще может пригодиться.

— Я буду счастливее, если сожгу его, — отвечала Харриет. — Мне неприятно смотреть на него. Я должна избавиться от всего, что связано с мистером Элтоном… Вот так!

«Когда же, — подумала Эмма, — настанет черед собирать все, связанное с мистером Черчиллем?»

Вскоре после того она получила возможность убедиться, что начало уже положено, и ей оставалось лишь надеяться, что цыганка, хоть и не нагадала, в буквальном смысле слова, судьбу Харриет, однако, можно считать, напророчила ей счастье. Спустя две недели после приключения с цыганами между ними состоялся разговор, и они поняли друг друга. В тот момент голова Эммы была занята совершенно другим, тем ценнее было то, что узнала она от Харриет. В ходе обычного разговора Эмма заметила:

— Знаете, Харриет, когда вы выйдете замуж, я бы посоветовала вам делать то-то и то-то, — и совершенно забыла о своих словах, пока, по-

сле долгого, почти минутного, молчания она не услышала, как Харриет с серьезным видом произнесла:

— Я никогда не выйду замуж.

Эмма подняла взгляд на подругу и немедленно поняла, что к чему. После недолгих колебаний, оставить ли слова Харриет незамеченными или нет, ответила:

— Никогда? Это что-то новенькое!

— Однако я своего мнения не изменю. Поколебавшись еще немного, Эмма спросила:

— Надеюсь, ваша решимость никак не связана с… Словом, вы так решили не из-за мистера Элтона?

— Фи, мистер Элтон! — в негодовании вскричала Харриет. — О нет! — потом Эмме удалось лишь разобрать слова: «человека, превосходящего мистера Элтона».

Эмма призадумалась. Стоит ли продолжать расспросы? Или сделать вид, что она ничего не заметила, и притвориться, будто она ничего не подозревает? Возможно, Харриет считает, что она рассердится, что ответит холодно на ее признание… А если Эмма будет молчать, может быть, она подвигнет Харриет на дальнейшие откровения; былая несдержанность, открытое и частое

обсуждение надежд и чаяний теперь претили Эмме… Она сочла, что будет мудрее прямо спросить и тотчас узнать все, что она собиралась сказать и узнать. Прямота всегда лучшее средство достижения цели. Она ведь заранее решила, что подробно узнает о чувствах подруги; безопаснее для них обеих, если она спокойно и быстро рассудит все. Подумав так, Эмма заговорила:

— Харриет, не хочу заблуждаться относительно причин вашего решения, и… Ваша решимость… или, вернее, стремление никогда не выходить замуж основано на мысли, что человек, которого вы, возможно, полюбите, слишком превосходит вас по положению, чтобы думать о вас? Разве не так?

— Ах, мисс Вудхаус! Поверьте, у меня и в мыслях не было… Я и вправду не настолько глупа… Но мне доставляет удовольствие восхищаться им на расстоянии… и думать о его бесконечном превосходстве над всеми с восторгом, удивлением и благоговением — только такие чувства мне и подобают.

— Вы меня вовсе не удивили, Харриет. Услуга, которую он вам оказал, была достаточной, чтобы растопить ваше сердце.

— Услуга? Да я перед ним в неоплатном долгу!

Как вспомню о том, что он сделал! Чего я только не пережила… когда увидела, как он подходит ко мне… его благородный вид… и свою униженность перед тем… И такая перемена! В одно мгновение такая перемена! От полнейшего унижения к совершенному счастью!

— Как это естественно! Это очень естественно, и стыдиться тут нечего. Да, мне кажется, вполне почетно сделать такой хороший и изящный выбор… Однако я не могу обещать, что выбор ваш окажется для вас удачным. Не советую вам, Харриет, давать волю чувству. Я никоим образом не думаю, что он ответит вам взаимностью. Поразмыслите хорошенько. Возможно, самым мудрым будет проверить свое чувство, пока еще можно: ни при каких условиях не позволяйте увлечению завести вас слишком далеко, пока вы не убедитесь в том, что нравитесь ему. Внимательно наблюдайте за ним. Следите за его поведением. Предостерегаю вас сейчас, потому что больше не намерена говорить с вами на эту тему. Я решила совершенно не вмешиваться. Впредь я не намерена ничего знать. Пусть никакое имя не соскользнет с ваших губ. Мы с вами заблуждались прежде, теперь будемте осторожными… Он превосходит вас, нет сомнения! Многое, очень многое стоит на пути

вашего союза, однако, Харриет, на свете случаются чудеса, бывали и куда более неравные браки. Будьте осторожны! Мне бы не хотелось, чтобы вы питали слишком лучезарные надежды, хотя, чем бы все ни закончилось, будьте уверены: то, что вы обратили свой взор на него, свидетельствует о вашем хорошем вкусе, который я всегда сумею оценить.

Харриет ничего не ответила, лишь пылко поцеловала ей руку. Эмма подумала, что новая привязанность не означает для ее подруги ничего плохого. Возвышенная любовь в любом случае обогатит ее разум и чувства.

Глава 41

В такой атмосфере радужных планов, надежд и молчаливого попустительства в Хартфилде начался июнь. Для Хайбери в целом никаких перемен он не принес. Элтоны по-прежнему говорили об ожидаемом визите Саклингов и о том, с какой пользой будут они использовать их ландо, а Джейн Ферфакс все так же жила в бабушкином доме; и, так как возвращение Кемпбеллов из Ирландии снова откладывалось — вместо середины лета они теперь собирались вернуться лишь в августе, — было вполне вероятно, что она пробудет здесь еще два месяца, при условии если ей удастся противостоять настойчивым попыткам миссис Элтон найти ей «хорошее место».

Мистер Найтли, который по какой-то — никому, кроме него самого, не известной — причине определенно невзлюбил Фрэнка Черчилля, лишь укрепился в своей неприязни к нему. Он начал подозревать молодого человека в том, что тот, ухаживая за Эммой, ведет двойную игру. То, что предметом его чувств является Эмма, казалось неоспоримым фактом. Все подтверждало это:

его собственное поведение, намеки его отца, осторожное молчание мачехи — все трое словно сговорились; благоразумные или, напротив, неосторожные слова и поступки — все сходилось. Но в то время как многие уверены были в том, что молодой человек всей душой предан Эмме, а сама Эмма жертвовала поклонником ради Харриет, мистер Найтли начал подозревать его в том, что он заигрывает с Джейн Ферфакс. Мистеру Найтли показалось, будто они нашли общий язык — по крайней мере, налицо некие опасные симптомы. Молодой человек совершенно недвусмысленно выражал мисс Ферфакс свое восхищение; здесь, как бы ни хотелось мистеру Найтли избежать ошибок Эммы, молодому человеку невозможно было отказать в здравом смысле. Самой Эммы, когда у мистера Найтли впервые зародилось подозрение, рядом не было. Мистер Найтли был приглашен на обед к Элтонам вместе с обитателями Рэндаллса и Джейн. Он подметил, как многозначительно Фрэнк смотрел на мисс Ферфакс: подобные взгляды неуместны со стороны обожателя мисс Вудхаус. Когда он снова оказался в их обществе, он не мог не вспомнить своих подозрений. Мистер Найтли тайно продолжал следить за ними, помня слова Купера: «То, что я

вижу, мной сотворено». Дальнейшее еще сильнее укрепило его убежденность в том, что между Фрэнком Черчиллем и Джейн есть некая взаимная симпатия или даже взаимная склонность.

Однажды после обеда, как это частенько случалось, он отправился провести вечер в Хартфилд. Эмма и Харриет собирались на прогулку, он присоединился к ним, а на обратном пути они заметили мистера и миссис Уэстон с сыном и мисс Бейтс с племянницей — они случайно встретились на дороге. Обе компании спешили погулять до дождя. Все пошли вместе; дойдя до ворот Хартфилда, Эмма, которая понимала, насколько приятны неожиданные визиты такого рода для ее отца, уговорила всех зайти и выпить чаю. Обитатели Рэндаллса согласились сразу же; мисс Бейтс, произнеся, по обыкновению, длинную речь, которую почти никто не слушал, также сочла возможным принять любезное приглашение дорогой мисс Вудхаус.

Когда они входили в ворота, мимо верхом проскакал мистер Перри. Джентльмены заговорили о его лошади.

— Между прочим, — спросил вскоре Фрэнк Черчилль у миссис Уэстон, — что сталось с планом мистера Перри обзавестись собственным

выездом?

Миссис Уэстон с изумленным видом отвечала:

— Я и не знала, что он когда-либо строил подобные планы!

— Но я узнал о них от вас. Вы упомянули об этом в письме три месяца назад.

— Кто, я? Невозможно!

— И все же это были вы. Я отлично помню! Вы упоминали, что это вот-вот произойдет. Миссис Перри поделилась с кем-то новостью и была необычайно рада. Ведь именно благодаря ее настояниям он согласился обзавестись каретой, так как, по ее мнению, его частые разъезды в плохую погоду не доведут его до добра. Теперь-то припоминаете?

— Даю честное слово, что я никогда — до сего момента — и не слыхала об этом!

— Неужели? Да возможно ли? Господи помилуй! Значит, мне все приснилось… но я был совершенно уверен… Мисс Смит, судя по вашей походке, вы очень устали. Ну ничего, скоро вы отдохнете.

— Что такое? Что такое? — вскричал мистер Уэстон. — Что еще за новости о Перри и карете? Фрэнк, ты говоришь, что Перри собирается купить карету? Я рад за него. Должно быть, он сам

тебе об этом рассказал.

— Нет, сэр, — отвечал сын смеясь. — Кажется, никто мне ничего не рассказывал… Как странно! Я действительно был уверен в том, что миссис Уэстон упомянула об этом в одном из своих писем в Энскум — несколько недель назад, со всеми подробностями… но раз она заявляет, что и понятия ни о чем не имеет, то, конечно, мне все приснилось. Я великий мечтатель. Я люблю вспоминать всех обитателей Хайбери, когда я вдалеке. И, перебрав в памяти своих самых близких друзей, начинаю думать о мистере и миссис Перри.

— Однако странно, — заметил его отец, — что у тебя был такой правильный, связный сон о людях, о которых тебе вряд ли пришло бы в голову вспоминать в Энскуме. Чтобы Перри обзавелся собственным выездом! А его жена убеждала его купить карету ради его же блага! Не сомневаюсь, в один прекрасный день так и будет, пока только рановато. Что за правдивые предположения подчас являются во сне! А бывают сны — просто нагромождение несуразностей! Ну, Фрэнк, твой сон неопровержимо доказывает, что во время твоего отсутствия в Хайбери ты постоянно думаешь о нас. А вы, Эмма, часто видите сны?

Эмма не слушала. Она спешила вперед, подго-

товить батюшку к приходу гостей, и не уловила намека мистера Уэстона.

— Ну, если уж по правде, — воскликнула мисс Бейтс, которая в последние две минуты тщетно пыталась вставить хоть словечко, — если уж о том зашла речь, невозможно отрицать, что у мистера Фрэнка Черчилля… то есть я не утверждаю, будто он не видел сна… знаете, иногда мне самой такое приснится! Но раз уж об этом зашла речь, я должна признать, что прошлой весной мистер Перри правда вынашивал такую мысль — ведь сама миссис Перри упоминала об этом в беседе с матушкой. Да и Коулы знают об этом так же хорошо, как и мы, — но это был своего рода секрет, не известный больше никому, да и мысли такие были только дня три. Миссис Перри ужасно хотелось, чтобы ее муж завел собственный выезд, и однажды утром она пришла с визитом к матушке в приподнятом настроении, потому что решила, что ей удалось убедить его. Джейн, разве ты не помнишь, как бабушка рассказывала нам об этом, когда мы вернулись домой? Забыла, куда мы тогда ходили… похоже, в Рэндаллс… да, кажется, именно в Рэндаллс. Миссис Перри всегда особенно добра к моей матушке — по правде сказать, не знаю, кто ее не любит, — и

она по секрету рассказала ей, разумеется, она не возражала против того, чтобы матушка передала новость нам, однако не хотела, чтобы узнали все остальные. И до сего дня я ни одной живой душе об этом не рассказывала. В то же время не могу ручаться, что ни разу не обронила намека, ведь я знаю, что иногда у меня помимо воли вырывается… Я, видите ли, болтушка! Да уж, люблю поговорить… то и дело у меня с языка срывается такое, о чем лучше бы помолчать. Я не такая, как Джейн… Хотелось бы мне быть похожей на нее. Ручаюсь, она-то ни за что не выдаст самой малой малости… Да где же она? Ах! Прямо позади меня. Отлично помню визит миссис Перри… Да, поистине удивительный сон!

Они входили в прихожую. Мистер Найтли опередил мисс Бейтс и поспешно бросил взгляд на Джейн. Он смотрел на Фрэнка Черчилля, на чьем лице, как ему показалось, он различил подавляемое смущение, которое молодой человек пытался сгладить шуткой, и непроизвольно перевел взгляд на лицо девушки, однако она действительно отвлеклась и была всецело поглощена своей шалью. Мистер Уэстон уже вошел. Двое остальных джентльменов остановились у двери, чтобы пропустить ее вперед. Мистеру Найтли

показалось, что Фрэнк Черчилль во что бы то ни стало хочет поймать ее взгляд — показалось, он буквально поедал ее глазами, однако если это и было так, то ждал он тщетно — Джейн прошла между ними в прихожую, не глядя ни на кого.

Времени для дальнейших замечаний или объяснений не осталось. Пришлось довольствоваться услышанным, и мистер Найтли занял место вместе с остальными за большим современным круглым столом, который завела в Хартфилде Эмма и которым никто, кроме Эммы, не мог убедить ее батюшку пользоваться, покинув старый, маленький Пембрук, на котором вот уже сорок лет ему в тесноте накрывали два его ежедневных блюда. Чай прошел сносно, и никому, видимо, не хотелось уходить.

— Мисс Вудхаус, — заявил Фрэнк Черчилль, оглядев столик, стоящий позади него, до которого он со своего места мог дотянуться, — ваши племянники увезли свои кубики — ну, коробку с буквами? Обычно она стояла здесь. Где она? Вечер, кажется, скучноватый, такое подобает скорее зиме, чем лету. Однажды утром мы очень веселились с этими кубиками. Я хочу снова озадачить вас.

Эмме его затея пришлась по душе; коробку

достали, и скоро весь стол был завален кубиками, с которыми, казалось, никто так ловко не управлялся, как они двое. Они молниеносно составляли слова друг для друга — или для всех желающих поиграть. То, что игра была тихой, сделало ее особенно желанной для мистера Вудхауса, которого часто огорчали более шумные забавы, устраиваемые иногда мистером Уэстоном; теперь же хозяин дома мог с легкой душой предаваться любимым занятиям: сожалеть об отъезде «бедных малышей» или, подбирая оброненный игроками кубик, гордо указывать гостям на то, как Эмма красиво пишет буквы.

Фрэнк Черчилль выложил перед мисс Ферфакс ряд кубиков. Она окинула их взглядом и проворно принялась составлять слово. Фрэнк сидел рядом с Эммой, Джейн — напротив них, а мистер Найтли со своего места мог наблюдать за всеми. Его целью было увидеть как можно больше, не выдавая при этом своего интереса. Вскоре мисс Ферфакс составила слово и с легкой улыбкой придвинула кубики назад. Если бы она собиралась скрыть слово от посторонних глаз, ей бы следовало немедленно перемешать кубики, но для этого смотреть нужно было на стол, а не на молодого человека, сидящего напротив. Как бы там ни

было, а буквы остались неперемешанными, и Харриет, которая с жадностью бросалась на каждое новое слово, но сама до сих пор не угадала ни одного, придвинула буквы к себе и принялась за работу. Поскольку она оказалась соседкой мистера Найтли, то к нему и обратилась за помощью. Оказалось, что это слово «промах»; и, когда Харриет, ликуя, провозгласила свою отгадку, щеки Джейн слегка зарделись. Сомнений больше не было: предназначенное мисс Ферфакс слово имело для нее некий тайный смысл. Мистер Найтли увязал его со странным сном, увиденным Фрэнком Черчиллем, однако, какая между ними связь, было вне пределов его понимания. Могла ли его любимица настолько утратить свойственные ей застенчивость и деликатность? Мистер Найтли сильно подозревал, что здесь не обошлось без каких-то решительных шагов. Неискренность и лицемерие обступали его со всех сторон. Эти буквы — всего лишь предлог для ухаживаний и обмана. Детская игра призвана скрыть другую, более тонкую игру Фрэнка Черчилля.

С растущим возмущением продолжал он наблюдать за молодым человеком, с тревогой и недоверием следил он за обеими его ослепленными спутницами. Вскоре мистер Найтли заметил,

что для Эммы приготовлено короткое слово и передано ей так, чтобы другие не видели, да еще с лукавой усмешкой. Он увидел, что Эмма быстро разгадала слово и нашла его в высшей степени забавным, хотя и сочла необходимым выразить свое недовольство шалостью, ибо вслух она сказала:

— Чепуха! Как вам не стыдно!

Потом мистер Найтли услышал, как Фрэнк Черчилль, метнув быстрый взгляд в сторону Джейн, предложил:

— Давайте покажем слово ей!

И столь же ясно услышал, как Эмма горячо возражает, но с трудом подавляет улыбку:

— Нет-нет, нельзя! Слышите, не смейте!

Тем не менее молодой человек настоял на своем. Этот щелкопер, который, казалось, умел любить без чувства и располагать всех к себе без труда, придвинул кубики к мисс Ферфакс и проследил за тем, чтобы она составила слово из предложенных букв. Естественно, мистеру Найтли стало интересно, что же это за слово, при всяком удобном случае он смотрел на стол и вскоре понял, что получилось слово «Диксон». Совершенно очевидно, для Джейн Ферфакс в этих шести буквах заключался еще и другой, скрытый

смысл. Она явно рассердилась, заметив же, что за ней наблюдают, покраснела более густо, чем он ожидал, но сказала лишь:

— Я думала, что имена собственные загадывать нельзя!

С этими словами она решительно оттолкнула от себя кубики; казалось, игра стала ей неприятна. Она отвернулась от своих обидчиков и обратилась к тетке.

— Да-да, правильно, милочка! — воскликнула последняя, хотя Джейн не успела произнести ни слова. — Я как раз собиралась сказать. Нам в самом деле пора. Вечереет, бабушка будет волноваться. Дорогой сэр, благодарим вас за все, однако нам действительно пора. Позвольте пожелать вам спокойной ночи.

Джейн не заставила себя долго ждать. Она поспешно встала из-за стола и выразила готовность уйти немедленно, но в этот момент все поднялись, засуетились, и она не могла выйти. Мистеру Найтли показалось, что к ней торопливо придвинули еще одну стопку букв, однако Джейн решительно отодвинула их в сторону, даже не взглянув на них. Потом она принялась искать свою шаль; Фрэнк Черчилль вызвался помочь… Темнело, в комнате царил полумрак, и как они

распрощались, мистер Найтли не видел.

Он остался в Хартфилде дольше прочих гостей, размышляя о том, чему он оказался свидетелем. Увиденное и услышанное настолько потрясло его, что позже, когда внесли свечи, он счел необходимым — да, поистине обязанным, ведь он друг, заботливый друг — кое о чем намекнуть Эмме и кое о чем ее спросить. Предостеречь ее в столь щекотливом положении — его долг.

— Эмма, — начал он, — могу ли я узнать, какой забавный смысл, какое, если можно так выразиться, отравленное жало заключалось в последнем слове, поданном вам и мисс Ферфакс? Я его видел… Любопытно узнать, как одно и то же слово могло так насмешить одну девицу и так расстроить другую.

Эмма очень смутилась. Объяснить ему все как есть — невозможно: хотя ее подозрения никоим образом не развеялись, ей было очень стыдно за то, что она вообще высказала их вслух.

— А, то слово! — протянула она в очевидном замешательстве. — Оно ничего не значит, это просто шутка между нами.

— Кажется, это шутка только для вас и мистера Черчилля, — серьезно ответил он.

Он надеялся, что она что-нибудь скажет, но

она молчала. По-видимому, ее голова была занята другим. Некоторое время мистер Найтли не знал, на что решиться. Целый сонм различных бедствий мерещился ему. Вмешаться? Но вмешательство не поможет. Эмма смущена — у нее есть некие общие тайны с мистером Черчиллем. Все говорит о том, что она влюблена. И все же он не смолчит. Он обязан ради нее рискнуть — даже если его нежеланное вмешательство навлечет на него ее гнев. Ее благополучию грозит опасность. Лучше вытерпеть все, чем после сокрушаться о том, что он пренебрег своим долгом.

— Милая моя Эмма, — сказал он наконец прочувствованно, но серьезно, — по-вашему, вы правильно истолковываете степень знакомства между известными вам джентльменом и леди?

— Между мистером Фрэнком Черчиллем и мисс Ферфакс? О да! Совершенно… Но почему вы сомневаетесь?

— Неужели у вас никогда, ни единого раза, не возникало повода думать, что он восхищается ею, а она — им?

— Никогда, никогда! — вскричала она искренне и горячо. — Ни разу, ни на сотую долю секунды не приходило мне в голову подобное предположение. Как вы только могли подумать?!

— Мне почудилось, будто между ними существует некая взаимная симпатия, я заметил, как они обменивались выразительными взглядами, которые, по-моему, не предназначались для посторонних глаз.

— О! Вы крайне позабавили меня. Оказывается, вы снизошли до того, что позволили своему воображению разгуляться — однако, уверяю вас, ничего подобного! Мне очень жаль разочаровывать вас в вашем первом опыте, но действительно ничего похожего между ними нет. Уверяю вас, тут нет и следа никакой привязанности, а то, на что вы обратили внимание, имеет совершенно иную природу… Сейчас я не вправе ничего объяснить… все это довольно глупо… однако в той части, которая поддается объяснению… то есть имеет смысл… могу вас уверить, что эти двое так же далеки от любви или взаимной привязанности, как любые двое из смертных. То есть я готова поспорить о чувстве с ее стороны и ручаюсь за то, что нет никаких чувств у него. Готова ручаться, что он к ней равнодушен.

Ее безапелляционность ошеломила мистера Найтли, ее самонадеянность лишила его дара речи. Эмма развеселилась и готова была продолжить разговор, желая услышать подробности,

на коих основывались его подозрения, просила описать каждый взгляд и задавала бесконечные вопросы, где, как и когда это случилось. Обстоятельства дела сильно занимали ее; однако ему не передалась ее веселость. Ему было не до приятных бесед, внутри его все клокотало. Чтобы окончательно не воспламениться от жарко пылающего камина, который топили почти каждый вечер в любое время года по причине слабого здоровья мистера Вудхауса, вскоре он поспешно распрощался и направился домой, в прохладу и уединение аббатства Донуэлл.

Глава 42

Надежды на скорый приезд мистера и миссис Саклинг лопнули как мыльный пузырь. Все лето в Хайбери только и слышали о скором приезде родственников Элтонов, однако оказалось, что они не сумеют выбраться до осени. В настоящее же время жителям городка просто не о чем стало разговаривать. Пришлось снова вернуться к старым, привычным темам, которые на время затмил предстоящий приезд Саклингов. Опять пошли в ход сводки о состоянии миссис Черчилль, которая чувствовала себя то лучше, то хуже, и об интересном положении миссис Уэстон: в ожидании первенца она была почти так же счастлива, как и ее соседи, которые радовались за нее и охотно судачили о ней.

Миссис Элтон была очень раздосадована. Сколько радостей и развлечений придется отложить! Все ее предварения и рекомендации пропали даром, а все запланированные приемы и поездки так и остались только на словах. Так думала она вначале, однако, после некоторых размышлений, пришла к убеждению, что вовсе нет нужды откла-

дывать все задуманное на потом. Почему бы не отправиться осматривать Бокс-Хилл, не дожидаясь Саклингов? Осенью можно будет поехать туда с ними снова. Было решено отправиться на Бокс-Хилл. То, что такой поездке суждено состояться, было общеизвестно уже давно: мысль о ней даже дала толчок другому плану. Эмма никогда не была на Бокс-Хилл; ей хотелось самой взглянуть на то, что все кругом считали достойным внимания, и они с мистером Уэстоном условились выбрать какое-нибудь ясное, погожее утро и поехать на прогулку. Присоединиться к ним позволено было лишь немногим избранным. Поездку следует провести тихо, просто и изящно — без шума, долгих приготовлений, запасов еды — словом, без пышности, свойственной Элтонам и Саклингам.

И так все было между ними хорошо договорено, что Эмма не без удивления и легкого недовольства узнала, что мистер Уэстон пригласил миссис Элтон. Раз ее сестра и брат не приехали, почему бы двум компаниям не объединиться? Миссис Элтон с величайшей готовностью приняла его предложение; таким образом, сказал он, если Эмма не возражает, обе компании поедут вместе. Поскольку у Эммы не было возражений, кроме одного, а именно: ее великой неприязни к миссис Элтон,

о чем мистер Уэстон, несомненно, прекрасно знал, то не было смысла указывать ему на данное обстоятельство. Невозможно было не смолчать, так как, высказав ему упрек, она причинила бы боль его жене. Таким образом, Эмме пришлось согласиться с его планом, хотя сама она всеми силами стремилась его избежать. В результате подобного плана она, возможно, падет настолько низко, что о ней можно будет сказать: «Она принимала участие в поездке миссис Элтон!» Эмма была оскорблена в лучших чувствах, и, несмотря на внешнюю снисходительную покорность, с какой приняла она предложение мистера Уэстона, в глубине души она сурово порицала его за неукротимое добродушие и стремление дружить со всеми.

— Я рад, что вы одобряете мой поступок, — безмятежно говорил он ей. — Однако иного я от вас и не ждал. Такие прогулки, как наша, удаются только при большом стечении гуляющих. В таких поездках чем больше людей принимает участие, тем лучше. Большая компания сама себя развлекает. А она, в конце концов, женщина не злая. Нельзя было не пригласить ее!

Эмма вслух не спорила, но про себя не соглашалась ни с чем.

Стояла середина июня, погода была чудесная; миссис Элтон проявляла все больше нетерпения, она уже готова была назначить день поездки и обсуждала с мистером Уэстоном, что лучше взять: пирог с голубями или холодную баранину, когда внезапно захромала их лошадь и успех прогулки оказался под угрозой. Когда лошадь поправится? Возможно, уже через несколько дней, а может, и через много недель… Во всяком случае, пока ни о каких приготовлениях не могло быть и речи, и в сборах наступил грустный застой. Богатые внутренние ресурсы миссис Элтон были не готовы выдержать такое испытание.

— Ну не досада разве, Найтли? — вопрошала она. — И как назло, погода как раз подходит для таких поездок! Эти задержки и разочарования просто ужасны. Что же нам делать? Скоро лето кончится, а мы еще нигде не были! В прошлом году в эту пору, уверяю вас, мы уже успели чудесно съездить из «Кленовой рощи» в Кингз-Уэстон.

— Вы лучше прогуляйтесь в Донуэлл, — посоветовал мистер Найтли. — Туда можно добраться и без лошадей. Приходите, угоститесь моей клубникой. Она уже поспевает.

Если, сказав это, мистер Найтли просто шутил, то потом был уже обязан подтвердить свое

приглашение, ибо оно было с удовольствием принято. Миссис Элтон просияла и жеманно ответила: «О, на меня-то можете положиться. Я приду с удовольствием!» Поместье Донуэлл славилось своей клубникой, и это казалось достаточным предлогом для его посещения, однако если бы в Донуэлле ничего не росло, кроме капусты, то и этого довольно было бы, ибо миссис Элтон просто изнывала от скуки. При каждом удобном случае — куда чаще, чем он спрашивал, — она заявляла, что непременно придет, и была чрезмерно польщена таким доказательством дружбы, сочтя его приглашение завуалированным комплиментом своей незаурядности.

— Можете на меня положиться, — говорила она. — Я-то, конечно, приду. Только назовите день. Вы позволите мне привести с собой Джейн Ферфакс?

— День назвать я не могу, — отвечал он, — пока не условлюсь с остальными, которых тоже хочу пригласить с вами вместе.

— Ах! Предоставьте это все мне. Только дайте мне карт-бланш… Вы ведь знаете, я известная дама-патронесса. Ведь праздник затеян в мою честь! Я приведу с собой друзей!

— Надеюсь, — отвечал он, — вы не забудете

привести с собой Элтона, а вот всех прочих гостей я приглашу сам.

— Ах, какой хитрец! Но подумайте: вам не нужно бояться доверить все мне. Я — не молодая девица на выданье, которая не знает, кого ей предпочесть. Видите ли, нам, замужним дамам, можно доверять безбоязненно. Это мой праздник! Предоставьте все мне. Я сама приглашу ваших гостей.

— Нет, — спокойно возразил он, — на свете существует лишь одна замужняя дама, которой я позволил бы приглашать в Донуэлл тех гостей, которых ей захочется, и эта дама…

— Миссис Уэстон, полагаю, — заметила миссис Элтон, поджав губы.

— Нет! Миссис Найтли. Но пока ее еще нет, я решаю подобные вопросы сам.

— Ах! Какой вы упрямец! — вскричала она, довольная тем, что ей никого не предпочли. — Вы оригинал и можете говорить все, что вам вздумается. Просто оригинал! Значит, я приведу с собой Джейн — Джейн и ее тетку. Остальных предоставляю вам. Я вовсе не против повидаться с обитателями Хартфилда. Не стесняйтесь! Я знаю, как вы к ним привязаны.

— Не сомневайтесь, вы с ними обязательно

увидитесь, если я сумею уговорить их… а по пути домой я приглашу мисс Бейтс.

— В этом нет нужды — мы с Джейн видимся ежедневно! Впрочем, как хотите. Знаете, Найтли, надобно устроить все утром. Все будет очень просто. Я надену шляпку с большими полями, а на руку повешу корзиночку — да, наверное, вот эту, с розовой ленточкой. Видите, проще не бывает. И у Джейн будет такая же. Никаких нарядов, никакой пышности — соберемся попросту, как цыгане! Будем бродить по саду, рвать клубнику руками, а сядем под деревьями. Если же вы захотите угостить нас еще чем-нибудь, прикажите накрыть стол на улице — знаете, где-нибудь в тени, в холодке. Естественнее и проще некуда. Разве не так вы все задумали?

— Не совсем. По-моему, самым естественным и простым будет накрыть стол в столовой. Естественность и простота дам и господ связана со слугами и мебелью, а потому, по-моему, лучше всего достигается, если угощаются дома. Когда вам надоест есть клубнику в саду, в доме вас будут ждать холодные закуски.

— Н-ну… как вам угодно… Только не затевайте ничего пышного. Да, кстати, может, я или моя экономка можем помочь вам советом? Пожалуй-

ста, Найтли, не стесняйтесь. Если хотите, чтобы я поговорила с миссис Ходжес или присмотрела за тем, как она готовит…

— Спасибо, но это совершенно лишнее.

— Да… но если вдруг возникнут какие-либо трудности, моя экономка чрезвычайно сведуща…

— Уверяю вас, моя экономка считает себя такой сведущей, что с презрением отвергнет любую предложенную помощь.

— Вот бы у нас был ослик! Было бы чудесно, если бы все мы приехали верхом на осликах — Джейн, мисс Бейтс и я… а мой caro sposo шел бы рядом пешком. Нет, правда, стоит поговорить с ним о покупке ослика. Поскольку мы живем в деревне, я нахожу ослика своего рода необходимостью… Ведь, как бы много ни было у женщины внутренних ресурсов, ей невозможно постоянно сидеть дома, взаперти, а очень долгие прогулки, знаете ли, утомляют… летом пыль, а зимой грязь.

— На дороге между Донуэллом и Хайбери вы не отыщете ни того ни другого. Дорога на Донуэлл никогда не бывает пыльной, а сейчас она совершенно суха. Однако если вы предпочитаете приехать верхом на ослике — что ж, дело ваше! Можете одолжить ослика у миссис Коул. Хотел бы

я, чтобы и все остальное пришлось вам по вкусу.

— Уверена, вы обо всем позаботитесь. Да, друг мой, я отдаю вам должное. Я знаю, что за вашими суховатыми, простыми манерами скрывается нежнейшее сердце. Как я говорю супругу, вы — настоящий оригинал… Да, Найтли, вам меня не обмануть — вся ваша задумка продиктована вниманием ко мне. Вы из кожи вон лезете, чтобы угодить мне.

У мистера Найтли имелась и другая причина, чтобы не накрывать стол на улице, в холодке. Он намеревался просить мистера Вудхауса прийти к нему вместе с Эммой и знал, что при виде стола, накрытого на улице, старик просто заболеет. Нельзя под видом утренней прогулки заставлять мистера Вудхауса терпеть адские мучения.

И мистер Вудхаус был приглашен с чистой совестью. Доверчивость его не грозила обернуться для него неведомыми ужасами. Словом, он согласился. В Донуэлле он не был два года. В какое-нибудь ясное утро он, Эмма и Харриет с удовольствием приедут. Он посидит в тишине с миссис Уэстон, пока милые девочки погуляют по саду. Нет, маловероятно, чтобы теперь, в разгар дня, им было сыро. Ему очень хочется снова увидеть старинный особняк, и он с радостью

повидается с мистером и миссис Элтон и другими соседями… Он не видит никаких препятствий к тому, чтобы они с Эммой и Харриет как-нибудь погожим утром поехали в Донуэлл. Как мило со стороны мистера Найтли пригласить их — очень кстати и хорошо задумано! Куда лучше, чем званый обед. Не любитель он званых обедов.

Мистеру Найтли повезло: все приглашенные согласились прийти к нему с величайшей готовностью. Все откликнулись с такой радостью, что казалось, будто каждый, подобно миссис Элтон, счел его план знаком особого расположения к себе. Эмма и Харриет возлагали на праздник очень большие надежды, а мистер Уэстон был так благодарен и признателен за приглашение, что обещал, хоть его и не просили, захватить с собой Фрэнка, если тот сумеет приехать. Мистеру Найтли ничего не оставалось, как заявить, что он будет рад видеть его. Мистер же Уэстон заверил гостеприимного хозяина, что тотчас же, не теряя времени даром, напишет сыну и не пожалеет слов, лишь бы уговорить того приехать.

Между тем захромавшая лошадь поправилась так быстро, что вопрос о поездке на Бокс-Хилл снова стал предметом радостных пересудов; наконец решено было в один день посетить Донуэлл,

а на следующий день отправиться на Бокс-Хилл. Казалось, погода специально благоприятствует всем замыслам.

Под ярким полуденным солнышком — была почти уже середина лета — мистера Вудхауса благополучно доставили в Донуэлл в карете с одним опущенным окном, чтобы он смог поучаствовать в празднестве на открытом воздухе. Потом он был столь же благополучно препровожден в одну из самых уютных комнат аббатства. Когда же его заботливо усадили у камина, который в ожидании него специально топили все утро, он почувствовал себя совершенно как дома, был готов с удовольствием обсудить все новости. Всех вновь вошедших он приглашал присесть рядом — «гуляйте осторожно, не перегрейтесь на солнце!». Миссис Уэстон, которая, казалось, пришла в гости специально ради него, осталась в комнате терпеливо слушать мистера Вудхауса и сочувствовать ему; остальных гостей настоятельно звали выйти на воздух.

Эмма очень давно не была в аббатстве; едва убедившись, что отец удобно устроен, она с радостью покинула его и огляделась; ей не терпелось освежить и пополнить свои воспоминания о доме и парке, игравших столь важную роль в жизни

всей ее семьи.

Она состояла в родстве с нынешним и будущим владельцами поместья и не могла не преисполниться законной гордостью, оглядывая внушительное по размеру и стилю здание, она с удовольствием оценила его удобное, уютное и живописное расположение. Дом стоял в закрытой низине; обширные сады протянулись вниз, к лугам, омываемым рекой, которую от дома почти не было видно — ведь в старину строили, не учитывая живописных видов! Вдоль аллей были густо посажены деревья — владелец не пал жертвою моды или собственной прихоти и не вырубил их. Дом был больше, чем Хартфилд, и совершенно не походил на него, обширный особняк, выстроенный бестолково и несимметрично. Многие комнаты здесь были уютны, а одна или две — по-настоящему красивы. Словом, именно так и должно было выглядеть настоящее поместье, и так оно выглядело. Эмма ощутила, как в ней растет уважение к обители истинно благородного, древнего рода, безупречного как по крови, так и по духу. Пусть у Джона Найтли характер и не лишен некоторых недостатков — но Изабелла сделала прекрасный выбор. Она подарила своей семье родство, за которое не приходится крас-

неть: и фамилией, и происхождением, и замком можно только гордиться. Эмма бродила по саду, погруженная в эти приятные размышления, пока всех не пригласили обирать клубничные грядки. Гости были в сборе, за исключением Фрэнка Черчилля, которого с минуты на минуту ожидали из Ричмонда. Миссис Элтон, находясь во всеоружии — в широкополой шляпе, с корзинкой, — выражала собой готовность играть ведущую роль в чем бы то ни было: собирании ягод, поедании их, в разговорах о клубнике. Только о клубнике следовало сейчас думать или говорить. До Эммы беспрестанно доносился ее голос:

— Лучшая ягода в Англии… всеобщая любимица! Она полезна всем. Вот лучшие грядки и отборнейшие сорта. Как приятно самой рвать ягоды — это лучший способ насладиться ими! Утро, безусловно, лучшее время для сбора ягод… я никогда не устаю рвать клубнику… всякий сорт хорош… мускусная земляника бесконечно превосходит остальные сорта по вкусу… никакого сравнения — прочие сорта почти несъедобны! Вкусной очень мало… лично она предпочитает чилийскую… но самая ароматная земляника — лесная… цены на клубнику в Лондоне… в Бристоле изобилие клубники… «Кленовая роща»…

как рыхлить землю под грядки… когда пересаживать на новую плантацию… у каждого садовника свое мнение… никаких общих правил! Садовников не переубедишь! Восхитительные ягоды… только слишком сытные, их много не съешь… однако куда им до вишни… смородина больше освежает… единственное возражение против того, чтобы выращивать клубнику, — тяжело наклоняться… как палит солнце! Устала до смерти… больше не могу… невыносимо… я должна посидеть в тенечке.

Такие разговоры слышались в течение примерно получаса; лишь один раз ее прервала миссис Уэстон, которая вышла в сад справиться, не приехал ли ее пасынок, — ей было немного не по себе. Она испытывала некоторые опасения, связанные с его лошадью.

Все отыскали себе место более или менее в тени; и теперь Эмма поневоле слушала разговор миссис Элтон и Джейн Ферфакс. Обсуждалось место будущей работы Джейн. Сегодня утром миссис Элтон получила известие о том, что такое место найдено, и пришла в восторг. Гувернантка требовалась не миссис Саклинг и не миссис Брэгг, однако по пышности и великолепию дом уступал только им: место отыскалось у кузины

миссис Брэгг, хорошей знакомой миссис Саклинг, принятой в «Кленовой роще». Очаровательно, прелестно, превосходно — высший круг общества, положение, богатство, все, о чем можно мечтать! Миссис Элтон горела желанием немедленно покончить с делом. Сияя, торжествуя, она решительно отметала все возражения мисс Ферфакс, хотя та и продолжала уверять ее, что в настоящее время она не собирается немедленно поступать на службу, мотивируя свой отказ тем же, приводя те же доводы, что и раньше. Миссис Элтон настаивала, чтобы Джейн поручила ей написать о своем согласии с завтрашней почтой. Интересно, думала Эмма, надолго ли хватит терпения Джейн? Она выглядела раздосадованной, отвечала отрывисто и, наконец, с необычной для себя решимостью предложила прогуляться. Может, им пройтись? Не согласится ли мистер Найтли показать им сад — все сады? Ей не терпится осмотреть поместье. Казалось, она более не может выносить напора приятельницы.

Было жарко, и, побродив по саду — бесцельно, вразброд, — гости поодиночке или по двое непроизвольно устремились один за другим в манящую своей прохладой широкую аллею, обсаженную липами; она была как бы границей

между садом и парком. Аллея никуда не вела, в конце ее была своеобразная смотровая площадка с видом на реку и луга, окаймленная низкой каменной оградой с необычно высокими столбами. За такими воротами, как правило, стоит усадьба, однако в нашем случае дома в том месте и в помине не было. Трудно понять замысел архитектора, приказавшего разбить аллею в таком месте, но прогулка по аллее доставляла удовольствие, а вид, открывающийся с площадки, был необычайно притягателен. Покатый склон холма — аббатство располагалось почти у его подножия — спускаясь, становился круче, и примерно через полмили завершался резким, величественным обрывом, густо поросшим лесом. Внизу, на излучине реки, окруженная лугами, находилась ферма Эбби-Милл. Трудно придумать более выгодное местоположение для фермы!

Вид был чудесный — приятный как глазу, так и сердцу. Английская зелень, английская культура, английский уют при ярком солнечном свете особенно радовали, однако не подавляли чрезмерной пышностью или буйством красок.

В аллее Эмма с мистером Уэстоном встретили остальных гостей, а в конце ее она немедленно опознала мистера Найтли и Харриет — они отда-

лились от остальных и спокойно брели впереди. Мистер Найтли и Харриет! Странная парочка, однако ей было приятно видеть их вместе. В былые времена он с презрением относился к ее обществу и довольно бесцеремонно отворачивался от нее. Теперь же, казалось, оба увлечены приятной беседой. В прежние времена Эмма непременно встревожилась бы, увидев Харриет в такой близости от Эбби-Милл, да еще в таком месте, откуда ферма видна во всей красе, однако теперь она ничего не опасалась. Вид фермы со всеми пристройками — судя по всему, хозяева Эбби-Милл процветали, — с тучными пастбищами, обильными стадами, цветущим садом и столбиком дыма, курящимся над домом, уже не внушал ей страха за подругу. Присоединившись к ним у ограды, Эмма обнаружила, что они слишком заняты беседой, чтобы любоваться видом. Мистер Найтли делился с Харриет сведениями по сельскому хозяйству. Эмму он одарил беглой улыбкой, словно желал сказать: «Это мое дело. У меня есть право говорить о таких вещах, не вызывая подозрений в том, что я расхваливаю Роберта Мартина». У Эммы и в мыслях не было подозревать его в чем бы то ни было. С Робертом Мартином давно покончено. Наверное, молодой фермер и думать

забыл о Харриет Смит. Они втроем несколько раз прошлись туда-сюда вдоль ограды. В тени было так прохладно, свежо, что Эмма нашла эту прогулку приятнейшей частью дня.

Потом повернули к дому — всем нужно подкрепиться. Вскоре гостей позвали к столу; все принялись за еду, а Фрэнк Черчилль так и не приехал. Миссис Уэстон все выглядывала его, но тщетно. Ее муж вовсе не испытывал неудобств и посмеивался над ее страхами. Миссис Уэстон упорно твердила: нужно, чтобы Фрэнк отказался от своей черной кобылы. Он определенно заявил, что приедет, он выказал несвойственную ему обычно твердость. Тетушке его стало лучше, и он не сомневался, что ему удастся присоединиться к ним. Тут все наперебой принялись напоминать миссис Уэстон о непостоянстве миссис Черчилль. Ее состояние способно меняться так неожиданно! Возможно, племяннику пришлось все же остаться у ее постели. Наконец миссис Уэстон удалось убедить. Она сказала: должно быть, у миссис Черчилль случился очередной приступ, и Фрэнк не смог покинуть ее. Во время обсуждения этого вопроса Эмма смотрела на Харриет: та держалась очень спокойно, и на лице ее не читалось никакого волнения.

Покончив с холодными закусками, общество снова решило выйти в сад и осмотреть то, чего еще не видели, — старинные пруды аббатства, в которых разводили рыбу. А может, дойти до клеверного поля, которое завтра должны были косить? Словом, всем захотелось погреться на солнышке, а потом снова отдохнуть в тени. Мистер Вудхаус, уже совершивший прогулку по самой верхней части сада, где даже ему не могли бы пригрезиться сквозняки и сырость с реки, больше не выходил. Дочь его решила остаться с ним, дабы дать возможность миссис Уэстон переменить обстановку и вместе с мужем погулять по саду, ведь женщинам в ее положении прогулки совершенно необходимы.

Мистер Найтли особо позаботился об удобстве мистера Вудхауса. Альбомы старинных гравюр, оттиски медалей, камеи, кораллы, раковины и все прочие диковинки и фамильные коллекции из его кабинетов были приготовлены к услугам его старого друга, чтобы тому легче было скоротать утро. Доброта хозяина не пропала втуне. Мистер Вудхаус провел время с пользой. Миссис Уэстон успела показать ему все интересные диковинки, и теперь он вознамерился показать все их Эмме, он радовался, как ребенок, всему, что

видел, без разбору, и со свойственной ему медлительностью, обстоятельностью и методичностью приготовился вести рассказ. Однако прежде чем начался этот повторный показ редкостей, Эмма вышла в прихожую, дабы еще немного полюбоваться парадным подъездом и планом первого этажа. Не успела она выйти, как чуть не столкнулась с Джейн Ферфакс, которая почти вбежала из сада, словно ища в доме спасения. Так как она, видимо, не ожидала встречи с мисс Вудхаус, в первый момент она вздрогнула; оказалось, однако, что именно мисс Вудхаус она и искала.

— Не будете ли так добры, если меня хватятся, сказать, что я ушла домой? Я сию секунду ухожу… Тетя не отдает себе отчета, как уже поздно! Нам давно пора быть дома… Я уверена, что бабушка будет волноваться, и потому решила идти прямо домой… Я никому ничего не сказала о своем намерении… не хочу стать причиной неудобств и огорчений. Некоторые гости ушли смотреть пруды, другие гуляют в липовой аллее. Пока все не вернутся в дом, меня не хватятся, когда же начнут искать, будьте так любезны — скажите, что я ушла. Пожалуйста!

— Разумеется, если вы так хотите… но… неужели вы собрались возвращаться в Хайбери одна?

— Да, а что такого страшного? Хожу я быстро. Я буду дома через двадцать минут.

— Но ведь до Хайбери очень далеко! Не годится идти по дороге в одиночестве. Позвольте, батюшкин лакей вас проводит… Погодите, я прикажу подать карету. Она подъедет через пять минут.

— Спасибо, спасибо… но ни в коем случае. Я лучше пройдусь… Нашли о ком беспокоиться из-за пешей прогулки — обо мне! Мне совсем скоро предстоит опекать и охранять других!

Она отвечала с необычным пылом, но Эмма все же возразила:

— Тем более вам сейчас нельзя подвергать себя опасности! Я прикажу подать карету. Жара чрезвычайно коварна, а вы и так утомились!

— Да, — отвечала ее собеседница, — я утомилась, однако это не физическая усталость… быстрая ходьба освежит меня. Мисс Вудхаус, всем известно, что значит «утомленная душа». Не стану скрывать от вас: моя душа просто изнемогает. Вы не можете оказать мне большей милости, чем позволив поступать по собственной воле! Прошу вас об одном: скажите, что я ушла, когда меня хватятся.

Больше Эмма не возразила ей ни словом. Она все понимала и, войдя в ее положение, помогла

ей немедленно покинуть дом. Эмма смотрела ей вслед с дружеским участием. На прощание Джейн Ферфакс наградила ее красноречивым взглядом и воскликнула:

— Ах, мисс Вудхаус, какое наслаждение иногда побыть одной!

Казалось, слова эти вырвались прямо из глубины измученного сердца. Очевидно было, что подчас Джейн Ферфакс, несмотря на внешнюю сдержанность, трудно бывает сносить даже тех, кто любит ее больше всех.

— Что за семья! — проворчала Эмма, возвращаясь в прихожую. — И такая тетка! Мне искренне жаль ее. И чем больше чувств она выкажет по отношению к своему ужасному — поистине ужасному — положению, тем больше она будет мне нравиться.

Не прошло и четверти часа после ухода Джейн — Эмма с отцом успели посмотреть лишь несколько видов площади Святого Марка в Венеции, — когда в комнату вошел Фрэнк Черчилль. Эмма совсем не думала о нем, она и думать о нем забыла — однако была очень рада видеть его. Наконец-то миссис Уэстон успокоится! Черная кобыла вела себя безупречно! Правы были те, кто считал, что причина задержки в миссис

Черчилль. Он задержался из-за временного ухудшения ее состояния: нервный припадок, который продолжался несколько часов. Он уже оставил было всякую надежду на свой приезд сюда, и знай он, какая жаркая ему предстоит скачка и как поздно, несмотря на всю спешку, попадет он в Донуэлл, наверное, он предпочел бы вовсе не приезжать. Жара невыносимая! Никогда еще он так не мучился — почти жалел, что не остался дома… Жара просто убивает его… Он может вынести любой холод и что угодно, но жара для него невыносима… И с этими словами он сел, держась по возможности подальше от камина, хотя мистер Вудхаус и предостерегал его против сквозняков. Вид у него был весьма плачевный.

— Если вы будете сидеть спокойно, то скоро остынете, — заметила Эмма.

— Как только я остыну, тут же поеду назад. Без меня там не обойдутся. Зачем меня так упорно звали в гости! Полагаю, все вы скоро разойдетесь по домам; праздник заканчивается. Одну гостью я уже встретил по пути. Безумие — идти пешком в такую жару! Совершенное безумие!

Эмма слушала, смотрела и вскоре поняла: Фрэнк Черчилль, что называется, не в духе. Многие люди буквально бесятся от жары. Возможно, и

он так устроен; и поскольку она знала, что еда и питье способны в считанные минуты излечить ворчунов, она порекомендовала ему чем-нибудь подкрепиться; в столовой накрыты закуски — и она участливо показала ему на дверь.

Нет, есть он не будет. Он не голоден… От еды ему сделается только жарче. Однако через две минуты он смягчился и, пробормотав что-то о хвойном пиве, вышел. Эмма вновь обратила все свое внимание на отца, сказав про себя: «Я рада, что больше не влюблена в него. Мне бы не понравился мужчина, который способен утратить равновесие из-за жаркого утра. А вот простодушной Харриет его вспыльчивость покажется в порядке вещей».

Молодой человек отсутствовал достаточно долго для того, чтобы предположить, что он успел сытно и с удовольствием поесть, и вернулся в куда лучшем расположении духа, заявив, что он, пожалуй, остыл. К нему вернулись его хорошие манеры, и он стал более похож на себя. Мистер Черчилль нашел в себе силы подвинуть стул поближе к ним и проявить интерес к их занятию; он посокрушался, впрочем вполне умеренно, что приехал так поздно. Он был не в лучшем настроении, но, казалось, решил всячески это скрывать.

Скоро он снова стал способен болтать милую чушь. Они рассматривали виды Швейцарии.

— Как только тетка поправится, уеду за границу, — заявил он. — Не успокоюсь, пока не повидаю некоторые из этих мест. Вы будете время от времени получать мои наброски или путевые заметки… или стихи. Я непременно как-нибудь самовыражусь.

— Это можно — только не посредством набросков швейцарских видов. Вы никогда не поедете в Швейцарию. Ваши дядя и тетя ни за что не позволят вам покинуть Англию.

— Их можно уговорить поехать вместе. Вдруг врачи предпишут ей теплый климат? Я почти уверен, что мы все поедем за границу. Уверяю вас, не смейтесь! Сегодня утром у меня возникла твердая уверенность в том, что скоро я окажусь за границей. Мне необходимо путешествовать. Я устал бездельничать. Мне нужны перемены. Я серьезно, мисс Вудхаус, что бы там ни высмотрели ваши проницательные глазки… Англия мне надоела… Если бы я мог, я бы уехал отсюда завтра же!

— Вам надоело жить в холе и неге? По-моему, проще придумать для себя какие-нибудь трудности и остаться здесь.

— Чтобы мне — мне надоело жить в холе и неге! Вы очень ошибаетесь. Правда, мне вовсе не кажется, что я живу в холе и неге. Наоборот, ничто существенное мне не удается. Я вовсе не почитаю себя везунчиком.

— И все же вы вовсе не так несчастны, как в тот момент, когда вошли сюда. Ступайте, подкрепитесь едой и напитками, и скоро вы совсем развеселитесь. Еще кусочек холодной баранины, еще глоток мадеры с водой сделают вас почти таким же благостным, как и все остальные.

— Нет… Я шагу отсюда не ступлю. Посижу возле вас. Вы — мое лучшее лекарство.

— Завтра мы едем на Бокс-Хилл. Это не Швейцария, но уже что-то для молодого человека, которому так остро нужны перемены. Вы останетесь? Поедете с нами?

— Нет, определенно нет! Вечером, по холодку тронусь домой.

— Но завтра утром вы также можете приехать по холодку.

— Нет… Это того не стоит. Если я приеду, то буду сердит.

— Тогда умоляю, лучше оставайтесь в Ричмонде.

— Но если я останусь, то рассержусь еще боль-

ше. Ни за что не вынесу мысли о том, как вы все тут веселитесь — без меня!

— Есть трудности, с которыми вы можете справиться только сами. Выбирайте, что вам больше нравится. Я более не стану вас ни к чему склонять.

Гости мало-помалу начали возвращаться в дом, и скоро все собрались в гостиной. Некоторые испытали большую радость при виде Фрэнка Черчилля; однако все крайне забеспокоились и огорчились, когда выяснилось, что мисс Ферфакс ушла. Отсюда следовало, что и всем тоже пора домой. Наскоро договорившись о завтрашней поездке, гости начали расходиться. Настроение Фрэнка Черчилля настолько улучшилось, что последние его слова, обращенные к Эмме, были:

— Что ж… если вы желаете, чтобы я остался и поехал со всеми, я поеду!

Она одобрительно улыбнулась; и ничто уже, кроме срочного вызова из Ричмонда, не было в состоянии до завтрашнего вечера вернуть его домой.

Глава 43

День для поездки на Бокс-Хилл выдался чудесный; и все прочие внешние обстоятельства, как то: договоренности, размещение в каретах и пунктуальность — все складывалось удачно для приятной прогулки. Мистер Уэстон держал бразды правления, неустанно курсируя между Хартфилдом и домом священника, и все было готово вовремя. Эмма и Харриет ехали вместе; мисс Бейтс и ее племянница — с Элтонами; джентльмены верхом. Миссис Уэстон осталась дома с мистером Вудхаусом. Словом, не оставалось желать ничего лучшего. Все предвкушали приятную прогулку. Расстояние в семь миль проехали в ожидании удовольствия, и по прибытии на место у каждого вырвался вздох восхищения. Однако в целом казалось, что для праздника чего-то недостает. В воздухе витали некая апатичность, натужность и разобщенность, которые никак не удавалось преодолеть. Все сразу же разбились на группы. Элтоны держались вместе, мистер Найтли опекал мисс Бейтс и Джейн, а Эмма и Харриет примкнули к Фрэнку Черчиллю. И мистер Уэстон

тщетно пытался внести в их отношения больше гармонии. Вначале показалось, что разделение произошло случайно, но группы не перемешивались. Разумеется, мистер и миссис Элтон не выказывали нежелания общаться с другими и внешне выглядели вполне дружелюбными, однако на протяжении двух часов, проведенных на горе, остальные, казалось, настолько не стремились к единению, что преодолеть разобщенность не могло ничто: ни чудесные виды, ни холодные закуски, ни веселость мистера Уэстона.

Сначала Эмма откровенно тосковала. Никогда еще не видела она Фрэнка Черчилля таким молчаливым и скучным. Он не шутил, не веселился, смотрел в пространство, ничего не видя, восхищался красотами неискренне, без души, слушал ее, но не понимал, о чем она говорит. Раз уж он был столь скучен, ничего удивительного, что и Харриет тоже была невесела; оба спутника вскоре стали невыносимы.

Когда все уселись, стало получше — на вкус Эммы, гораздо лучше, так как Фрэнк Черчилль повеселел и принялся напропалую ухаживать за ней. Он оказывал ей все возможные знаки внимания. Казалось, единственная его забота — развеселить Эмму и понравиться ей. Она, ра-

дуясь оживлению и не сердясь на лесть, тоже повеселела и успокоилась и поощряла его как могла, побуждая к любезностям, к которым привыкла в первый и самый трепетный период, их знакомства. Однако теперь любезности его ничего для нее не значили, хотя, на взгляд многих, их поведение никак нельзя было назвать иначе чем словом «флирт». «Мистер Фрэнк Черчилль и мисс Вудхаус безумно флиртовали друг с другом». Оба буквально напрашивались на то, чтобы их отношения охарактеризовали именно такой фразой — причем одна из дам напишет ее в письме в «Кленовую рощу», другая же сообщит знакомым в Ирландию. Не то чтобы Эмма безрассудно веселилась и испытывала настоящее блаженство — она выказывала веселость скорее потому, что ощущала меньше радости, чем ожидала. Она смеялась, потому что была разочарована, и, хотя его знаки внимания — не важно, дружеские ли, любовные или просто игривые, — льстили ей, они не могли снова растопить ее сердце. Она все так же считала его не более чем другом.

— Как я вам благодарен, — говорил он, — за то, что вы велели мне сегодня приехать! Если бы не вы, я бы, конечно, лишился всякого удовольствия. Ведь я почти решился возвращаться.

— Да, вы были очень сердиты… и я не знаю почему, если только не потому, что вы опоздали и лучшую клубнику съели без вас. Я оказалась для вас более добрым другом, чем вы того заслуживали. Но потом вы покорились. Вы прямо напрашивались на то, чтобы вам приказали приехать.

— Не говорите, что я был сердит, — я просто устал. Жара меня доконала.

— Сегодня еще жарче.

— Только не для меня. Сегодня я чувствую себя просто превосходно.

— Вы чувствуете себя превосходно, потому что вами управляют.

— Кто, вы? О да, согласен!

— Я так и думала, что вы так скажете! Но я-то имела в виду, что вы сами управляете собой. Вчера вы, по неким причинам, вышли из берегов и утратили власть над собой, но сегодня вы вернулись в колею. А так как я не могу постоянно быть рядом с вами, то лучше поверить тому, что ваш характер повинуется вашему же внушению… а не моему.

— Но это ведь то же самое! Я не могу властвовать над собой беспричинно. Вы отдаете мне приказы… не важно, говорите вы или молчите.

И вы можете всегда быть со мной. Вы всегда со мной!

— Да, начиная с трех часов вчерашнего дня. Мое постоянное влияние не могло начаться раньше, иначе до этого момента вы бы не были столь не в духе.

— С трех часов вчерашнего дня! По-моему, вы заблуждаетесь. Мы познакомились в феврале.

— Ваша любезность безответна. Но, — добавила она, понижая голос, — кроме нас, никто не разговаривает. Не кажется ли вам, что это слишком — нести чушь для развлечения семерых молчащих людей?

— Я не стыжусь ни единого сказанного мной слова, — с улыбкой отвечал он. — Впервые я увидел вас в феврале. Пусть все, кто находится на горе, слышат меня, если могут. Пусть от Миклэма до Доркинга разнесутся словеса мои: впервые я увидел вас в феврале! — И шепотом: — Наши спутники непроходимо скучны. Что бы такое придумать, чтобы расшевелить их? Тут любая чушь подойдет. Вот сейчас они у меня заговорят! Дамы и господа, мисс Вудхаус, которая, где бы она ни была, везде первенствует, приказала мне передать вам, что она желает знать ваши мысли!

Некоторые рассмеялись и отвечали добродуш-

но. Мисс Бейтс разразилась длинной тирадой; миссис Элтон вся перекосилась, услышав о первенстве мисс Вудхаус; наиболее внятный ответ дал мистер Найтли:

— Мисс Вудхаус действительно уверена, что она хочет узнать наши мысли?

— О нет, нет! — вскричала Эмма, стараясь, чтобы ее смех звучал беззаботно. — Ни за что на свете! Менее всего хотелось бы мне выдержать такой удар! Согласна выслушать что угодно, но не то, чем вы все думаете. Я сказала «все». Но есть один-два человека, — добавила она, бросая взгляд на мистера Уэстона и Харриет, — чьи мысли я, возможно, и не побоялась бы узнать.

— Вот я, — поджала губы миссис Элтон, — ни за что не позволила бы себе расспрашивать о подобных вещах. Хотя, возможно, как устроительница праздника… я-то в подобных кругах никогда не вращаюсь… загородные поездки… молодые девицы… замужние дамы…

Ее ворчание предназначалось главным образом мужу, и он пробормотал в ответ:

— Совершенно верно, любовь моя, истинная правда. Вот именно, совершенно неслыханная вещь… Однако у некоторых дам язык без костей… Лучше притворимся, что это была шутка. Уж

ваши заслуги несомненны для всех.

— Так не годится, — шепнул Эмме Фрэнк. — Почти все восприняли наши слова как оскорбление. Попробую снова, половчее… Дамы и господа! Мисс Вудхаус поручила мне сказать, что она отказывается от своего права узнать точно, о чем вы все думаете, и только желает услышать от каждого нечто очень занятное. Присутствующих семеро, кроме меня… Я уже испытал удовольствие, узнав, что мисс Вудхаус находит меня забавным! От каждого из вас требуется либо одна очень умная вещь — в прозе или стихах, сочиненная вами или цитата, — или две вещи умные умеренно, или же три откровенные глупости… Она обещает от всей души посмеяться над всем услышанным.

— О! Прекрасно! — воскликнула мисс Бейтс. — Тогда мне не придется быть в затруднении. Три откровенные глупости — это как раз мне подойдет, знаете ли. Ведь я, как только открою рот, тут же и сморожу три откровенные глупости, не правда ли? — спросила она, оглядываясь кругом в добродушнейшей уверенности в том, что все с этим согласятся. — Разве вы все так не считаете?

Эмма не могла возражать:

— Ах, сударыня, но здесь может возникнуть затруднение. Извините меня, но вы ограничены

числом глупостей. Помните: только три зараз!

До мисс Бейтс, обманутой насмешливой церемонностью обращения Эммы, не сразу дошел смысл ее слов, но, когда она осмыслила сказанное, она не рассердилась, лишь слегка вспыхнула, показав, что слова Эммы ранили ее.

— Ах! Да… верно. Да, я поняла, — пробормотала она, поворачиваясь к мистеру Найтли, — и постараюсь придержать язык. Должно быть, я совсем допекла ее, иначе она не сказала бы такого старому другу.

— Мне ваша затея по душе! — вскричал мистер Уэстон. — Я согласен, согласен! Постараюсь изо всех сил. Я загадаю загадку. Какого вы мнения о загадках?

— Невысокого, сэр, боюсь, весьма невысокого, — отвечал его сын. — Но мы будем снисходительны, особенно к тому, кто положит зачин.

— Нет-нет, — возразила Эмма, — мы вовсе не такого уж низкого мнения о загадках. Загадка от мистера Уэстона оправдает и его самого, и его ближайшего соседа. Прошу, сэр, пожалуйста, говорите!

— Я и сам не считаю ее слишком умной, — сказал мистер Уэстон. — Это настолько само собой разумеется… но вот вам. Какие две буквы ал-

фавита, которые находятся здесь, обозначают совершенство?

— Какие две буквы… обозначают совершенство? Нет, уверена, что не знаю.

— Ага! Вам ни за что не угадать! — вскричал он, обращаясь к Эмме. — Особенно вам! Я вам подскажу. «Эм» и «А» — «Эмма». Понимаете?

Эмма благосклонно улыбнулась. Возможно, загадка и была довольно безыскусной, но Эмма нашла ее очень забавной и от души порадовалась — как и Фрэнк и Харриет. Однако остальным присутствующим загадка не пришлась столь же по душе; некоторые скорчили постные мины, а мистер Найтли серьезно заявил:

— Теперь понятно, какого рода остроумие от нас требуется, и мистер Уэстон отделался очень ловко! И не закрыл ли он тем самым дорогу остальным? Не стоило так спешить с «совершенством».

— О, меня прошу избавить от этого испытания, — заявила миссис Элтон. — Я и вправду не отважусь попробовать — я вовсе не любительница такого рода вещей. Однажды мне прислали акростих по первым буквам моего имени, и он мне совершенно не понравился. Я знаю, кто его прислал. Глупый юнец, самодовольный фат! Вы

знаете, — добавила она, кивая мужу, — от кого пришел акростих. Такого рода забавы хороши на Рождество, когда гости сидят у камина… однако, по-моему, совершенно неуместны во время летних увеселительных поездок на природу. Мисс Вудхаус должна меня извинить. Я не из тех, у кого всегда в запасе дежурная шутка. Я не претендую на роль записной острячки. Я по-своему способна веселиться, но считаю, что сама вправе решать, когда говорить, а когда молчать. Будьте добры, мистер Черчилль, нас пропустите. Пропустите мистера Элтона, Найтли, Джейн и меня. Мы не можем придумать ничего умного — ни один из нас.

— Да-да, — закивал ее муж с видом высокомерным и самодовольным, — я тоже пас. Я не в состоянии придумать ничего, способного потешить мисс Вудхаус или других молодых дам. Старый женатый мужчина уже ни на что не годен. Может, прогуляемся, Августа?

— С превеликим удовольствием! Я очень устала так долго топтаться на одном месте. Пойдемте! Джейн, берите меня под другую руку.

Однако Джейн отказалась гулять, и супруги удалились вдвоем.

— Счастливая парочка! — сказал Фрэнк Черчилль, как только Элтоны скрылись из виду. — И

как подходят друг другу! Им крупно повезло — поженились после знакомства на курорте! Они видели друг друга только на публике… Кажется, они встретились в Бате? И до свадьбы были знакомы всего несколько недель? Редкостная удача! Ведь что можно узнать о характере человека в Бате или в любом другом общественном месте? Ничего! Это попросту невозможно. Истинное суждение о женщине можно составить, лишь видя ее у нее дома, в кругу близких, в череде повседневных дел. В ином же случае следует полагаться на чистое везение, и в большинстве своем люди жестоко обманываются. Сколько мужчин связали себя узами брака после кратковременного знакомства и каялись в том весь остаток жизни!

Мисс Ферфакс, которая до того говорила редко, только со своими близкими, вдруг подала голос:

— Такие вещи, без сомнения, случаются. — Она закашлялась.

Фрэнк Черчилль учтиво повернулся в ее сторону.

— Вы о чем-то заговорили, — без улыбки напомнил он.

— Я только собиралась заметить, что, хотя иногда такие несчастные обстоятельства имею место — как в жизни мужчин, так у женщин, — я

не могу вообразить, будто подобное происходит слишком часто. Поспешное и неблагоразумное увлечение возникнуть может, но обычно у влюбленных есть время, чтобы вылечиться от своего пристрастия. Не поймите меня превратно, но я считаю, что на волю случая полагаются лишь слабые, безвольные натуры. Им суждено впоследствии страдать оттого, что несчастное знакомство навсегда станет для них неудобством и гнетом.

Он не ответил, просто посмотрел на нее и поклонился в знак уважения, но вскоре после того сказал насмешливым тоном:

— Ну, у меня столь мало уверенности в справедливости собственных оценок, что, когда бы я ни женился, надеюсь, жену мне подберет кто-то другой. — Поворотясь к Эмме, он спросил: — Вот вы не согласитесь подобрать мне жену? Уверен, мне понравится любая, на кого вы укажете. Ведь вам уже случалось оказывать такого рода услуги нашей семье, — добавил он, улыбаясь своему отцу. — Подыщите кого-нибудь и для меня. Я не спешу. Удочерите ее, воспитайте ее.

— И сделать ее похожей на себя?

— Безусловно, если такое возможно.

— Очень хорошо. Принимаю поручение. Вы

получите очаровательную женушку.

— Она должна быть очень живой и веселой, и пусть у нее будут карие глаза. Остальное не важно. На пару лет я уеду за границу и когда вернусь, то приеду к вам за женой. Помните!

Вряд ли Эмма могла бы забыть такое. Его поручение необычайно соответствовало ее настроению. Разве не в точности подходит Харриет под его описание — кроме разве что того, что глаза у нее не карие? Через два года она будет именно такой, как он желает. Возможно, в эту секунду он думает именно о Харриет — кто знает? Казалось, его слова о воспитании подтверждают ее предположение.

— Сударыня, — обратилась к тетке Джейн, — присоединимся к миссис Элтон?

— Как хочешь, дорогая. С удовольствием. Я уже и готова. Я сразу готова была пойти с нею, но и сейчас еще не поздно. Скоро мы ее нагоним. Да вон она… нет, это кто-то другой. Какая-то дама из ирландской компании — они приехали в наемном экипаже… и вовсе не похожа на миссис Элтон. Надо же…

Они удалились, и через полминуты за ними последовал мистер Найтли. Остались лишь мистер Уэстон, его сын, Эмма и Харриет; тут веселость

молодого человека достигла уже таких пределов, что стала почти неприятной. Даже Эмме наконец наскучили его лесть и живость, и она втайне жалела, что не прогуливается сейчас тихо по окрестностям с кем-нибудь другим или не сидит в почти полном одиночестве, не будучи объектом назойливого внимания, и не обозревает прекрасные виды, расстилающиеся перед нею. Когда их разыскали слуги и сообщили, что кареты поданы, Эмма обрадовалась. Она покорно снесла и суматоху сборов, и приготовления к отъезду, и настойчивые требования миссис Элтон, чтобы ей первой подали карету, — она готова была вытерпеть все, зная, что ее ждет спокойная поездка домой, призванная завершить сомнительные удовольствия этого долгожданного дня. Она пообещала себе больше не участвовать в подобных авантюрах, когда вместе сталкивают людей, плохо сочетающихся друг с другом.

Она стояла в ожидании кареты, когда к ней подошел мистер Найтли. Оглядевшись, словно желая убедиться, что никого рядом нет, он сказал:

— Эмма, я вынужден снова обратиться к вам, как прежде… Привилегия скорее присвоенная мной, чем пожалованная мне, возможно… но все

же я не могу молчать. Невозможно видеть, как вы дурно поступаете, и не упрекнуть вас. Как могли вы быть такой черствой по отношению к мисс Бейтс? Как могли так оскорбить женщину ее характера, возраста и положения? Эмма, я просто не поверил своим ушам!

Эмма вспомнила, вспыхнула, устыдилась, однако попыталась свести все к шутке:

— Слова вырвались помимо моей воли… Я просто не сумела удержаться… Кстати, я ничего обидного не имела в виду. Скорее всего, она ничего не поняла.

— Она поняла все, уверяю вас. Все до последнего словечка. С тех пор ни о чем другом она и говорить не может. Жаль, что вы не слышали, как она говорит об этом… как искренне и с каким великодушием! Жаль, что вы не слышали, как она превозносила вашу терпимость — вы с батюшкой всегда окружали ее такой заботой, в то время как ее общество, видимо, было для вас столь утомительным.

— Ах! — воскликнула Эмма. — Знаю, она добрейшее на свете создание, однако вам, должно быть, известно, что в ней несчастным образом смешались черты, достойные уважения и вместе с тем осмеяния.

— Да, смешались, — отвечал он, — признаю! И будь она богата, вполне допускаю, что скорее смешные черты возобладали бы над добрыми. Будь она женщиной состоятельной, я бы не кидался на ее защиту при любой безобидной нелепости и не стал бы ссориться с вами из-за вольности в обращении. Будь она равна вам по положению… но, Эмма, подумайте, дело с нею обстоит совершенно иначе. Она бедна! Она, рожденная в богатстве и довольстве, вынуждена терпеть лишения, и, если она доживет до старости, возможно, ее ожидает еще большая нищета. Ее положение должно было бы внушить вам сострадание к ней. Вы поступили скверно, очень скверно! Вы, которую она помнит еще малышкой, вы росли у нее на глазах! Она помнит времена, когда заслужить ее внимание было для вас честью… И вот теперь вы у всех на глазах, на глазах у ее племянницы, на глазах у людей, многие из которых, несомненно, в своих суждениях о ней и отношении к ней будут руководствоваться вашим поведением, вы походя, из минутной гордыни, посмеялись над ней, унизили ее… Ваш поступок не делает вам чести, Эмма! Он также не делает чести мне, однако я почитаю за долг и буду, буду, пока могу, говорить вам правду, на деле

доказывая вам, что я вам друг, — самым справедливым, беспристрастным отношением, которое со временем вы оцените больше, чем сейчас.

За разговором они не заметили, как подали карету. Прежде чем она нашлась с ответом, он уже помог ей сесть внутрь. Он превратно истолковал чувства, заставившие ее отвернуться и упорно молчать. Эмма просто злилась на себя, чувствовала горькую обиду на себя и раскаивалась. Говорить она была не в силах и, усевшись, на мгновение в бессилии откинулась на спинку сиденья. Затем, упрекая себя за то, что не попрощалась с ним, никак не ответила, покидает его с угрюмым видом, она высунулась из окошка, готовая окликнуть его, помахать рукой, показать, что он заблуждается, — но было уже поздно. Он повернул назад, а лошади уже затрусили по дороге к дому. Она все глядела ему вслед, но тщетно! Скоро, как ей показалось, на огромной скорости, карета уже спустилась с горы, и все осталось позади. Эмму мучила невыразимая досада, она почти не скрывала своих чувств. Никогда прежде не была она так взволнована, пристыжена, опечалена. Она получила горький урок. Невозможно было отрицать его правоту. Она чувствовала это всем сердцем. Как могла она быть такой жесто-

кой, такой бессердечной по отношению к мисс Бейтс! Как могла так уронить себя в глазах того, чьим мнением дорожила! И как могла расстаться с ним, не сказав ни единого слова благодарности, сожаления, вообще ни единого доброго слова! Как он, должно быть, страдает!

Время не избавило ее от терзаний. Чем больше она размышляла, тем тяжелее становилось у нее на душе. Никогда прежде не была она столь подавлена. К счастью, у нее не было необходимости ни с кем говорить. В карете с нею сидела только Харриет, которая, казалось, сама была не расположена к общению, и почти весь путь домой Эмма чувствовала, как слезы бегут у нее по щекам, и она — как ни странно — даже не пыталась их сдержать.

Глава 44

Весь вечер злополучная прогулка на Бокс-Хилл не давала Эмме покоя. Трудно сказать, как отнеслись к поездке остальные ее участники. Они, каждый в своем доме и каждый на свой лад, возможно, были способны предаваться приятным воспоминаниям; однако, на ее взгляд, утро было потрачено впустую — она не получила никакого удовольствия и не могла вспоминать о поездке без отвращения. Даже игра в триктрак с отцом весь вечер была по сравнению с прогулкой блаженством. Вечером она поистине наслаждалась, ибо эти сладчайшие часы всецело посвятила любимому батюшке. Эмма была уверена в том, что отец обожает ее и безоговорочно одобряет любой ее поступок. Даже понимая, что такая вера с его стороны, может, и не совсем ею заслужена, она тем не менее считала, что камня в ее огород здесь никто не бросит. Она надеялась, что как дочь вовсе не бесчувственна. Здесь-то никто не бросит ей горького упрека: «Как могли вы быть столь черствой по отношению к своему батюшке? Мой долг говорить вам правду, и я буду ее говорить,

покуда могу». Мисс Бейтс никогда больше… нет-нет! Если Эмма окружит ее вниманием и заботой, она имеет надежду на прощение. Эмму мучили угрызения совести. Как часто она не выказывала к мисс Бейтс должного уважения; наверное, она была к ней более небрежна в мыслях, чем в поступках: да, она бывала и насмешлива, и нелюбезна. Однако больше такого не повторится. Завтра же утром она придет к мисс Бейтс, извинится, покается и тем самым положит начало новым, ровным и добрым отношениям.

С наступлением утра решимость Эммы нисколько не ослабела, она вышла из дому рано, чтобы ничто не помешало ей. Вполне вероятно, думала она, что по пути ей встретится мистер Найтли или, может, он зайдет к мисс Бейтс в то время, когда и она будет там. Ну и пусть! Ей нечего стыдиться — пусть он увидит, насколько глубоко и искренне она раскаивается. Во время прогулки она не сводила глаз с Донуэлла, однако дорога была пустынна.

— Хозяйки все дома!

Никогда она так не радовалась этим словам, никогда не переступала порога дома Бейтсов, не поднималась по лестнице с таким желанием обласкать соседей, а не сделать им одолжение

— втихомолку, в кулачок посмеиваясь над нелепыми любезностями хозяйки.

Ее появление вызвало суматоху: за дверью забегали, заговорили. Она услышала голос мисс Бейтс, которая приказывала горничной поторапливаться, служанка выглядела испуганно и неловко, она попросила ее секундочку подождать, но вскоре — очень быстро — впустила ее. Эмме показалось, что тетушка с племянницей поспешно скрылись от нее в смежной комнате. Джейн, которую она увидела мельком, выглядела не лучшим образом, и прежде, чем дверь за обеими затворилась, Эмма услышала обращенные к племяннице слова мисс Бейтс:

— Как хочешь, дорогая, но я скажу, что ты не встаешь с постели, ведь ты на самом деле больна.

Бедная старушка миссис Бейтс, вежливая и скромная, как обычно, выглядела так, словно не совсем понимает, что, собственно, происходит.

— Боюсь, Джейн неважно себя чувствует, — сказала она, — впрочем, я не знаю… мне говорят, что с ней все хорошо. Не сомневаюсь, мисс Вудхаус, моя дочь сейчас придет. Надеюсь, вы найдете для себя стул. Жаль, что Хетти ушла. Я почти ничего не могу… Нашли стул, сударыня? Вам удобно?

Погодите минуточку, она сейчас выйдет. Эмме стало не по себе. На миг она испугалась, что мисс Бейтс умышленно избегает ее. Вскоре мисс Бейтс вышла к ней:

— Я так счастлива и столь вам обязана!

Но совесть подсказала Эмме, что в голосе хозяйки не слышно прежней радости, а говорит и двигается она как-то принужденно. Однако Эмма надеялась, что с помощью участливых расспросов о здоровье мисс Ферфакс ей удастся проложить путь к возобновлению прежней дружбы. И надежды ее немедленно оправдались.

— Ах, мисс Вудхаус, как вы добры! Полагаю, вы слышали… и пришли, чтобы доставить нам радость. То есть, по мне, это не совсем радость, — при этих словах она смахнула набежавшую слезинку, — но нам будет очень тяжко расстаться с нею теперь, после того, как она так долго пробыла с нами… И именно сегодня у нее ужасно болит голова… Все утро она писала, знаете ли — такие длинные письма! Написала полковнику Кемпбеллу и миссис Диксон. «Голубушка, — сказала я, — так и ослепнуть недолго!» Потому что в глазах у нее постоянно стояли слезы. Ничего удивительного, знаете ли, ничего удивительного. Ей предстоит большая перемена, и, хотя ей

неслыханно повезло — по-моему, еще ни одной молодой женщине не удавалось с первого же раза попасть на такое хорошее место… не сочтите, мисс Вудхаус, нас неблагодарными! Ей так удивительно повезло! — Мисс Бейтс снова смахнула слезы. — Бедняжечка Джейн! Передать невозможно, как сильно мучает ее головная боль. Видите ли, когда очень больно, трудно в полной мере ощущать благодарность… Вы бы и не подумали, как несказанно рада она получить это место. Вы извините ее за то, что она к вам не вышла — она не в состоянии… ушла в свою комнату… Я настаивала, чтобы она легла. «Дорогая, — сказала я, — я скажу, что ты лежишь в постели», однако она не легла, она ходит по комнате. Но теперь она заявляет, что, раз она покончила с письмами, скоро ей станет лучше. Она будет крайне сожалеть, мисс Вудхаус, что не смогла выйти к вам, но с вашей добротой вы простите ее. Поверьте, мне так стыдно, что пришлось держать вас под дверью! Поднялась небольшая суматоха… потому что вышло так, что мы не слышали стука в дверь и, пока вы не оказались на лестнице, понятия не имели, что к нам кто-то идет. «Это наверняка миссис Коул, — сказала я Джейн, — положись на меня. Кто еще придет так рано?» — «Лад-

но, — отвечает она, — все равно рано или поздно придется это вынести, так почему не сейчас?» И тут входит Патти и объявляет, что пришли вы! «Ах, — говорю, — это мисс Вудхаус! Уверена, тебе захочется с нею повидаться». — «Я не могу никого видеть», — ответила она, вскочила и убежала — вот почему вам пришлось ждать… Ах, как нам стыдно и неловко! «Если тебе нужно уйти, дорогая, — сказала я, — значит, нужно… Я скажу, что ты не встаешь с постели».

Чем больше Эмма слушала, тем больше проникалась сочувствием к Джейн, она давно уже начала оттаивать, а узнав о ее страданиях, мигом исцелилась от прежних недостойных подозрений. В ее сердце не осталось ничего, кроме жалости, но воспоминания о прежнем несправедливом и недостойном отношении поневоле вынуждали признать: к миссис Коул или иному старому испытанному другу Джейн еще могла выйти, но видеть Эмму ей было невыносимо. Она заговорила от всей души, с чувством, искренним сожалением и заботой и от всей души пожелала, чтобы новые обстоятельства, о которых она узнала от мисс Бейтс, как можно более послужили ко благу и выгоде мисс Ферфакс. Должно быть, для них всех это суровое испытание. Насколько

она поняла, до сих пор поступление на место откладывалось до возвращения полковника Кемпбелла.

— Как вы добры! — отвечала мисс Бейтс. — Впрочем, вы всегда добры.

Этого «всегда» Эмма вынести уже не могла, и, чтобы прорваться сквозь поток невыносимых, мучивших ее благодарностей, она прямо спросила:

— Куда же, позвольте узнать, поступает мисс Ферфакс?

— К некоей миссис Смолридж — очаровательная женщина… просто превосходная! Джейн предстоит заботиться о трех ее дочурках — славные детки. Невозможно представить более удобного и выгодного места… разве что семьи миссис Саклинг или миссис Брэгг, однако миссис Смолридж хорошо знакома с обеими, да и живет в той же местности: всего в четырех милях от «Кленовой рощи». Джейн будет всего в четырех милях от «Кленовой рощи»!

— Значит, именно миссис Элтон — та особа, благодаря которой мисс Ферфакс…

— Да, наша славная миссис Элтон. Самый верный и преданный друг. Она буквально настояла… Не позволила Джейн отказаться, ибо,

когда Джейн впервые узнала о месте (это было позавчера, в то самое утро, когда мы ездили в Донуэлл), так вот, когда Джейн впервые узнала о месте, она была категорически против того, чтобы принять предложение, и именно по тем причинам, которые вы упомянули. До возвращения полковника Кемпбелла, заявила она, ничто не может сподвигнуть ее принять то или иное предложение — так она повторяла миссис Элтон снова и снова! И уверяю вас, мне бы и в голову не пришло, что она возьмет да и передумает! Однако милая миссис Элтон, которую чутье никогда не подводит, оказалась дальновиднее меня. Не всякий был бы в состоянии так мягко, но настойчиво противостоять Джейн, отказываясь принять ее возражения… Вчера она определенно заявила, что не пошлет отрицательного ответа, как того желает Джейн! Она подождет — и, представьте себе, вчера вечером Джейн решилась ехать. Невозможно передать, как я удивилась! У меня и в мыслях не было! Джейн отвела миссис Элтон в сторонку и прямо сказала, что, обдумав все выгоды, какие сулит место у миссис Смолридж, она пришла к решению принять ее предложение… Я и понятия ни о чем не имела, пока все не было решено!

— Вы провели вечер у миссис Элтон?

— Да, мы все. Миссис Элтон настояла на том, чтобы мы пришли к ней. Так было решено еще там, на холме, когда мы гуляли с мистером Найтли. «Вы все непременно должны провести вечер у нас, — сказала миссис Элтон, — я просто настаиваю, чтобы вы все пришли».

— Так, значит, мистер Найтли тоже был у нее?

— О нет, нет! Мистер Найтли сразу же отклонил приглашение, и, хотя я считала, что он придет, так как миссис Элтон заявила, что не позволит ему отказаться, он не пришел. Но матушка, Джейн и я были там и провели у них очень приятный вечер. С такими добрыми друзьями, мисс Вудхаус, знаете ли, невозможно не отдыхать душой, хотя после утренней поездки все и казались слегка утомленными. Видите, даже удовольствие утомляет… Судя по тому, как все выглядели, вряд ли поездка пришлась кому-то по душе. Что же до меня, я всегда буду вспоминать чудесную поездку на Бокс-Хилл! Я чувствую себя крайне признательной по отношению к добрым друзьям, которые пригласили меня.

— Наверное, хоть вы и не заметили того, мисс Ферфакс размышляла над предложением целый день?

— Не сомневаюсь, так оно и было.

— Когда бы ни пришлось ей уехать, ее отъезд очень огорчит и ее саму, и всех ее друзей! Но я надеюсь, новое место — я имею в виду, обычаи и привычки в той семье — смягчит для нее горечь утраты.

— Спасибо, милая мисс Вудхаус! Да, конечно, в той семье есть все для того, чтобы сделать ее счастливой. Если не считать Саклингов и Брэггов, нигде больше, ни в одной знакомой семье миссис Элтон, не встретит она такой изысканной и элегантно обставленной детской! Миссис Смолридж — просто прелесть! Стиль жизни почти такой, как в «Кленовой роще», — а дети! Свет не видывал других таких очаровательных крошек, кроме маленьких Саклингов и маленьких Брэггов! Какая счастливая жизнь, полная удовольствий, ждет Джейн! А жалованье! Просто не осмеливаюсь назвать вам, мисс Вудхаус, размер ее жалованья. Даже вам, привыкшей к крупным суммам, трудно будет поверить, чтобы такой молодой девице, как Джейн, сразу предложили так много!

— Ах, сударыня! — воскликнула Эмма. — Если другие детки такие же, как я была в детстве, сколь я себя помню, то жалованье гувернантки, будь оно хоть стократ больше, все равно достается

потом и кровью.

— Ваши мысли так благородны!

— Когда же мисс Ферфакс предстоит вас покинуть?

— Скоро, очень скоро! Вот что хуже всего. В течение двух недель. Миссис Смолридж очень спешит. Бедная матушка не знает, как переживет разлуку с Джейн. Поэтому я пытаюсь отвлечь ее от грустных мыслей и говорю: «Да полно, сударыня, давайте больше не будем об этом думать».

— Всем друзьям, должно быть, жаль будет расстаться с нею, а уж полковник Кемпбелл с супругой как расстроятся, узнав, что она поступила на место, не дождавшись их возвращения!

— Да, Джейн говорит, что они наверняка расстроятся, и все же такими местами не бросаются. Я была так поражена, когда узнала, о чем Джейн говорила с миссис Элтон, и в тот же миг ко мне подошла миссис Элтон с поздравлениями! Это было перед чаем… нет, погодите… да нет, не могло это произойти перед чаем, потому что мы как раз собирались играть в карты… и все же это произошло до чая, потому что я еще, помню, подумала… Ах! Нет… Теперь припоминаю: перед чаем что-то случилось, но не это. Перед чаем мистера Элтона вызвали из комнаты — с ним хотел

поговорить сын старого Джона Эбди. Бедный старый Джон… я так его уважала! Двадцать семь лет он прослужил причетником при покойном батюшке, а теперь бедный старик прикован к постели жестокой подагрой… Надо бы сегодня пойти навестить его… Да и Джейн тоже стоит пойти к нему, если она вообще выйдет из дому. Так вот, сын бедного Джона пришел к мистеру Элтону поговорить о помощи от прихода. Сам он вполне неплохо устроен — он, как вам известно, состоит старшим конюхом при «Короне», — но все же он не в силах содержать отца без некоторого вспомоществования со стороны… Так вот, когда мистер Элтон вернулся, он рассказал нам, что поведал ему конюх Джон. Выяснилось, что в Рэндаллс за мистером Фрэнком Черчиллем прислали почтовую карету, чтобы отвезти того в Ричмонд. Вот что случилось перед чаем. А Джейн говорила с миссис Элтон после чая.

Миссис Элтон не давала Эмме возможности вставить словечко и выразить свое удивление новыми обстоятельствами, не допуская мысли, чтобы гостья не хотела узнать обо всех подробностях отъезда Фрэнка Черчилля, она продолжала подробно рассказывать об этом, так что Эмма ничего не упустила.

Вот что узнал от конюха мистер Элтон (подробности складывались из личных наблюдений упомянутого конюха и наблюдений рэндаллской прислуги): вскоре по возвращении с прогулки на Бокс-Хилл из Ричмонда прибыл посыльный, впрочем, в его появлении не было ничего неожиданного, такое часто случалось и прежде, с ним мистер Черчилль прислал племяннику записку, содержащую, помимо прочего, отчет о состоянии миссис Черчилль, кстати вполне сносном; однако мистер Черчилль выражал желание, чтобы племянник не откладывал возвращение до раннего утра следующего дня. Так как мистер Фрэнк Черчилль твердо решился ехать немедленно и так как его лошадь, кажется, простудилась, то Тома немедленно послали в «Корону» за почтовой каретой, и конюх, выйдя на улицу, увидел, как она проезжает мимо — кучер погонял жеребца, который и без того шел быстро и ровно.

Во всем услышанном не было ничего удивительного или интересного, и рассказ привлек внимание Эммы только в связи с мыслями, еще прежде того занимавшими ее ум. Ее поразила разница в положении в этом мире между миссис Черчилль и Джейн Ферфакс: одна была всем, другая же — ничем. Эмма сидела погруженная в

раздумья о женской доле и не замечала, на чем остановился ее взгляд, пока слова миссис Бейтс не пробудили ее от размышлений:

— Да, я вижу, о чем вы думаете — о фортепиано. Что с ним станется? Совершенно справедливо… Бедняжка Джейн как раз только что говорила о нем. «С тобой, — говорила она, — нам придется расстаться. Хотя здесь тебе делать нечего…» И потом она сказала мне: «Пусть пока остается… побудет здесь, пока не вернется полковник Кемпбелл. Я поговорю с ним об инструменте. Он все устроит — он разрешит для меня все трудности». Кстати, уверяю вас, она до сих пор не знает, его ли это подарок или его дочери.

Теперь мысли Эммы поневоле обратились к фортепиано, и она вспомнила все прежние несправедливые и причудливые догадки, столь мало служившие к ее чести… Поневоле она подумала, что ее визит слишком затянулся, и, повторив все самые добрые и искренние пожелания, какие она считала нужными высказать, она откланялась.

Глава 45

По пути домой никто не прерывал невеселых раздумий Эммы, однако, войдя в гостиную, она обнаружила тех, кто мог бы пробудить ее к жизни. За время ее отсутствия зашли мистер Найтли и Харриет и сидели теперь с ее батюшкой. Мистер Найтли тут же встал и в необычной для него манере, серьезнее, чем всегда, сказал:

— Я бы не ушел, не повидав вас, но у меня нет лишней минуты. Я должен немедленно уйти. Я еду в Лондон и проведу несколько дней у Джона и Изабеллы. Нет ли у вас какого-либо поручения? Не хотите ли передать им что-нибудь, кроме обычных поклонов, которые никому не важны?

— Нет-нет, ничего. Кажется, вы приняли решение внезапно?

— Д-да… отчасти. В последнее время я подумывал поехать к ним.

Эмма уверена была, что он не простил ее; он был совсем не похож на себя. Однако, подумала она, время подскажет ему, что им следует снова быть друзьями. Пока он стоял, словно не решаясь уйти, ее отец начал расспросы:

— Ну, милая, как прошел твой визит? Ты добралась благополучно? И как ты нашла нашего достойного старого друга и ее дочь? Не сомневаюсь, они были очень тебе признательны. Как я вам рассказывал, мистер Найтли, Эмма ходила навестить миссис и мисс Бейтс. Она всегда так внимательна к ним.

Щеки Эммы залились густой краской при этой незаслуженной хвале. Улыбаясь и качая головой, что было красноречивее всяких слов, она посмотрела на мистера Найтли. Казалось, он мгновенно смягчился, услышав нечто, говорящее в ее пользу, и прочитав правду в ее глазах; он немедленно понял и оценил совершившуюся в ней перемену к лучшему. Во взгляде его, обращенном к ней, она прочитала некий намек на уважение. Она была сердечно тронута, и в следующий миг еще сильнее тронул ее жест, который с его стороны можно было расценивать не просто как проявление обычной дружбы. Он взял ее за руку; Эмма не помнила, кто первый сделал шаг к сближению — возможно, она сама, первая, протянула ему руку, однако он пожал ее и, казалось, собирался поднести ее к губам, но вдруг, повинуясь какому-то капризу, не стал этого делать. Почему изменил он свое решение, почему вдруг проявил такую

щепетильность, когда оставалось сделать всего лишь последний шаг? Эмма терялась в догадках. В любом случае жаль, что он передумал. Однако намерения его были несомненны. Потому ли, что в целом ему столь мало свойственна была галантность в обращении, или по чему другому, но она решила, что жест этот очень красил его. Этот порыв столько говорил о простоте, но вместе и о достоинстве его натуры! Она не могла не вспоминать об их прощании без величайшей признательности. Его дружеские намерения были совершенно очевидны! Сразу после этого он их покинул — ушел в одно мгновение. Он и прежде не оставлял о себе впечатления человека нерешительного или склонного к колебаниям, но теперь, казалось, исчез стремительнее, чем обычно.

Эмма не могла жалеть о том, что ходила навестить мисс Бейтс, но сожалела о том, что не вернулась десятью минутами ранее — с каким удовольствием обсудила бы она положение Джейн Ферфакс с мистером Найтли… Горевать о его отъезде на Бранзуик-сквер тоже не приходилось — она знала, сколько радости доставит родным его визит, — однако он мог бы выбрать для отъезда лучшее время, а, сообщив о своих

намерениях заранее, выказал бы большую предупредительность. Как бы там ни было, расстались они друзьями, как прежде. Невозможно было обмануться в выражении его лица и его дружеском порыве — все призвано было заверить ее в том, что она полностью восстановила в его глазах свое доброе имя. Оказалось, что он пробыл в Хартфилде полчаса. Какая жалость, что она не вернулась раньше!

В надежде отвлечь мысли отца от такой неприятности, как отъезд мистера Найтли в Лондон, да еще таком внезапном, да вдобавок верхом, — она знала, как тяжело отец это воспримет, — Эмма поторопилась рассказать то, что узнала о Джейн Ферфакс, и ее ожидания полностью оправдались: новость возымела свое действие. Мистер Вудхаус проявил интерес, однако не расстроился. Он давно уже привык к мысли о том, что рано или поздно Джейн Ферфакс поступит в гувернантки, и способен был говорить об этом бодро, в то время как отъезд мистера Найтли в Лондон стал для него неожиданным ударом.

— Я очень, очень рад слышать, что она так замечательно устроена. Миссис Элтон — особа очень доброжелательная и порядочная, не сомневаюсь, что и знакомые у нее люди достойные. Надеюсь, в

том доме сухо и о мисс Ферфакс должным образом позаботятся. Здоровье ее должно стать объектом первостепенной важности, как для меня всегда было здоровье бедной мисс Тейлор. По-моему, милочка, она станет для новой хозяйки тем же, чем мисс Тейлор была для нас. Но я надеюсь, что в одном отношении она окажется лучше, и ее не отнимут у людей, с которыми она успеет сродниться.

Следующий день принес из Ричмонда такую новость, которая затмила все прочие. В Рэндаллс прискакал нарочный с вестью о кончине миссис Черчилль! Хотя у ее племянника еще позавчера не было особых причин торопиться домой, после его возвращения она не прожила и двух суток. Внезапный приступ совершенно иной природы, чем явствовало из общего ее состояния, унес ее в могилу после недолгого сопротивления. Великой миссис Черчилль не стало.

Известие было воспринято так, как и положено принимать подобные вести. Все посерьезнели, погрустнели, почувствовали нежность по отношению к усопшей, жалели ее близких, выказывали любопытство насчет того, где ее похоронят.

Как говорит Голдсмит,[8] когда хорошенькая женщина совершает грехопадение, ей не остается ничего иного, кроме смерти; когда же женщина отличается дурным характером, данное средство равным образом может послужить к очищению ее репутации. О миссис Черчилль, которую в продолжение двадцати пяти лет не любили, теперь заговорили с сочувствием — теперь ей многое простилось. В одном она оказалась полностью оправдана. Прежде никто и мысли не допускал о том, что она на самом деле серьезно больна. Смерть же освободила ее от упреков в себялюбии и вымышленности страданий.

«Бедная миссис Черчилль! Как она, должно быть, страдала! Более, чем все предполагали, — а постоянные боли кому хочешь испортят характер. Печальное событие. Какой удар для мистера Черчилля! Как теперь мистер Черчилль будет без нее жить? Потеря мистера Черчилля, несомненно, ужасна. Он, верно, никогда уж не оправится».

Даже мистер Уэстон качал головой и с мрачным видом говорил:

— Ах! Бедняжка, кто бы мог подумать! — И он заявил, что будет носить траур по полной фор-

[8] Примечания: 8

Голдсмит Оливер (1728–1774) — английский писатель-сентименталист и драматург.

ме; а жена его, вздыхая и продолжая подрубать приданое для будущего малыша, выражала искреннее и глубокое сочувствие.

Оба сразу же подумали о том, как новые обстоятельства скажутся на положении Фрэнка. Эмма также почти сразу начала размышлять об этом. Характер миссис Черчилль, горе ее супруга — Эмма мельком думала о них с благоговейным трепетом и состраданием и тут же устремлялась мыслями к Фрэнку. Как-то повлияет на него смерть тетки? Какие выгоды он получит, насколько освободится? Все возможные преимущества тут же стали ясны ей. Теперь ничто не стоит на пути его привязанности к Харриет Смит! Мистера Черчилля, в отрыве от его жены, никто не боялся — характер у него был легкий, покладистый. Племяннику не составит труда убедить его в чем угодно. Остается лишь желать, чтобы у этого племянника сформировалась привязанность, в чем, несмотря на всю свою горячую заинтересованность в деле, Эмма пока не была твердо уверена.

Харриет восприняла новость на удивление спокойно, с большим самообладанием. Какие бы ярчайшие надежды ни вспыхивали в ее головке, она не выдавала себя. Эмме отрадно было наблюдать в подруге такое доказательство все

растущей силы ее духа, но она воздерживалась от всяких сравнений и похвал, которые могли бы угрожать самообладанию Харриет. Разговоры их о кончине миссис Черчилль отличались взаимной сдержанностью.

В Рэндаллс приходили короткие письма от Фрэнка, в которых он сообщал о самых важных, неотложных делах и планах. Мистер Черчилль переносил утрату лучше, чем предполагалось: сразу после похорон, которые должны были состояться в Йоркшире, он наметил отправиться в Виндзор, чтобы навестить старинного друга семьи, которому миссис Черчилль вот уже десять лет обещала приехать. Таким образом, Харриет в настоящее время помочь было невозможно; все, что могла со своей стороны сделать Эмма, — лишь про себя молиться о том, чтобы в будущем у нее все сложилось удачно.

Если с Харриет все было более или менее ясно, то будущее Джейн Ферфакс, также вполне определенное, не внушало Эмме столь радостных надежд. Вдобавок Джейн совсем скоро предстояло покинуть Хайбери. Тем, кто желал напоследок окружить ее вниманием и заботой, оставалось не так уж много времени. Эмме не терпелось выказать Джейн свое доброе отношение. Сильнее

всего терзалась она теперь своей былой холодностью. Эмма всей душой сочувствовала той, кем она столько времени пренебрегала. Ей хотелось чем-то скрасить последние дни пребывания Джейн в Хайбери, хотелось показать, сколь ценит она ее общество, и продемонстрировать свое уважение и сочувствие. Она решила пригласить Джейн провести день в Хартфилде и написала записку, в которой просила ее приехать. Однако приглашение было отвергнуто — причем устно. «Мисс Ферфакс не совсем здорова и не может писать». В то же самое утро в Хартфилд заглянул мистер Перри: оказалось, мисс Ферфакс стало так нехорошо, что к ней, хоть и против ее желания, пригласили его — ее мучают такие сильные головные боли и такие приступы нервической лихорадки, что он сомневается в возможности ее отъезда к миссис Смолридж в оговоренные сроки. В настоящее время складывается впечатление, что здоровье ее совершенно расстроено: у нее отсутствует аппетит, и, хотя, безусловно, опасных симптомов не наблюдается — в частности, ничто не указывает на то, что затронуты легкие (постоянный объект тревоги ее семьи), — мистер Перри за нее не спокоен. По его мнению, она взвалила на себя непосильную ношу и сама это сознает,

хоть и не хочет в том признаваться. Ему кажется, что силы ее на исходе. Он не может не отметить, что обстановка у нее дома неблагоприятна для состояния ее нервов. Как это ни прискорбно, она вынуждена ютиться в одной всего комнате, а ее добрая тетушка хоть и является его старинным другом, но, к его величайшему сожалению, не лучшая компаньонка для девушки в таком состоянии. Разумеется, ее любовь и забота не подлежат сомнению! Они даже несколько чрезмерны. Он очень опасается, что тетушкина опека причиняет мисс Ферфакс больше вреда, чем пользы. Эмма слушала с живейшим участием, все более и более жалея бедняжку, она ломала голову, как помочь ей. Забрать ее — пусть всего на час-другой — от тетки, предоставить возможность побыть на воздухе и просто переменить обстановку? Может быть, спокойная, обстоятельная беседа пойдет ей на пользу? На следующее утро Эмма послала Бейтсам еще одну записку, в самых прочувствованных выражениях она заверяла, что вышлет за Джейн карету в любой назначенный час, упомянув, что ей известно категорическое мнение мистера Перри о пользе такого рода моциона для своей пациентки. В ответ пришла короткая записка следующего содержания:

«Мисс Ферфакс выражает сердечную признательность и благодарит за приглашение, однако не в силах совершать какие-либо прогулки».

Эмме стало обидно, ее искренний душевный порыв заслуживал лучшего отношения, однако невозможно было спорить с листком бумаги, дрожащие буквы свидетельствовали о немощи писавшей столь явственно, что Эмме оставалось лишь гадать, с чего вдруг она впала в такую немилость. Как убедить Джейн принять от нее помощь? Несмотря на отказ, она все же велела подать карету и отправилась к миссис Бейтс в надежде, что ей удастся уговорить Джейн присоединиться к ней, — однако и это не помогло. К карете вышла мисс Бейтс, само воплощение благодарности. Она, разумеется, всецело согласна с мисс Вудхаус, она также считает, что прогулка на свежем воздухе способна сотворить чудеса, и обещала попытаться уговорить племянницу изменить решение… Однако все оказалось напрасным. Мисс Бейтс пришлось вернуться ни с чем. Джейн упорствует, кажется, от одного лишь предложения выйти на улицу ей стало хуже. Эмма пожалела, что не может увидеться с Джейн и лично уговорить ее, но, когда предложение уже готово было сорваться с ее губ, она поняла со слов

мисс Бейтс, что тетка пообещала племяннице ни под каким видом не допускать к ней мисс Вудхаус.

— К сожалению, правда в том, что милая Джейн сейчас не может никого принять — совершенно никого, — разумеется, кроме миссис Элтон… И миссис Коул настояла на свидании, да и миссис Перри очень просила… но, кроме них, Джейн действительно никого не может видеть.

Эмме не хотелось быть на равных с дамами, подобными миссис Элтон, миссис Перри и миссис Коул, которые силой проникнут всюду. Сознавая к тому же, что у нее нет никакого права считать себя подругой мисс Ферфакс, она покорилась и лишь спросила у миссис Бейтс об аппетите и диете ее племянницы. Не может ли она чем-то помочь хоть здесь? При упоминании об аппетите бедная мисс Бейтс очень расстроилась, и к ней вернулась ее разговорчивость: Джейн почти ничего не ест! Мистер Перри посоветовал кормить больную сытными, питательными блюдами, но все, чем они располагают (ни у кого еще не было столь заботливых соседей), ей не по вкусу.

Приехав домой, Эмма тут же призвала экономку и обследовала съестные припасы; вскоре для мисс Бейтс была спешно отправлена корзинка

маниоки высшего качества с самой теплой запиской. Через полчаса приношение привезли обратно, с тысячей благодарностей от мисс Бейтс, но, по ее словам, «милая Джейн не успокоится, пока маниоку не вернут; она не может принять такой дар, и, более того, она настаивает на том, что ни в чем не нуждается».

Вечером Эмма узнала, что Джейн Ферфакс видели гуляющей по лугам в некотором отдалении от Хайбери… А утром она, под предлогом того, что не в силах совершать моцион, столь решительно отказалась от совместной прогулки с Эммой в карете! Учитывая все обстоятельства, Эмма поняла: Джейн решилась ни за что не принимать от нее знаков внимания. Эмме стало грустно, очень грустно. Сердце ее сжималось от жалости. Какое ожесточение, какая непоследовательность и какая слабость! Обидно, что ее сочли столь недостойной дружбы, столь неспособной на истинное чувство! Но она утешалась мыслью о том, что намерения у нее самые добрые, она говорила себе: знай мистер Найтли обо всех ее попытках помочь Джейн Ферфакс, смоги он заглянуть ей в душу, он не нашел бы в ее адрес ни слова упрека.

Глава 46

Однажды утром, спустя дней десять после кончины миссис Черчилль, Эмму попросили сойти вниз к мистеру Уэстону, который «и пяти минут не может остаться, но ему крайне важно поговорить с нею». Он встретил ее у двери в гостиную и, едва поздоровавшись, немедленно понизил голос, чтобы ее отец не смог подслушать:

— Сможете ли вы прийти сегодня утром… в любое время… в Рэндаллс? Постарайтесь прийти, если можно. Миссис Уэстон хочет вас видеть. Она должна поговорить с вами.

— Она нездорова?

— Нет-нет! Вовсе не то… только слегка взволнована. Она готова была уже приказать закладывать карету и ехать к вам, но ей необходимо повидать вас одну, потому что, видите ли… — он кивнул в сторону отца Эммы, — хм… Так вы сможете приехать?

— Конечно. Прямо сейчас, если вам угодно. Раз вы так просите, я не могу вам отказать. Но что же случилось? Она правда не заболела?

— Нет-нет, уверяю вас! Но не спрашивайте меня

ни о чем. Вы все узнаете в свое время. Совершенно невероятное дело! Тс-с-с!

Угадать, что же все это значит, было невозможно даже Эмме. Судя по его виду, случилось нечто совершенно из ряда вон выходящее. Но раз ее друг чувствует себя хорошо, Эмма постаралась взять себя в руки и, предупредив батюшку, что она идет прогуляться, вместе с мистером Уэстоном вышла из дому. Оба они быстрым шагом направились в Рэндаллс.

— Ну а теперь, — сказала Эмма, когда они вышли из ворот Хартфилда, — теперь, мистер Уэстон, прошу, расскажите мне, что же случи лось.

Однако он был непреклонен.

— Нет-нет. Не спрашивайте. Я обещал жене, что рассказ предоставлю ей. Она изложит вам все лучше меня. Проявите терпение, Эмма… Она лучше вас подготовит…

— Подготовит? К чему? — Эмма пришла в ужас и остановилась. — Боже всемогущий! Мистер Уэстон, расскажите мне все немедленно! Что-то случилось на Бранзуик-сквер? Да-да, я знаю, там что-то случилось! Говорите же, умоляю, расскажите мне все сейчас же!

— Нет-нет, вы заблуждаетесь.

— Мистер Уэстон, не шутите со мной! Подумай-

те, сколько моих близких находятся сейчас на Бранзуик-сквер. С кем из них случилось несчастье? Заклинаю вас всем, что только есть святого, — и не пытайтесь ничего от меня скрыть!

— Эмма, слово даю…

— Слово? Отчего же вы не говорите «честное слово»? Отчего не даете честного слова в том, что ни с кем из них не случилось ничего плохого? Боже! Что же такого предстоит мне услышать, если это не имеет отношения ни к кому из моих близких?

— Даю вам честное слово, — заявил он очень серьезно, — что ни с кем из них ничего не случилось. Дело ни в малейшей степени не связано ни с одним существом, носящим фамилию Найтли.

К Эмме вернулись силы, и она продолжала путь.

— Я был не прав, — вздохнул он, — сказав, что вас необходимо подготовить. Не следовало употреблять такое выражение. На самом деле это не связано с вами… только со мной… то есть мы так надеемся. Хм! Короче говоря, дорогая моя Эмма, вам не о чем беспокоиться. Я не говорю, что история особенно приятная, однако все могло бы быть куда хуже… Если мы поторопимся, то скоро будем в Рэндаллсе.

Эмма поняла, что придется набраться терпения, теперь ожидание не стоило ей таких усилий. Однако она больше ни о чем не спрашивала, а только напрягла свое воображение. Вскоре она пришла к выводу, что, возможно, дело касается денег — всплыли какие-либо неблагоприятные семейные обстоятельства, связанные с недавними событиями в Ричмонде. Воображение ее активно заработало… Может быть, обнаружилось, что у миссис Черчилль имеется с полдюжины незаконнорожденных детей, и бедному Фрэнку ничего не светит… Такой поворот, хотя и весьма нежелательный, не станет для нее ударом. Только слегка подстегнет ее живое любопытство.

— Кто это сейчас проехал верхом? — спросила она по пути, более чтобы помочь мистеру Уэстону сохранить тайну, чем из истинного интереса.

— Не знаю… Кто-то из Отуэев, не Фрэнк. Это не Фрэнк, уверяю вас. Его вы не увидите. Сейчас он уже на полпути в Виндзор.

— Значит, ваш сын приезжал сюда?

— Ох… да… А вы не знали? Ну… собственно… да…

Какое-то время он собирался с мыслями, затем добавил куда осторожнее и сдержаннее:

— Да, Фрэнк заезжал утром… просто узнать, как

мы поживаем.

Они прибавили шагу и скоро были уже в Рэндаллсе.

— Ну, дорогая, — заявил мистер Уэстон, едва войдя, — я привел ее. Надеюсь, что скоро тебе полегчает. Оставляю вас вдвоем. Тянуть нет смысла. Если понадоблюсь, я буду неподалеку. — И Эмма явственно расслышала, как он прибавил, понизив голос, перед тем, как выйти из комнаты: — Слово свое я сдержал. Она ни о чем не догадывается.

Миссис Уэстон выглядела так плохо и была так взволнована, что опасения вернулись к Эмме. Как только они остались вдвоем, она воскликнула:

— Что же случилось, милый друг? Насколько я поняла, что-то очень неприятное? Прошу вас, расскажите же мне, наконец! Всю дорогу меня терзали смутные сомнения. Мы с вами обе ненавидим мучиться неизвестностью, так не мучьте же меня долее! Поделитесь со мной, что бы это ни было, и вам самой станет легче.

— Вы и правда понятия ни о чем не имеете? — дрожащим голосом спросила миссис Уэстон. — И не догадываетесь о том, что я собираюсь вам сообщить?

— Насколько я поняла, дело касается мистера

Фрэнка Черчилля.

— Вы правы. Дело действительно его касается, и я скажу вам без обиняков, — заявила миссис Уэстон, откладывая в сторону свое рукоделие, и, решившись наконец, подняла на нее взгляд. — Сегодня утром он приехал к нам с самым невероятным известием. Невозможно выразить наше удивление. Он приехал поговорить с отцом о… То есть объявить о своем чувстве…

Она замолчала, чтобы перевести дух. Вначале Эмма решила, что речь пойдет о ней, затем она вспомнила о Харриет.

— То есть больше чем о чувстве, — продолжала миссис Уэстон, — о помолвке — о самой настоящей помолвке… Что вы скажете, Эмма, что скажут все, когда узнают, что Фрэнк Черчилль помолвлен — и помолвлен уже давно — с мисс Ферфакс!

Эмма даже подскочила от удивления:

— Джейн Ферфакс! Господи помилуй! Вы это серьезно? Не шутите?

— Разделяю ваше изумление, — отвечала миссис Уэстон, по-прежнему отводя глаза и торопясь продолжить, дабы дать Эмме время освоиться с новостью, — вполне разделяю. Однако это так. Они обручились еще в октябре, в Уэймуте, и хра-

нили свою помолвку в тайне от всех. Кроме них, о помолвке не знала ни одна живая душа — ни Кемпбеллы, ни ее родные, ни его… Все настолько удивительно… Хотя я уже доподлинно знаю, что это так, до сих пор не могу поверить. Просто не верится… Мне-то казалось, я знаю его…

Эмма почти не слышала ее слов. Две мысли вертелись у нее в голове: собственные прежние разговоры с ним о мисс Ферфакс и бедная Харриет. Некоторое время она была в состоянии лишь издавать восклицания и снова и снова требовать подтверждений того, что она только что услышала.

— Что ж, — заявила она наконец, пытаясь собраться с силами, — вот обстоятельство, о котором я должна подумать по крайней мере полдня, прежде чем сумею до конца понять… Как! Значит, зимою они уже были помолвлены? Еще до того, как оба приехали в Хайбери?

— Они помолвлены с октября — тайно… Известие ранило меня, Эмма, ранило в самое сердце. И его отцу тоже очень больно. Кое-чего в его поведении мы не можем простить.

Какое-то мгновение Эмма мешкала, но потом ответила:

— Не стану притворяться, будто не понимаю, о

чем вы, однако хочу по возможности облегчить ваше состояние — насколько это в моих силах. Знайте же, что ваши опасения напрасны: его внимание не произвело на меня сильного действия.

Миссис Уэстон подняла на нее глаза, боясь поверить, но взгляд Эммы был так же безмятежен, как и ее слова.

— А чтобы вам было легче поверить, что я теперь совершенно равнодушна к нему, — продолжала она, — я скажу вам больше. В ранний период нашего знакомства было время, когда мне он действительно нравился, когда я была очень склонна к тому, чтобы влюбиться в него, — собственно, и была влюблена… Но удивительнее всего то, что впоследствии увлечение мое бесследно прошло. Как бы там ни было, но, к счастью, все совершилось само собой. Уже довольно давно, по крайней мере три месяца, он мне совершенно безразличен. Можете мне поверить, миссис Уэстон! Я говорю истинную правду.

Со слезами радости миссис Уэстон расцеловала ее и, когда к ней вернулся дар речи, принялась убеждать свою бывшую воспитанницу, что ее заверения в равнодушии для нее приятнее всего на свете.

— У мистера Уэстона тоже с души свалится

камень, — сказала она. — Как мы мучились! Ведь мы оба желали, чтобы вы понравились друг другу! И мы были убеждены, что так оно и произошло… Вообразите же себе наши чувства, когда мы узнали о его помолвке.

— Я избежала несчастья. И за то нам с вами остается лишь благодарить судьбу. Однако, миссис Уэстон, его я не оправдываю. Я должна сказать, что считаю его в высшей степени виноватым. Какое он имел право, будучи связанным клятвой в любви и верности, вести себя у нас так вольно? Как смел добиваться — а он, безусловно, добивался — особого внимания одной дамы, будучи женихом другой? Откуда мог быть он уверен, что не случится беды? Откуда ему знать, что я не влюблюсь в него? Он поступил дурно, очень дурно!

— Из его слов, милая Эмма, я скорее могу заключить, что…

— А она-то! Как она сносила такое его поведение! Какой надо обладать выдержкой, чтобы наблюдать, как он у нее на глазах оказывает предпочтение другой, и не сказать ни слова упрека? Такое спокойствие я не могу ни понять, ни уважать.

— У них случались размолвки, Эмма, он прямо

так и сказал. У него не было времени вдаваться в подробные разъяснения. Он пробыл у нас всего четверть часа и в состоянии такого возбуждения, какое не позволяло употребить с пользой то короткое время, что он у нас оставался. Однако он ясно дал понять, что между ними случались размолвки. Кажется, они-то и поторопили его с развязкой. Эти размолвки, скорее всего, и были вызваны его недостойным поведением.

— Недостойным! Ах, миссис Уэстон… Это слишком мягко сказано. Он вел себя не недостойно, а гораздо хуже! Он пал — просто выразить не могу, насколько низко он пал в моих глазах. Такое поведение недостойно мужчины! В нем нет и следа той прямоты, цельности, строгой приверженности правде и принципиальности, презрения к мелочности и всяческим трюкам, какие надлежит выказывать настоящему мужчине всем своим поведением.

— Милая Эмма, позвольте теперь мне вступиться за своего пасынка. Несмотря на то, что он был не прав, я знаю его достаточно давно, и, смею вас уверить, у него есть много, очень много хороших качеств… и…

— Боже! — не слушая ее, продолжала Эмма. — А миссис Смолридж! Ведь Джейн действительно

собиралась пойти к ней в гувернантки! К чему могла привести его ужасающая черствость? Заставить ее страдать настолько, что она чуть было не нанялась… Да как мог он допустить, чтобы подобная мысль вообще пришла к ней в голову?

— Эмма, об этом он ничего не знал. Здесь я могу полностью обелить его. Она приняла решение сама, не сказав ему ни слова, — то есть она на что-то намекала, но не говорила об этом как о деле решенном… До вчерашнего дня ее планы оставались для него неизвестны. Как он узнал? Не знаю, из какого-то письма или записки — и именно после того, как он узнал, что она собирается сделать, он решился немедленно открыться дяде, положиться на его доброту и милосердие… короче говоря, положить конец недостойному укрывательству, которое длилось столько времени. Эмма стала слушать внимательнее.

— Скоро, — продолжала миссис Уэстон, — он обещал мне написать. Он сказал мне об этом, прощаясь. И судя по его виду, в письме он намерен изложить мне подробности, которые не может сообщить сейчас. Давайте дождемся его письма. Возможно, оно сумеет смягчить его вину. Наверняка разъяснится многое из того, что неясно сейчас, — и получит извинение. Не будем

же к нему слишком суровы, не будем торопиться выносить ему приговор. Наберемся терпения. Любить его — мой долг. Теперь же, когда я успокоилась и удовлетворилась по одному очень важному для меня вопросу, я искренне надеюсь на счастливое разрешение дела и готова верить, что так оно и будет. В обстановке тайны и укрывательства они оба, должно быть, сильно страдали.

— Ему, на мой взгляд, страдания большого вреда не причинили, — сухо парировала Эмма. — Как, кстати, воспринял новость мистер Черчилль?

— Он был весьма благосклонен к племяннику и дал свое согласие почти без колебаний. Подумать только, как все перевернулось в их семье всего за одну неделю! Пока жива была бедная миссис Черчилль, у Фрэнка, полагаю, не было никакой надежды, никакой возможности получить ее согласие на брак… Однако не успели ее останки упокоиться в фамильном склепе, как мужа ее убедили действовать словно наперекор ее желаниям. Какое благо, когда непомерное влияние уносят с собой в могилу!.. Дядюшку не понадобилось долго убеждать: он благословил его.

«Ах! — подумала Эмма. — И если бы речь шла о Харриет, его тоже не пришлось бы долго уговаривать…»

— Все решилось вчера вечером, и сегодня с рассветом Фрэнк отправился в путь. Он заехал в Хайбери, к Бейтсам. Пробыв там некоторое время, он сразу же примчался сюда, но так спешил вернуться к дяде, которому он теперь нужнее, чем прежде, что, как я вам и говорила, не мог пробыть у нас долее четверти часа… Он был очень возбужден… крайне возбужден и взволнован! До такой степени, что показался мне совершенно непохожим на себя прежнего, каким я его знала. Вдобавок ко всему он был потрясен — он и понятия не имел, что она сейчас в таком тяжелом состоянии! И весь вид его показывал, насколько сильны его чувства.

— И вы действительно полагаете, что они сохраняли свою помолвку в полнейшей тайне? Ни Кемпбеллы, ни Диксоны — никто не знал?

При произнесении фамилии Диксон Эмма не могла не покраснеть — слегка.

— Никто! Ни одна живая душа. Он определенно заявил, что о помолвке на всем белом свете знали только они двое.

— Что ж, — сказала Эмма, — полагаю, мы постепенно привыкнем к этому известию, и я желаю им счастья. Но никто не переубедит меня в том, сколь отвратительны действия подобного рода.

Что это было, как не нагромождение лицемерия и лжи, шпионства и предательства? Явиться к нам, притворившись открытым и простым, и судить всех нас, находясь в тайном союзе! Всю зиму и весну нас просто водили за нос! Нам-то казалось, будто все мы на равной ноге, мы ничего не скрывали и были честны, в то время как эти двое, вполне возможно, выслушивали все признания, а потом втайне судили и рядили о безвинно обманутых ими жертвах! Пусть же теперь им будет уроком, если они узнали в результате о себе не слишком приятные вещи!

— Я относительно спокойна на сей счет, — отвечала миссис Уэстон. — Я вполне уверена, что никогда не говорила одному из них о другом ничего такого, чего нельзя было бы повторить в присутствии обоих.

— Вам повезло… Единственный лишь раз вы заблуждались — когда решили, будто в нее влюблен один наш общий знакомый, однако своих суждений вы не доверили никому, кроме меня.

— Верно. Но так как я всегда была очень высокого мнения о мисс Ферфакс, я бы ни за что не смогла обидеть ее и не стала бы говорить о ней дурно. Что же касается его — о нем я и подавно не сказала бы ничего плохого.

Тут за окном показался мистер Уэстон, очевидно ожидая, что его позовут. Жена кивнула, приглашая супруга войти, и, пока он шел, добавила:

— А теперь, милая Эмма, прошу вас, говорите и держитесь так, чтобы у него отлегло от сердца, чтобы он сумел испытать удовольствие при мысли об этом браке. Давайте приложим все силы, дабы успокоить его. В конце концов, почти все говорит в ее пользу. Партия не самая завидная, однако, если мистер Черчилль не против, почему мы должны возражать? А для него, я имею в виду для Фрэнка, это, может статься, самый удачный выбор: он заслужил любовь девушки с таким сильным характером и трезвым умом — именно так я о ней всегда думала и до сих пор склонна считать ее таковою, несмотря на одно серьезное отклонение от строгих правил. Но даже в таком положении ее не в чем упрекнуть!

— Совершенно верно! — пылко воскликнула Эмма. — Если бывает положение, когда можно извинить женщину за то, что она думает только о себе, то это положение Джейн Ферфакс… О таких можно сказать словами Шекспира: «Не друг тебе

весь мир, не друг — его закон».[9]

Вошедшего мистера Уэстона она встретила с улыбкой:

— Ну и шутку же сыграли вы со мной, честное слово! Полагаю, вы намеревались испытать мое любопытство и узнать, хорошо ли я умею угадывать? Но вы действительно напугали меня. Я уж подумала, не потеряли ли вы все свое состояние! А тут, вместо того чтобы соболезновать вам, приходится принести вам мои поздравления! От всей души поздравляю вас, мистер Уэстон, ведь вам в невестки достанется одна из самых очаровательных и достойных девиц в Англии!

Обменявшись взглядами с женой, мистер Уэстон убедился в том, что Эмма действительно поздравляет его от души; он немедленно воспрял духом. Морщины на его лице тотчас разгладились, голос зазвучал по-прежнему живо и бодро, он с благодарностью крепко пожал ей руку и охотно вступил в разговор — все доказывало, что еще немного времени, и он перестанет считать помолвку неприятной неожиданностью. Его собеседницы пытались своими репликами лишь сгладить растерянность и смягчить его

---

[9] Примечания: 9

«Ромео и Джульетта», акт 5, сцена 1 (перевод Т.Л. Щепкиной-Куперник).

возражения. Ко времени, когда они все обсудили и он снова рассказал Эмме все, что знал, — на обратном пути в Хартфилд, — он совершенно исцелился от тревог и недалек был от мысли, что Фрэнк совершил лучший поступок в своей жизни.

Глава 47

«Харриет, бедная Харриет!» — вот что неустанно повторяла себе Эмма, не в силах избавиться от мучившей ее тревоги. С нею самой Фрэнк Черчилль обошелся очень дурно — очень дурно по многим причинам! Но виной всему было не столько его легкомыслие, сколько ее собственное попустительство, поэтому теперь она так сердилась на него. Неприятная же ситуация, в которую вовлек он несчастную Харриет, делала нанесенную им обиду совсем уж черной. Бедная Харриет! Во второй раз пала она жертвой ее, Эммы, неверных представлений и лести. Мистер Найтли поистине сказал когда-то пророческие слова: «Эмма, вы плохой друг Харриет Смит». Она боялась, что сослужила Харриет дурную службу. Правда, ей не в чем было себя упрекнуть — ни в этом случае, ни в прошлом, — ведь не она одна пала жертвой заблуждения, не она одна предположила наличие таких чувств, которые в иной ситуации, возможно, Харриет и не почудились бы. Харриет признавалась в своем восхищении Фрэнком Черчиллем и в своем чувстве к нему за-

долго до того, как Эмма впервые намекнула ей на это. Однако Эмма осознавала свою вину за то, что поощряла заблуждение, которое должна была бы подавлять. Не следовало ей подливать масла в огонь! На то, чтобы охладить чувства подруги, ее влияния вполне хватило бы. И теперь ее мучила совесть. Вместо того чтобы загасить пламя, она его раздувала… Ей казалось, что она рисковала счастьем подруги безо всяких на то оснований. Здравый смысл должен был подсказать ей: не следует поощрять в Харриет мысли о нем, ведь вероятность того, что он ее полюбит, ничтожна. «Ах, — добавляла Эмма про себя, — боюсь, здравый смысл — это то, чего как раз мне недостает».

Она была крайне сердита на себя. Если бы не ее гнев в адрес Фрэнка Черчилля, ее положение было бы ужасным. А что же Джейн Ферфакс? По крайней мере, за нее можно больше не волноваться. Эмме хватит и забот о Харриет! Да, больше не нужно беспокоиться о Джейн, чьи трудности и чье нездоровье, несомненно, имели одну причину. Она скоро излечится и от того и от другого. Дни ее горестей и бед позади. Скоро она получит все: и здоровье, и счастье, и богатство… Теперь Эмма понимала, почему Джейн так решительно отвергала ее дружбу. Это открытие объясняло

много мелких загадок. Несомненно, причиной всего была ревность — в глазах Джейн она была соперницей! Потому-то и отвергала мисс Ферфакс и предложение о помощи, и заботу. Поездка в хартфилдской карете была для нее, должно быть, пыткой, а маниока из кладовых Хартфилда казалась ядом. Эмма все поняла. И когда немного остыла, успокоилась, не могла не признать, что возвышение и счастье пришли к Джейн совершенно заслуженно. Но вот бедняжка Харриет! Мысли о ней были для Эммы тяжким бременем. Харриет нуждалась в ее сочувствии и утешении. Эмма со страхом думала о том, что второй удар может оказаться для подруги суровее первого. Принимая во внимание куда более возвышенное положение ее нынешнего объекта любви, можно ожидать, что так оно и будет. Судя по очевидно более сильному впечатлению, которое он произвел на Харриет, — как она сдержанна, как владеет собой! — удар будет больнее. Однако Харриет необходимо сообщить горькую правду, и чем скорее, тем лучше. Тут она припомнила последние слова мистера Уэстона: «Необходимо, чтобы до поры до времени вся история оставалась в полнейшей тайне. На этом особо настаивал мистер Черчилль! Он настаивает на такой дани

уважения к своей недавно усопшей жене; несомненно, того же требуют приличия».

Эмма тогда пообещала никому ничего не говорить, но все же для Харриет можно сделать исключение. Это ее высший долг.

Несмотря на досаду, она не могла не ощущать едва ли не комизм своего положения! Ей предстоит столь же деликатно сообщить Харриет неприятную весть, как это сделала миссис Уэстон для нее самой. Сведения, которые очень осторожно сообщили ей, она должна столь же осторожно сообщить другой. Заслышав голос Харриет и звук ее шагов, Эмма невольно прижала руку к груди, дабы унять сердцебиение. Вот так, подумала Эмма, чувствовала себя миссис Уэстон, когда она сама подходила к Рэндаллсу. Вот бы и сейчас новость была воспринята с такой же легкостью!.. Но разумеется, об этом не может быть и речи.

— Что скажете, мисс Вудхаус? — вскричала Харриет, вбегая в комнату. — Ну не поразительно ли?

— Что вы имеете в виду? — отвечала Эмма, теряясь в догадках — ни по виду, ни по голосу Харриет невозможно было понять, известно ли ей о помолвке.

— О Джейн Ферфакс. Слышали вы когда-ни-

будь что-либо более удивительное? Ах! Вам нет нужды бояться, ведь мистер Уэстон уже сам мне все рассказал. Я только что встретилась с ним. Он предупредил, что это тайна, поэтому я не собираюсь ни с кем делиться новостью, однако он сказал, что вы уже все знаете.

— Что сказал вам мистер Уэстон? — спросила ошеломленная Эмма.

— О! Он все мне рассказал: что Джейн Ферфакс и мистер Фрэнк Черчилль собираются пожениться и что они уже давно тайно помолвлены. Ну не удивительно ли!

Это и правда было удивительно: Эмму так поразило поведение Харриет, что она просто не знала, как ее понимать. Оказывается, характер подруги совершенно изменился. Новость как будто не слишком взволновала ее, совершенно не расстроила и даже, кажется, не вызвала особенной заинтересованности. Эмма смотрела на Харриет, не в силах говорить.

— Ну кто бы мог подумать, — продолжала Харриет, — что он в нее влюблен? Уж скорее в вас… Разве что вы, — добавила она, слегка зарумянившись, — с вашей проницательностью… а больше никто…

— Честное слово, — сказала Эмма, обретая на-

конец дар речи, — я начинаю сомневаться в том, что обладаю таким талантом. Как можете вы, Харриет, серьезно спрашивать меня, догадывалась ли я, что он влюблен в другую, в то время как я — пусть лишь намеками, неявно — поощряла и поддерживала вас? До самого последнего часа у меня и малейшего подозрения не возникало в том, что Фрэнк Черчилль испытывает какие-либо чувства к Джейн Ферфакс! Можете быть уверены: знай я о его истинных чувствах, уж я бы постаралась вас предостеречь!

— Меня? — изумленно воскликнула Харриет, краснея. — Да зачем же вам предостерегать меня? Уж не думаете ли вы, будто я испытываю какие-либо чувства к Фрэнку Черчиллю?

— Приятно слышать, что вы говорите об этом так твердо, — отвечала Эмма с улыбкой, — однако не вздумайте отрицать! Был момент — и не слишком давно, — когда вы дали мне повод понять, что он вам не безразличен.

— Кто, он? Что вы, никогда! Милая мисс Вудхаус, неужели вы настолько превратно истолковали мои слова?

— Харриет! — вскричала Эмма после минутного замешательства. — Что вы имеете в виду? Боже всемогущий! Что все это значит? Я превратно

истолковала ваши слова? Вы хотите сказать…

Она не могла больше выговорить ни слова — голос ее пресекся, и она села, с ужасом ожидая, что ответит Харриет.

Харриет, которая стояла на некотором расстоянии, отвернувшись от нее, ответила не сразу, а когда она заговорила, голос ее прерывался почти так же, как и у Эммы.

— Я бы никогда не поверила, — начала она, — что вы столь превратно истолковали мои слова! Я знаю, мы договорились не называть его имени… но, учитывая, насколько превосходит он всех прочих, мне и в голову бы не пришло, что вы решите, будто я имею в виду кого-то другого… Подумать только, мистер Фрэнк Черчилль! Не знаю, кто удостоит его взглядом в обществе того, другого. Неужели вы считали меня такой дурочкой, что думали, будто я способна влюбиться в мистера Фрэнка Черчилля? Да рядом с ним Фрэнк Черчилль — совершенное ничтожество. Просто поразительно, как вы могли так ошибиться! Конечно, я лишь потому осмеливалась мечтать о нем, что была уверена: вы всецело одобряете мой выбор и поощряете меня. Помните — вы сказали, что случались и не такие чудеса, что бывали и более неравные браки? Это ваши доподлинные

слова! Я бы никогда не осмелилась давать волю… у меня бы и в мыслях не было… Но раз вы, будучи всю жизнь с ним знакомы…

— Харриет! — вскричала Эмма, решительно взяв себя в руки. — Давайте убедимся, что мы понимаем друг друга, исключив на этот раз всякую возможность неправильного истолкования. Неужели вы говорите о… мистере Найтли?!

— Конечно. Я никогда и не думала ни о ком другом! Я считала, что и вы такого же мнения. Когда мы говорили о нем, все было яснее некуда.

— Не совсем, — возразила Эмма, с трудом сдерживаясь, — ибо все, что вы тогда говорили, как мне казалось, относится к другому лицу. Я почти готова ручаться, что даже слышала от вас имя мистера Фрэнка Черчилля. Я была уверена, что вы говорили об услуге, оказанной вам мистером Фрэнком Черчиллем, когда он спас вас от цыган.

— Ах, мисс Вудхаус, как же вы забыли!

— Милая Харриет, я отлично помню все, что говорила по данному поводу. Я сказала, что меня ничуть не удивляет ваша склонность, принимая во внимание услугу, которую он оказал вам, это совершенно естественно… И вы со мной согласились, очень живо описав ваши чувства по поводу оказанной помощи, и даже упомянули, каковы

были ваши ощущения, когда вы увидели, как он идет к вам на выручку… Я все помню, словно это было вчера!

— О боже! — воскликнула Харриет. — Теперь я вспоминаю тот наш разговор, однако я тогда имела в виду совершенно другое! Не цыган вспоминала я и не мистера Фрэнка Черчилля. Нет! — И, оживляясь, она продолжала: — Я имела в виду куда более важную услугу — мистер Найтли пригласил меня на танец после того, как мистер Элтон отказался танцевать со мной, а другого кавалера в зале не нашлось. Он поступил благородно! Он выказал подлинное великодушие и доброту, именно благодаря этому поступку я поняла, насколько он превосходит всех прочих смертных.

— Боже милостивый! — вскричала Эмма. — Какая злосчастная, какая прискорбная ошибка! Что же теперь делать?

— Значит, вы не поощряли бы меня, если бы поняли, о ком идет речь? По крайней мере, видимо, положение мое было бы куда хуже сейчас… если бы я имела в виду другого… но теперь… все же возможно…

Она запнулась, Эмма не могла говорить.

— Не сомневаюсь, мисс Вудхаус, — продолжала

Харриет, — что вы сознаете огромную разницу между ними — не важно, со мной ли их сравнивать или с кем-то другим. Должно быть, вам кажется, что один в пятьсот миллионов раз выше меня, а другой… Но я надеюсь, мисс Вудхаус, что… предположим… если… как бы странно это ни показалось… Но ведь вы знаете, это были ваши собственные слова, что на свете случались вещи и более удивительные… случались и более неравные браки, чем между мистером Фрэнком Черчиллем и мной… Значит, раз такие чудеса уже случались… и если мне будет суждено испытать такое счастье, такое невыразимое блаженство… если мистер Найтли в самом деле… если уж он не возражает против неравного брака, то, дорогая мисс Вудхаус, надеюсь, вы тоже не будете против и не станете чинить препятствий? Но я уверена, этого не будет… Вы слишком добры.

Харриет отошла к окну. Эмма обернулась, в ужасе оглядела ее и торопливо спросила:

— У вас есть основания полагать, что мистер Найтли разделяет ваше чувство?

— Да, — скромно, но бесстрашно отвечала Харриет, — должна признать, что такие основания есть.

Эмма тут же отвела взгляд и погрузилась в глу-

бокие раздумья. Нескольких минут хватило ей на то, чтобы понять собственное сердце. Ум, подобный ее уму, лишь заподозрив истину, способен на немедленное прозрение. Лишь коснувшись истины, она все тут же поняла. Почему ей было так невыносимо слышать, что Харриет влюблена в мистера Найтли, а не во Фрэнка Черчилля? Почему ей стало еще невыносимее, когда она узнала, что Харриет имеет основания надеяться на взаимность? Словно стрелою пораженная в самое сердце, она сказала себе: «Мистер Найтли не должен жениться ни на ком, кроме меня!»

Тотчас же поняла она не только свое сердце, но и свое поведение. Все ее поступки предстали перед нею так ясно, как никогда прежде. Как недостойно вела она себя по отношению к Харриет! Как неразумно, как неделикатно, как необдуманно и бесчувственно! Какая слепота, какое безумие овладели ею! Мысли эти давили на нее ужасной тяжестью, и она не могла подобрать названия своим поступкам. Однако, собрав остатки самоуважения, не желая терять лицо, а также отдавая Харриет дань справедливости (сочувствовать девушке, которая считала, что ее любит мистер Найтли, она не могла, но совесть ее требовала не делать подругу несчастной, проявив к ней

сейчас холодность), Эмма решилась выслушать и вынести все спокойно и даже с видимой благожелательностью. Ей же самой полезно узнать, как далеко простираются надежды Харриет, ведь Харриет ничего не совершила такого, чтобы потерять право на участие и интерес, которые прежде ей уделялись столь охотно. Она ничем не заслужила презрения со стороны той, чьи советы никогда еще не шли ей на пользу. Поэтому, очнувшись от тягостных раздумий и подавив свои чувства, Эмма снова повернулась к Харриет и возобновила разговор уже более мягким тоном. Правда, тема, с которой начался разговор, а именно чудесная история Джейн Ферфакс, была прочно забыта… В голове у каждой из собеседниц был лишь мистер Найтли.

Харриет, погруженная в приятные мечтания, была все же очень рада, когда ее пробудили от грез. Ее подбодрило участие такой советчицы и такого друга, как мисс Вудхаус, ей нужен был только предлог, чтобы с наслаждением, хотя и дрожа, поведать историю своих чувств. Эмма, задавая вопросы и слушая ответы, трепетала не меньше, хотя ей лучше удавалось скрывать свое состояние. Голос ее не дрожал, однако разум находился в таком смятении, какое и должны

порождать подобные события. Внезапное прозрение, угроза невольного соперничества со стороны подруги… Она терпеливо слушала подробный рассказ Харриет, внутренне очень страдая, но внешне ничем не выказывая своего волнения. Разумеется, методичного, связного или толкового рассказа от Харриет нечего было и ждать, однако, очищенный от бесконечных повторов и запинок, ее отчет ужасно подействовал на Эмму — особенно когда она вспомнила, что, по ее наблюдениям, Харриет сильно возвысилась во мнении мистера Найтли.

Харриет почувствовала изменение в его поведении еще во время тех двух танцев, сыгравших решающую роль… Эмма вспомнила: тогда он сказал ей, что Харриет превосходит его ожидания. С того самого вечера, а точнее, с тех пор, как мисс Вудхаус поощрила ее мечты о нем, Харриет начала замечать, что он беседует с ней куда охотнее, чем прежде, и что отношение его к ней изменилось: в нем появились доброта и любезность! Чем дальше, тем больше она уверялась в своей догадке. Когда они все вместе гуляли, он очень часто подходил к ней, шел рядом и так восхитительно занимал ее беседою! Кажется, ему хочется получше узнать ее. Эмма решила,

что слова подруги недалеки от истины. Она и сама подметила в нем перемену. Харриет повторяла его одобрительные и хвалебные отзывы, и Эмма понимала, что слова находятся в тесном согласии с его мнением о Харриет. Он хвалил ее за отсутствие притворства и жеманства, за то, что ее чувства просты, искренни и щедры. Эмма знала, что он отдает Харриет должное, при ней он не раз упоминал об этих качествах ее подруги. Но многие мелочи, запомнившиеся Харриет, много мелких знаков внимания, которые она от него получала, — взгляд, слово, пересаживание с одного стула на другой, комплимент, предпочтение в выборе собеседницы — остались для Эммы незамеченными, поскольку она ничего не подозревала. Обстоятельства, о которых можно было бы рассказывать добрых полчаса и которые содержали многочисленные доказательства для девушки, их искавшей, были для Эммы набором пустяков. Однако два последних в этом ряду события, имеющие в глазах Харриет решающее значение, не ускользнули и от внимания Эммы. Первым стало то, что он пригласил Харриет прогуляться отдельно от всех в липовой аллее Донуэлла: они оставались наедине, пока к ним не подошла Эмма. Харриет была убеждена, что он

нарочно увел ее подальше от остальных гостей, причем вначале он говорил с ней очень многозначительно, куда более многозначительно, чем обычно! Харриет не могла не покраснеть при воспоминании. Казалось, еще немного — и он спросит, не свободно ли ее сердце. Но как только невдалеке показалась она (мисс Вудхаус), он переменил тему и завел разговор о сельском хозяйстве… Второй случай имел место, когда они почти полчаса ждали возвращения Эммы (после визита к Бейтсам), в самое последнее утро его пребывания в Хартфилде. Сначала, когда он вошел, он заявил, что не может задерживаться и пяти минут, а во время разговора он сказал ей, что, хотя должен ехать в Лондон, ему совсем не хочется уходить. Эмма с болью отметила про себя, что ей он ничего подобного не говорил. Лишнее доказательство его чувства к Харриет сильно задело Эмму.

По поводу первого из двух случаев Эмма, после недолгих колебаний, решилась спросить:

— Но может быть… не кажется ли вам, что, осведомляясь о ваших чувствах, он имел в виду мистера Мартина — то есть действовал в интересах мистера Мартина, когда пытался выяснить, не свободно ли ваше сердце?

Однако Харриет с жаром отмела это предположение:

— Мистер Мартин? Ну что вы! О мистере Мартине и помину не было! Надеюсь, теперь никто не заподозрит меня в том, что я испытываю какие-то чувства по отношению к мистеру Мартину.

Окончив свои признания, Харриет обратилась к своему дорогому другу мисс Вудхаус за советом.

— Я бы ни за что не решилась мечтать о нем, — заявила она, — если бы не вы. Вы велели мне внимательно наблюдать за ним и руководствоваться в своих выводах его поведением со мной — я так и сделала. И теперь мне начинает казаться, что, может быть, я достойна его… Если он действительно остановит свой выбор на мне, то в этом не будет ничего невероятного?

Горькие чувства, порожденные словами Харриет, многие нахлынувшие чувства заставили Эмму сделать над собой невероятное усилие, чтобы ответить:

— Харриет, по этому поводу я могу лишь заявить, что мистер Найтли — последний человек на свете, кто стал бы намеренно внушать девице мысль, будто его отношение к ней теплее, чем на самом деле.

Харриет, казалось, готова была расцеловать

свою подругу за такой благоприятный ответ, лишь шаги отца спасли Эмму от пылких объятий и иных проявлений восторга, которые в данный миг стали бы для нее самой страшной пыткой. Мистер Вудхаус шел через прихожую. Харриет была слишком возбуждена, чтобы вынести встречу с ним. Она не в силах совладать с собою… Мистер Вудхаус встревожится… Ей, пожалуй, лучше уйти. Получив полное одобрение подруги, Харриет вышла черным ходом, и, едва она скрылась из виду, как Эмму прорвало.

— Боже! — вскричала она в сердцах. — Лучше бы я никогда с нею не встречалась!

Остаток дня и всю ночь она провела в раздумьях. Эмма была в смятении: столько всего обрушилось на нее разом за эти несколько последних часов. Что ни миг — то новое событие! И каждая новость несла в себе унижение для нее. Как все это понять? Как разобраться в заблуждениях, которые до сих пор застилали ей глаза и под властью которых она жила? Ошибки, туман в голове и туман в сердце! Она то сидела неподвижно, то расхаживала по комнате, то ходила взад-вперед вдоль ограды парка. Куда ни кинь — везде она оказывалась не права! Да, ее поставили в унизительное положение, но сама она ввергла

себя в настоящую пучину бедствий; ясно одно: она несчастна, и сегодняшний день, возможно, лишь положил начало ее бедам.

Прежде всего она попыталась как следует выслушать собственное сердце. Этому отводила она любую свободную минутку, не посвященную уходу за отцом, любой миг невольной рассеянности.

Как давно стал для нее мистер Найтли дороже всех на свете? Когда приобрел он такое влияние на нее? Когда удалось ему занять место в ее сердце, которое однажды, и очень недолго, занимал Фрэнк Черчилль? Эмма вспоминала прошлое, она сравнивала их, сравнивала свое отношение к ним с тех пор, как познакомилась с последним из двоих… Почему не пришло ей в голову сделать это уже давно? Хорошенько подумать! Но — увы! На нее словно затмение нашло… Теперь ей ясно: не было дня, когда она не считала бы мистера Найтли бесконечно выше и бесконечно для себя дороже. Она поняла, что, пытаясь убедить себя в обратном, заблуждалась, действуя под влиянием разума, а не чувства. Она всецело находилась под влиянием рассудка, совершенно игнорируя зов собственного сердца! Короче говоря, в действительности Фрэнк Черчилль всегда был ей совершенно безразличен!

Таким было первое заключение. Эмме удалось разобраться в себе, познать собственное сердце, причем путь ее был недолог. Гнев и досада овладели ею, стыд мучил ее за то, что она готова была увидеть что угодно, только не подлинное чувство, которое открылось ей лишь сейчас, — любовь к мистеру Найтли. Все прочие помыслы и побуждения вызывали у нее теперь лишь отвращение.

В невыносимом тщеславии возомнила она, будто разбирается в чувствах других, с непростительным высокомерием вмешивалась она в чужие судьбы. Оказалось, что она всецело заблуждалась! И нельзя сказать, что она ничего не сделала, ибо она натворила бед. Она навлекла несчастье на Харриет, на себя и, как ни ужасно, на мистера Найтли. Если этот неравнейший из браков состоится, ответственность за него ляжет целиком на нее! Эмма была убеждена, что его чувство к Харриет вспыхнуло лишь в ответ на ее чувство, он даже не познакомился бы с Харриет, если бы не прихоть мисс Вудхаус.

Мистер Найтли и Харриет Смит! Поистине нет двух более несовместимых имен и людей. Роман Фрэнка Черчилля и Джейн Ферфакс — вещь обычная, избитый сюжет, нет в нем ни новизны, ни интриги, одним словом, не о чем говорить

и думать. Но мистер Найтли и Харриет Смит! Какое возвышение для нее! Какое унижение для него! Эмме становилось страшно при мысли о том, насколько он может пасть в общественном мнении. Она уже предвидела улыбки, презрительные смешки, веселые шуточки в его адрес, скорбь и презрение его брата и тысячу неловкостей для него самого. Возможно ли такое? Нет, совершенно невозможно! Но почему? Впервые ли мужчина, превосходный во всех отношениях, подпадает под власть низменных страстей? Впервые ли мужчина, слишком занятый делами, чтобы заниматься еще и поиском подходящей жены, становится добычей девицы, которая охотится за мужьями? И разве впервые на этом свете заключается неравный, нелепый, несообразный брак? Ведь судьбами людскими руководят случай и обстоятельства, хотя и неявно…

О, лучше бы она никогда не сближалась с Харриет! Лучше бы оставила ее там, где и положено ей быть, — и ведь он предупреждал ее об опасности! К чему было, повинуясь нелепейшему капризу, препятствовать ее браку с превосходным молодым человеком, который дал бы ей почет и уважение? Она вращалась бы в подходящем ей кругу и жила бы, не ведая горя… Тогда не

было бы таких ужасных последствий…

Как только у Харриет хватило наглости поднять свой взор на мистера Найтли! Как посмела она вообразить, будто такой человек остановил на ней свой выбор, пока не получила настоящих заверений в этом! Однако Харриет была уже не такой скромницей и не так стеснялась, как раньше. Казалось, ее умственная неразвитость и неопределенность ее положения уже не так гнетут ее, как прежде. Раньше ее заботило то, что мистер Элтон, женившись на ней, снизойдет до нее! А ей не кажется странным, что до нее снизойдет мистер Найтли? Увы! Не ее ли собственных рук дело эта перемена? Кто, как не Эмма, не жалея сил, убеждал Харриет больше ценить себя? Кто, как не Эмма, внушал, будто она вправе притязать на более высокое положение в обществе и должна стремиться возвыситься? Если прежняя скромница Харриет стала тщеславной, то это тоже дело рук Эммы.

Глава 48

До сих пор, пока опасность потерять мистера Найтли ей не угрожала, Эмма и не догадывалась, насколько зависело ее счастье от того, первая ли она в его помыслах. Считая свое привилегированное положение в порядке вещей, она бездумно наслаждалась им, и лишь страх, что ее место займет другая, открыл ей глаза. Долго, очень долго мнила она себя первой! Так как ни сестер, ни теток у него не было, лишь Изабелла могла соперничать с нею в его сердце. Эмма всегда знала, как сильно он любит и как высоко ценит Изабеллу. Она же сама в течение долгих лет была совершенно уверена в его дружбе. Она не заслуживала такого отношения — часто пренебрегала им, проявляла несговорчивость, отвергала его советы, а то и самонадеянно спорила с ним, отказываясь отдавать должное его добрым намерениям. Зачастую они ссорились из-за того, что ему претили ее высокомерие и самомнение, и все же, повинуясь фамильной привязанности и привычке, он любил ее и выделял с детства. Он ценил ее ум, он стремился развить ее и следил,

чтобы она поступала правильно. Ни один человек на свете не сделал для нее больше. Она знала, что дорога ему, несмотря на все свои изъяны, может быть — очень дорога… Однако, когда в голове ее замерцали искорки надежды, которые неизбежно должны были родиться из подобных размышлений, Эмма предпочла не давать воли своему воображению. Пусть Харриет Смит считает, будто мистер Найтли отдает ей предпочтение, выделяет из прочих, страстно любит… Эмме такое не пристало! Ей не пристало льстить себе мыслью о том, что он ослеплен страстью. Недавно она уже получила вполне недвусмысленное доказательство обратного… Как потрясен он был ее поведением по отношению к мисс Бейтс! Насколько прямо и резко высказал ей свое возмущение по этому поводу! Разумеется, обижаться на него не приходилось, однако он был слишком, слишком резок! Трудно ожидать от него проявления каких-либо нежных чувств, кроме разве что дружеских… ничем не затуманенной доброй воли… Нет, нечего даже и думать, будто он может испытывать к ней влечение такого рода… о котором она сейчас размышляла… Однако остается надежда (временами она слабела, в другие моменты снова теплилась чуть сильнее), что Хар-

риет обманывается и превратно истолковывает его отношение к ней. Хоть бы это оказалось так, ради него же самого — пусть даже Эмме ничего не светит, кроме того, что он на всю жизнь останется холостяком. Будь Эмма уверена в таком развитии событий, в том, что он действительно никогда не женится, она бы успокоилась, ей ничего не осталось более желать… Только бы он оставался по отношению к ней и ее отцу прежним мистером Найтли! Пусть он будет прежним по отношению ко всему свету! Только бы Донуэлл и Хартфилд не лишились теперешних драгоценных отношений дружбы и доверия, и ее мир будет сохранен… Наверное, она действительно не создана для брака. Как примирить замужество с ее долгом по отношению к батюшке и с ее чувствами к нему? Нет, ничто и никто не в состоянии разлучить ее с отцом. Она не выйдет замуж, пусть хоть сам мистер Найтли попросит ее руки.

Эмма страстно желала, чтобы ожидания Харриет оказались тщетными, она надеялась, что, когда наконец увидит их вместе, она, по крайней мере, сумеет выяснить, какого рода отношения их связывают. Отныне ей следует наблюдать за ними с пристальнейшим вниманием! Правда, до сих пор она хоть и наблюдала, но, к несчастью,

была введена в заблуждение… однако теперь-то уж ее не проведешь! Его ожидали со дня на день. И скоро ей предоставится возможность для наблюдений — очень скоро, если опасения ее не напрасны. Тем временем Эмма приняла решение пока не видеться с Харриет. Ни одной из них от этих встреч хорошо не будет, да и от разговоров на эту тему не будет никакого толку. Эмма положила ничему не верить до тех пор, пока не убедится во всем сама. Но и разубеждать Харриет она также не в силах. Разговоры будут лишь раздражать ее. Поэтому она написала Харриет письмо, в котором мягко, но решительно просила ее пока не приходить в Хартфилд, так как она убеждена, что лучше им избегать всех дальнейших доверительных разговоров на известную ей тему. Эмма выразила надежду, что, если через несколько дней они увидятся в обществе других людей — ибо запрет налагался только на свидания с глазу на глаз, — они сумеют вести себя так, словно обе забыли вчерашний разговор. Харриет подчинилась, согласилась с мудрым решением подруги и даже поблагодарила ее за чуткость.

Не успела она уладить этот вопрос, как явилась гостья и ненадолго отвлекла мысли Эммы от единственного предмета, всецело занимавшего

ее разум и чувства во сне и наяву последние двадцать четыре часа. Миссис Уэстон ездила с визитом к будущей невестке и на обратном пути заехала в Хартфилд. Рассказать Эмме все подробности такого важного разговора она почитала столь же своим долгом по отношению к любимице, сколь и удовольствием для себя.

Мистер Уэстон сопровождал жену в поездке к Бейтсам и справился со своей ролью вполне пристойно, однако вскоре миссис Уэстон пригласила мисс Ферфакс покататься в карете и в результате узнала намного больше, причем гораздо больше положительного, чем за четверть часа, которые провела она в гостиной мисс Бейтс, когда все присутствующие были скованны и стеснены.

Немного любопытства Эмма испытывала, тем более что дело касалось ее друга. Миссис Уэстон не сразу решилась повидаться с Джейн, вначале она вовсе не собиралась ехать, она хотела просто написать мисс Ферфакс, а официальный визит отложить до тех пор, пока время все не сгладит и мистер Черчилль не свыкнется с мыслью о помолвке. Пусть все перестанет быть тайной. Поскольку, полагала она, такой визит неизбежно породит различного рода толки. Однако мистер Уэстон рассуждал иначе: ему крайне не терпе-

лось выказать доброе отношение к мисс Ферфакс и ее семейству, и он не представлял себе, чтобы подобный визит мог возбудить какие-либо подозрения. А даже если подозрения и зародятся, то останутся без последствий, потому что, заявил он, «о таких вещах рано или поздно узнают». Эмма улыбнулась: она понимала, что у мистера Уэстона есть веский повод для такой уверенности. Короче говоря, они поехали — и как же сильно была смущена и расстроена героиня всей истории! Она почти утратила дар речи и каждым взглядом, каждым действием показывала, насколько глубоко страдает она от угрызений совести. Тихая, искренняя радость старушки и восторженное состояние ее дочери, которая от потрясения тараторила даже меньше обычного, являли собой отрадную и очень трогательную сцену. Они обе столь явно удивлялись своему счастью, столь бескорыстно радовались за свою любимицу Джейн, столь заботились о других и забывали о себе, что заслуживали только самых добрых чувств. Воспользовавшись недавней болезнью мисс Ферфакс как предлогом, миссис Уэстон пригласила ту покататься; вначале Джейн отклонила приглашение, но после настойчивых просьб все же уступила. Во время прогулки в

карете миссис Уэстон, благодаря своей мягкой настойчивости, настолько преодолела смущение будущей невестки, что та смогла говорить на важную тему. Она попросила прощения за невольную необщительность в первые минуты встречи и уверила миссис Уэстон в том, что она всегда питала по отношению к ней и мистеру Уэстону чувство горячей признательности. Убедив друг друга во взаимной любви и уважении, они вдоволь наговорились о настоящем и о будущем, о помолвке. Миссис Уэстон была убеждена, что в результате их разговора у ее собеседницы отлегло от сердца, за время вынужденного молчания у Джейн многое скопилось на душе; сама же она осталась очень довольна услышанным.

— С особенной страстью она повторяла, — продолжала миссис Уэстон, — как тяжко ей было скрывать и таиться столько месяцев. Вот одно из ее выражений: «Я не скажу, что, заключив помолвку, я не испытывала счастливых мгновений, однако смею вас уверить, я с тех пор не знала ни одного спокойного часа!» И при этих словах, Эмма, у нее так дрожали губы, что я не могла не посочувствовать ей.

— Бедняжка! — воскликнула Эмма. — Стало быть, она винит себя за то, что заключила тайную

помолвку?

— Винит? Полагаю, никто не может винить ее больше, чем она сама склонна обвинять себя. «В результате, — сказала она, — я постоянно страдала, так и должно было быть. Но, невзирая на все кары, которые следуют за проступком, он не перестает быть ошибкой. Боль — не искупление грехов. Я никогда не сумею очиститься от вины. Я действовала вразрез со всеми моими понятиями о том, что правильно и что неправильно! Совесть подсказывает мне, что я не заслужила счастливой развязки и доброты, которую я сейчас получаю. Не думайте, сударыня, — добавила она затем, — будто кто-то неверно научил меня. Пусть ни одно обвинение не падет на головы моих друзей, которые вырастили и воспитали меня. Вина лежит целиком и полностью на мне! Уверяю вас, какими бы благоприятными ни казались теперешние обстоятельства, я до сих пор страшусь сообщить обо всем полковнику Кемпбеллу».

— Бедняжка! — повторила Эмма. — Значит, полагаю, она любит его всем сердцем. Только страстная любовь могла склонить ее к тайной помолвке. Должно быть, любовь пересилила ее рассудительность.

— Да, я не сомневаюсь в том, что она очень

любит его.

— Боюсь, — отвечала Эмма со вздохом, — что я, против воли, часто становилась причиною ее несчастий.

— Голубка моя, вам не в чем себя упрекнуть. Однако она, скорее всего, склонна была ревновать — достаточно вспомнить все размолвки, на которые Фрэнк намекал нам в письме. Она сказала, что первым и естественным последствием того зла, в которое она позволила себя вовлечь, было то, что она стала поступать неразумно. Сознавая, что поступает неправедно, она без конца тревожилась. Сделалась придирчивой, раздражительной до такой степени, что ему, должно быть, тяжело было ее выносить. «Я не делала никаких скидок, — говорила она, — которые должна была бы делать, его характеру и живости — его восхитительной живости! Его веселости, его игривому нраву, которые при иных обстоятельствах, уверена, были бы столь же притягательны для меня, как и при первой встрече». Затем она заговорила о вас и о вашей чрезмерной доброте, какую выказали вы к ней за время ее болезни. Она вспыхнула, чем доказала мне, как глубоко она раскаивается! Она попросила меня при первом же удобном случае поблагодарить

вас — сама она просто не решается — за все ваши благие намерения и стремление помочь. Ей очень стыдно, что вы ни разу не услышали от нее слов благодарности.

— Если бы я не знала, что теперь она счастлива, — серьезно заявила Эмма, — а она, несомненно, заслуживает счастья, как бы ни терзала ее израненная совесть, я не смогла бы принять ее благодарность, ибо — ах! Миссис Уэстон, если бы только можно было взвесить, сколько плохого и сколько хорошего сделала я ей… — Эмма заставила себя сдержаться и глубоко вздохнула. — Что ж, об этом пора забыть. Как мило с вашей стороны порадовать меня такими вестями! Они показывают Джейн с самой выгодной стороны. Уверена, что она очень хорошая, и надеюсь, она будет очень счастлива. Хорошо, что он хотя бы богат, ибо все остальные достоинства и блага принадлежат ей.

Такое заключение миссис Уэстон не могла пропустить мимо ушей. Она думала о Фрэнке хорошо почти во всех отношениях, более того, она очень привязалась к пасынку и, следовательно, серьезно защищала его. Она рассуждала здраво и вместе с тем пылко, однако вскоре Эмма перестала следить за аргументами своей бывшей

наставницы. Мысли ее блуждали между Бранзуик-сквер и аббатством Донуэлл, она даже не пыталась притворяться, будто слушает, и, когда миссис Уэстон закончила свой монолог словами: «...пока мы не получили письма, которого так ждем, но надеюсь, скоро оно придет», Эмме пришлось помедлить, прежде чем ответить, да и ответила она невпопад, потому что ей надо было долго вспоминать, что это за письмо такое, которого они так ждут.

— Эмма, милая, да здоровы ли вы? — спросила миссис Уэстон, прощаясь.

— О, совершенно! Вы же знаете, я всегда здорова. Пожалуйста, как только получите письмо, сообщите мне о нем.

Слова миссис Уэстон дали Эмме больше пищи для неприятных раздумий, она горячо сочувствовала влюбленным, но и терзалась угрызениями совести, вспоминая о том, как несправедливо обходилась с мисс Ферфакс. Она горько жалела, что не искала пути сблизиться с нею, и краснела за то, что невольно вызывала у той ревность; до известной степени это и было причиной холодности Джейн. Последуй Эмма желанию мистера Найтли, выкажи она мисс Ферфакс все внимание, какого та заслуживала, попытайся

она узнать ее получше, сделай первый шаг навстречу — словом, попытайся она подружиться с нею, а не с Харриет Смит — вероятнее всего, она была бы избавлена от мучений, тяжким грузом давящих на нее сейчас. Равным образом по праву рождения, способностей и образования предназначена была Джейн ей в подруги, и ее дружбу следовало бы принять с благодарностью, а Эмма? Если даже предположить, что они бы никогда не стали закадычными подругами, что мисс Ферфакс, скорее всего, никогда не поведала бы ей своих сердечных тайн; и все же, узнай Эмма ее так, как следовало, и так, как было в ее силах, — и ее наверняка миновали бы отвратительные подозрения в недостойном влечении к мистеру Диксону, которые она не только сама вынашивала и лелеяла, но и столь непростительным образом обсуждала с Фрэнком Черчиллем! Эмма боялась, что ее глупость стала причиной серьезного расстройства нежных чувств Джейн, ибо он, вероятно, по своему легкомыслию и беспечности не преминул поделиться услышанным с невестой. Теперь Эмма была убеждена: с самого приезда Джейн в Хайбери она, Эмма, стала для нее худшим из несчастий. Должно быть, она стала ее постоянным врагом. Не было случая, когда

они встречались втроем, чтобы она не жалила спокойствие Джейн Ферфакс тысячей способов. А ее поведение на Бокс-Хилл, наверное, стало последней каплей, переполнившей чашу страданий Джейн.

В тот день вечер тянулся в Хартфилде медленно и грустно. И погода всячески способствовала унынию. Зарядил сильный холодный дождь; ничто, кроме деревьев и кустарников, с которых ветер срывал листву, да длинного дня, не напоминало о том, что на дворе июль, впрочем, при свете дня вид из окна казался еще безотраднее.

Плохая погода подействовала и на мистера Вудхауса, в относительном удобстве мог он находиться лишь при почти неустанном попечении дочери, однако никогда еще забота об отце не стоила Эмме таких усилий. Она невольно вспомнила их первый тоскливый вечер вдвоем — вечер свадьбы миссис Уэстон, но тогда к ним вскоре после чая зашел мистер Найтли и развеял тоску. Увы! Скоро, возможно, он и вовсе перестанет захаживать в Хартфилд… Картина, которую она тогда рисовала перед своим мысленным взором, — вынужденное уединение предстоящей зимы — оказалась совершенно неверной: ни один друг их не покинул, ни одного удовольствия

она не лишилась. Эмма боялась, что теперешние ее дурные предчувствия уже не встретят подобных счастливых возражений. На этот раз будущее рисовалось ей столь безотрадным, что тучи невозможно было разогнать, чтобы хоть чуть-чуть, хоть одним светлым лучом расцветить горизонт. Если в кругу ее друзей совершатся все ожидаемые перемены, то Хартфилд, скорее всего, окажется почти заброшенным — что же остается на ее долю? Лишь общество отца, которого придется подбадривать, да еще останется корить себя сожалениями о загубленном счастье.

Ребенок, который родится в Рэндаллсе, должно быть, станет для его матери куда дороже, чем она, и свяжет ее сильнее, он займет всю душу и время миссис Уэстон. Значит, и миссис Уэстон для них потеряна; наверное, в большой степени ее супруг тоже… Фрэнк Черчилль больше у них не появится, да и мисс Ферфакс, судя по всему, скоро оторвется от Хайбери. Они поженятся и поселятся или в самом Энскуме, или около него. Все, чем Эмма дорожит, будет утрачено, если же к этим потерям прибавится и потеря Донуэлла, что останется от их прежнего веселого и умного окружения? Подумать только, мистер Найтли не будет больше приходить к ним скоротать вечер!

Больше не станет заглядывать каждую свободную минуту, словно желая променять свой дом на их! Как можно такое вытерпеть? А если вдобавок он предпочтет ей Харриет? Если впоследствии найдет в ее обществе все, что искал? Если он изберет мисс Смит в спутницы жизни, если она окажется для него первым, самым дорогим и желанным другом, такой женой, к которой стремился он всеми своими помыслами, — что тогда остается несчастной Эмме? Разве что изводить себя укорами, ибо все случившееся — ее рук дело!

Дойдя в своих рассуждениях до этой точки, она неизменно вздрагивала, тяжко вздыхала, принималась мерить комнату шагами. Единственным источником хоть какого-то утешения служила ей решимость отныне, что бы ни случилось, вести себя безупречно. В этом случае у нее остается надежда: какой бы скучной и унылой ни оказалась эта зима и все следующие зимы в ее жизни по сравнению с прошлым, она встретит будущее, исцелившись от заблуждений и познав самое себя; когда же зима минует, возможно, ей уже не придется так горько сожалеть о случившемся.

Глава 49

Все следующее утро погода по-прежнему не радовала; и то же одиночество, и та же печаль, казалось, правили Хартфилдом, однако после полудня небо прояснилось, ветер переменил направление и разогнал тучи, показалось солнце, лето вернулось. Под влиянием перемены Эмма всей душой устремилась на воздух. Никогда еще аллеи не казались ей такими красивыми, ароматы сада — такими манящими, краски — такими свежими и теплыми. Она надеялась, что под влиянием природы к ней постепенно вернется былая безмятежность, и, поскольку после обеда к ее отцу зашел на часок мистер Перри, она, не теряя времени, поспешила в сад… Там, чувствуя, как понемногу оттаивает ее душа и оживают мысли, она сделала несколько кругов по дорожке, как вдруг увидела, что в ворота входит мистер Найтли. Заметив ее, он направился к ней. Эмма и не знала, что он вернулся из Лондона! За миг перед тем она как раз думала о нем, однако не сомневалась, что он находится за шестнадцать миль от нее… Она едва успела собраться с мыслями. Она

должна казаться собранной и спокойной. Через полминуты они встретились и поздоровались, оба испытали неловкость и смущение. Она осведомилась о здоровье их общих родственников — оказалось, что на Бранзуик-сквер все пребывали в добром здравии. Когда он оставил их? Только этим утром. Должно быть, по дороге он промок? Да. Оказалось, что мистер Найтли не прочь пройтись по саду вместе с ней. Он только что заглянул в гостиную, убедился, что его присутствие там не обязательно, и предпочитает побыть на свежем воздухе. Эмму поразил его печальный вид и некая скованность в речах; услужливое воображение тут же подсказало ей причину такого уныния: вероятно, он сообщил о своих намерениях брату и огорчен тем, как тот отнесся к его планам.

Они пошли рядом. Он молчал. Эмме показалось, что он часто посматривает в ее сторону, словно, силясь угадать, что у нее на уме, ей же совсем, совершенно не хотелось смотреть на него. Эта его неуверенность породила еще одно опасение. Может быть, он только ждет удобного предлога, чтобы начать рассказывать ей о своей любви к Харриет? Однако она не станет облегчать ему задачу — не хочет и не может. Пусть начинает сам. И все же затянувшееся молчание становилось

невыносимым. Молчать наедине с ним — самая неестественная вещь на свете. Эмма поразмыслила, решилась и, силясь улыбнуться, начала:

— У меня для вас есть новость — раз уж вы вернулись… И она, наверное, удивит вас.

— Новость? — спокойно переспросил он, глядя на нее. — Какого рода?

— О, самого приятного на свете. Свадьба!

Подождав мгновение, словно желая убедиться, что более она ничего не собирается сказать, он ответил:

— Если вы имеете в виду свадьбу мисс Ферфакс и Фрэнка Черчилля, то для меня это уже не новость.

— Возможно ли? — вскричала Эмма, поворачивая к нему пылающее лицо; не успела она договорить, как ей пришло в голову, что по пути он мог заехать в пансион миссис Годдард.

— Утром я получил от мистера Уэстона записку, в которой он сообщает о кое-каких приходских делах, в конце он вкратце описал мне случившееся.

Эмма испытала легкое облегчение и, собравшись с духом, сумела выговорить:

— Наверное, вы удивлены меньше, чем кто-либо из нас, ведь вы давно подозревали их… Я не

забыла, как однажды вы меня предостерегали… Жаль, что я вовремя не прислушалась к вашим словам, но… — Она глубоко вздохнула и продолжала упавшим голосом: — Кажется, я навеки приговорена к слепоте.

Секунду или две длилось молчание; она не подозревала, что возбудила в нем особый интерес до тех пор, пока не обнаружила, что ее рука оказалась продета под его руку и прижата к его груди, и не услышала, как он, понизив голос, заговорил с большим чувством:

— Время, милая моя Эмма, время залечит рану… С вашим превосходным умом, с вашей преданностью отцу, я знаю, вы не допустите, чтобы… — Он снова прижал к себе ее руку и продолжал глухо, срывающимся голосом: — Как преданный ваш друг, я не могу не… я возмущен… Какая низость! — Он закончил уже громче и спокойнее: — Скоро он уедет… Скоро они будут в Йоркшире. Вот ее мне жаль. Она заслуживает лучшей доли.

Эмма все поняла и, едва оправившись от радости, вызванной его теплым участием, поторопилась с ответом:

— Вы очень добры… но вы заблуждаетесь! Позвольте я все вам разъясню. В сочувствии такого рода я не нуждаюсь. Моя слепота к тому, что

происходило, заставила меня вести себя с ними обоими так, что мне теперь должно быть стыдно! Я позволяла себе говорить и делать много такого, что могло быть превратно истолковано, но иной причины сожалеть о случившемся, кроме того, что я не была посвящена в тайну ранее, у меня нет.

— Эмма! — вскричал он с жаром, глядя ей в глаза. — Неужели? — Ему стоило больших усилий сдержаться. — Нет-нет, я вас понял… простите меня… я рад тому, что вы в силах сказать хотя бы это… В самом деле, о нем жалеть нечего! Надеюсь, что не пройдет много времени, прежде чем вы перестанете думать о нем… переживать. Какое счастье, что ваши чувства не запутались окончательно! Признаю, я бы ни за что не понял по вашему поведению, сколь глубоки ваши чувства… Я мог лишь догадываться, что вы отдаете ему предпочтение — такое предпочтение, которого, по моему глубочайшему убеждению, он не заслуживает… Он недостоин называться мужчиной! Неужели ему достанется столь драгоценная награда? Джейн, Джейн, она будет несчастным созданием!

— Мистер Найтли, — сказала Эмма, пытаясь выглядеть спокойной, однако на деле смутив-

шись, — обстоятельства вынуждают меня признаться… Я не могу допустить, чтобы вы и далее пребывали в неведении. Но раз у вас сложилось такое впечатление… Поверьте, мне так же стыдно признаться в том, что я никогда не любила человека, о котором мы говорим, как естественно было бы для женщины стыдиться признания в обратном. Но я никогда его не любила!

Он слушал ее не перебивая. Эмме хотелось, чтобы он нарушил молчание, но он ничего не говорил. Она решила, что должна высказаться более определенно, чтобы рассчитывать на его снисхождение, однако сознание, что ей придется еще больше уронить себя в его глазах, было невыносимо. Тем не менее она продолжала:

— Я почти ничем не могу оправдать собственное поведение… Внимание его мне льстило, и я позволяла себе казаться довольной. Вероятно, это старая история… обычная вещь… Такое случается с сотнями представительниц моего пола, и все же мне нет оправдания. Да я и не рассчитываю на всеобщее понимание. Многие обстоятельства потворствовали искушению. Он сын мистера Уэстона, он постоянно бывал у нас… Я всегда считала его очень милым… — Она испустила вздох. — Короче говоря, какие бы оправдания для

себя я ни выдумывала, все сводится к одному: он льстил моему тщеславию, и я снисходительно принимала знаки внимания. Однако вскоре — спустя весьма короткое время — я поняла, что все его комплименты ничего не значат. Он увивался за мною скорее по привычке или в шутку; ничто не говорило о том, что отношение его серьезно. Он обманул меня, но не ранил мое сердце. Я никогда не имела к нему склонности. Теперь-то мне вполне понятно, почему он вел себя так. Он вовсе не стремился завоевать мое расположение. Он просто использовал меня как прикрытие, чтобы скрыть свои отношения с другой… Его целью было дурачить всех вокруг! Но уверена, никого не удалось ему одурачить сильнее меня. Хорошо еще, что я не обманулась: мне крупно повезло! Сама не знаю почему, но я не поддалась его чарам.

Она понадеялась, что хоть теперь он ответит что-нибудь — хотя бы скажет, что ему стало понятным ее поведение. Но он молчал и, насколько она могла судить, глубоко задумался. Наконец он вполне обычным голосом произнес:

— Я никогда не был высокого мнения о Фрэнке Черчилле. Однако может статься, я его недооценил. Ведь наше с ним знакомство не назовешь коротким… Но даже если я его оценил верно,

он еще может измениться к лучшему… С такой женой для него еще не все потеряно… У меня нет оснований желать ему зла. Хотя бы ради ее блага — ведь ее счастье будет зависеть от его доброго нрава и поведения. Я определенно желаю ему добра.

— Не сомневаюсь, что вместе они будут счастливы, — согласилась Эмма. — Я верю в их взаимную и искреннюю любовь.

— Он просто счастливчик! — с жаром парировал мистер Найтли. — В таком раннем возрасте — в двадцать три года! Если мужчина в таком возрасте женится, то, как правило, брак оказывается неудачным. В двадцать три года выиграть такой приз! Сколько лет счастья впереди у этого человека, как ни гляди на его женитьбу! Добиться любви такой женщины — любви бескорыстной, ибо нрав Джей Ферфакс говорит о ее бескорыстии! Все складывается в его пользу: равенство положения — я имею в виду, равенство в соответствии с требованиями общества — и все обычаи и привычки, которые почитаются важными… равенство во всем, кроме одного… Но даже это — поскольку чистота ее души вне подозрений — во сто крат увеличивает его шансы на блаженство. Надеюсь, он оценит все достоинства, которыми

она обладает… Мужчина всегда стремится дать жене лучший дом, чем тот, из которого он ее берет; и он, будучи теперь в состоянии дать ей такой кров, когда вдобавок в ее любви нет сомнений, должен, по-моему, быть счастливейшим из смертных… Да, Фрэнк Черчилль — баловень судьбы! Все оборачивается в его пользу. Он знакомится с девушкой на водах, завоевывает ее любовь, даже не утомив себя ухаживаниями. Да обыщи он и вся его родня хоть целый свет, они не сыскали бы для него лучшей партии! Мешает браку лишь тетка — но тетка умирает, стоит ему объявить о своих намерениях, — и все вокруг рады его счастью… Он дурно обращался со всеми, но все с радостью прощают его… Да, он и впрямь баловень судьбы!

— Вы говорите так, словно завидуете ему.

— А я действительно завидую ему, Эмма. В одном отношении он является предметом моей зависти.

Эмма почувствовала, что не в силах говорить далее. Еще чуть-чуть, и они заговорят о Харриет — необходимо как можно скорее перевести разговор на другую тему. Эмма набрала в грудь воздуху: решено — она спросит его о здоровье племянников. Но не успела она открыть рот, как

мистер Найтли ее опередил:

— Вы не спрашиваете меня, почему я завидую ему… Вы решились, как видно, не выказывать любопытства… Вы мудры… Однако у меня, Эмма, нет сил быть мудрым. Я должен сказать вам то, о чем вы не спрашиваете, хотя в следующую минуту, возможно, мне придется пожалеть о своих словах.

— Ах! Тогда молчите, не говорите ничего! — поспешно воскликнула она. — Погодите, подумайте… сдержитесь!

— Благодарю вас. — Он поклонился, видимо обидевшись, и больше не произнес ни звука.

Его страданий Эмма вынести не могла. Он так хочет признаться ей — возможно, ему больше не с кем посоветоваться… Будь что будет, но она выслушает его. В ее силах помочь ему принять решение или отсоветовать жениться. Она может превознести Харриет до небес или, наглядно доказав ему всю выгоду его теперешнего независимого положения, помочь ему покончить с колебаниями. Состояние нерешительности для человека его склада, должно быть, невыносимо. Ему необходимо принять какое-нибудь — положительное или отрицательное, — но решение. В этот момент они как раз подошли к дому.

— Вы, наверное, пойдете домой? — спросил он.

— Нет, — ответила Эмма. Уловив глубокую печаль в его голосе, она еще больше укрепилась в принятом решении. — Я бы предпочла продолжить прогулку. Мистер Перри еще не ушел. — Пройдя несколько шагов, она добавила: — Я невежливо оборвала вас, мистер Найтли, и, боюсь, причинила вам боль… Но если у вас есть желание откровенно, по-дружески поговорить со мной или спросить моего мнения по любому вопросу, в котором вы, возможно, сомневаетесь, то, разумеется, вы, на правах друга, можете располагать мной… Я выслушаю все, что вы найдете нужным сказать. И отвечу вам со всею откровенностью.

— На правах друга! — повторил мистер Найтли. — Эмма, более всего боюсь я этого слова… Нет, не желаю… Однако погодите… Вы правы, к чему колебания? Я уже слишком далеко зашел, чтобы далее скрывать… Эмма, я принимаю ваше предложение… Как ни странно это может показаться, но я его принимаю и откроюсь вам как другу… Скажите же мне, есть ли у меня хотя бы слабая надежда на успех?

Он умолк и посмотрел на девушку, желая узнать, какое впечатление произвел на нее во-

прос, от его взгляда ноги у нее подкосились.

— Моя милая, дорогая Эмма, — продолжал он, — ибо вы всегда будете для меня самой дорогой, чем бы ни закончился этот наш разговор! Любовь моя, Эмма, ответьте же мне прямо… Если ваш ответ «нет» — что ж, значит, так тому и быть…

Говорить Эмма была не в силах.

— Вы молчите! — вскричал он, одушевляясь. — Вы не отказали мне! Сейчас я о большем и не прошу!

В этот миг Эмма едва не лишилась чувств. Больше всего на свете она боялась, что сейчас проснется и окажется, что она всего-навсего видела самый счастливый сон в своей жизни.

— Я не умею говорить красиво, Эмма, — продолжал он вскоре, и в голосе его зазвучали такие искренние нежные нотки, что у нее исчезли последние сомнения. — Люби я вас меньше, я, возможно, был бы способен говорить о своих чувствах ярче. Но вы знаете, каков я… От меня вы не слышите ничего, кроме правды… Я стыдил вас, читал вам мораль, и вы выносили мои наставления так, как не терпела бы ни одна другая женщина в Англии… Так выслушайте и теперь, милая моя Эмма, как прежде вы слушали от меня любую правду. Возможно, манерам моим недо-

стает изящества… Видит бог, я никогда не был обходительным кавалером. Но вы меня поймете… Да, вы поймете мои чувства… и ответите на них так же откровенно. Сейчас же я прошу лишь об одном: я хочу услышать ваш голос.

Пока он говорил, мысли в голове у Эммы крутились с потрясающей быстротой, и с такой же чудесной быстротой она, не пропустив ни единого сказанного им слова, вдруг поняла все, и ей открылась вся правда: она поняла, что надежды Харриет были совершенно беспочвенны! Харриет ошибалась, заблуждалась, как и она сама. Эмма поняла, что Харриет для него — ничто, а она — всё! Слова, которые, по мнению Харриет, относились к ней, на самом деле выражали его чувства к Эмме! Ее волнение, ее сомнения, нерасположенность к разговору обескуражили его — он решил, будто она не желает слушать признаний от него. Эмма успела не только убедиться в собственном счастье, но и порадоваться за то, что не выдала тайну Харриет. Она подумала, что чувства ее подруги и впредь должны оставаться тайной… Вот единственная услуга, которую она могла оказать бедняжке, ибо теперь Эмма не испытывала никакой склонности жертвовать собой и убеждать мистера Найтли в том, что Хар-

риет более достойна его любви. Не отказывать же ему раз и навсегда без объяснения причин, потому что он не может одновременно жениться на них обеих! Она жалела Харриет и раскаивалась, однако теперь ей и в голову не приходило проявлять безумное великодушие вопреки очевидности и здравому смыслу. Она сбила подругу с пути истинного и будет корить себя за это вечно. Но решимость ее была такой же непоколебимой, как и ее чувства, — так же твердо, как прежде приветствовала, она осуждала бы подобный брак, находя его в высшей степени неравным и не подходящим ему. Перед нею лежал верный, хотя и совсем нелегкий путь… И она заговорила, поскольку ее так просили об этом… Что она сказала? Конечно, то, что и должна была сказать, — то, что и подобает отвечать в подобных случаях истинной леди. Из ее слов следовало, что ему не стоит впадать в отчаяние, и она пригласила его высказаться далее. Действительно, подтвердил он, была минута, когда он впал в отчаяние — она так настойчиво просила его быть осторожным и молчать, что на время он было потерял всякую надежду. Ведь начала она с того, что отказалась выслушать его… Перемена изрядно поразила его, настолько она была внезапна; ее предло-

жение еще пройтись по саду, ее приглашение возобновить разговор, которому она только что решительно положила конец, способно удивить кого угодно! Эмма сама понимала, что вела себя непоследовательно, но мистер Найтли был так признателен ей, что не доискивался причин ее странного поведения.

Редко, очень редко при выяснении отношений раскрывается полная правда, чаще кое-что остается тайным или неверно истолковывается, но, когда, как в данном случае, ложные шаги искупляются искренностью и полнотой чувства, это не имеет особого значения. Даже знай мистер Найтли, почему Эмма поступала именно так, а не иначе, он не мог бы больше облегчить ее душу и вызвать у нее более пылкое ответное чувство.

Оказывается, он совершенно не подозревал о том, насколько сильно его влияние на нее. Вначале он присоединился к ней в саду, не имея намерений спрашивать ее о чувствах. Он примчался к ней без каких-либо корыстных побуждений, только для того, чтобы поддержать ее в трудную минуту, чтобы узнать, как вынесла она известие о помолвке Фрэнка Черчилля. Если же она пожелает поделиться с ним своим горем, он, разумеется, постарается смягчить удар или по-

дать ей дельный совет. Его признание вырвалось, можно сказать, под влиянием минуты. Когда он услышал радостную весть, убедился, что Фрэнк Черчилль ей совершенно безразличен, что она не любит молодого человека, в сердце его зародилась робкая надежда: со временем он, возможно, сам сумеет вызвать в ее душе подобную склонность… В настоящем, правда, он никакого намека на это не видел. Однако на миг чувство в нем возобладало над разумом, и он захотел услышать, что она не запрещает ему добиваться ее любви… Тем отраднее было узнать правду, которая открылась, когда Эмма заговорила. Любовь, которую он только надеялся со временем пробудить, уже воспылала в ее сердце! За полчаса он преодолел путь от полного отчаяния к состоянию, которое было так похоже на совершенное счастье, что другого названия тут и не подберешь.

Настроение самой Эммы равным образом претерпело изменения к лучшему. За прошедшие полчаса оба неожиданно убедились в том, что любимы, оба избавились от заблуждений, ревности и недоверия. Он начал ревновать раньше — с самого прибытия, вернее, еще раньше — с ожидания Фрэнка Черчилля. Он влюбился в Эмму и приревновал ее к Фрэнку Черчиллю прибли-

зительно в одно и то же время, и одно чувство, вероятно, открыло ему другое. Именно из-за ревности уехал он в город. Поездка на Бокс-Хилл окончательно убедила его в необходимости бежать. Скрыться и не видеть, как она приветствует расточаемые им знаки внимания! Он уехал ради того, чтобы постепенно охладеть, однако выбрал не то место для спасения. В доме его брата царило такое полное семейное счастье, Изабелла так походила на сестру, хотя тем разительнее уступала ей в его глазах, что вновь невольно напоминала о превосходстве Эммы… Словом, не было смысла долее оставаться на Бранзуик-сквер — это лишь усугубляло его состояние… И все же он терпел и день за днем длил свое пребывание в доме брата — до тех пор, пока сегодня с утренней почтой не получил от мистера Уэстона сообщения о помолвке его сына с Джейн Ферфакс. Он возрадовался, хотя тут же устыдился своих чувств, потому что он всегда считал, что Фрэнк Черчилль недостоин Эммы. Потом он так разволновался и так забеспокоился за нее, что более не мог оставаться в Лондоне. Он поскакал домой в дождь и сразу после обеда пришел пешком в Хартфилд, дабы посмотреть, как самое милое, самое лучшее из всех прекрасных созданий — безупречное,

несмотря на все мелкие изъяны, — переносит горестную весть.

Он застал ее в волнении и унынии… Фрэнк Черчилль — негодяй! Потом он услышал, как она произносит, что никогда не любила его. Тут он слегка изменил мнение о характере Фрэнка Черчилля… Когда они вернулись домой, Эмма уже пообещала ему и руку свою, и сердце… И, вспомни он в тот миг о Фрэнке Черчилле, не исключено, что он счел бы его очень порядочным малым.

Глава 50

Насколько отличались чувства Эммы по возвращении в дом от тех, с которыми она выходила в сад! Тогда она лелеяла лишь робкую надежду на временную передышку в своих страданиях, сейчас же пребывала на вершине блаженства — причем блаженства такого рода, которое способно лишь расти со временем.

Они сели пить чай — то же общество за тем же круглым столом… Как часто они вот так собирались здесь! И как часто падал ее взгляд на те же кусты, окаймлявшие лужайку перед домом, и наблюдала она за таким же красивым закатом в западном окне! Но никогда прежде не бывала Эмма такой счастливой, даже похожего ничего не было! Эмме стоило большого труда взять себя в руки и вспомнить о своих обязанностях вежливой хозяйки дома и послушной дочери.

Бедный мистер Вудхаус и не подозревал, что замышляется против него в груди человека, которого он так сердечно принимает и так беспокоится, как бы тот за время своей скачки под дождем не простудился. Сумей он заглянуть го-

стю в душу, он не тревожился бы о состоянии его легких, *но*, понятия не имея о неминуемом зле, не замечая ничего необычного во взглядах и поведении дочери и мистера Найтли, старик весьма спокойно повторял им все новости, услышанные от мистера Перри, и благодушно беседовал о том о сем, совершенно не подозревая, что они готовят.

Пока мистер Найтли оставался у них, Эмма по-прежнему была словно в лихорадке, но когда он ушел, она начала понемногу успокаиваться и остывать. Бессонная же ночь, которая стала платой за столь бурно проведенный вечер, подбросила ей один или два повода для серьезных раздумий, и Эмма поняла, что даже ее счастье не безоблачно. Отец… и еще Харриет. Как только Эмма оставалась одна, на нее сейчас же начинало давить бремя их — каждого в отдельности — притязаний; и теперь она мучилась вопросом: как лучше всего уберечь их душевный покой? В отношении отца она вскоре успокоилась. Эмма пока не знала, какое решение примет мистер Найтли, но, прислушавшись к собственному сердцу, она торжественно поклялась никогда не покидать отца. Она даже всплакнула из-за того, что согрешила в мыслях, посмев подумать об отъезде. Пока он жив, помолвка должна оставаться

помолвкой! Она, однако, тешила себя мыслью, что, избавившись от опасений разлуки с дочерью, батюшка, возможно, только порадуется за нее и успокоится за ее судьбу… Куда сложнее было решить, как поступить с Харриет. Как уберечь ее от ненужной боли? Как по возможности загладить свою вину? Как не сделаться в ее глазах врагом? От этих вопросов ее растерянность и огорчение лишь росли, и она снова и снова мысленно повторяла все горькие и скорбные упреки, какие только приходили ей в голову. Наконец она не придумала ничего лучшего, чем, по-прежнему избегая встреч с Харриет, сообщить ей все самое важное письмом. Она решила, что именно сейчас будет лучше на время отдалить Харриет от Хайбери. Приободрившись, Эмма снова дала волю воображению и принялась строить планы; она решила, что Харриет полезно будет получить приглашение погостить на Бранзуик-сквер. Изабелле Харриет понравилась, а несколько недель в Лондоне, несомненно, развлекут ее. Эмма полагала, что Харриет охотно согласится развеяться среди разнообразия города. Улицы, модные лавки и дети займут все ее время и внимание. Во всяком случае, такой поступок станет доказательством внимания и доброты со стороны Эммы, она по-

старается сделать для Харриет все, что в ее силах, кроме того, на время они разлучатся и отсрочат тот черный день, когда придется собраться всем вместе.

Она встала рано и написала Харриет письмо. Это занятие навеяло на нее такую серьезность, почти печаль, что мистер Найтли, который зашел в Хартфилд к завтраку, оказался как нельзя кстати. Лишь спустя полчаса, проведенных с ним в полном блаженстве, как во время вчерашней прогулки, к ней вернулось давешнее спокойное состояние.

Не успел он уйти, по крайней мере не настолько давно он ушел, чтобы у нее возникла хоть малейшая склонность думать о ком-либо еще, как из Рэндаллса принесли письмо — очень толстый пакет; она гадала, что в нем может быть, и неодобрительно поморщилась, понимая, что придется его прочитать. Больше она нисколько не сердилась на Фрэнка Черчилля, ей не хотелось объяснений, ей только нужно было, чтобы ее оставили наедине со своими мыслями. Она была уверена, что ни слова не в состоянии понять из его письма. Однако и через это испытание надобно было пройти. Эмма вскрыла конверт — разумеется, так и есть! Записка от миссис Уэстон была

вложена в письмо Фрэнка, адресованное мачехе:

> «С огромным удовольствием, милая моя Эмма, переправляю вам это письмо. Знаю, вы отдадите ему должное, и нисколько не сомневаюсь в его благотворном воздействии. Мне кажется, мы с вами никогда больше не разойдемся серьезно во мнении об его авторе, однако не стану утомлять вас долгим предисловием. Мы все здоровы. Настоящее письмо исцелило меня от небольшой нервозности, которую я постоянно испытывала. Во вторник мне не слишком понравилось, как вы выглядели, но виной всему было хмурое утро, и, хотя вы всегда отрицаете какое-либо влияние на вас погоды, по-моему, всем становится хуже, когда дует северо-западный ветер. Я очень беспокоилась за вашего батюшку вечером во вторник, во время грозы, и вчера утром, но утешилась, услышав вчера вечером от мистера Перри, что он не заболел.
>
> ***Ваша А.У.».***

Далее в конверте лежало письмо, адресованное миссис Уэстон.

«Виндзор, … июля.

Дражайшая сударыня!

Ежели вчера мне удалось хоть сколько-нибудь связно выразить свои мысли, то вы не удивитесь моему письму, однако, ожидали вы от меня вестей или нет, а я уверен, что прочтете эти строки беспристрастно и снисходительно. Вы – сама доброта, но, я полагаю, даже вам придется призвать на помощь все свое добросердечие, дабы простить меня. Но я уже прощен тою, у кого есть еще больше оснований негодовать. Пока я пишу, смелость моя растет. Очень трудно любимчикам судьбы оставаться смиренными. Я уже встретил такой успех дважды, когда просил прощения, что могу невольно оказаться в опасности, решив, будто могу рассчитывать и на ваше прощение, и на прощение тех ваших друзей, у которых были основания гневаться на меня. Вам всем необходимо попытаться понять истинную сущность моего положения, когда я впервые приехал в Рэндаллс: попробуйте понять, что у меня была тайна, которую я во что бы то ни стало должен

был сохранить. Вот как обстояло дело. Имел ли я право ставить себя в такое положение, когда от меня требовалась подобная скрытность, – это другой вопрос. Я не буду сейчас его обсуждать. Любого, кто оспорит мое право не говорить об этом, я отсылаю к одному кирпичному домику в Хайбери, где в первом этаже подъемные окна, а наверху – створчатые. Я не смел открыто обращаться к ней; трудности моего тогдашнего положения в Энскуме слишком хорошо известны, чтобы требовать от меня объяснений; и мне несказанно повезло – в Уэймуте, перед тем как мы расстались, мне удалось склонить на свою сторону самую светлую головку, самое очаровательное создание на свете. Она дала согласие на тайную помолвку. Откажи она мне тогда, и я сошел бы с ума. Однако предвижу, у вас уже наготове вопрос: на что же я надеялся, поступая подобным образом? Чего ждал? Я ждал всего, чего угодно: помощи, времени, удачного стечения обстоятельств, надеялся или постепенно убедить, или выложить все внезапно,

победить своим упорством их усталость. Передо мной все дороги были открыты, ведь я добился главного – я получил ее заверения во взаимности и верности. Я имею честь, мадам, быть сыном вашего мужа и, к счастью, унаследовал от него склонность надеяться на лучшее. С таким достоянием не могут сравниться ни унаследованные земли, ни дома. Представьте же теперь, в каком состоянии впервые прибыл я в Рэндаллс, и здесь совесть подсказала мне, что я виноват и мог бы приехать куда раньше. Если вы оглянетесь назад, то поймете, что я не приезжал, покуда мисс Ферфакс не было в Хайбери; и так как поведение мое было непочтительным прежде всего по отношению к вам, то вас я и молю о немедленном снисхождении! Но я хочу тронуть и сердце отца моего, напомнив ему, что, пока я не показывался в его доме, я лишен был счастья познакомиться с вами. Надеюсь, те радостные две недели, которые провел я под вашим кровом, дают лишь один повод порицать меня. А теперь я затрону очень важный аспект моего пове-

дения, который имеет отношение к вам и который неустанно тревожит меня и требует весьма тщательных разъяснений. С величайшим уважением и чувством дружеской симпатии упомяну я имя мисс Вудхаус. Возможно, батюшка счел бы, что я должен добавить: и с величайшим стыдом. Те несколько слов, которые вырвались у него вчера, подтверждают это мнение, и я частично готов признать его справедливость. Мое поведение в отношении мисс Вудхаус, очевидно, обозначало то, чего на самом деле не было. С целью тщательнее скрыть столь важную для меня тайну я непростительно злоупотребил дружеским расположением, которое мы тотчас почувствовали друг к другу. Я не могу отрицать, что, ослепленный себялюбием, притворялся, будто мисс Вудхаус – предмет моих нежных чувств, но убежден, вы поверите моему заявлению: если бы я не знал, что совершенно ей безразличен, я не позволил бы себе зайти так далеко. При всей своей живости, при всем очаровании мисс Вудхаус никогда не производила на ме-

ня впечатления девицы влюбчивой. Я глубоко убежден в том, что она в меня не влюблена, что полностью отвечало моим желаниям. Она принимала от меня знаки внимания с легкой, дружеской, веселой игривостью, что как нельзя лучше отвечало моим намерениям. Мне казалось, мы с ней хорошо понимаем друг друга. В соответствии с нашим положением такие знаки внимания воспринимались как должное, и так к ним все и относились. Не могу сказать, начала ли мисс Вудхаус догадываться, как обстоят дела на самом деле, по истечении тех двух недель… Когда я заехал попрощаться с нею, помню, что уже готов был признаться ей во всем. Мне показалось, что она что-то заподозрила, однако я не сомневаюсь, что позже она все отгадала. Ну или почти все. Возможно, она не представляла всей правды, но, при ее проницательности, вполне могла бы разгадать тайну. У меня нет в этом никаких сомнений. Вы сами убедитесь, когда о нашем деле можно будет говорить без теперешней сдержанности, что новость не слишком удивит ее. Она

часто намекала мне на это. Помню, на балу она сказала мне, что я должен быть благодарен миссис Элтон за ее внимание к мисс Ферфакс. Надеюсь, мое объяснение способно в большой мере смягчить мою вину в ваших глазах и в глазах моего отца. Покуда вы считали, что я неправедно поступаю в отношении Эммы Вудхаус, я не мог рассчитывать ни на ваше, ни на его снисхождение. Простите же меня теперь и попытайтесь добиться для меня прощения от вышеназванной Эммы Вудхаус, к коей я испытываю привязанность истинно братскую и которой желаю так же глубоко и счастливо полюбить, как люблю я… Теперь вы понимаете причину моих странных действий и поступков – какими бы они ни были – в те две недели? Сердце мое было в Хайбери, и первейшим долгом почитал я как можно чаще отправлять в то же место и мое бренное тело, причем не возбуждая ничьих подозрений. Если припомните в моем поведении какие-либо странности, припишите их все этой цели. Что же касается фортепиано, которое породило столько

толков, я считаю необходимым лишь сказать, что заказ его был абсолютной тайной для мисс Ф., которая ни за что не позволила бы мне прислать ей инструмент, будь ей дарован выбор. Дражайшая сударыня, утонченность ее, выказанная за все время тайной помолвки, находится на такой высоте, что оценить ее лучшие качества по достоинству я затрудняюсь. Искренне надеюсь, что скоро вы сами получите возможность узнать ее поближе. Как лучше описать ее? Мне не хватает слов. Она сама, должно быть, поведает вам, какова она, – и не посредством речей, ибо не рождалось еще на свет существо, столь решительно отказывающееся признать собственные достоинства… В то время как я писал это письмо, которое оказалось длиннее, чем я предвидел, я получил весточку от нее. Она отзывается о собственном здоровье удовлетворительно, но так как она никогда не жалуется, то я боюсь ей верить. Хотел бы получить от вас подтверждение того, что она действительно здорова. Я знаю, что скоро вы навестите ее, она сейчас живет в страхе

перед вашим визитом. Возможно, вы уже были у нее. Пожалуйста, не откладывайте ваш отчет, я с нетерпением буду ждать от вас подробнейшего письма. Помните, сколь мало минут провел я в Рэндаллсе и в каком суматошном, каком безумном состоянии я был! Увы, состояние мое не сильно улучшилось, я все так же безумен – и от счастья, и от горя. Когда я думаю о том, с какой добротой и благосклонностью встретился, о ее благородстве и терпении, о великодушии дядюшки – я пьян от радости! Однако, припоминая все неудобства, которые я ей причинил, думая о том, сколь мало заслуживаю я прощения, я злюсь на себя до безумия. Если бы только я мог сейчас снова увидеть ее! Но пока я не имею права покинуть дядюшку. Слишком добр он ко мне, чтобы злоупотреблять его терпением. Как ни длинно мое письмо, но я должен добавить следующее. Вы не знаете всего, что вам следует знать. Вчера я не мог сообщить вам ни одной связной подробности. Но внезапность и, в известном смысле, несвоевременность, с которою раскрылся

наш роман, нуждаются в разъяснении, хотя вы сразу поймете, что событие, произошедшее 26-го числа прошлого месяца и открывшее передо мной самые радужные горизонты, ускорило развязку. Я никогда не позволил бы себе действовать так поспешно, если бы не чрезвычайные обстоятельства, которые не дали мне терять время. У меня бы не хватило духу действовать столь прямолинейно, тем более – у нее, при всей ее щепетильности и утонченности… Но выбора, повторюсь, у меня не было. Поспешность, с которой она приняла предложение той женщины… Здесь, сударыня, я вынужден прерваться, дабы собраться с мыслями и взять себя в руки. Я выходил прогуляться и теперь, надеюсь, достаточно трезв для того, чтобы достойным образом завершить письмо. На деле это самое тягостное и унизительное воспоминание – для меня. Я вел себя недостойно. И здесь вынужден признать, что в высшей степени позорным было мое поведение с мисс В., оскорблявшее чувства мисс Ф. Она не одобряла моего поведения, одного этого должно было быть

достаточно. Мои объяснения, что это, мол, завеса для того, чтобы не заподозрили правду, она сочла неубедительными. Она была недовольна; на мой взгляд, ее недовольство не имело под собой оснований: я считал, что она чересчур щепетильна и осторожна там, где никакая осторожность вовсе не требуется… что она дует на воду… Я даже упрекал ее в холодности! Но она всегда оказывалась права. Последуй я ее советам, умерь я свой пыл и согласись с ее оценкою происходящего, я избежал бы величайшего в жизни несчастья. Мы ссорились. Помните утро, проведенное в Донуэлле? Именно там все мелкие разногласия, которые случались между нами прежде, завершились кризисом. Я опоздал… и встретил ее, когда она одна возвращалась домой. Я хотел проводить ее, но она была против. Она категорически воспротивилась моему предложению проводить ее, а я счел это крайне неразумным. Однако теперь я не вижу в ее словах ничего, кроме вполне естественного и последовательного желания действовать осторожно. В то время

как я, обманывая всех, дабы скрыть нашу помолвку, целый час расточал любезности другой… Я склонял ее к таким действиям, которые разом свели бы на нет все наши предосторожности! Если бы увидели, как мы вместе гуляем между Донуэллом и Хайбери, то люди неизбежно заподозрили бы правду. Однако я был настолько безумен, что отрицал очевидное. Я усомнился в ее чувствах, еще более усомнился я в них на следующий день, во время поездки на Бокс-Хилл. Тогда, в ответ на мое поведение, мое постыдное, оскорбительное пренебрежение ею и очевидную симпатию к мисс В., которых не вынесла бы ни одна разумная женщина, она выказала свое неодобрение в совершенно недвусмысленной форме. Иными словами, сударыня, между нами произошла размолвка – ее не в чем упрекнуть, но я вел себя ужасно! В тот же вечер я вернулся в Ричмонд, хотя вполне мог бы остаться с вами до следующего утра, просто из-за того, что я невероятно злился на нее. Даже тогда я не настолько лишился рассудка, чтобы не верить,

что со временем я помирюсь с нею. Но я чувствовал себя задетым, оскорбленным ее холодностью и уехал с решимостью не делать первого шага к примирению. Я всегда буду поздравлять себя с тем, что вас тогда не было на Бокс-Хилл. Стань вы свидетельницей моего тогдашнего поведения, и едва ли я мог бы предполагать, что вы когда-нибудь снова сумеете думать обо мне хорошо. Наша ссора оказала на нее немедленное действие: как только она узнала, что я в самом деле уехал в Ричмонд, она решилась принять предложение этой миссис Элтон, которая назойливо вмешивается не в свои дела. Между нами, ее обращение всегда наполняло мое сердце негодованием и ненавистью. Помня о том, как снисходительно относились ко мне все жители Хайбери, я не считаю себя вправе роптать, в противном случае я непременно бы вслух возмутился тем, сколь благосклонно все принимают эту ужасную особу. Подумать только, она называет ее Джейн! Поверьте, я сам до сих пор не позволяю себе называть ее так, даже в

письме к вам. Теперь представьте, что я должен был чувствовать, слыша, как имя ее самым вульгарным образом треплется этими Элтонами, причем с ненужной частотой и с наглостью, проистекающей от их воображаемого превосходства. Прошу, потерпите мою болтовню еще немного. Она решилась принять предложение, решилась совершенно разорвать со мной все отношения и на следующий день написала мне, что больше мы с нею никогда не увидимся. Она написала, что считает нашу помолвку источником раскаяния и горя для нас обоих и потому разрывает ее. Письмо ее пришло в то самое утро, когда скончалась бедная тетушка. В течение часа я написал ответ, однако из-за смятения, в котором пребывал мой разум, и множества дел, свалившихся на меня в одночасье, ответ, который я должен был отправить вместе со множеством других писем, написанных в тот день, оказался запертым в ящике моего бюро. Я полагал, что написал достаточно решительный ответ, хотя и в нескольких строках; он должен был успокоить и утешить ее, что-

бы она перестала тревожиться на этот счет. Я очень огорчался, что она мне не отвечает, однако находил для этого какие-то объяснения. Я был слишком занят и – что греха таить – слишком радовался радужному будущему вместо того, чтобы насторожиться. Мы отбыли в Виндзор, и спустя два дня я получил от нее пакет, в котором она возвращала все мои письма, и в то же время по почте получил от нее записку. Она выражала удивление по поводу того, что я не ответил на ее последнее письмо. Так как молчание мое по столь важному поводу невозможно неверно истолковать, писала она далее, и так как для нас обоих должно быть желательно как можно скорее покончить с этим делом, она посылает мне, в запечатанном конверте, все мои письма и просит, чтобы я, в свою очередь, вернул все ее письма ко мне. Если мне, по каким-либо причинам, не удастся переслать их в течение недели в Хайбери, то по истечении данного периода пакет надлежит отправить в… далее она приводила полный адрес миссис Смолридж, живущей

возле Бристоля. Ее записка поразила меня в самое сердце! Я слышал это имя, знал место, я знал все и сразу же догадался, что она собирается сделать. Так как мне прекрасно известна ее решительность, я не сомневался, что именно так она и поступит, а то, что она ни словом не заикнулась о своих планах в предыдущем письме, лишний раз доказывало ее щепетильность и утонченность. Напиши она мне об этом раньше, и я мог бы вообразить, будто она мне угрожает, что никоим образом не входило в ее намерения… Представьте мое потрясение, вообразите, как – пока не раскрылась моя оплошность – клял я нерасторопность почты! Что было делать? Оставался лишь один выход: поговорить с дядей. Без его согласия я и надеяться не смел на то, что меня снова согласятся выслушать. Я поговорил. Обстоятельства благоприятствовали мне, последние события смягчили его гордыню, и он скорее, чем я мог предвидеть, совершенно уступил мне и дал свое благословение, а напоследок бедняга с глубоким вздохом добавил свое желание,

чтобы я обрел в браке такое же счастье, как и он! Правда, я склонен полагать, что обрету счастье несколько иного рода… Готовы ли вы пожалеть меня за то, что я пережил, открываясь дядюшке и ожидая в нетерпении его ответа, когда решалась моя судьба? Нет, прошу, не жалейте меня! Потом я примчался в Хайбери и узнал, как сильно она по моей милости заболела. Не жалейте меня, пока не узнаете, как я увидел ее больное, изможденное лицо. Я прибыл в Хайбери утром; зная об их обычае завтракать поздно, я был почти уверен, что застану ее одну. Мои надежды оправдались, и в конце концов цель моего путешествия была достигнута. Мне пришлось потрудиться, чтобы развеять ее вполне обоснованное, вполне справедливое недовольство. Однако все позади. Мы помирились, теперь мы стали еще ближе и дороже друг другу, чем прежде, и меж нами не случится и минутной размолвки. Теперь, сударыня, я вас освобождаю, однако прежде, не объяснившись, я не мог закончить письма. Примите тысячи и тысячи благодарностей за всю доброту,

какую вы всегда мне выказывали, и десять тысяч благодарностей за ту заботу, которой вы окружите ее – в соответствии с тем, что подскажет вам ваше сердце. Если вы сочтете, что я в своем роде счастливее, чем того заслуживаю, я целиком с вами согласен. Мисс В. называет меня баловнем судьбы. Надеюсь, что она права. В одном отношении везение мое несомненно, поскольку я в состоянии подписаться под этим письмом как

ваш преданный и любящий сын,
Ф.Ч. Уэстон-Черчилль».

Глава 51

Письмо Фрэнка Черчилля, как и следовало ожидать, задело Эмму за живое. Несмотря на прежнюю предубежденность, она не могла не отдать письму должного, как и предсказывала миссис Уэстон. Как только она увидела в письме свое собственное имя, она ощутила растущий интерес — всякое упоминание о себе было ей небезразлично. И почти всякое — приятно, однако даже там, где она не упоминалась, суть письма все равно представляла несомненный интерес, ибо ее прежняя привязанность к его автору естественным образом возвращалась. Росло и сочувствие, которое неизбежно возбуждал в ней в тот момент любовный роман. Она, не прерываясь, дочитала письмо до самого конца, и, хотя невозможно было не признать, что он был не прав, все же он оказался не настолько плох, как она полагала: он тоже страдал и очень сожалел о содеянном и был так признателен миссис Уэстон и так влюблен в мисс Ферфакс! И сама Эмма была так счастлива, что просто не могла быть к нему суровой. Войди он в этот момент в комнату, она,

несомненно, пожала бы ему руку так же сердечно, как и раньше. Ей так понравилось письмо, что, когда вернулся мистер Найтли, она захотела, чтобы он тоже прочитал его. Она была уверена: миссис Уэстон не будет против и даже желала бы, чтобы о письме было рассказано, особенно тому, кто, как мистер Найтли, видел столько предосудительного в поведении ее пасынка.

— Я с радостью прогляжу письмо, — сказал он, — однако оно, кажется, длинное. Я заберу его с собой домой на ночь.

Однако так не годилось. Мистер Уэстон собирался зайти вечером, письмо надлежало вернуть с ним.

— Я предпочел бы поговорить с вами, — отвечал он, — однако, раз дело касается справедливости, что ж, я его прочту. — Он начал читать, но почти сразу же прервался. — Эмма, предложи мне кто-нибудь прочесть одно из писем этого господина к своей мачехе несколько месяцев назад, и я не взял бы его с таким безразличием.

Еще немного он посидел над письмом, читая про себя, затем с улыбкой заметил:

— Хм! Какое лестное начало! Однако у него такой стиль. У каждого своя манера. Не будем к нему суровы. — Вскоре он снова прервался. — Для

меня естественно будет время от времени по ходу чтения делиться с вами своим мнением. Высказываясь, я буду чувствовать, что нахожусь рядом с вами. Таким образом, мы не слишком потеряем время… но если вам это не нравится…

— Очень нравится. Я хотела бы слышать ваше мнение.

— Здесь, — заметил мистер Найтли, — он лукавит, когда пишет об искушении. Он знает, что не прав, но ему нечем оправдать свое поведение… Плохо! Ему не следовало заключать помолвку… Надо же — «унаследовал отцовский нрав»! Тут он бросает тень и на родного отца. Сангвинический темперамент всегда поддерживал мистера Уэстона в его благих и честных намерениях, что правда, то правда, однако мистер Уэстон сам заслужил свое нынешнее счастье… А вот это верно: ноги его здесь не было, покуда не приехала мисс Ферфакс.

— А я не забыла, — сказала Эмма, — вашей уверенности в том, что он, если бы захотел, мог бы приехать сюда и раньше. Вы очень благородно не напоминаете мне о моем заблуждении, однако вы были совершенно правы.

— Эмма, я относился к нему не совсем беспристрастно, но все же думаю: даже не будь в деле

замешаны вы, я все равно не доверял бы ему.

Когда он дошел до упоминания мисс Вудхаус, он счел своим долгом прочесть весь пассаж — все, что имело к ней отношение, — вслух, с улыбкой. Он бросал на нее многозначительные взгляды, он качал головой, время от времени отпускал слово, свидетельствующее о его согласии или неодобрении. Или просто говорил ей о любви, как того требовал предмет, о котором шла речь, под конец же, крепко задумавшись, он серьезно заключил:

— Очень плохо… хотя могло бы быть и хуже. Он играл с огнем. Его счастье, иначе ему не было бы оправдания… Не способен верно оценить свое поведение с вами. Он всегда принимает желаемое за действительное и всегда слишком мало обеспокоен всем, кроме своего удобства. Вообразил, будто вы разгадали его тайну! Вполне естественно для него! У самого в голове один обман, и он то же подозревает в других… Тайна! Обман! Насколько он способен все извратить! Милая Эмма, не является ли это письмо лишним доказательством того, насколько прекрасны правда и искренность, которые украшают наши с вами отношения?

Эмма согласилась, но покраснела, вспомнив, что не может искренне рассказать ему о Хар-

риет.

— Лучше читайте дальше, — сказала она.

Он стал читать, однако очень скоро снова прервался:

— Фортепиано! Ах! Вот поступок, достойный мальчишки! Он не в состоянии понять, что неудобства, вызванные его мальчишеством, могут намного превзойти удовольствие. Настоящее мальчишество! Не могу представить, как можно подарить женщине доказательство своей любви, без которого она, скорее всего, предпочла бы обойтись… И ведь он знал, что она запретила бы ему посылать пианино, если бы могла.

После этого замечания он довольно долго читал, не прерываясь. Признания Фрэнка Черчилля в собственном постыдном, недостойном поведении не требовали от него большего, нежели отрывочных, односложных одобрений.

— Совершенно согласен с вами, сэр, — заметил он. — Вы действительно вели себя постыдно. Никогда еще не писали вы более справедливых слов. — Прочитав следующие строки, в которых Фрэнк писал о причине их размолвки и своем упорном желании действовать вразрез с тем, что считала правильным Джейн Ферфакс, он снова прервал чтение. — А вот это никуда не годит-

ся… Он вынудил ее, ради своего собственного блага, поставить себя в крайне затруднительное и неловкое положение, в то время как первым долгом обязан был охранять ее от лишних страданий… Должно быть, ей было куда труднее, чем ему, поддерживать тайную переписку. Ему бы надо было ценить даже излишнюю ее щепетильность, если бы она таковую проявляла, однако все ее предосторожности были разумными. Нам надлежит помнить, что она совершила лишь одну ошибку — согласилась на тайную помолвку! Она считала, что несет заслуженную кару.

Эмма понимала, что сейчас он приступит к описанию поездки на Бокс-Хилл; ей стало не по себе. Насколько постыдно вела себя там она сама! Она смешалась — как-то он на нее теперь посмотрит? Однако весь кусок был прочитан серьезно, внимательно и без малейшего замечания. Он ограничился лишь одним мимолетным взглядом и немедленно перешел к следующему отрывку, боясь огорчить или ранить ее. Казалось, ему нечего сказать по поводу Бокс-Хилл.

— М-да, — заметил он вскоре, — наши добрые друзья Элтоны деликатностью не отличаются. Тут его возмущение вполне уместно… Что? Она решилась на полный разрыв с ним? Она считала,

что помолвка стала источником горя и страдания для них обоих? Она разорвала ее… Да, хорошего же она была мнения о его поведении! Что ж, должно быть, ему необычайно…

— Нет-нет, читайте дальше! Вы узнаете, сколь много он страдает.

— Надеюсь, — холодно ответствовал мистер Найтли, снова опуская глаза. — Смолридж? Это еще кто такая? Что все это значит?

— Она приняла предложение стать гувернанткой у детей миссис Смолридж — близкой приятельницы миссис Элтон, живущей по соседству с «Кленовой рощей». Кстати, интересно, как-то миссис Элтон переживет разочарование?

— Милая моя Эмма, ничего не говорите, покуда я не дочитал до конца, даже о миссис Элтон. Мне осталась всего одна страничка. Скоро я закончу. Ну, доложу я вам, он и любитель писать длинные письма!

— Мне бы хотелось, чтобы вы, читая письмо, испытывали к нему более теплые чувства…

— У него, правда, кое-где проглядывает чувство… Кажется, он действительно перепугался, узнав о ее болезни. Нет, я не сомневаюсь в том, что он ее любит. «Дороже, куда дороже и милее, чем прежде». Надеюсь, он надолго запомнит, чего

стоило их примирение. Да, на благодарности он не скупится — раздает их тысячами и десятками тысяч… «Счастливее, чем я заслуживаю». Да, тут он лучше себя знает. «Мисс Вудхаус называет меня баловнем судьбы». Вы, мисс Вудхаус, действительно так его называли? И изящное завершение письма… Вот и все. «Баловень судьбы»! Неужели вы так его назвали?

— Кажется, письмо не произвело на вас такого же благоприятного действия, как на меня? И тем не менее вам следует признать — по крайней мере, я на то надеюсь, — что он несколько оправдал себя в ваших глазах. Признайтесь, вырос он в вашем мнении?

— Да, безусловно. У него есть серьезные недостатки: бездумность и легкомыслие! И я склонен согласиться с его утверждением, будто он не заслуживает такого счастья, но, поскольку он, несомненно, любит мисс Ферфакс и скоро, смею надеяться, получит возможность исправиться благодаря постоянному пребыванию рядом с нею, я вполне готов поверить в то, что он сумеет улучшить свой характер и позаимствовать от нее хоть немного твердости, строгости правил и деликатности, которых ему так недостает. А теперь позвольте переменить тему. В настоящее время я

принимаю настолько близко к сердцу интересы другого человека, что больше не могу думать о Фрэнке Черчилле. Даже после того, как утром я ушел от вас, Эмма, я не перестаю думать о нем.

Он не замедлил с разъяснениями и изложил свои намерения простым, безыскусным и благородным языком, которым мистер Найтли пользовался даже в разговоре с любимой им женщиной. Его волновало, как им жить дальше, как обвенчаться, не посягая на благополучие ее отца. Эмма не замедлила с ответом. Пока милый батюшка жив, любая перемена состояния для нее невозможна. Она никогда не сумеет покинуть его. Однако он лишь частично согласился с ее ответом. Мистер Найтли столь же ясно сознавал невозможность для нее покинуть батюшку, как и она сама, но не мог примириться с тем, что любая перемена для нее невозможна. Он думал над этой проблемой очень долго и очень основательно. Вначале он надеялся уговорить мистера Вудхауса переехать вместе с нею жить в Донуэлл, ему казалось, что такой план вполне осуществим, однако, давно зная мистера Вудхауса, нельзя было не понять, что это утопия. Он признался Эмме в своем опасении, что такое перемещение будет угрожать не только душевному спокойствию ми-

стера Вудхауса, но, возможно, даже сократит ему жизнь, чего ни в коем случае нельзя допустить. Чтобы мистера Вудхауса увезли из Хартфилда! Нет, он понял, что ему даже намекать нельзя на это. Однако, пожертвовав этим планом, он тут же придумал другой: он полагает, что у его дражайшей Эммы новый план не вызовет никаких возражений. Выход состоит в том, что он сам переедет в Хартфилд. До тех пор, пока счастье, а говоря в целом, и жизнь ее батюшки зависят от ее пребывания в Хартфилде, этот дом станет также и его домом.

У Эммы тоже мелькнула было мысль о том, чтобы им всем вместе переехать в Донуэлл. Как и мистер Найтли, она вскоре живо представила себе все последствия и отказалась от этого плана. Но самый простой выход, предложенный им, до сих пор не приходил ей в голову. Она понимала, что подобное предложение — доказательство глубины его чувств. Она осознавала, что, покинув Донуэлл, он жертвует во многом своей независимостью во времени и привычках — живя постоянно с ее отцом, да вдобавок не у себя дома, он вынужден будет многое, очень многое претерпеть. Она обещала подумать о его предложении и посоветовала ему взвесить все более тщательно,

однако он был полностью убежден в том, что никакие размышления не изменят его намерений и мнений по данному вопросу. Он может заверить ее, что обдумал все тщательнейшим образом! Он на целое утро сбежал от Уильяма Ларкинса, чтобы спокойно поразмыслить на досуге.

— Ах! — со смехом вскричала Эмма. — Вот еще одна трудность, которую мы не предусмотрели. Уильяму Ларкинсу ваша женитьба не понравится. Вы должны были спросить его согласия, прежде чем спрашивать меня.

Однако она обещала хорошенько обо всем подумать, и более того, обещала думать с намерением настроить себя в пользу такого решения.

Примечательно, что Эмма, размышляя о Донуэлл-Эбби в различных аспектах, ни разу не вспомнила о несправедливости по отношению к племяннику Генри, чьи права наследования столь близко принимала она к сердцу в прошлом. Казалось бы, ей следовало задуматься о возможных переменах, угрожающих бедному малышу, и все же она, лукаво улыбнувшись про себя, лишь порадовалась, поняв, что за ее яростным протестом против предполагаемой женитьбы мистера Найтли на Джейн Ферфакс или на ком-либо еще стоит не просто заботливость сестры и тетки, но

совершенно иное чувство.

Чем больше она размышляла над его предложением поселиться после свадьбы в Хартфилде, тем больше оно ей нравилось. Чем дальше, тем больше недостатки этого решения отходили на задний план, преимущества же росли. Их взаимный выигрыш перевешивал всякие помехи и отрицательные стороны. Приобрести такого спутника! Ей не страшны теперь времена тревоги и уныния! Такого друга во всех обязанностях и заботах, которым со временем суждено становиться все печальнее!

Если бы не воспоминания о бедной Харриет, ничто не омрачило бы ее счастья, однако все, что шло во благо Эмме, виделось ей причиною неописуемых страданий ее подруги, которая должна быть теперь удалена из Хартфилда. Бедную Харриет следует, просто из милосердной предосторожности, держать подальше от того очаровательного семейного кружка, который Эмма создает для себя. Харриет во всех смыслах проигрывает. Эмма не может даже рассматривать ее отсутствие в будущем как потерю для себя. В их кругу Харриет скорее окажется лишней, чем своей, а для самой бедняжки такая вынужденная изоляция будет особенно жестокой, будет выгля-

деть незаслуженным наказанием.

Со временем, разумеется, она забудет мистера Найтли. Его заменит кто-то другой, но нельзя ожидать, что это произойдет очень скоро. Сам мистер Найтли ничем не сможет помочь горю, он не таков, как мистер Элтон. Мистер Найтли, всегда такой добрый, такой понимающий, так искренне сочувствующий всем, никак не сумеет столь быстро разочаровать девушку. Кроме того, невозможно даже от Харриет ожидать, чтобы она влюбилась больше трех раз за один год.

Глава 52

Для Эммы было большим облегчением узнать, что Харриет не меньше ее самой желает избегать встреч. И без того их переписка оказалась достаточно болезненной. Но насколько было бы хуже, если бы они обязаны были видеться!

Как и следовало ожидать, Харриет откликнулась на происходящее без упреков или очевидной обиды, и все же Эмме показалось, что письмо ее написано холодновато и отчужденно. От этого ее желание не видеться с Харриет лишь возросло. Возможно, ей все только почудилось, однако от такого удара, кажется, не обидеться мог только ангел.

Она без труда раздобыла для Харриет приглашение от Изабеллы, и, к счастью, ей не пришлось выдумывать предлога для этого. У Харриет болел зуб. Она на самом деле, и уже довольно давно, хотела сходить к зубному врачу. Миссис Джон Найтли обрадовалась тому, что может помочь, — любое нездоровье открывало путь к ее сердцу. И хотя она не так любила зубного врача, как некоего мистера Уингфилда, она охотно согла-

силась принять Харриет под свое крыло. Уладив таким образом вопрос с сестрой, Эмма предложила подруге поехать в Лондон; ту не пришлось долго уговаривать… Харриет зовут в Лондон, ее пригласили самое малое на две недели, она отправляется туда в карете мистера Вудхауса… Все было организовано, все выполнено, и Харриет благополучно прибыла на Бранзуик-сквер.

Теперь Эмма могла по-настоящему радоваться приходам мистера Найтли, теперь могла она говорить и слушать его с истинной радостью, не мучаясь сознанием того, что рядом с нею страдает разбитое сердце. В те минуты, когда она счастлива, подруга терзается и переживает из-за того, что Эмма сбила ее с пути истинного.

Возможно, Эмма преувеличивала, и для Харриет не столь осязаема была разница между пансионом миссис Годдард и Лондоном, однако она искренне надеялась на то, что в Лондоне Харриет отвлечется от мыслей о прошлом, ведь там так много достопримечательностей и развлечений.

Освободившись от забот о Харриет, она не могла позволить себе роскошь заполнить пустоту тревогой за кого-то еще. Перед нею стояла трудная задача — задача, выполнить которую могла

лишь она одна: надобно было рассказать отцу о помолвке. Она пока никак не могла решиться. Она хотела отложить признание до тех пор, пока миссис Уэстон благополучно разрешится от бремени. Не стоит давать повод для дополнительного волнения в этот период тем, кого она любит. Да и самой лучше не думать о предстоящих трудностях до назначенного срока. Перед нею по крайней мере две недели, в которые можно наслаждаться радостью и покоем и отдохнуть после счастливых, но бурных событий предшествующих дней.

Вскоре она решила совместить приятное с полезным и посвятить полчаса этого спокойного периода своей жизни визиту к мисс Ферфакс. Эмме необходимо пойти и очень хочется повидать ее. Сходство их теперешнего положения усиливало все прочие добрые побуждения. Это будет двойное удовольствие, ведь сознание схожести их будущего, безусловно, углубит интерес, с которым она встретит любую сообщенную Джейн новость.

И она пошла… Однажды она уже подходила к их порогу, но не переступала его после утра, проведенного на Бокс-Хилл, когда бедная Джейн была в таком расстройстве и наполнила сердце

Эммы такой жалостью. Правда, Эмма и не подозревала тогда о причине ее переживаний. Боясь, что она все еще нежеланная гостья, Эмма, хотя и была уверена в том, что хозяйки дома, осталась в прихожей и велела доложить о себе наверх. Она услышала, как Патти объявляет о ее приходе, однако за этим не последовало суматохи, которую вызвал ее прошлый визит. Нет, до Эммы донесся звонкий голос: «Просите ее подняться!» — и спустя мгновение сама Джейн встретила ее у лестницы, наверху. Она быстро шла навстречу, словно любой другой прием был бы для такой гостьи немыслим. Эмма никогда не видела ее такой оживленной, такой цветущей и радостной. Во взгляде ее читались воодушевление, симпатия и теплота. В Джейн было все, чего прежде ей так недоставало. Она пошла навстречу Эмме, протянув ей руку, и сказала негромко, но очень прочувственно:

— Вот это нечаянная радость! Мисс Вудхаус, не могу выразить, как… Надеюсь, вы поверите… Извините за то, что не нахожу слов…

Польщенная таким приемом, Эмма была уже готова доказать, что ей-то слов достанет, но тут ее остерег донесшийся из гостиной голос миссис Элтон. Она ограничила дружеский порыв самым

теплым и искренним рукопожатием.

Миссис Бейтс и миссис Элтон сидели рядом. Мисс Бейтс вышла, чем и объяснялась непривычная тишина. Эмме хотелось бы, чтобы миссис Элтон была где угодно, только не здесь, однако она настроилась вытерпеть кого угодно, и странная любезность, с какой приветствовала ее миссис Элтон, вселяла надежду на то, что эта случайная встреча никому из них не повредит.

Вскоре Эмме показалось, что она поняла ход мыслей миссис Элтон, поняла, почему та, как и она сама, пребывает в таком приподнятом настроении: миссис Элтон полагала, что никто, кроме нее, не знает секрета мисс Ферфакс. Здороваясь с миссис Бейтс и притворяясь, будто слушает ответы доброй старушки, Эмма успела заметить, как миссис Элтон с загадочным и многозначительным видом сворачивает письмо, которое она, очевидно, читала перед ее приходом вслух. Она сунула его в лиловый ридикюль, расшитый золотом, заметив с выразительным кивком:

— Лучше дочитаем как-нибудь в другой раз, знаете ли. Нам с вами недолго ждать удобного случая. Да и потом, все самое главное вы уже узнали. Я только хотела доказать вам, что миссис С. принимает ваши извинения и нисколько не

обижена. Видите, как восхитительно она выражается. О! Она чудесное создание! Вы бы влюбились в нее, если бы поехали к ней. Но ни слова больше! Будем тактичны и благоразумны… Тс-с-с! Помните строки — забыла, кто их написал:

> *Cherchez la femme![10] – призыв известный;*
>
> *Где дама – прочие отходят, бессловесны.*

А в нашем случае, говорю я, слово «femme» следует заменить на… тс-с-с! Да, что-то сегодня я развеселилась! Но мне хотелось успокоить вас насчет миссис С. Поверьте, в моем изложении причина отказа вполне удовлетворила ее.

Стоило Эмме на минутку отвернуться, чтобы взглянуть на вязанье миссис Бейтс, как миссис Элтон тут же прибавила полушепотом:

— Имен я не называла, как вы заметили. О нет! Я такая осторожная, что мне впору быть министром. Справилась с делом лучше некуда!

Сомнений у Эммы не оставалось. Миссис Элтон, очевидно, гордилась своей осведомленностью и при каждом удобном случае выставляла ее

---

[10] Примечания: 10
Ищите женщину (*фр.*).

напоказ. После того как гостьи мирно, в полной гармонии друг с другом, поговорили о погоде и здоровье миссис Уэстон, миссис Элтон вдруг неожиданно спросила Эмму:

— Не кажется ли вам, мисс Вудхаус, что наша маленькая проказница поправилась на удивление быстро? Как по-вашему, не делает ли ее исцеление чести доктору Перри? — добавила она, искоса бросая многозначительный взгляд на Джейн. — Честное слово, Перри удалось исцелить ее в поразительно короткие сроки! О! Если бы вы видели ее, как я, когда она находилась в наихудшем состоянии! — Тут к Эмме с чем-то обратилась миссис Бейтс, а миссис Элтон снова зашептала Джейн: — Мы ни словом не обмолвимся о том помощнике, какой был у Перри! Ни словом не заикнемся о некоем молодом лекаре из Виндзора! О нет! Вся слава достанется одному Перри. Я давно не имела удовольствия видеть вас, мисс Вудхаус, — продолжала она вслух, — со времени поездки на Бокс-Хилл. Очень приятная поездка! Но все же, по-моему, ей чего-то недоставало. Кому-то было невесело — казалось, что-то не ладилось. По крайней мере, так мне показалось, но, возможно, я ошибалась. Как бы там ни было, поездка удалась, мне даже хочется отправиться

туда снова. Как вы обе отнесетесь к предложению собраться той же компанией и снова прогуляться на Бокс-Хилл, пока нам благоприятствует погода? Очень важно поехать в том же составе — совершенно в том же, без единого исключения.

Вскоре после того в комнату вошла мисс Бейтс, и Эмма невольно развеселилась, видя, как та сконфузилась. Она предположила, что смущение происходит от боязни выболтать слишком много и нетерпения немедленно рассказать все.

— Благодарю вас, мисс Вудхаус, вы сама доброта! Невозможно выразить словами… Да-да, я вполне понимаю… но будущее Джейн… то есть… Однако она чудесным образом расцвела. Как поживает мистер Вудхаус? О, рада слышать. Просто передать не могу, как я рада… В таком счастливом тесном кругу, как наш… М-да. Очаровательный молодой человек! То есть… такой любезный! Я имею в виду доброго мистера Перри! Такое внимание к Джейн! А наша дражайшая миссис Элтон! Какое счастье, что она снова у нас!

Эмма догадалась, что прежде обитатели дома викария выказали Джейн легкое неудовольствие, которое теперь благополучно преодолено. Несколько реплик, произнесенных миссис Элтон громким шепотом, подтвердили ее догадку. По-

том миссис Элтон повысила голос:

— Да, я здесь, мой добрый друг, и сижу у вас уже так долго, что в любом другом месте должна была бы уже извиниться за назойливость. Но дело в том, что я дожидаюсь своего господина и повелителя. Он обещал зайти за мной и засвидетельствовать вам свое почтение.

— Что?! Да неужели будем мы иметь удовольствие видеть у нас мистера Элтона? Вот это радость так радость! Насколько мне известно, джентльмены не любят утренних визитов, кроме того, мистер Элтон всегда так занят…

— Действительно, это так, мисс Бейтс. Он и правда непрерывно в делах — с утра до ночи. К нему без конца приходят по тому или иному поводу. И мировые судьи, и попечители, и церковные сторожа — всем всегда надобно узнать его мнение. Кажется, без него все дела в приходе замрут. Я часто говорю: «Помяните мое слово, мистер Э., но это удача, что хоть ко мне не приходят. Если бы у меня было столько просителей, я бы давно забросила и живопись, и музыку…» И так я уделяю им непростительно мало времени… Боюсь, что уже недели две не подходила к инструменту… Как бы там ни было, а к вам он, уверяю вас, непременно зайдет. И несомненно, он намерен повидать вас

всех. — Тут она добавила, приложив руку ко рту, дабы Эмма не услышала ее: — Вы же понимаете, с поздравительным визитом… Как же без этого!

Сколько радости сквозило в ответном взгляде мисс Бейтс!

— Он обещался зайти за мной, как только освободится от Найтли, — но они с Найтли уединились и о чем-то совещаются. Мистер Элтон у Найтли — правая рука.

Эмма постаралась подавить улыбку и лишь спросила:

— Неужели мистер Элтон отправился в Донуэлл пешком? Сегодня жарко…

— О нет! Они встречаются в «Короне», как у них заведено. И Уэстон, и Коул тоже придут, однако обычно говорят только о тех, кто главенствует… Не сомневаюсь, что мистер Элтон и Найтли во всем настаивают на своем…

— А вы не ошибаетесь насчет дня? — спросила Эмма. — Я почти уверена, что они должны собраться в «Короне» завтра… Мистер Найтли был вчера в Хартфилде и вроде бы говорил, что встреча состоится в субботу.

— О нет! Встреча определенно назначена на сегодня, — обрезала ее миссис Элтон, гневно отрицая всякую возможность ошибки со своей

стороны. — Убеждена, — заявила она потом, — что в мире не было еще такого трудного прихода. В «Кленовой роще» мы и понятия не имели о таких трудностях.

— Тамошний приход маленький, — заметила Джейн.

— Честное слово, дорогая, я не знаю, потому что никогда не слыхала, чтобы об этом вообще говорили.

— Однако об этом свидетельствует то, что там маленькая школа, в которой, по вашим словам, попечительствуют ваша сестра и миссис Брэгг. Это единственная школа, в которую ходят не более двадцати пяти детишек.

— Ах вы, умница — ведь верно! Что за ясная у вас головка! Знаете, Джейн, если бы нас с вами сложить вместе, какое совершенное бы получилось создание! Моя искрометная живость и ваша серьезность вместе являются совершенством… Но не подумайте, будто я тут собираюсь сказать, что некоторые уже не считают совершенством одну вас… Но ш-ш-ш! Об этом ни слова, если позволите.

Ее призыв к осторожности казался излишним, насколько понимала Эмма, Джейн тщетно пыталась уделить хоть долю внимания кому-то кроме

миссис Элтон, например ей, мисс Вудхаус. Желание поговорить с нею было вполне очевидным, того же требовали и правила приличия. Однако чаще всего хозяйке приходилось ограничиваться лишь взглядом.

Тут появился мистер Элтон. Супруга приветствовала его со свойственной ей искрометной живостью:

— Очень мило, сэр, нечего сказать! Отослали меня сюда, вынудили до смерти надоесть друзьям, а сами все не идете и не идете. Но вам известно, насколько сильно развито у меня чувство долга. Вы знаете, что я не уйду, пока не дождусь своего господина и повелителя. И вот сижу я здесь битый час, являя этим юным девицам образец истинного супружеского послушания, ибо кто знает, как скоро им это может пригодиться?

Мистер Элтон был так измучен жарой и устал, что, казалось, пропустил мимо ушей все женино остроумие. Разумеется, он не пренебрег правилами приличия по отношению к другим дамам, но почти тут же принялся жаловаться на жару, которая измучила его, и на прогулку, которая оказалась напрасной.

— Когда я пришел в Донуэлл, — заявил он, — Найтли нигде не могли найти. Очень странно!

Просто неописуемо! Утром я отправил ему записку, и он прислал ответ, в котором определенно писал, что точно будет дома до часу дня.

— Донуэлл? — вскричала его жена. — Мой дорогой, неужели вы были в Донуэлле? Наверное, вы хотите сказать: в «Короне»? Вы возвращаетесь после встречи в «Короне»!

— Нет-нет! Она будет завтра… а мне особенно хотелось повидать Найтли сегодня, именно в связи с завтрашним совещанием… Какая нынче жара! А я еще пошел полями, — добавил он крайне обиженным тоном, — и буквально изжарился. И после всего — не застать его дома! Я несказанно огорчен. А он даже не извинился, не оставил для меня никакой записки! Экономка заявила: она и понятия не имела о том, что он ожидает меня… Крайне необычайно! И никто кругом не знает, куда он пошел. Может, в Хартфилд, может, на ферму Эбби-Милл, а может, вовсе в лес… Мисс Вудхаус, это вовсе не похоже на нашего друга Найтли… Не можете ли объяснить его поведение?

Эмма улыбнулась про себя, а вслух согласилась с тем, что поведение мистера Найтли действительно крайне необычно, и добавила, что ей нечего сказать в его оправдание.

— Просто невообразимо, — миссис Элтон, как и подобает преданной супруге, буквально дышала негодованием, — я не понимаю, как мог он поступить таким образом! И с кем? Именно с вами! Вы — последний человек, которым можно пренебрегать… Мой милый мистер Э., он должен был оставить вам записку, просто обязан! Даже для такого оригинала, как Найтли, это слишком, просто о записке забыли слуги. Помяните мое слово, в этом все и дело! Такое вполне нормально для донуэллской прислуги… Все они, как я часто наблюдала, чрезвычайно неуклюжи и рассеянны. Вот я ни за что не стала бы держать такого буфетчика, как его Гарри. А что касается миссис Ходжес, то наша Райт ценит ее весьма невысоко… Она обещала Райт рецепт наливки, да так и не прислала его…

— Я повстречал Уильяма Ларкинса, — продолжал мистер Элтон, — когда подошел к дому, и он сказал, что его хозяина дома нет, но я не поверил… Уильям выглядел растерянным. Он не знает, заявил он, что такое приключилось с его хозяином, однако от него теперь и слова не добьешься. Мне нет дела до жалоб Уильяма, однако самому мне было чрезвычайно важно повидаться с Найтли именно сегодня! И потому особенно неприятно,

что пришлось совершить такую тяжкую прогулку по жаре — и без результата.

Эмма поняла, что ей лучше всего сейчас раскланяться. По всей вероятности, в этот час ее ждали дома, и, возможно, мистера Найтли удастся уговорить не погрязать глубже в пучине невежливости. Если не по отношению к мистеру Элтону, то хотя бы по отношению к Уильяму Ларкинсу.

Прощаясь, она с радостью заметила, что мисс Ферфакс твердо намерена проводить ее из комнаты и даже собирается спуститься вместе с нею вниз по лестнице. Эмма немедленно воспользовалась случаем и сказала:

— Может быть, даже хорошо, что у нас с вами не было возможности поговорить. Не будь вы окружены другими друзьями, я, возможно, уступила бы искушению и заговорила на определенную тему. Задавала бы вопросы и высказывалась бы более откровенно, чем допустимо… да, я чувствую, что определенно была бы слишком дерзка.

— О! — вскричала Джейн, краснея и смущаясь (Эмме показалось, что такая живость идет ей бесконечно больше, чем ее прежняя утонченная сдержанность). — Здесь я не вижу опасности.

Опасность я вижу в другом… Я сама утомила бы вас разговорами. Вы не могли бы польстить мне более, чем выказав интерес… Правда, мисс Вудхаус, — заговорила она более сдержанно, — сознавая, сколь дурно, очень дурно, я себя вела, мне особенно утешительно, что те мои друзья, чье доброе мнение я особенно ценю, не оскорблены до такой степени, что… У меня не было времени сказать и половины того, что я собиралась. Я страстно хотела повиниться, все объяснить, может быть, попытаться оправдать свое поведение… Сделать это — мой долг. Но к несчастью… короче говоря, если вы не снизойдете до сострадания…

— О, вы слишком щепетильны, слишком требовательны к себе! — пылко воскликнула Эмма, беря ее за руку. — Вам не в чем передо мной извиняться! Все, перед кем вы считаете себя в долгу, настолько рады за вас, даже счастливы…

— Вы очень добры, но я-то помню, как держалась с вами! Как холодна и натянута я была! Мне все время надо было притворяться… Я жила двойной жизнью! Мне понятно, какое отвращение должна была внушать я вам.

— Умоляю, больше ни слова. По-моему, извиняться должна я. Так давайте же простим друг

друга раз и навсегда. Мы должны как можно быстрее поправить дело, и я надеюсь, что наши добрые намерения не пропадут втуне. Надеюсь, письма из Виндзора вас радуют?

— Очень.

— И следующей новостью, полагаю, станет то, что мы вас лишимся? И именно тогда, когда я только начинаю узнавать вас.

— Ах, вот вы о чем… Но говорить об этом пока не стоит. Я остаюсь здесь, пока Кемпбеллы не вызовут меня к себе.

— Говорить, возможно, и не стоит, — с улыбкой возразила Эмма, — но, простите, думать-то как раз стоит.

На сей раз улыбнулась Джейн:

— Вы в высшей степени правы: думать стоит. И могу вам признаться… знаю, я могу на вас положиться… уже решено, что жить мы будем в Энскуме, с мистером Черчиллем. Глубокий траур продлится по меньшей мере три месяца… но по окончании его, по-моему, не останется других препятствий… Ждать более нечего.

— Благодарю вас, благодарю вас! Это именно то, что я и хотела узнать… Ах! Если бы вы знали, как по душе мне определенность и ясность во всем! До свидания, до свидания.

Глава 53

Все друзья миссис Уэстон рады были тому, что роды прошли благополучно, и если что и было для Эммы еще приятнее, так это весть о том, что миссис Уэстон родила девочку. Как ей хотелось, чтобы на свет появилась именно мисс Уэстон! Эмма ни за что не призналась бы, что лелеет мысль в будущем выдать ее за одного из сыновей Изабеллы, но была твердо убеждена, что и отцу, и матери дочка подходит наилучшим образом. Она будет отрадой для мистера Уэстона, когда он состарится — а даже такого весельчака, как мистер Уэстон, годы не молодят, — и станет сидеть рядом с ним у камина и развлекать его своим милым щебетом и резвостью. Ее не придется никуда отсылать из дому. Что же касается миссис Уэстон… никто не возьмется спорить с тем, что девочка станет для нее всем на свете. И какая будет жалость, если та, которая так прекрасно умеет учить, не получит возможности снова испробовать свои силы.

— У нее уже был случай испытать свои таланты на мне, — продолжала Эмма, — как у баронессы д'Альман — на графине д'Осталис из «Аделаиды

и Теодоры» мадам де Жанлис… Вот увидите, ее собственная малышка Аделаида будет воспитана по более совершенной системе.

— Значит, — заметил мистер Найтли, — она избалует ее больше, чем избаловала вас, притом полагая, что вовсе не потакает ее капризам. Вот и вся разница.

— Бедное дитя! — воскликнула Эмма. — Если и так, то что с нею станется?

— Ничего особенно плохого… Ее ждет та же участь, что и тысячи других. Во младенчестве она будет несносна, но выправится, став старше. Любимая моя Эмма, мало-помалу я начинаю смягчаться по отношению к избалованным детям. Вам, вам одной обязан я своим счастьем! Если я проявлю суровость к испорченным детям, не будет ли это с моей стороны черной неблагодарностью?

Эмма рассмеялась:

— Однако вся ваша суровость призвана была помочь мне избавиться от потворства остальных. Сомневаюсь, чтобы я могла по собственному разумению преодолеть такое воспитание.

— Вы сомневаетесь? А я нет. Природа даровала вам разум, мисс Тейлор снабдила вас принципами. Несомненно, вы бы справились и самосто-

ятельно. Мое вмешательство могло с таким же успехом навредить вам, как и помочь. Вполне естественно для вас было задаться вопросом: а по какому, собственно, праву он меня поучает? И боюсь, поучал я вас в неприятной манере. Нет, не верю, что мои поучения как-то помогли вам. Они помогли мне, потому что благодаря им вы стали для меня объектом нежнейшей заботы. Я поневоле много думал о вас и привязался к вам всем сердцем, я полюбил вас со всеми вашими недостатками! И, неустанно выискивая в вас недостатки, уже давно люблю вас — по меньшей мере с тех пор, как вам минуло тринадцать лет.

— Ваша помощь оказалась неоценимой! — вскричала Эмма. — Очень часто — чаще, чем я смела себе признаться, — вы побуждали меня к правильным поступкам. Я совершенно уверена в благотворности вашего влияния. И если малышке Анне Уэстон суждено вырасти избалованной девочкой, вы не придумаете ничего лучше, чем вмешаться в ее воспитание столь же круто, сколь вмешивались в мое! Смотрите только, не влюбитесь в нее, когда ей исполнится тринадцать.

— Помню, в детстве вы частенько говаривали мне с хитрой улыбкой: «Мистер Найтли, я собираюсь сделать то-то и то-то… папа разрешает» или:

«Мисс Тейлор не возражает», вы собирались сделать нечто такое, что, как вы знали, я не одобряю. В подобных случаях мое вмешательство только удваивало вашу злость.

— Да, мистер Найтли, видно, несносным ребенком я была! Неудивительно, что мои прочувствованные речи надолго сохранились в вашей памяти.

— «Мистер Найтли»… Вы всегда зовете меня «мистер Найтли»… Я так к этому привык, что ваше обращение не кажется мне сухим. И все же оно официальное. Мне бы хотелось, чтобы вы называли меня как-то по-другому, только не знаю как.

— Помню, однажды я назвала вас Джордж — из озорства. Это было лет десять назад. Я назвала вас так, потому что думала, что такое обращение вас обидит, но так как вы не были против, я никогда больше не обращалась к вам по имени.

— А сейчас вам трудно звать меня Джорджем?

— Невозможно! Я никогда не смогу называть вас иначе, чем мистер Найтли. Я даже не обещаю следовать изысканной краткости миссис Элтон и звать вас мистер Н. Но, — добавила она вскоре, смеясь и краснея, — уж один-то раз я непременно назову вас по имени. Не скажу, когда и где это

произойдет, но, возможно, вы и сами догадываетесь… там, где Н. соединят с Э. для жизни «в горе и в радости».

Эмма жалела, что не может открыто признаться еще в одном своем заблуждении, в котором она прежде упорствовала вопреки здравому смыслу: в свое время она не прислушалась к его совету и приблизила к себе Харриет Смит. Ее упорство стало причиною многих бедствий. Однако вопрос был слишком щекотлив. Она никак не могла первой заговорить на эту тему. Харриет почти не упоминалась между ними. Вполне возможно, что он и не думал о ней, но Эмма склонна была приписывать его нежелание говорить о Харриет его деликатности. Кроме того, в голову ее закралось одно небезосновательное подозрение: тесной дружбе их приходит конец. Она сама сознавала: расстанься они при других обстоятельствах, они, конечно, завязали бы оживленную переписку, она не успокоилась бы, как теперь, получая о подруге сведения лишь из писем Изабеллы. Возможно, от мистера Найтли это не ускользнуло. Вынужденная кое-что скрывать от жениха, Эмма терзалась угрызениями совести, они лишь немногим уступали страданиям от сознания того, что она стала причиной несчастья Харриет.

Изабелла, как и следовало ожидать, прислала вполне благоприятный отчет о своей гостье. Когда та только приехала, Изабелле показалось, что она несколько угнетена, что было совершенно естественным, так как ей предстояло посетить зубного врача, но с тех пор, как дело было сделано, она стала снова прежней Харриет, какой все ее знали. Правда, Изабелла наблюдательностью не отличалась, и все же, если бы Харриет проявляла несвойственное ей уныние, играя с детьми, от Изабеллы бы это не укрылось. Известие о том, что Харриет пробудет в Лондоне дольше, чем думала вначале, утешило и обнадежило Эмму; две недели превращались по меньшей мере в месяц. Мистер и миссис Джон Найтли собирались приехать в Хартфилд в августе, они предложили Харриет остаться до тех пор и вернуться в Хайбери вместе с ними.

— Джон ни разу даже не упомянул вашу подругу, — сказал мистер Найтли. — Вот его письмо, прочтите, если хотите.

Мистер Джон Найтли прислал брату ответ на сообщение того о намерении жениться. Эмма нетерпеливо схватила письмо, ей не терпелось скорее узнать, какого же мнения о планах брата мистер Джон Найтли. Ее нисколько не взволно-

вало, что ее подруга в письме не упоминается.

— Джон рад моему счастью, — продолжал мистер Найтли, — однако он не мастер говорить комплименты. Несмотря на то, что он, как я знаю, нежно, по-братски, любит вас, он настолько далек от того, чтобы рассыпать цветистые фразы, что любая другая сочла бы его письмо холодным. Но я не испугаюсь, если вы увидите, что он пишет.

— Он пишет как разумный человек, — отвечала Эмма, прочитав письмо. — Я ценю его искренность. Совершенно ясно его мнение, будто в выигрыше от нашей помолвки оказываюсь одна я, однако он не сомневается, что со временем я стану столь же достойной вашей любви, каковой вы уже считаете меня сейчас. Попытайся он выразиться как-нибудь иначе, я бы ему не поверила.

— Эмма, любимая, ничего подобного он в виду не имеет. Он лишь хочет…

— Мы с ним немногим отличаемся в оценке нас двоих, — перебила она с серьезной улыбкой. — Возможно, если бы мы с ним могли без церемоний, откровенно объясниться на эту тему, он бы понял, что наши взгляды различаются куда меньше, чем ему кажется.

— Эмма, любимая моя Эмма…

— Да! — воскликнула она, повеселев. — Если

вы считаете, будто ваш брат не ценит меня по заслугам, погодите, пока мы откроем нашу тайну батюшке, и послушайте его мнение. Поверьте мне, уж он-то вас по заслугам не оценит! Сочтет, что вся выгода, все счастье, все преимущества — на вашей стороне, а все заслуги — на моей. Только бы я не превратилась для него в «бедняжку Эмму»! Это для него высшая степень нежного сострадания к угнетенному достоинству.

— Ах! — воскликнул он. — Если бы вашего батюшку удалось так же легко, как и Джона, убедить в том, что мы с вами достойны друг друга и будем счастливы вместе! Одна фраза в его письме меня удивила — а вы заметили? Он пишет, что мое сообщение нисколько не застало его врасплох и он рано или поздно ожидал узнать нечто в этом роде.

— Если я поняла вашего брата, он лишь имеет в виду ваши намерения когда-нибудь жениться. Обо мне он и не помышлял. К такому повороту событий он оказался совершенно не готов.

— Да-да! Но меня позабавило, что он так разгадал мои намерения. Интересно, чем он руководствовался? Не вижу ни в настроении моем, ни в речах ничего, что подготовило бы его к моему намерению жениться именно теперь, а не в любое

другое время… Однако полагаю, он все угадал. Не сомневаюсь, во мне заметна была перемена, когда я был у них позавчера. По-моему, я не играл с детьми так охотно, как обычно. Однажды вечером бедные малыши даже сказали: «Кажется, дядя сегодня устал».

Настало время поделиться новостью с друзьями и посмотреть, как они ее воспримут. Как только миссис Уэстон оправилась настолько, что смогла принять мистера Вудхауса, Эмма, в расчете на будущую мягкую помощь своей подруги, решила объявить новость сначала дома, а потом в Рэндаллсе. Но как, наконец, решиться все рассказать отцу! Она положила себе открыться ему в такой час, когда мистера Найтли не будет, — иначе в последний момент она может дрогнуть и снова отложить объяснение, однако время надлежит выбрать с таким расчетом, чтобы мистер Найтли вскоре появился и продолжил начатое ею. Она обязана была все рассказать, и притом рассказать весело. Не пристало ей своим грустным видом и речами вызывать в батюшке жалость к себе. Она не должна дать ему повод думать, будто разразилась гроза. Собрав все душевные силы, она вначале подготовила его к тому, что он сейчас услышит нечто необычное, а затем в нескольких

словах заявила, что, ежели на то будет его согласие и одобрение — а она полагает, что с этим трудностей не возникнет, ведь новость предполагает счастье для них всех, — они с мистером Найтли собираются пожениться. А в результате этого события человек, которого, как она знает, отец любит почти так же, как своих дочерей и миссис Уэстон, поселится в Хартфилде.

Бедный мистер Вудхаус! Вначале он испытал тяжелое потрясение и принялся серьезно отговаривать дочь от такого шага. Ей неоднократно напоминалось о ее же словах: о том, что она никогда не выйдет замуж. Он уверял дочь, что будет куда лучше для нее же самой оставаться незамужней, он толковал о бедняжке Изабелле и о бедняжке мисс Тейлор… Однако ничего не помогло. Эмма ластилась к отцу, улыбалась и говорила, что решения своего не изменит! Пусть он не ставит ее на одну доску с Изабеллой и миссис Уэстон: тех замужество увело из Хартфилда, произведя таким образом грустную перемену… Однако она из Хартфидда не уезжает, она навсегда останется здесь! С ее замужеством и в числе обитателей поместья, и в их удобстве перемены произойдут только к лучшему, и она вполне уверена, что батюшке будет куда веселее, если мистер Найтли

всегда будет рядом. Нужно только привыкнуть к этой мысли. Разве он не любит мистера Найтли всем сердцем? Она уверена, он не станет этого отрицать! С кем всегда хочется ему посоветоваться по своим делам, как не с мистером Найтли? Кто всегда оказывал ему столько услуг, выражал готовность писать за него письма, с такой радостью помогал ему? Кто всегда так весел, так заботлив и так предан? Разве не хочется батюшке, чтобы он всегда был рядом? Да. Все это истинная правда. Мистеру Найтли в Хартфилде всегда рады… Он рад видеть его хоть каждый день! Но ведь они и так каждый день видятся… Почему бы не жить так, как они жили до сих пор, не оставить все как есть?

Мистер Вудхаус не скоро оправился от удара, но худшее было уже позади, он узнал суть, остальное довершат время и постоянное повторение… Просьбы и заверения Эммы сменились увещеваниями мистера Найтли, чьи нежные хвалы в ее адрес делали разговоры на эту тему даже приятными и в некотором смысле желанными. Вскоре мистер Вудхаус привык беседовать на эту тему при каждом удобном случае… Трудно переоценить и ту помощь, какую оказала влюбленным Изабелла — в письмах она выражала

горячее одобрение планам сестры, и миссис Уэстон с первой же встречи с готовностью рисовала перед ним будущее в самом благоприятном свете. Во-первых, это дело решенное, а во-вторых, дело хорошее — она прекрасно понимала, насколько одинаково важны для мистера Вудхауса оба эти положения. Таким образом, все кругом твердили мистеру Вудхаусу одно: для него же так будет лучше! Склоняясь к тому же выводу в глубине души, он и сам начал думать, что когда-нибудь — может быть, через год-другой — влюбленные и в самом деле могли бы пожениться, и вреда от этого не будет.

Миссис Уэстон не притворялась, не кривила душой, представляя ему все выгоды важного события. Она была удивлена до крайности, буквально потрясена, когда Эмма впервые открылась ей, однако она видела в предстоящей свадьбе лишь источник всеобщего счастья и тут же с жаром принялась убеждать в том мистера Вудхауса. Она так уважает мистера Найтли, что считает его достойным даже ее милой Эммы! Брак этот во всех отношениях настолько безупречен, пристоен и приличен, а в одном отношении, в одном пункте наивысшей важности, настолько желателен, что теперь ей кажется, что Эмма и

помыслить не могла бы ни о ком другом и что она была бы величайшей дурочкой на свете, если бы уже давно не мечтала об этом союзе и не желала его. Очень мало людей, равных Эмме по положению, оставили бы ради нее собственный дом и поселились в Хартфилде! И кто, кроме мистера Найтли, так же хорошо знает мистера Вудхауса и ладит с ним настолько, чтобы совместная жизнь стала возможна! Когда они с супругом намеревались выдать Эмму за Фрэнка, мысль о бедном мистере Вудхаусе омрачала их планы. Как согласовать интересы Энскума и Хартфилда? Вот в чем была их постоянная забота — больше ее, чем мистера Уэстона, — однако даже мистер Уэстон всегда заканчивал размышления на эту тему словами: «Ничего, как-нибудь образуется! Молодые сами найдут выход». Теперь же полагаться на судьбу нет смысла. Все правильно, все открыто, все справедливо. Никому не приходится ничем жертвовать. Их союз по всему предвещает стать счастливым. Она не видит ни одной серьезной причины, противоречащей ему или тормозящей его.

Сидя в кресле с малышкой на коленях, миссис Уэстон предавалась радостным мечтам и была в те минуты счастливейшей женщиной на свете.

Если что-то и могло вызвать у нее большую радость, так это мысли о том, что малышка скоро вырастет из первых чепчиков.

По мере того как новость становилась всеобщим достоянием, изумление окружающих росло; даже мистер Уэстон не избежал удивления в первые пять минут, однако для его живого ума и пяти минут хватило, чтобы примириться с фактом. Он видел все преимущества этого союза и так же непрестанно радовался ему, как и его жена, но вскоре его изумление растаяло без следа: не прошло и часу, как он уже склонен был полагать, что всегда предвидел такой поворот событий.

— Насколько я понимаю, новость надлежит держать в секрете, — говорил он. — Такие дела всегда держат в тайне, хотя потом оказывается, что всем уже все известно. Вы только дайте мне знать, когда об этом можно будет говорить открыто… Интересно, а Джейн ничего не заподозрила?

На следующее утро он отправился в Хайбери и утешился на сей счет. Он сообщил будущей невестке новость. Разве для него она не дочь? Все равно что старшая дочь. Он счел своим долгом ничего не скрывать от нее, а поскольку при разговоре присутствовала мисс Бейтс, новость почти сразу же узнали и миссис Коул, и миссис Перри, и

миссис Элтон. Иного главные герои и не ожидали, они подсчитывали, через сколько времени после того, как новость станет известна в Рэндаллсе, она будет обсуждаться во всем Хайбери. С великой прозорливостью они сочли, что во многих семьях станут предметом разговоров за ужином.

В целом известие об их помолвке приняли очень хорошо. Одни считали, что больше повезло ему, другие — что ей. Одна партия рекомендовала бы молодым переселиться в Донуэлл, а Хартфилд оставить семейству Джона Найтли, другие же предвидели раздоры между их слугами, но все же в целом никто не выдвигал серьезных возражений, за одним исключением. В доме викария удар не могло смягчить ничто. Мистер Элтон принял известие спокойно по сравнению с женой. Он лишь выразил надежду, что «теперь юная особа поумерит свою гордыню», и предположил, что «она всегда хотела подцепить Найтли». Что же касается житья в Хартфилде, он осмелился воскликнуть: «Хорошо, что я не на его месте!» Супруга же его крайне расстроилась. Несчастный Найтли! Вот бедняга! Как ему не повезло! Она крайне сочувствует ему. Несмотря на всю свою оригинальность, он обладает массой достоинств… Как же мог он так попасться на крючок?

Только не думайте, будто он влюблен — нет, нисколько! Бедняга Найтли! Вот и настал конец их приятному общению… Как любил он приходить к ним на обед, когда бы они его ни приглашали! Но теперь все кончено… Бедняга! Конец прогулкам в Донуэлле, устраиваемым в ее честь… О нет, теперь в Донуэлле будет царить миссис Найтли. Она испортит все удовольствие… Крайне неприятно! И она нисколько не жалеет, что однажды при ней ругала тамошнюю экономку… Кстати, что за странная мысль — жить всем вместе? Здесь добра не жди. В одном знакомом семействе — они жили неподалеку от «Кленовой рощи» — попытались было так жить, но были вынуждены разъехаться, не проживя вместе и трех месяцев.

Глава 54

Время шло. Еще совсем немного, и приедут долгожданные гости из Лондона. Эмма ждала их с тревогой. Однажды утром она как раз размышляла о новых волнениях и огорчениях, которые принесет возвращение Харриет, когда вошел мистер Найтли и мигом развеял ее мрачные мысли. После первых, общих, слов он замолк и затем произнес более серьезным тоном:

— Эмма, мне нужно кое-что сказать вам… У меня есть новость.

— Хорошая или плохая? — поспешно спросила она, глядя ему в глаза.

— Даже не знаю, как ее назвать.

— Ах! Я уверена — новость хорошая. Я вижу это по вашему лицу. Вы с трудом удерживаетесь от улыбки.

— Боюсь, — сказал он, пытаясь казаться серьезным, — очень боюсь, милая Эмма, что, узнав новость, вы не будете столь веселы.

— Неужели? Но почему? Едва ли могу я вообразить, чтобы новость, которая радует или забавляет вас, не обрадовала и не позабавила

меня.

— Есть один предмет, — отвечал он, — один-единственный, по которому наши мнения разнятся. — Мгновение он помолчал, потом, снова улыбаясь, посмотрел ей прямо в глаза. — Неужели вы не догадались? Ничего не припоминаете? Ну как же: Харриет Смит!

При звуках этого имени щеки ее вспыхнули, и она вдруг испугалась, хотя и не знала, чего ей бояться.

— Разве она сама сегодня утром не написала вам? — вскричал он. — По-моему, от нее пришло письмо, и вы уже все знаете!

— Нет, я ничего не знаю… Прошу вас, скажите же, что случилось!

— Вижу, вы уже готовы к худшему, так вот вам — получайте: Харриет Смит выходит замуж за Роберта Мартина.

Эмма вздрогнула, это свидетельствовало о том, что она была готова к худшему — глаза ее горели, в них светилось: «Это невозможно!» — однако она не разомкнула губ.

— Да, это так, — продолжал мистер Найтли. — Роберт Мартин сам сообщил мне об этом. Он ушел от меня всего полчаса назад.

Она все так же в красноречивом изумлении не

сводила с него глаз.

— Вижу, любимая, как я и боялся, новость моя вам совершенно не понравилась… Жаль, что мы расходимся во взглядах. Однако со временем наши мнения совпадут. Можете быть совершенно уверены, что жизнь расставит все на свои места и изменит мнение одного из нас, а покамест нам нет нужды обсуждать дальше этот щекотливый вопрос.

— Вы меня не так поняли, вы совершенно неверно меня поняли, — заторопилась она. — Дело вовсе не в том, что известие огорчило меня… но я просто не могу в это поверить! Это кажется совершенно невозможным! Неужели вы хотите сказать, будто Харриет Смит приняла предложение Роберта Мартина? Неужели он, несмотря на прошлый отказ, снова сделал ей предложение? Наверное, вы имели в виду, что он собирается его сделать.

— Я имею в виду то, что он уже его сделал, — ответил мистер Найтли улыбаясь, но, однако, с решительным видом, — и что предложение было принято.

— Господи помилуй! — вскричала она. — Ну надо же! — И, склонившись над своей рабочей корзинкой, дабы получить возможность скрыть

удовольствие и радость, которые, несомненно, отразились у нее на лице, она добавила: — Ну а теперь расскажите мне все, не упускайте ни единой подробности. Как, где, когда? Я хочу знать все. Никогда не была я так удивлена… Однако новость вовсе не огорчила меня, уверяю вас… Как… как же такое стало возможным?

— История очень проста. Три дня назад он поехал в Лондон по делу: я поручил ему доставить Джону кое-какие бумаги. Он принес документы к брату в контору, и Джон пригласил его в тот же вечер поехать вместе с ними в цирк. Они собирались сводить двух старших мальчиков к Эстли. Таким образом, в цирк должны были отправиться наши брат и сестра, Генри, Джон и мисс Смит. Мой приятель Роберт не сопротивлялся. По пути они заехали за ним. Все очень веселились, и мой брат пригласил его отобедать у них на следующий день, так он и поступил. И в ходе этого визита, насколько я понял, он нашел удобный случай и поговорил с Харриет. Разумеется, он нашел веские доводы в свою пользу. Приняв его предложение, она доставила ему счастье, которого он заслуживает. Он вернулся вчера, с почтовой каретой, и сразу же после завтрака явился ко мне, чтобы сообщить, насколько он преуспел

— вначале в моих делах, а потом и в своих. Вот и все, что я могу сообщить относительно того, «где, когда и как». Когда вы увидитесь со своей подружкой Харриет, она расскажет вам обо всем куда подробнее… распишет все по минутам… Такое под силу только женщинам… Мы же, мужчины, ограничиваемся главным… Как бы там ни было, нельзя не отметить: Роберта Мартина настолько переполняли чувства, что он показался мне куда более говорливым, чем обыкновенно, например, он упомянул следующую подробность, хотя она вовсе не относилась к делу: выйдя из ложи в цирке, мой брат взял на себя попечение над миссис Джон Найтли и маленьким Джоном, а он — над мисс Смит и Генри, и на какое-то время они оказались в такой толпе народа, что мисс Смит несколько растерялась.

Он замолчал. Эмма слушала, затаив дыхание. Она не сомневалась: заговори она, и он сразу поймет, что радость буквально переполняет ее. Нет, надобно секунду обождать, иначе он решит, что она сошла с ума. Ее молчание смутило его, и, немного понаблюдав за нею, он продолжал:

— Эмма, любовь моя, вы сказали, что новость моя вас не огорчает, но боюсь, известие причинило вам больше страданий, чем вы ожидали. Его

положение, разумеется, остается причиной вашего недовольства, однако вам надлежит считаться с тем, что это положение вполне подходит вашей подруге. Ручаюсь, когда вы лучше узнаете его, вы измените свое мнение к лучшему. Его здравый смысл и твердые убеждения вас порадуют… Вы не могли бы пожелать своей подруге лучшего мужа! Будь это в моих силах, я бы изменил его положение в обществе… Уверяю вас, мои слова дорогого стоят, Эмма… Вы смеялись надо мной из-за Уильяма Ларкинса, однако так же тяжело мне было бы обходиться без Роберта Мартина.

Ему хотелось, чтобы она подняла голову и улыбнулась. Она так и сделала, стараясь только, чтобы улыбка не вышла слишком уж радостной, и весело ответила:

— Вам нет нужды уговаривать меня примириться с этим браком. По-моему, Харриет поступила лучше некуда. Может статься, ее родня даже уступает ему по положению… что касается добропорядочности, то уж в этом несомненно. До сих пор я молчала просто от удивления, исключительно от удивления! Вы и представить себе не можете, насколько поразила меня ваша весть! Чего-чего, но такого поворота событий я никак не ожидала. Видите ли, у меня были основания по-

лагать, что она с недавних пор настроена против него куда решительнее, чем раньше.

— Вам следовало лучше знать вашу подругу, — ответил мистер Найтли. — Однако на мой взгляд, она девушка добрая и мягкосердечная, такая девушка не склонна решительно противостоять молодому человеку, который признается ей в любви.

Эмма не могла удержаться от смеха:

— Честное слово, по-моему, вы изучили ее не хуже меня! Однако, мистер Найтли, вы абсолютно уверены в том, что она окончательно приняла его предложение? Могу допустить, что со временем она согласится выйти за него, но чтобы сейчас, так скоро? Вы уверены, что правильно его поняли? Ведь вы говорили и о других делах: о выставке скота или о новых плугах… Не могло ли получиться, что вы перепутали и неверно поняли его? Может, не в согласии Харриет выйти за него замуж он был столь уверен, а в статях некоего быка-чемпиона?

Разница во внешности и поведении мистера Найтли и Роберта Мартина в этот миг настолько поразила Эмму, и так живо припомнила она все, что еще недавно происходило с Харриет… С каким жаром ее подружка говорила: «Нет, на

Роберта Мартина я теперь даже и не взгляну!» Безусловно, радость по поводу ее согласия несколько преждевременна. Иначе и быть не может.

— И вы смеете так говорить? — вскричал мистер Найтли. — Неужели вы считаете меня полным болваном, который не в состоянии разобраться в смысле обращенных к нему слов? Чего же вы заслуживаете после этого?

— О! Я всегда заслуживаю наилучшего обращения, потому что никогда не смирюсь с иным! И потом, вы должны дать мне прямой, недвусмысленный ответ. Вполне ли вы уверены, что поняли, в каких теперь отношениях находится Харриет Смит с Робертом Мартином?

— Совершенно уверен, — ответил он ясно и четко, — что он сделал ей предложение руки и сердца и она приняла его! В его словах нет ничего неясного, ничего сомнительного… И по-моему, я могу предоставить вам доказательство того, что я прав. Он спросил моего мнения по поводу дальнейших действий. Кроме миссис Годдард, он не знает никого, к кому мог бы обратиться с вопросом о родственниках невесты. Он спрашивал моего совета, уместно ли ему обратиться к миссис Годдард. Я заверил его в том, что желание его вполне законно. Тогда, заявил он, нужно прило-

жить все усилия, чтобы повидать ее сегодня же.

— Я полностью удовлетворена, — отвечала Эмма, сияя улыбкой, — и от всего сердца желаю им счастья.

— Вы совершенно переменились с тех пор, как мы в последний раз обсуждали эту тему.

— Надеюсь, ибо в то время я была сущей дурочкой.

— И я тоже переменился, ибо теперь я охотно соглашусь с вами в том, что в Харриет масса достоинств. Ради вас и ради Роберта Мартина (который, по-моему, не переставал любить ее) я предпринял некоторые усилия и познакомился с ней поближе. Я частенько и подолгу беседовал с нею. Должно быть, это не укрылось от ваших глаз? Правда, иногда мне казалось, будто вы склонны подозревать меня в том, что я пытаюсь замолвить перед нею словечко за беднягу Мартина, однако этого никогда не было. В результате своих наблюдений я убедился в том, что девушка она простая, безыскусная, славная, вполне строгих правил, воспитанная в серьезных понятиях и видит счастье в любви и трудах семейной жизни… Несомненно, многие из ее хороших качеств — ваша заслуга.

— Моя? — Эмма покачала головой. — Ах, бед-

няжка Харриет!

Хоть с трудом, но ей удалось сдержаться, и она выслушала много похвал в свой адрес, которые, как она считала, были не совсем заслуженными.

Вскоре после того вошел батюшка, и им пришлось прервать беседу. Эмма не жалела. Ей хотелось побыть одной. В голове у нее все кружилось, она была в смятении, никак не могла собраться с мыслями. Ей хотелось танцевать, петь, кричать от радости. Она походила по комнате, даже поговорила сама с собой. Нет, сейчас она не способна ни на какие здравые рассуждения.

Ее батюшка специально зашел, чтобы объявить, что Джеймс отправился закладывать лошадей и готовить карету к их — теперь ежедневной — поездке в Рэндаллс, посему у нее появился удобный предлог оставить эту тему.

Легко можно вообразить себе радость, чувство облегчения и восторга, которые испытала Эмма. Предстоящее замужество Харриет устраняло последний повод печалиться, Эмма не знала, куда деваться от счастья. Чего еще остается ей желать? Ничего, кроме того, чтобы стать более достойной его! Ведь его намерения и суждения всегда настолько правильнее ее собственных. Ничего она не хотела так, как научиться извлекать

уроки из прошлых глупостей. Ну, еще, возможно, смирению и осмотрительности.

Очень, очень серьезна была она в своей задумчивости и решимости и все же не могла удержаться от смеха, иногда в самой середине своих серьезных размышлений. Да, над таким финалом грех не посмеяться! Такой конец печальных событий пяти прошедших недель! Вот так Харриет — ну и влюбчивость!

Теперь она с удовольствием ожидала возвращения подруги. Все доставляло ей радость. И с величайшей охотой познакомится она с Робертом Мартином.

Однако радостнее всего была мысль о том, что скоро отпадет необходимость что-либо скрывать от мистера Найтли. Скоро, скоро не будет нужды ни в обмане, ни в двусмысленности, ни в тайнах, которые на самом деле были ей столь ненавистны. Она с нетерпением ждала того времени, когда сможет наградить его полным и совершенным доверием, которое готова была почитать своею обязанностью уже сейчас.

В самом веселом и счастливом расположении духа выехала она в путь. Не всегда слушая, что говорит батюшка, но всегда соглашаясь с его словами, она охотно кивала в ответ на его речь о том,

что им теперь необходимо ездить в Рэндаллс ежедневно, иначе бедная миссис Уэстон огорчится.

Они прибыли… Миссис Уэстон была в гостиной одна, однако не успели они осведомиться о здоровье малышки, не успела хозяйка в самых изысканных выражениях, на которые рассчитывал мистер Вудхаус, поблагодарить их за приезд, как они мель ком, сквозь штору, заметили, что под окном проходят две фигуры.

— Это Фрэнк и мисс Ферфакс, — сказала миссис Уэстон. — Я как раз собиралась сообщить вам о том, каким приятным сюрпризом стал для нас его приезд сегодня утром. Он останется до завтра, и мы убедили мисс Ферфакс провести сегодняшний день у нас… По-моему, они идут сюда.

Через полминуты влюбленные были в гостиной. Эмма была очень рада видеть его, но тут не обошлось без некоторой неловкости, ибо каждой из сторон было что вспомнить такого, отчего они могли бы смутиться. Они встретились с искренними улыбками, но из-за угрызений совести вначале говорили мало. После того как все снова уселись по местам, на некоторое время повисла такая напряженная пауза, что Эмма уже начала сомневаться: а так ли ей на самом деле хотелось снова увидеть Фрэнка Черчилля да еще вместе с

Джейн? Однако, когда к обществу присоединился мистер Уэстон и когда принесли малышку, больше не ощущалось недостатка в темах для разговоров. Фрэнк Черчилль набрался духу и, улучив минутку, присел к ней:

— Я должен поблагодарить вас, мисс Вудхаус, за ваши добрые слова, которые передала мне миссис Уэстон в одном из своих писем. Надеюсь, со временем вы не утратили способности прощать и не жалеете о том, что тогда сказали?

— Разумеется, не жалею! — воскликнула Эмма, радуясь возможности поговорить. — Ни в коем случае! Я особенно рада видеть вас и пожать вам руку… и доставить вам эту радость лично.

Он от всего сердца поблагодарил ее и некоторое время продолжал говорить с серьезным видом, подтверждающим его признательность.

— Разве она не прелестна? — спросил он, устремляя взор на Джейн. — Лучше, чем когда бы то ни было! Видите, мой отец и миссис Уэстон ее просто обожают.

Постепенно он становился самим собой; после того как заговорили о скором возвращении Кемпбеллов, он, лукаво подмигнув, прошептал ей:

— Диксон.

Эмма вспыхнула и запретила ему произносить

это имя в своем присутствии.

— Мне всегда будет очень стыдно за свое тогдашнее поведение! — вскричала она.

— Стыдиться, — ответил он, — надлежит мне, и только мне. Но неужели вы ничего не заподозрили? По крайней мере в последнее время… Раньше-то, я знаю, вы ничего не подозревали.

— Уверяю вас, у меня и в мыслях не было…

— Вот это здорово! Однажды я чуть было не… жаль, что я этого не сделал… так было бы лучше. Но хотя я всегда поступал дурно, с вами я поступил просто отвратительно, и это не делает мне чести… Вина моя была бы куда меньше, нарушь я обет молчания и расскажи вам все.

— Теперь об этом не стоит жалеть, — отвечала Эмма.

— У меня теплится надежда, — продолжал он, — убедить дядюшку нанести визит в Рэндаллс. Он хочет быть представленным моей невесте. Когда вернутся Кемпбеллы, мы увидимся с ними в Лондоне и, наверное, останемся там до тех пор, пока не увезем ее на север. Но сейчас я нахожусь в такой дали от нее… Разве это не тяжело, мисс Вудхаус? До этого утра мы ни разу не виделись с нею после нашего примирения. Разве вам меня не жаль?

Эмма так искренне пожалела его, что в приступе внезапной веселости он воскликнул:

— Да! Кстати! — и, понизив голос, спросил с притворной скромностью: — А как поживает мистер Найтли? — Он расплылся в улыбке. Эмма вспыхнула и рассмеялась. — Я знаю, вы прочли мое письмо… Наверное, вы помните мое пожелание вам влюбиться так же сильно? Позвольте же поздравить вас… Уверяю вас, ни одна новость не могла порадовать и заинтересовать меня больше! Он человек, достойный всяческих похвал.

Эмма была польщена, она с удовольствием продолжала бы разговор в том же духе, однако в следующий миг он снова был занят своими заботами и своей милой Джейн, и следующими его словами были:

— Видели вы когда-нибудь такую кожу? Такая гладкая, такая нежная! И это при том, что ее нельзя назвать блондинкой… Да, она не блондинка. Какой необычный цвет лица! При ее-то темных ресницах и волосах — совершенно замечательный цвет лица! Так благородно… И румянец — как раз такой, какой нужен для красоты.

— Я всегда восхищалась ее цветом лица, — ответила Эмма лукаво. — Но не изменяет ли мне память? Кажется, было время, когда вы находили

ее чересчур бледной? Когда мы с вами впервые заговорили о ней… Неужели вы забыли?

— О нет! Каким же я тогда был дерзким щенком! Как я посмел…

Однако при воспоминании о прошлом он так добродушно расхохотался, что Эмма не удержалась:

— А я вот сильно подозреваю, что, даже находясь в затруднительном положении, вы здорово потешались, дурача нас всех… я просто уверена! Уверена, это служило вам утешением.

— Ах нет, нет! Как можете вы подозревать меня в подобной низости? Я был негодяем, но самым несчастным негодяем!

— Не настолько несчастным, чтобы презирать веселье. Я уверена, для вас источником высшего наслаждения было сознавать, что вы всех нас водите за нос. Возможно, я склонна подозревать вас в этом, потому что, не скрою, на вашем месте сама бы испытывала некоторое удовольствие. Мне кажется, между нами есть некоторое сходство.

Он поклонился.

— Если и не в характере, — добавила она, смутившись, — то в нашей судьбе. Судьба была настолько к нам благосклонна, что связала нас с людьми, которые намного превосходят нас.

— Верно, верно, — растроганно согласился он. — Нет, для вас это неверно. Превзойти вас невозможно, однако верно для меня… Она — совершеннейший ангел. Взгляните на нее! Разве не похожа она на ангела? Понаблюдайте за поворотом ее головы! Посмотрите, какие у нее глаза, когда она поднимает взгляд на моего отца… Вам будет приятно узнать, — продолжал он, склоняя к ней голову и понижая голос, — что дядя намерен подарить ей все тетушкины драгоценности. Их только необходимо вставить в новую оправу. Я решил, что из части камней надо сделать диадему. Разве не прелестно будет смотреться диадема в ее темных волосах?

— Очень красиво, — искренне согласилась Эмма.

Он так возрадовался, что с благодарностью выпалил:

— Какое удовольствие — видеть вас снова! Да еще такой довольной! Я ни за что на свете не пропустил бы эту встречу. Откажись вы приехать сюда, я бы непременно заявился с визитом в Хартфилд.

Остальные говорили о малышке: миссис Уэстон рассказывала о том, как она накануне разволновалась, потому что ей показалось, будто малышка

неважно выглядит. Она понимает, что это глупо, однако вид дочки настолько встревожил ее, что она уже готова была послать за мистером Перри. Возможно, ей надлежит стыдиться своей слабости, впрочем, мистер Уэстон заволновался почти так же сильно, как и она сама. Но через десять минут младенец уже снова был весел и доволен… Счастливое окончание истории было особенно интересным для мистера Вудхауса, он похвалил миссис Уэстон за намерение позвать Перри и пожалел, что она так не поступила. Ей следует всегда посылать за Перри, если есть хоть малейшее подозрение, что ребенку что-то угрожает — пусть даже это будет секундное впечатление. Лучше переусердствовать и лишний раз послать за Перри. Вот и вчера зря не послали за ним! Хотя сейчас младенец и выглядит здоровеньким и веселым, его все же не мешало бы осмотреть.

Фрэнк Черчилль услыхал фамилию аптекаря.

— Перри! — прошептал он Эмме, пытаясь в то же время поймать взгляд мисс Ферфакс. — Мой друг мистер Перри! Что там говорят о мистере Перри? Он был здесь сегодня утром? Кстати, на чем он сейчас ездит? Купил карету?

Эмма все вспомнила и тотчас поняла и рассмеялась вместе с ним; судя по смущению Джейн,

было очевидно, что и она все слышит, хотя и притворяется глухой.

— Какой же я видел необычный сон! — воскликнул он. — Без смеха невозможно вспомнить!

Она слышит, слышит нас, мисс Вудхаус. Я вижу это по ее щечкам, по ее улыбке, ее напрасным потугам нахмуриться. Посмотрите на нее! Разве вы не видите: в этот самый миг она вспоминает отрывок из собственного письма, из которого я и узнал новость. Она заново переживает свою оплошность — разве не видите? Она больше ни о чем не может думать, хоть и притворяется, будто слушает остальных!

Джейн против воли улыбнулась, но тут же повернулась к жениху и сказала смущенно, негромко, но твердо:

— Как смеете вы напоминать мне о моей оплошности? Правда, такие воспоминания иногда приходят на ум сами, но зачем же лелеять их?

Он с готовностью пустился в пространные объяснения и говорил очень занимательно, но Эмма в этом споре всей душой стала на сторону Джейн… Покидая Рэндаллс, она принялась невольно — это было вполне естественно — сравнивать двоих женихов и поняла: как ни была она

рада видеть Фрэнка Черчилля, чтобы помириться с ним, никогда еще она так остро не ощущала, насколько мистер Найтли превосходит его как личность. Удовольствие этого самого счастливого дня получило свое завершение в занимательных мыслях о его добродетелях, ставших неизбежным следствием такого рода сравнений.

Глава 55

Если у Эммы до сих пор временами еще и вспыхивало беспокойство за Харриет, если иногда она и испытывала сомнения по поводу того, на самом ли деле исцелилась подруга от склонности к мистеру Найтли и на самом ли деле без всяких задних мыслей согласилась выйти за другого, то очень скоро она полностью отринула всякую неопределенность на сей счет. Через несколько дней прибыли гости из Лондона, и не успела она и часу наедине пробыть с Харриет, как, к своему глубочайшему удовлетворению, поняла, что, как ни странно, Роберт Мартин целиком занял в ее сердце место мистера Найтли и составлял сейчас все ее виды на счастье.

Харриет было немного не по себе, и вначале она смущалась, однако, признав, что прежде она вела себя самонадеянно и глупо и обманывала себя, девушка, казалось, целиком избавилась от страданий и смущения, прекратила волноваться за прошлое и исполнилась величайшей радости от настоящего и будущего; чтобы выказать подруге свое одобрение, Эмма немедленно

развеяла все ее страхи, встретив ее с самыми искренними поздравлениями. Харриет охотно и во всех подробностях поведала об историческом вечере в цирке Эстли и об обеде на следующий день. Она рассказывала обо всем с величайшим удовольствием. Однако что объясняли все эти подробности? Дело было в том — теперь Эмма могла себе признаться, — что Харриет всегда нравился Роберт Мартин, и то, что он по-прежнему любил ее, сделало его неотразимым в ее глазах. Иного объяснения случившемуся Эмма не видела.

Что бы там ни говорили, а событие было радостным, и каждый день приносил ей новые поводы считать так. Стало известно, кто отец Харриет. Им оказался один купец, достаточно богатый, чтобы положить ей приличное содержание, и достаточно порядочный, чтобы всегда держаться в тени. Вот какой оказалась благородная кровь, за которую Эмма прежде была готова ручаться! Вероятнее всего, кровь Харриет не уступала никакой иной, однако какое родство сулила такая партия мистеру Найтли, или семейству Черчиллей, или даже мистеру Элтону! Достаточно было и пятна незаконного происхождения, а тут еще ни знатности, ни богатства.

Отец ее не противился браку дочери, он весь-

ма радушно обошелся с молодым человеком, словом, все шло так, как и должно было идти. Когда Эмма узнала Роберта Мартина, которого пригласили в Хартфилд специально, чтобы познакомиться, она целиком и полностью одобрила выбор Харриет. Сочетание здравого смысла и несомненных добродетелей наилучшим образом подходило ее подружке. Эмма не сомневалась в том, что Харриет была бы счастлива в браке с любым покладистым мужем, но с ним, в том доме, какой он ей предлагал, можно надеяться на большее — на безопасность, прочное положение в обществе и семейную гармонию. Она будет помещена в круг людей, которые ее любят, но у которых больше здравого смысла, чем у нее, круг достаточно замкнутый, чтобы она почувствовала себя в безопасности, и достаточно занятой, чтобы у нее не было времени скучать. Там она никогда не поддастся искушению, никогда не захочет покинуть домашний очаг, она будет уважаема и счастлива. Эмма признала, что Харриет — счастливейшее существо на свете, раз вызвала такую непреодолимую любовь в этом мужчине, вернее, Харриет по степени счастья уступает лишь ей.

Харриет, вынужденная все больше и больше времени проводить с Мартинами, все реже

бывала в Хартфилде, однако Эмма не жалела. Близился конец их дружбе, им суждено перейти к более спокойным приятельским отношениям, и, к счастью, как оно и должно было быть, как и следовало, новые отношения, казалось, уже начались — самым постепенным, естественным образом.

В последнюю неделю сентября Эмма сопроводила Харриет в церковь и стала свидетельницей того, как рука ее была отдана Роберту Мартину. Она испытала полнейшее удовлетворение, которое не могли испортить никакие неприятные воспоминания, связанные со стоящим между ними мистером Элтоном. Правда, в то время Эмма, скорее всего, и не вспомнила о мистере Элтоне, он навеял разве что мимолетные мысли о том, что и ее скоро этот священник свяжет узами брака у алтаря… Хотя Роберт Мартин и Харриет Смит заключили помолвку последними из трех пар, венчались они первыми.

Джейн Ферфакс уже покинула Хайбери и наслаждалась покоем в семье любимых друзей Кемпбеллов… Мистер Черчилль с племянником также были в Лондоне, ждали только ноября.

Октябрь, промежуточный месяц между сентябрем и ноябрем, наметили для себя Эмма и

мистер Найтли. Они решили, что им следует повенчаться, пока Джон и Изабелла все еще в Хартфилде, чтобы у них была возможность совершить двухнедельное свадебное путешествие — они собирались поехать на море. И Джон, и Изабелла, и прочие друзья согласились с их планом и одобрили его. Но мистер Вудхаус… Как склонить его к согласию? Мистер Вудхаус всегда упоминал об их свадьбе исключительно как о весьма отдаленном событии.

Впервые узнав об их планах, он так расстроился, что жених с невестой почти утратили всякую надежду. Однако второе упоминание причинило ему уже меньше боли. Мистер Вудхаус начал думать о свадьбе как о событии неизбежном, которое он предотвратить не в силах, — весьма многообещающий шаг в направлении его согласия. И все же он не радовался. Напротив, он казался таким обескураженным, что его дочь почти пала духом. Эмма не могла вынести его страданий. Больно было видеть, что он считает себя заброшенным, и, несмотря на то, что оба брата Найтли уверяли ее, что, когда событие свершится, он вскоре и думать забудет об огорчениях, все же она колебалась и не могла отважиться на решительный шаг.

В таком состоянии неуверенности они пребывали до тех пор, пока… нет, на мистера Вудхауса не снизошло внезапное озарение, и его нервная система не претерпела чудесной перемены, но тем не менее оказала им услугу. Однажды у миссис Уэстон украли с птичьего двора всех индюшек — очевидно, к ней залез некий злоумышленник.

Другие птичьи дворы в округе также пострадали. Это мелкое воровство выросло в сознании мистера Вудхауса до размеров настоящей кражи со взломом. Он пришел в сильное волнение и, если бы не сознание того, что он находится под защитой зятя, от тревоги перестал бы, пожалуй, спать по ночам. Сила, решимость и присутствие духа, свойственные обоим братьям Найтли, полностью завоевали его доверие. Пока любой из них защищает его и его владения, Хартфилду ничто не угрожает… Однако мистеру Джону Найтли надлежало вернуться в Лондон к концу первой недели ноября.

В результате такого потрясения мистер Вудхаус добровольно и чуть ли не весело дал свое согласие в тот момент, когда его дочь уже почти утратила надежду на то, что сможет назначить день свадьбы. Через месяц после бракосочетания мистера и миссис Роберт Мартин мистеру Элтону

предстояло соединить руки мистера Найтли и мисс Вудхаус.

Свадьба была вполне похожа на другие свадьбы, где обе стороны не испытывают склонности к вычурности и показному блеску, однако миссис Элтон, судя по подробностям, поведанным ее супругом, сочла эту свадьбу весьма убогой — жалким подобием своей собственной свадьбы. «Белого атласа очень мало, кружевная фата совсем короткая — смотреть не на что! То-то Селина удивится, когда узнает». Но, несмотря на все эти недостатки, желания, надежды, уверенность, предсказания истинных друзей, которые стали свидетелями церемонии, полностью сбылись: союзу сопутствовало полное счастье.

Очарование старомодной повседневности

Сегодня экранизировать любой роман Джейн Остин — все равно что получить беспроигрышный билет в лотерее. О неудаче и речи быть не может, вопрос лишь в том, каким будет успех — большим или очень большим. Феномен такой популярности ее романов — романов без единого трупа, привидения или мало-мальски порядочной любовной сцены — не нуждается в объяснении. Мир уже давно очарован здравомыслием этой старомодной провинциальной старой девы, в котором со всем возможным изяществом сочетаются разум и чувство и которого так мало осталось в современной жизни, а в современной литературе и кино нет совсем. 1995 год — год 220-летия со дня рождения писательницы, — ставший для кинематографа годом Джейн Остин, дал критикам повод признать: «Традиционный быт и нравы английской провинции начала XIX века сегодня обладают особым обаянием — по прошествии двух с половиной столетий эти картины исполнены особой прелести, ка-

кую излучает надежная, не подвергающая себя сомнению жизнь». Ограничить количество экранизаций этой скромной и одновременно великой писательницы может лишь малое количество ее романов.

Общество поклонников Джейн Остин на своем интернет-сайте рекомендует к просмотру «Разум и чувства» по сценарию Эммы Томпсон, режиссера Энга Ли (1995) — 41,5 миллиона долларов в прокате, 7 номинаций на премию «Оскар» и «Оскар за лучший сценарий; «Гордость и предубеждение» (Би-би-си, 1995) — на эту постановку было истрачено 8 миллионов долларов; «Эмму» Дугласа Макграта (1996) и «Доводы рассудка» Роджера Митча по сценарию Ника Диара (Би-би-си, 1995). Этот список страдает чрезмерной краткостью, если учесть, что впервые Джейн Остин экранизировали в 1940 году («Гордость и предубеждение», режиссер Роберт З. Леонард, с Лоуренсом Оливье в роли мистера Дарси).

Что касается романа «Эмма», то существует три его современные экранизации.

Версия Би-би-си — самая длинная, в ней Эмму сыграла Доран Годуин, а мистера Вудхауса — Дональд Экклс. Версия A amp;E славится блестящим актерским составом: Харриет Смит — Саманта

Мортон, Фрэнк Черчилль — Рэймонд Кортлэнд, мисс Бейтс — Прунелла Скэйлс. Ну а американская версия — фильм, который проходит у ценителей под названием «Эмма-96», — оценивается как имеющая определенные изъяны, но в общем и целом удовлетворительная. Все до одной экранизации пользуются массовым спросом и приносят значительный доход, что дало Мартину Эмису право написать: «Похоже, Джейн Остин будет сейчас погорячее Квентина Тарантино…»

Джейн Остин родилась 16 декабря 1775 года в Стивентоне (Хэмпшир, Англия), в семье небогатого сельского пастора. В доме священника бытовали совсем не чопорные нравы, там устраивали любительские спектакли; с увлечением читали романы, когда чтение романов еще считалось занятием сомнительным; восторженно слушали юношеские комические сочинения Джейн. У нее было шестеро братьев, почти все они получили прекрасное образование и сделали блестящую карьеру на юридическом или военном поприще. Ее лучшей подругой была сестра Кассандра. Не получив почти никакого формального образования, Джейн много читала (среди ее любимых авторов Генри Филдинг, Лоренс Стерн, Самюэл Ричардсон, Вальтер Скотт) и довольно рано нача-

ла сочинять забавные и назидательные пародии на различные признанные образцы литературы XVIII века — от сентиментальных романов до «Истории Англии» Оливера Голдсмита (среди них «Любовь и дружба», написанная в 14 лет).

Судьба Остин не блещет авантюрами и удивительными приключениями — она не вышла замуж и провела всю жизнь в кругу любящих родственников. Тихая, провинциальная жизнь оказалась благотворной для творческого дара писательницы, из нее она черпала сюжеты своих романов, повествующих, по ее собственным словам, всего лишь о двух-трех семействах. Самыми известными из них считаются шесть: «Чувство и чувствительность» (1812), «Гордость и предубеждение» (1813), «Мэнсфилд-парк» (1814), «Эмма» (1816), «Нортенгерское аббатство» (1818) и «Доводы рассудка» (1818).

Джейн Остин прожила на свете неполных 42 года, умерла 18 июля 1817 года, по всей видимости, от болезни Аддисона и похоронена в Уинчестерском соборе. Творческий успех не оказал особого влияния на жизнь реальной мисс Остин. Насколько можно судить по ее письмам и воспоминаниям родных, она до самого конца оставалась прежде всего жизнерадостной, внимательной, нежной и

ласково-ироничной дочерью, сестрой и теткой в своей большой и любящей семье. В течение всей жизни Джейн Остин заработала литературой меньше сорока фунтов стерлингов.

Критика того времени восприняла романы «некоей леди» с известной доброжелательностью. Нашлись и скептики: «Точное воспроизведение обыденных лиц. Ни одного яркого образа. Возможно, она разумна, реалистична… но великой ее никак не назовешь» — так, словно предчувствуя в Джейн Остин соперницу, писала о ней Шарлотта Бронте. Современные же литературоведы говорят о писательнице с глубочайшим почтением и горячей любовью. «Произведениям Остин одинаково свойственны как сдержанность стилистической манеры, так и психологическая насыщенность образов; ее романы сочетают камерность изображения с удивительной широтой охвата жизненных явлений. Мы узнаем из ее книг о самых разных аспектах жизни Англии рубежа XVIII–XIX веков; об экономике, политике, социальном устройстве, церкви, институте брака в те времена, о нравах, быте, манерах, одежде». Ее продолжателями сегодня называют Джорджа Элиота и Генри Джеймса. Но настоящий бум вокруг ее имени начался, когда Джейн Остин

открыл для себя XX век. Сомерсет Моэм считал «Мэнсфилд-парк» лучшим английским романом. Джейн Остин восхищались старомодные викторианцы и ультрамодные декаденты. «Из всех великих писателей ее труднее всего уличить в величии, ей присуща особая законченность и совершенство», — писала Вирджиния Вулф. «Неизвестный роман Джейн Остин доставил бы нам гораздо больше истинной радости, чем любое другое литературное произведение, за исключением разве что новой пьесы Шекспира» — таков отзыв американки Маргарет Дрэббл. В начале XX века особенно преданных поклонников писательницы стали называть джейнистами. «Она — страсть, кредо, возможно, даже религия», — писал в 1900 году американский прозаик У.Хоулс.

Роман «Эмма» Джейн Остин начала писать в январе 1814 года и закончила его годом позже, в марте 1815-го. Ко времени завершения книги ей было 39 лет. «Эмму» издали в конце 1815 года. Из 2000 экземпляров в течение последующих четырех лет 563 — больше чем четверть — все еще оставались нераспроданными. Остин умерла через полтора года после публикации. «Эмма» стал ее четвертым и последним романом, изданным при жизни. Все свои романы писательница

издавала анонимно, от лица некоей «леди», и громкой литературной славой пользоваться не могла, хотя успехом насладиться успела: три ее романа выдержали по два издания, в особенности хвалили «Гордость и предубеждение», а об «Эмме» одобрительно отозвался сам Вальтер Скотт.

«Эмма» является кульминацией гения Джейн Остин, ярчайшим образцом ее комического письма, блистательной комедией о любви и браке. Тема романа — самообман. Эмма Вудхаус представлена как девушка «хорошенькая, умная и богатая», героиня, которая, как замечала Джейн Остин, «вряд ли придется по нраву кому-либо, кроме меня самой». К тому же Эмма наделена богатым воображением — она «охвачена огнем предположений и предвидений», и именно это ее свойство, в сущности, плетет незамысловатую и изящную кайму романа. Из высокомерной и самовлюбленной юной леди очаровательная Эмма постепенно превращается в смирную, раскаявшуюся барышню, готовую выйти замуж за человека, который способен защитить ее от ее собственных ошибок. Рональд Блайт назвал «Эмму» «самой счастливой из всех любовных историй, самым изощренным из детективов и несравненным образцом английского остроумия».

За сценарий фильма взялся Дуглас Макграт (род. 1958), известный в киношном мире как сценарист Вуди Аллена («Пули над Бродвеем», 1994 — за этот фильм он был номинирован на «Оскар», которого, правда, не получил). «Эмма» стала его режиссерским дебютом. Макграт, несмотря на шотландскую фамилию, стопроцентный американец, поэтому от его экранизации классической книги можно было ожидать не столько тонкого проникновения в психологию, сколько желания сделать все поярче и попроще. И вправду, макгратовская версия «Эммы» не слишком английская. Да и на роль самой Эммы была выбрана актриса, которая больше походит на фотомодель, чем на образец изящества и добродетели во вкусе XVIII века, — Гвинет Пэлтроу.

Гвинет Кэйт Пэлтроу — дочь знаменитого режиссера и продюсера Брюса Пэлтроу и актрисы Блайт Дэннер, родилась 28 сентября 1973 года в Лос-Анджелесе. В 11 лет родители перевезли ее в Нью-Йорк. Окончив школу, Пэлтроу поступила в университет Калифорнии в Санта-Барбаре, где изучала антропологию и историю искусств. Однако в 1991 году она бросает университет, чтобы посвятить себя актерской карьере. Нужно отдать должное, сделать это ей было нетрудно.

Знаменитые родители, имеющие нужные связи, вполне могли обеспечить дочери прямую дорогу к голливудским вершинам. Впервые Гвинет вышла на сцену вместе с матерью в спектакле «Пикник» Уильямстоунского театра. Дебютом в кино стал фильм «Вопль» с Джоном Траволтой (1991) — девушка согласилась поработать на озвучивании, но неожиданно ей предложили небольшую роль. В том же году она снялась у друга своего отца, режиссера Стивена Спилберга, в роли Венди в «Капитане Крюке» — фильме о приключениях Питера Пэна. И хотя в последние годы Гвинет сыграла несколько запоминающихся ролей («Плоть и кость» (1993), «Миссис Паркер и порочный круг» (1994), «Джефферсон в Париже» (1995)), публика знала ее скорее как подружку Брэда Пита, с которым она познакомилась на съемках триллера «Семь» (1995).

«Эмма» Макграта стала для нее настоящей удачей. В сущности, она во многом сыграла саму себя — девушку из хорошей семьи: умную, воспитанную, в меру легкомысленную, не встречавшую на своем жизненном пути особых трудностей, но при этом вовсе не бездушную или испорченную. Пэлтроу, как и Эмма, не блещет какими-то исключительными талантами, однако те, что

имеются, получили неплохое развитие. И хотя Пэлтроу весь фильм морщит лоб, чего ни девушки, ни дамы в начале XIX века себе не позволяли, в ней есть обаяние и органичность, так что с выбором актрисы режиссер попал в точку. После этого фильма на Пэлтроу стали смотреть как на серьезную актрису, в списке ее работ замелькали главные роли. Подлинный успех пришел к ней в 1998 году, когда на экраны вышло сразу пять фильмов с ее участием. За один из них — мелодраму «Влюбленный Шекспир» Джона Мэддэна — она получила «Оскара», обойдя в состязании таких безупречно талантливых актрис, как Мэрил Стрип, Кейт Бланшетт и Эмили Уотсон. Критики, правда, и по сей день спорят о том, почему главный киношный трофей достался именно Пэлтроу — ничего сверхъестественного в фильме она не продемонстрировала. И все же «Оскар» принес актрисе мировую славу, а такие фильмы, как «Осторожно, двери закрываются!» (1998), «Большие надежды» (1998) и «Талантливый мистер Рипли» (1999), подтвердили успех.

В личной жизни Гвинет не на что пожаловаться. После разрыва с Брэдом Питом она завела короткую интрижку с Леонардо Ди Каприо, потом журналисты с увлечением следили за ее

романами с Беном Аффлеком («Оскар» за лучший сценарий к «Умнице Уиллу Хантингу») и позднее с английским актером Джозефом Файнсом. Сегодня она вполне счастлива. Играет в лондонском театре, мечтает обосноваться где-нибудь в Европе, ходит по музеям и занимается йогой. Недавно в прессе промелькнуло сообщение о том, что Пэлтроу купила себе маленький подарок — мобильный телефон стоимостью в 15 тысяч фунтов стерлингов. Что ж, она вполне может себе это позволить, ведь ее гонорары составляют 10 миллионов долларов: Пэлтроу последние пять — семь лет входит в число самых высокооплачиваемых звезд Голливуда.

Следует признать, что, подбирая актеров для своего первого фильма, Дуглас Макграт проявил большую дальновидность. Джейнистов в мире не так много, поэтому обеспечить ленте долгую и счастливую жизнь на видео могут лишь имена актеров, способных вновь и вновь возвращать фильм в поле зрения благосклонной публики. И если Гвинет Пэлтроу, несмотря на награды, гонорары и больших родителей, все-таки остается всего лишь девушкой «приятной во всех отношениях», то исполнитель ролей второго плана Эван Макгрегор за несколько лет, прошедших после

«Эммы», перешел в разряд прямо-таки культовых фигур современного кино.

Эван Гордон Макгрегор родился 31 марта 1971 года в маленьком городишке Крифф (Портшир) на побережье Шотландии. Его родители, в отличие от родителей Пэлтроу, были людьми простыми, но сына любили не менее горячо. Имелся еще и дядюшка — Деннис Лоусон, работавший с самим Джорджем Лукасом (он играл пилота Уэджа в «Звездных войнах»). Вместе с братом Колином Эван Макгрегор посещал частную академию Морисона, где их отец Джим был инструктором физкультуры. Брат Колин отлично учился и мечтал стать летчиком. Эван был его полной противоположностью. Он целый день носился по улицам, размахивая копией джедайского «лайт-сабера», играл на барабанах в местной группе, гонял на мотоцикле и ежедневно удивлял родителей новым оттенком волос.

Зная характер Эвана, родители разрешили ему в 16 лет уйти из школы и устроиться в городской театр передвигать декорации за 50 фунтов в неделю. У Макгрегора не заняло много времени поменять закулисную роль на главную в постановке «Послание в Индию». После нескольких лет изучения актерского мастерства в колледже

«Киркэдли» и лондонской Школе музыки и театрального искусства (Эван отправился в Лондон из-за любви, но об этой истории, кроме него, никто ничего не знает) он получил роль в сериале легендарного режиссера Денниса Поттера «Губная помада на твоем воротничке», где сыграл клерка, одержимого Элвисом Пресли.

После выхода «Губной помады» Эван присоединился к трио, которое изменило его молодую жизнь и раз и навсегда сделало «самым популярным английским актером со времен Хью Гранта и самым сексуальным шотландцем со времен Шона Коннери». Вместе с режиссером Дэнни Бойлом, продюсером Эндрю Макдональдом и писателем Джоном Ходжем он снял ужасающий триллер «Неглубокая могила» (1995) — о трех соседях, одержимых жадностью, которые избавились от своего жильца, чтобы завладеть чемоданом с деньгами. Макгрегор сыграл в нем роль газетчика Алекса Лоу.

Несмотря на жизнь в Лондоне, Макгрегор никак не хотел превращаться в респектабельного английского джентльмена. Он носил рваные джинсы, свитера грубой вязки, мог запросто ляпнуть какую-нибудь дерзость. «Мы долго воевали со спонсорами, чтобы Звана утвердили

на роль в моем фильме», — вспоминает Дэнни Бойл. Критики были в восторге, однако большого кассового успеха фильм не имел. Чего нельзя сказать о следующей ленте, ставшей культовой для целого поколения молодых людей. Фильм «На игле» (1996) — второй по популярности в Великобритании после «Четырех свадеб и одних похорон». Макгрегор сыграл в нем философствующего наркомана Марка Рентона («Кому нужно благоразумие, когда у тебя есть героин?»). Чтобы наполниться маниакальной и ироничной энергией главного героя, Эвану пришлось обрить голову, стать своим в эдинбургском наркоманском притоне и похудеть на 20 килограммов.

Именно в таком виде актер и явился на пробы к фильму «Эмма», претендуя на роль Фрэнка Черчилля. «Когда Макгрегор пришел ко мне на пробы, — вспоминает Макграт, — я решил, что надо мной кто-то глупо подшутил. Передо мной стоял тощий парень с ввалившимися глазами на землистом лице и трясущимися руками. Он производил впечатление человека, находящегося на последней стадии наркотической зависимости. Как я должен был сделать из него очаровательного молодого человека по стандартам 1850 года?» И тем не менее, это частично удалось. Макгрегор

в «Эмме» поражает воображение неприлично длинными растрепанными волосами, но очарования в нем хоть отбавляй.

Карьера Макгрегора становилась все успешнее. Он сыграл в «Интимном дневнике» Питера Гринуэя, в «Мулен-Руж» База Лурманна и стал кумиром всех поколений, исполнив роль Оби-Ван Кеноби в Эпизоде 1 и Эпизоде 2 «Звездных войн» Джорджа Лукаса. Говорят, в конце съемок Макгрегор пытался стащить джедайский меч, но его поймали и меч отобрали, а заодно заставили подписать контракт о неразглашении секретов его производства.

В личной жизни, однако, Эван Макгрегор удивительно напоминает своего героя Фрэнка Черчилля. За внешностью бонвивана и любителя сомнительных шуток скрывается примерный семьянин, верный муж и превосходный отец. Эван Макгрегор женат на француженке Эве Мавракис, она дизайнер и на четыре года старше мужа. Макгрегор не замечен ни в каких романах на стороне (даже разведенной красотке Николь Кидман, с которой он снимался в «Мулен-Руж», актер искренне сочувствовал, но не более того). У него две дочери. «Господи, мой брак — это совершенство. За что мне так повезло?» — вопрошал Эван, узнав

о рождении второй дочери. Макгрегор не любит Голливуд и живет в Лондоне, в доме, который купил для семьи несколько лет назад. «Знаете, недавно умер мой друг, — рассказывал Макгрегор журналистам. — Вокруг него были его родные, и я вдруг понял: лучшее, на что ты можешь рассчитывать в жизни, — это, умирая, видеть свою семью. Вы же не хотите, чтобы в последний час с вами были коллеги по работе…»

Что касается других актеров, сыгравших в «Эмме» Макграта, — Джереми Нортама (мистер Найтли), Тони Коллетт (Харриет Смит), Элана Каммингса, Греты Скакки, Джульет Стивенсон, — то они справились со своей работой вполне достойно. Нарекания убежденных джейнистов вызывает в большей степени небрежность сценария, из которой проистекают ошибки в исполнении актерами той или иной роли. Поскольку сценарий фильма писал все тот же Макграт — сподвижник Вуди Аллена, именно влиянию Аллена приписывают некоторое упрощение, насмешку, цинизм, а то и вовсе неверную трактовку образов любимых, хотя и второстепенных персонажей. Например, Харриет Смит в исполнении блистательной австралийки Тони Коллетт уж чересчур проста и глупа, мистер Вудхаус —

брезглив, брюзглив и совершенно не к месту и не ко времени рассуждает о вреде холестерина, мистер Найтли слишком мягок. Есть и фактические упреки — джентльмен, танцующий на балу, прежде чем пригласить даму, должен был бы надеть перчатки; нападение цыган на девушку, которая является хозяйкой всей округи, в описанное время было просто немыслимо; сплетню о Джейн Ферфакс разносит Фрэнк Черчилль, что не добавляет его образу ничего хорошего, тогда как в книге автором сплетни была Эмма.

Разумеется, в фильме пышность и блеск соответствуют вложенным в него деньгам — Пэлтроу в каждой сцене является в новом наряде и с новой прической; на декорациях тоже не экономили; работа оператора, художника-постановщика и всей съемочной группы так и просит оценить ее по достоинству. Несмотря на все недочеты, фильм «Эмма» в результате оказался гораздо ближе к оригиналу, чем можно было ожидать. В нем есть мягкое обаяние, которое чувствуешь не сразу, а только тогда, когда перестаешь сопротивляться и высматривать неточности и неувязки. Критики, которые, по собственному признанию, едва сумели прочесть 20 страниц из романа Джейн Остин, находят кинопроизведение восхититель-

ным и весьма благосклонно рекомендуют его смотрящей, а также и читающей публике. «Эмма» собрала в американском прокате 22 миллиона 201 тысяч долларов, что, безусловно, означает серьезный коммерческий успех. Конечно, можно сказать, что американцы прагматически воспринимают романы «воспитания чувств», созданные Джейн Остин два века назад. Они стремятся к политкорректному избавлению от «основных инстинктов» и «первобытных страхов», поиску идеального баланса между здравым смыслом и чувствительностью. Заокеанская публика жаждет перевоспитания, обращаясь к сочинениям Джейн Остин на матримониальные темы, словно хочет научиться разумно жениться и с толком жить. И в последнее время готова для этого поступиться и своей гордостью, и своим предубеждением. Кстати, Дуглас Макграт в 2002 году снова вернулся к теме неувядающей английской классики и снял фильм «Николас Никльби» по Чарльзу Диккенсу — современнику Джейн Остин и ее соратнику по литературному цеху.

В России «Эмма» выпущена на видеокассетах компанией «Премьер Видео Фильм» и на DVD фирмой «Премьер Диджитал».

Ольга Крутилина.